

САНСКРИТ

Т. БАРРОУ

САНСКРИТ

Т. БАРРОУ

THE SANSKRIT LANGUAGE

**BY
THOMAS BURROW**

London
Faber and Faber
(1955), 2nd edition (1959)

Т. БАРРОУ

САНСКРИТ

Перевод с английского
Н. ЛАРИНОЙ

Редакция и комментарий
Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»,
МОСКВА 1976

АННОТАЦИЯ

Открытие древнего языка Индии — санскрита европейскими учеными в конце XVIII столетия явилось началом разработки сравнительной грамматики индоевропейских языков и в конечном счете всей современной лингвистики. Предлагаемая вниманию читателя книга, вышедшая в Лондоне в 1955 году и переизданная в 1959, содержит развернутое и детальное описание соотношения санскрита с другими индоевропейскими языками, краткий очерк истории этого древнего языка, а также компактно и ясно изложенную систему фонологии, словообразования и морфологии имен, глагола и других частей речи. В отдельной главе рассматривается неарийское влияние на санскрит. К книге приложены краткая библиография и указатель санскритских примеров. В целом книга Барроу представляет ценный и единственный в своем роде опыт изложения основ санскритской грамматики в сравнительном и историческом плане на основе исследований XX века. Книга имеет в виду широкий круг читателей — филологов-компаративистов, историков, студентов.

© Перевод на русский язык и примечания
Издательство «Прогресс» 1976 г.

Редакция литературы по лингвистике

Б $\frac{70101-018}{006(01)-76}$ 142—76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Открытие санскрита европейскими учеными в конце XVIII в. было отправной точкой, с которой началась разработка сравнительной грамматики индоевропейских языков и в конечном счете всей современной лингвистики. Несмотря на это, на английском языке нет книги, дающей систематическое описание санскрита в его связи с другими индоевропейскими языками. Можно даже пойти дальше и сказать, что ни на одном языке нет работы, которая бы должным образом выполняла эту задачу. Большой труд Вакернагеля (Wackernagel)*, начатый шестьдесят лет тому назад, все еще остается незавершенным, хотя после недавнего появления следующего выпуска этой работы завершение ее стало близким. Учебник санскрита Тумба (Thum b), прослуживший многим поколениям изучающих санскрит, теперь сильно устарел, да он и всегда несколько терял из-за своей двойственности, будучи одновременно и элементарным учебником и трактатом по сравнительной грамматике санскрита.

Благодаря своей древности и хорошо сохранившейся структуре санскрит исключительно важен для изучения индоевропейского состояния, и современное изложение его сравнительной грамматики необходимо не только для изучающих санскрит, но и для тех, кто интересуется любой отраслью индоевропейского языкознания. Поэтому, когда меня попросили написать книгу о санскрите для серии «Великие языки», было ясно, что привлечь внимание к изучению санскрита с этой точки зрения значило бы удовлетворить самую насущную потребность. Это особенно необходимо потому, что по истории индоевропейского языка в пределах Индии, от санскрита до наших дней, ученые уже имеют в своем распоряжении превосходную работу Жюля Блока (Jules Bloch).

* Все цитируемые авторы и их работы перечислены в Библиографии в конце книги (см. стр. 363).

Однако основательное изложение санскрита в его отношении к индоевропейскому является в настоящий момент не очень простой задачей. Сорок лет назад существовала общепризнанная индоевропейская теория, которая систематически излагалась в начале века у Бругмана («Очерк сравнительной грамматики индоевропейских языков»), и вопрос был только в том, как применить общепризнанную доктрину к нуждам исследователя или вообще читателя, а также к любому описываемому языку. С тех пор открытие хеттского языка революционизировало индоевропейские исследования, и старая теория рушится в свете новых данных. Вследствие этого индоевропейские исследования находятся сейчас в состоянии постоянного изменения. Появились новые теории — и они явно нужны, — но процесс еще не завершился, и мы не имеем общепризнанной доктрины, которая заменила бы старую, а многие из основных спорных вопросов продолжают дискутироваться. К тому же имеется тенденция сконцентрировать внимание главным образом на фонетических вопросах в свете хеттского языка, а морфология, для которой данные хеттского языка также чрезвычайно важны, изучается не так основательно.

При таких обстоятельствах я стремился дать систематическое изложение сравнительной грамматики санскрита, базирующееся на новых данных. В подобной работе невозможно входить в обсуждение различных борющихся сейчас противоречивых теорий, хотя бы из-за недостатка места, поэтому библиографические ссылки систематически опускаются; но мы приняли во внимание то, что написано об этих проблемах за последнее время, и те теории, которые кажутся нам приемлемыми, включены в наше изложение. Надеемся, что наша книга представляет на сегодняшний день некоторый итог той разработки вопросов, с которой в настоящее время невозможно ознакомиться, не изучив рассеянной во многих изданиях специальной литературы. За последнее время изучение санскрита продвинулось вперед и в другом направлении. Исследование влияния доарийских языков Индии на санскрит и на индоарийский в его последующих стадиях развития показало, что воздействие их было значительно, и в этом направлении достигнуты определенные результаты. Что касается структуры языка, особенно на его ранней стадии развития — а только это важно при сравнительном изучении индоевропейского, — то с этим влиянием можно почти не считаться. С другой стороны, в области лексики очень важно проводить различие между индоевропейскими и неиндоевропейскими элементами. Последняя глава этой книги содержит краткий обзор основных достижений в этой области за последнее время. Дальнейшая работа, несомненно, увеличит их число.

Т. Барроу

САНСКРИТ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ

§ 1. Индоарийский и индоиранский

В настоящее время в большей части Индии говорят на языках, произошедших от одного языка, принесенного в Индию завоевателями с северо-запада более трех тысяч лет назад. Вторгшиеся народы назывались на их собственном языке *ārya*-; это слово употреблялось и как прилагательное, означавшее «знатный, благородный». За ними в Азии остались родственные народы, постепенно занявшие все Иранское нагорье и обширные пространства Центральной Азии. Эти народы называли себя тем же самым именем, на языке Авесты *airya*, и от родительного падежа множественного числа этого слова образовалось в конце концов современное название *Иран* (*Īrān*). В соответствии с этим употреблением термин «арийский» употребляется теперь как общее название этих народов и их языков, наряду с этим широко применяется также термин «индоиранский». Чтобы отличить индийскую ветвь от иранской, был создан термин «индоарийский», который в применении к языку покрывает все языки и диалекты, произошедшие из этого источника с самых давних времен до наших дней. Обычно различают три периода: древний, средний и современный. Для классической формы древнего языка местные грамматисты употребляли название *saṃskṛta*, обозначающее «обработанный, литературный, правильный (соответствующий правилам грамматики)», в противоположность *prākṛta*, как языку необразованных масс, — того же индоарийского происхождения, но подвергавшемуся постоянным изменениям и эволюционировавшему. Как термин для различения индоарийских и неарийских языков употреблялось прилагательное *ārya* — в противоположность *mlecchā*- «варварский». В дополнение к этому можно заметить, что одним из наименований речи индийцев было *bhārati* (sc. *vāk*), что первоначально имело этническое значение «язык бхаратов»¹.

¹ *Bhārata* в древний период было самым выдающимся из индоарийских племен, откуда и теперешнее туземное название Индии — *bhārata* (-varṣa).

Термин «санскрит» в узком смысле применяется к нормативному классическому санскриту, соответствующему правилам грамматистов, но этот термин легко можно использовать и шире, как эквивалент древнего индоарийского. В этом смысле термин этот покрывает и классический санскрит, и доклассический, или ведический, язык. Средний индоарийский, то есть пракрит в самом широком смысле этого термина, охватывает три последовательные стадии развития: (1) Наиболее ранняя стадия представлена в литературе пали, языка канонических текстов буддийской школы *thera-vāda*. Это язык столетий, непосредственно предшествующих новой эре. На том же уровне развития находятся различные диалекты, отраженные в надписях царя Ашоки (ок. 250 г. до н. э.), а также язык других ранних надписей. (2) Практикрит в более узком смысле слова, или нормативный литературный пракрит, представляет ту стадию развития, которая была достигнута языком через несколько столетий после начала новой эры. Он встречается главным образом в драме и в религиозных текстах джайнов. В этот период литературные формы пракрита были стабилизированы грамматистами, и как литературный язык он остается без существенных изменений в течение последующих столетий. (3) Апабхрانشа (*apabhraṃśa*) известен из текстов X века н. э., но как литературный язык он сформировался несколькими столетиями раньше. Он представляет конечную стадию среднего индоарийского, стадию, непосредственно предшествовавшую возникновению современных индоарийских языков. Современные языки — бенгали, хинди, гуджарати, маратхи и т. д. — засвидетельствованы приблизительно с конца первого тысячелетия н. э., и с тех пор можно проследить их развитие до современного состояния.

Таким образом, в Индии перед нами проходит три тысячелетия непрерывной языковой истории, отраженной в литературных памятниках. В течение этого времени единый и иноземный по происхождению диалект распространился на большей части страны и, медленно развиваясь, дал в результате различные языки, на которых говорят теперь в Северной и Центральной Индии. За это время произошли громадные изменения, и языки, на которых говорят индийцы сегодня, сильно отличаются от древней речи вторгшихся некогда в Индию арийских племен. Однако сохранившаяся документация дает нам возможность детально проследить различные промежуточные стадии развития и увидеть, как путем едва заметных изменений из поколения в поколение первоначальный язык видоизменился в позднейшие языки, которые на первый взгляд едва ли можно отождествить.

Самым ранним памятником лингвистической истории индоарийского является Ригведа (*Rgveda*), весьма предположительно относимая к периоду около 1000 г. до н. э. Язык, с которым мы там встречаемся, является источником, из которого развились все позднейшие языки Индии. Но сам он развился из еще более

ранней формы речи, тем же точно медленным ходом изменений и преобразований, которые постепенно заставили его превратиться в нечто иное. Эта ранняя эволюция не засвидетельствована никакой непосредственной документацией, но ее можно реконструировать довольно детально путем сравнения с родственными языками. Таким методом можно установить две стадии в предстории индоарийского:

1) Путем сравнения раннего индоарийского языка с очень близким ему иранским можно получить довольно точное представление о первоначальном индоиранском, или арийском, языке, из которого развились оба эти языка.

2) Сравнивая индоарийский и иранский с другими индоевропейскими языками (перечисленными ниже), возможно также пойти дальше и реконструировать в общих чертах особенности того исходного языка, из которого все они произошли.

Иранский ввиду его очень близкого родства с индоарийским чрезвычайно важен для индоарийской филологии, поэтому следует дать краткое описание его распространения и документации. Миграция индоарийцев в Индию вызвала или, может быть, была последней стадией разделения первоначальной арийской общности на две отдельные ветви, которые с тех пор стали развиваться самостоятельно как в языковом, так и в других отношениях. Иранцы, оставшиеся в долине реки Оксус (Аму-Дарья)¹, стали быстро расселяться в разных направлениях, занимая не только Иранское плато, всегда остававшееся центром их распространения, но и обширные пространства Центральной Азии, доходя с одной стороны до границ Китая, а с другой — до южнорусских степей. С древнейшей поры иранский проявлял очень заметную тенденцию к дифференциации на отдельные диалекты, которые вскоре стали самостоятельными языками; не так было с индоарийским, который по географическим и иным причинам сохранял относительное единство на большей части территории Северной Индии в течение очень длительного периода.

Для древнего периода иранский представлен документами на языке Авесты и древнеперсидском, и именно эти тексты наиболее важны для сравнения с ведическим санскритом. «Авеста» — название, данное древнему сборнику священных текстов, сохранных последователями зороастрийской религии, и язык назван по имени этого сборника. По-видимому, это был восточноиранский диалект, распространенный в области Хорезма. Древнейшая часть, Гаты (Gāthā), приписывается самому Заратуштре, чья жизнь, согласно местному преданию, может быть отнесена ко времени около 600 г. до н. э. Если принять эту датировку, то древнеиранский оказывается значительно более поздним, чем самые ранние ведические тексты. С другой стороны, язык этот ничуть не менее, а в неко-

---

¹ Воспоминание о Хорезме как о первоначальной родине сохранилось в традициях древних иранцев.

торых случаях и более архаичен, чем язык Ригведы. Древнеперсидский — это югозападный диалект, имеющий тенденцию к модернизации по сравнению с древней Авестой; он сохранился в надписях царей Ахеменидов, выполненных особой клинописью, специально для этого изобретенной.

Связи между древнеиранским и ведическим так тесны, что невозможно успешно изучать один без другого. В области грамматики различия незначительны, главное отличие в древнейший период заключалось в некоторых характерных и весьма определенных фонетических факторах, повлиявших, с одной стороны, на иранский, с другой — на индоарийский. В древнейшей части Авесты вполне возможно подыскать стихи, которые путем замены некоторых звуков согласно установленным фонетическим законам можно превратить во вполне понятный санскрит. Большая часть словаря общая, и можно представить большой список слов, равно входящих в оба языка, но отсутствующих в остальных индоевропейских языках. Это сходство особенно разительно в лексике, связанной с культурой и религией, и может быть проиллюстрировано несколькими примерами: скр. *híraṇya-*, Ав. *zaraṇya-* „золото“; скр. *sénā*, Ав. *haēnā*, др.-перс. *haiṇā* „армия“; скр. *ṛṣṭi-*, др.-перс. *aršti-* „копьё“; скр. *ṣatrá-*, Ав. *xšaθra-* „верховная власть“; скр. *ásura-*, Ав. *ahura-* „повелитель“; скр. *yajñá-*, Ав. *yasna-* „жертва“; скр. *hótar-*, Ав. *zotar-* „жрец, приносящий жертву“; скр. *sóma-*, Ав. *haoma-* „священный напиток *sóma*“; скр. *átharvan-* „класс жрецов“; Ав. *aθaurvan-*, *aθrauan-* „жрец огня“; скр. *agyatán-*, Ав. *airyatán-* „член религиозной общины“. Точно так же мы находим общие имена божеств и мифических персонажей, например: скр. *Mitrá-*, Ав. *miθra-*; скр. *Yamá* = сын *Vivásvant'a*, Ав. *Yima* = сын *Vivahvant'a*; скр. *Aráṃ Nápat*, Ав. *arāṃ parāt* „внук вод“ (божество) и т. д. Однако религиозные реформы в этой области, связанные с именем Заратуштры, значительно изменили картину с иранской стороны. Например, Ав. *daēva-*, др.-перс. *daiva-*, соответствующее санскритскому *devá* „бог“, приняло значение „дьявол“. Точно так же некоторые ведические божества появляются в Авесте как злые духи: скр. *Indra-*, *Násatya-* : Ав. *Indra-*, *Nāñhaiθya-*.

Материал по древнеиранскому несколько ограничен как количественно, так и по числу представленных в нем диалектов. Для среднеиранского периода, главным образом благодаря открытиям нашего века, документация гораздо обширней. Кроме собственно среднеперсидского (пехлеви) мы имеем множество документов на двух основных восточноиранских языках, не представленных в древний период, а именно согдийском и сакском (главным образом на диалекте Хотана, но с фрагментами двух соседних диалектов). Публикация и истолкование материала на этих языках продвигаются быстро и успешно, но результаты исследований не приведены еще в форму, легко доступную для изучающих вообще индоарийское или индоевропейское языкознание. В конечном

счете мы получим немало ценного из этого источника, так как, хотя по древности эти материалы не могут соперничать с Авестой и древнеперсидскими текстами, они являются самостоятельными, ранее не известными ветвями иранского и сохранили некоторые черты, утраченные другими языками в древнейшую пору¹.

В средние века область распространения иранского языка стала очень ограниченной, главным образом в связи с турецкой экспансией. На обширных пространных Центральной Азии иранский вымер уже давно. Он оставался главным образом в Иране, или собственно Персии, где современный персидский язык имеет за собой непрерывную литературную традицию свыше тысячи лет. На периферии этой территории, особенно на индо-иранской границе, имеется еще много менее значительных языков, сохранившихся в узких пределах, и один язык, имеющий значение и до сих пор, а именно пушту, государственный язык Афганистана. На другом конце их области распространения, на Северном Кавказе, сохранился осетинский язык, единственный из многочисленных наречий тех племен, которые вторглись некогда в южную Россию.

§ 2. Первоначальный индоевропейский

Индоиранские языки, кратко описанные нами, образуют все вместе одну ветвь индоевропейской семьи. Открытие исторического родства между членами индоевропейской семьи было непосредственным результатом открытия европейскими учеными в конце XVIII века санскритского языка и литературы. Сходство санскрита и в грамматике, и в словаре с классическими языками Европы заходит так далеко, что ученые, знакомые с латинским и греческим языком, не могли не быть поражены этими совпадениями. Так как до того времени не было ясного представления о действительной сущности развития языков и об их взаимоотношениях, объяснение этой неожиданной, но совершенно неоспоримой близости можно было сделать только после совершенно нового, научного подхода к изучению языка. В своем известном обращении к Королевскому Азиатскому Обществу Бенгалии в 1786 г. сэр Уильям Джонс в общих чертах так обрисовал значение этого нового открытия:

„Санскритский язык, какова бы ни была его древность, имеет изумительную структуру; он совершеннее греческого, богаче латинского и изысканней, чем они оба, однако же обладает столь значительной близостью по отношению к ним обоим и по глагольным корням и по грамматическим формам, что это не могло быть делом случая; близость эта, в самом деле, столь очевидна, что ни один филолог не может исследовать их, не проникаясь

¹ Например, и. - е. слово „поросенок“, лат. *porcus*, лит. *paĩšas*, ранее не было известно в индоиранском, но теперь обнаружено в хотанском *pa'ša*.

убеждением, что они произошли из какого-то общего источника, который, возможно, больше не существует. Есть такое же основание, хотя и не столь обязательное, для предположения, что готский и кельтский языки, хотя и смешались с иными наречиями, тоже имели общее происхождение с санскритом; древнеперсидский язык можно было бы также отнести к этой семье“.

Правильность этих заключений Уильяма Джонса нашла свое подтверждение в последующем развитии сравнительного языкознания, науки, возникающей с этого времени. В течение минувших полутора столетий языки этой семьи являются предметом интенсивного научного исследования. Были достоверно реконструированы основные черты праязыка и детально разработаны особенности исторического и доисторического развития отдельных его ветвей. Методы и принципы исследования совершенствовались и уточнялись, а новые открытия продолжали и продолжают способствовать более широкому и глубокому пониманию предмета. Методы, выработанные при исследовании индоевропейских языков, стали потом с успехом применяться при изучении независимых от них языковых семей (семитской, финноугорской, банту и др.). Все наше языкознание ведет свое начало от мощного стимула, каким было открытие санскрита.

Индоевропейские языки подразделяются на десять основных ветвей. Известно, что кроме них были и другие ветви, которые вымерли, не оставив после себя памятников. Эти десять ветвей следующие:

I. *Арийская*, или *индоиранская*, кратко описанная выше.

II. *Балтийская* (литовский, латышский и вымерший древнепрussкий) и *славянская* (старославянский, или древнеболгарский, русский, польский, чешский, сербохорватский, болгарский и др.). Эти две группы очень близко родственны между собою, однако не так близко, как индоарийский и иранский *. Между ними существуют древние расхождения, делающие невозможной реконструкцию общего балтославянского языка-основы, промежуточного между индоевропейским и современными языками, подобно тому, как может быть реконструирован общий индоиранский язык. Все же ввиду многих черт близкого сходства между ними удобней группировать их вместе под общим названием балтославянских. Самым древним засвидетельствованным славянским языком является старославянский (IX в. н. э.); литовский язык известен только с XVI в.

III. *Армянский*, известный с V в. н. э.

IV. *Албанский*, известный только с нового времени.

Эти четыре группы объединяются под общим названием „группы satəm“, по причинам, которые будут объяснены ниже. Им противопоставляется „группа centum“, в которую входят следующие языки:

V. *Греческий* с очень многочисленными диалектами. Литература начинается с поэм Гомера, около 800 г. до н. э. **, то есть

немного позже времени, к которому обычно относят составление Ригведы.

VI. *Латинский*, развившийся затем в различные романские языки (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский и др.). Памятники начинаются приблизительно с 200 г. до н. э., имеются также скудные надписи более ранней поры.

VII. *Кельтская* группа, состоящая из континентального кельтского, или галльского (вымершего языка), и островного кельтского, подразделившегося на ирландский (гаэльский) и британский (валлийский, корнуэльский и бретонский). Литературные памятники кельтского языка начинаются с древнеирландских глосс VIII в. н. э.

VIII. *Германская* ветвь, которую можно подразделить на восточногерманский, или готский (вымерший язык), северный, или скандинавский и западногерманский, к которому относятся английский и немецкий языки. Самым ранним литературным памятником германских языков является готский перевод Библии, сделанный Вульфиллой (IV в. н. э.).

Еще два значительных члена этой семьи языков, которые нам осталось упомянуть, были открыты в нынешнем столетии. Это:

IX. Так называемый „*тохарский язык*“, сохранившийся в буддийских рукописях, найденных в Китайском Туркестане и датированных VI—X в. н. э. *. Тохарский делится на два диалекта, которые для удобства обозначаются А и Б.

X. *Хеттский*, сохранившийся в клинописных табличках, найденных в Богаз-кёй, в Анатолии, на месте столицы древнего Хеттского царства. Время этих памятников определяется периодом от XIX до XII в. до н. э., но подавляющее их большинство относится к концу этого времени. Это самый древний из засвидетельствованных индоевропейских языков, но вместе с тем он во многом отличается от обычного типа. Открытие его вызвало к жизни много новых интересных проблем.

Кроме основных языков, перечисленных выше, в древности существовало значительное количество других индоевропейских языков, которые вымерли и известны только по скудным остаткам в виде надписей, собственных имен и случайных глосс. Чтобы поместить индоевропейскую семью в правильную перспективу, перечислим самые значительные из этих языков.

XI. *Фракийский*, язык из группы satəm, некогда распространенный на очень большой территории от границ Македонии до южной России.

XII. *Фригийский*, также из группы satəm, представленный в Малой Азии около XII в. до н. э. и, возможно, близкородственный фракийскому.

XIII. *Иллирийский* и его отпрыск в Южной Италии мессапский. От них, вероятно, происходит современный албанский

язык, но другая теория производит албанский от фракийского. Эта неопределенность как нельзя лучше иллюстрирует крайнюю бедность наших сведений об этих древних языках.

XIV. *Оскокоумбрский*, италийские диалекты, довольно близкие латинскому и обычно группируемые с ним под общим названием италийского.

XV. *Венетский* из северо-восточной Италии, язык группы *septim*, западной индоевропейской группы.

XVI. Чтобы закончить этот перечень, следует упомянуть о некоторых древних языках Малой Азии, которые вместе с хеттским образуют особую группу. В хеттских клинописных текстах упоминаются два таких языка — *лувийский* и *палайский*, в них найдено и небольшое количество текстового материала, особенно лувийского. Кроме того, имеется так называемый иероглифический хеттский язык, расшифровка которого теперь значительно продвинулась; он также признается индоевропейским по происхождению.

Языки индоевропейской семьи распространились по всему свету шире, чем языки какой-либо другой языковой семьи. Они образуют большую часть культурных языков человечества. Не удивительно поэтому, что вопрос о первоначальной родине индоевропейского праязыка является предметом многих догадок и предположений. Раньше обычно думали, что родина эта находилась в Центральной Азии и что оттуда последовательные волны эмиграции занесли отдельных представителей этой семьи в Европу. Это основывалось главным образом на том преувеличенном значении, какое приписывалось санскриту, и на смешении древних арийцев (о которых речь была выше) с гораздо более древними индоевропейцами. Как мы видели, весьма вероятно, что индийцы и иранцы начали занимать свои позднейшие владения из Центральной Азии, точнее из долины Аму-Дарьи. Но нет ни малейшей вероятности того, чтобы предки германцев, кельтов, греков и других европейских членов этой семьи когда-нибудь находились поблизости от этой территории. Вследствие этого теперь обычно считают, что их первоначальная родина находилась где-то в Европе. Главный аргумент в пользу этого взгляда прост, но убедителен: именно в Европе мы встречаем наибольшее количество индоевропейских языков в их наибольшем разнообразии и притом с самых ранних засвидетельствованных времен. Уже в древнейший период мы находим, что, с одной стороны, огромные пространства Азии заняты индоиранцами — единым членом этой семьи, тогда еще мало дифференцированным, — а с другой стороны, в Европе на сравнительно небольшой территории сконцентрировано много языков, уже заметно отличающихся друг от друга. Из этого напрашивается вывод, что присутствие индоевропейского в индоиранском ареале есть результат поздней колониальной экспансии, в то время как в Европе наличие с самой древней поры такого большого

разнообразия языков указывает на присутствие там индоевропейского уже в отдаленной древности.

Верно, что открытие в Китайском Туркестане двух тохарских диалектов немного изменило картину и заставило некоторых снова подумать об азиатской родине индоевропейцев. Но добавление только одной новой языковой ветви в Азии явно недостаточно для того, чтобы повернуть стрелку весов в эту сторону. К тому же природа тохарского языка, претерпевшего глубокие и далеко идущие фонетические изменения, говорящие об очень вероятном чуждом влиянии, ясно показывает, что в результате переселения этот язык оказался далеко от своей первоначальной родины. Нечто подобное мы видим и в изменениях, которые произошли в хеттском и родственных ему языках Малой Азии: это объясняется влиянием доиндоевропейских языков, существовавших в этом ареале (протохеттский, хуррийский, урартский и др.). Отсюда мы можем заключить, что эти языки также занесены завоевателями, а так как в древности распределение языков на этой территории было таково, что упомянутые неиндоевропейские языки находились на востоке, а индоевропейские — на западе, то становится очевидным, что завоевания должны были идти с запада, т. е. из Европы через Геллеспонт (Дарданеллы). Указывалось также, что особенности малоазиатской ветви индоевропейского можно объяснить, только предположив, что она отделилась от главного ствола индоевропейского праязыка гораздо раньше, чем начались передвижения, приведшие к окончательному распаду индоевропейского языкового единства. Это означает, что самая ранняя из всех индоевропейских миграций, о которой можно сделать вывод на основании наших данных, и которая должна была произойти задолго до миграции индоиранцев, уже указывает на существование в Европе индоевропейского праязыка.

В пределах Европы мы можем значительно сузить территориальные границы, внутри которых следует искать колыбель индоевропейских языков. Довольно точно установлено, что на Апеннинский и Балканский полуострова индоевропейцы проникли с севера. Расселение кельтов из Центральной Европы во Франции и на Британских островах произошло в сравнительно позднее время (около 500 г. до н. э.). Иберийский полуостров оставался в большей части неиндоевропейским до времен Римской империи, и современный баскский язык является остатком доиндоевропейского языка. Восточная граница определяется тем, что еще до двух азиатских миграций (тохарской и индоиранской) индоевропейский должен был граничить на востоке с древней формой финно-угорского, и существуют некоторые свидетельства контакта между этими двумя семьями языков в доисторический период. Есть основание полагать, что первоначальный центр финно-угорской экспансии лежал между Волгой и Уралом, и это и есть та крайняя граница, за которой нельзя искать сле-

дов индоевропейского языка в ранний период его развития. Таким образом, остается центральная часть Европы от Рейна до центральной и южной России, и возможно, что ко времени индоиранских миграций большая часть этой территории уже давно была занята различными индоевропейскими диалектами.

Определить первоначальную индоевропейскую родину более узкими границами, чем указанные нами, невозможно, да к этому и не стоит стремиться; те, кто пытался сделать это, имели, как правило, ложное представление о сущности «первоначального индоевропейского» и об эпохе самого раннего разделения его. Не следует думать, что эволюция индоевропейского языка протекала так же, как развитие романских языков из латыни, когда различные языки произошли из единого языка, сложившегося в одном городе. В случае же индоевропейского можно утверждать, что такого единого языка, который можно было бы реконструировать путем сравнения известных языков, не существовало. Можно очень легко, более или менее *ad infinitum*, приводить ряды слов вроде скр. *nābhi-*, греч. *ὄμφαλος* «пуп», которые хоть и идут непосредственно из доисторического индоевропейского периода и родственны по корню, все же не сводятся к одному оригиналу. Действительно, детальное сравнение показывает, что индоевропейский праязык, который мы можем таким путем восстановить, был уже глубоко расщеплен на ряд отличающихся друг от друга диалектов.

Проблему «расщепления» индоевропейского надо рассматривать именно с этой точки зрения. Нередко в работах по общей истории или по языкознанию можно было встретить концепцию, что приблизительно около второй половины третьего тысячелетия до н. э. существовал единый, нерасчлененный индоевропейский язык, занимавший сравнительно ограниченный ареал, откуда позже в результате ряда миграций и вышли различные индоевропейские языки тех стран, где мы их теперь находим. Но сейчас выясняется, что именно в этот период миграций разные члены этой семьи языков уже начали приобретать свою историческую форму. Например, когда индоиранцы впервые начали свои миграции из Европы (очень вероятно, около 2000 г. до н. э., как это часто предполагается), они несли с собой не индоевропейский, который они постепенно преобразовали в индоиранский, а именно тот индоиранский язык, который мы можем реконструировать, язык, приобретший свои характерные черты еще на первоначальной европейской родине. Ясно, что с того момента, когда на такой огромной территории началась миграция, должны были исчезнуть все возможности для единого развития индоиранского языка, а следовательно, это единое развитие, которое, как мы уже отметили, несомненно, происходило когда-то, должно было иметь место до начала каких-либо миграций.

Что применимо к индоиранскому, то может быть с тем же основанием отнесено и к другим членам индоевропейской семьи.

Мы уже отмечали глубокие расхождения между различными европейскими членами этой семьи, и их можно объяснить только в том случае, если мы отодвинем период первоначального разделения значительно дальше назад, чем обычно предполагалось. Если когда-то и существовал единый индоевропейский язык, распространившийся из ограниченного ареала, то его эпоха лежит далеко позади того древнейшего периода, который мы в состоянии восстановить путем сравнения. Под «первоначальным индоевропейским языком» надо понимать континуум родственных диалектов, занимавших обширную территорию в Европе (вероятно, большую часть очерченного выше ареала), диалектов, которые уже до периода великих миграций начали принимать характер отдельных языков.

§ 3. Разделение индоевропейского

Вопрос о древних индоевропейских диалектах был предметом многочисленных исследований, давших некоторые полезные результаты. Можно составить довольно ясное представление о распределении этих диалектов в период, предшествовавший появлению отдельных языков. Самым поразительным и важным различием древних диалектов было противопоставление группы *satəm* группе *centum*. Эти две группы названы так в соответствии с тем, как в них отражается индоевропейское *k̑* в слове, обозначающем «100» (и.-е. * *kmtóm*). Языки *centum* сохраняют этот звук без изменения (лат. *centum*, греч. *ἑκατόν*, ирл. *cét*, тох. А *känt*); в языках *satəm* он изменяется в какой-либо свистящий (скр. *śatám*, Ав. *satəm*, лит. *szimtas*, ст.-сл. *съто*). Сходные изменения происходят и с и.-е. *ǵ* и *ǵh*. Эти изменения произошли в индоиранском, балто-славянском, армянском, албанском (возможно, вместе с древним иллирийским), фракийском и, может быть, фригийском. Раз эта особенность распространена так широко и встречается при одних и тех же условиях во всей этой группе, надо предполагать, что изменение это произошло в индоевропейский период, до выделения различных языков, и затронуло целую группу смежных диалектов в пределах индоевропейского ареала. Общность этих диалектов, а также языков, произошедших от них, подтверждается еще и тем, что для этой же группы языков характерна утрата губного элемента в и.-е. ряду *k^w*, *g^w*, *g^wh* (напр., скр. *ká-* „кто?“, лит. *kàs*, противостоящие греч. *λό-θεν*, лат. *quo-d*, гот. *was*).

До открытия тохарского и хеттского языков деление на группы *centum* и *satəm* обычно отождествляли с разделением на западные и восточные индоевропейские языки и считали группу *centum* столь же единой, как и группу *satəm*. Но эта концепция была не вполне приемлемой — не только потому, что греческий язык отрезан от западных индоевропейских языков вклинив-

шимся албанским из группы *satəm*, но и потому, что греческий обладает чертами сходства не столько с западными языками, сколько с языками группы *satəm*. После открытия новых языков, которые несомненно относятся к группе *centum*, стало совершенно невозможно говорить о делении на восточную и западную группы, а кроме того, стало ясно, что единой группы *centum* не существовало. Языки *centum* сходны только в сохранении первоначальных *k̄*, *ǵ*, *ǵh* как смычных, но в языкознании стало уже общим местом, что сохранение одинаковых явлений не обязательно означает близкое родство диалектов или языков. Поэтому мы можем предложить следующее деление индоевропейских диалектов:

I. Центральная группа, которую можно отождествить с языками *satəm*; она характеризуется новообразованиями, о которых говорилось выше.

II. Четыре периферийные диалектальные группы, расположенные вокруг центральной группы, а именно: (1) западная индоевропейская группа, включающая италийские, кельтские и германские языки; (2) греческая группа, имеющая особые связи с центральной группой; (3) восточная индоевропейская группа, остатком которой является тохарский язык; (4) хеттский и другие языки Малой Азии, ранее других отделившиеся от первоначального индоевропейского ядра*.

Историческое размещение индоевропейских языков соответствует в общем этой схеме, только о санскрите следует заметить, что его распространение до крайних восточных пределов индоевропейской области объясняется миграциями сравнительно поздней поры. До этой поры его предок, первоначальный индоиранский, должен был занимать достаточно центральное положение, находясь в непосредственном контакте с другими диалектами группы *satəm* и имея на восток от себя ту форму индоевропейского, которая в конечном счете дала тохарские диалекты А и Б в Китайском Туркестане. Его положение можно определить еще точнее благодаря особенно тесным связям, которые, оказывается, существовали между ним и балто-славянским. Но раз балты и славяне, по-видимому, продвинулись недалеко от тех позиций, которые они занимали в самый ранний период их засвидетельствованной истории, то первоначальное местоположение индоиранского на юго-востоке от этого ареала становится весьма вероятным.

Западная группа индоевропейских языков, состоящая из италийских, кельтских и германских, отличается общими чертами в грамматике и словаре, что указывает на их довольно тесные взаимные связи в доисторические времена. Эти связи особенно тесны между италийским и кельтским, хотя они и не являются достаточными для подтверждения теории о существовании общего италокельтского языка. Связи германского с двумя другими группами не так тесны, но тем не менее они вполне определены.

В то же время германские языки имеют некоторые специальные родственные черты со славянскими и вообще с центральной группой языков (например, отсутствие медио-пассивных окончаний на -г).

Почти совсем отсутствуют черты особой близости индоиранского и западного индоевропейского. Все, что было отмечено до сих пор, заключается в некоторых общих элементах словаря, почти полностью исчезнувших в остальных индоевропейских языках. Эти слова во многих отношениях чрезвычайно интересны и важны, но это древние индоевропейские слова, сохранившиеся независимо в двух группах, не имеющих особых связей в других отношениях. Таковы слова: лат. *credo*, ирл. *cretim*, скр. *śrad-dhā* „верить“; лат. *rex*, ирл. *rí* „царь“, скр. *gāj-, gājan-*, ирл. *gíain* „царица“, скр. *gājīi*, ирл. *gíge* „царство“; скр. *gāyau-*; лат. *iūs* „право, справедливость“, *justus*, ирл. *uísse* „правильный, справедливый“, скр. *yós*, Ав. *yaoš* „прямота, чистота“; лат. *ep-[†]sis* „меч“, скр. *así-*; лат. *gēs* „имущество“, скр. *gai-*; ирл. *bró* „жернов“, скр. *grāvan-* (сюда же иначе образованное гот. *qairnus* и т. д.); ирл. *gert* „молоко“, скр. *ghṛtā-* „топленое масло“; ирл. *aíre* (род. ед. *aírech*) „главный, знатный“, скр. *agrá-, ágra-* „хозяин, владыка, благородный человек, ариец“. Более сомнительно старое сопоставление лат. *flamen* с скр. *brahmán* „жрец“. Многие из этих слов связаны с религией, законодательством и т. д., и то, что они сохранились только в этих двух ветвях, объясняется чрезвычайно консервативными тенденциями, которые характеризуют общество той поры. Эти совпадения не дают основания говорить об особо тесных связях между исходными диалектами этих языков.

В греческом языке мы находим мало признаков тесной связи с каким-либо из языков группы *centum*. Наоборот, он, по-видимому, теснейшим образом был связан с языками *satem*, особенно с индоиранским и армянским. Достаточно бегло просмотреть сравнительную грамматику санскрита, чтобы увидеть, что соответствия между санскритом и греческим гораздо многочисленней, чем между санскритом и любым другим индоевропейским языком за пределами индоиранского. Особенно это относится к спряжению глагола. Эти совпадения отчасти могут быть объяснены тем обстоятельством, что санскрит и греческий засвидетельствованы с очень раннего времени, но никак нельзя искать в этом полного объяснения их близости. Некоторые общие черты развились в позднем индоевропейском, и надо считать их общими новообразованиями, а не случаями общего сохранения древних форм. Например, индоевропейские языки не имеют общих форм род. ед. от основ на *o*. Форма *-osyo*, общая для греческого (*-oio, ou*), армянского (*-ou*) и индоиранского (скр. *-asya*, Ав. *-ahya*), может претендовать на древность не больше, чем италокельтское *-i* или хеттская форма (*-aš < os*), которая оказывается тождественной форме именительного падежа. В самом деле, большое

разнообразие форм этого падежа указывает, что они развились в поздний индоевропейский период, когда язык был уже широко разделен на диалекты. Поэтому это важное свидетельство тесных доисторических связей. Далее, аугмент встречается только в греческом (ἄφραε), индоиранском (скр. ábhagat) и армянском (eber), следы его имеются во фригийском. Раз нет оснований полагать, что аугмент когда-либо существовал как регулярный компонент спряжения в тех языках, в которых он не засвидетельствован, то его развитие в индоиранском, греческом и армянском следует считать общим новообразованием в близкородственных диалектах, от которых произошли эти языки. Исчезновение в санскрите и греческом медио-пассивных окончаний на -г также представляет характерную черту. В санскрите и греческом фонетически одинаково представлены носовые сонанты (и.-е. ŋ, ɲ), которые заменяются в них гласным а. Ввиду близкой связи, существующей между ними в других отношениях, это совпадение едва ли случайно. В других же отношениях, например в вопросе о протетических гласных, греческий ближе всего стоит к армянскому, между ними есть также удивительные совпадения в словаре.

Тот факт, что греческий обнаруживает больше признаков тесной связи с языками satəm, с армянским и индоиранским, чем с любым другим, находится в разительном противоречии с отсутствием в нем отличительных фонетических изменений языков группы satəm. Поэтому мы должны предположить, что исходный индоевропейский диалект, из которого произошел греческий, первоначально находился в теснейшем контакте с центральной группой диалектов, но что контакт этот был прерван в период, предшествовавший фонетическим изменениям, характерным для группы satəm.

Самым поразительным в обоих тохарских языках является то, что они не имеют никаких специальных связей с индоиранскими, единственными кроме них индоевропейскими языками в Азии. Они не только не ближе к индоиранским, но в некоторых отношениях даже больше отличаются от них, чем от языков, находящихся далеко на запад, таких, как италийский и кельтский. Это объясняется тем, что диалект — предок индоиранских языков был первоначально центральным диалектом и, как таковой, имел не больше общего с диалектом восточной периферии, от которого произошел тохарский язык, чем с диалектами — предками италийских и кельтских языков на крайнем Западе, которые также не имеют никаких особых связей ни с какой другой группой индоевропейских языков. Преобладание в тохарском окончаний среднего залога на -г не свидетельствует о близкой его связи с италокельтским, с одной стороны, или с хеттским — с другой; это тип спряжения, характерный для древнего индоевропейского, но становившийся все менее употребительным или вовсе исчезнувший в центральных диалектах более позднего периода. Попытки подыскать другие доказательства свя-

зей тохарского языка с той или другой группой не давали результатов. Оба эти языка сильно отклонились от первоначального индоевропейского; старая система именной флексии в значительной степени распалась, и процент слов, для которых можно подыскать удовлетворительные этимологии, сравнительно мал. В то же время некоторые черты этих двух языков кажутся очень древними, что указывает на их происхождение от сравнительно древней формы индоевропейского. Отсюда следует, что переселение тохарцев произошло сравнительно давно; таким допущением лучше всего объясняется большое различие между тохарским и индоиранским. Мы должны предположить, что какая-то восточная индоевропейская диалектальная группа существовала обособленно на протяжении столетий, до того как началась относительно более поздняя миграция, которая занесла индоиранский в Азию из центрального индоевропейского ареала.

Отделение хеттского и родственных ему языков от основного стержня индоевропейского должно было произойти раньше всего. Только таким путем мы сможем объяснить большие несоответствия между хеттским и тем типом индоевропейского, который был реконструирован на основании сравнительного изучения ранее известных членов этой семьи. Наиболее примечательной чертой хеттского языка является сохранение в нем *h*, который исчез во всех других языках. Кроме того, язык этот отходит от обычного типа во многих других отношениях. В образовании имен процент согласных основ, в частности древних основ среднего рода на *l* и *g*, чередующиеся с *p*, гораздо значительней, чем в стандартных типах индоевропейского. Женский род не развился. Склонение имен много проще, чем в том индоевропейском, какой представлен санскритом, и нет оснований полагать, что это связано с утратами со стороны хеттского. Наконец, очень существенно то, что спряжение глагола в хеттском весьма отличается от системы, реконструируемой главным образом путем сравнения санскрита с греческим, а ведь именно эта система одно время считалась первичной индоевропейской. Размышления над этими фактами заставили некоторых ученых, в частности Э. Стёртеванта, отделить хеттский язык от собственно индоевропейской семьи и предположить существование более древнего индохеттского языка, от которого совершенно самостоятельно произошли, с одной стороны, хеттский, а с другой — индоевропейский. Большинство же теорий не согласно с этим крайним взглядом, и нам кажется более правильным говорить скорее о раннем и позднем индоевропейском, чем об индохеттском и индоевропейском языках. Мы уже отметили, что разделение индоевропейского на диалекты восходит к периоду, намного предшествовавшему миграции индоиранского. Если даже отделение хеттского языка действительно произошло очень рано, оно все же не должно было предшествовать началу этого распада индоевропейского на диалекты. Действительно, в поздний период

не было единого индоевропейского, существование которого пред-полагает индохеттская теория. Правда, многие новые явления, имевшие место в индоевропейском вне связи с хеттским, которые следует приурочивать к периоду, следующему за отделением хеттского, охватывают все остальные ветви (например, развитие женского рода), однако это легко понять, если принять во внимание факт, что все эти диалекты развивались, оставаясь в тесном контакте. Важное отличие новой точки зрения заключается в том, что вместо первоначального индоевропейского мы теперь различаем ранний индоевропейский, времен, предшествующих отделению хеттского, и поздний индоевропейский, для которого характерны некоторые новые явления той поры, когда его диалекты постепенно начали приобретать характер отдельных языков.

§ 4. Индоиранский и балто-славянский

Языки группы *satəm* — если не считать индоиранский — известны с гораздо более позднего времени, чем языки группы *centum*. Кроме того, некоторые ветви, принадлежавшие, как определено известно, к группе *satəm*, — например фракийский, — исчезли, оставив после себя мало следов. Поэтому составить точное представление о положении индоиранских языков внутри всей группы *satəm* в ранний период невозможно. Ясно только, что некогда действительно существовало родство между древним индоиранским и теми диалектами индоевропейского, которые в конечном счете развились в балтийские и славянские языки. В связи с важностью этого факта для установления первоначальной родины индоиранского его надо обосновать более подробно.

С фонетической стороны наиболее примечательной общей чертой является изменение *s* в *š* (> слав. *ch*) после *k*, *g*, *i* и *u* в индоарийском и славянском, а после *g* — также в литовском¹. Непохоже, чтобы это было делом случая, раз условия, в которых произошли эти изменения, так близко параллельны. Из этого можно вывести заключение, что в какое-то время обе ветви были в очень близком географическом соседстве и что эта инновация охватила ограниченный ареал славянского и индоиранского, оставив вне сферы своего влияния другие индоевропейские языки. Тот факт, что изменение это проявляется в балтийском очень слабо, указывает на то, что балтийская группа была до некоторой степени независима от славянской даже в ту древнюю эпоху.

Другое изменение, произошедшее в обеих группах, — это переход *k* в *č* перед гласными *ě*, *ī*². Однако это изменение представ-

¹ Примеры см. в гл. III, § 9.

² Примеры см. в гл. III, § 7.

ляется нам независимым, параллельно идущим развитием. В старославянском парадигматическое чередование, вызванное этим изменением, а также второй славянской палатализацией, остается в полной силе (например, им. ед. влъкъ, зват. ед. влъвъ, местн. ед. влъць). Такое чередование исчезло в санскрите уже в самую древнюю пору, и маловероятно, чтобы оно удерживалось в славянском на протяжении столь долгого периода, что пришлось бы предположить, если бы это изменение в славянском было настолько древним.

В плане грамматики можно перечислить довольно большое количество общих для обеих групп черт, хотя имеются также и некоторые заметные расхождения. Самым значительным из этих расхождений является наличие в балто-славянском наряду с германским элементом *-m-*, регулярно появляющегося на месте *-bh-*, что обычно для санскрита и других индоевропейских языков (напр., дат. и отлож. множ. в лит. *vilkams*, ст.-сл. *вълкомъ*, готск. *wulfam*: скр. *vŕkebhyaś*). Это древнее индоевропейское расхождение, перекрывающее обычное разделение диалектов. Другой особенностью балто-славянских языков является использование древнего отложительного падежа в функции родительного в единственном числе *o*-основ: лит. *vilko*, ст.-сл. *вълка*).

Однако есть много характерных грамматических особенностей, объединяющих эти две группы. Кратко перечислим важнейшие из них:

А. Именная флексия. (1) Именительный без *-g* у *g*-основ, скр. *mātā* „мать“, *svāsā* „сестра“: ст.-сл. *матн*, лит. *motė*, *sesuð*. (2) Местный мн. ч. на *-su* (в противоположность *-si* в греческом) встречается только в этих двух группах: скр. *vŕkeṣu*, ст.-сл. *вълцьхъ*. (3) Окончания двойственного числа сходны и содержат много такого, что нигде больше не встречается: им. дв.: скр. *bāle*, *yugé*, *nāmanī*, *mānasī*, *akṣī*, *sūpū*: ст.-сл. *женъ*, *ижъ*, *имени*, *тълесн*, *оу* (лит. *akì*), *сыны* (лит. *sūnu*); род. дв.: скр. *tayos*, *dvayos*: ст.-сл. *тою*, *двою*. (4) Сходное развитие в основах единственного числа имен женского рода на *-ā*: твор. ед. скр. *tāyā*, *sēpauā*: ст.-сл. *тожъ*, *ржкожъ*, местн. скр. *sēpāuām*, Ав. *haēpaūa*: лит. *gaĩkoje*. (5) Большое сходство в склонении *i*- и *u*-основ, что иллюстрируется такими тождествами, как дат. ед. скр. *sūpāve*: ст.-сл. *сыновн*.

Б. Местоимения и наречия. (1) Общие черты в форме личных местоимений: им. ед. на *-om*, скр. *aḥam*, ст.-сл. *азъ*; назализованный винительный: скр. *mām*, ст.-сл. *ма*; род. ед.: Ав. *maṇa*, ст.-сл. *мене* (в противоположность скр. *māma*). (2) Расширенная основа указательного местоимения в некоторых падежах: дат. ед. муж. р. скр. *tāsmāi*, др.-прусс. *kasmu stesmu*, ст.-сл. *томоу*, жен. р. скр. *tāsyai*, др.-прусс. *stessiei*. (3) Предпочтение вопросительной основе *k^wo-* в противоположность основе *k^wi-*: скр. *ka-*, лит. *kàs*. (4) Наличие некоторых общих место-

именных основ: Ав. *ava-*, ст.-сл. *въ*, скр., Ав. *apa-*, лит. *apàs*, ст.-сл. *въ*. (5) Многие наречия: скр. *kúha*, Ав. *kudā* „куда“, ст.-сл. *къдѣ*, скр. *kadā* „когда“, *tadā* „тогда“, лит. *kadà*, *tadà*, скр. *pā* „как“, лит. *пѣ*, скр. *bahis* „вне“, ст.-сл. *възъ*, скр. *vinā*, ст.-сл. *вънъ* „вне“, др.-перс. (*avaḥya*) *rādi* „ради того, чтобы“, ст.-сл. (того) *ради*.

В. *Глагол*. В спряжении глагола черты сходства между индоиранским и балто-славянским не особенно многочисленны. Это может объясняться отчасти тем, что славянский (и тем более балтийский) засвидетельствован довольно поздно и менее консервативен в окончаниях глагольных форм, чем в именных окончаниях (например, утрата перфекта и среднего залога). Отметим следующие моменты: (1) Сходные черты в аористе на *-s-*, напр., *vṛddhi* корня (слав. *vesti* : *věšŭ*, скр. *vāhati* : *āvākṣam*) и окончания *-om* в 1 л. ед. ч. (в противоположность греч. *-α*); (2) Будущее на *-syo-* встречается определенно только в индоарийском и литовском: скр- *dāsyāmi* „я дам“, лит. *dúosiu*; (3) Каузатив хорошо развит в обеих группах, и можно привести много тождественных форм, например скр. *bodhāyati* „он будит“, ст.-сл. *воудѣдъ*, *воудити*.

В области лексики индоиранский вместе с балтийским и славянским имеет значительное количество слов, не встречающихся в других индоевропейских языках. Эти соответствия гораздо многочисленнее, чем те, которые можно обнаружить между индоиранским и другими членами этой семьи, и они являются важным свидетельством ранних связей между этими двумя семействами. Нет, например, общего индоевропейского слова для „козла“. Санскритское *ajā-* связано с лит. *ožŭs*, но в других индоевропейских языках параллелей нет. Греческий и армянский в этом случае, как и во многих других, идут рука об руку, имея сходное слово (*αἴξ*, *aίξ*), но его нельзя объединить с санскритским согласно законам индоевропейской фонетики. Другое слово характерно для западных индоевропейских языков: лат. *haedus*, англ. *goat* и т. д. Распространение этих слов в общих чертах соответствует намеченному выше делению на диалекты и указывает на значение лексики при изучении этого вопроса. Производное *ajāna-* „шкура, кожа“ соответствует ст.-сл. *азьнъ*, *азьно*, и в обоих этих языках первоначальное значение „козлиная шкура“ расширилось до значения „кожа, шкура“ вообще. Есть также класс слов с общим для многих индоевропейских языков корнем, но особый суффикс, имеющийся в индоиранском, встречается кроме него только в славянском и балтийском. Примерами того могут служить следующие слова: скр. *phéna-* „пена“, др.-прусс. *sroaupo*, лит. *sráipė*, в противоположность западноиндоевропейским словам с суффиксом *-m* (лат. *spūma*, англ. *foam*)*. Скр. *dākṣiṇa-* „правая (рука)“ точно соответствует ст.-сл. *дєсьнъ*, лит. *dešinė*, в то время как в других языках появляются различные другие суффиксы (греч. *δεξιός*, *δεξιτερός*, лат. *dexter*, готск. *taihswa*),

Таким же образом скр. *grīvā* „шея“ и ст.-сл. *griva* точно соответствуют друг другу по образованию, но с греч. *δέρη* „шея“ их можно сравнивать только в отношении корня ($\sqrt{g^{w}er}$). Суффикс -п санскритского *majjāp* появляется только в славянском (ст.-сл. *мѣдлѣнъ*) и балтийском (др.-прус. *musgepo*). Форма, точно соответствующая скр. *miśgá-* „смешанный“, выступает только в лит. *mišras*.

Другой особенностью, заслуживающей внимания, является существование специальных значений, общих для обеих этих групп. Значение „пробуждать(ся)“ одинаково присуще скр. *budh-* и родственным балто-славянским словам, но не встречается в других языках. Значение „писать“ иранского (*pi-*)/*pis-* встречается в ст.-сл. *пѣсати*.

Из остальных слов, свойственных исключительно индоиранскому и балто-славянскому, важнейшими являются следующие: Ав. *srənta-* „святой“, ст.-сл. *святъ*, лит. *šveñtas*; скр. *savyá-* „левый“, Ав. *haoya-*, ст.-сл. *шоуи*; скр. *barhis-* „ложе из травы куша“, Ав. *barəziš* „подушка“, ст.-сл. *блзнина* „подушка“; скр. *kṛṣṇá-* „черный“, ст.-сл. *чрънъ*, др.-прус. *kirsnap*; скр. *bhāga-* „борьба, битва“, ср. ст.-сл. *вѣрѣа* „битва“; скр. *oṣṭha-* „губа“, ст.-сл. *оуста*, др.-прус. *austin* „рот“; скр. *avatá-* „источник, родник“, лтш. *avuots*; Ав. *vaṅsa-* „волосы“, ст.-сл. *власъ*, рус. *волос*; скр. *giri* „гора“, Ав. *gairi-*, ст.-сл. *гора*, лит. *gìria*, *gìrė* „лес“; скр. *tūṣṇim* „тихо, безмолвно“, Ав. *tuṣṇi-* „безмолвный“, др.-прус. *tuṣṇan*; скр. *tucchya-* „пустой“, хотан. *ttuśśaa-*, ст.-сл. *тъшь*, лит. *tūščias*—то же; скр. *dādhi* (род. *dadhnás*) „творог“, др.-прус. *dadan*; скр. *pāyas* „молоко“, Ав. *paēma*, лит. *piėnas* (с варьирующими суффиксами); Ав. *xšvid* „молоко“, ср. лит. *sviėstas* „масло“; скр. *āṅgāra-* „уголь“, ст.-сл. *жгль*, рус. *уголь*; скр. *bradhñá-* „желтоватый, светлый“, ст.-сл. *крѣнъ* „белый“; скр. *ārbha-* „маленький, ребенок“, ср. рус. *ребенок*; скр. *vratá-* „обет“, Ав. *uvata-*, ст.-сл. *рѣта* „клятва“; скр. *āṇḍa* „яйцо, яичко“ (анат.) (калаша *ondrak* „яйцо“), ст.-сл. *ядро* „яичко“; скр. *pāṃsú-* „пыль“, Ав. *paṣnu-*, ст.-сл. *пѣськъ* „песок“; скр. *dhānā* „злаки, зерно“, перс. *dāna*, лит. *dūona* „хлеб“; скр. *śyāmá-*, *śyāvá-* „темный“, лит. *šiėmas* „серый“; скр. *sāndra-* „густой, вязкий“, ср. ст.-сл. *сѣдры кръвьныкѣ*, *сѣдры кровныкѣ* „загустевшая, свернувшаяся кровь“; перс. *gaz* „лоза, виноградные усики“, ст.-сл. *лѣза*; Ав. *īšarəta-*, перс. *šarəm* „стыд“, ст.-сл. *срамъ*; скр. *srāmá-* „хромой“, ст.-сл. *хрѣмъ*; Ав. *hāma* „тот же самый“, пали *sāmaṃ*, нареч. „сам, себя самого“, ст.-сл. *самъ*; скр. *viśpāti-* „глава селения, рода“, Ав. *vīspaiti-*, лит. *viėšpats* „хозяин, господин“; Ав. *saṅgəta-* „холодный“, лит. *šaltas*; скр. *śāka-* „овощи, зелень“, лит. *šėkas-* „зеленый корм“; скр. *śaphara-* „*Cyprinus sophore*“, лит. *šāpalas* „*Cyprinus dobula*“; скр. *śakuná-* „(крупная) птица“, ст.-сл. *соколъ*; скр. *śāra-* „сплавной лес“, лит. *šarai*; скр. *bhaṅga-* „волна“, лит. *bangà*. Из глаголов, общих для обеих групп, можно упомянуть скр. *hāvate* „зовет“, Ав. *zavaiti*, ст.-сл. *зѣветъ*; скр. *śvit-* „быть светлым, белым“, лит. *švitėti*; ст.-сл. *свѣтити*; скр. *bhī-*,

bháyate- „боятся“, ст.-сл. *bojъ sa*, лит. *bijaũs*; скр. *gruṣ-*, *gruṣpāti* „брызгать“, ст.-сл. *прыснѣти*; скр. *dham-*, *dhmā-* „дуть“, ст.-сл. *дѣмѣ*, *дѣти*, лит. *dumiù*, *dùmti*; скр. *br̥h-*, *br̥hate* „(слон) трубит“, лит. *brenzgu*, *branzgu* „звучать, производить шум“; скр. *muc-* „освобождать“, лит. *munkù*, *mùkti* „освобождаться“; скр. *gṛ-*, *gṛñāti* „хвалит“, др.-прус. *girtwei* „хвалить“, лит. *giriù*, *girtì**.

Этот список общих слов и других особенностей, специфических для обеих групп, очень внушительен, и весь материал следует отнести к периоду первоначального индоиранского. Когда же, наоборот, мы ищем признаков особого контакта между самим иранским и славянским (или балтийским), то обнаруживаем, что фактически их не существует. Правда, некоторые из перечисленных выше слов встречаются только в иранском, а не в санскрите, но можно указать на другие слова, в которых мы встречаем обратное. Если взять, например, такое слово, как Ав. *sr̥p̥nta-*, ст.-сл. *свать*, лит. *šveĩtas*, то ясно, что формы балтийского и славянского слов не могут быть выведены ни из праиранской (**svanta-*), ни из праиндоиранской формы (**śvanta-*): они восходят к более древней форме *satəm* (**švento-*).

Все попытки подыскать примеры иранских заимствований в славянских языках были исключительно неудачны. В русском языке есть слово *собака*, произошедшее, вероятно, от мидийского *спáха* (Геродот), но слово это не общеславянское, и до сих пор совершенно не ясно, какими путями оно попало в русский. В случае с русским *топор*, перс. *tabar* мы имеем дело с кочующим словом неясного происхождения. Иранское происхождение предполагается для славянского *съто* „сто“, потому что форма слова не соответствует славянской фонологии, но вместе с тем это и не та форма, которую мы могли бы ожидать от иранского *satəm* (оно должно было бы дать *soť-*). Есть замечательное совпадение между славянским словом *бог* (ст.-сл. *boгъ*) и др.-перс. *bagā-*, но ввиду полного отсутствия других заимствований лучше видеть в этих словах случай общего наследия.

Это отсутствие иранского влияния на славянские языки удивляет **, если иметь в виду постоянные набеги скифских племен на Европу и длительную оккупацию ими обширных территорий, простиравшихся до Дуная. Должно быть, в этот поздний период славяне почти полностью оставались вне политического и культурного влияния иранцев. С другой стороны, в гораздо более ранний период (около 2000 г. до н. э.), до того как первобытные иранцы покинули свою европейскую родину, индоиранский и прототипы балтийского и славянского должны были существовать в близком соседстве в течение значительного времени. Практически все следы контактов, какие мы можем обнаружить между этими двумя группами, следует относить к этому, и только к этому периоду.

§ 5. Индоиранский и финно-угорские языки

Имеются убедительные свидетельства контакта в этот же самый период между индоиранским и финно-угорским, соседней семьей неиндоевропейских языков. Эта семья состоит из трех европейских языков, достигших состояния литературных языков, — финского, эстонского и венгерского, а также ряда других языков, на которых говорит небольшое количество людей: лапландский, мордовский, марийский, коми, удмуртский, мансийский, хантыйский. Из них мансийский и хантыйский находятся теперь на восток от Урала, но считается, что они попали туда с Запада. Оба они вместе с венгерским образуют угрскую подгруппу и отличаются от остальных некоторыми общими для них чертами. Венгры пришли из района Волги на занимаемую ими теперь территорию в IX веке. В Сибири имеется несколько самоедских языков, которые в целом родственны финно-угорскому. Обе семьи классифицируются как уральские языки.

Есть свидетельства контактов между индоевропейским и финно-угорским даже в доиндоиранский период. Некоторые замечательные совпадения (например, лат. *sāl* „соль“ : фин. *suola*; скр. *mádhū* „мёд“, греч. *μέθυ* : фин. *mete-*; скр. *pāman-*, греч. *βυομα* „имя“ : фин. *nime-*; гот. *watō* „вода“ : фин. *vete-*) давно привлекают внимание, но среди ученых нет согласия относительно того, как именно их интерпретировать. По одной теории, эти два семейства определенно родственны, но имеющиеся данные недостаточны для точного установления этого родства. В общем, кажется более вероятным, что совпадения эти, если они не объясняются чистой случайностью, являются результатом взаимного контакта и влияния в древний доисторический период¹.

Мы имеем больше данных и их легче объяснить, когда они ближе к периоду ранних контактов между индоиранским и финно-угорским. Здесь можно отметить значительное количество финно-угорских слов, на которых можно показать, что они заимствованы из индоиранского на этой стадии. Приводим самые важные из финно-угорских слов, которым приписывается индоиранское происхождение:

1) фин. *sata* „сто“, лапл. *cuotte*, морд. *šado*, мар. *šüðö*, коми *šo*, удм. *šu*, манс. *sāt*, *šāt*, хант. *sòt*, *sât*, венг. *száz* : скр. *śatām*, Ав. *satəm*;

---

¹ Возможно, что заимствования шли в обоих направлениях, и обычно трудно решить, в каком из семейств является данное слово заимствованием. Как пример возможного заимствования из финно-угорского мы можем привести англ. *whale* [„кит“], др.-исл. *hvalr*, др.-прусс. *kalis*, Ав. *kaḡa-* „мифическая рыба, жившая в реке *Rajñā* (= Волга)“, фин. *kala* „рыба“. Сужение значения указывает на то, что индоевропейские языки являются заимствованиями, и очень вероятно, что иранский и северные и.-е. языки действовали при этом самостоятельно.

2) морд. azogo, azor „господин“, удм. uzī, коми ozīg „богатый“; манс. õter, äter „герой“ : скр. ásurā- „господин, хозяин“, Ав. ahura—то же.

3) фин. vasara „молоток“, лапл. væčer, морд. vižir, užer : скр. vāja- „оружие Индры“, Ав. vazra- „булава“;

4) фин. porsas, коми porś, poruś, удм. parś, pariś „свинья“ приписывалось арийскому *parśa- (=лат. porcus), а теперь за- свидетельствовано в хотанском pā'sa-;

5) фин. ogas „кнур“, морд. urēš—то же : скр. varāhā-, Ав. varāza- „боров“;

6) фин. utar, морд. odar, мар. vodar „вымя“ : скр. ūdhar — то же;

7) фин. oga, морд. ugo, венг. ág „сова“ : скр. āgā — то же (=др.-в.-н. āla, и т. д.);

8) венг. ostor „кнут“, манс. ošter, мар. woštur : скр. āṣṭrā, Ав. aštrā „кнут“ (√aj- „гнать“);

9) венг. arany „золото“, манс. sureñ, sareñ, морд. sirñe, коми, удм. zarnī : скр. hīraṇya-, Ав. zaranya-;

10) фин. arvo „стоимость, цена“, венг. ár и т. д. : скр. arghā-, осет. arv—то же (лит. algā и т. д.);

11) фин. sisar „сестра“, морд. sazor, мар. šužar : скр. svásar-, Ав. šarhar-;

12) венг. sör „пиво“, удм. sur, манс. sor, хант. sar : скр. sūgā „крепкий напиток“, Ав. hurā;

13) фин. sarvi „рог“, морд. síuro, мар. šur, лапл. čoarvve, венг. szarv : Ав. srū-, sṛvā „рог“ (=греч. κέρας и т. д.);

14) манс. šuorр, šōрр „лось“ : скр. śarabhā- „род оленя“;

15) морд. sed „мост“ : скр. sétu-, Ав. haētu-;

16) морд. vərgas „волк“, коми vörkaś : скр. vṛka-, Ав. vəhṛka-;

17) коми, удм. turin „травя“ : скр. tṛṇa-;

18) коми vörk „почка“ (анат.) : скр. vṛkkā-, Ав. vərəḍka — то же;

19) манс. tas „чужеземец“ : скр. dāsā- „неариец, раб“;

20) венг. vászon „белье“ : скр. vāsana- „одежда, ткань“;

21) фин. mehiläinen „пчела“, морд. mekš, мар. mükš, коми, удм. miš, венг. méh : скр. mákṣ-, mákṣā, mákṣikā „пчела, муха“, Ав. maḥšī „муха“;

22) фин. siika-nep „ось“, морд. šuva, мар. šu, коми šu : скр. śūka—то же.

23) морд. šava, šeja „козел“ : скр. chāga-.

Мелкие вопросы, возникающие в связи со всеми этими сопоставлениями, не лишены сложностей, но все же ясно намечаются некоторые общие выводы. Самым важным является тот факт, что, рассматривая эти слова в комплексе, мы видим, что первичные формы, выводимые нами из сравнения финно-угорских форм, тождественны реконструируемому для индоиранского, и им совершенно не свойственны позднейшие фонетические изменения, характерные для иранского, с одной стороны, и индоарийского — с другой. Это отлично иллюстрируется первым словом, пред-

ставляющим первичную форму *šata-* (индоиранская и санскритская формы), а не *sata-* (иранская форма). В равной мере отсутствует во всех финно-угорских языках характерный для иранского переход *s* в *h* (2. морд. *azog*, 11. морд. *sazog*, 15. морд. *seđ* и т. д.) и такие характерные индоарийские изменения, как *žh*, *jh*—в *h* (5. фин. *ogas* и т. д.). Нет, следовательно, никакого сомнения в том, что эти заимствования были произведены в ранний индоиранский период, и вполне вероятно, что территорией этого раннего индоиранского языка была область Южной России, где этот контакт только и был возможен. Некоторые из этих слов показывают, что изменение индоевропейских *l* и *l̥* в арийские *g* и *g̥* уже произошло (7. фин. *oga*, 9. манс. *sageñ* и т. д., 16. морд. *vargas*). Это изменение, которое завершено в иранском, но не завершено в индоарийском. Таким образом, в древнем индоарийском существовали диалекты, сохранявшие индоевропейское *l* (но не *l̥*), наряду с теми диалектами (ригведийский), которые в этом отношении соответствовали иранскому. Финно-угорские формы показывают, что эта черта должна была уже широко распространиться в более ранний, индоарийский период, и это подтверждается наличием форм с *g* в арийском на Ближнем Востоке. Однако это не могло быть повсеместным, так как в противном случае в санскрите вовсе не встречались бы формы с *l*.

Совершенно ясно, что эти слова заимствованы финно-угорским из индоиранского, а не наоборот. Эквиваленты этих слов имеются в других индоевропейских языках, и до заимствования их финно-угорским они уже претерпели изменения, характерные для арийской ветви. Даже тогда, когда индоиранское слово фактически не имеет эквивалента в других индоевропейских языках, его структура, а также возможность произвести его от известного нам индоевропейского корня часто указывает на то, что это старое унаследованное слово. Например, скр. *vájga-*, Ав. *vazga-* образованы при помощи хорошо известного суффикса *-ga* (и.-е. *-go*) и могут быть произведены от и.-е. корня, встречающегося в греч. (F) *ἀγυγι* „сломать, разбить“. Однако в вышеприведенном списке есть несколько слов, относительно которых нельзя быть в этом уверенным. Ничего подобного индоиранскому слову со значением „пчела“ (№ 21) не встречается ни в каком другом индоевропейском языке, и это, в общем, заставляет нас предположить, что в данном случае индоиранцы заимствовали финно-угорское слово. Сходные соображения возникают при рассмотрении № 22 (скр. *šūka-*) и 23 (скр. *chāga-*). Возможны и другие примеры финно-угорских слов в индоиранском, но исследования никогда не проводились под этим углом зрения. Как возможные тождества мы можем упомянуть: скр. *karha-* „слизь, мокрота“, Ав. *kafa-*, перс. *kaf* „пена, накипь“ : венг. *hab* „пена, сливки“, вепс. *кобе* „волна, пена“, нен. *khōwū* „пена“; скр. *kīra* „яма, колодец“ : фин. *kuorra* „яма“, лапл. *gūbrre*, мар.

kur, удм. gor, и т. д.; скр. śalākā „щепка“ : венг. szilank „щепка, лучина“, фин. sale, saleen—то же и т. д. В случаях, подобных этим (можно добавить еще и другие), мы не смогли подыскать индоевропейской этимологии для санскритских слов. Но раз мы совершенно определенно предполагаем длительный контакт между древними индоиранцами и соседними финноуграми и нет причин считать, что продвижение слов шло полностью в одном направлении, то следует считать финно-угорские языки возможным источником арийских слов в случаях, аналогичных вышеприведенным, где имеется поразительное сходство и в форме, и в значении.

§ 6. Арийцы на Ближнем Востоке

Самые ранние сведения о следах поселений арийских народов приходят не из Индии и не из Ирана, а с Ближнего Востока. Присутствие арийцев в этом районе засвидетельствовано главным образом в документах Митаннийского царства в северной Месопотамии в течение периода 1500—1300 г. до н. э. Список царских имен, сохранившихся в ряде клинописных памятников, носит явно арийский характер, даже если не во всех случаях их толкование абсолютно точно. Имена этих царей таковы: Sutarna, Parśasatar, Sauššatar, Artadāma, Artasumara, Tušratha, Matiwāza, то есть в индоарийской форме это Sutarāṇa- (ср. Вед. sutárman-), Praśātár- „руководитель, правитель“, *Saukṣatra- „сын Sukṣatra-“, (?) Ṛtadhāman- (им. Ṛtádhamā), Вед., скр. Ṛtasmara- „помнящий справедливость“, *Tviṣratha- (ср. Вед. tveṣáratha- „имеющий мчащиеся колесницы“), *Mativāja- „побеждающий молитвой“. Кроме того, в частных документах из этих районов, написанных на ассирийском языке, встречается ряд личных имен местных выдающихся лиц, которые можно понять как арийские. Например, Artamna, Bardašva, Biryasura, Puruša, Šaimasura, Satawaza, то есть Ṛtamna- „блюдуший закон“, Vārdhāšva- „сын Vṛddhāšva-“, Vīryasūra- „доблестный герой“, Pūruša- „человек, мужчина“, Kṣemasūra- „герой мира или безопасности“, Śatavāja- „завоевавший добычу“ (ср. вед. Vājasāti-).

Это был период распространения митаннийского влияния на прилегающие страны,—это подтверждается тем фактом, что на территориях, простирающихся вплоть до границ Сирии и Палестины, у правителей княжеств, соседних с Митанией, встречаются аналогичные арийские имена. Среди них назовем Šuvardata : *svardāta- „ниспосланный небом“, Šatuara : *satvara-, основа, находящаяся в таком же отношении к скр. sātvan- „могущественный, победный; воин“; в каком скр. īšvāgá- „господин“ находится к Ав. isvan-; Artamana : Ṛtamana- „блюдуший закон“; Biridašva : Vṛddhāšva- „обладающий большими конями“; Biryawāza : Vīryavāja- „восхваляемый за доблесть“; Indarota : Indrotá- (Ригведа) „тот, кому помог Индра“; Šubandu : Subandhu-

Тогдашнее Хеттское царство имело тесные связи с Митаннийским царством как в мирное, так и в военное время, и некоторые документы из хеттской столицы дают важные сведения, касающиеся присутствия арийцев в Митаннии. Наиболее интересным из этих документов является договор, заключенный между хеттским царем Суппилулиумой и митаннийским царем Мативазой (ок. 1350 г. до н. э.). Среди божеств, которыми клянутся в этом документе, мы встречаем четыре хорошо известных ведических имени. Это *Indaga*, *Mitraš(il)*, *Našatia(nna)*, *Uruva-pašš(il)*, и, отбросив их неарийские окончания, мы безошибочно получим ведические имена *Indra-*, *Mitra-*, *Nāsatya* и *Vaṛuṇa-*. Ясно, что не только арийский язык, но и арийская религия в форме, близко напоминающей ту, которая известна из Ригvedы, были распространены в течение этого периода в данном районе Ближнего Востока.

Появление лошади в странах Ближнего Востока, относящееся к началу второго тысячелетия до н. э., по-видимому, обязано главным образом этим арийцам. Полезность этого животного во время войны вскоре сделала его популярным в соседних царствах, в том числе и у хеттов. В архивах хеттской столицы имеется трактат об уходе за лошадьми и их тренировке. Написан трактат на хеттском языке, но автор его, которому был поручен уход за царскими конями, был митанниец по имени Киккули. Кроме того, некоторые технические термины, употребленные в этом трактате, — арийские слова. Это *aika vartanna*, *tera v°*, *panza v°*, *satta v°* и *navartanna* (гапология вместо *nava-v°*), что тождественно скр. *eka-vartana* — „один поворот (бега)“, и то же для номеров 3, 5, 7 и 9. Наличие этих заимствований в хеттском тексте ясно указывает на приоритет арийцев в этой области.

Кроме вышеприведенных данных имеются еще немногочисленные следы арийцев в документах вавилонской династии касситов (ок. 1750—1170 г. до н. э.). Сами касситы были пришельцами с Востока, с Иранского нагорья, и их язык, о котором кое-что известно, не имеет связи ни с арийским, ни с индоевропейским. Однако в списке имен божеств с вавилонскими эквивалентами мы встречаем имя бога солнца *Šurīaš* (передаваемое как *Samaš*), которое определенно можно отождествлять с скр. *Sūrya-*. Кроме того имя бога войны *Maruttaš* (передаваемое как *En-urta*) сравнивается с скр. *marūt-*, хотя здесь возникает некоторое затруднение, потому что санскритское слово всегда выступает во множественном числе. Среди царей этой династии один носит имя, которое можно считать арийским: *Abirattaš* — *abhi-ratha-* „стоящий лицом к колесницам (во время битвы)“.

О существовании арийцев в этом ареале не подозревали до обнаружения этих имен в клинописных памятниках. Даже если считать сомнительным детальное толкование некоторых из этих имен, то все равно материал вполне достаточен для того, чтобы не оставалось никакого сомнения в том, что в этом ареале имел

место заметный приток арийцев. Их расположение на Ближнем Востоке также совершенно очевидно. Сначала они осели в Митаннийском царстве, и если следы их встречаются где-то за пределами этого ареала, то это всегда районы, подпавшие под влияние политической и культурной экспансии митаннийцев. Нет сомнения, что даже небольшое количество касситских имен следует возводить к этому источнику, так как в Иране, откуда эмигрировали касситы, мы не находим следов арийцев до начала следующего тысячелетия, когда на историческую арену выступают мидийцы и персы.

Арийцы как правящая династия появляются в Митаннии с 1500 г. до н. э., а это означает, что сначала они вступили в эту страну как завоеватели. В этом отношении судьба их сходна с судьбой их индийских и иранских братьев, но в двух важных пунктах имеется существенное расхождение. Во-первых, здесь им не удалось, как в других местах, в принудительном порядке распространить свой язык в оккупированной ими стране. Родной язык народа, хурритский, остался в употреблении и был усвоен завоевателями. Неизвестно даже, сохраняли ли они (помимо личных имен) свой собственный арийский язык в течение какого-то времени. До сих пор не найдено никаких документов, написанных на нем. Во-вторых, мы не находим никаких следов того жестокого антагонизма между арийцами и неарийцами, какой характерен для индийской и иранской экспансии. Помимо обычных классовых различий мы не находим никаких различий между арийскими правителями и народом побежденной страны. Даже в области религии арийские и местные божества почитались одинаково, что прямо противоположно поведению народов ведического периода.

С лингвистической точки зрения эти имена не дают достаточного материала для обширных выводов, однако можно констатировать, что мы не располагаем надежными примерами фонетического развития, которое было бы характерно именно для индийского или же для иранского языка. Тот небольшой языковой материал, которым мы располагаем, легче всего можно объяснить из общего индоиранского, а наблюдаемые фонетические изменения, насколько позволяет судить об этом несовершенство алфавита, являются, по-видимому, местными и независимыми одно от другого. Таковы изменения $v > b$ в *biriya-*, $\check{s} > z$ в *rapza* (после носового) и ассимиляция *-pt-* в *-tt-* в *satta*. Ясно, что нет основания для спора о том, иранский это язык или индоарийский, раз нет доказательств ни того, ни другого, и мы можем быть почти уверены, что если будут открыты более исчерпывающие материалы, то обнаружится, что мы имели дело с третьим и самостоятельным членом индоиранской семьи языков. И только древность и консерватизм индийской традиции по сравнению с иранской вынуждают ученых считать этих арийцев именно индоарийцами.

Время оккупации этих районов арийцами не известно. Известно лишь, что она завершилась к 1500 г. до н. э. Вероятно, вторжение произошло значительно раньше, так как уже с древнейшего засвидетельствованного периода этот государственный строй, по-видимому, полностью и окончательно установился, и ни в одном из источников мы не встречаем даже намека на то, что правящие династии были недавними пришельцами. Вторжение шло определенно с севера через Кавказ. Это вполне соответствует сказанному выше о первоначальном расселении индоиранцев в Южной России, и современное месторасположение арийцев на Ближнем Востоке легче всего объяснить, если предположить, что они шли с этой стороны, а не с Востока*.

§ 7. Появление индоарийского

Предыстория арийского языка Индии отодвигает нас далеко назад от северо-западной Индии ведического периода и во времени, и в пространстве. Сопоставление с другими языками дает нам возможность реконструировать языковую историю, нигде непосредственно не засвидетельствованную, и установить факт важных миграций и передвижений народов, которые иначе остались бы неизвестными истории. Мы можем также сказать теперь нечто определенное — хотя, естественно, довольно приблизительно — о происхождении этих передвижений и об их хронологии. Распределение индоевропейских языков заставляет предположить, что место, откуда они происходят, следует искать в Центральной и Восточной Европе. Определенные связи индоиранского с языками группы *satəm*, особенно же с балто-славянским, а также сведения о его контактах с финно-угорским в общий индоиранский период указывают на первоначальное их нахождение в Южной России. Присутствие арийцев на Ближнем Востоке в середине второго тысячелетия до н.э. лучше всего объясняется вторжением их из этого района. Более значительная миграция, однако, шла на восток, на север от Каспийского моря, и в результате большая часть арийских племен сконцентрировалась там, где теперь находится Русский Туркестан. Оттуда иранцы и индоарийцы независимо друг от друга проникли в Иран и Индию. И только в этот период общий, хотя и разделенный на диалекты, индоиранский распадается на две ветви, индийскую и иранскую. Самостоятельное существование индоарийского языка начинается с проникновения арийских племен в Индию. С этого периода обе ветви развиваются сравнительно изолированно.

Мы не располагаем значительным количеством надежных хронологических данных. Наиболее ранними и значительными являются данные, относящиеся к присутствию арийцев на Ближнем Востоке с 1500 г. до н. э. Это важный указатель на период миграций, которые, судя по историческим аналогиям, скорее всего

происходили в течение ограниченного времени. На основании этих данных можно заключить, что главный период миграций падает на первую половину второго тысячелетия до н. э., и это вполне согласуется со всеми возможными общими соображениями. Другие непосредственные сведения об арийцах связаны с иранцами. Присутствие мидийцев и персов в самом Иране засвидетельствовано ассирийскими летописями начиная с X в. до н. э. и далее, и маловероятно, чтобы они занимали этот район достаточно основательно до этого времени. Прямых данных об индоарийском вторжении в Индию нет, однако очень большое сходство между ведическим языком и древнейшим иранским исключает возможность длительного периода их разъединения, и следовательно, нельзя отодвигать период ведических гимнов назад к третьему или четвертому тысячелетию до н. э. Среднее грубое предположение, датирующее период индоарийского вторжения приблизительно 1700—1400 г. до н. э., а период составления Ригведы — около 1200—1000 г., не может ошибаться на много столетий в ту или другую сторону.

Имеются языковые данные, показывающие, что индоарийское вторжение шло последовательными этапами, а не как единое одновременное движение. Есть диалектальные различия между ведическим языком Северо-Запада и позднейшим классическим языком Мадхьядеша. Самое разительное из них — это то, что ведический язык меняет *l* на *g*, в то время как классический язык по большей части сохраняет различие *g* и *l*. Эта ведическая особенность характерна для всего иранского, и, кроме того, ее можно проследить в арийских языках Ближнего Востока, а также в некоторых арийских словах финно-угорского. Тот факт, что более восточные диалекты древнего индоарийского избежали этого изменения, ясно указывает на сравнительно древнее их отделение от основного языка по сравнению с ведическим диалектом, претерпевшим это изменение вместе с остальными арийскими диалектами до появления в Индии.

Некоторые особенности кафирских языков на Северо-Западе указывают на важные диалектальные отклонения от древнего арийского языка в период, предшествовавший вторжению в Индию. В некоторых отношениях языки эти занимают среднее положение между индоарийским и иранским. Они сходятся с индоарийским в сохранении *s*, которое в иранском языке изменяется в *h*, но в то же время одинаково с иранским передают два палатальных ряда (напр., *zim* „снег“: скр. *himá-*; *ǰā* „убивать“: скр. *han*). В этом отношении они представляют просто промежуточную диалектальную группу, чего и следовало ожидать, имея в виду их положение между двумя главными группами. С другой стороны, в передаче звука, выступающего в санскрите как *ś*, они сохранили форму более архаичную, чем индийский или иранский (*ś* в *śupa-* „собака“, *diś* „десять“ и др.). Это можно удовлетворительно объяснить только как изолированное сохранение очень древней диалек-

тальной особенности в индоиранском языке. Те же соображения относятся к отсутствию церебрализации *s* после *u* в таких словах, как *dōs* „вчера“ и *mīśā* „мышь“. Изменение *s* в *ṣ* (> скр. *ś*) при особых условиях, как мы видели, настолько древнее, что его следует относить и к индоарийскому, и к славянскому, но, по-видимому, какой-то периферийный диалект индоарийского языка избежал этого изменения в соседстве с *ū*, и надо полагать, что именно из этого источника произошли кафирские формы. Эти данные заставляют предположить, что арийский диалект, сохранивший эти архаические черты, самым первым достиг границ Индии и что позднейшие последовательные волны индоарийских завоевателей оттеснили его в узкое пространство горных долин у северо-западной границы, где этот диалект и просуществовал до наших дней.

История индоарийского начинается со времени первого появления арийской речи в Индии, но между этим событием и составлением первого засвидетельствованного памятника индоарийского языка, гимнов Ригведы, должно было пройти значительное время. Это явствует из того, что в самом тексте Ригведы, хотя там и нередко исторические намеки, нигде нет упоминаний о факте миграции, а также нет никаких прямых указаний на то, что факт этот еще сохранялся в памяти народа. Соображения лингвистического порядка также заставляют нас предположить существование такого периода, так как со времени стадии общего индоиранского языка произошли значительные языковые (главным образом фонетические) изменения. Несомненно, начало распада общего языка на диалекты относится к индоарийскому периоду, но нет сомнения и в том, что наибольшее количество характерных изменений как в индоарийском, так и в иранском произошло уже после полного разделения этих двух групп, то есть после арийского вторжения в Индию.

Можно кратко перечислить некоторые из наиболее важных изменений, затронувших индоарийский язык в течение этого периода: 1) *jh* и *ḷh* дают *h* (= иран. *h* и *z*); 2) *ṣ* и *ḷ* сливаются в *j* (= иран. *ṣ* и *z*); 3) из двух сочетаний *k + s* и *ś + z* получается единая группа *kṣ* (в иранском же они не сливаются); 4) арийские звонкие группы типа *gzh*, *bzh* заменяются глухими *kṣ*, *pṣ* (скр. *dīpsa-* : Ав. *diwša-*); 5) арийское *z* исчезает во всех позициях (скр. *medhā-*, ср. Ав. *mazdā*); 6) исчезновение арийского *ḷ* перед *d* приводит к возникновению церебрального *ḍ* (*nīḍā-*), а это в сочетании с другими комбинаторными изменениями (*aṣṭau*, *viṭ*, *kāṅaṇa-*) дает начало новой серии согласных, ранее неизвестных как арийскому, так и остальным индоевропейским языкам; 7) *s* (*ś*) исчезает между двумя согласными (*ābhakta*, *s*-аорист); 8) все конечные группы согласных упрощаются, так что остаются только первые их компоненты (скр. *vāk* : Ав. *vāxš*); 9) намечается тенденция к ослаблению придыхательных *dh* и *bh* в *h* (*ihā* „здесь“ : Ав. *iḍa*, но пали *iḍha* сохранило старую форму); 10) арийские дифтонги *ai*, *au* становятся простыми гласными *ē*, *ō*.

Этот перечень изменений достаточно внушителен и очень важен для дальнейшей истории индоарийского языка, и надо предположить определенный промежуток времени для завершения этих изменений. В то же время создается впечатление, что ведическому периоду предшествовал период довольно быстрых языковых изменений. С установлением нормативного литературного языка и связанной с ним традиции обучения эта быстрая эволюция приостановилась, если иметь в виду классический санскрит. Фонетические изменения, отличающие классический санскрит от ведического языка, совершенно незначительны по сравнению с теми изменениями, которые произошли за период, непосредственно предшествующий Ведам. С другой стороны, народный язык, вскоре развившийся в пракрите, все еще обнаруживал тенденцию к быстрому изменению. Особенно интересно отметить, что тип изменений, наблюдаемых в вышеприведенных примерах, сходен с типом позднейших изменений в среднем индоарийском. Ассимиляция групп согласных в конечном положении является началом процесса, охватившего все группы согласных. Переход звонких придыхательных в *h*, общий в сочетаниях *jh*, *zh* и спорадический в других случаях, продолжается в пали и пракрите. Раз образовавшиеся церебральные согласные все более и более превалируют. С самого начала для индоарийского характерны определенные тенденции к изменению, и тенденции эти продолжают действовать также в последующие периоды. Начиная с самого раннего периода эти изменения носили динамический характер и таковыми они продолжали оставаться в народном языке. Только нормализация санскрита деятелями брахманской цивилизации в очень древнюю пору приостановила эволюцию языка как языка классического и сохранила таким образом для нас форму языка во многих отношениях более архаичного и менее отклонившегося от первоначального индоевропейского, чем любые другие члены этой семьи.

Глава II

ОЧЕРК ИСТОРИИ САНСКРИТА

§ 1. Язык ведический и классический

О предыстории индоарийского языка как в самой Индии, где он возник как самостоятельная форма речи, так и за ее пределами, на последовательных стадиях индоиранского и индоевропейского, с помощью сравнительного языкознания можно сделать вполне обоснованные выводы. Но от этих стадий языка не сохранилось непосредственных свидетельств. Исторический период языка начинается (вероятно, как мы видели, приблизительно около 1200—1000 г. до н. э.) с составления и собирания Ригvedы (Rgveda). С этого времени начинается непрерывная литературная традиция, и можно детально проследить постепенное развитие индоарийского языка на разных стадиях вплоть до периода современных языков.

На протяжении исторического периода произошли огромные изменения, не прекращавшиеся в течение всего этого времени. Но эти изменения и эволюция лишь в незначительной степени захватили санскрит. С самого начала, то есть со времени составления ведических гимнов и зарождения общепризнанного литературного языка, среди брахманов, хранителей этой литературы и социально-религиозной системы, пришедшей с нею, наблюдалась упорная тенденция охранять язык от изменений. И это относилось не только к сохранению самих священных текстов, передававшихся со скрупулезной точностью путем устной традиции, или к сочинению литературных произведений по древним образцам, но также и к повседневной речи в среде брахманов и при царских дворах, с которыми они всегда были в тесном общении. Это вело ко все возрастающему расхождению между языком образованных классов и языком народа, который довольно быстро изменялся, уже в очень ранний период переходя в средний индоарийский.

Однако несмотря на все влияние намеренного консерватизма, язык избранных классов не оставался без изменений. Классический язык в том виде, как он зафиксирован Панини (Pāṇini)

(IV в. до н. э.), — это форма языка значительно более молодая, чем та, с которой мы встречаемся в ведических гимнах, хотя она гораздо менее отличается от ведического, чем разговорный язык народных масс, известный нам в несколько более поздний период по надписям царя Ашоки. До этого периода имеется, собственно, два параллельных потока индоарийского, развивающихся бок о бок в различных слоях общества: медленная и постепенная эволюция в господствующем классе брахманов, сдерживаемая образованием и литературной традицией, — и рядом с нею быстрая эволюция языка народных масс, где эти тормозящие факторы отсутствовали. После трудов Панини санскрит стабилизировал свою внешнюю форму, и никакие изменения более не допускались. С этого времени и далее история индоарийского является историей среднего индоарийского в его различных фазах (пали, пракрит и апабхрэнша) и затем историей современного индоарийского. В этой эволюции санскрит не принимал никакого участия, а оставался таким, каким он зафиксирован у Панини в период, намного предшествующий всей классической литературе.

Различия между ведическим и классическим санскритом очень мало затрагивают фонетическую структуру языка*, и в этом отношении поражает контраст между классическим санскритом и ранним средним индоарийским. Различия эти заметней в области лексики и грамматики, но и здесь они сравнительно немногочисленны.

В области фонетики, помимо диалектальных явлений, вроде таких, как переход ḍ , ḍh в ḷ , ḷh и замена g в некоторых словах звуком l , различия главным образом связаны с инновациями в отношении сандхи. Это заметно, например, на ведических $-\text{i}u-$, $-\text{iv}-$, обычно заменяемых звуками u и v . Это правило применялось к канонизированному тексту Ригvedы, так что, например, то, что пишется tanvās , судя по данным метрики, должно произноситься tanúvas . Среди ведических особенностей конечных сандхи можно отметить, что s вставляется между конечным p и начальным t только тогда, когда это оправдано этимологически (sarvāms tān , но varṣman tasthau , maghavan tava , ajagmīran te), и что перед гласными окончания вин. мн. $-\text{ān}$, $-\text{īn}$, $-\text{ūn}$ выступают как $-\text{āñ}$, $-\text{īñ}$ и $-\text{ūñ}$ (sargāñ iva , paridhīñr ati). В этих случаях позднейший санскрит регулировал сандхи путем распространения по аналогии той формы, которая была первоначально оправдана лишь в определенном контексте (например, $-\text{ān}$, $-\text{īn}$, $-\text{ūn}$ было постоянным фонетическим явлением перед звонкими согласными и в конечной позиции, а отсюда их употребление распространилось и на те случаи, где за ними следовал гласный). Но за исключением таких, сравнительно незначительных изменений классический санскрит сохраняет нетронутой основную фонетическую структуру ведического языка.

Тенденция к изменениям гораздо заметней в морфологии, и в классическом санскрите богатство форм древнего языка значительно сократилось.

Образование именных основ в классическом санскрите не так разнообразно, и с отмиранием некоторых суффиксов устаревали целые классы слов, образованных с их помощью. Например, суффикс -уи в ведическом языке продуктивен и дает не только первичные производные (уáжу- „благочестивый“), но и ряд вторичных образований, связанных с отыменными глагольными основами (devayú- „преданный богам“, vājayú- „жаждущий добычи“). По завершении раннего ведического периода этот суффикс теряет продуктивность, вследствие чего выходит из употребления целый ряд слов такого образования. Сохранились лишь наиболее употребительные, выжившие как отдельные слова: тапу́- „гнев, ярость“, dasyú „грабитель“ и др. Примеры этой же тенденции можно привести по всей области образования именных основ.

В образовании сложных слов ведический преобладающий тип сложноподчиненных сложных слов, наблюдаемый в примерах вроде bhagádvāja- „выигравший приз“ и т. п., рано устарел. В других отношениях мы видим не ослабление в образовании сложных слов, а непрекращающееся расширение их употребления. В Ведах количество компонентов сложного слова редко превышает два, и условия, допускающие их образование, ограничены. По мере развития языка наблюдается бо́льшая свобода и в количестве компонентов, и в типе синтаксической конструкции, которую сложные слова могут выражать. Наконец наступает такая стадия, когда почти без всяких ограничений могут образовываться сложные слова любой длины, и таким образом изменяется весь характер литературного языка. В этом смысле позднейший классический язык пошел дальше любых пожеланий Панини.

В склонении имен мы наблюдаем значительное упрощение и модернизацию. Старые формы флексий в основах на -а, например твор. ед. на -ā (vīgūā наряду с vīgūēṇa) и им. мн. ср. р. на -ā (bhūvanā наряду с bhūvanāni), заменяются новообразованиями. Но в то же время выходят из употребления некоторые инновации ведического языка (им. мн. муж. р. -āsas, твор. мн. -ebhis наряду с -ās, -ais). Исчезает один из типов склонения i- и u-основ (ávyas, krátvas), но сохраняется особый тип склонения имен среднего рода (vāgīṇas, mádhunas) и вводится новый тип склонения имен женского рода от основ на -ī (gátyās, dhēnvās). Из двух типов склонения основ на -ī отбрасывается тип vṛkī в пользу типа devī, однако первый тип оказывает некоторое влияние на второй (им. мн. devyās, а не devīs ведического языка). Сохраняются также некоторые изолированные пережиточные формы (им. ед. lakṣmīś). Исчезают нерегулярные формы звательного на -s от основ на -van и -vant (bhagavas и т. д.). Формы местного падежа без окончаний типа akṣāp отбра-

ссыпаются в пользу форм, имеющих полную флексию (akṣāṇī или akṣṇī). Исчезают ведические формы местного падежа личных местоимений на -é (asmé и т. д.). В двойственном числе количество падежей, которые можно образовать от этих местоимений, снижается с пяти до трех в связи с исчезновением форм именительного и творительного (āvám, yuvám; āvát, yuvát). В области спряжения глаголов классический язык значительно упрощает сложную морфологию более древнего языка. Отбрасывается вариант окончания 1 л. мн. ч. -masi, а также удлиненные формы 2 л. мн. ч. на -tana, -thana. Исчезает та форма спряжения среднего залога, для которой характерно отсутствие t в 3 л. ед. ч. и окончание -g в 3 л. мн. ч. (duhé, duhré, имперф. áduha, áduhra). Исчезают старые формы повелительного наклонения на -si. Форма аориста на -s расширяется во 2 и 3 л. ед. ч., образуя таким образом легче узнаваемые формы (ánaṣīt вместо ánais). Корневой аорист ограничивается корнями с долгим ā и корнем bhū. Исчезают формы плюсквамперфекта. Самая значительная утрата в глагольной структуре—это исчезновение сослагательного наклонения. Это наклонение, безусловно, очень употребительно в Ведах и позже, до конца периода Брахман, но ко времени Панини, кроме форм 1 л., вошедших в повелительное наклонение, оно совершенно вышло из употребления. Формы без аугмента, называемые инъюнктивом, употребляются только в конструкциях с запретительным тñā. Модальные формы (за исключением системы настоящего времени) больше не употребляются, так же как и причастия от аористических основ. Большое разнообразие инфинитивных форм, наблюдающееся в Ведах, в классическом санскрите уступает место одной форме инфинитива на -tum. Исчезают также старые разнообразные формы герундия (например, на -tvī, -tvāya) и герундива (например, на -tva, -eṇya).

Важным различием между ведическим и классическим языком является положение приставок-предлогов, присоединяемых к глагольным корням. В классическом языке приставка стоит непосредственно перед глагольной формой, с которой она сочетается, составляя единое целое. В ведическом же языке положение приставки совершенно свободно, она может быть отделена от глагола несколькими словами или иногда идти после него. Эта свобода употребления была характерна для индоевропейского, а с течением времени везде наблюдается общая тенденция тесней связывать приставку с глаголом. В этом отношении такое различие, как между ведическим и классическим санскритом, существует и между гомеровским и классическим греческим языком.

Есть, наконец, изменения и в лексике. Они уже отмечались нами в связи с выходом из употребления некоторых типов образования именных основ, однако это в такой же мере относится и ко всей области словаря. Ряд старых индоевропейских слов,

часто употребляемых в Ведах, не встречается более в классическом языке. Таковы *átka-* „род верхней одежды“ (Ав. *adka-*), *áras* „труд“ (лат. *opus*), *ándhas* „сок растения сомы“ (ср. греч. *ἄνθος* „цветок“?), *áma-* „сила“ (Ав. *ama-*), *árvant-* „конь“ (Ав. *arvant-* „быстрый“), *avatá* „родник“ (лтш. *avuots*), *ādhra-* „низкий“ (Ав. *ādra-*), *āri-* „друг, союзник“ (ср. греч. *ἄριος* „добрый“), *iṣirā-* „мощный, сильный“ (ср. греч. *ἱερός* „священный“), *ītmā-* „передняя нога“ (лат. *agmus* и т. д.); *usij-* „разряд жрецов“ (Ав. *usig-*), *ṛṣvā-* „высокий“ (Ав. *ṛṣvā-*), *kraviṣ-* „сырое мясо“ (ср. греч. *κρέας*), *gātú-* „путь, ход, место пребывания“ (Ав. *gātu-*), *gnā* „супруга бога“ (Ав. *gnā* „жена“, греч. *γυνή* и т. д.), *cānas-* „удовольствие, удовлетворение“ (Ав. *čanah-*), *cyautná-* „дело, предприятие“ (Ав. *šyaotna-*), *jānas* „род, порода“ (греч. *γένος*, лат. *genus*), *jāni-* „женщина“ (Ав. *jāni-*), *jénu-* „на попечении кого-то, вверенный кому-то“ *(согд. *zunuḥ*, хотан. *usīniya-*, откуда в пракрите Центральная Азии *jheniṅa*—то же, *jṛāyas-* „пространство, плоская поверхность“ (Ав. *zṛāyah-* „озеро“), *tītaū* „сито“ (вм. **tītaHu-*, ср. греч. *διαττάω* „просеивать“ и т. д.), *toká-* „отросток, потомок“, *tóktan-* „побег растения“ (Ав. *taoktan-* „семя“), *tvakṣ-* „быть активным, деятельным“ (Ав. *ṭvaxš-*), *dasmá*, *dasrá-* „способный, умный“, *dāmsas-* „замечательный подвиг“ (ср. Ав. *dahta-* „обученный“, *daṅra-* „способный“, *daṅhah-* „ум, сообразительность“, греч. *δέδασ* „научил“, *ἄδαής* „незнающий, несведущий“, *δαήμων* „знающий, сведущий“), *dāma-* „дом“ (лат. *domus* и т. д.), *dānu-* „влага“ (Ав. *dānu* „поток“, осет. *don*), *dāśvās-* „почитатель, поклонник“, *drapsā-* „знамя, флаг“ (Ав. *drafša-*), *nákt-* „ночь“—РВ. 7.71, 1 (лат. *nox* и т. д.; наречие же *náktam* сохраняется), *pāhuṣ-* „сосед“, *péma-* „половина“ (Ав. *paēma-*), *rap-* „хвалить, возвеличивать, *pastyaḥ* „жилище“, *pitú-* „пропитание, пища“ (Ав. *ritu-*—то же, лит. *rietūs* „полуденная трапеза“ и т. д.), *bhṛṣṭi* „острие“ (Ав. *°barəṣṭi*, ср. англ. *bristle* „щетина“ и т. д.), *pājas-* „поверхность“ ** (хотан. *pāusa-*, согд. *p'z* „лицо“), *mṛḍika-* „милость“ и родственные слова (Ав. *mṛəḍīka-*), *māru-* „молодой человек“ (ср. греч. *μείραξ* „отрок“ и *Maríanni* в митаннийских документах), *miyédhā-* „жертвоприношение“ (Ав. *myazda-*), *mīdhā-* „вознаграждение, награда“ (Ав. *mižda-*, греч. *μισθός* и т. д.), *yāhu-*, *yahvā-* „молодой, самый младший, самый последний“ (Ав. *yazu-*, жен. р. *yezivī*—то же), *yós* „благосостояние, справедливость, благо“ (Ав. *yaoṣ*, лат. *jūs*), *gódasi* „две поверхности (неба и земли)“ (Ав. *gaodah-*, *gaoda-* „лицо“, перс. *gōu*—то же), *vādhgi-* „кастрированный“ (греч. *ἐθρίς* „кастрированный баран“), *vāpnā-* „цена, стоимость“ (ср. лат. *vēnum*, греч. *ῥῆνος* и т. д., хетт. *uššana-* „продавать“), *vāja-* „приз, добыча“, *vīḍi-* „сильный, крепкий“, *vep-* „стремиться, страстно желать“, *śama-* „комоль“ (ср. греч. *ζεμάς* „молодой олень“, лит. *šmūlas* „безрогий“), *śīgrā* „усы“, *śupā-* „богатство“, *śyetā-* „сирота“***, РВ. 1.71.4 (ср. Ав. *saē*, ст.-сл. *сирь* и т. д.), *sar-sāraṅa-* „участвовать в религиозных церемониях“ (греч. *ἔπιω* „заниматься чем-л., хлопо-

тать“, лат. *sepeliō* „погребать“), *sas-* „спать“ (хетт. *šeš-*), *stigh-* „ступать, шагать“ (греч. *στειγῶ*, гот. *steigan* и т. д.), *syoná-* „мягкий, нежный“, *háras-* „жара“ (греч. *θέρος* „лето“, арм. *jer* „теплая погода“), *haru-* „быть довольным, веселым“ (греч. *χαίρω* „радоваться“).

Наличие омонимов часто приводило к упразднению одного из членов такой пары. В древнем ведическом языке были слова *ásuga-¹* „господин“ (Ав. *ahuga-*) и *ásuga-²* „демон“. Но начиная с позднего ведического периода и дальше употребляется только последнее. Точно так же из пары *agí-¹* „преданный, надежный“ (откуда *árua-*, *árua-*, ср. хетт. *aga-* „друг, союзник“ и т. д.) и *agí-²* „враг“ (< * *ali-*, ср. лат. *alius* и т. д.) сохранилось только последнее слово. Ведическое *kāgú-¹* „певец“ (*kṛ-* „прославлять“, ср. греч. *κῆρυξ*, *κῆρυξ* „вестник“) уступает место классическому *kāgu-²* „ремесленник“ (*kr-* „творить, делать“), а ведическое *rájas-¹* „пространство“ (*raj-* „простирается“, ср. лат. *regio* и т. д.) отброшено, не выдержав конкуренции с *rájas-²* „пыль, грозь“ (*lag-* „прилипнуть“). Из пар *raguṣá-¹* „светло-серый“ (Ав. *roguṣa-*, ср. англ. *fallow* „коричнево-желтый“) и *raguṣá-²* „узловатый, неровный“ (*ráguṣ-*, *rágvap-* „узел“), *rāyú-¹* „защитник“ и *rāyú-²* „задний проход“, *phalgú-¹* „красноватый, ярко-розовый“ и *phalgú-²* „полый“ омонимы, помеченные единицей, в позднейшем языке перестали употребляться.

Разумеется, изменение значений происходило на протяжении длительного времени. Многие из них появились в процессе естественного развития языка. Например, *váñni-* в Ведах обозначает „везущий“ и применяется по отношению к Агни в связи с его способностью увозить жертвы к богам. Позднее оно начинает обозначать „огонь“ вообще, вследствие совершенно естественного расширения значения. *Dásyu-* сначала этнический термин, обозначающий жителей Индии кеарийского происхождения, позднее же слово приобретает значение „грабитель, разбойник“. Таким же образом *dāsá-* „раб“ было первоначально названием племени (ср. *Daṇae* Центральной Азии), то же самое можно сказать и о *śūdrá-* „член четвертой касты“, так как и из индийских, и из классических источников известно, что в северо-западной Индии существовало племя под таким именем.

В других случаях изменение значения слова в позднейшем языке есть просто результат непонимания ведического слова. Таков случай с *kratu-* „жертва“ по сравнению с ведическим *krātu* „мудрость, прозрение“. Здесь имеет место не изменение значения, а лишь неспособность правильно понять ведический текст. В классическом санскрите *mātaríśvan* означает „ветер“; первоначально оно обозначало божество, которое изобрело способ добывания огня посредством трения один о другой двух кусков дерева, а также самого Агни (от **mātaríś-* „палочка для добывания огня“, этимологически тожд. лат. *mātrix*); изменение

значения можно объяснить лишь затемнением в народном сознании старого мифологического образа. Ведическое *kiṭāla* обозначало род молочного продукта (ср. кховар. *kiṭāḷ* „род сыра“); значение этого слова в классическом санскрите — „кровь“ — есть результат непонимания древних текстов.

Ложная народная этимология в случае с древними словами *ásuga-* „демон“ и *ásita-* „черный“ привела к созданию двух новых слов. Так как начальное *a-* этих слов было неправильно понято как отрицательное *a-*, то были образованы как их противоположности слова *suga-* „бог“ и *sita-* „белый“.

Вышеприведенные примеры показывают, что утраты в лексике за этот период истории языка были значительны. Как и повсюду, индоевропейский словарный запас в индоарийском с ходом времени неуклонно сокращался. В результате многие древние ведические слова перестали быть понятны в позднейшее время, что привело к возникновению специальной школы толкования (*nirukta-*) Вед. Составлялись списки трудных слов и предпринимались попытки объяснить их на этимологической основе. Эти попытки были суммированы в работе Яски (*Yāska*), которого, грубо говоря, можно считать современником Панини. Но эти попытки истолкования Вед были мало успешны: совершенно ясно, что в раскрытии значений многих ведических слов не существовало надежной традиции, и истолкователям часто приходилось ограничиваться догадками. То же можно сказать и о более поздних работах по комментированию Вед, завершившихся монументальным комментарием «Бхашья» Саяны (*Bhāṣya, Sāyaṇa*). В наше время труды ученых, вооруженных большим кругом сведений, чем древние, во многом уменьшили неясность, но даже и теперь остается значительный материал, еще требующий истолкования.

Хотя потери в старом словарном составе были велики, классический санскрит приобрел большое количество новых слов из различных других источников. И это более чем уравновешивает потери, так что словарь классического санскрита является одним из богатейших из известных нам языков. Конечно, многие слова, появившиеся впервые в языке более поздней эпохи, принадлежат к самому древнему слою индоарийского языка: отсутствие этих слов в более ранних текстах отчасти случайно, потому что, как ни обширны ведические тексты, они все же не содержат в себе всего языкового материала доклассического санскрита, но отчасти это и проблема диалекта: расширение горизонта на последующих стадиях языка по сравнению с ведическим санскритом привело к включению в словарь древних индоарийских слов, которых могло и не быть в диалектах, лежавших в основе древнего литературного языка. Например, до Панини не зарегистрировано наречие *paṅtī* „в прошлом году“, однако это древнее индоевропейское слово, на что указывает греческий эквивалент *λέγουσι*. Точно так же мы можем быть уве-

рены, что родственное *paṅt* слово *paṅāṅi* „в позапрошлом году“ не встречалось ранее тоже лишь случайно. Есть также много слов, которые должны быть очень древними, так как образованы по древнему типу, например, *virula-* „изобильный“ — от корня *ṛ-* „наполнять“. Сохранение в этом случае и.-е. 1, не встречающегося нигде больше у этого корня, наводит на мысль, что отсутствие его в ранних ведических текстах есть вопрос диалекта.

Большое количество новых слов является новообразованиями на основе существующего запаса корней и словообразующих элементов. Пока словообразовательные суффиксы оставались живым языковым элементом, имелась полная возможность по мере надобности создавать новые слова. И это было особенно просто, раз была возможность сочетать глагольные корни с приставками и таким образом создавать по желанию слова при малейшей надобности. От одного только корня *kr-* „делать“ при помощи словообразовательных суффиксов и приставок было образовано много сотен слов, охватывающих все области практической деятельности и теоретической мысли.

Кроме того, словарь обогащался из источников, лежавших вне самого индоарийского. Ранее существовавшие местные языки заметно пополнили санскритскую лексику. По-видимому, самое сильное влияние оказали дравидийские слова; это можно определить довольно точно, так как число дравидийских слов доходит до нескольких сотен. Хотя некоторое количество дравидийских слов уже встречается в ведическом языке, все же большинство вошло в употребление только в классическом языке. Меньшая часть была заимствована из коларских языков. Иногда слова приходили из языков других стран, например из иранского (*vāgābāṇa-* „нагрудная табличка“) или из греческого (*hōgā* „час“), но слова эти немногочисленны.

Но если даже принять во внимание все эти новые слова, все же в классическом санскрите остается значительное количество слов, происхождение которых не известно. Большинство из них, несомненно, были, по индийской терминологии, словами *déśi*, а так как языковое многообразие в доарийской Индии было большим, чем можно представить себе сейчас, то нам не следует удивляться, встречая так много слов, происхождение которых все еще остается без объяснения.

Таковы вкратце изменения, произошедшие в санскрите между древним ведическим и классическим периодами. В доклассической литературе эту эволюцию можно проследить в ее последовательных стадиях. Литература эта, полностью посвященная религии и ритуалу, распадается на три главных раздела.

I. Самхиты Ригведы, Самаведы, Яджурведы и Атхарваведы (*Saṃhitā Ṛgveda, Sāmaveda, Yajurveda, Atharvaveda*).

II. Брахманы (*Brahmaṇa*), прозаические тексты, содержащие мистическое истолкование ритуала.

III. Сутры (Sūtra), содержащие наставления, касающиеся ритуала; среди них Шраутасутры (Śrautasūtra) касаются больших общественных жертвоприношений, а Грихьясутры (Gṛhyasūtra) относятся к выполнению домашнего ритуала.

Периоды, условно принимаемые для составления этой литературы, следующие: 1) Самхиты—1200—800 гг. до н. э., 2) Брахманы—800—500 гг. до н. э., 3) Сутры—600—300 гг. до н. э.

За отсутствием какой бы то ни было определенной информации эта хронология основывается главным образом на догадках. С другой стороны, нет сомнений, что относительная хронология последовательных периодов может быть установлена на основе языковых данных, заключающихся в самих текстах. Вышеизложенные языковые изменения происходили постепенно, и язык следующих одна за другой литературных стадий неуклонно все более приближался к классической норме. Бездна, отделяющая язык Ригведы от языка классического, гораздо глубже разрыва между ним и языком даже самых ранних прозаических текстов. Основываясь на языковых данных, можно показать, что поздние Самхиты по времени моложе Ригведы, да и в самой Ригведе десятая книга, как известно, по той же причине считается самой поздней. Идя тем же путем, можно установить хронологическую последовательность более ранних и последующих Брахман.

Так как язык Брахман прозаический, то его можно считать образцом, в разумной мере отражающим разговорный язык высших классов общества позднего ведического периода. Он сохраняет еще доклассические черты, такие, как употребление старого сослагательного наклонения, однако большинство древних ведических форм уже вышло из употребления. Ко времени составления Сутр язык уже во всех своих существенных чертах достиг той стадии, на которой его систематизировал Панини, однако во всех Сутрах встречаются грамматические формы, не соответствующие его правилам. В отличие от явлений древней литературы эти формы, как правило, не являются архаизмами; разница скорее в том, что формы эти употребляются свободней и не так строго обдуманно, как того требовали строгие предписания грамматистов, и в этом отношении они точно отражают разговорную речь эпохи самого Панини, а также периода, непосредственно ей предшествовавшего. В отличие от позднейшего классического санскрита их язык имел своей основой не установившуюся традиционную грамматическую систему, а тот самый разговорный язык образованных брахманов, который был источником грамматической системы Панини. Для истории языка эти тексты очень важны; они стоят рядом с трудом Панини как самостоятельные свидетельства живого санскритского языка в период, непосредственно предшествующий его окончательной кодификации. Именно здесь, а не в позднейшей литературе должны мы искать живую иллюстрацию языка, систематизированного Панини в его окончательной форме*.

§ 2. Древний индоарийский

Санскритский язык в его ведической и классической форме занимал, как уже было отмечено, определенное географическое положение. В самый ранний период он сосредоточивался в Пенджабе, но вскоре центр переместился на восток, в области Куру и Панчала, и там он и оставался в течение всего последующего ведического периода. Этому можно приписать некоторые диалектальные расхождения между языком Ригведы и языком позднейшей литературы, в частности употребление *l* вместо ведического *g*. Кроме этого существовали диалектные ареалы, в которых сохранялись особенности, не встречающиеся в санскрите. В самом начале ведического периода существовали обширные поселения индоарийцев к востоку (Косала и т. д.) и к югу (Аванти и др.) от основного ареала, и разговорный язык периферийных областей в некоторых отношениях отличался от разговорной речи ареала, где классический язык сформировался. Иногда вместо термина „санскрит“ употребляют термин „древний индоарийский язык“, но это неправильно, потому что кроме диалектов, лежащих в основе санскрита, имелись и другие индоарийские диалекты. Термин „древний индоарийский язык“ следует употреблять для индоарийского языка в целом, так что понятие санскрита не покрывает его полностью.

От несанскритских диалектов индоарийского языка не сохранилось непосредственных данных, и о них трудно было бы что-либо сказать, если бы в позднейших среднеиндоарийских диалектах не имелось значительного материала, который невозможно объяснить из санскрита как ведического, так и классического периодов и который требует, чтобы мы исходили из равно древних, но иных форм индоарийского языка, о которых говорилось выше. Полностью материал этот еще не собран, однако мы располагаем достаточным свидетельством того, что в какое-то время такие несанскритские диалекты древнеиндоарийского языка существовали. Эти диалектные различия не слишком велики (по сравнению, например, с древними диалектами иранского), но они достаточны для того, чтобы принять их во внимание.

Из фонетических черт укажем прежде всего на изменение конечного *-az* в *-e* в отличие от его перехода в *-o* в санскрите и в позднейших пракритских диалектах центрального ареала. Явление это было отличительной чертой восточного индоарийского диалекта, но примеры этого можно встретить и на крайнем северо-западе. В Ригведе *sūre duihā* „дочь солнца“ сохраняет одну диалектальную форму такого типа. На месте санскритского *kṣ* среднеиндоарийские формы дают иногда *jh-*, *jjh-*, *ggh-* в тех случаях, когда в иранском имеем сочетание звонких *γž* (пракр. *ḷharaī* „течет“, пали *raggharati*, скр. *kṣar-*, Ав. *γžar-* и т. д.). Есть диалектальные варианты передачи древнего *ṛN* (*r̄*); в неко-

торых случаях засвидетельствовано древнеиндоарийское *īr* на месте скр. *īr*: пракр. *jūṇṇa-* „старый“ < **jūṇṇá-* (скр. *jīṇṇá-*), *tūha-* „брод“ < *tūrtha-* (скр. *tīrthá-*). В некоторых диалектах древнее *-zd-* заменено *-dḍ-* вместо одного *-ḍ* с компенсаторным удлинением гласного, как в санскрите, например: пали *piḍḍa-* : скр. *pīḍá-* „гнездо“. В пали *idha-* „здесь“ сохранилась более древняя форма слова, чем в скр. *ihá*. Практик. *siḍhila-* „распущенный“ (из **śiḥhila-*) и скр. *śithirá-* (*°la-*) являются параллельными независимыми образованиями от более древнего *śrthirá (*śrath-* „распускать“).

Можно заметить ряд грамматических различий, хотя утрата многих форм флексии в среднеиндоарийском стерла очень многие из них. Такие формы 3 л. мн. ч. *ātmanepada*, как пали *vijjare* „они видны“ (< *vidyare), указывают на то, что окончания на *g* гораздо шире употреблялись в каких-то древних индоарийских диалектах, чем в санскрите. В пали *jigucchatī* „испытывает отвращение“ (скр. *júgupsate*) видим удвоение *i* в дезидеративе от корней, содержащих гласный *u*, что отсутствует в санскрите, но известно в древнеиранском (Ав. *sixšnuša-* „желание радовать“). Пали *haḡāyati* „гневаается“ является продолжением древней индоарийской формы, относящейся к скр. *hṛṇīte* так же, как ведическое *grbhāyāti* к *grhṇāti*. В *viheseti* „повреждает“, *vihesā* „повреждение“ (< *viheṣayati, *viheṣā, *√hiṃs-*) представлены древние индоарийские формы, неизвестные санскриту. В пали *sabbadhi* „повсюду“ сохранилось древнее адвербиальное окончание, имеющее параллель в греч. *-θι*. В пракрите есть энклитическое *se* 3-го лица, соответствующее Ав. *he*, *še*, др.-перс. *šaiyu*, но не встречающееся в санскрите. Пали *kāhāmi* „я сделаю“ воспроизводит древнюю индоарийскую форму *aniḥ* будущего времени *kaṛṣyāmi, а не скр. *kaṛiṣyāmi*. Пали *sāmaṃ* „себя самого“, неизвестное в санскрите, эквивалентно Ав. *hāma-* и ст.-сл. *самъ*. Причастные формы, подобные *mukka-* „освобожденный“, *gūṇṇa-* „плачущий“, продолжают древние формы на *-pa*, а не скр. на *-ta*. Причастия Ардха-Магадхи (*Ardha-Māgadhī*) на *-mīṇa*, по видимому, представляют древний индоарийский вариант санскритских форм на *-pāna*. Причастие *dīṇṇa-* „данный“ вызывает предположение о древней форме удвоения *s i*, как в греческом (*didāmi: греч. *δίδομι*). Причастия на *-tāvin* (*vijitāvin-* „победивший“) являются древними формами, равнозначными санскритским причастиям на *-tavant-*. В *etase* „идти“ мы имеем ведический тип инфинитива, нигде более не встречающийся. Абсолютивы на *-tūna* (пракр. *°ūna*), *gantūna* и т. д. отличаются степенью гласного от ведических форм на *-tvāna*. Различия в степени гласного можно часто наблюдать в образовании основ, например: *supīna-* „сон“ = греч. *βλνος* в противоположность скр. *svārpa-* со ступеню *giṇa*; *gaṇi-* „тяжелый“ имеет степень *giṇa* в корне, в противоположность скр. *gurú-*; ср. еще *turita-* „торопящийся“, *thīna-* „ленивый“ (< **stīna-*) с скр. *tvarita-*, *styāna-*. Нередки также

образования именных основ, не представленные в санскрите, напр. пали *pañāru-* „мышца“, *theta-* „крепкий“, *theva* „капля“ < **snāru-*, **stheta-*, **steva-* (*stip-* „капать“); пракр. *māhaṇa-* „брахман“ (букв. „великий“), ср. Вед. *māhīna-* „великий“.

Даже в современных индоарийских языках встречаются иногда древние слова, не представленные на более ранних стадиях языка, например хинди *āṭā* „мука“, перс. *ārd* от корня, представленного в греч. *ἀλέω* „молоть“.

Из материалов, подобных этим, мы можем составить некоторое, хотя и неполное, представление о диалектальном многообразии древнего индоарийского. Об этом всегда надо помнить, чтобы быть в состоянии увидеть эволюцию санскрита в должной перспективе. Образование нормативного языка предполагает процесс строгого отбора и исключения. В любом разговорном языке наблюдаются непрерывные колебания от ареала к ареалу и от одного общественного класса к другому. Санскрит образовался на основе языка высших классов Мадхьядеши, на который повлиял более древний священный язык Ригведы, возникший дальше на запад. Это был центр распространения брахманской религии в ее ортодоксальной форме и установившегося нормативного языка брахманской общины, в какой бы части Арьяварты они ни проживали. Иногда Панини говорит о различиях в речи жителей Востока и Севера. Но это всего лишь общие места. Санскрит как разговорный язык был, в сущности, одним и тем же по всей Северной Индии и уже с самых давних времен также и на Декане. В глубине существовали диалектальные различия, едва заметные в ранний период и выступившие на свет на следующей стадии языка, в среднем индоарийском.

§ 3. Грамматики

Значение трудов грамматиков в истории санскрита не имеет аналогии в мире. Почти до самого последнего времени оставалась непревзойденной точность их лингвистического анализа. Все произведения санскритской классической литературы написаны на языке, до мельчайших деталей регламентированном трудами Панини и его последователей.

Интерес к грамматике возник в Индии прежде всего в связи с необходимостью сохранять в неприкосновенности священные тексты Вед. Огромное ритуальное значение придавалось тому, чтобы каждое слово, произносимое при жертвоприношении, произносилось абсолютно правильно. Одним из средств к достижению правильной передачи ведических текстов была Падапатха (*Paḍapāṭha*), в которой каждое слово текста повторялось в изолированном виде. Чтобы делать это правильно—как это в основном и было,—потребовались начала грамматического анализа, а поскольку это было связано со снятием сандхи, возникла необходимость и в фонетическом анализе.

Фонетическая наука, необходимая для правильного произнесения ведических текстов, изложена в Пратишакхьях (Prātiśākhya). Их несколько вследствие того, что они составлялись в различных ведических школах, и они излагают предмет очень детально и точно. Это важный источник, знакомящий нас с древним произношением. Еще не решен вопрос о том, принадлежат ли эти тексты в том виде, в каком они до нас дошли, времени, предшествовавшему Панини, но обучение по этому источнику в той или иной форме должно быть таким же древним, как сами ведические школы. Более поздние работы, разрабатывающие фонетику, — это Шикши (Śikṣā), существующие в большом количестве и содержащие ценные наблюдения.

Затруднения в толковании ведических текстов, возникавшие вследствие устаревания слов, привели к возникновению лексикографии. Самая ранняя работа этого рода, Нигханту (Nighaṇṭu), состоит из списков трудных ведических слов, имен божеств и т. д., составленных для учителей. Комментарий к этим словам, написанный Яской (который, по-видимому, жил примерно в одно время с Панини), содержит самое раннее систематическое рассмотрение вопросов грамматики. Здесь мы находим уже подразделение на части речи: nāman- „имя“, sarvanāman- „местоимение“, ākhyāta- „глагол“, upasarga- „предлог“ и nipāta- „частица“. Образование имен при помощи суффиксов kṛt- и taddhita- стало прочно установившейся теорией, и сообщается интересный спор между Шакатайаной (Śakāṭayāna) и Гаргьей (Gārgya) о том, все ли существительные можно образовать таким способом от глагольных корней. Первый утверждал, что это возможно, и, несмотря на неоспоримые противоречащие доводы Гаргьи, именно эта теория получила господство в санскритской грамматической теории. Несомненно одно, что гораздо большая часть санскритской лексики поддается такому анализу, чем это бывает в других языках.

Время жизни Панини обычно определяется четвертым веком до н. э., что соответствует местной традиции, приурочивающей его деятельность к правлению царя Магадхи Нанды. О его жизни не известно ничего, кроме того, что он родился на крайнем северо-западе Индии, в Шалатуре. Его „Аштадхьяйи“ (Aṣṭādhyāyī), раз и навсегда установившая формы санскритской грамматики, состоит приблизительно из 4000 афоризмов чрезвычайной лаконичности. Эта краткость достигается путем изобретения особой алгебраической системы записи, не встречаемой нигде за пределами грамматических школ. Система эта настолько своеобразна, что не могла быть изобретена там-то и тогда-то одним человеком и навязана им сразу же всем своим коллегам. Ясно, что она продукт многих столетий, и Панини следует считать только окончательным редактором традиционной Вьякараны (Vyākaraṇa), превосходившим всех других своей исключительной одаренностью и точностью. Правда, в тексте этом упоминаются многие предшест-

венники Панини, но высокие достоинства его собственной работы обрекли на быстрое забвение их заслуги.

Лакоичность, к которой стремился и которой достиг стиль Сутр, объясняется тем, что все обучение в то время было еще устным и успех его зависел от памяти. Это заставляет предположить существование с самого начала комментария (*vṛtti*), также устного, содержавшего примеры. Неизвестно, когда появились его первые записи; самый ранний известный нам комментарий к Панини, Кашика (*Kāśika*), возник через тысячу лет после его эпохи (около 700 г. н. э.). Несмотря на этот громадный разрыв во времени, надо полагать, что большая часть обширного лингвистического материала, содержащегося в этих комментариях, путем точной непрерывной традиции восходит к самому Панини.

Сутры Панини были пополнены и до некоторой степени исправлены Катьяяной (*Kātyāyana*) немногим позже составления самой Аштадхьяйи. Эти замечания (*Vārtika*-) так же лаконичны, как и оригинал, но, по счастью, они вскоре стали предметом обширных комментариев (*Mahābhāṣya*) Патанджали (*Patañjali*). Даты его жизни известны из современных ему ссылок, а именно на шунгского царя Пушьямитру и на набег бактрийских греков, что определенно указывает на второй век до н. э.*

Более поздних грамматических работ существует великое множество, возникло много различных школ, но ни одна из них не имеет самостоятельного значения, так как все они являются производными от Панини. Самое раннее из этих грамматических сочинений — Катантра (*Kātantra*) — появилось на рубеже старой и новой эры. Автор его, Шарваварман (*Sarvavarman*), как говорит нам традиция, был связан с деканской правящей династией Сатавахана. Целью работы была популяризация изучения нормативного санскрита среди более широких слоев общества, а не среди образованных брахманов, для которых писали Панини и его непосредственные последователи. Из более поздних работ можно упомянуть грамматику Чандры (*Candra*) (VI в. н. э.), очень популярную среди буддистов, а также сочинение Джайнендра Вьякарана (*Jainendra Vyākaraṇa*) (ок. 678 г.), составленное для джайнов. Позже ученейший Хемачандра (*Hemacandra*) составил, также для джайнов, свой „Хайма Вьякарана“ (*Haima Vyākaraṇa*). Кроме того известен ряд менее значительных грамматических систем, популярных в разных местах, но они не принесли с собой ничего нового.

Целью всех этих позднейших грамматик было подать материал, содержащийся в труде Панини, в сравнительно легкой для усвоения форме, и в этом отношении они оказали большую услугу очень многим, кто не был подготовлен к трудной задаче овладения текстом в оригинале. Насколько они были полезны, мы видим из их непрекращавшейся популярности. Они содержат мало оригинального, так как для них не существовало другого

источника, из которого они могли бы черпать идеи, кроме работ их знаменитого предшественника. Для Панини же главным источником его работы была его собственная живая речь и речь его современников. Заслуга его грамматической системы состоит в том, что благодаря Сутрам и комментарию к ним, а также таким вспомогательным спискам, как Дхатупатха (Dhātupāṭha), Ганапатха (Gaṇapāṭha) и т. д., весь необъятный современный им языковой материал был собран, проанализирован и кодифицирован в предписаниях, передававшихся от учителя к ученику в школах грамматиков. Быстрый процесс эволюции, в течение которого местные языки прошли различные стадии среднего индоарийского, все более повышал значение этой кодификации. Для древней Индии характерно то, что основатели школ и ученых возносились до положения полубожеств и считались всеведущими. В отношении Панини это более оправдано, чем в других случаях, поскольку он обладал непосредственным знанием живого санскритского языка IV в. до н. э., что являлось источником всех его теоретических положений. В результате его трудов и трудов его последователей эта форма языка стала считаться нормативной на протяжении последующего длительного периода классической цивилизации Индии. По мере того как разрыв между этим нормативным языком и местными языками возрастал, санскритский язык ораторов и писателей все больше ставился в зависимость от Панини, авторитет которого становился все более непререкаемым. Грамматика Панини базировалась на языке его современников, а язык Калидасы (Kālidāsa) и его преемников, наоборот, базируется на грамматике Панини. Санскрит классической литературы был живым языком в том смысле, что на нем писали и говорили образованные люди, предпочитая его любому другому языку, но в то же время это был язык, которому надо было учиться в школе, где требовалась строгая дисциплина ума. Все писатели того времени должны были знать наизусть всю Аштадхьяйи, так что в их работах всегда отчетливо выступает эта зависимость.

С течением времени разработка классического санскрита стала также зависеть от Коша (Kośa) или lexica, то есть списков слов. Если не считать ведических нигханту (nighaṇṭu), лексикография в Индии стала развиваться позже, чем грамматика. Сохранившиеся до наших дней lexica являются по большей части компиляцией более ранних работ. „Амаракoша“ (Amarakośa), самый ранний из существующих списков такого рода, не имеет точной датировки, но приблизительно приурочивается к 600—800 гг. н. э. Известны и иногда цитируются более ранние работы, но они не сохранились. Эти сочинения были написаны стихами и предназначались для заучивания наизусть; в традиционных школах этой практики придерживаются до сегодняшнего дня. Неясно, когда этот метод стал обязательным требованием в литературном обучении, но определенно можно

предположить, что в более поздний период санскритской литературы писатели проходили такую подготовку. Несмотря на позднюю датировку и в общем ненаучную методологию, эти списки слов представляют для нас значительную ценность, так как сохранили большое количество слов*, не известных дошедшим до нас текстам. Но в то же время в результате небрежной переписки и неточной передачи образовалось некоторое количество мнимых слов, которые можно удалить после тщательного сравнения различных списков.

§ 4. Эпический санскрит

Большая часть произведений классической санскритской литературы относится к гораздо более позднему периоду, чем время, когда Панини канонизировал язык. Ранний период литературной и языковой истории представлен двумя величайшими народными эпопеями, Махабхаратой (Mahābhārata) и Рамаяной (Rāmāyaṇa). По-видимому, оба эти произведения приобрели свою окончательную форму уже в новую эру, но традиция эпического повествования восходит к ведическому периоду. Особенно длительное время формировалась Махабхарата, так что большая часть текста, входящего в окончательную редакцию, может быть отнесена к более ранней поре.

Итак, в эпосе мы имеем обширную документацию санскрита, относящуюся к периоду, более близкому к Панини, чем классическая литература в узком смысле слова. Поэмы эти являются свидетельством широкой популярности этого рода санскритской литературы в народных массах, поскольку они адресовались не избранной и образованной аудитории, но всему народу для публичной декламации. Народный характер эпоса засвидетельствован самим его языком. По сравнению с современным ему средним индоарийским это определенно санскрит, но санскрит всё время нарушающий правила, установленные Панини и соблюдаемые более ортодоксальными литературными кругами. Приведем несколько характерных типов отклонения эпического языка от этих правил. Различение активных и средних форм глагола, которое полностью проводилось во времена Панини и на котором он настаивал довольно педантично, начинает стираться в эпосе. Активные формы употребляются вместо средних и наоборот, а иногда даже пассивные глаголы принимают окончания действительного залога (śrūyanti „слышны“ и т. д.). Иногда смешиваются формы герундия на -tvā и -ya, нарушая правило Панини, ограничивающее первые (на -tvā) простыми, а последние (на -ya) сложными глаголами. Встречаются формы претерита без аугмента, характерные как для Вед, так и для раннего среднеиндоарийского. И наоборот, иногда встречаются аугментированные формы с запретительной частицей (mā ... agamaḥ „не ходи“). Частица

mā употребляется не только с аористом без аугмента, как того требует правило, а без различия с императивом (mā bhava), оптативом (mā brūyaḥ), будущим временем (mā drakṣyasi) и т. д. Десятый класс и каузативные глаголы образуют медиальное причастие на -auāna (codauāna-, а не codauamāna-, как того требует правило)—форма, вызванная к жизни требованиями метрики. Не всегда соблюдаются тщательно разработанные Панини правила употребления чередующихся форм -ati и -anti при образовании причастий женского рода настоящего времени. Распределение форм seṭ и aniṭ часто не соответствует правилу.

Эти и другие неправильные формы совпадают с употребляющимися в раннем среднеиндоарийском, и это указывает, что эпический язык есть более поздняя форма санскрита, чем язык Панини. В эпосе мы не встречаем допанинийских форм, а это означает, что несмотря на то, что эпическая традиция восходит к ведическому периоду и сюжет Махабхараты был хорошо известен народу до эпохи Панини,—несмотря на все это даже самые ранние части существующего текста должны быть заметно позднее его времени. Поскольку передача эпического повествования в течение ряда столетий зависела от устной традиции, причем не от той точной устной традиции, какая была в ведических школах, то не стоит удивляться, что цикл сюжетов, возникших в ведический период, в своей окончательной форме появился на языке более позднем, не сохранившем архаических форм.

Декламация и передача эпических легенд были делом не брахманов, а сутов, царских слуг, чьи обязанности первоначально включали обязанность возницы. Естественно, их речь была ближе к народной, чем речь образованных классов, раг excellens брахманов. Но интересно, что несмотря на конкуренцию пракрита санскрит все время выходил за пределы жреческих школ, для которых предназначалась работа Панини. За пределами брахманских школ знание грамматической теории было, мягко выражаясь, элементарным, и во всяком случае в ранний период знание санскрита среди эпических сказителей опиралось в первую очередь на употребление, а не на обучение санскриту, соответствующему правилам. Отсюда возникла тенденция в какой-то степени приблизить язык к господствующему типу среднеиндоарийского. Позднее, когда разрыв между этими двумя типами языка стал больше, правильное обучение санскриту стало общей необходимостью, но к этому времени эпический стиль и эпический язык уже полностью отстоялись, и языковые особенности, подобные вышеуказанным, были приняты и закрепились.

Язык эпоса служил также образцом для языка Пуран (Purāṇa), первоначальное ядро которых относится к тому же периоду. Цикл этот продолжается в многочисленных позднейших компиляциях и далее в различных сектантских Агамах (Āgama) и т. д. С лингвистической точки зрения компиляции эти не

представляют большого интереса, разве только со стороны лексикологии, и многие из них, особенно позднейшие, свидетельствуют о недостаточной грамматической подготовке их авторов.

§ 5. Санскрит классической литературы

Особенности классического санскрита вытекают из того факта, что большая часть памятников относится ко времени гораздо более позднему, чем период нормализации языка. Если датировать Калидасу приблизительно 450 г. н. э., то от ученого грамматика Панини его отделяет не менее 800 лет; а творения Калидасы стоят почти в самом начале хронологического списка произведений классической литературы, которые дошли до нашего времени. Большая же часть этих произведений отдалена от нормализатора языка более чем на тысячелетие. Этим главным образом и объясняется та искусственность стиля и языка, которой не избежали даже лучшие авторы и которая у некоторых приобретает неразумно гипертрофированные формы.

Пробел в литературной традиции эпохи конца старой и начала новой эры объясняется гибелью образцов докалидасовской литературы, так как известно, что литература кавья (*kāvya*) во всех ее формах практиковалась в течение всего этого времени. Самые ранние санскритские надписи (напр., надписи Рудрадамана [*Rudradāman*], 150 г. н. э.) указывают на существование развитых санскритских кавья. Патанджали (ок. 150 г. до н. э.) цитирует некоторые фрагменты из этих поэм, упоминая имя поэта Вараручи (*Vaṛaruci*). Творчество самого Патанджали является ценным образцом прозаического стиля своей эпохи, давая нам возможность составить представление о раннем панинийском санскрите того времени, когда он был еще вполне живым языком. Произведения Ашвагхоши (*Aśvaghoṣa*), процветавшего при царе Канишке (*Kaniṣka*) (78 г. н. э.), сохранились в Непале (и фрагментарно в Средней Азии); давно позабытые в Индии, они по счастливой случайности дошли до нас как единственные образцы санскритской литературы кавья в ее самой ранней форме.

Несмотря на строгое соблюдение грамматических правил, разрыв во времени между Панини и классической литературой, который можно восполнить лишь частично, повлек за собой определенные изменения в стиле и употреблении классического санскрита. Изменения эти включают как утраты, так и ряд инноваций. Из потерь самой важной является разрушение старой системы ударения. Система эта была в полной силе в эпоху Патанджали и, конечно, продолжала существовать некоторое время после этого, но к тому времени, когда была создана основная масса произведений классической литературы, эта система уже вышла из повседневного употребления. Некоторые из грамматических форм Панини хотя и признавались, практически не

употреблялись. Уже Патанджали замечает, что такие формы перфекта 2 л. мн. ч., как *ūṣa*, *tega*, *saḥga*, больше не употребляются, а их место заняли причастные формы *uṣitāḥ*, *tīgāḥ*, *kṛtavantāḥ*. Позже были молчаливо отвергнуты и другие формы. Существует много конструкций и идиом, преподносившихся Панини, но не засвидетельствованных в более поздней литературе (*anvāje-* или *prāje-kṛ* „усиливать“, *nivasape-kṛ* „молчать“ и др.). Многие другие формы, очевидно, употреблялись позднейшими авторами как доказательство их грамматической учености (например, в *Naiṣadhacarita* — *darśayitāhe*, форма 1 л. описательного будущего среднего залога). Есть утраты в словаре, и такие слова, как *anva-vasarga-* „разрешающий кому-либо идти своим путем“, *nīra vasita-* „отлученный“ и *abhreṣa-* „пригодность, подходящесть“, больше не употребляются. Особенно много терминов, нигде, кроме этого произведения, не встречающихся, в Ганапатхе (*Гапарāṭha*), а так как этот текст передавался в течение долгого времени без указания значений, то теперь зачастую невозможно раскрыть значение таких слов. Старое различие по значению между тремя прошедшими временами (имперфект, аорист, перфект) обычно не соблюдалось. Аорист, хотя и употреблялся учеными, по-видимому, вышел из общего употребления¹. Медиальные перфектные причастия на *-āpa* совершенно перестали употребляться, а причастия действительного залога на *-vas* попадают лишь изредка.

Инновации позднейшего классического санскрита коснулись главным образом синтаксиса и лексики. Самой поразительной чертой синтаксического развития является нарастающая тенденция к употреблению сложных слов и все большая длина и сложность этих слов. В древнем санскрите сложные слова употреблялись ничуть не больше, чем в гомеровском греческом. В языке времен Панини продолжали существовать строгие правила и ограничения образования сложных слов, что явствует из собственных утверждений и примеров Панини. В более позднем языке сложные слова образуются без ограничений (например, любое прилагательное можно сочетать с любым существительным, что противоречит первоначальному правилу, по которому это можно было делать только тогда, когда слово имело специфическое значение, *kṛṣṇasagra-* „кобра“ и т. д.) и нередко в полном противоречии с правилами Панини (например, *jagatkartar-* „творец вселенной“, вопреки Панини 2. 2. 15—16). Но главное заключается в том, что больше не существует ограничения в количестве компонентов сложного слова, поскольку сложные слова, как самостоятельные единицы, могут сочетаться с последующими словами, и в результате нагромождения образуются длинные комплексы, в которых

¹ Герой драмы Падмапрабхритака (*Padmaprābhṛtaka*, ок. II или III в. н. э.) просит грамматиста, говорящего педантически правильно, употреблять обычный санскрит (*vyāvahārikā bhāṣā*). Педантичность, иллюстрируемая примерами, заключается в свободном употреблении форм аориста и дезидеративов.

синтаксическое отношение членов выражается без использования флексий. Такая практика не только расходится с древним употреблением и индоевропейским употреблением вообще,— она явно шла вразрез с любой формой разговорной речи, преобладавшей в Индии в тот период. Это языковое новшество есть чисто литературное явление и служит признаком возрастающей искусственности санскрита по мере того, как возрастало различие между ним и народным среднеиндоарийским*.

Другая синтаксическая инновация относится к области глагола, но (в отличие от первой) она базируется на народной традиции. В раннем среднеиндоарийском языке из прошедших времен сохранился только аорист с примесью некоторых форм имперфекта, ко времени же позднего пракрита все следы старых прошедших времен исчезли. Их место заняли пассивные конструкции со страдательным причастием прошедшего времени, и именно отсюда произошли все прошедшие времена современного индоарийского. Эта тенденция отражена и в санскритской литературе, где пассивные конструкции постепенно начинают преобладать. Конструкция эта имела очевидное преимущество простоты, поскольку можно было обходиться без сложных глагольных окончаний. Поэтому в произведениях нарочито простого стиля, таких, как Хитопадеша (Hitopadeśa), избирается именно эта конструкция. Для действительного залога приспособляется причастие на -tavant, которое служит одной из форм, способных выражать прошедшее время: kṛtavān „он сделал“. Именное предложение, в котором смысл выражается путем сопоставления подлежащего и сказуемого без всякого глагола, становится все более употребительным. Особенно это относится к философской литературе, а так как этот специальный язык также предпочитает длинные сложные слова, то можно встретить пространные периоды, в которых вся грамматика заключается в нескольких падежных окончаниях отвлеченных имен существительных.

Лексический состав санскрита был в общем замечательно устойчив. Все же в позднейшей литературе можно выбрать значительное количество слов, не существовавших в более древний период. Иногда слова эти не были зафиксированы раньше чисто случайно, но даже сделав это допущение, мы все же видим, что остается порядочное количество новых слов. Словарь пополнялся из нескольких источников, а именно:

1) Слова могли по мере надобности создаваться на основе существующих санскритских корней, префиксов и суффиксов, а также путем образования новых сложных слов с новыми значениями.

2) Санскритом были усвоены некоторые пракритские слова, например: bhāṭṭa-, bhāṭṭāga-, bhāṭṭāraka- „хозяин, господин“ (скр. bhartar-), uḍu- „звезда“ (скр. ṛtu- „время года“; вследствие правильного понимания слова uḍuvaī „луна“ <скр. ṛtupati- „повелитель времен года“).

3) Как и в других сферах культуры, древняя Индия и в языке нелегко поддавалась иностранным влияниям. По этой причине иностранных слов мало, но некоторое количество все же существует. Появляется древнее иранское слово для понятия „письмо“: скр. *lipi*, Ашока *dipi* и *lipi*, др.-перс. *dipi*-. Более поздние контакты с иранцами дали еще несколько слов, например *vāgābāpa*- „вооружение, кольчуга“ (др.-иран. * *vagorāpa*- „защищающий грудь“), *khola*- „шлем, род шапки“ (Ав. хаода, пашту *xōl*). Др.-перс. *asabāga* „всадник“ было воспринято как *aśvavāga*-. Ряд таких слов, как, например, *divira*- „писец“, бытовали только на Северо-Западе и общего распространения не получили. В результате греческого правления в Северо-Западной Индии появилось несколько греческих слов, например *khalīna* „уздечка“ (*χαλιμός*), *suṅghā*- „подземный ход“ (*σῦγγῆ*). Кроме того встречаются заимствования научных терминов из области астрономии, например, *jāmitra*- из *διάμετρον* *. Наблюдается тенденция искажать эти слова до неузнаваемости через народную этимологию. Греч. *κάμηλος* „верблюд“ становится *kramelaka*-, как если бы оно было образовано от корня *krām*- („ступать“). Таким же образом астрономический термин *ὕδροχόρος* („Водолей“) превратился в *hṛdroga*-, а *ἑρβίλλος* „горох, вид *cicer arietinum*“ в *hari-mantha*-. Через торговлю с восточными странами в Индию попадали некоторые иностранные товары; среди них, например, *lavaṅga*- „гвоздика“ сохраняет свое индонезийское название (*lawañ*).

4) Дравидийские и коларские заимствования будут рассматриваться особо ниже. Особенно многочисленны и важны дравидийские слова, так как они были неиссякающим источником обогащения санскритской лексики с самых древних времен.

5) Термин *deśī* применяется к пракритским словам, не произошедшим от санскритского эквивалента. Количество таких слов, которые могут быть объяснены из дравидийского или какого-либо другого источника, сравнительно невелико и вряд ли будет увеличиваться. Их стало еще больше в современный индоарийский период, и для филолога они представляют нелегко разрешимую проблему. В общем классический санскрит избегает таких слов, но все же ряд их вошел в словарь, особенно значительное количество их восприняли джайнские писатели.

§ 6. Санскрит и пракрит

На всем протяжении его существования у классического санскрита был соперник — среднеиндоарийский в его различных формах, не только как разговорный язык, но также и как язык литературы. В древний период это соперничество было гораздо значительней, чем позже. Хотя на первый взгляд это и кажется

парадоксальным, но санскрит достиг своего полного развития как язык культуры и государственного управления к тому времени, когда он уже давно перестал быть родным языком народа.

Расцвет среднеиндоарийского языка как языка литературного совпал с основанием новых религий—буддизма и джайнизма, это примерно 500 год до н. э. Основатели этих религий намеренно избрали проводником своего учения местный разговорный язык, и прежде всего магадхский диалект. В III в. до н. э. царь Ашока велел вырезать свои надписи на различных местных диалектах, игнорируя санскрит. Из этого следует, что государственным языком Маурийской империи был также среднеиндоарийский, а не санскрит, как это было повсеместно позже. Если бы развитие не изменило своего направления, то санскрит мог бы уступить место более молодому языку, но случилось обратное, и с конца маурийского периода начался устойчивый процесс, в результате которого санскрит стал доминировать в области литературы, культуры и государственного управления.

Эпиграфическая традиция, установившаяся во времена царя Ашоки, удерживалась в течение нескольких столетий, так что вплоть до начала новой эры для эпиграфических целей использовался только местный язык, а это означает, что на нем писались все деловые и административные бумаги (будучи написаны на непрочном материале, они до нас не дошли). С началом новой эры в надписях начинает появляться и санскрит; сначала он конкурирует с пракритом, а затем завоевывает право на исключительное употребление. Надпись Рудрадамана (*Rudradāman*) (150 г. н. э.) является свидетельством победы санскрита в одной части Индии. На юге пракрит употреблялся дольше и был вытеснен санскритом только в IV или V в. н. э. В конце концов пракрит полностью вышел из употребления, и начиная с периода Гупта до мусульманских завоеваний употреблялся исключительно санскрит— правда, часто сильно искаженный.

Языковая революция в эпиграфике имела параллели в других областях. Ранние буддийские надписи были составлены исключительно на среднеиндоарийском. Перелом совершился к началу новой эры, и северные буддисты приняли санскрит. Большим мастером изысканного санскрита считается Ашвагхоша (*Aśva-ghoṣa*) (ок. 100 г. н. э.); и то, что он избрал средством пропаганды своих идей этот язык, показывает, какое влияние приобрел санскрит к этому времени. Здесь следует отметить, что санскрит утвердил свое господство прежде всего на Севере. Тхеравадины Южной Индии и Цейлона оставались верны пали.

Джайны проделали тот же переход медленней, чем буддисты. Из всех индийских сект они были наиболее консервативными и вплоть до окончательной канонизации священных книг Шветам-

баров (Śvetāmbara) на соборе в Валабхи (Valabhī) в 526 г. н. э. пользовались исключительно пракритом. Но в последующий период даже они склонились к употреблению санскрита, хотя в то же время они наряду с санскритом продолжали серьезно разрабатывать пракрит, тогда как в других литературных кругах традиционный пракрит употреблялся немногим более, чем с целью литературных упражнений.

В этих областях мы можем проследить переход, приведший к преобладанию санскрита, в других же недостаток материалов затрудняет исследование и нам трудно составить ясную картину перехода. При Сатаваханах (Śātavāhana) и их преемниках в поэтической литературе на махараштри (mahārāṣṭri) заметна живая действенная традиция лирической поэзии, фрагменты которой сохранились в антологии Халы (Hāla). Но более крупные поэтические произведения раннего периода написаны на санскрите. Махабхарата и Рамаяна имеют в литературной истории Индии такое значение, какого даже отдаленно не могло достичь ни одно произведение, написанное на пракрите, а ведь они были созданы в тот период, когда, судя по надписям, пракрит преобладал над санскритом в обиходной речи. Таким образом, становится ясно, что эпиграфические надписи дают однобокую картину тогдашних языковых отношений. Даже в эпоху наивысшего расцвета пракрита за пределами сектантских религий санскрит оставался главным литературным языком Индии.

Растущее преобладание санскрита над пракритом в начале нашей эры можно объяснить двумя причинами — идеологической и практической. В маурийский период иноверческие религии буддизма и джайнизма приобрели такое влияние, что стали угрожать существованию старого брахманского порядка. В последующий период, начавшийся с узурпации власти Пушьямитрой (Puṣyamitra) (ок. 188 г. н. э.), наступает реакция, и иноверческие системы постепенно начинают отступать перед лицом победоносной ортодоксальной религии. Это изменение религиозной атмосферы отразилось и на языке, и санскрит, ассоциируемый с традиционной ведической религией, занял место пракрита, развитие которого было обязано главным образом деятельности неортодоксальных сект.

Практической же причиной послужило то, что санскрит был единственным языком для всей Индии. В ранний среднеиндийский период различия между многочисленными местными языками не были еще настолько велики, чтобы препятствовать взаимопониманию, но даже тогда Ашока счел необходимым высечь на камне свои эдикты на трех различных диалектах. С течением времени различия между местными диалектами увеличивались, так что санскрит стал необходимым звеном в культурном единстве Индии. К тому же пракриты были неустойчивы и на протяжении веков переживали непрерывные изменения. Любой литературный язык, образовавшийся на основе разговорного диалекта,

быстро устаревал. В позднейший период традиционные пракриты были так же искусственны, как и санскрит, но в то же время они не имели его преимуществ—повсеместной понятности и полезности. Только по этим причинам санскрит оказался единственной языковой формой, которая могла служить национальным языком в древней Индии, где культурное единство, гораздо более действенное и важное, чем ее политическая разобщенность, делало такой язык настоятельной необходимостью. Отношение между санскритом и пракритами превосходно иллюстрируется санскритской драмой, где одни персонажи говорят на санскрите, другие—на пракрите; такое сценическое употребление, без сомнения, точно отражает реальную практику того времени. Употребление санскрита довольно узко ограничено высшими классами общества—на нем говорят цари, министры, ученые брахманы и т. п. Женщины, за немногими исключениями, говорят на пракрите, так же как и дети,—из чего видно, что пракрит был родным языком для всех. Далее, на пракрите говорили не только низшие классы общества, но также богатый и влиятельный класс купцов и банкиров. Комическая фигура видушаки (*vidūṣaka*)—необразованного, говорящего на пракрите брахмана,—указывает на то, что не все представители класса брахманов были способны к напряженной тренировке ума, необходимой для овладения санскритом.

Однако только самые ранние драмы, среди которых лучшим из сохранившихся образцов является Мриччхакатика (*Mṛcchakatika*), отражают живой язык. В большей части дошедших до нас драм, относящихся к более позднему периоду (500—1000 гг. н. э.), композиция традиционна, а пракрит становится просто видоизмененным санскритом, употребляемым по всем правилам грамматики, затверженным путем зубрежки. В этот период разговорный язык сильно продвинулся по направлению к современному индоарийскому.

§ 7. Санскрит буддистов и джайнов

Принятие санскрита буддистами, а затем и джайнами расширило рамки санскритской литературы, а санскритский язык, который в силу этого стал служить новым запросам, под пером этих авторов не остался без изменений. Санскритизация буддийской литературы была особенно сложной, так как она шла постепенно и, начавшись с компромисса между санскритом и среднеиндийскими диалектами раннего буддизма, закончилась принятием чистого классического санскрита. Различаются следующие типы буддийского санскрита:

1) Смешанный санскрит употреблялся школой Махасангхика (*Mahāsaṅghika*). В этом языке первоначальный пракрит наполовину санскритизирован, слова в основном возведены к их сан-

скритской фонетической форме, но пракритская грамматика по большей части сохраняется. Например, пали bhikkhussa, род. ед. от bhikkhu- „монах“ (скр. bhikṣu-), не заменяется правильной санскритской формой bhikṣos, а механически изменяется в bhikṣusya. Можно предположить, что некоторое время в определенных кругах действительно употреблялся такой смешанный язык — теми, кто желал употреблять санскрит высокого стиля, но был не в состоянии овладеть его грамматикой.

2) Сарвастивадины (Sarvastivādin) на северо-западе с самого древнего периода приняли нормативный санскрит. До нас дошли фрагменты старых канонических произведений, переведенных на санскрит, язык которых по необходимости полностью усвоил лексику и синтаксис первоначального магадхи (māgadhī), но в остальном свободен от варваризмов первого типа (если не считать некоторых ложных приемов санскритизации, которых и следовало ожидать).

3) От второго типа санскрита мы должны отличать работы той же школы, не являющиеся переводами, а составленные самостоятельно много позже канонической литературы. Рассказы, включенные для оживления повествования Винайя-питаки (Vinaya-piṭaka) и собранные в Дивьявадане (Divyāvadāna), лучше всего отражают этот тип санскрита. Хотя язык этих рассказов часто не удовлетворяет правилам грамматики Панини, стиль их удивительно ясен и прозрачен и является переменной к лучшему после нарочитой искусственности некоторых произведений классической прозы. Для лексики характерно употребление многих разговорных и областных слов, многие из которых снова появляются в современном индоарийском языке (например, lardaya- „нагружать“, хинди lāḍnā).

4) Чисто классический санскрит со всеми особенностями стиля кавья (kāvyā) встречается в трудах Ашвагхоши (Aśvaghōṣa) и его преемников. Эти труды отличаются от других образцов классической санскритской литературы лишь употреблением буддийских технических терминов. Авторы трактатов по логике и философии следуют стилю сходных ортодоксальных санскритских книг, добавляя только терминологию, характерную для буддистов.

Джайны дольше всего противились употреблению санскрита и стали свыкаться с ним лишь во второй половине первого тысячелетия н. э. В течение этого периода пракрит очень медленно и постепенно уступает дорогу санскриту, но в конце концов, как и повсюду, санскрит завоевывает первенство. Язык древней пракритской литературы влияет на санскрит джайнов в том же направлении, как и на санскрит буддистов. В области лексики санскрит джайнов черпает из народных источников еще больше, чем современный ему классический санскрит, и многие слова, знакомые современному индоарийскому, часто впервые засвидетельствованы именно там.

§ 8. Санскрит в Индии и смежных странах

Распространение индоарийского в Южной Индии задерживалось местными дравидийскими языками (тамильским, телугу, каннара), которые с течением времени стали литературными языками. Тем не менее влияние индоарийского в этом районе было всегда мощным, что видно по лексике этих языков, отраженной в самых древних памятниках. Раньше всего на них стал оказывать влияние пракрит, бывший государственным языком в правление Сатаваханов и их непосредственных преемников. Надписи, находимые на территориях, простирающихся далеко на юг до Канчи, указывают, что весь ареал языков телугу и каннара находился под властью арийских династий, чьим родным языком был пракрит. Вторгшиеся индоарийцы не были настолько многочисленны, чтобы сделать свой язык разговорным языком в этом ареале, и приблизительно после 400 г. н. э. пракритские надписи исчезают. В области управления и культуры пракрит, как и повсюду, сменился санскритом, а как разговорный язык утвердился местный дравидийский. В то же время стали литературно разрабатываться местные дравидийские языки, каннара приблизительно с 450 г., а телугу—с 650 г. н. э. Влияние пракрита на эти языки, датируемое ранним периодом, быстро сменилось широким наступлением санскритской лексики. В своей ранней классической форме дравидийские языки очень широко заимствовали из санскрита; процесс этот продолжался и в последующие периоды. В настоящее время существенная и значительная по объему часть лексики этих языков—санскритская.

На крайнем юге, на территории распространения тамильского языка, индоарийское влияние было слабее всего. Тамильский самым первым из дравидийских языков начал употребляться в литературных целях, и на первых порах он был относительно свободен от арийского влияния. В более поздний период влияние санскрита усиливается, но никогда не достигает таких масштабов, как в ареалах телугу и каннара.

Цейлон получил свой арийский язык в результате колонизации из восточной Индии. Кроме того, через буддизм литературным языком там стал пали. Еще позже началось насаждение санскрита, в некоторые периоды очень усиленное.

С распространением буддизма началось индоарийское языковое влияние в обширных районах Центральной Азии. Некоторое время административным языком служила одна из форм пракрита в царстве Крорайна в Китайском Туркестане. Буддийские санскритские тексты были очень популярны на огромной территории, и памятники, давно утраченные в Индии, за последние годы были обнаружены в Центральной Азии. Под влиянием буддизма начали развиваться местные языки этого ареала, особенно хотанский (иранская группа) и два близкородственных индоевропейских языка, именуемые тохарскими.

Лексика этих языков широко использует санскритский или пракритский источники. С другой стороны, тибетский язык, ставший буддистским с VII в., сопротивлялся иностранному языковому влиянию, и вследствие, так сказать, значительного *tour de force* вся буддийская терминология была переведена на местный тибетский. Еще ранее это было проделано китайцами, где различие между письменностью и живым языком делало неприемлемым всякий другой способ.

Влияние санскрита было не менее сильным в странах, расположенных к востоку и юго-востоку от Индии. Мы располагаем ранними сведениями о влиянии санскритского буддизма в Бирме. В результате религиозной реформации (XI в. н. э.) санскритский буддизм был заменен буддизмом Тхеравады (*Theravāda*), ставшим официальной религией, а с ним, как язык этой религии, был введен пали. Дальше на восток были индийские колонии в Южном Сиаме (*Dvāravatī*), Камбодже (*Kambuja*) и Аннаме (*Camrā*). В этих районах сохранились многочисленные санскритские надписи II—III вв. н. э., указывающие на значение санскрита в этом ареале; влияние его ощущалось в местных языках, когда они стали литературно обрабатываться. (Даже в настоящее время сиамский язык свою техническую лексику черпает из санскрита.) В ту же эпоху индийская культура распространилась до Индонезии, и санскритская литература культивировалась на Яве, Суматре и Бали.*

Местные языки подпали под сильное влияние санскрита, и слова культуры и по сей день широко бытуют в этом районе. Классический язык Явы изобилует санскритскими словами, а ее литература вдохновляется санскритскими образцами. Мусульманское завоевание Явы (XVI в. н. э.) положило конец преобладанию индийской культуры в этом районе, но влияние предшествовавших столетий было слишком глубоким и его нельзя было искоренить.

§ 9. Письмо в Индии

Искусство письма в арийской Индии появилось поздно. Оно существовало в индийской цивилизации до арийского завоевания и погибло вместе с ней. В период создания ведийской цивилизации в Индии не существовало никакой формы письма, поэтому была разработана техника сохранения в неприкосновенности ведийской литературы путем устной традиции. Эта устная традиция даже после введения системы письма сохранялась в различных областях знания и до самого последнего времени оставалась характерной чертой образования и культуры в Индии.

Когда впервые появился в Индии алфавит, неизвестно, но насколько позволяет судить сохранившаяся документация, в III в.

до н. э. уже было два вполне развитых алфавита — кхароштли (kharoṣṭhī) и брахми (brāhmī) в надписях царя Ашоки. Алфавит кхароштли, где слова пишутся справа налево, ограничивается крайним северо-западом Индии, то есть той частью страны, которая в предшествующие столетия была частью персидских владений. Это адаптация арамейского алфавита, употребленного в том районе в Ахеменидский период. Алфавит, вероятно, был создан уже к концу этого периода и оставался в употреблении в данном ареале, а также в некоторых прилегающих областях Центральной Азии до IV в. н. э. — после этой даты записи на нем исчезают.

Алфавит брахми, где, в отличие от кхароштли, слова пишутся слева направо, является источником всех позднейших индийских алфавитов, а также алфавитов тех стран, на территории которых распространялась индийская культура (например, бирманский, сиамский, яванский алфавит и др.). Он также происходит от какой-то формы семитского алфавита, но точный источник его происхождения и время его создания не ясны. Предполагается, что он мог быть занесен из южных семитских стран через торговые пути, ведущие в порты западной Индии, а его составление обычно относят предположительно к 500 г. до н. э.

Работа по приспособлению этого алфавита была нелегкой, так как нужны были добавочные знаки для гласных и требовалось произвести различные изменения и добавления, чтобы должным образом передать индийскую систему согласных. Совершенство, с каким эта задача была разрешена, было результатом трудов древних индийских фонетистов, о чьих достижениях мы уже упоминали. Но несмотря на это, письмо очень медленно прививалась в брахманских школах; первое время его функция охватывала только области деловой и административной деятельности, функция письма как орудия литературы стояла на втором месте. По этой причине все дошедшие до нас ранние записи были сделаны на пракрите, санскритские документы появляются позже. Маловероятно, чтобы существовала значительная письменная литература ранее II в. до н. э.

Древний алфавит брахми был сравнительно однороден и был принят во всей Индии, за исключением небольшого района, где употреблялся кхароштли. С началом новой эры оформились местные варианты, и брахми развился в несколько местных алфавитов, отличающихся друг от друга тем больше, чем дальше они отошли от первоначального оригинала. Структурная основа этих алфавитов оставалась одной и той же, но индивидуальные формы букв бесконечно варьировали. В северной Индии алфавит постепенно стал тем, что известно теперь под названием деванагари (Devanāgarī). С введением книгопечатания этот алфавит был принят для санскрита повсеместно: до этого санскритские рукописи выполнялись на различных местных алфавитах тех районов, где они составлялись, например, шарада (śāradā) в

Кашмире, грантха (grantha)—в области бенгали, ория, телугу-каннара, малаялам и в Тамилнаде.

Самым распространенным материалом для письма в Индии служили пальмовые листья, и их исключительное применение для этих целей преобладало в южной Индии до последнего времени. Буквы вырезались на этом материале при помощи палочки—стиля, а затем втирались чернила. На севере, особенно в Кашмире, употреблялась также внутренняя сторона бересты, на которую чернилами наносились буквы. Этот способ применялся на севере и для рукописей на пальмовых листьях, так что различия между северным и южным алфавитами обычно зависят от различных способов письма. Из-за непрочности этих материалов подлинные древние индийские рукописи очень редки. Самые древние из них были открыты—в более или менее фрагментарном состоянии—в сухих почвах Центральной Азии. Основная же масса санскритской литературы сохранилась лишь в рукописях, относящихся к последним нескольким столетиям.

Глава III ФОНОЛОГИЯ

§ 1. Индоевропейская система согласных

Сравнительное изучение фонетических систем существующих индоевропейских языков дает возможность реконструировать достаточно определенно фонетику праязыка. На этой базе можно получить систематическое изложение фонетики санскрита как системы в историческом плане, где можно различить отдельные стадии развития в доисторический период в их относительной хронологии. Это развитие может быть охарактеризовано как: 1) изменения в индоевропейский период; 2) изменения, общие только для индоарийского и иранского; 3) изменения, характерные для индоарийского, произошедшие после его отделения от иранского. Намечая фонетическое развитие санскрита, мы будем указывать, насколько возможно, к которому из этих периодов относятся различные изменения.

Всеобщее признание специалистов по сравнительному языковедению получила следующая реконструкция индоевропейской системы согласных: *

		Глухие	Глухие приды- хатель- ные	Звонкие	Звонкие приды- хатель- ные	
Смычные	{	Лабиовелярные	k ^w	k ^w h	g ^w	g ^w h
		Велярные	k	kh	g	gh
		Палатальные	k̠	k̠h	g̠	g̠h
		Дентальные	t	th	d	dh
		Лабиальные	p	ph	b	bh

Носовые: m, n, ŋ; Плавные: l, r; Полугласные: y, v; Свистящие: s, z; Сомнительные: ʃ, ʈ.

Есть два типа реконструкций. В первом, наиболее частом случае фонема, постулируемая для индоевропейского, встречается в ряде существующих языков, в которых она сохраняется без изменения; во втором случае, реже, — фонема, предполагаемая

для индоевропейского, нигде как таковая не сохранилась: она выводится путем сравнения форм, от нее произошедших. Естественно, в первом типе мы имеем наибольшую определенность, но и чистые реконструкции второго типа, за немногими исключениями, не вызывают особых сомнений. В нижеприведенных примерах индоевропейский согласный сохраняется без изменений в санскрите и других языках:

p: páñca „пять“, греч. πέντε; pátati „он летит“, греч. πέτεται; ára „прочь, от“, греч. ἀπό; sárpati „ползает“, греч. ἔρπει, лат. serpit.

t: tanú- „тонкий“, греч. τανυ-, лат. tenuis; tráyas „три“, греч. τρεῖς, лат. trēs; vártate „поворачивается“, лат. verto.

d: dáśa „10“, греч. δέκα, лат. decem; dīrghá- „длинный“, греч. δολιγός, ст.-сл. дългъ; véda „я знаю“, греч. οἶδα, лат. video.

k: kṛavīś „мясо“, греч. κρέας; kákṣa- „подмышка“, ср. лат. соха.

g: yugám „ярмо, иго“, греч. ζυγόν, лат. jugum; sthag- „покрывать“, греч. στέγω.

p: páma „имя“, лат. pōmen; náva- „новый“, греч. νέος, лат. novus; pábhas „облако“, греч. νέφος; dánam „дар“, лат. dōnum, ст.-сл. дань.

m: mātár- „мать“, лат. māter; mā „меня“, лат. mē; mūṣ- „мышь“, лат. mūs, ст.-сл. мышь; dáma- „дом“, греч. δόμος, лат. domus.

l: lubh-, lúbhyati „желать, домогаться“, лат. lubet, гот. liufs, ст.-сл. лубъ; laghú- „легкий“, греч. ἄλαχός, лат. levis.

r: rudhírā- „красный, кровь“, греч. ἐρυθρός, лат. ruber; gāj-, gājan- „царь“, лат. rex, галл. °gīx; bháratī „несет“, греч. φέρω, лат. fero, гот. baíra.

y: yúvan- „молодой человек“, лат. juvenis; yákr̥t „печень“, лат. jecur; yūṣ- „отвар, суп“, лат. jūs, ст.-сл. юха.

w (v): vāc- „речь“, лат. vox; váhati „везет“, лат. vehit; náva- „новый“, лат. novus; ávi- „овца“, лат. ovis.

s: sána- „старый“, лат. senex, ирл. sen; sánti „они суть“, лат. sunt; sūnú- „сын“, лит. sūnūs, гот. sunus; ámsa- „плечо“, гот. ams; ásthī „кость“, греч. ὀστέον, лат. os, ossis.

Во всех подобных случаях реконструкция индоевропейских форм представляет наименьшие затруднения; реконструкция в полном смысле слова не обязательна, так как рассматриваемые фонемы сохранились во множестве языков. Они сохранились не во всех языках (например, англ. thin—лат. tenuis; уэльс. hen, ирл. sen), но изучение имеющихся материалов не оставляет сомнений в том, какие языки сохранили первоначальную фонему. В других случаях изменение пошло дальше. Есть даже случаи, когда первоначальный индоевропейский звук сохранился в одном-единственном языке; бывает и так, что звук, теоретически восстанавливаемый для праязыка, не сохранился нигде. Но даже в этих случаях бывает возможно довольно определенно установить первоначальный звук.

§ 2. Звонкие придыхательные

Звонкие придыхательные, которые, как обычно считается, существовали в индоевропейском, сохранились как класс только в санскрите. В других языках их изменение шло разными путями. В иранском, славянском и др. они утратили придыхание; в греческом они изменились в соответствующие глухие придыхательные, в латинском (и других италийских диалектах) — во фрикативные. Примерами этого ряда служат следующие слова:

bh: скр. *bhrǵī-* „бровь, лоб“, греч. *ὄφρυς*, ст.-сл. *брьвь*; *bhrātā* „брат“, греч. *φράτηρ* „член братства“, лат. *frāter*, ст.-сл. *вратръ*, др.-ирл. *bráthir*; *bhāratī* „несет“, Ав. *baraitī*, греч. *φέρω*, лат. *fero*, арм. *berem*, ст.-сл. *вѣрѣж*, гот. *baíra*, др.-ирл. *berim*; *nábhās* „облако, небо“, греч. *νέφος*, ст.-сл. *нѣво*, хетт. *periš*.

dh: *dhā-*, *dādhāti* „помещать, класть“, Ав. *daḍāiti*, греч. *τίθημι*, лит. *diėti*; *dhūmā-* „дым“, ст.-сл. *дымъ*, лат. *fūmus*; *mādhu* „мед“, Ав. *maḍu*, греч. *μέθυ*, ст.-сл. *медъ*, англо-сакс. *medu*, др.-ирл. *mid*; *vidhāvā* „вдова“, ср. греч. *ἡθεις* „холостой, неженатый человек“, ст.-сл. *вдова*, лат. *vidua*, др.-ирл. *fedb*.

gh: *stigh-* „шагать“, греч. *στειγω*, гот. *steiga*; *meghā-* „облако“, ср. греч. *μίχλη*, ст.-сл. *мыгла*, алб. *mjegule*. В ряду гуттуральных звонкие придыхательные в санскрите изменились наряду с другими членами этого ряда. Об этом будет подробнее сказано ниже.

Хотя звонкие придыхательные из всех индоевропейских языков сохранились только в индоарийском, можно без особых сомнений приписать это праязыку, так как никакой другой тип фонемы не может так просто объяснить появление различных новообразований. Поэтому нельзя согласиться с теорией, по которой считается, что здесь мы имеем дело с рядом собственно индоарийских фрикативных.

Хотя санскрит сохранил звонкие придыхательные как класс звуков, они не все остались без изменения. Особые новообразования звонких придыхательных будут рассматриваться ниже. Зубные и губные звонкие придыхательные, как правило, сохранились, что видно из вышеприведенных примеров, но в некоторых случаях (и уже в очень древний период) *dh* и *bh* ослабились в *h*, что предвещает их дальнейшие изменения в среднеиндоарийском:

dh: *hitā-* „помещенный“ (*dhā-*), также *-dhita-* в Ведах; *-hi*, окончание 2 л. ед. ч. повел. накл., также *-dhi*, Ав. *-ḍi*; глагольное окончание 1 л. дв. и мн. ч. средн. залога *-vahe*, *-vahi*, *-vahaḥ*; *-mahe*, *-mahi*, *-mahai*, ср. Ав. *-maide*, *-maidī*; *ihā* „здесь“, пали *idha*, Ав. *iḍa*; *sahā* „с“ (предл.), в Ведах также *sadha-* в сложных словах, Ав. *haḍa*; *lōhita-*, *rōhita-* „красный“, ср. гу-
dhirā; *rōhati* „карабкается“, Вед. также *rōdhati*; *nah-* „связывать“, ср. прич. прош. вр. *naddhā-*; *snuh-* „капать“, ср. Ав. *snaod-*.

bh: grah- „хватать“, Вед. также grabh-; kakuhá- „высокий“, наряду с kakubhá- — то же, kakúbh- „вершина“.

В санскрите не допускается придыхательный, когда за ним следует другой придыхательный. Действие этого правила в грамматике проявляется в редупликации, где стоит соответствующий звонкий непридыхательный—dhā-, dadhāu, bhā-, babhāu, hap-: jaghāna. То же правило наблюдается в греческом (βυῖσχω: τέθυγα); это, однако, не является индоевропейской чертой, которую санскрит унаследовал вместе с другими языками; процесс в каждом языке шел независимо. В греческом утрата придыхания произошла только после оглушения звонких придыхательных, в результате чего появились непридыхательные глухие. Вследствие этого в таких случаях в греческом мы имеем начальный глухой, соответствующий начальному звонкому в санскрите. Таким образом, индоевропейский корень bheudh- „замечать“ дает, с одной стороны, греч. πείθωμαι (через *φευθ-), а с другой—скр. budh-. То же соответствие наблюдаем в греч. τεῖχος „вал, стена“ и скр. dih- „смазывать, скреплять землей“ и dehi „вал“; точно так же греч. πειθερός „тесть, свекор“ : скр. bandhu- „родственник“, bandh- „связывать“; греч. πῆχυς „рука“ : скр. bāhú-; греч. πυθμήν „дно“ : скр. budhná-*. В других индоевропейских языках диссимилиации такого рода не было, так что, какая бы фонема ни соответствовала индоевропейскому звонкому придыхательному, она появляется и в этой позиции. Например, от и.-е. dheigh- (скр. dih-) got. deigan „месить“, лат. fingo, оск. feihúss „muros“.

Когда звонкий придыхательный стоял непосредственно перед конечным s или t, придыхание исчезло уже в древний период, например, в скр. ádhok, 2 и 3 л. ед. ч. имперф. от duh- „дойти“— вместо первоначального *ádhokṣ, *ádhokt; ádhāk—3 л. ед. ч. аориста на -s от dah- „гореть“, вместо *adhākṣt; точно так же в им. ед. от корневых основ °dhuk „доение“, °dhruk „повреждение“, от °dhukṣ, °dhrukṣ. В их первоначальной форме эти корни имели два придыхательных, *dhugh-, *dhagh-, *dhrugh-. В вышеприведенных сочетаниях второе придыхание исчезло до того, как вступило в силу правило об ассимиляции придыхательных, и потому в этих случаях сохранилось придыхание начального согласного. Параллельное явление произошло и в греческом: θρίξ „волос“, множ. τρίχες, τρίφω „я кормлю“, буд. τρίφω. Если судить по отдельным языкам, то казалось бы, что в подобных случаях придыхание конечного звука отодвинулось назад, но из сравнительного изучения становится ясным, что первоначально здесь было два придыхания, из которых первое в этих условиях избежало диссимилиации.

Судьба внутренних сочетаний „звонкий придыхательный + t или s“ была иной и будет описана ниже (§§ 14, 16). Здесь мы только заметим, что придыхание в класс. dhīpsati и т. п. по сравнению с Вед. dīpsati является аналогическим новообразованием.

§ 3. Глухие придыхательные

Глухие придыхательные встречаются только в индоиранском, и с разной степенью частоты, но даже и в нем они гораздо менее часты, чем соответствующие звонкие. Лишь немногие из них можно отнести к индоевропейскому путем непосредственного сравнения. Такой материал для сравнения можно подыскать только в греческом, где есть несколько придыхательных, соответствующих глухим придыхательным санскрита, и в армянском. Во всех других языках, за исключением некоторых следов в латыни (например, *funda* „праща“ — греч. *σφενδύλη*), этот ряд согласных смешался с глухими непридыхательными.

Иллюстрацией послужат следующие примеры:

ph: скр. *sphūj-*, греч. *σφαρχέομαι* „лопаться, трещать“; *sphuá-* „деревянный ковш“, ср. греч. *σφήν*; *phāla-* „сошник“, перс. *su-rā-*; *sphurāti* „трепещет, дрожит“, лит. *spiriu*, греч. *σπαίρω*, лат. *sperno*, ср. также греч. *σφαῖρα* „шар“; *phēna-* „пена“, осет. *fiŋg*, ст.-сл. *пъна*, др.-прус. *spraupo*; *śarhá-* „копыто“, Ав. *safa-*.

th: *véttha* „ты знаешь“, греч. *οἶσθα*; *sthā-* „стоять“, греч. *ἵστημι* „ставить“; *sthag-* „покрывать“, греч. *στέγω*; *rátha-* „колесница“, Ав. *raða*, ср. лат. *rota* „колесо“; *rṭhú-* „широкий“, Ав. *ragəθu-*, греч. *πλατύς*, без придыхания, но ср. *πλαθάνος*¹ „доска или лист для печения“; *rṭhuka-* „молодое животное“, арм. *orṭh* „теленка“, греч. *πόρτις*, *πόρταξ* „тёлка“, без придыхания, но ср. *παρθένος* „девица“ — с придыханием*.

kh: *śāṅkhā-* „раковина“, греч. *κόγχος*; *śākhā* „ветка“, арм. *цах*, лит. *žakà*; *khā* „родник“, Ав. *xā*.

В противоположность звонким придыхательным, составляющим древний и первичный элемент индоевропейской фонетической системы, глухие придыхательные — явление позднее, и благодаря последним достижениям индоевропейской теории происхождения и возможностям показать, как они возникли. Помимо возможных случаев спонтанного придыхания в сочетании с *s* (скр. *sthag-* и т. п.), их появление можно приписать сочетанию индоевропейского *H*** с предшествующим непридыхательным глухим. Природа этого *H*, интенсивно изучаемого за последнее время в индоевропеистике, будет рассмотрена ниже. Сейчас достаточно заметить, что оно исчезло во всех индоевропейских языках, за исключением хеттского, но в тех случаях, когда ему непосредственно предшествовали *p*, *t*, *k*, оно делало эти согласные придыхательными. Таково придыхание в скр. *sthā-* „стоять“ (и.-е. *stā*, то есть *staH-*, то есть *steH₂*), которое появляется сначала из редуцированной формы корня, и.-е. *stH-* (скр. *tiṣṭhati* <*ti-stH-eti*), и отсюда уже обобщается. В греческом, с другой стороны (*ἵστημι*), преобладает непридыхательное *t*, свойственное сильной форме корня. В сан-

¹ Обычно *πλαθάνον* или *πλαθάνη*. — Прим. ред.

скритском path- „дорога“ (инстр. pathā и т. д.) <patH- H—это суффикс, который в ступени guṇa выступает как ā (<aH) в им. ед. panthās. В этом последнем случае th появляется только по аналогии с формами слабых падежей, что подтверждается формой Ав. panthā (первоначальное чередование pantaH / patH-). Корень pṛath- „простираться“ и его производные (pṛthú- „широкий“ и др.) содержит в себе два инкорпорированных суффикса (и.е. pī-et-H), сочетание, дающее в санскрите глухой придыхательный. Этот суффикс -H-, без вклинившегося суффикса t, появляется в хетт. palhiš „широкий“ и лат. plānus. В греч. πλατύς нет суффикса H и, следовательно, нет придыхания. В скр. gátha- „колесница“ мы имеем субстантивированное прилагательное (*gatH-á- „колесный“ с обычным переходом ударения), образованное от основы на ā (-aH), которая выступает в лат. rota „колесо“ (rotaH).

Соответствующую аспирацию звонких через H, возможно, и следует принять во внимание, но примеров такого рода немного. Таким примером может послужить скр. síndhu- „река“, если сравнить его с корнем syand- „течь“, где форму существительного можно легко объяснить присутствием суффикса H- перед конечным суффиксом и.

Полагают, что один тип и.е. H (H₃) по-иному влиял на предшествующий глухой, озвончая его: скр. ríbatī-, др.-ирл. íbíd „пьет“ (√rḃ-, то есть reH₃, наст. вр. *rī-pH₃-eti), но это, по-видимому, единственный пример. Попутно можно отметить, что звук b, исключая случай, подобный этому, или как аллофон p (скр. upabdā-, ср. pad- „нога“ и т. д.) был чрезвычайно редок, если не полностью отсутствовал в индоевропейском языке.

§ 4. Первая палатализация

Когда мы обращаемся к так называемому гуттуральному ряду (лабиовелярные, велярные, палатальные, см. выше), то обнаруживаем, что эти звуки сильно изменились в санскрите. Начнем с ряда палатальных. Следующие параллели иллюстрируют их судьбу:

k: скр. śván- „собака“, Ав. span-, греч. κύων, лат. canis; śatām „сто“, Ав. satəm, лит. šimtas : греч. ἑκατόν, лат. centum, др.-ирл. cēt, гот. hund; śete „лежит“ : греч. κείται; śāṅkate „колеблется, сомневается“ : лат. cunctor; víś- „клан, поселение“, Ав. viś-, др.-перс. viθ-, ст.-сл. вьсь „деревня“, алб. vis „место“ : ср. греч. οἶκος „дом“, лат. vicus; śróṇī- „зад“, Ав. zraoni-, лит. šlaunis : лат. clūnis, др.-исл. hlaun; śru- „слышать“, śrávas- „слава, слух, молва“, Ав. sru-, srauah-, ст.-сл. слово: греч. κλέος, κλύω, лат. clueo и т. д.; dadárśa (3 л. ед. ч. перф.) „он увидел“ : греч. δέδωκε; diś- „показывать“ : греч. δείκνυμι, лат. dīco и т. д.

ǵ: скр. jānu „колено“, Ав. zānu; греч. γόνο, лат. genu; jārant- „старый“, арм. сег „старик“, греч. γέρων; jāmbha- „зуб“, ст.-сл. зъвъ, алб. бепр — то же : греч. γόμφος „гвоздь“, англ. comb („гребень, гребенка“), тохар. А kam, тохар. В keme „зуб“; juṣ- „радоваться“, jóṣa- „радость“, Ав. zaōša- — то же : греч. γεύομαι „пробовать“, лат. gustus, гот. kiusan „выбирать“; rajatā- „серебро“, Ав. əzəzata-, греч. ἀργυρος, лат. argentum, ирл. argat — то же; ájati „гонит“, Ав. azaiti, греч. ἄγω, лат. ago; bhūrja- „береза“, лит. bėržas, ст.-сл. вьрза, англо-сакс. beorc.

ǵh: скр. himá- „снег“, hemantá- „зима“, Ав. zima-, арм. յիւն „снег“, алб. dimen, лит. žiemà, ст.-сл. зима : греч. χειμών, лат. hiems, др.-ирл. gim-red „зима“; amhú- „узкий“, amhas- „страдание, затруднение“, ст.-сл. ѡзъкъ „узкий“, греч. ἄγχω „душить“, лат. angō, angustus, др.-ирл. cum-ung, гот. aggwus „узкий“; lih- „лизать“, арм. lizum, лит. liežiù, ст.-сл. мизати, греч. λείχω, лат. lingo, др.-ирл. ligim, гот. bi-laigōn „лизать“.

Следует отметить, что окончательные результаты индоарийского и иранского развития отличаются друг от друга: скр. ś, j, h = Ав. s, z, z. Это связано с тем, что изменение происходило в два этапа: (1) первоначальное общее индоиранское развитие ś, ž, žh; (2) их изменение в реально засвидетельствованные формы после разделения этих языков. Первое изменение является общим для индоиранского и языков группы satəm (см. гл. 1) и произошло оно в индоевропейский период. Позже в других языках также произошли различные, специфичные для каждого из них процессы, результаты которых в славянском, например, оказались идентичными с иранским.

Промежуточные формы ś, ž, žh объясняют большинство индоиранских образований (так же как и балто-славянских), но очень возможно, что до наступления полной ассибиляции была пройдена стадия аффрикат. Доказательство этого сохранилось в кафирских диалектах, занимающих промежуточное положение между индийским и иранским. Передача этих звуков, например, в кати diś „десять“ и ciī „пустой“ (скр. dáśa, śīpnyá-), видимо, отражает форму, более древнюю, чем санскритская. Поэтому мы можем постулировать более древний индоиранский ряд (что относится вообще к языкам satəm): ś, j, jh (или t', d', d'h, который следует отличать от č, j, jh второй палатализации). Если это так, то возможно, что (1) скр. j этого ряда, с его аффрикативным произношением, развилось непосредственно из j вследствие смешения с другой аффрикатой j без сибилантной стадии ž и (2) что др.-перс. θ, d, появившиеся на месте s, z остальных иранских языков (θard- „год“, Ав. sarəθ-, скр. śarád-; dauθtar- „друг“, Ав. zaōša- „радость“, скр. jóṣa-, joṣtár-; dasta- „рука“, Ав. zasta-, скр. hásta-), развились непосредственно из таких аффрикат и, следовательно, не было общего развития этих звуков в иранских языках.

§ 5. Судьба лабиовелярных

Для всех языков группы *satəm* характерна одна общая черта, а именно утрата губного элемента в индоевропейском ряде *k^w*, *g^w*, *g^wh*. В языках группы *sentum* этот ряд сначала сохранялся, но позднее подвергся различным изменениям, из которых самым обычным была замена согласных этого ряда чисто губными смычными. Оставляя в стороне те случаи, на которые оказала влияние вторая палатализация, мы можем проиллюстрировать судьбу лабиовелярных следующими примерами:

k^w: скр. *ká-* „кто?“, *kím* „что“, лит. *kàs*, ст.-сл. *къ-тѣ* : греч. *τίς* „кто“, *πό-θεν* „откуда“, лат. *quis*; *yákr̥t* „печень“, Ав. *yākaḡ*; греч. *ἵπαρ*, лат. *jesur*; *kṛīṇāmi* „я покупаю“, др.-рус. *крычти*; греч. *ἐπρίαμην* „я купил“, ирл. *ceinim*, уэльс. *pryaf*; *kṛmī-* „червь“, лит. *kirmėlė* : ирл. *cuim*, уэльс. *pryf*; *ṛīṇákti* „оставляет“, *ṛiktá-* „оставленный“, арм. *lk'anem* „я оставляю“, *elik'* „он оставил“, лит. *liekù* „я оставляю“, греч. *λείπω*, лат. *linquo* и т. д.

g^w: скр. *gam-*, *gácchati* „идти“ : греч. *βάσχω*, лат. *venio*, гот. *qiman*; *gó-* (им ед. *gaús*) „корова“, арм. *kov*, ст.-сл. *говѣдо*: греч. *βοῦς*, лат. *bōs*, др.-ирл. *bō*; скр. *gnā* „(божественная) женщина, жена“, Ав. *gəṇā*, др.-прусс. *geppa*, арм. *kin*, мн. ч. *kanaik'* : греч. *γυνή*, *βανᾶ*, ирл. *ben*, гот. *qinō*; *giráti* „глотает“, лит. *geriù* „я пью“ : греч. *βράζ* „пища“, лат. *vogāre* „пожирать“; *gurú-* „тяжелый“, греч. *βαρύς*; *gur-* „поднимать“, Ав. *gar-* „бросать“ : греч. *βάλλω*; *grāvan-* „пресс, камень“ : ирл. *bḡō*, род. пад. *bḡoon*, уэльс. *breuan* „жернов“.

g^wh: скр. *jaghāna* „убил“, др.-ирл. *geguin*, ср. греч. *ἔπεφνον*, *φόνος*; *arghá-* „цена, ценность“, лит. *algā* : греч. *ἀλφάνω* „зарабатывать“, *gharmá-* „жара“, Ав. *garəma-*, др.-прусс. *gorgme* : греч. *θερμός* „жаркий“, лат. *formus*; *laghú-* „легкий, быстрый“, греч. *ἑλαφρός*, *ἐλαφρός*, лат. *levis*.

Как видно из этих примеров, языки *satəm* одинаково отбросили всякие следы губного элемента в этих согласных, и это — вместе с тем фактом, что они претерпели первую палатализацию, — является верным доказательством того, что они произошли от одной диалектной группы внутри индоевропейского. Оба эти изменения относятся к позднему индоевропейскому периоду, но не к периоду самостоятельного развития различных языков этой группы.

Элемент *w*, присоединявшийся к этим велярным, отличается от полного индоевропейского *w* тем, что он не переходит в гласный *u* при элизии последующего гласного, например: скр. *hānti* „он убивает“ : *ghnānti* „они убивают“ от и.-е. *g^whenti* : *g^whnonti*; так же в греч. *ἔπεφνον* и т. д. в отличие от обычной передачи *w*, что видно из таких случаев, как *svárpa-* „сон“ : *suptá-* „уснувший, спящий“. Возможно, однако, что это относится только к поздней индоевропейской стадии. Существуют остаточные явления, особенно в хеттском, в которых этот элемент вокализирован, как это бывает с чистым *w*. Соответственно санскритским

глагольным формам, приведенным выше, в хеттском имеем: 3 л. ед. ч. *kuenzi* : 3 л. мн. ч. *kupanzi*, а скр. *paht-*, греч. *νύξ*, лат. *nox* „ночь“ (и.-е. *nokʷt-*) в хеттском соответствует *pekuz meḥur* „ночное время“. Другими примерами такого развития служат тохар. А *kuryär* „торговля“ : скр. *kgī-* „покупать“ (и.-е. **kʷgī*); тохар. А *kukäl* „колесница“, греч. *κύκλος*; „колесо“ : скр. *sakrá-*, англ. *wheel* (**kʷekʷlos*) „колесо“ и в греч. *ἡγή* „женщина“ : скр. *gnā* (**gʷnā*). Подобные примеры, видимо, отражают более древнюю стадию индоевропейского языка, когда губной элемент в сочетании с этими веллярными был тождествен обычному *w*.

§ 6. Ряд чистовеллярных

Этот ряд был придуман для того, чтобы объяснить те случаи, в которых *k*, *g* и т. д. языков группы *centum* не палатализуются в языках *satəm*; они лишены также губного элемента, чье влияние так заметно на лабиовеллярных. Можно привести следующие примеры:

k: скр. *kákṣa-* „подмышка“, ср. лат. *coxa* („бедро“), др.-в.-нем. *hansa*; скр. *kraviṣ-* „мясо“, лит. *kraūjas*, ст.-сл. *крьвь*, греч. *κρέας*, лат. *caro*; скр. *kṛntāti* „он режет“ (*√ker-t-*), греч. *κείρω*; скр. *karkaṭa-* „краб“, греч. *καρκίνος*, лат. *cancer*; *kṛnāti* „прядет“, ср. греч. *κάρταλος* „корзина“, лат. *crātis*; *āká-* „сгиб, колено“, ср. лат. *uncus* [„крюк“], греч. *ὄγκος*; *kulva-* „лысый“, лат. *calvus*; *kaví-* „мудрец“, греч. *κῶσω* „замечать“, лат. *saveo*.

g: скр. *sthag-* „покрывать“, греч. *στέγω*, лат. *tego*; *tigmá-* „острый“, греч. *στιγμή* „прокол“, *āgas-* „вина“, греч. *ἄγος*; „преступление“; *ugrá-* „сильный“, Ав. *aogaṭə* „сила“, лат. *augeo*, *augustus*.

gh: скр. *stigh-* „шагать“, греч. *στειχω*, гот. *steiga*; *dīrghá-* „длинный“, ст.-сл. *длъгъ*, греч. *δολιχός*, хетт. *dalugaš*; *meghá-* „облако“, лит. *miglà*, греч. *ὄμιγλη*.

Затруднение, возникающее при постулировании третьего ряда в праязыке, состоит в том, что в существующих языках встречается не более двух рядов (лат. *quis* : *canis*, скр. *kás* : *śvan-*). В свете этого весьма сомнительно, чтобы в индоевропейском существовало три ряда. Предположение этого третьего ряда было весьма удобно для теоретиков, но мало вероятности, чтобы оно соответствовало действительному положению вещей. Далее, при ближайшем рассмотрении это предположение оказывается совсем не таким удобным, как хотелось бы. В какой-то мере оно объясняет вышеприведенные соответствия, в ином случае показавшиеся бы неправильными, но все же эта гипотеза не объясняет значительного количества форм в языках группы *satəm*, которые не подходят под эту схему. Таковы скр. *klam-* „устанавливать“ наряду с *śgam-*—то же, ср. греч. *κλαμαρός* „слабый, медлительный“ и гис-/гук- „сверкать“ наряду с *gúsant* „яркий“—ср. греч. *λευκός* „белый“ и т. д. Примеры этого типа особенно часты в балто-сла-

вянских языках: лит. актиў „камень“, скр. ášman-, ср. греч. ἀχιμῶν („наковальня“); klausýti „слышать“, ср. скр. śroṣamāṇa-, тохар. A klyos; лит. rekus, др.-прус. reški, скр. ráṣu- „домашнее животное“, лат. реси; ст.-сл. свѣръ, скр. śváśura-, лат. socer; ст.-сл. урѣд „стадо“, скр. śardha-; лит. smákrà „подбородок“, алб. mjekërë, скр. śmáśru- „борода“, ирл. smech „подбородок“.

Ясно, что теория, которая оставляет без объяснения почти такое же количество случаев, как и то, которое она объясняет, не очень-то хорошо обоснована, и поскольку эти необъясненные случаи следует толковать как результат смешения диалектов в древнем индоевропейском, то проще всего перенести это объяснение и на остальные примеры, тем более что по исключении ложных этимологий¹ и при учете чередований в суффиксах и возможной утраты лабиализации в соседстве с гласным u (напр., kvaivš-, ugrá-) случаев, подкрепляющих эту теорию, останется совсем немного.

§ 7. Вторая палатализация

После того как завершился процесс изменений, характерных для языков группы satəm, в исходном диалекте индоиранского языка имелось два ряда—k, g, gh и ś, ž, žh (или ć, ĵ, ĵh). Этот последний ряд оставался по существу без изменений до конца индоиранского периода. Первый же ряд претерпел следующие изменения. Перед гласными ĕ (позже перешедшими в ā в индоиранском), ĭ и полугласным у согласные k, g и gh дали соответственно аффрикаты č, ĵ и ĵh, из которых последний дал в иранском j, а в санскрите h.

k: скр. са „и“, греч. τετ, лат. que; catvāras „четыре“, ст.-сл. чѣтырь, лит. keturi, греч. τέσσαρες, лат. quattuor; śacate „общается“, Ав. hačaiti, греч. ἑπεται „следует“, лат. sequitur, ирл. sechithir; ráñsa „пять“, лит. penkì, греч. πέντε, лат. quinque; rácati „стряпает“, ст.-сл. пачѣтъ, но 1 л. ед. ч. пѣнѣ; sakrá- „колесо“, англо-сакс. hweohl, ср. греч. ἄχλος, тохар. A kukäl; cágu- „вид посуды“, англо-сакс. hweg „котел“, ср. др.-ирл. coige, уэльс.raig—то же.

g: скр. ĵivá- „живой, жизнь“, ĵivati „живет“, Ав. ĵvaiti, ст.-сл. живѣ, лат. vīvus, греч. βίος; ĵuá „тетива“, лит. gijà „нить“, греч. βίος „лук“, játu „камедь, лак“, англо-сакс. cwīdu, ср. лат. bitūmen „смола“, °jāni- „жена“, гот. qēns; rājanĭ „ночь“, греч. ἔρεμνός „темный“.

gh: скр. hánti „убивает“, Ав. ĵainti, в противоположность скр. jaghána „убил“, др.-ирл. geguin, хетт. kuenzi „убивает“, árhati

¹ Например, скр. kāla- „черный“ происходит из дравидийского и не связано с лат. cāligo и т. д.; арийский корень kap- (скр. kapuā „девушка“ и т. д.) нельзя соотносить с греч. καινός „новый“, так как первоначальное значение корня kap- совершенно точно „маленький“, а не „новый“.

„достонн“, Ав. arəjaiti, в противоположность скр. arghá- „цена“, лит. algà „вознаграждение“, греч. ἀλφάω; hágas- „жара“, греч. θερός „лето“ (: скр. gharṁá- и т. д., как приведено выше); dáhati „горит“, Ав. dažaiti : nidāghá- „летняя жара“, лит. degù „я горю“.

Вторая палатализация прошла в индоиранском довольно рано, еще до перехода ě в а, что отличает эту ветвь от остальных индоевропейских языков. Аналогичные изменения обнаруживаются в некоторых других языках группы satəm, например в славянском (вѣтърѣ, живѣ) и армянском (jergm „теплый“), но, по-видимому, в них процесс прошел независимо и позднее.

§ 8. Два ряда палатальных в индоарийском

В индоарийском различие между двумя рядами палатальных, полностью сохранившееся в иранском (s, z, z : č, j, j), удержалось только в глухих (š : s). С другой стороны, звонкие, как непридыхательные, так и придыхательные, слились в j (=ž и j) и h (=žh и jh) соответственно. Однако эти два ряда продолжают различаться в грамматической системе, так как в зависимости от происхождения j и h передаются двумя различными способами в разнообразных контекстах. В склонении и спряжении правила сандхи действуют по-разному, в зависимости от происхождения j и h. Это можно показать на примере образования причастия на -ta от двух типов корня.

j: (a) yaj- „жертвовать“ (Ав. yaz-) : ištá-, sṛj- „отпускать“ (Ав. haəz-) : sṛšá-; mṛj- „вытирать“ (Ав. marəz-) : mṛšá-.

(б) nij- „мыть“ (Ав. naēj-) : niktá-; bhaj- „распределять“ (Ав. baj-) : bhaktá-; yuj- „соединять“ (Ав. yaoj) : yuktá-.

h: (a) vah- „везти“ (Ав. vaz-) : ūdhá-; lih- „лизать“ (Ав. gaēz-) : liḍhá-; sah- „побороть“ (Ав. haz-) : sādḥá-, soḍhá-.

б) dah- „гореть“ (иран. daĵ-, Ав. dažaiti) : dagḍhá-; druh- „вредить, предавать“ (Ав. druĵ-) : drugḍhá-.

В этом, как и во многих других отношениях, различие между двумя рядами сохраняется в санскритской грамматике. В отличие от первой палатализации, которая проходила при всех условиях, вторая палатализация протекала иначе, и поэтому в корнях существует чередование палатализованных и непалатализованных форм в зависимости от того, был ли последующий гласный первоначально ě или ō. Это видно из таких перфектов, как jaghāpa „убил“ и jigāya „победил“, если мы сопоставим их с формами настоящего времени hánti и jáyati. Подобное чередование недопустимо в корнях, где j и h принадлежат к первому ряду палатальных, например, jajāna „породил“ (jan- : Ав. zaṇ-) и juhāva „позвал“ (hū- : Ав. zav-).

По всей вероятности, сначала распределение палатализованных и непалатализованных форм полностью зависело от природы последующего гласного, и, следовательно, чередование этих двух

форм действовало в парадигмах имени и глагола. В параллельной палатализации в славянском такое чередование существует; например, им. ед. *vlūkŭ* „волк“ — зв. ед. *vlŭče*; рекр „я пеку“ — ресетŭ „он печет“. Вследствие естественной тенденции языка к сглаживанию таких неправильностей (как это и случилось позднее в русском языке) палатализация в старославянском языке, по-видимому, произошла незадолго до начала литературной традиции. Но с другой стороны, в индоиранском изменение это произошло достаточно рано, так что действие аналогии не сказалось особенно сильно. Варьирование парадигм имени и глагола по славянскому типу было упразднено, кроме случаев гласных и согласных суффиксов (местн. ед. *vasī*, местн. множ. *vākṣŭ*). Но между различными отыменными производными (*bhoga-* : *bhoja-* и т. д.) чередование остается в силе. В начале корня чередование палатального и гуттурального остается только в нескольких корнях, приведенных нами выше. По большей же части оно не сохранилось, и в этом отношении санскрит проявляет бóльшую склонность к инновациям, чем древнеиранский; ср. скр. *akar*, 3 л. ед. ч. корневого аориста. Ав. *šōgəŭ* (древнеарийское *ačart* < *ekert*) и *agamaŭ*, аорист на -а, Ав. *jiṃaŭ*. В последнем случае собственное имя *Jamadagni-* („идущий к огню“) сохраняет древнюю, доведическую форму. При удвоении в перфекте и т. д. чередование сохраняется, так как первоначально гласным удвоенного слога был *e* (*jagāta* < *g^weg^wōte* и т. д.).

В санскрите есть несколько примеров, где *j* более древнего палатального ряда чередуется с *g* при образовании именных производных, напр. *sārga-* „распространение“ (*srj-*, Ав. *harəz-*), *yāga-* „жертва“ (*yaj-*, Ав. *yaz-*). Гуттуральный здесь не может быть исходным, он объясняется здесь аналогией с палатальными более поздних рядов, аналогией, вошедшей в силу после того, как в произношении слились два ряда звуков.

§ 9. Судьба звука *s* в индоиранском и славянском

В санскрите зубной свистящий после *k*, *g*, *ḡ*, *i* и *u*, как правило, заменяется церебральным. Аналогично в иранском *s* (>иран. *h*) заменяется звуком *š*. В славянских же языках *s* в этом положении обычно заменяется звуком *sh*, представляющим собою более древнее *š*. В литовском мы встречаем сходное изменение, но только после *g*. Приведу примеры:

После *k*: (скр. *kṣ*, иран. *xš*, слав. *ch* < *kx* < *kš*). Скр. *vakṣyāmi*, Ав. *vaχšyā*; скр. *kṣudṛá-* „маленький“, ср. ст.-сл. *худъ*; скр. *āraikṣam*, сигматический аорист от *ric-* „оставлять“ (и.-е. *leik^w-*), греч. *ἔλειψα*; ср. ст.-сл. *тъхъ*, сигматический аорист от *тъиѡ* „я бегу“.

После *k̄*: скр. *ś*: (скр. *kṣ*, иран. *š*, слав. *s*), скр. *ákṣa-* „ось“, Ав. *aša-*, ст.-сл. *ось*, лит. *ašis*, греч. *ἄξων*, лат. *axis*; скр. *dákṣiṇa-* „правая (рука)“, Ав. *dašina-*, ст.-сл. *досьнь*, лит. *dešinė*, греч.

δέξιός, лат. dexter и т. д.; скр. takṣ- „тесть“, Ав. taš, ст.-сл. тесати, лит. tašyti, греч. τέχνη „искусство“ (*téksnā), τέκτων „плотник“ (*tékstōn), хетт. takš „соединять“, лат. texo „ткать“; скр. makṣū „скоро“, Ав. moṣu, лат. тох.

После г (и ǝ): скр. várṣman- „вершина“, várṣīyas „выше“, ст.-сл. връхъ „вершина“, лит. viršus „верхняя часть“; miṣ- „не обращать внимания, прощать“, máṛṣa- „терпимость“, лит. miršti „забывать“, maĩšas „забывчивость“, тохар. А mārs- „забывать“; dhṛṣṇóti „он смеет“, др.-перс. adaršnauš „он посмел“, ср. греч. θάρσος „смелость“, гот. gadars „сметь“, англ. durst „смел“ и т. д.

После i: скр. piṣ- „колотить“, ст.-сл. пыхати „стучать, ударять“, лат. pinso; trišú, местн. мн. от tri- „три“, ст.-сл. трьхъ; ásvesu-, местн. мн. от ásva- „лошадь“, Ав. aspaēšu, ср. ст.-сл. вльцьхъ (вльць „волк“); viṣa- „яд“, Ав. vīša-, лат. vīrus, греч. ἰός—то же.

После u: juṣ- „радоваться“, jóṣa- „радость“, Ав. zaoš-, ср. лат. gustus и т. д.; mīṣ- „мышь“, ст.-сл. мышь, лат. mūs и т. д.; śúṣka- „сухой“, śóṣa- „высушивание“, Ав. huška- „сухой“, ст.-сл. соухъ, лит. saũsas, греч. αῖος—то же.

Как видно, параллелизм между индоиранским и славянским не совсем полный, потому что они различаются в передаче s после k̂ (> скр. ś, слав. s). Но во всех других отношениях они дают сходные результаты, и соответствия это настолько близкое, что трудно предположить, чтобы такие изменения могли произойти независимо одно от другого*. В литовском наблюдается то же развитие, но только в сочетании с г, что указывает на более отдаленные контакты, нежели между индоиранским и славянским.

В санскрите не было церебрализации s, когда за ним непосредственно следовали г или ǝ, например: viśga- „дурно пахнущее (мясо)“, ср. viṣa- и т. д., Ав. vaēša- „гниение“; tisrās, tisṛbhis, tisṛpām от tri- „три“; род. ед. usrās от uṣar- „заря“, sisrate от sar- „двигаться“. В языке Авесты такого ограничения нет, например: tišgō, им. мн. жен. р., ср. θri- „три“.

§ 10. Так называемое „подвижное“ s

В тех случаях, когда индоевропейский s являлся первым членом начальной группы согласных, он был неустойчивым звуком и при условиях, которые оказалось невозможным точно выяснить, оно исчезало. В различных языках формы с s и без него встречаются рядом, как видно из следующих примеров:

скр. tānyati „гремит гром“, лат. tonāre, скр. stanayitnú „гром“, ср. греч. στένω „стонать“, ст.-сл. стениш и т. д.; скр. tāyú- „вор“, ст.-сл. тать—то же, греч. τητάω, хетт. tāya- „воровать“: скр. stená- „вор“, stāyú-, stāyānt- и т. д.; скр. tī-, tāṛā „звезда“: скр. stṛ-, Ав. star-, греч. ἀστέρ и т. д.—то же; скр. tij- „острить“, tigmá- „острый“: греч. στιζω, στιγμή и т. д.; скр. tud- „толкать“,

лат. *tundo* („ударять“), гот. *stautan*—то же; скр. *phéna-* „пена“, ст.-сл. *пѣна* : др.-прус. *sproauno*, с другим суффиксом лат. *spūma* : англ. *foam*; скр. *plīhān-* „селезенка“ : Ав. *spəgəzan-*, греч. *σπλήν* и т. д.; скр. *rásyati* „он видит“ : *spraś-* „шпион“, лат. *specio* („смотреть“); скр. *khañj-* „хромать“ : греч. *σκάζω*; скр. *phāla* „сошник“ : перс. *surāg*; перс. *fih* „весло“ : скр. *sphuá* „деревянный ковш“; Ав. (vī-) *had-* „разбивать (землю)“ : скр. *skhad-* „разбивать на куски“, ср. греч. *σχεδάωμι*; скр. *pava-* „чихание“, нем. *piepen* : англ. *sneeze* (*neu-s-* : *sneu-s-*); скр. *lavaṇā-* „солёный, соль“ : ср. лат. *sal*; скр. *nihākā* „туман“, *pīhāga* „туман, роса“ : *snih-* „быть влажным“ и т. д. Вполне удовлетворительной теории, которая объясняла бы это варьирование, охватывающее все индоевропейские языки, нет, но вероятнее всего, это результат воздействия какого-то внешнего фактора, повлиявшего на начальный *s* в индоевропейский период. Нам кажется совершенно ясным, что явление это связано с утратой начального *s*, а если это так, то совершенно несостоятельна всякая теория, считающая это *s* остатком какого-то префикса.

§ 11. Реконструкция *ṛ*, *ṛh*, *ḍh*

В ряде этимологически связанных слов, главным образом индоарийских и греческих, звуку *s* (§) индоарийского в греческом соответствует то *τ*, то *θ*. Самыми обычными примерами этой замены, вызвавшей значительные затруднения, являются следующие: скр. *tákṣan-* „плотник“ : греч. *τέκτων*; скр. *ṛkṣa-* „медведь“, лат. *ursus* : греч. *ἄρκτος*, ирл. *art*; скр. *kṣan-* „ранить“ : греч. *κτείνω* „убивать“; скр. *kṣi-* „обитать“, Ав. *ṣay-* : греч. *κτίζω*, *κτίμενος*; *kṣi-* „обладать“ : греч. *κτάομαι*; *takṣ-* „вредить“ : греч. *ἐρέχθω* „разрывать“; *kṣām-* „земля“ : греч. *χθών*—то же; *kṣag-* „течь“ : греч. *φθείρω* „гибнуть“; *kṣi-* „разрушать“ : греч. *φθίω* „кончаться“. Для объяснения этих соответствий обычно предполагается ряд индоевропейских фрикативных, а именно *ṛ*, *ṛh*, *ḍh*, но ясно, что это предположение не имеет серьезного основания, так как существует другое объяснение, легко применимое ко многим случаям, а именно предположение о вариантах суффиксов. И.-е. *tekṣ* выводится достаточно ясно из санскрита, латыни и хеттского (*takṣ-*, *teho*, *takš-*). Греч. *τέκτων* (<*teks-tōn) совершенно просто можно объяснить, предположив, что к нему добавлен сложный суффикс *ten/tōn* в отличие от простого суффикса *-n-* в санскрите. Что *τ* в греч. *ἄρκτος* является суффиксом, подтверждают формы, в которых он отсутствует (*ἄρκος*, *ἄρκιλος*, *Ἄρκαδες*); а раз это так, то форму, появляющуюся в санскрите и латыни, следует объяснять как содержащую другой суффикс. Суффикс *-s-* в скр. *ákṣi* следует отнести в одну группу с суффиксом *s* в ст.-сл. *оvесо*, род. ед. *оvесо*, но он отличен от суффиксов *τ* и *θ* в греч. *ἄκταλλος*, *ὀπτίλος*, *ὀφθαλμός*.

Скр. *kṣan-*, естественно, надо объяснять как расширение корня *śas-* „убивать“, инкорпорировавшего суффикс, появляющийся в *śasana-* „резня, кровопролитие“. В греч. *κτείω* „убивать“ (*ks-ten-yō*) мы встречаемся с вариантом сложного суффикса *-ten-*, и факт этот подтверждается наличием форм *κτέρες·νεκροί* с чередованием г/п, характерным для этих суффиксов. Если сравнить греч. *κτέρας* „достояние, имущество“ (и имя собственное *Πολύκτωρ*) с *κτάομαι* „владеть“, мы обнаружим чередование суффиксов, которое можно с полным основанием распространить на весь комплекс *-ter-* и *-tā-*, причем корень сокращается до первой буквы. Относительно же *kṣi-*: *κτι* есть правдоподобное объяснение, предполагающее, что здесь перед нами редуцированная форма корня *teks-* „сооружать“ с варьирующими суффиксами (**tk-s-i*, **tk-s-ti*)*, и такое словообразование будет вполне нормальным в индоевропейском, даже если чрезмерная редукция корня затрудняет доказательство этого. Во всяком случае, можно проанализировать достаточное количество форм без необходимости привлечения теорий о каких-то добавочных звуках в индоевропейском языке.

§ 12. Судьба г и л

В иранском индоевропейские г и л выступают независимо от условий как г¹. В языке Ригведы такая трактовка преобладает. В классическом санскрите встречаются и г и л, но распределение этих звуков не совпадает точно с индоевропейским. В некоторых восточных диалектах индоарийского (а именно в надписях Ашоки и в сценическом языке Магадхи) встречается только л. Судьба индоевропейского л в санскрите иллюстрируется следующими примерами:

(а) л переходит в г: *giṅákti* „он оставляет“ : лат. *linquit*; *śróṇi-* „зад“ : лат. *clūnis*, лит. *šlaunis*; *sarṇíṣ* „масло“, тохар. А *ṣalyr*, ср. англ. *salve* („мазь“); *aratní* „локоть“ : греч. *ὠλένη*, лат. *ulna*; *śrávas* „слава“ : греч. *κλέος*, ст.-сл. слово; *gárbha-* „зародыш“ : греч. *δελφός* — то же, *ἀδελφός* „брат“ (ср. *sodaga-*); *sakrá-* „колесо“ : греч. *κύκλος*; *paṅaśú-* „топор“ : греч. *πέλεκυς*; *pípartí* „он наполняет“ : греч. *πίμπλημι*; *ru-* „город“ : лит. *pilis*, греч. *πόλις*; *śgi-* „опираться“ : греч. *κλίω*; *sūṅya-* „солнце“ : лат. *sōl*.

(б) л сохраняется: *lúbhyati* „он желает“ : лат. *lubet*; *palitá-* „седой“ : ср. греч. *πολιός* [„седой“], *πελιτύός* [„бледно-синий“] и т. п.; *°kulva-* „лысый“ : лат. *calvus*; *palāva-* „мякина“ : ст.-сл. *пльва*, лат. *palea*; *palvala* „пруд“ : ср. лат. *palus* „болото“; *plihán-* „селезенка“ : греч. *σπλήν*, лат. *liēn*; *dala-* „часть“ : лит. *dalis*; *klóman-* „легкое“ : греч. *πλευμών*.

¹ Несколько исключений в современном персидском и — очень редко — в других языках. Например: перс. *lištan* „лизать“, скр. *gih-*, *lik*, греч. *λείω*; *lašín* „мягкий“, скр. *ślakṣṇá-*; *lab* „губа“ : лат. *labium*; осет. *sald* „холодный“ : лит. *šáltas*.

Сравнивая ведический язык с классическим, мы видим:

(1) что в ряде слов классического санскрита *l* стоит там, где в ведическом *g*; обычно это наблюдается в тех случаях, когда *l* выступает в других индоевропейских языках. Например: *laghú-* „легкий“, вед. *gaghú-*, греч. ἑλαχύς [„маленький“], лат. *levis*; *plu-* „плыть, держаться на воде“, вед. *rgu-*, греч. πλέω; *lip-* „намазывать“, вед. *gip*, греч. ἄλειψω; *lih-* „лизать“, вед. *gih-*, греч. λείψω; (2) что значительная часть слов классического санскрита, сохраняющих индоевропейское *l*, не встречается в тексте Ригведы — или случайно, или из-за того, что по своему характеру они не подходили для текста священных гимнов (например, *plūṣi-* „блоха“ : арм. *lu*, алб. *pl'ešt*, ср. лит. *blusà*); (3) что некоторые производные, оказавшиеся изолированными от своих корней, сохраняют индоевропейское *l* даже тогда, когда оно обычно заменяется звуком *g* в соответствующих корнях: *ślōka-* „стих“ (*śgu-*), *vīpula-* „большой, пространный“ (*pr̥-*, *pīpartī* „наполнять“).

Объяснение этого на первый взгляд сложного перехода звуков довольно просто. Диалект, лежащий в основе языка Ригведы, занимал северо-западную территорию, а классический язык сформировался в Мадхьядеше. Первоначальная дифференциация, должно быть, прошла так, что в западном диалекте *l* переходило в *g* так же, как в иранском (поскольку западный диалект граничил с иранским, но представлял, вероятно, более позднюю волну завоевания), а более восточный диалект сохранил первоначальное различие этих двух звуков. Именно в этом районе выработался классический санскрит. Но он не вылился в самостоятельный литературный язык, отличный от языка Вед; напротив, он развивался как видоизменение древнего священного языка ведических гимнов. Ведический язык был все время основой литературного языка, но так как после древнейшего периода (а этот период не охватывает последней, десятой книги Ригведы) центр его развития переместился на восток в Мадхьядешу, то в своем дальнейшем развитии он все время испытывал влияние диалектных форм этого района. Таким образом, в распределении звуков *g* и *l* многие основные слова словарного фонда продолжают сохранять форму, установившуюся в ведической литературе, но в отдельных случаях их заменяют формы с *l* с диалектальной основой Мадхьядеша. В тех случаях, когда нужное слово не встречается в ведическом тексте и где, следовательно, не существовало твердой литературной традиции, там почти всегда выступает восточная форма — с первоначальным *l*.

Судьба и.-е. *g* отличается тем, что в огромном большинстве случаев оно продолжает оставаться без изменения во все периоды развития языка. Например: *rudhirá-* „красный, кровь“, греч. ἑρυθρός; *járant-* „старый“, греч. γέρων „старик“; *raí-* „собственность“, лат. *rēs*; *pári* „вокруг“, греч. περί; *vártate* „он поворачивается“, лат. *vertitur*; *párdate* „пердит“, греч. πέρδεται; *pāṅṣi* „пята“, греч.

πτέρυα, гот. faīrzna; sru- „течь“, греч. ῥέω; págas (им. мн.) „мужчины“, греч. ἀνέρες, ἄνδρες; ságrati „ползет“, греч. ἔρπω, лат. serpo; gāj-, gājan- „царь“, лат. rex; gátha „колесница“, лит. rātas „колесо“, лат. rota „колесо; колесница“; vígá- „муж, герой“, лит. vūgas, лат. víg и т. д.

С другой стороны, примеры с l на месте и.-е. g сравнительно редки: lóhita- „красный“ (также róhita-; Ав. gaoiðita-, ср. rudhirá-); lup- „разрывать“, также gur-, лат. gumro „ломать“; álam „подходящий, достаточный“, вед. ágam, ср. греч. ἀρρίσχω; lajjate „устыдился“ (gajyate „выкрашен в красный цвет“, греч. ῥέζω „красить“). Происхождение этих форм надо искать в диалектах еще дальше на восток, где g повсеместно было заменено l. Это процесс противоположный процессу в ведическом диалекте и в иранском и независимый от него. Из этого источника санскрит также позаимствовал некоторые формы, но гораздо меньше, так как народные диалекты не обладали авторитетом ведического языка и поэтому оказывали меньше влияния на развитие литературного языка.

§ 13. Индоевропейское Н

За последнее время в результате открытия хеттского языка в изложении фактов индоевропейского появился новый фонетический элемент. В хеттском языке выступает звук ḫ, который в господствовавшей ранее концепции индоевропейской фонетики никак не учитывался. Звук этот найден в основных индоевропейских словах и поэтому должен считаться индоевропейским, но поскольку он отсутствует в соответствующих словах всех других индоевропейских языков, надо предположить, что они пережили общий процесс, приведший к утрате этого звука, и, следовательно, эти языки представляют более позднюю стадию индоевропейского, чем та, которую отражает хеттский. Обычными примерами ḫ служат: хетт. eṣḫar „кровь“ : скр. ásṛk, лат. aser, греч. ἔαρ („весна“), тохар. ysar; ḫaštai „кость“ : скр. ásthi, греч. ὀστέον, лат. os; ḫant- „передняя сторона“ : скр. ánti „вперед, напротив, близко“, греч. ἀντί, лат. ante; ḫarki- „белый“ : тохар. ārkī, греч. ἀρύς, скр. árjuna- и т. д.; хетт. raḫḫur „огонь“ : греч. λῶρ; raḫš- „защищать“ : скр. pā—то же и т. д.; iṣḫai-, iṣḫiya- „связывать“ : скр. syáti „связывает“; newaḫḫ „возобновлять“ : лат. povāge; raḫiš „широкий“ : ср. лат. plānus и т. д. Для передачи индоевропейского звука самым удобным знаком является применяемый Х. Педерсеном знак Н (и.-е. *reḥN и т. д.).

В некоторых случаях Н исчезает бесследно (ásṛk „кровь“), но в других его воздействие сохраняется. Ясно, что долгий гласный в лат. povāge есть результат сочетания краткого гласного с Н, сочетания, сохранившегося в хеттском; то же можно предположить и относительно лат. plānus (plaH-, отличающееся от хеттского raḫ- апофонией). Исходя из данных хеттского

языка, можно считать, что скр. *syáti* „связывает“ появилось на месте *sHyáti, в котором *sH*—слабая форма корня, а *-yá*—суффикс четвертого класса. Простой корень со ступенью *guṇa* выступает в аористе (*ásat*), демонстрирующем тот же переход *aH* в *ā*. Хетт. *raḫš-* „защищать“ расширено суффиксом *s-*, и если его отбросить, то перед нами будет то же соответствие *aḫ:ā* между хетт. *raḫš* и скр. *pā-*. Поскольку именной и глагольный суффиксы *ā* тождественны, следует предположить тот же переход *aH > ā* (как в лат. *novāre*) и для суффикса женского рода *ā* (лат. *nova*, греч. *υῖᾱ*, скр. *pāvā*); это позволяет также предположить сходное явление в отношении долгих гласных *ī* и *ū* при именном и глагольном словообразовании, так как сложные суффиксы *yā* и *vā* также должны были произойти от *i+aH* и *u+aH*, а соответствующими слабыми ступенями являются *i-H* и *u-H*.

Еще одно воздействие звука *H*, наблюдаемое в других языках (исключая санскрит),— это окраска последующего гласного этим *H*, что дает переход *e* в *a*. Например, корень, выступающий в санскрите как *kgī-* „покупать“, должен восходить к индоевропейскому *k^wgiH-*, а в греческом первоначальная форма аориста *ek^wgiH-eto* становится *ἐπρί-ατο*, где на первоначальное присутствие *H* указывает *a* вместо *e* в окончании. Таким же образом от корня *kruH-* (скр. *kgū-* в *kgīrá-* и т. д.) первоначальная основа на *es/os* в *kreúHos в греческом дает основу на *-as-*: *κρέας*. В санскрите совпадение разного качества гласных исключило такие изменения их, но остается ряд других случаев, в которых можно проследить наличие *H*, а именно:

(1) Прежняя теория предполагала слоговые *g* и *l* (обозначаемые как *g^r*, *l^l* и другими способами) перед последующим гласным, чтобы объяснить соответствия типа греч. *βαρῦς* „тяжелый“, скр. *gigú-*, гот. *kaúrus*—то же. Но было неясно, почему в этом случае не действует правило о том, что эти фонемы выступают как гласные между согласными, а перед гласным и после него—как согласные. Восстановленная форма *g^wḡhú-*, из которой видно, что звук *ḡ* первоначально стоял между согласными, объясняет все эти процессы. В большинстве индоевропейских языков, где *ḡ* дает гласный (варьирующий от языка к языку)+*g*, это сочетание сохраняется перед гласным, когда исчезает *H*. То же самое относится и к *l*. В санскрите этот процесс проходил несколько иначе, так как здесь слоговое *ḡ*, как правило, сохраняется. Однако когда утрата *H* ставит *ḡ* в положение перед гласным, его место занимают сочетания *ig* или *ug*. В этом отношении иранский, обычно столь близкий индоарийскому, заметно отличается от него, давая там, где в санскрите *ig* или *ug*, сочетание *ag*. Примерами таких слов служат скр. *tírás* „сквозь, через“: Ав. *tarō*; *śíras-* „голова“: Ав. *sarah-*, ср. греч. *κάρᾱ*, *κάρηρον*; *purás* „вперед“, Ав. *paḡō*, греч. *πάρως*; *púras* (им. мн.) „города“, ср. лит. *pilis* „крепость“ (*guṇa* в греч. *πόλις*); *purú-*

„много“, Ав. rougu (иран. ragu-); hiraṇya- „золото“, Ав. zaraṇya-, giri- „гора“, Ав. gairi-, ср. лит. giria „лес“ (giṇa в ст.-сл. гора); girāti, gilāti „глотает“, tirāti „пересекает, преодолевает“, kirāti „рассыпает“ и т. д. Колебания между i и u в этих случаях зависят от предшествующего согласного: если предшествует губной или (в некоторых случаях) древний лабиовелярный, то выступает u, в других же случаях обычно i.

(2) Из сочетания rH, когда за ним следовал согласный, также развилось особое образование. В санскрите в этом случае встречаем īg, ūg, а в иранском по большей части ag. Так, мы имеем śiršāp- „голова“ наряду с śiras (kṛHsen-; kṛHes-), tīṅṅā- и kīṅṅā- наряду с tirāti, kirāti и т. д. и с ū, rūṅṅā- „полный“ (после губного). Приведем другие слова с īg, ūg того же происхождения: īrmā- „рука, передняя нога“, Ав. arəma-, др.-прус. irmo, лат. armus, англ. arm; ūrdhvā- „прямой, высокий“, Ав. эгədwa-, лат. arduus; ūṅṅā „шерсть“, Ав. varəṅṅā, лит. vilna; ūṛmī- „волна“, Ав. urəmi-, англо-сакс. wielm; ūrvārā „пахотное поле“, Ав. urvarā „культурное растение“ < *rHvarā, ср. лат. arāre „пахать“, греч. ἄροιστρα „пашня, нива“ и т. д.; dīrghā- „длинный“, Ав. dareya-, ст.-сл. дълъгъ; rūṅva- „прежний“, Ав. rauṅva-, ст.-сл. прькъ; bhūṅja- „береза“ (лит. bėržas и т. д. с другой ступенью чередования). Для объяснения этих явлений было выдвинуто предположение о первоначальных долгих плавных сонантах (r̥ и j̥); предполагается, что эти звуки существовали на промежуточной стадии (r̥H > r̄ > īg, ūr) и этот переход шел параллельно изменению iH, uH в ī, ū.

По тому же образцу постулированные долгие носовые сонанты могут заменяться сочетаниями r̄H и ŋH. От корня san(H) „побеждать“ образуется скр. причастие sātā- через *saHto- от sṅHtós с обычной слабой формой корня. В случае ŋH назализация сохраняется (или же вновь появляется), но на первоначальное присутствие H довольно определенно указывает долгий гласный: dāntā- „укрошенный“, śāntā- „умиротворенный“ от dam(H)-, śam(H)-.

(3) В ведическом языке -ya- после легкого слога произносится как один слог, если он является просто сочетанием y+a: áyu- „относящийся к овце“, kavú- „мудрый“, váyu- „лесной“, havú- „жертва“. Когда же это сочетание восходит к -iHa (суффикс, параллельный суффиксам -iga, -iṣa и т. д.), то ya произносится как -iya: dámiya- „относящийся к дому“, ráthiya- „относящийся к колеснице“, jāniya- „относящийся к народу“, udāniya- „водянистый“. Эти два типа начали, конечно, смешиваться в позднейшем языке, и различие это, обнаруживаемое через ведическую метрику, объясняется просто, если считать, что есть два разных суффикса: (1) i+a и (2) i+H+a. Склонение основ на ī и ū (< iH, uH), где суффикс всегда сохраняет свое слоговое значение перед окончанием на гласный (род. ед. vṛkiyas, tanúvas < °iHas, °uHas), совершенно определенно это подтверждает, так как соответствующие формы род. ед. от ávi- „овца“ и mádhu

„мед“ (ávyas, mádhvas) указывают на консонантный характер у и v.

(4) Но самое главное, следы первоначального присутствия Н сохранились в санскрите в тех случаях, где ему непосредственно предшествовал смычный. Здесь сочетание смычного с Н может дать придыхательный смычный. Как уже констатировалось, именно таким путем образовалась вся категория глухих придыхательных в позднем индоевропейском, примеры чего уже приводились. Примерами возникающих таким путем звонких придыхательных служат те случаи, когда придыхательный в санскрите соответствует непридыхательному в других языках, или когда конечный непридыхательный смычный корня выступает с придыханием в производном от него слове. В этих случаях придыхание вызвано наличием в суффиксе Н. Например, máhā- „большой“: греч. μέγας. Здесь за корнем следует суффикс аН (> ā), в своей слабой форме выступающий в род. пад. ед. ч., и это Н, находясь в непосредственном контакте с предшествующим g, дает придыхание (meḡ-N-és > meḡhés > mahás), а от этих форм придыхание распространилось уже на все склонение. То же произошло в словах duhitár „дочь“ (dhug-N-itár-): греч. θυγάτηρ; ahám „я“ (egH-ém): греч. ἐγώ (egóH); sadhástha- „место, жилище“ (sed-N-es): sad- „сидеть“; síndhu- „река“: syand- „течь“.

Еще до открытия хеттского языка в индоевропеистике существовала „ларингальная теория“, ставшая общепризнанной за последние годы вследствие того, что новые хеттские материалы отчасти подтверждают ее. Говоря кратко, в самой популярной форме, эта теория утверждает, что существовало три ларингальных, которые в нашей системе обозначения будут изображаться как Н₁, Н₂ и Н₃. Первоначальные долгие гласные индоевропейского (в противоположность долгим, образованным ступенью vřd̥hi) произошли от сочетания одного гласного в ступени gya: e с несколькими ларингальными, так что из eН₁, eН₂, eН₃ соответственно образовались ē (например, dhē- „клясть“), ā (например, stā- „стоять“) и b̄ (например, dō- „давать“), то есть первоначальными корнями были dheН₁, steН₂, deН₃. Далее эта теория утверждает, что в том случае, когда гласному в ступени gya предшествуют эти три гортанных, он принимает соответственно формы e, a и o (es- „быть“: Н₁es-; anti „вперед“: Н₂enti; ost(h)i „кость“: Н₃esti).

Хеттский язык в известной степени подтверждает эту теорию, но свидетельства эти недостаточны и в некоторых отношениях противоречивы. Мы уже приводили примеры, показывающие развитие гласного ступени gya+H в ū и изменение этого e в a, когда ему предшествует Н. С другой стороны, есть и затруднения: хотя, как того требует теория, ħ появляется в ħant-: греч. ἄντι, оно отсутствует в арра: греч. ἀπό, где по теории его следовало бы ожидать. В хеттском языке имеется только одно ħ, и от этого очень далеко до тех трех или даже четырех ларин-

гальных, которых требует теория. Неудивительно поэтому, что теоретики значительно расходятся в деталях. Для санскритской грамматики вопрос о количестве Н, к счастью, не имеет большого значения, так как качественного различия звуков *a*, *e*, *o*, связанного с ларингальными, больше не существует в санскрите. Для всех практических целей можно оперировать одним, недифференцированным Н, и этого обычно достаточно.

Следует вкратце упомянуть и о другом аспекте ларингальной теории. С самого начала этот аспект входил в теорию индоевропейского „шва“ (ə). В ларингальной теории оно заменено вокальным вариантом ларингальных (Н с тремя разновидностями). Вследствие этого сами ларингальные обычно получают обозначение *э*₁, *э*₂, *э*₃. Ниже будет показано, что гипотеза индоевропейского *э* не оправдывается в рамках ни ларингальной, ни какой-либо другой теории. Индоевропейское Н не способно к функции гласного, и, оказавшись после утраты соседнего гласного ступени гуга в положении между согласными, оно опускается в санскрите, например, скр. *dadmās*, *dadhmās* от *dā-*, *dhā-*.

§ 14. Сочетания смычных

Следующие изменения в сочетаниях унаследованы из индоевропейского:

(1) Звонкий изменяется в глухой, когда за ним непосредственно следует глухой: *yuktá-* „соединенный“: *yuḥ-* „соединять“, *yuḡám* „ярмо“, ср. греч. ζευχτός; ζευχόμενι („запрягать“); *patsú* местн. мн. от *rád-* „нога“, ср. греч. ποσσί, ποσί. Наоборот, глухой озвончается, когда за ним следует звонкий: скр. *urabdá-* „попирание, топтание“: *rád* „нога“, ср. Ав. *frabda-* „передняя часть ступни“, греч. ἐπίρδει „день после празднества“; *dadbhís* инстр. мн. от *dant-*, *dat-* „зуб“; *abjít-* „побеждающий воду“: *ǰr-* „вода“.

(2) В сочетании „звонкий придыхательный+глухой“ вся группа озвончается, а придыхание присоединяется ко второму согласному. Так, от *dah-* „гореть“ (из *dagh-* после второй палатализации), *budh-* „понимать“ и *labh-* „получать“ причастия на *-tá* — *dagdhá-*, *buddhá-*, *labdhá-*. В языке древней части Авесты наблюдается сходное явление, однако придыхание, как всегда в иранском, утрачено: *aogēdā* „сказанный“ из **augdha-*, то есть арийское *augh-* (Ав. *aog-*) + *ta*, ср. греч. εἴχομαι; *ubdaēna* „сотканный“ от арийского *vabh-*. В языке поздней части Авесты сочетания типа (1), приведенного выше, заменяются даже в случае исходных звонких придыхательных: *aoxta* „сказанный“, *druxta-* „преданный, выданный“ (*draog-*: скр. *druh-*), *dapta-* „обманутый“ (*dab-*: скр. *dabh-*). Таким же образом в санскрите *dhatté* „кладет“ заменяет собой **daddhe* (= Ав. *dazdē*), которое было бы при регулярном сочетании *dadh-* + *te*. Во всех других индоевропейских

языках инновации этого типа полностью заменили старый тип сочетания, например: греч. ἐχτός: ἔχῳ; πύστις, ср. Ав. apaitibusti „не замечающий“, в отличие от скр. buddhí-.

(3) Сочетания зубных в санскрите обычно следуют вышеуказанным правилам: vétti „он знает“ от vid-, ruddhá „запертый“ от rudh-+tá и т. д. С другой стороны, в иранском в этом положении встречаем свистящие s или z: vōistā „ты знаешь“ : скр. véttha; hastra „заседание, собрание“ : скр. sattrá-; ni-uruzda- „запертый“ : скр. ruddhá-. Греческая передача совпадает с иранской: οἰσθα „ты знаешь“, πύστις „сообщение“, ср. Ав. apaitibusti : скр. buddhí. В западном индоевропейском из этого сочетания получается -ss: лат. ob-sessus (sedeo), др.-нсл. sess „место, сиденье“. Вследствие этого широко распространена тенденция к изменению сочетаний зубных. Предполагается, что в индоевропейском в этих случаях вставлялся свистящий (tst, t^{sth}, d^{zd}, d^{zd}h). Поскольку в санскрите все свистящие между согласными опускаются, то и.е. vōitstha должно давать скр. véttha, и в то же время это объясняет иранские и греческие формы. При сочетании звонких согласных мы встречаем в санскрите два типа их передачи. С одной стороны, обычный тип ruddhá-, vṛddhá- и т. д., а с другой — некоторые древние формы, свидетельствующие о существовании z на месте d, как в иранском: dehí повел. накл. от „давать“ наряду с daddhí; ср. Ав. dazdi и dhehí „клады“; обе формы с e восходят к более древнему az, согласно правилу, приводимому ниже. Это или случай диалектального расхождения, или же тип dehí (< dazdhí), представляющий собой регулярное фонетическое явление, замененное в большинстве случаев аналогическими новообразованиями.

§ 15. Сочетания, включающие палатальный ряд

Вопрос о сочетании согласных с согласными второго палатального ряда прост, так как единственной отличительной особенностью этого ряда является сохранение первоначального гуттурального перед согласным, который затем сочетается согласно вышеизложенным правилам: vac- „говорить“: uktá-, yuj- „соединять“ : yuktá-, yokṣyāmi; dah- „гореть“ : dagdhá-.

Сочетания древнего палатального ряда гораздо сложнее. В ранний индоиранский период ś, ź и žh изменились в š и ž перед зубными смычными (с аспирацией и озвончением смычного в сочетании žh по правилу, данному выше для dagdhá- и т. п.). Получившиеся в результате свистящие были тождественны свистящим, возникшим из индоевропейских s и z после i, u и т. д., и их последующая история одинакова. В санскрите š стало церебральным š и церебрализовало последующий зубной, а ž, пройдя тот же процесс изменения, исчезло, оставив церебральное ḍ. Например: váṣṭi „он желает“ (vaš-), Ав. vašti, хетт. wekzi,

ср. греч. ἐχῶν (прич.) „желающий“; aṣṭáu „8“ (ср. aṣṭí- „80“), Ав. aṣta, лат. octo и т. д.; скр. mṛḍiká „прощение“, Ав. mərəž-dika- (mṛḡ-d, ср. скр. mṛj- „стирать“ и перс. āmurzidan „прощать“); скр. ūḍhā- „увезенный“ на месте *uzḍhā- < uzḍha- (vah- „везти“ от vaḥh- < и.-е. veḡh-); Ав. gərəždā „пожаловался“ (3 л. ед. аор. средн. зал.) от garəz- = скр. garh-; скр. lēḍhi „он лижет“ (liḥ-) и т. д.

То же изменение обычно происходило при сочетании с другими согласными: ср. Ав. fšmanṭ- „обладающий стадами“ (pasu-, скр. paśū-); Ав. graṣna- „вопрос“, скр. praśna-; Ав. vižibuḍ, скр. viḍbhuás (viś-). В этих сочетаниях между индоарийским и иранским нет полного соответствия, но, во всяком случае, в последнем примере засвидетельствовано арийское *vižbhuas. Санскритское развитие через vižbhuas и viḍbhuás точно такое же, как то, когда ž (ž) получилось из и.-е. s, например в viṛgḍbhuas на месте *viṛgḍbhuas (viṛgḥ- „капля“).

Когда за этими палатальными непосредственно следует s, они в санскрите дают k между гласными; и поэтому судьба их одинакова с судьбой второго палатального ряда: vākṣi „ты желаешь“ (vaś-) подобно vakṣyāmi „я скажу“ (vac-). Это не сохранение и.-е. k̄ (ср. хетт. wek- „желать“), а его восстановление. Это известно на основании следующего:

(1) Иранский продолжает различать два типа сочетаний, происшедших от и.-е. гуттурального +s и и.-е. палатального +s:

(а) vakṣyāmi, Ав. vaxšyā (wek^w-); kṣatrá- „верховная власть“ : Ав. xšaṭra-; kṣár „ночь“ : Ав. xšar-, ср. греч. ψῆφα; [тьма]; bhakṣ- „вкушать, есть“ : Ав. baxš „распределять“; tvakṣ- „быть деятельным“ : Ав. θwaxš-.

(б) kákṣa- „подмышка“ : Ав. kaša; řkṣa- „медведь“ : Ав. arəša-; dáksṣiṇa- „правый“ : Ав. dašina-, ср. греч. δεξιός и т. д.; makṣū- „быстро“ : Ав. mošu, ср. лат. mox; rákṣas- „вред“ : Ав. rašah-; řakṣ „тесать“ : Ав. taš-, ср. хетт. takš „соединять“ и т. д.; kṣúdh- „голод“ : Ав. šuda; kṣi „пребывать, жить“, kṣetra- „поле“ : Ав. ši-, šdiṭra- „поселение“.

(2) Иранские материалы показывают, что в древнем индоиранском было два сочетания, оба представленные в санскрите сочетанием kṣ. Это подтверждается далее материалом самого санскрита. В тех случаях, когда за этой группой следует t, то в зависимости от происхождения она дает k или ř:

(а) ábhakta, 3 л. ед. ч. средн. зал. аор. на -s от bhaj-, ср. 1 л. ед. ч. ábhakṣ-i; ср. также bhaktá- „пища“ : bhakṣ- „есть“;

(б) 3 л. ед. ч. taṣṭi, caṣṭe от takṣ-, cakṣ-; níraṣṭa- „кастрированный“ от nírakṣ- и т. д. Когда эта группа стоит в конце слова, то, по общему правилу, свистящий опускается. Когда же k восходит к гуттуральному ряду, оно неизменно сохраняется: vāk, им. ед. от *vākṣ, ср. Ав. vāxš. Когда же, с другой стороны, выступает старый палатальный ряд, то, хотя и бывают некоторые случаи с k (°dřk, °spřk, им. ед. от °dřs-, °spřs-), нормаль-

ной и регулярной передачей является -t : vīṭ „поселение“ : vīś-; vīrāṭ „река Беас“ : vīrās-; spāṭ- „шпион“ : spās-; gāṭ „царь“ : gāj-, ср. лат. gēx; °vāṭ „везущий“ : vah- „везти“ и т. д. Здесь аномалия форм с k объясняется диссимиляторным влиянием соседнего ṛ.

Из этих материалов ясно, что там, где в санскрите имеется одно сочетание kṣ, первоначально было два различных сочетания звуков. Из вышеприведенных форм им. ед. видно, что непосредственно предшествовало сочетанию kṣ в доисторический период развития индоарийского там, где теперь палатальный ряд. Так же как им. ед. vāk произошло из более раннего *vākṣ в результате нормальной утраты конечного свистящего, так и vīṭ происходит от *vīṭṣ. В какой-то период, возможно не очень намного предшествовавший засвидетельствованной традиции, это ṭṣ изменилось в kṣ, которое смешалось с первоначальным kṣ. Изменение это наблюдаем в местном падеже мн. ч. vikṣú (позже вытесненным аналогической формой vīṭṣu), в отличие от им. пад. vīṭ(ṣ). Так как этому изменению предшествовало упрощение конечных групп согласных, в им. ед. сохраняется церебральное, то есть наполовину первоначальное, сочетание.

Но надо пойти дальше этого ṭṣ, раз даже с точки зрения санскрита оно не может объяснить формы caṣṭé и т. д. (должно было бы получиться *caṭṭe). В этой связи следует сравнить сандхи двух свистящих. Есть случаи, когда s+s дают ts: vat-syāmi, ávātsīt от vas- „жить, пребывать“, а также когда ṣ+s переходят в kṣ: dvéḱṣi „ты ненавидишь“ от dviṣ-. К тому же формы им. ед. dviṭ, viruṭ показывают, что была промежуточная стадия ṭṣ (именно та, которой, по видимости, следовало бы ожидать при таком сочетании).

В обоих случаях ṭṣ (> kṣ) может происходить от ṣṣ (арийское śś). Судьба палатальных перед s напоминает судьбу их перед зубными смычными. Совсем как палатальное ś+зубное t образуют церебральную группу ṣṭ, палатальное ś+зубное s давали ṣṣ, которое затем точно таким же путем, как и первоначальные комбинации свистящих, дали ṭṣ и, наконец, kṣ.

В иранском этот процесс шел несколько по-другому. Здесь ś+ś (из арийского ś+s) дали одно ś. Это согласуется с другим правилом для сандхи свистящих, по которому один звук может стоять вместо двух в том случае, когда они стоят рядом: ср. skr. ási вместо as+si.

Когда палатальному с предшествует s, последний изменяется в палатальный свистящий ś, например: saścati-, 3 л. мн. ч. наст. вр. с удвоением от sac- „общаться“. Когда за s следует ś, оба звука утрачивают свое качество и сливаются в cch: ducśhīpā „несчастье“ от duś+śuná- „процветание“. Раз получается то же сандхи, которое бывает, когда звуку ś предшествует дентальный (racśhás- от rad- „нога“+суффикс -śas), то мы можем видеть здесь ту же тенденцию к смычности, как и в других отмеченных

выше сочетаниях свистящих. В *tuccha-* „пустой“ (вместо *tuśya, ср. хотан. *tuśša* < *tusya) и *kaśchapa-* „черепаша“ (ср. имя собственное *Kaśyapa-*) мы встречаемся с тем же образованием группы *śś*, получившейся в результате древней „пракритской“ ассимиляции.

С точки зрения индоевропейского скр. *ch* (*cch*) получилось из первоначального сочетания *sk* (*skh*). В иранском же в этих случаях бывает *s*: *chid-* „резать“, Ав. *saēd*, греч. *σῆζω*, лат. *scindo*; *chāyā* „тень“, перс. *sāyah*, греч. *σῆα*; *gācchati* „идет“, Ав. *jasaiti*, греч. *ῥάσχω*; *ṛcchāti* „спрашивает“, Ав. *ṛgēsaiti*, лат. *poscit*. Можно предположить, что в этих случаях арийские *s* и *š* ассимилировались в *śś*, которое затем претерпело изменения, указанные выше. Следует отметить, что скр. *ch* отличается от других согласных тем, что это всегда долгий или двойной согласный. Не имеет значения, пишется *ch* или *cch*, хотя обычно в начале слова употребляется первое сочетание, а в середине — второе.

§ 16. Сочетания, включающие свистящие

Индоевропейское *s* переходило в *z*, когда за ним следовал звонкий смычный. В доисторическом индоиранском это *z* перешло в *ž* при тех же условиях, при которых *s* дало *š* (скр. *ṣ*). В иранском *z* и *ž* сохраняются: Ав. *hazdyāŋ* „сел бы“ (*sad-*, иран. *had-*), *mižda-* „вознаграждение“, гот. *miždō*. В санскрите они были исключены следующим образом:

(а) Перед неодинаковыми согласными *z* и *ž* (арийское *ž*) заменяются соответственно *d* и *ḍ*: *ádga-* „ветвь“: пехл. *azg*; *madgú-* „водяная птица“, *majj-* „нырять“ (< **madj-* < **mazj-*): лит. *mazgóti* — то же; инстр. мн. *uṣádbhis*, *mādbhís* от *uṣás-* „заря“, *mās-* „месяц“; *virgúḍbhis* инстр. мн. от *virgúṣ-* „капля“.

(б) Если за *z* следует зубной *d* или *dh*, то *z* опускается, а предшествующий гласный *a* переходит в *e*: *edhí* — 2 л. ед. ч. повел. накл. „будь“: Ав. *zdī* (*as-*); *sedúr* вместо * *sazdur-* 3 л. мн. ч. прош. вр. от *sad-* „сидеть“: ср. Ав. *hazdyāŋ*; *nēdiṣṭha-* „ближайший“: Ав. *nazdišta-*; *medhā* „мудрость“: ср. Ав. *mazdā* „мудрый“; *miyédha-* „пища, приносимая богам“: Ав. *myazda-*; *ādhvam* „сидите“ — 2 л. мн. ч. повел. накл. от *ās-*; *śaśādhi* от *śās-* и т. д. Это применимо также к тем случаям, где *z* развились из первоначального *d*: ср. *dehí*, *dhehí*, приведенные выше. По-видимому, исключением из общего правила является *addhā* наречие „конечно“: Ав., др.-перс. *azdā*.

(в) Перед *d* и *dh* *ž* (которое может происходить из и.-е. *s* или из древних палатальных, см. § 15) исчезает, давая церебрализацию следующего согласного и компенсаторное удлинение краткого гласного: *niḍā-* „гнездо“, лат. *nīdus*, англ. *nest* (**nizdo-* от *nī + sed-*); *miḍhā-* „воздаяние“, Ав. *mižda*, ст.-сл. *мьзда*, греч.

μῖσθός, гот. *mizdō*; *dūlābha-* „тот, кого трудно обмануть“ (*du* + *dabh-*, ведическое *l* вместо *ḍ*); *piḍ-* „давить“ (ср. *piṣ-* „толочь“), *hiḍ-* „повреждать“ (ср. *hiṃs-* — то же), *krīḍ-* „играть“ (ср. др.-с.-верн. *hrista* „трясти“) вместо *piṣḍ-*, *hiṣḍ-*, *krīṣḍ-*; *astodhvam* — 2 л. мн. ч. средн. зал. сигм. аор. от *stu-* „хвалить“; *mṛḍikā-* „милость“ (в Ведах — первый слог метрически долгий): Ав. *māgəḍdika-*; *ūḍhā-* „увезенный“: *vah-* (<*uḍḍha-*, т. е. *uḥh* + *ta*), *lēḍhi* „лижет“ (<*leḍḍhi*, то есть *leḥh* + *ti*). Предшествующий краткий *a* может стать долгим (*tāḍhi* < *taḍḍhi* из *taḥṣ* + *dhi*, *āṣāḍha-*: *sah-*), или измениться в *o* (*vōḍhum* „везти“: *vah-*; *ṣoḍhā* „шестикратный“: *śāṣ*), или же перейти в *e*: *tṛṇēḍhi* „потрясает“ — от основы наст. вр. *tṛṇāh-* от глагола *tṛh-*.

Иногда даже в этом положении *ḥ* дает *ḍ*: *didiḍḍhi*, *mimiḍḍhi*, *giriḍḍhi* от *diṣ-* „указывать“, *mih-* „мочиться“, *gih-* „лизать“; *ṣaḍḍhā* наряду с *ṣoḍhā*. Такое же варьирование наблюдается в пали *piḍḍa-*, *kiḍḍa*, что отражает диалектальные различия в древнем индоиранском. Между согласными *z* исчезало бесследно: *jagdhā-* „съеденный“ < **jagzdha-* (*ja-gḥs-ta*), подобно тому, как это происходит с *s* (ср. *ābhakta*, как указано выше).

Сочетание „звонкий придыхательный + *s*“ в индоиранский период передавалось так же, как сочетание „звонкий придыхательный + *t*“, о котором говорилось выше. Иными словами, в индоевропейском положении *gh* + *s* давало *gḥh* и т. д. Язык Авесты сохраняет такие сочетания звонких, хотя придыхание, как и везде, утрачено: *aoṷḥā* „ты сказал“ (<*augḥha*, то есть *augh* + *sa*), *diw-ḥaiḍuāi* „повреждать“ (<*dibḥha-*, то есть *di(d)bh* + *sa*). В санскрите в этих случаях стоят сочетания глухих *kṣ*, *ts*, *ps*, но они заменили первоначальные *gḥh*, *dḥh*, *bḥh*. Отсутствие придыхания в ведических формах *adukṣat* „подоил“, *dīpsati* „желает навредить“, появившихся на основании общего правила (§ 2) диссимиляции придыхательных, предполагает такие формы, как *dhugḥha-*, *dhi(d)bḥha-*, в которых могло действовать это правило. С другой стороны, в конечном положении, где эти группы были глухими и с самого начала утратили придыхание (арийское *ḍhukṣ*, им. ед.), в санскрите утраты придыхания не происходило.

В отдельных случаях, когда речь идет о таком сочетании звонких, в санскрите вместо *kṣ* может стоять *jh*, *jjh*: *jājḥat-* „смеющийся“ (редуплицированное образование от *has-*), *nirjhaḥa-* „водопад“ с корнем, нормально имеющим форму *kṣag-* (Ав. *ḥḥag-*). Это пракритизмы, и из среднего индоарийского можно привести еще примеры: пали, пракр. *jhāta-* „изнуренный“: скр. *kṣāmā-*; *jhāu-* „гореть“: скр. *kṣāu-*; *jhīpa-* „истощенный“: скр. *kṣīṇā-*. В пали имеется также *jagghati* „он смеется“ с *-ggh-* вместо более обычного *-jjh-*. Во всех этих случаях следует предположить существование сочетания звонких типа, сохранившегося в Ав. *ḥḥag-* и т. д., и различие между этими формами и нормальными санскритскими *kṣ* указывает на диалектное разнообразие древнего индоарийского.

О сочетаниях „свистящий + свистящий“ уже немного говорилось. Есть три типа таких сочетаний, различающихся хронологией их действия: (1) По древнему индоевропейскому правилу $s + s$ могло быть представлено одним s : $\acute{a}si$ „ты еси“, Ав. $ahí$, греч. $\epsilon\acute{\iota}$ (и. -e. esi из $es + si$); $\acute{a}mhasu$, местн. мн., Ав. $\acute{a}zahu$ ($\acute{a}mhas$ „беда“ + su). (2) По индоарийскому правилу, действие которого в основном относится к доисторическому периоду, $s + s$ дает ts , а $\acute{s} + s$ дает $k\acute{s}$ (через $*\acute{t}\acute{s}$): $vatsy\acute{a}ti$, $\acute{a}v\acute{a}sit$ от $vas-$ „жить, пребывать“; $jighats\acute{u}-$ „голодный“ от $ghas-$ „есть“; $dvek\acute{s}i$ „ты ненавидишь“ от $dvi\acute{s}-$ „ненавидеть“. Когда эти сочетания стоят в конце слова, остается только первый элемент. В случае же сочетания церебральных, вследствие того, что утрата конечного свистящего произошла на стадии $*\acute{t}\acute{s}$, от этого $\acute{t}\acute{s}$ остается только $\acute{t}$; им. ед. — $ukh\acute{a}sr\acute{a}\acute{t}$ „капающий из горшка“ ($sra\acute{m}s-$), $pa\acute{r}nadhva\acute{t}$ „сбрасывающий листья“ ($dhva(m)s-$); $\acute{o}dvi\acute{t}$ „ненавидящий“, $vipru\acute{t}$ „капля“.

(3) Существительные среднего рода на $-as$, $-is$, $-us$ образуют местн. мн. на $-a\acute{h}su$, $-i\acute{h}su$, $-u\acute{h}su$ (факультативно $-assu$, $-i\acute{s}su$, $-u\acute{s}su$). Это самый поздний тип, и образован он явно в подражание сандхи именительного падежа единственного числа, как это произошло и в падежах на $-bh$ ($m\acute{a}nobhis$, $hav\acute{ir}bhis$ и т. д.).*

§ 17. Церебральные

В церебральном ряде (t , $\acute{t}h$, $\acute{d}$, $\acute{d}h$, $\acute{c}$, $\acute{s}$) индоарийский по сравнению с остальными индоевропейскими языками представлен инновацией. Этот несколько неудачный термин, являющийся плохим переводом санскритского $m\acute{u}r\acute{d}hana$, начал употребляться на заре индоарийского языкознания и сохраняется в силу длительной привычки. С фонетической точки зрения термины „ретрофлексные“ или „ретровертные“ описывают эти звуки более точно, так как они отличаются от зубных тем, что кончик языка загнут назад к нёбу. Это типично индийские звуки, и, конечно, они были восприняты индоарийцами после их прихода в Индию. Тогда же их употребление распространилось на более восточные иранские языки, те, которые граничили с индоарийским ареалом (пушту, хотанский и др.). В большом количестве мы находим церебральные звуки и в дравидийских языках, где они, конечно, древние. Они также широко встречаются в языках мунда, но так как они, по-видимому, отсутствуют в савара, принадлежащем к этой семье, но менее других языков этой группы подвергшемся внешним влияниям, церебральные могут и не быть исконными звуками в языках мунда. Поскольку такие звуки индоевропейский язык образовал только в Индии и непосредственно примыкающих к ней странах и поскольку у нас есть все основания считать, что до прихода арийцев на обширной территории Индии население говорило на какой-то древней форме дравидийского

языка, содержащего такие звуки, то следует считать, что церебральные в известной мере обязаны своим происхождением этому дравидийскому языку. В то же время в исконных индоарийских словах их возникновение полностью объясняется позиционными изменениями, повлиявшими на некоторые группы согласных.

Большинство этих изменений уже упоминалось, и их можно совсем просто классифицировать следующим образом: (1) первоначально зубные *t, th* стали церебральными после *ṣ* (арийское *š*), которое в этом положении может представлять или и.-е. *s* (§ 9), или же быть видоизменением палатальных *ś, ž* (>скр. *j*: и.-е. *k, ĝ*): *vṛṣṭi-* „дождь“ (*vṛṣ-*, ср. греч. *ἔρση, ἔερση* „роса“, ирл. *grass* „ливень“), *vāṣṭi* „он желает“ (*vaś-*, ср. хетт. *wekzi*), *āṣṭrā* „стрелкало“ (*aj-* „гнать“: лат. *ago* и т. д.); (2) первоначально зубные *d, dh* стали церебральными после *ṣ* (арийское *ž*, также двоякого происхождения, как и *š*); поскольку в этом случае свистящий опускался, то образовавшиеся при этом церебральные *ḍ, ḍh* (*l, lh* в Ригведе) оказывались в интервокальном положении. Примеры: *pīḍá-*, *ūḍhá-* и т. д., см. выше; (3) смычность первого члена группы *ṣṣ* (которая может появляться на месте *ṣ + s* или *ś + s*) дала *ṣṣ*; в конце концов в результате упрощения группы согласных в этом положении осталось одно *ṣ* (*dviṣ, viṣ*, см. выше), в то время как в интервокальном положении эта группа дала *kṣ*; (4) первоначально зубное *n* становилось церебральным (*ṇ*) при более широком круге условий, а именно после *ṣ, ḡ* или *ṛ*, исключая те случаи, когда между ними и *n* оказывался палатальный или зубной: *kāḡaṇa* „причина“, и т. д.

Вот все возможности регулярного образования церебральных в санскрите. Таким образом, их сфера очень ограничена, поскольку, согласно этим правилам, церебральный не может стоять в начале слова, а глухие *ṣ* и *ṭh* не могут быть в интервокальном положении в виде одинарных звуков. В древнем языке это случается изредка, но в более позднем языке примеры церебральных обоих типов нередки. Происхождение этих церебральных двоякое:

(1) В среднем индоарийском предшествующее *g* или *ḡ* может церебрализовать зубные. Некоторые из этих форм усвоены санскритом, иногда даже на ранней стадии развития языка. Таковы *hāṭaka-* „золото“ (ср. рус. *золото* и, с другим суффиксом, *hīḡaṇa-*), *aṭani-* „наконечник лука“ (в отличие от *āṛṇi* в древнем языке), *paṭa-* „актер“, ср. *pṛṭ-* „танцевать“, *avaṭá-* „родник“ (вместо **avṛta-*), ср. *avata-* — то же (вместо **avṛtá-*); *vikaṭá-* „огромный“ вместо *vikṛtá-*; *bhaṭá-* „солдат“ вместо *bhṛtá-*; *bhaṭṭāraka-* „господин“, ср. *bhāṭṛ-*; *jaṭhāra-* „живот“, ср. *jartú-* и гот. *kilþei* „матка“ (анат.); *āḍhyá-* „богатый“, ср. *ṛdh-* „преуспевать“; *bhaṇḍ-* „ссориться“, ср. вакхан. *vāḡand-* „оскорблять, бранить“; *āṇi-* „тонкий“, ср. греч. *ἀλέω* „молоть“ и того же происхождения, что и в санскрите, пушту *aṇəl* — то же. В *pāṣyá-*, *pāṣānā-* „камень“,

ср. нем. Fels, и в bhāṣ- „говорить“, ср. лит. balsas „голос“, тот же процесс прошел в связи со звуком s.

Ассимиляция и церебрализация зубных, за которыми следует г, встречаются очень нерегулярно (это редко и в более позднем индоарийском), например, aṇḍá- „яйцо“, ср. калаша ondrak — то же, ст.-сл. ѡдръ, и более поздний прапракритизм kheṭa- „деревня, торговый город“, ср. kṣétra- „поле, место“, Ав. šoiṭra „жилище“.

Есть несколько случаев явно спонтанной церебрализации: sthūṇā „колонна“, Ав. stūnā; aṭ- „блуждать“, ранее at- (откуда átithi- „гость“: Ав. asti-).

(2) Встречается ряд слов с церебральными дравидийского происхождения. Таковы: kuṭīla- „искривленный“, ср. тамил. koṭu-, kuṭa и т. д. — то же; kuṭi- „хижина“, тамил. kuṭi; kaṭhina- „трудный“, телугу gaṭṭi, kaṭṭiḍi и т. д. Относительно некоторых из этих случаев делались неудачные попытки связать эти слова с индоевропейским.

С другой стороны, несколько случаев начальных церебральных в санскрите (ṭikā „комментарий“, ḍaṃaga- „гам“, ḍhakkā „большой барабан“ и т. д.) нельзя объяснить исходя из индоарийского или дравидийского, так как дравидийский избегает церебральных в начальном положении. На последующих же стадиях индоарийского таких слов становится все больше, и их происхождение, как и в большей части позднейшей лексики, остается загадочным.

§ 18. Несистематические изменения

Фонетические изменения в любом языке происходят по большей части согласно общим законам, но всегда после того, как сделано все, чтобы сформулировать эти законы, остаются какие-то исключения. Например, едва ли можно сомневаться, что скр. kéśa- „волосы“ является эквивалентом Ав. gaēsa- — то же, так как в обоих случаях реализуется основа на -u (Ав. gaēsav-: скр. keśav-a-). Контаминация с kesara- „грива“ (ср. лат. caesaries „волосы“) может объяснить изменение в санскрите. Такие спорадические изменения чаще встречаются при определенных сочетаниях согласных. Сочетание pl обычно остается, когда l не переходит в r (plu- „плыть, держаться на воде“), но оно изменяется в kl в слове klōpa- „легкое“ в отличие от греч. πλῆρωμα, лат. pulmō (первоначальное значение было „ловец; то, что плавает“) и в viklava- „отчаявшийся“, в отличие от viplava-, vipluta-. В случае с tṛp- „красть“ и.-е. kler (греч. κλέπτω, got. hlifan и т. д.) изменилось в tlep: смешение групп kl и tl, обычное повсюду. Сходное изменение смычного, также спорадическое, встречается в группе -tn-. Обычно она сохраняется (rátna-, rátnī), но в женском роде некоторых прилагательных на -ita она изменяется в -kn-: ásiknī, páliknī (ásita- „черный“, palitá- „седой“).

Позднее примеры этой тенденции заметны в пракр. *savakkī* (наряду с *savattī* „другая жена (того же мужа)“, пендж. *saukkan*, и в пендж. *arak* „локоть“ (*aratnī*).

Свистящие обычно изменяются, когда стоят поблизости один от другого. В санскрите начальное *s* изменилось в *ś*, когда в следующем слоге было *ś*: *śváśuga-* „свекор“: Ав. *hvasuga-*, греч. *ἐκχρῶς*, лат. *socer*; *śmāngu-* „борода“, ср. лит. *smakrà*, ирл. *smech* „подбородок“. Такая же ассимиляция в обратном порядке наблюдается в *śaśá-* „заяц“ вместо **śasa-*: ср. хотан. *saħa-*, нем. *Hase*, англ. *hare*. С другой стороны, *s* сохраняется в корнях *śās-* и *śas-*, так как изменение было невозможно в формах, подобных *śāsti*, *śástá-* (но ср. *śaśana-* вместо *śāsana-* в северо-западном пракрите). *S* также изменяется в *ś*, когда за ним следует *ṣ*: *śúṣka-* „сухой“: Ав. *huṣka-*; *ślakṣṇá-* „мягкий, слабый“, перс. *lašin*, ср. греч. *λάγνος*, *λαγάρβος*, лат. *laxus*, англ. *slack*; *śliṣ-* „прилипнуть“, *śleṣman-* „слизь“, ср. англ. *slime* и т. д.

Раз в тех случаях, где конечное *ṣ* исчезло, начальное *s* заменяется *ś*, например, *ṣaṭ* „шесть“ (**ṣaṭṣ* < **saṭṣ*) и *vīra-ṣāṭ* „побеждающий людей“, то возможно, что *śúṣka-* и т. п. являются результатом вторичной диссимиляции промежуточной формы **śúṣka-*. Это правило не распространяется на те случаи, где система родственных форм достаточна крепка, чтобы помешать этому изменению, например, *vásu-*, *vásiyas-*, *vásiṣṭha-*, хотя даже здесь встречаются изолированные формы с *ś*.

В ведическом *kṣumánt-* = Ав. *iṣumant-* (: *paṣu-*) мы имеем изолированный пример изменения, имеющего параллели в иранском (ср. хотан. *kṣarṃa-* „стыд“ = *iṣarəma-*).

Более или менее изолированные случаи редукции групп из трех согласных наблюдаются в скр. *stána-* „грудь“: Ав. *ištāna-*, перс. *pistān*; *hradá-* „озеро“: ср. Ав. *yrād-* „течь“ и *tváṣṭar-* „имя божественного творца“ = Ав. *θwōrəštār-*.

Уже в индоевропейский период *g*, *v*, *y* в качестве вторых членов начальных согласных групп была свойственна некоторая неустойчивость. Это объясняет такие соответствия, как скр. *bhañj-* „ломать“, ирл. *bongaim*; скр. *bhuj-* „наслаждаться“, лат. *fungo*, с одной стороны, и *frango*, *fruor* — с другой. Таким же образом в отношении *v* скр. *ṣaṣ*, лат. *sex* и т. д. противостоят Ав. *xṣvaṣ* и т. д., а скр. *kṣip-* „бросать“: Ав. *xṣvaēw-*.

§ 19. Конечные согласные

Судьба согласных и групп согласных в конечном положении во многих отношениях была особой. Это относится и к доисторическому периоду. Например, придыхание в им. ед. *ḍhuk*, если сравнить это с отсутствием его в *adukṣata*, объясняется тем, что в какой-то древний период сочетание *gh + s* в конечном положении давало *-kṣ*, а в интервокальном — *gḥh-*. К началу историчес-

кого периода тенденция к особому развитию в конечном положении усилилась, и в некоторых отношениях особенности этого явления превосхищают позднейшее пракритское развитие в индоарийском.

Из всех смычных только ряд глухих *p, t, ṭ, k* может стоять в абсолютном исходе, а перед звонкими согласными и гласными они замещаются соответствующими звонкими *b, d, ḍ, g*. Характерной особенностью санскрита является озвончение согласных перед начальным гласным, и это превосхищает озвончение всех глухих согласных в интервокальном положении в более позднее время.

Группы согласных сильно упростились за период, непосредственно предшествующий историческому, и в этом отношении ведический язык сильно отличается от древнеиранского. Здесь также действовала общая тенденция, приведшая позднее к ассимиляции всех групп согласных. За небольшими исключениями (например, им. ед. *īrk-* от *īṅj-* „жизнеспособность“), на конце слова может стоять не более одного согласного, хотя сначала их могло быть и больше. Это имело серьезные результаты в морфологии и привело к некоторым грамматическим новообразованиям. Так, отпали окончания 2-го и 3-го лица ед. ч. у глаголов в форме корневого и сигматического аористов, и *s* в этих лицах сигматического аориста проходит тот же путь, когда ему предшествует согласный, так что эти формы теряют грамматическую ясность. В связи с этим корневой аорист в конце концов исчезает в классическом санскрите, за исключением корней с долгим *ā*, и в сигматическом аористе появляются новые расширенные формы (*āpaiṣit* вместо *āpais*).

Самым слабым из конечных согласных был *s*. В конечном положении он ослабляется до придыхания *ḥ* (*visarga*). В сандхи происходит то же изменение перед *k, p* и свистящими. Если ему предшествует *ā*, оно опускается перед звонкими согласными и гласными. То же явление наблюдается, когда звуку *s* предшествует *a*, но здесь *-as* в большинстве контекстов заменяется *o*. В несанскритских диалектах древнего индоарийского развитие было иным: *as* переходило в *e*. Пример такого рода встречается даже в Ригведе (*sūre duhitā* „дочь солнца“); позже это становится особенностью восточных (магадхи) пракритов. Примеры этого встречаются также в некоторых северо-западных надписях на кхароштинском. Это развитие конечного *-as* началось в индоиранский период и в языке Авесты конечное *-as* обычно представлено *o*; наряду с этим имеется диалектный вариант *ə*, соответствующий *e* в магадхи и т. д. Конечное *s* сохраняется только перед *t, th*, а перед *c, ch* оно существует в видоизмененной форме *ś*.

После *i* и *u* *s* первоначально переходило в *ṣ* (см. § 9), дававшее, как правило, санскритское *ṣ*. Но перед звонкими согласными и гласными вместо этого *ṣ* появляется *g*. Предполагается, что промежуточной стадией было *z*, так что в этом случае судьба *s*

совершенно различна на конце и в середине слова. Это внешнее сандхи распространялось на сандхи сложных слов (*durdama-* и т. д.), но старые формы, как *dūjabhá-* (*dūḍ°-<duḍḍ°-*) и *kāṅṅatī* показывают, что это не первоначальная форма, а образование по аналогии. Точно так же сандхи основ на *ṣ* среднего рода в склонении (*havírbhis, havíṣṣu; mánobhis, manāṣṣu*) является подражанием внешнему *s*.

Конечное *g* ослаблялось почти так же, как и *s*. В конечном положении его представляет висарга (*ripaḥ*), но оно сохраняется после *a*, когда за ним следует гласный (*punaḥ āgacchati*). В других положениях в сандхи оно ведет себя точно так же, как *s*. Оно даже переходит в *s* перед *t* (*ripas tam*), но это скорее явление аналогии, чем фонетики. В том случае, когда неизменяемым формам с конечным *g* предшествуют *i* или *u*, мы не имеем возможности сказать на основании каких-либо контекстов с сандхи, оканчивалось ли слово первоначально на *s* или на *g*. Так, хотя мы можем заключить, что первоначальной формой наречия, означающего „вне“, было *bāhig*, потому что формы пали и пракр. *bāhiga-* „внешний“ (:скр. *bāhya-*) произошли от него, однако из самого санскрита не может быть фонетически выведена его форма, и корень обычно дается как *bahis*. Это ослабление конечного *g* несомненно способствовало исчезновению большого количества старых форм среднего рода на *g*. Они уже начали исчезать, но фонетическое ослабление конечного *g*, несомненно, ускорило этот процесс (существование основы *ūdhas* „вымя“ наряду с *ūdhā* объясняется тенденцией смешивать *s* и *g* в конечной позиции).

ГЛАСНЫЕ

§ 20. Соответствия

Соответствия между гласными санскрита и других индоевропейских языков можно проследить по следующей таблице, где примеры приводятся по предполагаемому первоначальному индоевропейскому гласному:

а: скр. *ájga-* „равнина“, греч. *ἀγρός* „поле“, лат. *ager* — то же, англ. *acre* („акр“); *ára* „прочь, от“, греч. *ἄρα*, лат. *ab*; *ánti* „лежащий напротив, близкий“, греч. *ἀντί*, лат. *ante* „перед“ (предл.); *ániti* „дышит“, ср. греч. *ἀνεμος* „ветер“, лат. *animus* („дух, душа“); *áyas* „металл“, лат. *aes* (— то же); *nas-* „нос“ (инстр. *nasā* и т. д.), др.-в.-нем. *nasa*, ст.-сл. *носъ*; *haṁsá-* „гусь“, греч. *χᾶν, χήν*, лат. *anser*, нем. *Gans*; *yaj-* „жертвовать, поклоняться“, *yaṅná-* „жертва“, греч. *ἄγιος, ἄγρός* „священный“; *śad-* „падать“, лат. *cadit*.

е: скр. *bhárati* „несет“, греч. *φέρει*, лат. *fero*, др.-ирл. *berid*; *astí* „есть“, греч. *ἔστι*, лат. *est*; *ásva-* „лошадь“, лат. *equus*; *sána-* „старый“, лат. *senex*, др.-ирл. *sen*; *sádas* „седалище“, греч. *ἔδος*; *paśú-* „домашнее животное“, лат. *pecu*, др.-прусс. *pekcu*, лит. *pekus*,

гот. *faíhu*; *mádhu* „мед“, греч. μέθυ, англо-сакс. *medu*; *mádhya-* „средний“, лат. *medius*, греч. μέσος.

o: скр. *ávi-* „овца“, греч. ὄvis, лат. *ovis*; *páti-* „муж, господин“, греч. πότις, лат. *potis* „способный“; *ápas-* „работа“, лат. *opus*; *ápas-* „подвода“, лат. *opus* „тяжесть“; *ásthí* „кость“, греч. ὄσσεον, лат. *os*; *dáma-* „дом“, греч. δόμος, лат. *domus*, ст.-сл. домъ; *da-dárša* „видел“, греч. δέδορξε; *vīkas* им. ед. „волк“, греч. λύκος.

ā: скр. *mātár-* „мать“, лат. *māter*; *bhrātár-* „брат“, лат. *frāter*; *svādū-* „сладкий“, греч. ἄδύς, ἡδύς-лат. *suāvis*; *ásthāt* „стоял“, греч. ἔστη, ἔστη; *bāhū-* „рука“, греч. πῆχυς „рука; предплечье“; *snā-* „купаться“, лат. *nāre*; *áśvā* „кобыла“, лат. *equa*.

ē: скр. *gāj-*, *gājan-* „царь“, лат. *gēx*; *mās-* „месяц“, греч. μήν, лат. *mensis*; *sāmi-* „половина“, греч. ἡμί-, лат. *sēmi-*; *mā* „не“ (запретит.), греч. μή, арм. *mi*; *pitā* „отец“, греч. πατήρ.

ō: скр. *ās-* „рот“, лат. *ōs*; *vāk* им. ед. „речь“, Ав. *vaxš*, лат. *vōx* (голос); *āsū-* „быстрый“, греч. ὠχύς, лат. *ōcior* „более быстрый“; *pā-* „пить“, греч. πόω, лат. *pōtus*; *nápāt* „внук“, лат. *perōs*; *pāt* им. ед. „нога, ступня“, греч. (дор.) πός; *vīkāš* им. мн. „волки“, гот. *wulfōš*.

i: скр. *imás* „мы идем“, греч. ἴμεν; *vidmá* „мы знаем“, греч. ἴδμεν, ср. лат. *video*; *tiṣṭhāmi* „я стою“, греч. ἵστημι; *diví* „на небесах“, греч. Διῖ; *giṣcānti* „они оставляют“, лат. *linquunt*.

ī: скр. *jívā-* „живой“, лат. *vīvus*; *vīgá-* „мужчина, герой“, лит. *vūgas*; *pīvan-* „жирный“, греч. πῖον.

u: скр. *śrutá-* „услышанный“, греч. κλυτός („славный, знаменитый“); *rudhirá-* „красный“, греч. ἐρυθρός, лат. *ruber*; *snuṣā* „невестка“, ст.-сл. свьха, греч. υῦός, лат. *nugus*; *udān-* „вода“, греч. ὕδωρ, ὄατος, лат. *unda-* „волна“.

ū: скр. *dhūmá-* „дым“, ст.-сл. дымъ, лат. *fūmus*; *bhrū-* „бровь“, греч. ὄφρυς, англо-сакс. *brū*; *pū-* „прогнать“, *pūti-* „гниение“, греч. πύθω, лат. *pūs*, *pūteo*, гот. *fūls*.

ai: скр. *édhas* „топливо“, Ав. *aēsma-*, греч. αἶθω „гореть“; *devár-* „деверь“, греч. δειήρ (< δαιΓήρ), арм. *taigr*, лат. *lēvir*.

ei: скр. *éti* „идет“, лит. *eīti*, греч. εἶσι; *hēman* „зимой“, *hēmantá-* „зима“, греч. χειμῶν, алб. *dīmën*; *devá-* „бог“, лит. *dīevas*, лат. *dīvus*, оск. *deivai*, „divae“; *dehī-* „насыпь, вал“, греч. τεῖχος, оск. *feihúis* „стены“.

oi: скр. *vēda* „я знаю“, Ав. *vaēda*, греч. οἶδα, гот. *wait*; *tē* „те“, греч. τοί; *bhages* „ты должен нести“, греч. φέρεις.

au: скр. *ōjas-* „сила“, Ав. *aogarə*—то же, ср. лат. *augustus*; *śoṣa-* „высыхание“, лит. *sausas* „сухой“, греч. ἄος—то же, англо-сакс. *sēag*.

eu: скр. *bódhāmi* „я наблюдаю“, греч. πειθῶμαι „открывать, узнавать“; *oṣati* „горит“, греч. εἶω „обжигать, опалить“, лат. *ūro*; *jóṣati* „наслаждается“, греч. γεύομαι „пробовать“, гот. *kīusan* „выбирать“.

ou: скр. *loká-* „пространство, вселенная“, лит. *laũkas* „долина“, лат. *lūcus* „роща“; *jujōṣa* „наслаждался“, гот. *kaus* *; *bodháyati*

„будит“, лит. pa-si-baudyti „пробуждаться“, ст.-сл. боудити; sūpós род. ед. от sūpū- „сын“, гот. sunaus, лит. sūpaūs.

āi: скр. дат. ед. жен. р. sēnāyai, devyāi, греч. χώρα, лат. equae и т. д.

ēi: скр. āgaikṣam, сигмат. аорист от ḡic- „оставлять“, ср. греч. ἐλειψα.

ōi: скр. инстр. мн. vṛkaiṣ и т. д., Ав. daēvaiṣ, греч. λύκοις; дат. ед. tāsmai „ему“, Ав. aētahmai, ср. греч. ἵππφ и т. д.

āu: скр. nauṣ „корабль“, греч. ναῦς, лат. nāvis.

ēu: скр. dyaūs „небо“, греч. Ζεὺς; āyaukṣam „я присоединился“, ср. греч. ἔζευξα.

ōu: скр. gaūs „корова“, греч. βοῦς; aṣṭau „восемь“, гот. ahtau.

Плавные и носовые сонанты

ḡ: скр. pṛcchāti „спрашивает“, лат. poscit (< *porscit). др.-в.-нем. forscōn; pitṛṣu местн. мн. от pitār „отец“, греч. πατράσι; vṛttā- „повернутый“, лат. versus, vorsus; mṛtā- „мертвый“, ср. лат. mortuus, mors, лит. mīrti „умирать“, ст.-сл. съмръть.

ḷ: скр. mṛdú- „мягкий“, лат. mollis, ср. греч. ἀμαλδόνω „смягчать, ослаблять“; pṛthú- „широкий“, греч. πλατύς „широкий, плоский“; vṛka- „волк“, Ав. vəhrka-, лит. vilkas, гот. wulfs; bhṛṣa- „сильный, неистовый“; ирл. balc „сильный“.

ṛ: скр. matā- „обдуманый“, matī- „мысль, представление“ (man-), греч. ἀυτόματος „действующий по собственной воле“, лат. commentus, mens, mentio и т. д.; hatā- „убитый“ (han-), греч. φάτις (: φόνος „убийство“ и т. д.); asī- „меч“, лат. ensis; nāma „имя“, греч. ὄνομα, лат. nōmen, хетт. lāman; a- „не“ в ājāta- „неизвестный“, греч. ἄγνωτος, лат. ignōtus, др.-ирл. ingnad.

ṛ: скр. śatām „сто“, греч. ἑκατόν, лат. centum, гот. hund, уэльс. cant, лит. šimtas; gāti- „ход“, греч. βάσις, лат. in-ventiō; гот. gaqumþs; abhrā- „облако“, Ав. awra-, лат. imber; saptā „семь“, греч. ἑπτὰ, лат. septem.

§ 21. Замечания о гласных

Самой характерной отличительной чертой индоиранского по сравнению с остальными индоевропейскими языками является наличие одного гласного *a*, соответствующего трем гласным *a*, *e* и *o* в других языках; то же относится и к долгим гласным: *ā* соответствует *ā*, *ē*, *ō*. Ясно, что, поскольку другие языки в основном согласуются между собой в распределении гласных *a*, *e* и *o*, это единообразие есть результат специфического индоиранского развития. Кроме того, палатализация велярного ряда перед *a* в индоиранском, происходящая только тогда, когда *a*

соответствует *e* в других языках (са = лат. *que* и т. д.), свидетельствует о существовании в индоиранском языке *e* в этих позициях в доисторический период. Смещение *a* и *o* встречается также и помимо индоиранского — в немецком, славянском и хеттском. Имеем ли мы здесь дело с независимым параллельным развитием в различных языковых группах, или же это слияние *a* и *o* есть древняя диалектальная особенность индоевропейского, нельзя сказать с уверенностью. Правда, в случае индоиранского и славянского языков, которые обнаруживают и другие признаки особого родства, возможность древнего общего изменения заслуживает рассмотрения. С другой стороны, изменение *e* в *a* встречается только в индоиранском, и это одна из наиболее характерных особенностей, отличающая эту семью от остальных индоевропейских языков.

Индоиранское развитие носовых сонантов (в *a*) то же, что и в греческом, и это одна из немногих черт, объединяющих эти две ветви. Носовые сонанты как таковые нигде не засвидетельствованы, но они реконструированы для индоевропейского по теоретическим соображениям. Плавные сонанты также в большинстве языков заменены сочетаниями гласных с *ŋ* или *l*. Только индоиранский сохранил слоговое *ŋ*, представляющее также первоначальное слоговое *l*. В санскрите существует только один случай слогового *l*, а именно корень *kṛ-* „устраивать“. На основании ведического *kṛ-*, Ав. *kəṅr-* „форма, тело“, которое обычно сравнивают с лат. *corpus*, принято считать, что это *l* вторичного происхождения, но это нельзя считать доказанным. Все же, как правило, санскрит гораздо последовательней в изменении *l > ŋ* в его вокалической, чем в консонантной форме. На базе слогового *ŋ* (засвидетельствованного в индоиранском) и *l* можно с полной достоверностью реконструировать носовые сонанты. Они встречаются в одних и тех же условиях, а именно когда редукция соседнего гласного в ступени *giŋa* заставляет их принять на себя функцию гласных; их судьба в различных языках сходна. Так, вместо *ŋ* мы имеем в греческом *ar* (*ra*), в балто-славянском *-ir*, в германском *-ur*; точно так же вместо *l* — греч. *α*, балто-слав. *ip*, герм. *up*. Ясно, это постулирование первоначальных носовых сонантов так же необходимо для объяснения варьирования соседнего с ними гласного в различных языках, как и с точки зрения принципов апофонии, о которой будет вкратце упомянуто ниже.

Среди гласных индоевропейского праязыка обычно постулируется так наз. „шва“ (ə). Основанием для этого служат такие сопоставления, как скр. *pitár-* „отец“ : греч. *πατήρ* и т. д., скр. *sthitá-* „стоящий“ : греч. *στατός* и т. п. Считалось, что ə в этих случаях представляет редуцированную ступень первоначальных долгих гласных, соответствуя нулевой ступени кратких гласных *e*, *a*, *o*. Предполагалось также, что в индоиранском оно превратилось в *i*, а в остальных индоевропейских языках дало *a*.

Я показал в другом месте¹, что такая реконструкция несостоятельна и что она основана на неверном анализе рассматриваемых санскритских слов. В этих словах *i* является и.-е. *i* и составляет часть суффикса, а не корня. Скр. *sthítá-* следует расчленять на *sth-ítá*, и структура этого слова, следовательно, отличается от структуры сравниваемых слов, так что фонетические реконструкции, базирующиеся на этих сопоставлениях, оказываются несостоятельными. Такого же членения следует придерживаться во всех относящихся к этому вопросу формах: *sth-íti-* „стояние“ (ср. *snih-iti*), *sth-irá-* „крепкий“ (ср. *sthéyān*, *sthéman*, пали *theta-*), аор. 3 л. ед. ч. *ástth-íta* „стоял“ (ср. *avād-i-ran* и т. д.), перф. 1 л. мн. ч. *dad-ima* (в отличие от наст. вр. *dadmás*), *stan-i-hi* „греми“ (ср. *stanayitnú-* и т. д.), *s-ítá-* „связанный“ (ср. *sināti*, *siṣāya* и т. д.), *ś-ítá-* „острый“ (ср. Вед. *śiṣayá-*, Ав. *saēni* и т. д.), *krav-iṣ-* „мясо“ (ср. *gos-iṣ* и т. д., а также лит. *kraūjas* и т. д.)*. Ясно также — и это подтверждается на многих примерах в санскрите, — что в нулевой ступени первоначальные долгие гласные полностью опускаются. Например: наст. вр. от *da-* и *dhā-*: *dadváś*, *dadmás*, *datté*, *datsé*, *dadhváś*, *dadhmás*, *dhatse*, *dhatsva* и т. д. (то же в иранском: Ав. *dadəmahi*, *dasta*, *daste*, *dazde*, *dadəmaide* и т. д.). Та же элизия встречается в причастиях *dattá-* „данный“ и *°tta* (*devátta-* „данный богами“ и т. д.), а также в Ав. *ptar-* „отец“ наряду с *p-itár*.

Если бы это э ограничивалось сравнительно небольшим количеством слов, в которых санскритское *i*, по-видимому, соответствовало *a* в других языках, оно никогда не приобрело бы большого значения в индоевропейской теории. Оно приобрело такое значение в традиционной теории индоевропейского языка потому, что стало основным элементом в ранних теориях апофонии. В сравнительных словарях это э, так опрометчиво постулированное, выступает в индоевропейских реконструкциях в необычайном изобилии, главным образом в так наз. двуслоговых корнях. Санскритское *i*, когда оно стоит после таких корней, также относится к суффиксу, и Н, составлявшее конечный элемент корня, опускается (*táritum* < *tarH-ikum). Теория апофонии была затем осложнена постулированием первоначальных долгих дифтонгов со слабой ступенью *ei*, развившейся, как считалось, в *i* (а иногда в *-au-*), но нет никаких фактов, подтверждающих необходимость постулировать эти долгие дифтонги или же слабые ступени, будто бы образовавшиеся от них. Кроме того, некоторые ученые ввели еще второе шва, которое, как предполагалось, представляло редуцированную форму кратких гласных. В результате теория апофонии, которая, как мы увидим ниже, в действительности до крайности проста, стала чрезвычайно сложной. С открытием хеттского *h*, повлекшим за собой популярность „ларингальной теории“, основные принципы старой

¹ TPS. 1949, стр. 22—61.

теории были перенесены на новую. Индоевропейское Н было отождествлено со старым шва (э) и стало считаться, что все разновидности Н могут функционировать, подобно плавным и носовым, и как гласные, и как согласные. Вошло даже в обычай употреблять знак э для передачи и.-е. Н в его консонантной функции (э₁, э₂, э₃), так что все изложение „ларингальной теории“ продолжало оставаться порочным вследствие первоначального ошибочного постулирования шва. Нечего и говорить, что возражения против „шва“ в старой версии этой теории остаются в силе и по отношению к новой версии: нет убедительных доказательств того, что Н в любой из его разновидностей могло функционировать как гласный, и оно, конечно, никогда не могло передаваться в санскрите звуком і.

Мы уже отмечали влияние и.-е. Н на гласные. Благодаря реконструкции Н достигается очень значительное упрощение системы гласных.

(1) Долгие гласные ā, ē, ō (> скр. ā) могут быть долгими в ступени vṛddhi; в этом случае они происходят из кратких гласных a, e, o. Но есть другой класс долгих гласных, а именно долгих по природе, например ā, ē и ō в stā- „стоять“, dhē- „помещать“ и dō- „давать“ (скр. sthā-, dhā-, dā-). В таких случаях ларингальная теория расчленяет долгий гласный на краткий гласный + различные разновидности Н (dheN₁, steN₂, deN₃), причем качество гласного определяется следующим за ним ларингальным. Таким образом, долгие гласные имеют вторичное происхождение во всех случаях.

(2) Разновидности гласного ступени giṇa объясняются отчасти качественным чередованием в индоевропейском. Особенно это относится к чередованию e/o (φέρω:φέρως). Но сюда не входят несколько случаев с o, которое считается первоначальным (ὀστέου „кость“), и a очень редко можно объяснить из чередования гласных (лат. quater и т. д.). „Первоначальные“ a и o, по ларингальной теории, восходят к N₂ и N₃, за которыми следует гласный ступени giṇa, сам по себе недифференцируемый (N₂ent- „передняя сторона“, хетт. ḫant-, греч. ἄντι и т. д., N₃est- „кость“, хетт. ḫaštai, греч. ὀστέου и т. д.). Таким образом мы сократились до одного первоначального гласного ступени giṇa, традиционно обозначаемого e, что является тем самым состоянием, к которому индоиранский вернулся в более поздний период в результате своих особых процессов развития.

Следует добавить несколько предостерегающих слов для иллюстрации того, что ларингальная теория еще не приняла вполне удовлетворительной формы. Например, никогда нельзя быть уверенным, что гласный o—первоначальный, так как чередующиеся формы с e могут отсутствовать по чистой случайности. Кроме того, существуют случаи чередования o/a, которые эта теория совершенно не принимает во внимание. Что касается первоначального a, то отсутствие какого бы то ни было Н в фор-

мах, подобных хетт. арра „прочь“, можно объяснить только, сделав эту теорию нежелательно сложной. В таком случае надо будет допустить, что доступные нам фактические материалы не дают возможности идти дальше и.-е. аро.

(3) И.-е. *ī*, *ī̄* во всех случаях произошли из *iN*, *uN*. Особое развитие *ǰ*, *ǰ̄*, *ǰ̄̄*, *ǰ̄̄̄*, когда за ними следует *N*, уже описано. Таким образом, можно обойтись без старых реконструкций долгих плавных сонантов.

После этих упрощений система индоевропейских гласных сократилась до очень небольшого количества первичных элементов. Вначале существует только один чисто гласный элемент, который можно обозначить через *e*. Развитие трех его разновидностей (*e*, *a*, *o*) и соответствующих им долгих гласных можно объяснить как результат действия ларингальных и чередования гласных. Кроме того, имеется шесть элементов, которые в определенных условиях (между согласными, перед согласным в начале слова и после согласного в конце слова) могут функционировать как гласные,—это *i*, *u*, *ǰ*, *ǰ̄*, *ǰ̄̄*, *ǰ̄̄̄*,—но в других положениях (между гласными и т. д.) играют роль согласных—*y*, *v*, *g*, *l*, *p*, *m*. Что же касается дифтонгов, то следует заметить, что второй элемент в них—согласный и что с точки зрения индоевропейского было бы более последовательным писать *éuti* „идет“, *gews-* „вкус“ и т. д.

§ 22. Количественное чередование гласных: апофония

Чисто гласный элемент (скр. *a*, и.-е. *a*, *e*, *o*) обладал количественными градациями следующего типа. Он мог опускаться в любом слоге, корневом или суффиксальном, или же удлиняться. Другими словами, любой слог может выступать в нормальной ступени (*a*), в усиленной ступени (*ā*) и в нулевой ступени. Эта градация имеет кардинальное значение в санскритской грамматике, что полностью признавалось индийскими грамматиками. Усиленной ступени они дали название *vṛddhi*, а нормальной—*guṇa*. Слабая, или нулевая, ступень осталась без названия, потому что в грамматической системе индийских ученых она считалась основной и служила той исходной формой, от которой двумя последовательными процессами усиления образовывались ступени *guṇa* и *vṛddhi*. Филологи-компаративисты в отличие от индийских грамматиков считают нормальной ступенью гласного ступень *guṇa*, производя от нее ступени *vṛddhi* и нулевую путем противоположных процессов усиления и ослабления.

Действие этой градации можно проиллюстрировать несколькими примерами:

(1) Нормальная ступень: *sádas* „сиденье“, *sácate* „общается“, *padás* род. ед. от *pád-* „ступня“, *ghas-* „есть (питаться)“, *dabhnóti* „вредит“, *hásati* „смеется“.

(2) Усиленная ступень: *sādāyati* „сажает, усаживает“, *rātiṣācas*, им. пад. мн. ч. „связанные с щедростью“, *rādam*, вин. ед. „ступню“, *ghāsa-* „корм для скота“, *ādābhya-* „кого нельзя обмануть“, *hāsa-* „смех“.

(3) Нулевая ступень: *sedūr* „они сидели“ < *sazdur, ср. Ав. *hazduāf* „обычно сидел“, *sāscati* 3 л. мн. ч. „они общаются“, *upabdā-* „попирающий ногою“, *ā-dbh-uta-* „замечательный“ (буквально: „которому нельзя навредить, неприступный“, о божественных существах), *jākṣiti* „ест“ (то есть *ja-ghs-i-ti*), *jākṣati* „смеется“ (*ja-hs-ati*, ср. вед. *jajjhatī* и пали *jagghati* для уяснения различной трактовки *h + s*).

Те же три ступени относятся и ко всем суффиксальным элементам. Так, например, для суффикса *-n* нормальную степень (*guṇa*) представляет зват. пад. *gājan*, местн. пад. *gājani*, нулевую степень — род. пад. ед. ч. *gājān*, усиленную степень — вин. пад. ед. ч. *gājānam* от основы *gājan-* „царь“.

Это чередование *a/ā/нуль* звука составляет в принципе ядро системы апофонии. Некоторые осложнения возникают из-за сочетаний *a* с полугласными и из-за некоторых фонетических изменений. Это можно кратко изложить следующим образом:

(1) Когда *a* утрачено, полугласные (*y, v*) в соответствующем фонетическом контексте начинают играть роль гласных: *yājati* „жертвует“, *ijyā* „жертва“; *vāpati* „сеет“; *urpā-* „посеянный“. Когда полугласный элемент стоит вторым, то есть в дифтонгах, первоначальное индоиранское чередование *āi, ai, i; āu, au, u* в санскрите изменяется в *ai, e, i; au, o, u*, где *e* и *o* теряют характер дифтонгов. Ступени *guṇa* и *vṛddhi* принимают чередующиеся формы *ai, au, e, o/āu, āv, au, av* в зависимости от того, следует за ними гласный или согласный. Примеры: Нормальная ступень: *jētum* „побеждать“, *jāyati* „побеждает“, *śrótum* „слышать“, *śrāvāṇa-* „слышание“.

Усиленная ступень: *ājaiṣam* „я победил“ (сигмат. аор.), *jigāya* „он победил“ (перф.), *āśrauṣam* „я слышал“, *śuśrāva* „он слышал“.

Нулевая ступень: *jitā-* „побежденный“, *śrutā-* „услышанный“.

(2) Плавные *g, l* вокализировались в тех же условиях. Хотя *l* в большинстве случаев совпало с *ḡ*, в индоиранском сохраняется первоначальное слоговое произношение, так что чередование остается простым. *Guṇa*: *kārtum* „делать“; *vṛddhi*: *śakāra* „сделал“; нуль: *kr̥tā-* „сделанный“/*śakré*, 3 л. ед. ч. мед. перф. „сделал“.

(3) Носовые также могли функционировать как гласные, но здесь положение осложняется тем, что в индоиранском, так же как и в греческом, носовые сонанты перешли в *a*, в связи с чем этот ряд представляется как (1) *an, am*; (2) *ān, ām*; (3) *a/n, a/m*. Например: (1) *gāmana-* „хождение“, *hānti* „убивает“; (2) *jaḡāma* „ушел“, *jaghāna* „убил“; (3) (a) *hatā-* „убитый“, *gatā-* „ушедший“; (б) *ghnānti* „убивают“, *jaḡmūr* „ушли“.

(4) Долгое ā иногда бывает первоначальным, то есть оно появляется в положении гуṇa, например, в корнях dhā- „помещать“, dā- „давать“ и sthā- „стоять“. Оно опускается в нулевой ступени, как обычный гласный гуṇa, например, dadhmās, dadmās. Мы видели, что это ā стоит на месте ан (или в индоевропейской системе ē, ā, ō стоят на месте ен₁, ен₂, ен₃). Итак, в этой апофонии мы имеем дело с обыкновенным гласным гуṇa и с Н, которое не может играть роли гласного и опускается в таких случаях.

(5) Сочетания iН, uН дали ī, ū, а в сочетаниях с соответствующими дифтонгами (-ein-, -ein-) Н исчезло бесследно. Так наряду с нормальной дифтонгальной апофонией возникает апофония e/ī, o/ū и т. д.: (1) pētum „вести“/pāyati „ведет“; hómap „заклинание“/hāvana—то же; (2) apaīṣam „я вел“/pāyaka- „предводитель“; juhāva „позвал“; (3) pitā- „приведенный“, hūtā- „призванный“.

(6) Сонант ṛ с последующим Н дал īṛ, ūṛ, а в соответствующих ступенях гуṇa исчез. В этих случаях мы имеем слабую ступень īṛ, ūṛ в апофонии с ar, ār: (1) tārtum „пересекать“, pīpārti „наполняет“; (2) tārayati „заставляет пересечь“; (3) tīṛṇā- „пересеченный“, pūṛṇā- „наполненный“.

(7) Носовые ṛ и ṛ перед Н в санскрите давали: ṛН—ā, ṛН—ān (примеры имеются только перед t). Отсюда апофония sanóti : sātā-; dāmyati, damāyati : dāntā-.

(8) Есть несколько вводящих в заблуждение случаев, где нет настоящей апофонии. Примером этого является pā-tum „пить“ : p-itā- „выпитый“. Здесь ī во второй из приведенных форм—суффиксальное и потому не может быть в отношениях чередования с корневым ā первой формы*.

(9) Для корней, содержащих более двух согласных, возможны два типа ступени гуṇa: (1) vārtate „поворачивается“ и т. д.; (2) trāsati „боится“ и т. д. Обычно корни принадлежат к какому-то одному типу и придерживаются его в ступени гуṇa (а также и в ступени vṛddhi, которая в этом отношении не отличается от гуṇa), но иногда появляются дублетные формы. Например, от dṛś- „видеть“ мы имеем ряды: слабая ступень dṛṣṭā-, гуṇa¹ dārśāyat; гуṇa² drakṣyāmi; vṛddhi¹ dārśanika-; vṛddhi² ādrakṣam.

(10) В конце слова формы vṛddhi, заканчивающиеся полугласным, плавным или носовым, могут утратить этот конечный элемент: sākḥā „друг“ (вин. sākḥāyam, основа sākhi-), āśma „камень“ (вин. āśmānam, основа āśman-), dātā „податель“ (вин. dātāram, зват. dātār, дат. dātāre и т. д.). Эта тенденция наблюдается во всех индоевропейских языках (лат. sermō и т. д.), но нигде она не проводится столь последовательно, как в санскрите (например, греч. πατήρ, лат. pater—скр. pitā).

Это чередование гласных в индоевропейском было связано с ударением. В санскрите связь между чередованием в ступени

и чередованием в ударении ясно выступает во многих примерах: émi „я иду“ : imás „мы идем“; śrótum „слышать“ : śrutá- „услышанный“; ásti „он есть“ : śánti „суть“ (лат. est, sunt); hánti „убивает“ : ghnánti „убивают“ (хетт. kuenzi : kunanzi); átti „ест“ (ád-ti) : dánt- „зуб“ („тот, который ест“). Из подобных примеров ясно, что нулевая ступень объясняется безударным положением слога и что ступень giṇa является в сущности ступенью гласного ударяемого слога. В санскрите, как и в других языках, есть, конечно, много примеров, где ударение и апофония не совпадают, например скр. v́ka- „волк“, f́kṣa- „медведь“, t́ṇa- „травя“, vígra- „мудрец, брахман“. Это, однако, не создает затруднений, так как известно, что с ходом времени во многих случаях место ударения изменилось. Очевидно, это и имеет место в приведенных примерах, так как все они по происхождению являются прилагательными (например, t́ṇa < *t́ṇá-) собственно, „то, что пробивается“, ср. t́ṇátti), а такие образования, как правило, имели ударение на суффиксе. В санскрите также считалось вполне нормальным, чтобы в субстантивированных прилагательных ударение передвигалось на первый слог.

Применение вышеприведенного правила делало возможным наличие в слове только одного слога giṇa. Приведенные слова принадлежат именно к этому типу, но большинство индоевропейских слов в любом языке не таковы. Это объясняется в основном двумя причинами. Во-первых, в том случае, когда в результате могла получиться неудобная или грамматически не очень ясная форма, исчезновение безударного гласного giṇa не допускалось, а если он и исчезал, то быстро восстанавливался. Так, мы имеем в род. пад. ед. ч. от pad- „ступня“ не *bdás, что должно было быть по правилу, а padás с гласным giṇa в безударном положении. Существование dánt- „зуб“ („тот, который ест“, ср. śánt „сущий“ : as-) наряду с adánt- „который ест“ является ясным примером восстановления гласного giṇa в безударном положении по аналогии. Во-вторых, природа индоевропейского ударения в поздний индоевропейский период претерпела изменения. В течение определенного времени ударение обладало способностью редуцировать соседние безударные слоги, но в поздний индоевропейский период оно перестало оказывать такое воздействие. Поэтому формы, подобные вышеприведенным, которые обнаруживают апофонию в ее чистом виде, следует относить к наиболее древнему слою в индоевропейском. Но после того как ударение перестало редуцировать соседние слоги, индоевропейский язык продолжал создавать многочисленные новые формы—способность, сохраняемая отдельными языками, особенно на ранних стадиях. Многочисленные образования типа uajatá- „достойный поклонения“, darśatá- „достойный созерцания“, devásya „бога“ и т. п. возникли в этот поздний период, когда ударение уже перестало влиять на гласные соседних слогов.

§ 23. Качественное чередование гласных: метафония

В индоевропейском существовало также качественное чередование гласного *giṇa*, которое хорошо сохранилось в большинстве ветвей этой семьи. Например, греч. λέγω „я говорю“ : λόγος „слово“; лат. *tego* „я покрываю“ : *toga* „платье“; рус. *везу* : *воз*; англ. *sing* : *sang*. Чередование затрагивает и гласный *giṇa*, как в приведенных примерах, и его усиленную ступень *vṛddhi* (греч. δότηρ : δότηρ „податель, даятель“). В индоиранском это чередование исчезло совершенно вследствие смешения качества гласных *a*, *e*, *o* в *a*. Следовательно, индоевропейское чередование не имеет значения для санскритской грамматики, и оно заслуживает краткого упоминания лишь постольку, поскольку изучающий сравнительную грамматику санскрита встретится с этим явлением в материале из родственных языков.

Это чередование, так же как и количественное чередование, совершенно очевидно связано с индоевропейским ударением. Это ясно из сопоставления таких форм, как греч. δαίμων, δαίμονος, с одной стороны, и ποιμήν, ποιμένιος — с другой. Правило, следовательно, таково, что *e* есть нормальная ступень слога, постоянно находящегося под ударением (греч. ἔστι, ἔπος, ἕως и т. п.). Изменения в области ударения и действие аналогии до некоторой степени смазали картину, но этот центральный момент остается вне всякого сомнения. Можно привести один пример действия аналогии. Окончание родительного падежа единственного числа имеет в одних языках форму, представляющую и. -e. -es, в других — форму, представляющую и. -e. -os. Поскольку в одних случаях это окончание было под ударением, а в других случаях нет, то с полным основанием можно предположить, что две формы первоначально дифференцировались в соответствии с ударением. Позднее в отдельных языках была обобщена одна форма, причем иногда избиралась форма -es, а иногда -os.

То, что индоевропейское ударение дало два совершенно разных результата, понятно из всего сказанного выше об ударении. Элизии гласного *giṇa* часто не происходило по морфологическим причинам, а если он и исчезал, то затем восстанавливался. Однако такие сохранившиеся или восстановленные гласные *giṇa* затем — возможно, в более поздний период — подвергались воздействию ударения уже в ином направлении, так что на месте *e* появляется *o*. Могло измениться и главное ударение в слове, так что менялся вокализм слога, утратившего ударение. Например, многочисленные слова типа, представленного в греч. δαίμων, относятся к классу (имен деятелей), в котором первоначально ударение стояло на суффиксе. Тип словообразующих элементов -τωρ, -μων и т. д. наряду с более древними -τήρ, -μήν, по-видимому, появился в результате такой передвижки ударения.

§ 24. Санскритское и индоевропейское ударение

Последние два раздела мы посвящаем роли ударения в индоевропейском. В изучении морфологии ударение — необходимый элемент, без которого невозможен, в сущности, грамматический анализ. По этой причине вопрос об ударении будет постоянно затрагиваться в последующих главах. Здесь достаточно будет нескольких общих замечаний.

Все технические подробности ведического и раннеклассического ударения в санскрите, а также детали различных способов его обозначения довольно сложны, но основные принципы его следующие. Каждое слово, как правило, имело одно ударение, место которого менялось от слова к слову. Любой слог — от первого до последнего — мог нести на себе ударение (например, слова *árasīti* „возмездие“, *dhāráyati* „держит“, *namasyáti* „уважает“ и *aragāhṇá* „время после полудня“ имеют ударение соответственно на первом, втором, третьем и последнем слоге. Никакой простой системы правил, определяющих, на котором слоге будет ударение в слове, дать нельзя.

Некоторые слова по своей природе были энклитиками и никогда не несли ударения. Это такие частицы и местоименные формы, как *sa* „и“, *mā* „меня“, *me* „мой“ и т. п. В других случаях ударение могло исчезать при определенных условиях. (1) В звательном падеже существительные теряло свое ударение во всех положениях, за исключением начала фразы, когда ударение передвигалось на первый слог, независимо от его первоначального места. (2) Личный глагол терял свое ударение в главном предложении сложного предложения, если только он не стоял в начале предложения, где он сохранял свое естественное ударение. В придаточном предложении он сохранял свое ударение в любом положении. В этом случае глагольный префикс чаще всего сливается с глаголом, теряя свое ударение, например *grāgaschati* „он идет вперед“, *yadi pragāschati* „если он идет вперед“.

Панини называет такое ударение *udātta-* „повышающимся“ — повышение это было изменением высоты или музыкального тона. Главное ударение влияло также на произношение следующего слога, потому что на протяжении произнесения этого слога голос возвращался к своему нормальному уровню. Ударение слога, непосредственно следующего за слогом *udātta-*, называется *svarīta-*, и Панини описывает его как сочетание (*samāhāra-*) *udātta-* и *anudātta-*. Иначе говоря, оно начинается на высоком тоне *udātta-* и понижается в процессе произнесения. Существует также независимое ударение *svarīta*, возникающее вторичным образом при стяжении *īya > yā* и т. п., и в этом случае главным ударением в слове является *svarīta*. Это уже послеведическое явление, так как метрика ранних текстов показывает, что в то время стяжения еще не было.

Главное ударение влияло и на произношение предшествующего слога. Он произносился на более низком тоне, чем обычно, и называется у Панини *sannatara-*. Остальные неударяемые слоги назывались *anudatta-*. Таким образом, из одного главного ударения в слове возникало четыре различных ступени высоты тона: *udatta-*, *anudatta-*, *svarita-*, *sannatara-*. Поскольку, однако, все это разнообразие целиком зависит от главного ударения, отмечать надо, как это и делалось выше, только его. Отдельное обозначение требуется лишь для самостоятельного *svarita* (*vṛkyaś*, *tanvās*, и т. д.), но даже и без него можно обойтись в отношении Вед, если слова транскрибированы согласно произношению (*vṛkīyas*, *tanūvas*).

Сложности ударения, приведенные выше, стали причиной излишне усложненной системы его обозначения, принятой ведическими школами. Согласно обычной системе, принятой например в Ригведе, принцип состоит в том, чтобы отмечать слог, предшествующий *udatta*, то есть слог *sannatara*, подстрочной чертой, а несамостоятельное ударение *svarita*, следующее за *udatta*, — вертикальной черточкой сверху. Само ударение *udatta* остается непомятым. Это достигает той же цели (но в менее удобной форме), что и способ, принятый в современной транскрипции, а также некоторыми ведическими школами. Современное чтение Ригvedы следует этой системе обозначений ударения настолько, что *sannatara* произносится на самом низком, а *svarita* — на самом высоком музыкальном тоне из всех слогов, *udatta* же игнорируется полностью. Это — явление вторичное, как бы старое оно ни было; оно также расходитя с учением Панини, которое полностью совпадает с открытиями сравнительного языкознания.

Вышеописанная система ударения в течение ряда столетий была полностью забыта как в устной форме санскрита, так и во всех формах индоарийского, от него происшедших. Невозможно сказать точно, когда именно исчезла эта система ударения из разговорного обихода. Это было живой традицией во времена Патанджали (*Patañjali*), и даже после Патанджали Шантанавы (*Śāntānava*) разбирал этот вопрос в своей Пхитсутре (*Phitṣūtra*). Как говорит автор комментария Кашика (*Kāśikā*) (ок. 700 г. н. э.), употребление тонов не было обязательным в разговорной речи, что, возможно, означает, что на практике оно уже больше не соблюдалось в то время. Итак, маловероятно, что акцентуация сохранялась долгое время после начала новой эры. Можно считать, что в среднем индоарийском языке это изменение произошло гораздо раньше, в самом начале периода, который можно назвать средним индоарийским.

Индоевропейская система ударения была утрачена раньше или позже в большинстве индоевропейских языков, так же как и в индоарийском. Системы ударения, непосредственно происшедшие от индоевропейской, существуют только в греческом и балтославянском. Их можно также вывести из фонетических явлений,

называемых законом Вернера, для начальной стадии германского. Существование точных сведений об ударении у двух главных членов индоевропейской семьи языков, санскрита и греческого, чрезвычайно ценно для понимания индоевропейского языка.

Сравнение ударения в языках, сохранивших его, обнаруживает совпадение основных принципов, хотя все языки в большей или меньшей степени внесли инновации в детали. Место ударения в индоевропейском устанавливается, например, часто на основании соответствий санскрита и греческого: bhárati „несет“; греч. φέρει; śrutá- „услышанный“ : κλυτός; gurú- „тяжелый“ : βαρύς; vácas „слово“ : ἔπος и т. д. В других случаях они различаются, обнаруживая новообразования то с одной, то с другой стороны: matár- „мать“ : μήτηρ; bhánu- „рука“ : πῆχυς и т. д. Тенденция к изменению проявляется также в частых несоответствиях между ударением и апофонией как в отдельных языках (греч. ἴδμεν „мы знаем“ в противоположность более древнему исконному ударению скр. vidmá), так и во всех (скр. víka-, греч. λύκος и т. д.). В последнем случае инновация относится к индоевропейскому периоду. Путем сравнения отдельных языков, в результате изучения апофонии, тесно связанной с ударением, а также при должном понимании роли ударения в морфологии можно составить ясное и точное представление об индоевропейском ударении. Детали этого вопроса относятся к морфологии и будут рассмотрены нами в соответствующих главах.

Природа древнего ударения в санскрите и греческом известна нам из дошедших до нас технических описаний, а в санскрите частично из традиционной декламации ведических гимнов. В обоих языках преобладало музыкальное, а не слоговое ударение. Это подтверждается тем, что в обоих языках метрика совершенно не зависит от ударения, а единственно лишь от долготы слогов. Из этого совпадения можно заключить, что в позднем индоевропейском языке преобладал тот же тип ударения. Но, как мы уже видели, между ранним и поздним индоевропейским в этом отношении было существенное различие. Раньше ударение могло ослаблять соседние слоги, что указывает на имевшийся в нем значительный элемент силы. В более поздний период ударение явно утратило эту способность, и это вполне соответствует нашим сведениям об ударении в санскрите и греческом.

Наряду с нормальным акутовым ударением в индоевропейском при некоторых условиях существовало циркумфлексное ударение. Это становится ясно из сопоставления греческого с литовским; например, циркумфлексное ударение в род. ед. жен. р. греч. θεῶς, лит. gerōs, род. мн. муж. р. греч. θεῶν, лит. gerŭ, твор. мн. муж. р. греч. θεῶν, лит. vilkaĩs в противоположность акутовому ударению в им. ед. жен. р. греч. θεῆ, лит. geró-ji (gerà). В таких случаях в санскрите везде обычное ударение udátta, и в отличие от индоевропейского в нем нет различия между двумя типами ударения. Независимое же ударение svarita, образовавшееся в санскрите

как отдельный тип основного ударения, представляет, как мы видели, явление послеведическое и не связано с различием типов ударения в индоевропейском языке.

При изучении метрики Вед все же удалось обнаружить следы древнего циркумфлексного ударения. В определенных случаях размер требует, чтобы ā произносилось в два слога, например, gām, dyām — как gaam, dyaam, а окончание род. мн. -ām — как -aam. В таких случаях соответствующие греческие формы часто имеют циркумфлексное ударение, что дает основание считать, что эта особенность ведической метрики есть результат воздействия циркумфлексного ударения в индоевропейском.

Глава IV ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

§ 1. Общие замечания

Санскритская именная основа может совпадать с корнем, как это и бывает в немногих случаях, но обычно она образуется от корня путем присоединения суффикса. Суффиксы эти, унаследованные от индоевропейского, весьма многочисленны. Они не происходят, как в некоторых языках (например, англ. *map-ly*, *map-hood*), от слов, ранее бывших самостоятельными, но их можно в каждом случае разложить на составные части, то есть на отдельные согласные или полугласные, из которых они состоят. Эти первичные элементы включают почти все имеющиеся фонемы, однако чаще всего используются *g*, *n*, *s*, *t*, *y/i*, *v/u*, *m*, *h* и *k*. Они могут выступать или с гласным *giṇa*, то есть им предшествует тематический гласный (-*ag*, -*ap*, -*as*, и.е. *eg*-, *ep*-, *es*- и т. д.), или же в слабой форме (-*g*, -*n*, -*s*). Тематический гласный сам может выступать в роли суффикса, но, естественно, только в конечном положении (*bhav-ap-a udg-á* и т. п.), поскольку в других положениях мы всегда имеем дело со ступенью *giṇa* согласного суффикса. Индоевропейские первичные суффиксы могли присоединяться или к корню, или же к словам, уже имевшим один суффикс—например суффикс -*as* в слове *vācas* „речь“ прибавляется к корню, а в слове *gēkpas* „наследство, собственность“— к основе с суффиксом *n*, в *sgótas* „поток“— к основе с суффиксом *t*, в *rīvas-* „жир“— с суффиксом *v*. Поскольку первоначально сам корень мог свободно функционировать как имя, т. е. был в полном смысле словом, то между первичным и вторичным словообразованием этого рода нет принципиальной разницы. Суффикс мог присоединяться к любому слову, независимо от того, содержало ли оно уже суффикс, или нет, и сущность процесса от этого не менялась. Вследствие огромного количества возможных комбинаций первичных элементов число сложных суффиксов во всех индоевропейских языках очень велико, а сложность образования именных основ в санскрите и родственных ему языках целиком зависит от разнообразных ком-

бинаций сравнительно небольшого числа первичных элементов.

В описательной и синхронной грамматике санскрита различные комбинации суффиксов рассматриваются как единства, чем они на самом деле и стали в ходе развития языка. Для исторического же и сравнительного изучения этого вопроса требуется более основательный подход. Здесь необходимо, как это и делается на последующих страницах, отправляться от единичных, первичных элементов и в изложении строить на них всю систему суффиксов тем же путем, каким она развилась в языке в доисторический период.

Между исходными простыми суффиксами нельзя обнаружить заметного различия в значении или функции. В некотором смысле они лишены значения. Так, древнее и.е. слово *wet* „год“ выступает как таковое в хеттском (также и в санскрите, но только сокращенное до *-ut* в *paḡut* „в прошлом году“); в греческом оно выступает с суффиксом *-os*, как $(F)\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma$, причем без всякого изменения значения. Точно так же в санскрите имена действия среднего рода с суффиксами (*-as* и др.) в основном не отличаются по смыслу от корней, употребляемых в этом значении: *dvīṣ-* „ненависть“: *dvēṣas*—то же и т. д. Конечно, когда рядом встречается несколько производных от одного корня с различными суффиксами, между ними обычно развиваются различия в значении. Но это уже проблема образования идиом, не имеющая никакого отношения к изначальной природе суффиксов как таковых. То, что относится к простым суффиксам, в равной мере относится и к сложным. В вышеприведенных примерах суффиксы *-tas*, *-nas* и *-vas* употребляются точно так же, как простой суффикс *-as*. В хеттском имеется ряд суффиксов: *-sar*, *-tar*, *-mar*, *-var* (чередующихся с основами на *p*-), образующих совершенно одинаковые имена действия среднего рода, что точно отражает индоевропейское состояние. С течением времени во всех языках развилась специализация в употреблении различных суффиксов, но это уже вторичное явление, и в некоторых случаях можно показать, как проходил процесс¹. Самым важным различием в именном словообразовании раннего индоевропейского было не различие суффиксов (простых или сложных), а различие в акцентуации, в соответствии с которой слово, образованное при помощи одного и того же суффикса, могло функционировать то как имя действия, то как имя деятеля/ прилагательное. С ударением на корне слово было именем действия и относилось к среднему роду, с ударением на суффиксе оно было именем деятеля или прилагательным и первоначально принадлежало к так называемому общему роду. До некоторой степени эта

---

¹ Например, суффикс сравнительной степени прилагательных *-tara*, см. стр. 142,

система сохранилась в санскрите и представлена такими дублетами, как *bráhma* (ср) „молитва“ : *brahmā* (м) „жрец“; *yáśas* (ср) „слава“ : *yáśás* (м) „славный, знаменитый“. Такие примеры в санскрите не очень многочисленны и встречаются только для небольшого числа суффиксов. Фактически это последние остатки отмирающей системы. С другой стороны, в раннем индоевропейском эта система имела широкое распространение и играла значительную роль, что очень существенно для понимания не только словообразования имен, но и их склонения*.

Тематический гласный во многих отношениях стоит в стороне от других суффиксов. Его первоначальной функцией было, по-видимому, образование имен действия и прилагательных от различных первоначальных имен среднего рода, например, *udr-á* „выдра“ : греч. ὕδωρ „вода“. Фактически это было вторым способом образования таких существительных. Таково нормальное использование тематического гласного в хеттском языке, которому неизвестен вышеизложенный метод. Многочисленные тематические основы среднего рода, являющиеся только распространением простых согласных основ (скр. *añjan-a*- ср : лат. *unguen* и т. п.), имеют, по-видимому, более позднее происхождение и не известны в хеттском.

В описательной грамматике санскрита производные имена подразделяются на два основных класса: первичные и вторичные, по терминологии индийских грамматиков *kṛt* и *taddhita*. Первые охватывают все образования, произошедшие непосредственно от корня при помощи суффикса (например, *vácas* „речь“ от *vac-*), а вторые—образованные от основ, уже являющихся производными (например, *ásvavant-* „имеющий лошадей“ от *áśva-* „лошадь“). Как ни удобна эта бинарная классификация с точки зрения самого санскрита, с точки зрения индоевропейского ее нельзя расценивать ни как всеобъемлющую, ни как древнюю.

Во-первых, один и тот же суффикс может иметь обе функции, а когда обнаруживается, что суффикс функционирует главным образом или даже исключительно при вторичном словообразовании, то с исторической точки зрения это случай вторичной специализации. Суффикс *-vant* в санскрите нормально является вторичным, но он первичный в таких примерах, как *árvant-* „конь“, *yahvánt-* „молодой“, а также в Ав. *bəzvant-* „обильный“, егэзв. *-pryam* „прямой“ и хетт. *daššuwant-* „сильный“. Как и другие суффиксы, ставшие в санскрите преимущественно вторичными, этот суффикс сначала был первичным. Поэтому историческое изложение образования именных основ должно строиться полностью в соответствии с внешней формой распадаемых суффиксов.

Во-вторых, многие образования, являющиеся с точки зрения санскрита первичными, по своему происхождению вторичные. Так, слово *udr-á* „выдра“, считающееся первичным образованием

(ud-gá-), по своему происхождению—явно вторичное образование, означающее „связанный с водой, водяное животное“ (udr-á, ср. греч. ὕδωρ ср „вода“). По своему происхождению все типы таких тематических прилагательных—вторичные образования, но после того как древние имена действия среднего рода, на которых они базировались, вышли из употребления, они приобрели видимость первичных образований. И пока в последующий период такие суффиксы оставались продуктивными, они употреблялись как целостные единицы для словообразования первичного типа. Не все образования на -gá имеют ту же историю, что udr-á- и т. п., но сам тип словообразования возник именно таким путем.

Опять-таки в древней индоевропейской дихотомии типа bráhma : brahmā во втором члене пары перед нами вторичное образование. Логически, а возможно и исторически, имена действия среднего рода должны предшествовать именам деятеля. Значение формы brahmā („лицо, связанное с bráhma“) заставляет предполагать существование более древнего имени среднего рода. В системе санскрита такие образования имен деятеля считаются первичными и большинство из них действительно стало таковыми в результате исчезновения соответствующих имен среднего рода. Это очень хорошо иллюстрируется именами деятеля на -tár (dātár- „податель“ и т. п.). В хеттском языке есть существительные на -tar, но все они—имена действия среднего рода. Ясно, что отношение между этими двумя типами такое же, как между bráhma и brahmā, и что dātár- первоначально означало „связанный с подаянием“, соответствуя, таким образом, вышедшему из употребления *dātár ср „подаяние“. После того как имя среднего рода вышло из употребления, имя мужского рода стало первичным образованием, непосредственно связанным с глагольным корнем.

В развитии системы образования именных основ в доисторический период можно отметить следующие общие тенденции:

1) Упадок имен среднего рода. Целые категории имен среднего рода с древними и.-е. суффиксами, такими, как -eg и -eI, почти полностью исчезли в большинстве индоевропейских языков,—исключение составляет хеттский, однако буквы г и I продолжали играть большую роль в индоевропейском именном словообразовании; исчезнувшие первоначальные типы оставили после себя огромное количество производных, которые без них невозможно объяснить. В других случаях древние имена среднего рода не исчезали, а переходили в классы мужского и женского рода. В особенности это относится к основам на -i и -u, а также к именам действия на -ā, но часто это встречается и в других случаях.

2) Развитие грамматического рода. В самый древний период тройной классификации не существовало. Женского рода не было, и имена подразделялись на два рода: средний и общий.

Последний именовался так потому, что из него развились мужской и женский род. С этим положением дел мы фактически встречаемся в хеттском языке, и это подтверждается также многочисленными пережитками в других языках (лат. *ferens* м. и ж., скр. *suṁvāsās*, им. ед. м. и ж. и т. д.). В индоевропейском женский род возник в более поздний период, и, строго говоря, только с этого времени можно говорить о грамматическом роде в собственном смысле этого термина.

3) Большое разнообразие суффиксов, возникавших из различных комбинаций первоначальных суффиксальных элементов, привело, естественно, к процессу отбора, так что многие сочетания, о существовании которых нам известно, не сохранились до ведического периода. Так, из ряда суффиксов, образующих имена среднего рода и базирующихся на исходных суффиксах *-er* и *-en*, а именно *и.-е. -er/r*, *-mer/mr̥*, *-wer/ur*, *-yer/ir*, *-ter/tr̥*, *-ser/sr̥* и *-en/n*, *-men/mn*, *-wen/un*, *-yen/in*, *-ten/tn*, *-sen/sn*, только *-men/mn* остается продуктивным в ведическом языке для образования имен среднего рода. Другие лучше представлены в производных именах деятеля и прилагательных, что соответствует сказанному выше об упадке образований среднего рода.

4) Еще одной очень важной особенностью является увеличение употребительности и распространение тематического гласного (скр. *a*, и.-е. *e/o*) в роли конечного суффикса. Выше было указано, что первоначально этот гласный, по-видимому, использовался как суффикс для образования прилагательных, находясь в этом случае под ударением. Позже употребление его расширилось и он стал употребляться как распространитель согласных основ. Тенденция эта хорошо известна в дальнейшем развитии индоарийского (классическое скр. *rāda-* „ступня“ заменяет *rād-/pad-* и т. д.), но она активно действовала в течение долгого времени и в доисторический период. Так, скр. *ājāpa-* *sr* „мазь“ заменяет более древнюю согласную основу, сохранившуюся в лат. *unguen*. В результате этого развития тематические основы стали чрезвычайно многочисленны как в санскрите¹, так и в других языках, отражающих позднюю индоевропейскую стадию. С другой стороны, в хеттском, отражающем более раннюю стадию индоевропейского, нет такого сильного преобладания основ на *-a*.

§ 2. Корневые имена

Корневые имена—это древний тип слов, заметно пришедший в упадок даже в самых ранних засвидетельствованных и.-е. языках. В санскрите они в общем сохранились лучше, чем где бы то ни было. Таковы *rād-/pad-* „ступня“ : лат. *pēs*, *pedis*; *vās-* „речь“ : лат. *vōx*; *gā-* „царь“ : лат. *gēx**. Обычно это

¹ В Ригведе 45% всех именных основ оканчивается на *-a*.

существительные мужского или женского рода, но если это глагольные корни, функционирующие как имена действия, то тогда они обычно женского рода (dyút- ж „блеск“ и т. п.). Древний тип корневых слов среднего рода (ср. лат. mel „мед“, feī „желчь“ и т. п.) фактически исчез. Из немногочисленных примеров можно упомянуть несклоняемое существительное śát „благосостояние“, vāp- „древесина, дерево“, по-видимому, среднего рода (как и его распространение vāpa- ср) и ās „рот“: лат. ōs.

Первоначально этот тип слов следовал законам апофонии: vṛddhī или guṇa—в им. ед., guṇa—в вин. ед. и им. мн. и слабая форма корня—в других падежах. Эта система частично сохранилась для некоторых имен нарицательных (им. ед. pāt, род. ед. padás), но в общем наблюдается тенденция к единообразию. В этой нивелировке любая из трех ступеней чередования может проходить через все склонение, причем слабая ступень основы обычна для глагольных корней, употребляемых в роли существительных: 1) vāc- „речь“, род. ед. vācás; 2) spás- „шпион“, им. ед. spát; 3) ġc- „гимн“, им. ед. ġk, род. ед. ġcás.

Корни, функционирующие как имена, могут употребляться и как имена действия, и как имена деятеля (в первом* случае они женского рода): drúh- 1) „повреждающий, вредитель“, 2) „повреждение“; dvīṣ- 1) „ненависть“, 2) „враг“; bhúj- 1) „наслаждение“, 2) „тот, кто наслаждается“. В качестве второго элемента сложных слов они имеют только одну—вторую—функцию: действующего лица.

Этот тип, довольно распространенный в ведическом языке, позже становится более ограниченным вследствие воздействия более ранней тенденции. Следует оговорить только одно исключение—когда такие слова являются последним членом сложного слова. В этом случае и в ведическом, и в классическом языке корни могли свободно употребляться в роли именных основ. Более широко они представлены в ведическом языке в роли инфинитивов типа dṛśé „видеть“, чем самостоятельно. Мы увидим далее, что ведические инфинитивы обычно сохраняют древние именные основы, которые в другом употреблении исчезли.

В отличие от прочих корней, функционирующих в качестве именных основ без каких-либо изменений, корни на -ц, -і и -ġ принимают в этом случае суффикс -t: °jit- „победитель“, mít- „столб“, stút- „хвала“, °bhṛt- „несущий“ и т. п.

§ 3. Тематические основы, базирующиеся на корне

Основы с тематическим суффиксом -а могут образовываться от основ, оканчивающихся на все другие суффиксы, поэтому их лучше всего изучать в связи с различными типами основ, к которым присоединяется тематический суффикс. Самым простым

типом тематической основы является основа, образованная непосредственно от корня. Эти основы можно подразделить на два класса по обычной схеме: имена действия и т. п. с ударением на корне и имена деятеля с ударением на суффиксе, причем конечное ударяемое -á здесь, как и везде, выступает в адъективной функции. Приведем некоторые пары, в которых оба типа образованы от одного и того же корня: sóda- „стрекало“ : codá- „подстрекатель“; éṣa- „скорость“ : eṣá- „торопящийся“; vága- „выбор“ : vagá- „поклонник“; śóka- „пыл“ : śoká- „пылающий“. Тот же тип чередования известен и в греческом: τῶμος „кусок, ломтик“ : τμής „режущий, острый“ и т. п.

В греческом и других языках, различающих гласные *o* и *e*, и в корне, и суффиксе находим *o*. Исходное *o* встречается в санскрите тогда, когда гуттуральный не палатализован: kéta- „намерение“, gáya- „собственность“, ghaṇá- „ударяющий, твердый“. Но такое положение вряд ли можно считать исконным, так как нормально следовало бы ожидать в ударяемом слого *e*, а в безударном *o*. Поэтому, скорее всего, мы имеем здесь дело с неким фонетическим компромиссом между существительным и прилагательным типом. В санскрите есть отчетливые следы чередования *o/e* между двумя типами суффиксального гласного у корней, первоначально оканчивавшихся на гуттуральные согласные. В этих случаях конечный гуттуральный сохраняется в именах действия с ударением на корне, но он палатализуется в другом типе, например: bhóga- „наслаждение“ : bhojá- „обильный“; góga- „болезнь“ : gujá- „ломающий, разрушающий“; śóka- „пыл, жар, горе“ : śucá- „яркий“; yóga- „союз“ : a-yujá- „лишенный союзника“; árgḥa- „ценность“ : arḥa- „денный“ (ударение не отмечено). Иногда мы сталкиваемся с различием и в тех случаях, когда ударение стоит на суффиксе в обоих типах: agká- „луч“ : agsá- „блестящий“; goká- „блеск“ : gosá- „сияющий“. Здесь ударение имен действия на суффиксе — вторичное явление. Чередование палатализованных и непалатализованных форм указывает на первоначальное чередование качества суффиксального гласного в зависимости от места ударения.

В именах действия корневой слог обычно имеет гласный *gṛa*, что соответствует данным родственных языков: dápa- „дом“, греч. δῶμος, лат. domus, рус. дом (и. -е. dem- „строить“). Приведем следующие имена этого типа: áya- „движение, ход“, háva- „заклинание“, tára- „перекресток“, véda- „знание“, jóṣa- „наслаждение“ и т. д. Есть, однако, другой тип, которому трудно подыскать параллели вне индоиранского, с гласным *vṛddhi* в корне и, что кажется парадоксальным, с ударением обычно на суффиксе. По-видимому, тип этот образовался на основе формы им. ед. с *vṛddhi* от корневых имен, как позже ведическое pāt (им. ед.) „ступня“ было распространено в pāda-. Типичными примерами являются: bhārā- „бремя“ (ср. *vṛddhi* в греч. φόρ „вор“), dāvā- „огонь“, tārá- „перекресток“, sādā- „сидя-

щий“, *sāvá-* „возлияние“, *vāsá-* „пробывание“; с ударением на корне: *vāga-* „выбор“, *māpa-* „мнение“.

Неправильное ударение встречается во всем классе таких имен, которые образовались от глагольных корней с приставкой: *saṃgatá-* „схождение, союз“, *abhidrohá-* „повреждение“ и т. д.; и реже в других случаях: *bhogá-* „сгиб“, *jayá-* „победа“, *javá-* „скорость“. Эти отклонения показывают, что уже стала намечаться тенденция к смешению этих типов имен; например, *jayá-* и *javá-* означают также „победный“ и „торопящийся“, что и есть их первоначальное значение, но в период, когда старое различие стало утрачивать силу, они начали употребляться безразлично в обеих функциях. Здесь, как и в других случаях, ведическое ударение не является первоначальным, но невзирая на такие исключения, старая система достаточно преобладала, чтобы мы ясно различали основные ее черты.

Самым древним типом апофонии среди имен деятеля/прилагательных этого класса является тот, в котором корень выступает в слабой ступени, так как ударение падает на суффикс: *vṛdhá-* „усилитель“ (*várdha-* „усиление“), *budhá-* „умный“ (*bódha-* „понимание“), *śucá-* „яркий“ (*śóka-* „сияние“), *turá-* „победный“* (*tára-*, *tāga-* „пересечение“), *priyá-* „дорогой“, *kṛśá-* „тонкий“, *giscá-* „блестящий“ и т. д. Чаше встречается восстановленный гласный *giṇa-*: *arcá-* „сияющий“, *dravá-* „бегущий“, *yòdhá-* „боец“, *padá-* „ревущий“, *vadhá-* „убийца“ и т. д. Как и имена действия, они также могут выступать с *vṛddhi*, что связано с *vṛddhi* в им. ед. соответствующих корневых основ: *vāhá-* „выючное животное“ (ср. корневую основу *°vāh-*, им. ед. *°vāṭ*, вин. ед. *°vāham*), *sāhá-* „победный“ (ср. *°sāh-*), *pāyá-* „предводитель“, *grābhá-* „тот, кто схватывает“ и т. д.

Имена деятеля этого типа начинают исчезать, и, как это происходит повсюду в аналогичных условиях, многие из этих слов больше не употребляются как самостоятельные имена, а только в качестве последнего члена сложных слов; например: *°adá-* „тот, кто ест“ (*annādá-* „тот, кто поедает пищу“), *°gamá-* „идуший“ (*dūraṃgatá-* „идуший далеко“), *°gará-* „тот, кто глотает“ (*ajagará-* „глотающий козла“, то есть питон), *°ghná-* „убивающий“ (*goghñá-* „убивающий коров“). Это произошло в результате того, что образование имен деятеля на *tár* стало вытеснять из обычного употребления другие способы образования. В отличие от первого типа образования формы на *-tar* не могли употребляться в сложных словах, и таким образом создается дихотомия типа *ánnasya* $\bar{a}$ *attá* : *annādá-* „тот, кто поедает пищу“. В небольшом количестве имен этого типа ударение впоследствии было перенесено на корень. Таковы *vīka-* „волк“, *vīṣa-* „тот, кто служит“. Такое перемещение ударения обычно для субстантивированных прилагательных в пределах всей системы.

Прилагательные *sāpa-* „старый“ и *pāva-* „новый“ не входят ни в один из вышеупомянутых классов. Соответствующие формы

в других языках (греч. *νέος* „новый“, лит. *sėnas* „старый“ и т. д.) свидетельствуют, что эти основы отличаются от других тематических основ степенью корня *e*, а от прилагательных ударением на корне. Причина этого заключается в том, что они произошли от древних корневых основ *new-*, *sep-*, которые с самого начала по своему значению были прилагательными, и, следовательно, тематический гласный здесь является просто распространением основы, как в именах действия, и не имеет того значения, которое ему свойственно в обычном окситоническом тематическом типе прилагательных. В латинском корневая основа *sep-* продолжает употребляться помимо им. ед. (*senex*, *senem*, *senis*).

Оба вышеописанных типа—имена мужского рода. Имен деятеля женского рода (таких, как в греческом *ἡ ὁδός* „путь“, *ἡ τροφός* „кормилица“) в санскрите не существует, и в этом отношении санскрит менее архаичен, чем греческий. Мужской род этих имен действия в отличие от среднего рода различных тематических имен действия образовался путем расширения суффиксов среднего рода, о чем речь будет позже. Это потому, что в корневых именах—во всяком случае, в тех, что оканчиваются на смычные,—рано развилось различие между им. и вин. падежами и *-s* употреблялось в им. ед. Иными словами, корневые имена были „общего рода“, и их тематические производные автоматически принимали тот же род, а позднее они специализировались как имена мужского рода по своей внешней форме. Все же есть два слова—*vāpa-* „лес“ и *tāpa-* „отпрыск“, являющиеся распространениями корневых основ (*vāp-*, *tāp-*), которые сохранили свой средний род.

Старые образования среднего рода находим в *yugám* „иго“ (греч. *ζυγόν*, лат. *jugum*) и *padám* „шаг“ (:греч. *πέδον*, хетт. *pedan*). Это одни из очень малого количества простых тематических образований среднего рода, которые можно возвести к индоевропейскому. О них мы будем говорить в связи с суффиксом *m* (§ 15).

§ 4. Образования среднего рода с чередующимся суффиксом *г/п*

Суффиксы *г* (который в санскрите может также представлять и.е. *l*) и *п* должны изучаться вместе, так как уже в древности они объединились в общей парадигме, где именительный и винительный падежи образовывались от основы на *-г*, а остальные косвенные падежи—от основы на *-п*. Уже на самом раннем этапе развития санскрита этот древний тип имен среднего рода начинает выходить из употребления, так же как и в греческом и в большинстве других языков. С другой стороны, в хеттском и представляющем в этом, как и во многих других случаях, более архаическую стадию индоевропейского, эта система еще не нарушена. Система, представленная в хеттском, содержит простые

основы с чередованием г/п, например eṣḥar „кровь“, род. ед. eṣṇaṣ, а также ряд сложных суффиксов, образовавшихся от присоединения г/п к основам на -u, -m, -s, -t, а именно -war, -mar, -sar, -tar. Примерами служат: partawar „крыло“*, род. ед. partaunaṣ; tarnummar „разрешение идти, отпускать“, род. ед. tarnummaṣ (mm<mn); ḥanneṣṣar „закон, судебный процесс“, род. ед. ḥanneṣṇaṣ; parḡatar „чистота“, род. ед. parḡannaṣ (nn<tn). В других и.-е. языках эта древняя система имен среднего рода сохранилась лишь фрагментарно, однако большое количество суффиксов, содержащих г и п, имеют своим основным источником эти первоначальные типы среднего рода.

В санскрите имеется несколько основ среднего рода на г, чередующихся с основами на п. Таковы áhar „день“, род. ед. áhnaṣ (Ав. azan—то же), údhar „вымя“, род. ед. údhnaṣ (греч. οὄθαρ, οὄθατος, англ. udder и т. п.; по-видимому, в Ведах есть еще одно слово údhar „холодный“=Ав. aodar—то же). В этих словах суффикс выступает в ступени giṇa, но он может быть и в слабой ступени—тогда он усиливается следующим суффиксом. Обычно это t: yákr̥t „печень“, род. ед. yaknás (Ав. yākar-, лат. jecur, греч. ἥπαρ—без t), śákr̥t „навоз“, род. ед. śaknás, с вариантом -th в kápr̥th- „penis“. Это распространение t можно сравнить с распространением t в греческом, где оно усиливает чередующийся суффикс п в таких словах, как οὄθατος—ср. скр. údhnaṣ и т. д. Можно также привести для сравнения тот факт, что язык избегает г на конце корня, прибавляя t, как в lokakṛ̥t и проч. Суффикс j (<g) встречается в слове áṣṛk „кровь“ (им. ед., основа áṣṛj-), род. ед. aṣnás (хетт. eṣḥar, eṣṇaṣ, тохар. ysār, греч. ἄαρ, лат. assir). Это g также выступает в лат. san-g-uīs „кровь“, которое, как и saniēs „гнойная, запекающаяся кровь“, произведено от п-основы этого слова посредством апофонии с утратой начального гласного.

Так как этот тип начинает выходить из употребления, то по временам встречаются дефектные имена, как vādhar „оружие“ (Ав. vadar-), употребляемое только в им. и вин. ед. Древняя чередующаяся основа на -n выступает в распространении vadhānā, ж—то же. Некоторые основы, еще менее употребительные, встречаются только как первые члены сложных слов: uṣar- (uṣar-būdh- „просыпающийся на заре“); anar- (anarvís- „сидящий на колеснице“), vasar- (vasarhān- „карающий утром“), vanar- (vanargū- „идущий по лесам“, ср. производное vānara- „обезьяна“; основа на -n в vānan-vat), sabar- (sabardhūk- вместо savar-, ср. sāvana „выдоенный при отжимании сомы“). Основы māhar- „величие“ и bhūvar- „изобилие“ встречаются только в ритуальных формулах и в сложных словах maharloka- и bhūvarloka-, но тв. соответствующих основ на -n, mahnā (ср. Ав. mazan- ср) и bhūnā часто встречаются в Ригведе. Основа на -n в gāmbhan „глубина“ встречается только как местн. ед. без окончания, но мы можем предположить существование соответствующей основы

на -г *gāmbhar- по распространенной форме gambhāra- *ср*—то же. В Авесте есть форма им. ед. gāzarə, правило, предписание“, соответствующая ведическому местн. ед. gājāni „под руководством“. На основании твор. dānā можно предположить существование древнего им. ед. *dāg „дар“; от этих чередующихся основ произошли две формы с распространением корня: греч. δῶρον, ст.-сл. дръ—и лат. dōnum, скр. dānam. Эти формы твор. пад., а также aṣṇā „камнем“ (Ав. asaṇ-) и preṇā „с любовью“, оказавшись в изоляции, стали функционировать в качестве твор. пад. соответствующих основ на -man.

Наречие avāg „внизу, вниз“ образовано так же, как вышеприведенные имена среднего рода, но отличается по ударению, соответствующему ударению в местн. ед. без окончания. То же адвербиальное ударение встречаем в prātāg и пр., см. ниже. Такие наречия сходны также с формами местн. ед. без окончания еще и тем, что они могут факультативно принимать окончание -i. Точно так же, как наряду с akṣāni „в глазу“ имеется akṣāni, мы имеем скр. upāgī „над“ наряду с греч. ὑπέρ и Ав. adāigī „под“ наряду с наречием *adhar, которое можно предположить на основании производного прилагательного ādhara- „нижний“.

Основы среднего рода на -ag, не сохранившиеся как самостоятельные слова, образуют базу для небольшого класса отыменных глаголов в ведическом языке: ratharyāti „едет на колеснице“, śratharyāti „ослабеваает“, что подразумевает *rāthar *ср.* рода „едущий на колеснице“ и *śrathar *ср*¹ „слабость“; *ср.* vadharayāti „убивает оружием“ наряду с vādhar. Имеются параллельные отыменные глаголы от соответствующих основ на -p: vīrapuā- „быть мудрым, вдохновенным“ (*ср.* также vīrapuā, vīrapuā- и с г vīrga- „вдохновенный, мудрый“); bhurapuā- „быть буйным, возбужденным“ (в лат. furor основа на г) и т. д. Есть также различные вторичные образования, свидетельствующие о существовании древних основ среднего рода на -г. Любопытные образования dhaurita- *ср* „рысь (аллюр)“ и ādhoṅga- *м* „погонщик слона“, появившиеся в более позднем санскрите, можно объяснить как отыменные образования на основе древнего имени среднего рода *dhāvar- „бег“. Ведическое производное со ступенью vṛddhi — jātagya- „земной“ основано на *jātag- „земля“, соответствующем Ав. zətag-—то же (j—как в jmā, jmās и т. д.). Слово среднего рода *śvētar „белизна, белое пятно“ можно вывести на основании производных śvaitarī „(корова) с белой отметиной“ и śvetra- *ср* „белая проказа“, а чередующаяся основа на -p выступает в распространенной форме śvetanā *ж* „рассвет“.

Поскольку санскритское -г представляет и и.-е. г, и и.-е. l, то и.-е. основы на l, функционировавшие точно так же, как

¹ Указание рода дается курсивом во избежание смешения с сокращением *ср.* = сравни. — *Прим. ред.*

основы на -г, в санскрите можно выделить только путем сравнения с другими языками. Такую основу мы встречаем в svār (súvar) „солнце“, род. ед. sūras (ср. лат. sōl, гот. sauil и т. д.). Гетероклитическое склонение, отсутствующее в санскрите, встречается в других языках (Ав. x^vāng < *svans, род. ед. и т. д.). Сравнение с другими языками показывает, что некоторые из вышеприведенных основ на -г, по-видимому, первоначально были основами на -l; например, māhar- : греч. μεγало-; Ав. zəpaḡ- : рус. земля*, лат. humilis и т. д.; Ав. gāzagaḡ : лат. gēgula. Отыменной глагол sapaḡyāti „служить, чтить, поклоняться“, как и лат. sepelio „хоронить“ („чтить погребальными обрядами“), произошел от древнего и.-е. ср. р. *sepel „поклонение, почитание“, образованного от корня ser-, скр. sar- „чтить, служить“.

Распространение t при суффиксе n в греческом (οἰθατος) отсутствует в санскрите (ūdhnas и т. д.), но в некоторых производных формах встречается дополнительный суффикс t, который можно связать с распространением t в греческих именах среднего рода: vasantā- „весна“, ср. vasar°, veśantā- „пруд“ (√vis-), bhuvantī „приносящий изобилие“, ср. bhūvar, bhūnā. Обе формы avatā- и avatā- „родник“ подразумевают чередующуюся основу г/п, к которой присоединено t (*avṛt-ā, *avṛt-ā), а название местности Avanti- может происходить от сильной формы той же основы (ср. лат. Aventīnus). Распространение t регулярно представлено в причастиях на -ant, о которых будет сказано позже.

§ 5. Сложные суффиксы среднего рода на г/п

Путем присоединения простых суффиксов г и п к основам на u, m, s, и t получились суффиксы -waḡ/п, -maḡ/п и т. д., столь продуктивные в хеттском языке при образовании имен среднего рода. Кроме того, они могли присоединяться к основам на -i; этот древний тип среднего рода сохранился в латинских страдательных инфинитивах: ūtier, scribier и т. п. Помимо хеттского языка, сложные основы среднего рода на -г стали сравнительно редкими; соответствующие основы на -п представлены лучше и постепенно заменяют формы с г в им. и вин. ед.

Помимо хеттского, суффиксы среднего рода -waḡ, -maḡ встречаются в таких примерах, как греч. εἶδαρ „пища“ (*ēdFar), δέλαρ „приманка“, лат. cadāver „труп“, тохар. Б talkwer „молоко“ и т. п. Они нередки в языке Авесты: snāvar- „сухожилие“, paḡvar- „лук“, karšvar- „участок“, dasvar- „здоровье“, sāx^vvar- „набросок, план“, vazdvar- „твердость“. Данные иранского показывают, что эти суффиксы просуществовали в значительном количестве вплоть до начала индоиранского периода, но в индоарийском они исчезли уже в самую раннюю эпоху. Это произошло потому, что основа на -п была обобщена для всех падежей: им., вин. ед. snāva „сухожилие“ и т. д. Только наречие sasvār „тайком, крадучись“

сохраняет суффикс в этой форме с обычной адвербиальной перетяжкой ударения на конец слова. Это предполагает имя среднего рода *sásvar, которое можно сравнить с хет. šešvar „сон“ (šešzi „он спит“, скр. sásti), первоначальное значение которого было „пока люди спят“*. В слабой форме этот суффикс сохранился в наречии míhur „внезапно, мгновенно“ (откуда mihūrtá- „мгновение“; также míhu с простым суффиксом -и вместо *mṛhu-, ср. Ав. mēgzu- „короткий (о жизни)“, греч. βραχύς „краткий“). Имена среднего рода на -van: 1) dhānvan- „лук“, 2) dhānvan- „пустыня“, spāvan- „сухожилие“, rānvan- „сустав“ (ср. Ав. paourvainya- „соединенный“), sṛkvan- „уголок рта“ и некоторые спорадические случаи в Ригведе, как rānvan- „полет“, sanīvan- „приобретение“ и vivānvan- „освещение“. Кроме того, с этими суффиксами образуется небольшое количество дательных падежей—инфинитивов: dāvāne „давать“ (греч. δόϕεμι, δόβωμι), turvāne „превозмогать“, dhūrvāne „повреждать“; в Ав. сходное vidvanōi „знать“.

Суффикс, состоящий из і и г, выступает только в наречии bāhig „вне“. В Ригведе встречается несколько дефектных основ на -in в твор. ед.: prathinā, mahinā, varinā. Эти формы, по происхождению древние основы среднего рода на -in, были вовлечены в парадигму основ мужского рода на -man: prathimān- „ширина“, mahimān- „величие“ и varimān- „ширина“ и таким образом сохранились. Суффикс среднего рода -in, присоединившийся к v, выступает в слове sṛkvīn- ср „уголок рта“.

Сложные суффиксы m-eg, m-en чередовались точно так же, но если не считать хеттский, суффикс meg (mṛ) редок и устарел. Можно подобрать значительное число примеров из греческого (λῦμαρ, λῦματος „нечистота“ и т. д.), но они существуют только как пережитки древности. В санскрите примеров такого рода нет, но на существование этих суффиксов в какое-то время в индоиранском указывают такие производные прилагательные, как admar-á- „прожорливый“, основанное на древнем *ádmar „питание, пища“. Такие формы были полностью заменены путем распространения основы на -man в им. и вин. ед.

Суффикс среднего рода -man—единственный из суффиксов на г/п, который остался вполне продуктивным в других языках, кроме хеттского. Вот примеры: (им. вин. ед.) ájma „карьер, марш“ (: лат. agmen—то же), kájma „дело, поступок“, cájma „кожа“, rákṣma „веко“, rájma „полет“, bráhma „молитва“, bhájma „сохранение, поддерживание; груз“ (: ст.-сл. вѣрма, греч. φέρμα [„плод; отпрыск“]), vásma „одежда“ (: греч. εἶμα—то же, ласб. Fémma), góma „волос“ (др.-ирл. guamnae „lodix“), májma „мысль“ (: др.-ирл. meimhe „ум, понимание“), vājma „защитное оружие“, vājma „ход, путь“, (ст.-сл. вѣрма), sádma „сиденье, место“, sujma „ремень, вожжи“, svádma „сладость“.

На базе этого суффикса образовано небольшое число дательных падежей—инфинитивов: trājmaṇe „защищать“, dājmaṇe „давать“, dhājmaṇe „поддерживать“, bhājmaṇe „сохранять“, vidmāne „знать“.

В греческом инфинитивы также образуются с этим суффиксом, только в гораздо большем числе, включая и архаический тип без окончания; ἴμεν „идти“, δόμεν „давать“; ἔδμευαι „есть“, ἴμευαι „идти“, δόμευαι „давать“ и т. д.

Имена этого класса искони являются отглагольными именами с абстрактным значением (именами действия), но они обнаруживают сильную тенденцию к приобретению конкретных значений, что характерно и для других имен абстрактного значения среднего рода: hánpa „оружие“, но также и „удар“, tárdma „дыра“, mágma „уязвимое место“, cágma „кожа“, vásma „одежда“ и т. д.

Подобно другим суффиксам среднего рода на -p этот суффикс распространяется прибавлением к нему t в греческом (род. ед. σόματος и т. п.). В санскрите мы встречаем случай такого распространения суффикса в слове varimát- „ширина“ (твор. ед. varimátā, Ригв. I. 108. 2).

Суффикс среднего рода -t-er, чередующийся с -t-en, так ярко представленный в хеттском, стал чрезвычайно редким в других и.-е. языках. Можно привести лишь отдельные примеры, подобные лат. iter, тохар. ytar „путь“. В санскрите единственный, по-видимому, пример такого рода сохранился в Ригв. 6. 49. 6: jágataḥ sthātar jágad ā kṛṇudhvam „принесите устойчивость движущемуся миру“. Неверно понятая редакторами, эта форма перешла в последующие тексты без ударения, как если бы это был звательный падеж от sthātār- „тот, кто стоит“, и весь отрывок стал непонятен. Реконструкция существительного среднего рода sthātār „устойчивость“ придает значение этой строке. Помимо этого, суффикс среднего рода -tar встречается еще в небольшом количестве локативных инфинитивов, например dhartāri „держатель“, vidhartāri „награждать“. В языке Авесты с этим же суффиксом образуются некоторые дательные инфинитивы: vidbīgre „смотреть“, varəḡge „поддерживать“. Эти формы интересны тем, что из них видно, как основы среднего рода на г могли до некоторой степени проходить через все склонение, не заменяясь основами на -p. При каких именно обстоятельствах это первоначально произошло, теперь сказать невозможно.

С этим суффиксом образуются некоторые наречия при обычном изменении ударения: antār „внутри“ (: лат. inter), prātār „рано“ (: оск. pruter), sanūtār „в стороне, особняком“ (ср. англ. a-sunder [„порознь“]). Эти наречия предполагают древние имена среднего рода типа *ántar „внутренняя сторона“ и т. д. Этот тип наречий стал очень продуктивен в латыни: aliter „иначе“ (ср. anuátr-a), breviter, leviter и т. д. С дополнительным суффиксом -ā мы получаем наречия на -trā, например śayutrā „в постели“, и этот суффикс может, а позднее и действительно появляется с кратким гласным в anuátra „в другом месте“, átra „здесь“ и т. п. В Ведах среди наречий имеется несколько интересных образований с собирательным значением: devatrā „среди богов“,

ṛiḡuṣatrā „среди людей“. Их можно объяснить, сравнив с такими хеттскими формами, как antuḥšatar „население, человечество“ (antuḥšaš „человек“). За этими адвербиальными формами стоят собирательные имена среднего рода *devatar и т. д.

Суффикс среднего рода -tan встречается только в слове paktān- „ночь“ (твор. мн. paktābhis). Чередующееся г выступает в греч. νύκτωρ „ночью“ и лат. nocturnus „ночной“. Этот суффикс среднего рода sporadически встречается и в других местах (лат. glūten „клей“), а в древнеперсидском он употребляется для образования дательных инфинитивов (čartanaīy „делать“ и т. п.).

Сложный суффикс -sar/sn, очень продуктивный в хеттском, в других языках более или менее вышел из употребления. Суффикс этот является средством распространения основ среднего рода на s, и в хеттском языке он присоединялся столь последовательно, что простые основы на s практически исчезли. В других языках простые основы на s сохранились хорошо, и поэтому кажется маловероятным, чтобы образования с sar/sn где-либо были так же широко распространены, как в хеттском. Кое-какие следы этого все же есть. На таких формах базируются производные прилагательные типа matsar-á „веселый“, а параллельно существующее mandasāná—то же показывает, что было древнее чередование г/п. Точно так же rīṣaḡuā- „откормленный“ предполагает *rīṣar sp „тучность, благосостояние“; тождественное греч. πῶαρ „молоко новотельной коровы“, а чередующаяся основа на -п используется в производном мужского рода Rīṣān- „питающий“ (имя одного из богов)¹.

Несколько основ среднего рода на -sn сохранилось в косвенных падежах имен, выступающих в им. ед. как простые основы на -s, например род. ед. śiḡṣnās, doṣnās, им. вин. ед. śiḡas „голова“, dós „рука“. Небольшой класс локативных инфинитивов образован от основ среднего рода на -san: pešāni „вести“, paḡšāni „проходить“, ḡṛīṣāni „петь“, iṣāni „испускать“ (вместо iṣ-ṣani с древним сандхи, см. гл. III, § 16, 3). В греческом этот суффикс также образует инфинитивы. Обычный тип инфинитива φέρειν лучше всего объясняется таким образом: *φέρσειν, *bhere-señ, где простая основа без окончания употребляется, как в ἵδμεν и т. п.

§ 6. Имена действия, перешедшие в мужской род

Выше уже отмечалось, что в индоевропейском главное различие было между именами действия среднего рода с ударением на корне и именами деятеля мужского (первоначально общего) рода с ударением на суффиксе. Но в санскрите, как и в других языках, не все существительные подходят под эту простую клас-

¹ Первоначально *ru-ṣar (Vṛī), как видно из сравнения πῶαρ и скр. rīuṣa-. Точно так же ruṣ- „процветать“ заменяет *ruṣ-, первоначально отыменное образование, подобно ḡuṣyāti и т. д. (*ruṣyāti).

сификацию. Так, например, среди основ на -п, которые мы сейчас рассматриваем, есть значительное число образований мужского рода, которые нельзя считать именами деятеля и которые по своему значению приближаются скорее к именам действия среднего рода вышеприведенного типа. Таковы: (-ап-) *mūrdhāp-* „голова“ (англо-сакс. *molda*), *plīhāp-* „селезенка“ (Ав. *spərəzāp-* м, греч. *σπλήν* м)¹, *majjāp-* „костный мозг“ (ср. др.-прус. *musgeno*); (-van-) *ādhvan-* „путь“ (Ав. *advan-*), *grāvan-* „давильный камень“ (др.-ирл. *brō*, валл. *breuan*); (-map-) *ūṣmāp-* „жара, пар“, *ojmāp-* „сила“ (лит. *augmuō*), *omāp-* „благоволение, помощь“, *taktmāp-* „вид болезни“, *ātmāp-* „душа“, „я“, *pārmāp-* „грех“ (также прил. „грешный“), *pāmāp-* „чесотка“, *premāp-* „любовь“, *bhūtmāp-* „множество“, *gaṣtmāp-* „вожжи“, *reṣtmāp-* „вихрь“, *sīmāp-* „пробор“, *svādmāp-* „сладость“; (-imap-) *jarimāp-* „преклонный возраст, старость“, *mahimāp-* „величие“, *harimāp-* „желтый цвет“ и т. д. Естественно возникает вопрос, как такие существительные могли получить форму, в сущности характерную для имен деятеля? Нет очевидной причины, почему слова, означающие „печень“ и „вымя“, должны быть среднего рода, а слова, означающие „костный мозг“ или „селезенка“ — мужского; нет также непосредственно видимой причины, почему отглагольные существительные с абстрактным значением вроде *omāp-* „помощь“ должны отличаться по образованию от обычных имен среднего рода на -map.

В отношении некоторых слов можно сказать, что есть вероятность того, что мы имеем дело со скрытыми именами деятеля. Хорошим примером этого рода служит скр. *klōmap-*, греч. *πλεύμων* „легкое“, названное так вследствие того, что оно не тонет в воде („то, что плавает, держится на воде“, $\sqrt{\text{pleu}}$). Так же можно объяснить *gaṣtmāp-* — „то, что связывает“ и *reṣtmāp-* — „разрушитель“.

Но даже после объяснения этих слов у нас останется целый ряд совершенно очевидных имен действия или абстрактных имен, образованных по способу имен деятеля. В этих случаях мы имеем дело с перенесением имен действия из среднего рода в класс мужского рода. В пользу этого говорят следующие факты:

1) В санскрите ряд слов выступает в обоих классах: *vāgṣmap-* ср, *varṣmāp-* м „высота, вершина, поверхность“; *svādmāp-* ср, *svādmāp-* м „сладость“; *dāmap-* ср „давание“ (инф.), *dāmāp-* м „дар, щедрость“. Здесь средний род может быть принят за более древний тип образования, согласующийся с древним правилом. Что касается *dhānvap-* ср и *dhānvap-* м „пустыня“, то последнее неизвестно в более древнем языке.

¹ Это слово выступает в различных языках с различным расположением суффиксов в каждом отдельном случае: скр. *plīhāp-*: (s)pl-i-H-ġh-ēp; Ав. *spərəzāp-*: sp-ġh-en-; -сл. *slēzena*: s(p)el-ġh-en-ā; греч. *σπλήν*: spl-ēn, ср. *σπλάγγων* „внутренности“; sp-l-ġh-no-; лат. *liēn*: (sp)l-i-ēn или (sp)l-i-H-ēn, др.-ирл. *selg*: s(p)el-ġh-ā.

2) Мы встречаемся с тем же чередованием, которое бывает между различными языками: скр. ojmāp- „сила“, лит. augmūb: лат. augmen *ср* (с распространением augmentum); скр. sujman- *ср* „нить, шов“: греч. ὀμίη „оболочка, кожа“.

3) Две формы прилагательного rāmag-ā- и rāmap-ā- „пораженный чесоткой“ показывают, что существовала древняя основа среднего рода на г/п, которая уступила место слову мужского рода rāmāp-; aśmagī „желчный камень“ свидетельствует о древнем существительном среднего рода *āśmag в противоположность основе мужского рода на -п, обычной в других языках (скр. āśmap-, лит. актиб; греч. ἄξιμου „наковальня“). То же соотношение существует между греч. прил. ἥμερος „прирученный; воспитанный“ и скр. sāmanā- „спокойный“.

Общая тенденция среднего рода к исчезновению и вместе с этим ослабление противопоставления, проявляющегося в ударе и роде, между именами действия и именами деятеля облегчили развитие имен действия мужского (и женского) рода. До некоторой степени выбор рода зависел и от персонификации. Слова, подобные dāmāp- „щедрость“, omāp- „благоволение (богов)“ и bhūtmāp- „изобилие“, в ведических гимнах считаются божественными силами, обладающими своими правами. Болезнь (takmāp-) и грех (dhvasmāp-, rāpmāp-) также считаются активными, но злыми силами. Но в то же время наблюдается ряд чисто механических переходов в другой род. Слова с абстрактным значением на -imāp- (prathimāp- „ширина“, varimāp-—то же и т. п.) принимают мужской род как класс, и возможно, что здесь причиной послужил ритм, так как слова, оканчивающиеся на -map с предшествующим долгим ī, сохраняют средний род (vāḡimāp- „ширина“, hāvīmap- „зов“ и т. п.).

Имена действия мужского рода того же типа обычны в греческом: τέριμος „предел“ наряду с τέριμα *ср*—то же (лат. termen), χειμών „зима“ наряду с χειμα *ср*—то же, θήμων „куча, груды“ наряду с θήμα *ср* (скр. dhāmap- *ср* с другим значением), λιμών „луг“, λιμήν „гавань“, ἄδην „железа“ (лат. inguen *ср*). В латинском есть основы на -п этого типа и мужского (ordō, sermō), и женского рода (margo, legio, cupido).

Этот переход (за исключением единственного примера) не коснулся основ среднего рода на -г, так как они рано вышли из употребления. Дефектная основа uṣar- (uṣr-) „заря“—женского рода (вин. мн. uṣrās), но первоначально она принадлежала к основам на г среднего рода (ср. uṣarbūdḥ—см. гл. IV, § 4).

§ 7. Тематическое распространение основ среднего рода на г и п

Первоначальная функция тематического суффикса состояла в образовании прилагательных, и в этом случае на него падало ударение: кагап-ā „делающий“ и т. д. На это указывают данные

хеттского языка, где имеются такие основы (*veštaraš* „пастух“ и т. п.), но не среднего рода, как в других языках. Сравнивая тематический тип основ среднего рода, например скр. *sánaḡa-* „приобретение“, *káḡvaḡa-* „поступок“, с атематическими основами на *-aḡ*, *-vaḡ* и т. п., примеры которых были даны выше, мы видим, что тематический суффикс не несет здесь грамматической нагрузки. Этот факт, а также отсутствие таких образований в хеттском служат доводом в пользу вторичного происхождения этого типа; ясно, что из лат. *unguei* и скр. *añjana-* первое представляет собой более древнее образование. Нетрудно проследить, как возникли такие формы. Существовали имена деятеля типа *brahmán-* наряду с *bráhmaṇ- sr*, но уже в самую раннюю эпоху сформировался еще один тип имен деятеля/ прилагательных: путем прибавления ударяемого тематического гласного (греч. *ἰατρός* наряду с *ἰατήρ*, хетт. *veštaraš* наряду с Ав. *vāstar-*). В то время было естественно и просто создать тематический тип среднего рода, уравнивающий тематический тип прилагательных (*káḡaḡa- sr* — по образцу *kaḡaḡá-* и т. д.).

Тематические основы среднего рода, соответствующие различным основам на *-ḡ* и *-ṇ*, перечисленным выше, могут выступать или с гласным *ḡiṇa* этого суффикса (*káḡvaḡa-* „дело“), или со слабой ступенью гласного (*dhártra-* „поддержка“). Оба типа происходят от простых основ на *-ḡ*:

1) *sánaḡa-* „прибыль“, *tásara-* „челнок (ткацкий)“, *rañjaḡa-* „клетка; грудная клетка“ (ср. *rañjá-* прил. „неподвижный, твердый“, лат. *rapido* и т. д.), *gambháḡa-* „глубина“, *udáḡa-* „живот“. Следует отметить, что в ударении трехсложных слов наблюдается некоторая неустойчивость. Язык избегает ударения на конце, характерного для прилагательных, но оно может падать не на корень, а на предпоследний слог слова.

2) *áḡra-* „точка“, *gándhra-* „дыра“, *śvábhra-* „яма“. Есть несколько существительных с ударением на конце слова, но это прилагательные по происхождению, например, *kṛścḡḡá- sr* „трудность“, но также *kṛścḡḡá-* прил. „трудный“; *ḡirḡá- sr* „загрязнение, осквернение“, но ср. греч. *λίπαρός* „жирный, маслянистый“; *abhḡá- sr* „облако“, ср. греч. *ἀφρός* „пена“ *m* (*ámḡhas- sr* „влажность“, наряду с которым должно было существовать *ámḡhaḡ, ср. лат. *imber* „туча, ливень“), *kṣṡḡá- sr* „молоко“ — слово неопределенной этимологии, но, судя по ударению, произошедшее от прилагательного.

В слове *sth-ála-* „место, почва“ перед нами тематическое образование среднего рода с суффиксом *l*.

Несколько древних имен среднего рода на *-vaḡ* распространены путем присоединения тематического гласного: *káḡvaḡa-* „дело“, заменившее более древнее *káḡvaḡ, *gáḡvaḡa-* „укрытие“, *pháḡvaḡa-* „сев, засеянное поле“ (**(s)phaḡ-*: греч. *σπεῖρω* „сеять“), *catvaḡa-* „четырёхугольник, перекресток“ (от *catvaḡ sr, на котором основано произошедшее от прилагательного *catvāras* „четыре“).

С суффиксом *-tar* мы имеем образование среднего рода на *-tara* в слове *grastara-* „травяное ложе“ (*V'sraṃs-*) и довольно многочисленный ряд имен среднего рода на *-tra*: *átra-* „пища“ (: *atrá-* м „гот, кто ест“), *kártra-* „заклинание“, *kṣétra-* „поле“ (: Ав. *šdīθra-* „место обитания“), *vástra-* „одежда“, *śrótra-* „слух, ухо“ (: англо-сакс. *hleofog-* „шум“), *sūtra-* „нить“ (ср. лат. имя деятеля *sūtor* „сапожник“). Кроме таких слов, которые очень просто объясняются из первоначальных основ среднего рода на *-tar*, есть другой ряд имен среднего рода с суффиксом *-tra*, более трудных для объяснения, так как они, как это ни парадоксально, имеют ударение на последнем слоге. Таковы *antrá-*, *āntrá-* (: греч. *ἄντερα* [„кишки“] мн. ч.), *astrá-*, *deṣṭrā-* „направление“, *netrá-* „руководство“, *raṣṭrā-* „правление, царство“, *śastrá-* „заклинание“, *sattrá-* „собрание для жертвоприношения“, *śastrá-* „приказание“, *stotrā-* „хвала, хвалебный гимн“, *sthātrā-* „стоянка“, *hotrá-* „обязанности жреца-хотара, жертвоприношение“, *potrá-* „обязанности жреца-потара“, *peṣṭrā-* „обязанности или сосуд жреца-нештара“. Некоторые из этих форм можно объяснить как восходящие к прилагательным, например *antrá-* „то, что внутри“, *astrá-* „то, что брошено“, но ясно, что большинство из них не поддается такому объяснению. Их следует рассматривать под другим углом зрения. Имеется ряд имен деятеля на *-tar*, обозначающих представителей различных профессий и жреческие обязанности, например *śámstar-* „декламатор“, *hótar-* „жрец при жертвоприношении“, *rótar-* „совершающий очищение“ и близкое к ним *péṣtar-* (возможно, „пропускающий через ситечко“, ср. греч. *πεψιτήρ λιμητήρ* у Гесиода). Такие имена как класс имеют именное ударение, то есть на корне. Вышеприведенные существительные среднего рода *hotrá-* „обязанность жреца при жертвоприношениях“ и т. п., судя по значению, стали вторичными производными от этих имен деятеля и таким образом изменили соотношение, первоначально существовавшее между именами среднего рода и именами деятеля. В санскрите есть даже специальное правило для регулярного образования производных (*taddhita*), по которому производное слово *taddhita* имеет ударение на конечном *-á*, если в первичном образовании, от которого оно произошло, ударение стояло на одном из предыдущих слогов: *pairhastá-* „безрукость“, *ātithyá-* „радушие“, *saumanasá-* „дружелюбность“ — от *nirhasta-*, *átithi-*, *sumānas-* (и наоборот, *pālitya* — от *pālítá-* „седовласый“). Имеются также примеры производных форм без *vrdhhi*: *sakhyá-* „дружба“ от *sákhi-*. Это новый способ использования ударения в словообразовании, развившийся в санскрите, и именно этой новой системой объясняется ударение на последнем слоге в словах типа *hotrá-*. Однако эти образования сначала были не *taddhita*, а лишь подразделением древнего класса простых имен среднего рода на *-tra*, которые стали использоваться для специальных целей, и ударение в них соответственно изменилось.

Есть значительное количество имен среднего рода с формой суффикса *-atra*, например: *pákṣatra-* „созвездие“ (*pakṣ-* „достигать“), *pátatra-* „крыло“, *vádhatra-* „оружие“; с ударением на предпоследнем слоге: *kṛntátra-* „отрезанный кусок“, *d-átra-* „дар“*; с ударением *taddhita*: *kṣatrá-* „верховная власть“; послеведическое *kalatrá-* „жена“.

Тематическое распространение древней основы среднего рода на *-sar* выступает в слове *támisra-* „темнота“ (ср. Ав. *taṭra-*); с *l* — *pátsala-* „путь“ (*Uṇadisūtra*).

В хеттском языке есть суффикс среднего рода *-ap* (не чередующийся с *-ar*), при помощи которого образуются первичные отглагольные абстрактные существительные: *ḥenkap* „смерть“ и т. п. Тот же суффикс выступает в греческих инфинитивах на *-eu*, а спорадически в других местах (лат. *unguen*). В санскрите тематически распространенная форма этого суффикса стала чрезвычайно продуктивна в образовании имен действия среднего рода от глагольных корней. Они часто противопоставлены именам деятеля, которые имеют тот же суффикс, но с ударением на последнем слоге: *kāraṇa-* ср. „дело“, *karāṇá-* м „делающий“. Примерами корневого ударения могут служить *āñjana-* „смазывание, мазь“, *sávana-* „складывание“, *dárśana-* „зрение“, *pátana-* „падение“, *bhójana-* „наслаждение“, *sádana-* „сиденье“ и т. д. и т. д.; от неглагольного корня *sápana-* „собрание“. Такие слова встречаются иногда со слабой ступенью корня, например *bhúvana-* „вселенная“, а при корневом гласном *a* возможна ступень *vṛddhi*: *bhájana-* „сосуд“. В более позднем санскрите имеется тенденция связывать эти образования с каузативом от глагола, например *tāraṇa-* „пересекающий“, *tāraṇa-* „перевозящий (кого-либо), освобождающий“. Иногда встречается ударение на предпоследнем слоге: *vṛjána-* „огороженное место, поселение“ (также *vṛjana-*), *kṛráṇa-* „несчастье“ (: *kṛraṇá-* „несчастный“), *daṃsána-* „чудесное деяние“, *veṣána-* „служба“, *dh-ána-* „богатство“, *g-áṇa-* „битва“ (ср. Ав. *arēpi-* — то же).

Иногда встречаются сходные образования среднего рода от сложных основ на *-n*: *vaúna-* „ограничение; назначенное время“, *karúṇa-* „дело“; *dráviṇa-* „собственность“, *vájina-* „бег, состязание“; *vétana-* „жалованье“ (*Vvi*), *g-áṇa-* „сокровище“ (*gā-* „даровать“); *mátasna-* „легкое“.

Суффикс среднего рода *-men/mn* мог быть распространен суффиксом *-t* (греч. *σώματος*, род. ед. и т. д., ср. хеттские инфинитивные формы на *-manzi*, *-wanzi*). Этот комплекс также мог быть распространен тематически: лат. *augmentum*, *stramentum* и т. д. В санскрите есть один такой пример: *śrómata-* ср. „слава“ (*-mat-* < **-mṛt-*), ср. др.-в.-нем. *hlumunt*, нем. *Leumund* „молва“.

§ 8. Формы мужского рода типа *brāhmān-* от основ на -ḡ и -n

Существенной чертой этого типа имен является ударение на суффиксе в отличие от имен среднего рода с ударением на корне, а также *vṛddhī* в именительном падеже единственного числа. Есть некоторые свидетельства того, что первоначально эти имена могли употребляться в роли прилагательных без всякого изменения со стороны формы. Примеры этого встречаются во многих языках. Таковы греч. *máxar* „благословенный“, *mártur* „свидетель“, лат. *uber* в значении „богатый“, хетт. *kuṛuḡ*, означающее и „вражда“, и „враждебный, враг“. В санскрите есть два образования, которые можно сравнить с греч. *mártur*, хотя в них мы находим суффиксальное ударение, а именно *artúr-* „деятельный, благочестивый“*, и *yantúr-* „контролирующий“. С суффиксом *-uṣ* мы имеем такие формы, как *pánuṣ-* „сосед“ и *mánuṣ-* „человек“, которые ничем не отличаются от соответствующих типов среднего рода. Но таких образований все же очень немного, так как в индоевропейском рано развился способ обозначения адъективной функции основы путем перемещения ударения.

Иногда в санскрите оба типа существуют параллельно, в частности в случае с суффиксами *-man-* и *-as-*, но чаще старая система уже нарушена. Это было вызвано главным образом исчезновением древних типов среднего рода, в результате чего значительные классы имен деятеля мужского рода оказались в изоляции. В санскрите есть обширный класс имен деятеля на *-tár:* *kartár-* „свершитель“ и т. п. Природа этих образований выявилась только с открытием в хеттском языке арханческого класса имен среднего рода на *-tar*. Выше мы уже видели, что этот класс (как и другие подобные образования) оставил много следов в разных языках, и потому следует полагать, что в какой-то период он имел очень широкое распространение. Это означает, что два типа: **kártaṣ sr* „действие“ и *kartár- m* „свершитель, действующее лицо“ какое-то время должны были существовать параллельно, а раз так, то становится ясно, что соотношение этих двух типов то же, что и между *brāhmaṇ-* и *brahmān-*. Скр. *kartár* „свершитель“ связано с **kártaṣ* „свершение“, а *sthātár-* „тот, кто стоит“ так же связано со *sthātaṣ sr*, словом, сохранившимся, как мы видели, в неявной форме в одном месте в Ригведе.

Поскольку для санскрита это самый обычный способ образования имен существительных, то можно обойтись без дальнейшего цитирования примеров. Стоит добавить лишь несколько слов об ударении. Этому типу имен свойственно ударение на суффиксе, что чаще всего встречается в санскрите, но есть также тип образований с ударением, смещенным назад. Это связано с интересным синтаксическим различием: *dātā vásūnām*, но *dātā vasūni*. Выше было отмечено, что слова с этим суффиксом, обозначающие

специальность или профессию (hōtar- и т. д.), также, как правило, имеют ударение на корне. В греческом также имеется два ряда форм: с ударением на суффиксе—δοτήρ „даятель, податель“, βατήρ „тот, кто идет“, θετήρ „устроитель“*, и с ударением на корне—δέωτωρ „деятель, податель“ и т. д. Первые сохраняют наиболее древнюю форму с ослаблением корня как следствие ударения на суффиксе. В санскрите очень широко сохраняется суффиксальное ударение, но—за исключением очень небольшого числа случаев, например dṛṣhitár- „тот, кто делает твердым“,— в именах деятеля преобладает ступень gūḥa. Сохранение или возобновление этой ступени, несмотря на основной закон апофонии, можно приписать влиянию соответствующих имен среднего рода.

Этот суффикс очень употребителен при образовании терминов родства: pitár- „отец“ (ср. лат. pater и т. д.), duhitár- „дочь“ (ср. греч. θυγάτηρ и т. д.), mātár- „мать“ (греч. μήτηρ, др. мātēr, др.-в.-нем. muoter и т. д.); bhrātár- „брат“ (греч. φράτωρ, φράτηρ, φράτήρ „член фратрии“, гот. brōþar, др.-в.-нем. bruoeder и т. д.), jāmātar- „зять“ (Ав. zāmātar-, алб. ðender), yātar- „невестка“, „жена мужнего брата“ (греч. εὐγάτερες, лат. janitricēs мн. ч., ст.-сл. ѡтры, лит. jėntė); nāptar- „внук“ (вторичное образование, заменившее nāpāt = лат. nepōs). Возможно, что из всех этих слов слово, обозначающее „отец“, было древнее имя деятеля (p-i-tár- „защитник“ от pā-(y)- „защищать“), но в большинстве случаев этимология этих слов слишком туманна, чтобы мы могли сказать что-нибудь с определенностью. Ступень корневого гласного в этом слове относится к древнему типу (ср. греч. δοτήρ и т. д.), как и следовало ожидать. Только duhitár- согласуется с pitár- в ударении и апофонии; остальные слова имеют ударение и ступень gūḥa в корне (за исключением mātár-), что вполне могло произойти независимо, несмотря на совпадение между санскритом и германским. Очень возможно, что в число этих существительных входили некоторые древние имена среднего рода (*māter и т. д.: лат. māteriēs может быть расширенной формой такого имени среднего рода, которые были переосмыслены, когда развивалась система рода. Возможно также распространение суффикса по аналогии, что наверняка произошло с скр. nāptar- и, возможно, в необычно образованном jāmātar- (ср. греч. γαμζήρος „зять; шурин“, образовавшееся иным способом).

Дефектное существительное stár- (твор. мн. stṛbhis), tār- (им. мн. tāras) = греч. ἀστήρ образовано с суффиксом мужского рода; слово настолько сократилось, что в последней форме остался один суффикс.

Суффикс -tar является единственным из суффиксов на -г, который стал продуктивным в образовании имен деятеля. В этой функции мог употребляться как простой суффикс -г, так и различные сложные (перечисленные выше) суффиксы; небольшое число примеров этого сохранилось.

Пример с простым суффиксом -г мы видим в слове *pāg-* „мужчина, воитель“ (греч. ἀνήρ, умбрское *per-* и т. д.). Соответствующее существительное среднего рода *āner выводится из некоторых производных (греч. ἡγορέη „мужество“, εὐήγορ „мужественный“ и др.).

Так же использовался и суффикс -*var* в слове *catvāras*, м. мн. ч. „четыре“. Соответствующее существительное среднего рода *cātvar „квадрат“ не сохранилось, но имеется тематическое распространение его в слове *catvaga-*cr** „четырехугольник, перекресток“. Другой пример—слово *devār-* „деверь“, ср. греч. δᾶήρ (из δαίήρ), лат. *lēvir* и т. д.). Примеров такого образования с суффиксом -*mar* нет, но ниже будет отмечено, что слово *kaṭmāga-* „кузнец“ предполагает более древнее *kaṭmā(r)*.

Суффикс -*sa* в этом классе появляется в слове *svāsa-* „сестра“ (*sva-* „собственный“) со сдвинутым назад ударением, а также в числительных *tisrās*, *cātasras* ж „три, четыре“. Здесь форма винительного падежа стала употребляться вместо именительного; древние формы именительного *tisores, *kʷetesores* представлены в кельтском (др.-ирл. *teoir*, *cetheoir*). Лат. *uxōr* „жена“ также относится к этому классу, будучи образовано от основы на *s*, распространенной посредством *g*, что видно из скр. *ōkas-*cr** „домашний очаг“. По-видимому, в тех случаях, когда этот суффикс употреблялся для образования прилагательных, он применялся специально в формировании имен женского рода; с вышеприведенным словом мы можем сравнить тематическое производное в хеттском языке: *išḫaššaraš* „госпожа“ (*išḫaš* „господин“).

Аналогично образуются имена деятеля и прилагательные с ударяемыми суффиксами на -*n*, находящиеся в точно таком же соотношении с основами на -*n*: *tākṣan-* „плотник“ (:хетт. *takṣan-*cr** „соединение“), *gājan-* „царь“ (:*rājāni-*cr** „под водительством кого-л.“, в чередовании с основой на -*g* в Ав. *gāza-*cr**), *pra-tidīvan-* „противник в игре“, *vībhvan-*, *vībhvān-* „могущественный“. Среди таких образований есть несколько древних существительных мужского рода, которые уже невозможно соотносить с глагольными корнями: *uīvan-* „молодой человек“ (ср. лат. *juvenis* и т. д.; *yo-ṣ-it* „молодая женщина, женщина“), *śvān-* „собака“ (греч. κύων). Примеры из других языков: Ав. *spasan-* „разведчик, шпион“, *vīndan-* „тот, кто приобретает“, греч. πειθήν „шпион“, ἀρηθών „помощник“, лат. *edō-* „отданный на съедение“ и т. д. Кроме того, этот тип словообразования дал в греческом именительный падеж единственного числа причастий действительного залога тематического типа (*ψέρον*, *λίπών*, с чередованием -*οντ-* в других падежах, в противоположность *διδούς* и пр.), а в германском он дал базу для адъективного склонения. В санскрите ударение обычно сдвинуто к началу слова; как уже отмечалось, этот сдвиг ударения характерен для прилагательных, полностью субстантивированных (например, *gājan-*).

Ударение также передвинуто на начало слова в адъективных образованиях на *-van*, но слабая форма корня показывает, что этого не было первоначально. Примерами являются: *ḥkvan-* „поклоняющийся, восхваляющий“ (: хетт. *arkuwar* ср „молитва“), *drūhvan-* „оскорбительный“, *yúdhvan-* „сражающийся“, *śubhvan-* „красивый“, *stūbhvan-* „восхваляющий“, *rátvan-* „летающий“ (: ср *rátvan-* „полет“), *mádvān-* „веселящий, веселый“, *jásvan-* „несчастный“. Ударение на суффиксе стоит только в слове *muṣívān-* „вор“. Корни, оканчивающиеся на *i*, *u*, *ḡ*, принимают перед этим суффиксом дополнительный суффикс *t*: *kṛtvān-* „деятельный“, *sútvān-* „неотложный“, *sṛtvān-* „движущийся“. То, что эти слова образованы из древних имен среднего рода с чередующейся основой на *ḡ/n*, видно по формам женского рода. Они образованы на основе среднего рода на *-ḡ*, например, слово *rīvaḡi* ж „жирная“ непосредственно произошло от основы среднего рода, обнаруживающейся в греч. *πίρ* „жир“, в то время как имена мужского рода произведены от связанной с ней основы на *-n*. То же различие между мужским и женским родом находим в греческом: *πίρω* м, *πιῆρα* ж. Сходные образования женского рода в санскрите: *yájvaḡi* „благочестивая“, *śáḡvaḡi* „ночь“, *śívaḡi* „лежащая“, *°yāvāḡi* „идущая“, *°dāvāḡi* „дающая“ (например, *Godāvāḡi* „дающая коров“, название реки). Этот суффикс образует как первичные (вышеприведенные), так и вторичные производные. Таковы *ṛtāvān-* „праведный“, *satyāvān-* „правдивый“, *maghāvān-* „щедрый“, *svadhāvān-* „могущественный“. Значительное количество вторичных производных сохраняет ударение, свойственное прилагательным: *amatívān-* „нуждающийся“, *agatívān-* „враждебный“, *ḡṇāvān-* „задолжавший“, *śruṣṭívān-* „послушный“. Женский род этих прилагательных также оканчивается на *-vaḡi* (*ṛtāvāḡi* и т. п.), что показывает, что в какое-то время существовали вторичные образования на *-vaḡ/n* типа **ṛtāvāḡ* „праведность“.

С суффиксом *-tān* в ведическом языке встречается довольно много пар слов с различным ударением и значением, иллюстрирующих основной принцип именного образования в индоевропейском: *bráhmaṇ-* : *brahmán-*; *sádmān-* „сидение“ : *sadmán-* „тот, кто сидит“, *dhármaṇ-* „предписание“ : *dharmán-* „тот, кто предписывает“, *dāmaṇ-* „дар“ : *dāmán-* „даятель“. Другие имена мужского рода того же типа: *darmán-* „тот, кто ломает“, *bhujmán-* „плодородный“, *somán-* „тот, кто отжимает сому“. Есть одно вторичное образование на *-tān*—*aryatān-* „дружественный, союзный“. В языке Авесты мы встречаемся с таким же противопоставлением основ среднего и мужского рода на *-tān* в *ḥinmaṇ-* ср „забота“: *ḥinmaṇ-* м „заботящийся“, *zaēmaṇ-* ср „бодрствование“ : *zaēmaṇ-* м „бодрствующий“. Образованиями этого типа мужского рода в греческом являются: *ἴδμων* „тот, кто знает“ (: *ἴδμεν-αι* инф.), *τλήμων* „претерпевающий“, *ἡγέμων* „предводитель“ и т. д.; из латыни обычно приводится только *alimōnes* им. мн. (> *alimōnia*) „пропитание“.

Имен мужского рода с суффиксом *-sap-* очень мало: *Pūṣāp-* — имя бога (ср. выше, в § 5 *pūṣagyà*), *vṛṣāp-* „самец“, *ukṣāp-* „бык“ (англ. ox, охен, валл. uch, мн. ч. uchēn, тохар. okso). Два последних имеют расширенные корни с инкорпорированным суффиксом *-s* (*vakṣ-*, *vṛṣ-*) и с этой точки зрения могут считаться основами на *-ap*. Основа женского рода на *-sap* выступает в слове *uṣāp-* „женщина“.

Основы мужского рода на *-tap* в санскрите не встречаются, но по временам появляются в других языках: Ав. *marētan-* „смертный“, *aiwixšaētan-* „житель“, греч. *τέκτων* „строитель“, *γείτων* „сосед“.

Сложный суффикс *-in* — один из самых продуктивных суффиксов прилагательных в санскрите. Он может выступать в первичных образованиях: *arcin-* „сияющий“, но гораздо чаще употребляется во вторичных образованиях со значением обладания: *aśvin-* „имеющий лошадей“, *dhanin-* „богатый“, *rakṣin-* „крылатый“ и т. д. Такие прилагательные могут образовываться в любом количестве от основ на *-a* и *-ā* — в этом случае конечный гласный основы заменяется суффиксом *-in*; реже такие прилагательные образуются от других основ, например *śvanin-* „державший собак“, *śavasīn-* „сильный“. Суффикс этот неизменно несет на себе ударение, что свойственно этим типам прилагательных, но так же неизменно он выступает в слабой форме, что не может быть первоначальным явлением, а связано с образованием новой аналогичной формы им. ед. на *ī*. Первоначально в им. ед. должна была быть ступень *vṛddhi*, и формы с *vṛddhi* мы находим в других языках (греч. *ὀβριμίονες* „титаны“ и т. п.). В латыни есть несколько имен действия женского рода, образованных таким же способом (совсем как *bhūtmāp-* „изобилие“ и т. д. они приняли форму, свойственную именам действия, — см. выше, § 6), *legiō*, *legiōnis* и т. д. Эти существительные обобщили сильную форму. Первоначальная система чередования: сильная форма в им. ед. и слабая — в род. ед. и т. д., сохранилась в оскском языке, где в косвенных падежах употребляется слабая форма: дат. ед. *legīnei* и т. д. Употребление этого суффикса со специфическим значением обладания встречается также в иранских языках, например Ав. *ragēnin-* „имеющий крылья“, но примеры этого относительно редки.

Довольно большое количество прилагательных образуется с ударяемым суффиксом *-vīn*: *srāgvīn-* „носящий гирлянду“, *tapasvīn-* „мучимый“, *tejasvīn-* „блестящий“ и т. д. Этот сложный суффикс, неизвестный за пределами индоарийского, по-видимому, является контаминацией суффиксов *-van-* и *-in*. Кроме того, есть еще более редкий суффикс *-mīn* (как *-mānt* наряду с *-vant*), например *vāgmīn-* „красноречивый“, *gomīn-* „имеющий коров“, *svāmīn-* „владелец, хозяин“ (*sva-* „собственный“).

§ 9. Образование прилагательных на -nt-

Выше было указано, что в индоевропейском языке -п как суффикс среднего рода мог принимать расширительное -t. Это регулярное явление в греческом (ἄδωρ, ἄδατος и т. д.), и следы его, хотя и немногочисленные, есть повсюду (скр. várīmat- и т. д.). Это -t могло присоединиться и к суффиксу прилагательных -п; образовавшийся таким путем сложный суффикс оказался еще более продуктивным, чем суффикс среднего рода -nt-. В санскрите он выступает в чрезвычайно продуктивных суффиксах -ant-, -vant и -mant-.

Суффикс -ant выступает в небольшом количестве прилагательных, а именно bhānt- „большой“, mahānt- „великий“, ṛhānt- „маленький“, pṛṣānt- „крапчатый“, rūśānt- „яркий“, к которым можно добавить два местоименных прилагательных: íyant- „столь многих“ и kíyant- „сколь многих“. Первые три слова имеют ударение, свойственное прилагательным, а в pṛṣānt-, rūśānt- апофония показывает, что ударение на корне не является первоначальным. Аналогичные прилагательные мы встречаем в иранском: bəgəzant- „высокий“ и mazant- „большой“. Эти прилагательные, как обычно, связаны с существительными среднего рода (Ав. bagəzan- „высота“, mazan- „величие“), но формы прилагательных в этом случае имеют добавочное t, чего нет в именах среднего рода.

Эти прилагательные иногда возводятся к причастиям. Однако совершенно очевидно, что это не так, поскольку специализация этого суффикса в образовании причастий, будучи достаточно древней, представляет собой результат вторичного развития. Повсеместное употребление этого суффикса в причастиях действительного залога еще не установилось ко времени отделения хеттского языка: в этом языке причастия на -ant имеют страдательное значение в отличие от преобладающего в остальных и.-е. языках действительного значения: kupant- „убитый“ в отличие от скр. ghnānt- „убивающий“. Оба слова являются специализацией более общего значения: „причастный к убийству“. Такое общее значение—это все, что было первоначально присуще любому адъективному образованию; специализация функций различных суффиксов возникла уже путем адаптации.

Атематические причастия и причастия от тематических глаголов, имеющих ударение на суффиксе, сохраняют суффиксальное ударение: adānt- „поедающий“, tudānt- „толкающий“ и т. д. В других случаях ударение совпадает с регулярным ударением глагольной основы: bhāgant- „несущий“, jīghāmsant- „желающий убить“ и проч. Это ударение передвигается на суффикс в самых слабых падежах—древняя особенность, которая часто выравнивалась; то же можно сказать и о прилагательных с ударением на суффиксе: род. ед. adatás, bṛhatás. В им. ед. основы на -ant

отличаются от адъективных типов с окончанием на простое -п тем, что падеж выражается окончанием -s, а не vṛddhi. То же наблюдается в хеттском языке. Это наводит на мысль, что именительный падеж единственного числа выражался таким образом у основ на смычные, начиная с самого древнего индоевропейского периода.

Суффикс -vant выступает в ряде первичных образований, что является доказательством его происхождения из слияния простых суффиксов. Первичные образования: *vivasvant-*, также *vivásvant-* „блестящий“ (: простая основа на -п в *vivasvan-* ср „блеск“ и в Ав. производном *Vivarhana-*), *śásvant-* „многочисленный, весь“ (ср. *śáśyuas-* „более многочисленный“ и *śaśayá-* „обильный“), *árvant-* „быстрый, конь“ (: *árvan-*—то же), *ḥkvant-* „поющий гимны, поклоняющийся“ (: *ḥkvan-*—то же), *satvánt-* „название племени воинов“ (: *sátvan-* „воин“), *yahvánt-* „молодой, самый младший“ (: *yahú-*—то же), *vivakvánt-* „красноречивый“. Существование таких пар, как *ḥkvan-* : *ḥkvant-*; *árvan-* : *árvant-*, указывает на то, что суффикс -vant образовался путем прибавления -t к простой основе -van. В случае *yahú-* : *yahvánt* дальнейший анализ выделяет простую основу на -u. В языке Авесты мы встречаем слово *dragvant-* „злой“, в отличие от скр. *drúhvan-*—то же, и интересный тройной ряд: *эгэzu-*, *эгэzvan-*, *эгэzvant-* „прямой“, из которого видно, как шаг за шагом создавался сложный суффикс. Ав. *bəzvant-* „обильный“ так же относится к скр. *bahú-*, как скр. *yahvánt-* к *yahú-*. Такие пары встречаются и в хеттском: *daššu-* : *daššuvant-* „сильный, здоровый“.

В санскрите суффикс -vant чаще всего употребляется как вторичный: *ásvavant-* „имеющий лошадей“, *kéśavant-* „волосатый“, *putrávant-* „имеющий сына“ и так далее в неограниченном количестве. Это употребление широко распространено и в иранских языках: Ав. *zastavant-* „имеющий руки“, *amavant-* „сильный“ и т. д., а также, помимо индоиранского, в греческом: *χαρίεις*, *χαρίεντα* (из *ῥεῖς*, *ῥεντα*) „прелестный, изящный“, *ἰχθυεῖς* „рыбный, изобилующий рыбой“.

В Ригведе встречаются случайные образования на -vant, не являющиеся прилагательными. Так, *ásvavant-* иногда выступает не как „имеющий лошадей“, а как отвлеченное собирательное существительное, например 1. 83. 1: *ásvāvati prathamó góṣu gaschati* „он занимает первое место по владению лошадьми и коровами“, где единственное число собирательного существительного соответствует множественному числу слова *góṣu*. Эти следы ценны для нас тем, что по ним можно уяснить себе тот факт, что первоначально существовал древний класс имен среднего рода на -vant, связанный с прилагательными на -vant согласно обычному принципу. Вторичные образования с суффиксами среднего рода известны в хеттском языке (*antuhšatar* „человечество“, от *antuhšaš* „человек“ и т. д.), которые следует считать индоевропейскими по происхождению. На этом основании мы можем ре-

конструировать имя среднего рода *áśvavar- „табун лошадей, собственность, состоящая из лошадей“, чередующееся, как обычно для имен среднего рода, с *áśvavaṇ- или же с расширенной формой áśvavánt-, из которых можно вывести обычным способом форму *áśvavánt- „владелец лошадей“. Другое подтверждение этому получаем при сравнении Ав. karšivant- „земледелец“ с скр. kṛṣivalá- и kṛṣivaṇa- — то же. Чередование суффикса между двумя последними словами можно объяснить лишь существованием древнего слова среднего рода с чередованием в основе *kárṣivar/n, из которого, так же как áśvavánt-, произошло Ав. karšivant-.

Согласно обычной системе было бы логично ожидать, что первоначальное ударение прилагательных на -vant будет на суффиксе. В санскрите во вторичных образованиях такое ударение встречается в pṛvánt- „мужественный“, radvánt- „имеющий ноги“ и pasvánt- „имеющий нос“, где первичные основы односложны, в некоторых случаях, когда первичные основы имеют ударение на суффиксе (но не там, где основа оканчивается на -a или -ā): agnivánt- „имеющий огонь“, āsanvánt- „имеющий рот“ и т. п. Первичные образования имеют ударение на суффиксе в редких случаях. Та же тенденция передвигать ударение к началу слова наблюдалась и у прилагательных на -vaṇ.

Суффикс -mant выступает в очень небольшом количестве первичных производных, а именно: virúkmant- „сверкающий“, dyúmánt- „яркий“ (ср. dyumná- ср „блеск“), suṣumánt- „ласковый“ (ср. suṣumná- ср „доброта“), dasmánt- „славный, великолепный“ (только dasmát ср ед. ч. употреблялось в роли наречия). Отношение ásumánt- „быстрый“ (наречие ásumát) к áṣu- напоминает отношение yahvánt- к yahú- и т. п. В других местах этот суффикс употребляется как вторичный с тем же значением, что и -vant. Иногда оба суффикса замещают друг друга в одном и том же слове, например: agnimánt- наряду с agnivánt-, но обычно в каждом слове употребляется только один из них. Точных правил употребления того или иного суффикса нет, однако можно сказать, что -mant обычно употребляется с основами на -i: raśumánt „имеющий скот“ и т. д. (часто для того, чтобы избежать повторения звука v, как в yávamant- „богатый ячменем“ и т. п.). Это правило любопытно тем, что очень схожее правило есть в хеттском в отношении суффиксов, родственных этому (инф. агпимтар- „приносить“, супин ваһпимтанзи „поворачивать“, в отличие от еṣuwar, аṣwanzi от еṣ- „быть“ и т. п.), а также в отношении 1 л. множ. ч. глагола (агпимтени „мы приносим“ в отличие от ерweni „мы держим“). Ударение в прилагательных на -mant следует тем же правилам, что и образования на -vant.

§ 10. Тематические прилагательные от основ на -г и -п

В индоевропейском существовал еще один, так же широко применяемый способ образования прилагательных и имен деятеля от первичных имен среднего рода, состоявший в прибавлении ударяемого тематического гласного. Производные имеют то же значение, что и вышеописанные, и эти два типа имен часто существуют параллельно, например, скр. *atrá-* „тот, кто ест“ : *at-tár-*—то же; хетт. *veštaraš* „пастух“ : Ав. *vāstar-*—то же; греч. *ἰατρός, ἰατήρ* „врач“; греч. *ζητρός* „палач“ : скр. *yātár-* „мститель, каратель“ (ср. *yātanā* „наказание, мучение“ с -п, свидетельствующим о древнем имени среднего рода с чередованием). Ударение, как правило, стоит на суффиксе, но иногда оно переносится на корневой слог: *dámṣṭra-* „клык“. Этот тип словообразования был очень продуктивен, и с отмиранием древних типов имен среднего рода суффиксы -га и пр. стали восприниматься как первичные. Образования этого рода создаются на основе как простых суффиксов среднего рода -(а)г, -(а)п, так и сложных.

1) Примеры образований на -гá: *ugrá-* „могущественный“ (: Ав. *aogar-* „сила“), *usrá-* „угренный, сияющий, как заря“ (*vasar°*, *uṣar-* „заря“), *udrá-* „водяное животное, выдра“ (греч. *ὑδωρ* и т. д.), *a-vadhrá-* „невредящий“ (*vádhar-* „поражающий; оружие“), *ḥsudrá-* „маленький“, *ḥṣirgá-* „быстрый“, *vakgrá-* „изогнутый“, *hasgrá-* „смеющийся“ и т. д. На существование древней чередующейся основы среднего рода на г/п часто указывает наличие наряду с этими образованиями на -гá производных от основы на -п : например, рядом с *vírga-* „вдохновенный“ (с ударением, сдвинутым к началу слова) *vírapuā* и т. п.; ср. также *ḥṣirgá-* „быстрый“ : *ḥṣerpu-*, *ḥṣirapu-*; *grdhrá-* „жадный“ : *grdhnu-*—то же, *dhvasgrá-* „пыльный“ : *dhvasáni-* „кропящий (то есть облако)“; *ṣvitrá-* „белый“ : *ṣvetanā-* „заря“ и т. д. Ударение перетягивается на конец слова лишь в редких случаях, главным образом у субстантивированных прилагательных: *śúra-* „сильный человек, герой“ (греч. *ἄκρως* „лишенный силы“), *ájga-* „поле“ (*√aj-*; первоначальное ударение в греч. *ἄγρός*; греч. *ἀγείρω* „собрать“; форма образована из первичного существительного среднего рода *ager, ср. тип *gathagráti*), *vájga-* „дубинка; удар грома“ („то, что раздавливает, сносит“, ср. греч. *ἄγυμι* „ломать, сокрушать“), *várga-* „курган, земляное укрепление“ (Ав. *vagra-* „снег“), *túmga-* „горбатый“—об индийском быке (ср. лат. *tumēb*, *tumōr*).

Древнейший тип—тематический гласный, предшествующий г,—исчез здесь из-за последующего ударения. Имеется также небольшое количество прилагательных, в которых á присоединяется без какой-либо редукции: *dravará-* „бегущий“, *patará-* „летающий“, *puṁsara* „подходящий, приемлемый“, *ávaga-* „более низкий“ (: *avár*), *úpara-* „более близкий“; с *vṛddhi*: *vānara-* „обезьяна“ (*vanar°* „лес“), *vāsará-* „угренный“ (*vasar°* „раннее утро,

заря"). Такой же тип с полным гласным перед г имеется и в других языках: Ав. адага- „более низкий“, urvīsara- „беглец“ (urvaēs-), греч. ἐλεύθερος, „свободный“ и т. д. Такие формы, очевидно, восходят к тому времени, когда ударение уже перестало редуцировать безударные слоги.

В индоевропейском образовании параллельный ряд на -lō. В ведическом языке суффикс этот также выступает как -gá. Примеры на -lā встречаются в санскрите: śuklā- „белый“ (также śukgá-), sthūlā- „толстый, густой“* (также sthūrā-), gorālā- „пастух“, однако о происхождении этого l в санскрите ничего нельзя сказать с уверенностью.

2) От основы -var/ur. С сильной формой суффикса: bhāsvarā- „блестящий“ (*bhāsvar ср „блеск“), īsvarā- „господин“, śāksvarā- „сильный“, adhvarā- „жертва“ (судя по ударению, адъективного происхождения, ср. advān- „путь“), sthāvarā- „прочный“ (также sthāvānā-, указывающее на древнее чередующееся с ним существительное среднего рода), paśvara- „портящийся“, vyadvārā- „грызун, грызущий“ (: греч. εἶδαρ ср [„еда“]), niśadvārā- „грязь“; со вставным суффиксом -t: itvarā- „идуший“, sṛtvāra- — то же, jitvarā- „победный“. Вариант -vala выступает в vidvalā- „умный“ (ср. греч. εἰδωλός — то же, palvalā- „пруд“ (ср. лат. palūs- „болото“) и ряд вторичных образований: kṛṣīvalā- „земледелец“ (: kārṣivāna- — то же, pījasvala- „сильный“, pariśadvalā- „имеющий pariśad, царь“, āsutīvalā- „жрец, отжимающий сому“. Образование с vṛddhi встречается в bhāgvārā- „порывистый“ (ср. bhurvāṇi — то же и лат. fervor и др.). Эти образования часто существуют параллельно с прилагательными на -van: īsvarā- „господин“: Ав. isvan-; itvarā- „идуший“: °itvan-; sthāvarā- „стоящий, устойчивый“: sasthāvan- „стоящий вместе“; pīvāra- „жир“: pīvan- — то же. Это родство основывается на древних чередующихся именах среднего рода *īśvag/n „власть, влияние“ и т. д.

Слабая форма суффикса выступает в bhāsurā- „сияющий“, chidurā- „разрывающий“, bhaṅgurā- „ломающий“, bhidurā- „раскалывающий“, vidurā- „мудрый“, medurā- „жирный“, aṅkura- „почка, побег; разбухающая опухоль“ (: греч. ὄγκυλος „раздутый, гордый“; ср. тох. Б оṅкогṵо- „кипеть“), kṣurā- „бритва“ (греч. ξυρὸν ср, ср. ст.-сл. уесати и т. д.). В субстантивированном śvāsura- ударение перетянута к началу слова; ударение в греч. ἐχυρός более древнее. Наряду с pāmsurā- „пыльный“ и madhurā- „сладкий“ имеются формы на l: pāmsulā-, madhulā-, но невозможно сказать, какие из них являются первоначальными. Наряду со śmaśgulā- „бородатый“ имеется śmaśguṇā-. Слабая форма суффикса выступает как -vg- в слове tīvga- „напряженный“.

3) Параллельный суффикс -igā выступает в gudhīrā- „красный“ (в отличие от простого суффикса -ra в греч. ἐρυθρός и т. д.), badhīrā- „глухой“ (√ba(n)dh- „связывать, препятствовать“), madīrā- „опьяняющий“, iṣīrā- „мощный“ (: греч. ἰερός от простой основы на r), śīthīrā- „свободный, не прикрепленный“, rathīrā-

„правлящий колесницей“, *médhira-* „мудрый“ (с передвинутым к началу слова ударением), *sth-igá-* „твердый“, *sph-igá-* „жирный“, *gucigá-* „яркий“; реже суффикс *-ila*: *ṛḍilá-* „пористый“, *sadilá-* „текущий“; ср „вода“ наряду с *sarigá-*; *śithilá-* „неприкрепленный“ наряду с *śithirá-*; с *guṇa* в суффиксе (как *-vara*, *-valá*) *samuṣyálá-* „сожительствующий“ (*sam + vas-*).

4) От суффикса среднего рода *-tag* имеется несколько таких производных: *adtagá-* „прожорливый“ (предполагающее *adtag ср „еда“), *ghasmará-*—то же, *ṣtagá-* „быстро движущееся животное“ (ср. греч. *ὀρμαίνω* „приводить в движение“, отыменный глагол от основы на *-n*), *rātaga-* „паршивый; несчастный“ (также *rātaná-* от основы на *-n*), *aśtagá-* „каменистый“ (ср. выше, в § 6, *aśmán*); со слабой формой суффикса: *dhūmrá-* „серый“; с *l* *paśmalá-* „имеющий длинные ресницы“ (*pákṣman* ср „ресница“), *śleṣmalá-* чередуется с *śleṣmaná-* „харкающий мокротой“ (*śleṣmán* м „мокрота“), *bhīmalá-* „страшный“.

Рассматривая простые имена среднего рода на *-g*, мы отметили, что они выступали то со ступенью *guṇa* (*ūdhar*), то со слабой формой суффикса с последующим распространением *t* (*yákr̥t*). Формы последнего типа можно вывести из некоторых производных основ на *-tag*: *karmāṭha-* „рабочий“ от **karmṛthá-* (**karmṛt(h)-* „работа“ + *á*; с придыханием, как в *kárṛth-*), а также *paṅmāṭha-* „шут“ и *harmuṭa-* „черепаха“ (**harmṛt-á-* „животное, обладающее *hārmṛt*, то есть панцирем или раковиной“, ср. *harmuá-* „крыша“).

5) Несколько таких прилагательных образуется от основ на *-sar*: *sarsarágá-* „прислуживающий“ (*√sar-*), *matsarágá-* „возбуждающий; возбужденный“ (ср. *mandasānā-* от соответствующей основы на *-san*), *ṛkṣarágá-* „ранящий; колючка“ (родственно *aṛśasānā-* „повреждающий“, так же как *matsarágá-* родственно *mandasānā-*), *samvatsarágá-* „год“, *dhūsara-* „серый“, *kṛsara-* „сладолюбивый из сезама, риса и т. п.“, *kṛschrágá-* „болезненный, трудный“ (по-видимому, из **kṛpsrá-*), *usrá-* „бык“ (из **ursrá-*, то есть **vṛsgá-*, *-sg-* чередуется с *san* в *vṛṣan-*).

6) Есть прилагательные на *-tagá* и *-trá*, основанные на древних именах среднего рода на *-tag*. Путем вторичного преобразования суффикс *-taga* специализировался на образовании сравнительной степени*, но есть несколько древних слов, сохранивших этот суффикс в первоначальной, более широкой функции. Например, *aśvatarágá-* „мул“—это животное, родственное по природе лошади (*aśvatar ср); точно так же иранское *karautarágá-* „голубь“ (совр. перс. *kaḅūtār*)—это птица с характерной сизой окраской (*karautar ср)**. В слове *kārotarágá-* „фильтр, сито“—образование с *vṛddhi*, основанное на имени действия среднего рода *karotag „просеивание“. Этот корень чаще всего выступает с распространением *i* (греч. *κρίνω*, ирл. *sgíathar* „сито“), но распространение с *u*, как здесь, встречается в гот. *and-hruskan* „*ánu*кривети“. Другими примерами этого типа являются *vatsatarágá-* „годовалый те-

ленок“ и с отодвинутым назад ударением *sánutaga-* „тайный“ (: *sanutár* наречие) и *divātara-* „дневной“. Прилагательное *ántara-* „внутренний“ произошло от *antár-* „внутри“ (лат. *inter* и т. п.), а это в свою очередь — от и.-е. *en* „в“ + суффикс среднего рода *-ter*. Таким же путем скр. *pratagá-* (только в форме наречия *pratarám*), Ав. *frataga-* „стоя впереди“, греч. *πρότερος* „первый (из двух), предшествующий“ произошли от *prō-* через промежуточное *próter „передняя сторона“ (наречие *prótér). Таким образом возникает класс прилагательных, основанных на предлогах: скр. *avatagá-* „более низкий“ (только в форме наречия *avatarám*), *úttara-* „верхний“, Ав. *pištara-* „находящийся снаружи“, греч. *πρότερος* и *ὑπέρτερος* „находящийся выше, верхний“ и т. п. Эти образования от предлогов имеют значение сравнительной степени („выше“, „ниже“ и т. д.), но причина тому не*суффикс, а природа той основы, к которой этот суффикс прибавляется. На основании этих образований и случаев, подобных лат. *dexter*, греч. *δεξιτέρος* „правый, находящийся справа“, у этого суффикса выработалось специальное сравнительное значение, и в этом значении он присоединяется как вторичный суффикс к прилагательным в индоиранском и греческом (редко в других языках: др.-ирл. *librither*, сравнительная степень от *lebor-* „длинный“): *āmātara-* „более сырой“, *sārutara-* „более дорогой“, *tavāstara-* „более сильный“ и т. д.; греч. *ᾠμότερος* „более сырой“, *κοιφότερος* „более легкий“ и т. д. То, что это явление недостаточно широко распространено в индоевропейских языках, указывает на довольно позднюю специализацию этого суффикса.

Имеются немногочисленные прилагательные и существительные, произошедшие от прилагательных на *-trá*: *atrá-* „тот, кто ест“, *vṛtrá-* „враг“; имя демона; *mitrá-* „друг“; имя божества; *putrá-* „сын“ (ср. оск. *ruklum* „мальчиков“ (род. мн.), пелигн. *puclouis*, с *-kl* < *-tl*; лат. *puer*, с более простым суффиксом *-r*); с перетянутым вперед ударением: *dāmṣṭra-* „клык“, *tārutra-* „победный“, *vībhṛtra-* „тот, кого переносят (Агни)“, *joḥūtra-* „громко звывающий“, *úṣṭra-* „животное пустынь, верблюд“ (очевидно, от *vah-* с нерегулярным сандхи, ср. Ав. *vaštar-* „животное пустынь“ = *voḥhár-*); с *vṛddhi*, *jaítra-* „победный“; с вариантом *-atra*: *āmatra-* „неистовый“, *yājatra-* „достойный поклонения“.

7) Имеется ряд существительных и прилагательных на *-pa-*: *stená-* „вор“, *uajpá-* „жертва“ (греч. *ἅγιος* „святой, чистый“, *ghṛṇá-* „жара“, *paṅná-* „голый“, *uṣṇá-* „горячий, жаркий“; с ударением на корне: *śvítna-* „белый“. Чаще всего этот суффикс употребляется для образования причастий от определенных глагольных корней (около семидесяти): *bhinná-* „разбитый“, *bhugná-* „согнутый“, *pūrṇá-* „полный“, *mlāná-* „увядший“ и т. д.

Со ступеню суффикса *-apá* образуется некоторое количество имен деятеля: *kaṅaṇá-* „деятельный“, *tvaraṇá-* „торопящийся“, *krośaṇá-* „кричащий“, *vasaṇá-* „говорящий“, *svaraṇá-* „спящий“ и т. д. По своему ударению они отличаются, как обычно, от соот-

ветствующего класса существительных действия среднего рода: ср. *kágaṇa-* „деяние“, *vācana-* „слово“. В германском и славянском так образуются причастия страдательного залога (ст.-сл. *несвиъ* „несомый“, гот. *fulgins* „спрятанный“). Противопоставление ударений типа *kágaṇa-* *ср* и *кагаṇá-* *м* встречается также в германском, где инфинитив тождествен этому типу среднего рода: гот. *filhan* „прятать“, *fulgins* „спрятанный“.

Хотя в этих прилагательных часто сохраняется древний тип ударения (как указано выше), эта система ударения уже отмирала, и встречаются формы с ударением на корне, особенно от глаголов первого класса с постоянным ударением на корне: *jávana-* „торопящийся“ (*jávati*), *dyótana-* „сияющий“ (*dyótate*) и т. п.

8) В соответствии с *-vaṛá* и *-uṛá* тематические адъективные основы образуются на базе суффикса среднего рода *-van* с двумя ступенями: *-vana* и *-upa*: а) *vagvaná-* „разговорчивый“, *śuśukvaná-* „сияющий“, *satvaná-* „воин“; от предложных основ: *pravaṇá-* „склоняющийся вперед, склоненный“, *udvaná-* „возвышенный“. б) *mithuná-* „спаренный“ (Ав. *miṭwaga-* от чередующейся основы на *-ṛ*), *śakupá-* „птица“ (*√śak* в смысле „предсказывающий будущее“), *aguṇá-* „красный“, *dāguṇá-* „ужасный“; с ударением на корне: *áṛjuna-* „белый“ (греч. *ἄργυρος* „серебро“ от основы на *-ṛ*; ср. также скр. *ṛjgá-* от чистой основы на *ṛ*), *riśuna-* „клеветнический, предательский“ (ср. греч. *πικρός* „горький, враждебный“ от простой основы на *-ṛ*), *tāguṇa-* „нежный“ (ср. греч. *τέρψυ* с чистой основой на *-ṇ*, *τέρως* — чистая основа на *-u*), *viśuna-* „различный“; с ударением на предпоследнем слоге: *dharuṇa-* „державший“, *yatúna-* „энергичный“.

Более полные типы чередования встречаем в отдельных формах: *-avaṇa* в *śrāvaṇa-* „хромой“ (лат. *cl-au-dus* и т. д.); *lavaṇá-* „соленый“; *ср* „соль“ (**slavana-* : лат. *sal*), *-ona* в *śroṇá-*, *śloṇá-* „хромой“, *suṇá-* „нежный, мягкий“*, *duroṇá-* „дом“.

9) Суффикс *-iná*, параллельный суффиксу *-upá*, выступает в нескольких словах: *vṛjipá-* „согнутый“, *hagiṇá-* „желтоватый; олень“, *aminá-* „превозмогающий“, *āśiná-* „старый“ (*√aś-*), *śākiná-* „сильный“; с ударением на корне: *dākṣiṇa-* „правый“. С *guṇa* первого элемента это сочетание выступает как *-eṇa* только в имени женского рода *sāmidhenī* (*fk*) „относящийся к зажиганию костра“. В иранском обычно сочетание *-aina*: Ав. *izaēna-* „кожаный“, *dṛvaēna-* „деревянный“ и т. д. В санскрите имеются дальнейшие производные с таким суффиксом, а именно герундивы на *-eṇya* : *vāṇeṇya-* „желательный“, *īkṣeṇya-* „достойный созерцания“ и т. п. Форма *-upaṇa* (ср. *-vaná* и т. д.) в санскрите не встречается, но выступает в Ав. *aiguṇa-* „арийский“. Полная ступень обоих суффиксов (*-auṇa*) не встречается, но некоторые родовые имена с двойной ступенью *vṛddhi* (*Dākṣāyuṇa-* и т. п.), по-видимому, основаны на таком образовании суффикса. Соответствующие формы в Авесте (напр., *Vaṇhudātayana-*) не имеют *vṛddhi*.

10) Прилагательные от основ среднего рода на *-тап* редки: *níṭnā-* „низкий“; *ср* „глубина“. Существительные среднего рода *ṗṭnā-* „мужество“, *ṣṭnā-* „доброта“ и *ḍṣṭnā-* „блеск“, судя по ударению, происходят от прилагательных. Образования этого типа чаще встречаются в других языках: напр. лат. *alumnus* „питомец“ (ср. *alimōnes, alimōnia*), греч. *στέρημος* „трудный“, причастия на *-тпа* в Авесте: *узəтпа-* и т. п., а также соответствующие греческие причастия со ступенью *ḡṣṭa* (*φερόμευος* и т. д.). Эти два типа различаются между собой так же, как *-vapa/-upa*, *-vaga/-uga* и т. д. Соответствующие санскритские причастия с *vṛddhi* будут рассмотрены ниже.

11) Есть несколько тематических прилагательных, строящихся на суффиксе *-сан*: *kṛṣṇā-* „черный“ (:др.-прус. *kīrsna-*, ст.-сл. *чрънь*), *ślakṣṇā-* „гладкий“, *akṣṇā-* „косой“ (наречие *akṣṇayā*), *tikṣṇā-* „острый“, *kṛtsnā-* „весь“; а также некоторые существительные адъективного происхождения: *руйкṣṇa-* „покрышка для лука“, *hālikṣṇa-* „род животного; определенная часть внутренностей“, *mṛtsna-* *м* и *ср* „пыль, порошок“, *deṣṇā-* *ср* „дар“ („то, что дано“). С другими формами суффикса: *karāśna-* „рука“, *vadhasnā-* *м* или *ср* „смертельное оружие“; *Pūṣanā-* наряду с *Pūṣān* (ср. *satvanā-* и *sātvan-*), *duvasanā-* „далеко идущий (или что-то в этом роде)“.

12) Кроме слова *суаṭnā-* „поощряющий“; *ср* „предприятие“ (: Ав. *ṣyaobna-*), суффиксы *-тна* и *-тапа* специализированы в образовании наречий времени (ср. сходное употребление суффикса *-tara* в *dīvātara-*): *pūṭana-*, *pūṭna-* „относящийся к настоящему времени“, *prānā-* „старый“, *sanātāna-* „вечный“, *adyatana-* „сегодняшний“, *hyastana-* „вчерашний“ и т. д.

В вышеприведенных примерах мы имеем ряд прилагательных, образованных одинаково, путем прибавления ударяемого тематического гласного к суффиксам *-г* и *-п*. Уже было отмечено, что эти суффиксы могли принимать распространение *-t*, и есть несколько прилагательных, основанных на этом распространении. Примером такой основы на *-г* служит слово *mihūrtā-* „мгновение“ от *mihur* (: Ав. *məgzu-* „краткий“). Мы уже упоминали о некоторых словах, в которых обнаруживаются пракритские тенденции: *karmaṭha-*, *harmuṭa-*. С суффиксом *-п*, распространенным посредством *t*, имеется ряд тематических образований, которые, судя по их ударению, первоначально были прилагательными: *vasantā-* „весна“ (ср. *vasar°*), *veśantā-* „пруд“ (*√viś* „место, где задерживается дождевая вода“), а также со слабой ступенью суффикса: *avatā-* „источник“. С суффиксом *-тап* имеются: *hemantā-* „зима“, *sīmānta-* „пробор“ (: *sīman-* — то же, „граница“) и *aśmanta-* „очаг“; с *-van/-un*: *śakūnta-* „птица“ наряду с *śakūna-* (также *śakūni-*, *śakūnti-* — с суффиксом *-i*, ср. *śakvan-* и т. п.). В слове *pārvata-* „гора“, которое можно сравнить с хетт. *regupa-*, *regupant-* „скала“, мы имеем другой вариант слабой формы этого суффикса (*-wṛ-*), а также, как это часто бывает в других случаях, смещение ударения к началу слова. Эти образования не слишком

многочисленны, и некоторые из них уже с очень раннего времени трактовались неверно как сложные слова, со вторым членом *anta-*, „конец“. Отсюда и варианты *veśānta-*, *śimānta-*. Весьма вероятно, что искажениями являются и другие мнимо сложные слова такого же типа, как *kaṛmānta-* „работа, дело“ (пали *kammanta-*), выступающие только в такой форме.

§ 11. Тематические образования с *vṛddhi* суффикса

Выше мы видели, что существует два отчетливо выделяющихся способа образования прилагательных и имен деятеля на основе первичных суффиксов среднего рода. Кроме того, есть ряд образований, которые следует классифицировать как самостоятельный тип, поскольку они обладают чертами, свойственными обоим вышеупомянутым типам. Это тематические образования, часто несущие ударение на последнем слоге, но в то же время суффикс, к которому присоединяется тематический гласный, имеет ступень *vṛddhi*, как в именах деятеля типа *brahmān-* в им. ед. В этом отношении такие образования представляют собой помесь этих двух систем и, по-видимому, являются тематическим распространением образований типа *brahmān-*, базирующихся на им. ед. Например, мы можем объяснить ведическое *kaṛmāṅga-* „кузнец“ следующим образом. Из материала хеттского и греческого языков ясно — и это было показано выше, — что основы среднего рода на *-tan* первоначально находились в чередовании с основами им. -вин. ед. на *-tan*. Мы видели также, что со всеми этими суффиксами среднего рода на *-g* и *-n*, простыми и сложными, могли образовываться прилагательные и имена деятеля по способу, иллюстрируемому словом *brahmān-*. Примеры образований такого рода приводились. В соответствии с этим мы могли бы ожидать на базе **kárman* ср (основа косв. пад. *kárman-*) имени деятеля **kaṛmāṅg-*. Ведическое *kaṛmāṅga-* является тематическим распространением такой формы, и мы уже отмечали, что эта тенденция к тематизации, хорошо известная в поздней истории индоарийского, действовала уже в доисторический период. Другим образованием этого типа является, по-видимому, слово *pāṅjāgá-* „кошка“, но эти образования от основ на *-g* чрезвычайно редки. С другой стороны, такие образования часто встречаются с суффиксами на *-n*, и от них, в частности, возникли в санскрите причастия среднего залога, чему нет точных соответствий в других языках.

От простого суффикса *-n* мы имеем производный суффикс *-ānā*, употребляющийся для образования причастий среднего залога типа *adānā-* „поедающий“, *duhānā-* „доющий“ и т. п. Скр. *adānā-* есть тематическое образование, соответствующее тематическому лат. *edō-ōnis*. Таким же образованием является лат. *colōnus*

„земледелец“, но такие образования чрезвычайно редки. В приведенных примерах ударение стоит на конце слова, как и в совершенных причастиях: *bubudhānā-* „пробуждающийся“ и т. п., но в формах настоящего времени с удвоением и в дезидеративах ударение падает на первый слог.

Другими образованиями этого типа являются: *satāpā-* „тот же самый, обычный“, тематическое распространение основы мужского рода на -п, такое же, как в гот. *satpa* (как *sātapa-* ср является распространением соответствующей основы среднего рода на -п) и *rigāpā-* „древний“.

На основе суффикса -тап имеются причастия среднего залога на -атāпа: *uājatāpa-* „приносящий жертву“ и т. п. Это образование базируется на той форме основы среднего рода на -теп, которая производится от корня при помощи тематического гласного: греч. *φέρμεν* инф. и т. д. Существительные мужского рода со ступенью *vṛddhi* этого типа представлены такими формами, как греч. *ἄρτιον* „воздь“ и *ἕδεμον* „тот, кто заботится“. Тематическое распространение такого типа дает скр. *uājatāpa-*. В тематических спряжениях, к которым относится этот тип причастия, преобладает постоянное глагольное ударение. Этот тип образования причастий специфичен для санскрита; наиболее близкие типы причастий (Ав. *uzətpa-*, греч. *φέρόμενος*) образуются иначе, по способу, указанному выше. Как и в других случаях, такие образования вылились в форму причастий среднего залога путем адаптации, которая, очевидно, произошла сравнительно поздно, так как такие причастия имеются лишь в небольшой группе индоевропейских языков.

Параллельный ряд образований на -asāpā в большинстве имеет характер псевдопричастий. Таковы: *jāyasāpā-* „далеко простирающийся“, *pāmasāpā-* „оказывающий почтение“, *bhīyāsāpā-* „боящийся“, *mandasāpā-* „ликующий“, *vṛdhasāpā-* „растущий“, *śavasāpā-* „сильный“, *arśasāpā-* „вредящий“, *sahasāpā-* „подавляющий“. Во многих случаях наряду с этими образованиями существуют основы среднего рода на -as (*jāyas-*, *pāmas-*, *śavas-*, *sāhas-*). Как мы видели, основы среднего рода на -as могли принимать распространение г/п. На базе основ на -sap, получившейся в результате такого распространения (**pāmasap-* и т. д.), комбинированным способом: с суффиксом в ступени *vṛddhi* и с присоединением ударяемого тематического гласного образовались эти прилагательные. Следует также отметить, что они находятся в таком же отношении к инфинитивам на -sen (греч. *φέρειν*, то есть *φέρεσεν, *bheresen), как *bhāratāpā-* к *φέρειν*. До некоторой степени они приобрели характер причастий, но процесс адаптации не завершился. В отличие от причастий на -tāпа они не ассоциируются ни с какой временной основой, и практика классификации их с причастиями аориста на -s была скорее продиктована безвыходностью положения, нежели результатом серьезного анализа.

В слове *īrdhvasānā-* „прямой“ мы встречаем *-sānā*, употребляемое как чисто адъективный суффикс. В пали *rakkhitamānasāna-* „чей ум охраняется“ применяется этот тип словообразования с целью придать адъективное окончание сложному слову *bahuvrīhi*.

Суффиксы того же типа образуются на базе других сложных суффиксов на *-n-*: *-avāna-* в *bhīgavāna-* „блестящий“, *vāsavāna-* „обладающий богатствами“, а также в именах собственных *Arpavāna-* и *Pṛthavāna-*; *-ayāna-* в *tīrvaayāna-* „победный“ и *Nārayāna*, имя собственное. Сюда же относятся и причастия среднего залога на *-ayāna-*, образуемые в эпическом языке от глаголов десятого класса и каузативов: *śintayāna-*, *pālayāna-* и т. д. Не употребляемый в ведическом языке и не допускаемый в классическом, этот способ словообразования, возможно, является древней диалектной особенностью.

§ 12. Различные распространения суффиксов на *-g* и *-n*

Суффикс *-ā* регулярно употребляется для образования форм женского рода тематических прилагательных, рассмотренных выше. Кроме того, он выступает в ряде самостоятельных образований. В *uṣānā* (некогда *uṣānā*) „женщина“ и *kaṇvānā* „девушка“ он выступает как средство распространения основ женского рода на *-n* (*uṣān-* „женщина“, Ав. *kaivīn* „девушка“). Встречающаяся также форма *kaṇvālā* показывает, что имя женского рода **kaṇvan-*, на котором основано *kaṇvānā*, первоначально было именем среднего рода с чередованием. Есть также слова, которые могут принадлежать к адъективному типу, хотя для них и нет соответствующих форм мужского рода; например, *āṣṭrā* „стрекало“ („погонщик“). Кроме того, есть ряд слов, в которых *-ā* — просто распространение древних основ среднего рода на *-g* и *-n*, ничего не придающее значению, например *mātrā* „мера“ (*mātar + *ā*). Приведем еще *sūrā* „опьяняющий напиток“, *dhārā* „режущий край“, *urvārā* „вспаханная земля“ (Ав. *urvaṅā* „посев“; о древнем индоевропейском существительном среднего рода свидетельствует ирл. *arbor*, им.-вин. мн. *arbann*), *vāgurā-* „сеть“, *tāmigrā* „темнота“, *hōtrā* „жертвоприношение“. Тот же тип образуется на основе суффикса *-n-*: *tṛṣṇā* „жажда“, *śēnā* „войско“, *sthūnā* „столб“, *dhēnā* „дойная корова“. Обычна форма *-anā*, так как ударение в словах стоит на последнем или на предпоследнем слоге (относительно ударения основ на *ā* см. ниже, § 18): *arhānā* „достоинство“, *barhānā* „могущество“, *vadhānā* „убийство“, *vanānā* „желание“, *asanā* „снаряд“, *jaṅānā* „преклонный возраст“, *dyotanā* „блеск“, *gaṣānā* „царствование“, *hasanā* „смех“. С этими именами действия на *-anā* можно сравнить греческий тип ἡδονή „удовольствие“.

Есть несколько таких образований на *-ī* и *-ū*: *rātrī* „ночь“, *tandṛī* „лень“, *paḥṇanī* „источник“.

Часто основы образуются путем присоединения к суффиксам -г и -п гласных -і и -у.

а) Суффикс -і служит средством расширения основ на -г в ряде слов: áñgh-г-і м „нога“ (ср. ст.-сл. *noġa* от другой ступени корня), ábhgi- ж „мотыга“, ástri- ж „острие“, añgúgi- ж „палец“. Прилагательные agcátri- „поющий гимны“, átri- „пожирающий“, bhūgi- „изобильный“, śubhgi- „красивый“, jásurgi- „истощенный“, dáśuri- „благочестивый“, sáhuri- „могущественный“ (ср. греч. *ἐχρρός*, *δύρρός* „крепкий, надежный“ с тематическим суффиксом); в существительных, произошедших от прилагательных: sūgi- „покровитель“ ($\sqrt{sū}$ -, то есть как побудитель жертвоприношения), vadhgi- „кастрированное животное“ (: *vadhā*; греч. *ἔθρις*—то же).

Точно так же суффикс -і добавляется к суффиксу -п в словах женского рода: śrepi- „ряд“, śrópi- „бедро“, sñpi- (srñi-) „серп“, jūpi- „жара“, juāni- „потеря“, glāni- „увядание“; в словах мужского рода: ghñpi- „жара“, yōni- „матка (анат.)“. В образованиях имен действия -pi употребляется не менее широко, чем -pā в причастиях прошедшего времени. Прилагательные: aśpi- „поедающий“, vāhpi- „несущий“ (позже „огонь“), tūpi- „торопящийся“, dharpī- „поддерживающий“, prepi- „любящий“, pśñpi- „крапчатый“ (ср. греч. *περῆς* „черноватый“ с тематическим суффиксом); адъективного происхождения agni- „огонь“. С формой суффикса -api имеются такие существительные женского рода, как dyotani- „блеск“, vatanī- „колея“, agāpi- „дерево для добывания огня“ (ag- „прилаживать“, чередующееся г в agāpi „дверная створка“). Прилагательные: tagāpi- „быстрый“, caṅāpi- „движущийся“ и т. п. Сходные образования от сложных суффиксов на -pi: hrādūpi- ж „град“, tuviśvāni- „могущественный“ (-vani как вторичный суффикс), agatni м „локоть“, iṣṭāni- „эпитет Агни“, turvāpi „превозмогающий“, bhurvāpi- „взволнованный“, śusukvāni- „сверкающий“, paśāpi- „переносящий через что-л.“, sakṣāni- „превозмогающий“, caṅāni- „деятельный“; неясного сейчас происхождения vṛṣpi- „баран“, pāṅpi- ж „пята“ (греч. *πέτρα*—то же).

б) Суффикс -u в сочетании с -г образует иногда существительные среднего рода: áśru „слеза“ (тох. А *ākār*, мн. ч.—*ākru-nt*), śmaśru „борода“ и некоторые прилагательные: dhāru „сосущий“ (греч. *θηλός* „женский“), bhīru- „робкий“, patāru- „летающий“; в сочетании с -p образуются некоторые прилагательные и существительные, произошедшие от прилагательных: dhṛṣṇu- „дерзкий“, gṛdhnū- „жадный“, sūpu- „сын“, dhenū- ж „корова“, bhānu- м „свет“. Сочетания -tnū и -snū были весьма продуктивны в образовании прилагательных: kṛtnū- „деятельный“, dātnū- „разбивающий“, dravītnū- „бегущий“, pīyatnū- „ругающий“, stanayītnū- „гром“, kavātnū- „осторожный; подлый“, vadhasnū- „убийственный“, jīṣṇū- „победный“, carīṣṇū- „бродячий“ и т. д. Сочетание -vanu выступает в слове vagvanū- „шум“.

§ 18. Суффикс -s

Суффикс среднего рода -as сохранился лучше, чем любой другой древний суффикс среднего рода, и большее количество слов этого типа имеет прямые соответствия в других и.-е. языках. Таковы: śrávas- „слава“ (греч. κλέος, ирл. clú—то же, ст.-сл. слов), jápas- „род, порода“ (греч. γένος, лат. genus), mápas- „ум“ (греч. μένος „дух, мысль“), hápas- „жара“ (греч. θερός „лето“), pábhas- „облако, небо“ (ст.-сл. нѣво, хетт. periš-), ársas- „геморрой“ (греч. ἔλκος „рана, язва“, лат. ulcus—то же), vácas- „слово“ (греч. ἔπος, ἔπος), sádas- „место, сиденье“ (греч. ἔδος), pásas „мужской половой орган“ (греч. πέος), édhas- „топливо“ (греч. αἶθος „горящий“), sáhas- „сила“ (гот. sigis „победа“), ápas- „работа“ (лат. opus), ápas- „подвода“ (лат. opus „груз“), vápas- „вождевание, желание“ (лат. venus). Другими примерами на этот очень употребительный суффикс являются: tápas- „тепло“, práyas- „удовольствие“, téjas- „великолепие“, dóhas „доение“, kágas- „деяние“, héšas- „повреждение“ (hiṃs-) и т. д.

Нормальный тип имеет регулярное ударение на корне в именах среднего рода, а также ступень гуṇa суффикса. Смещение ударения при склонении (тип yákr̥t̥, yakr̥ás) прекратилось, и во всем склонении ударение сохраняется на корне. Имеются варианты чередования, а именно: 1) vṛddhi корня в ágas- „грех“ (греч. ἄγος), ápas- „работа“ (обычно ápas-), vāsas- „одежда“, vāhas- „жертва“, rájas- „сторона, поверхность“; 2) слабая ступень корня в úgas- „грудь“, śígas- „голова“, júvas- „скорость“ (также jávas-), m̐dhas- „презрение“, dúvas- „жертвоприношение“; 3) редукция суффикса в yós- „благосостояние“ (Ав. yaoš-, лат. jūs), dós- „рука“. Эти варианты указывают на то, что действие апофонии в словообразовании в какой-то период было очень заметно, хотя в большинстве случаев оно сгладилось. Интересен тип со слабой ступенью корня, поскольку его можно обосновать только исконно конечным ударением в косвенных падежах. Имеются редкие примеры такой перетяжки ударения в склонении: bhíyás- „страх“ (переход в женский род), твор. ед. bhīṣā (наряду с bhíyāsā). С этим суффиксом образуется около двадцати пяти форм дательных инфинитивов. Ударение в них стоит иногда на корне, как в áyase „идти“, cákṣase „видеть“, dhāyase „лелеять“, но гораздо чаще падает на суффикс: ṛcáse „хвалить“, caráse „странствовать“, jīvase „жить“, doháse „доить“, bhojáse „наслаждаться“, śobháse „сиять“, spūrdháse „стремиться“ и т. д. Происхождение этой аномальной акцентуации абсолютно неясно: она не соответствует ни обычному фиксированному ударению на корне основ на -as, ни первоначальному конечному ударению косвенных падежей. Следует заметить, что такая акцентуация встречается и в других типах инфинитива: dāvāne „давать“, vīdāne „знать“. В очень немногих дательных инфинитивах с суффиксом -s встречается

конечное ударение с редукцией как корня, так и суффикса: *jīṣé* „побеждать“, *stuṣé* „хвалить“.

Нормальное ударение местного падежа выступает в *upási* „на лоне“ (и только в этой форме), ср. *akṣāni* и т. п. Сходное адвербиальное ударение имеется в *purás* „впереди“, *tirás* „через“, *mithás* „взаимно“, ср. *avág* и т. д.

Имеется несколько случаев изменения рода у имен действия на *-as*. Таковы: *tavás-* „сила“ *м* (но также и прилагательное „сильный“), *jaṅás-* *ж* „преклонный возраст“, *bhīyás-* „страх“ и *uṣás-* „заря“ (ср. греч. ἥως). Это, по-видимому, объясняется главным образом персонификацией. Изменение рода влекло за собой принятие ударения прилагательных (как в *bhūtmán-* „изобилие“ и т. д., см. выше).

Этот суффикс среднего рода с древних времен мог распространяться путем присоединения суффиксов среднего рода *-г* и *-п*. Примеры этого (*śīrṣṇás*, *doṣṇás*, род. ед. и т. д.) приводились выше, вместе с производными от основ на *-г* и *-п* (*matsará-*, *mandasāpá-* и т. д.). Он мог также присоединяться к другим суффиксам, образуя множество сложных суффиксов, например: *-tas* в *rétas-* „семя“, *srótas-* „поток“ (простая основа на *-t* в *svat-*); *-nas* в *rékna-* „наследство, собственность“, *ápnas-* „богатство“, *ápnas-* „наводнение“, а также с предшествующими *-i* и *-ī*, *dráviṇas-* „собственность“, *raḡiṇas-* „изобилие“; *-sas* (повторение суффикса) в *dákṣas-* „способность, ловкость“ (простой суффикс *-as* в *daśas-yāti*) и *rákṣas-* „сторона“ (простой суффикс *-as* в *rājas-*); *-vas* в *rīvas-* „жир“, *várivas-* „пространство“. Это последнее сочетание обычно выступает в слабой форме *-uṣ*: *áruṣ-* „рана“, *āruṣ-* „длительность жизни“, *táruṣ-* „жара“, *tāruṣ-* „победа“, *yājuṣ-* „формула при жертвоприношении“, *vāruṣ-* „красота“, *rāruṣ-* „место сочленения (ветвей)“, *dhāruṣ-* „лук“; чередующееся распространение на *-п* встречается в *dhānvan-* „лук“ и *rāgvān-* „сустав“, а простая основа на *-и* представлена *āru* *ср* наряду с *āru-ṣ-* (ср. также *aru-* в *aruntuda-*). Точно так же *-s* присоединяется к суффиксу *-i*, образуя сложный суффикс *-iṣ*. Из этих имен среднего рода *juótiṣ-* „свет“, *āmiṣ-* „сырое мясо“ и *vuyáthiṣ-* „смятение“ имеют ударение на корне согласно общему правилу. В остальных словах первоначальная система ударения нарушена и ударение стоит на суффиксе: *arčíṣ-* „пламя“ (также перешедшее в женский род), *chardíṣ-* „защита, кров“, *barhíṣ-* „подстилка, солома“ (Ав. *barēziṣ-*), *rocíṣ-* „свет“, *vartíṣ-* „путь“, *śocíṣ-* „пламя“, *sarḡiṣ-* „масло“ (греч. ἔλπος с простой основой на *-s*), *havíṣ-* „жертвоприношение“, *kraviṣ-* „сырое мясо“ (простая основа на *-i* в *ákravihast-* „чья руки не обгарены кровью“, ср. также *kravūá-*, лит. *kraūjas* и т. д.).

Существительные среднего рода на *-as* могут быть превращены в прилагательные и имена деятеля обычным процессом переноса ударения на суффикс, в соединении с *vṛddhi* им. ед. Существительные среднего рода и прилагательные выступают параллельно в следующих случаях: *áras-* „работа“; *arás-* „деятель-

ный“; *táras-* „энергия, сила“ : *tarás-* „сильный“; *yásas-* „красота, великолепия“ : *yaśás-* „красивый“; *tyájas-* „покидание, что-то покинутое“ : *tyajás-* „потомство“; *máhas-* „величие“ : *mahás-* „великий“; *rákṣas-* „вред, ущерб“ : *raṁśás-* „демон“; *dúvas-* „поклонение“ : *duvás-* „поклоняющийся“. Другими примерами адективных образований могут служить *tavás-* „сильный“, *tośás-* „дарящий“, *dhvarás-* „обманывающий“, *yajás-* „поклоняющийся“ и *veśás-* „соседний“. Такие же пары имеются в греческом: *ψεῦδος* „ложь“ : *ψευδής* „ложный“ и т. п.

Со сложным суффиксом *-vas* имеются прилагательные. Мы увидим обычное противопоставление двух типов, сравнив *vágivas-* *cr* „пространство“, с одной стороны, и *okívás-* *m* „привыкший, знакомый“ — с другой. Образования того же типа имеют место в *mīḍhvás-* „щедрый“, *dāśvás-* „поклоняющийся“ и *sāhvás-* „превозмогающий“, склоняющихся как перфектные причастия. В то же время форма и ударение таких слов, как *ībhvas-* „искусный“ и *śíkvas-* — то же, свидетельствуют о влиянии параллельно существующих основ на *-van*. В санскрите есть особая связь между суффиксами прилагательных *-van* и *-vas*, так как последний употребляется для образования зват. ед. от основ с первым суффиксом (*rtāvas*, *vibhāvas* и т. д.; таким же образом от основ на *-vant*: *raivāvas*, *bhagāvas*, *śacīvas* и т. д.). В языке Авесты этот суффикс встречается при образовании им. ед. от основ на *-vant*: *amavā* им. ед. от *amavant-* „сильный“.

Помимо вышеприведенных примеров, суффикс прилагательных *-vas* был специализирован для образования перфектных причастий: *śakṛvās-* „сделавший“, *jigīvās-* „победивший“, *tasthivās-* „вставший“, *babhūvās-* „бывший“, *śuśruvās-* „услышавший“ и т. п. Эти основы в склонении обнаруживают древнюю апофонию, хотя первоначальное ударение на конце в косвенных падежах, вызвавшее эту апофонию, уже отсутствовало (род. ед. *tasthūṣas* на месте *tasthuṣās*).

Суффикс прилагательных *-vas* мог распространяться за счет *-u* (ср. *vaḡvanī-*, приведенное выше, форма с распространением, параллельная основе на *-van*). Примерами служат: *vibhāvasu-* „блестящий“) и *śacīvasu-* „могущественный“, исходящие из основ на *-vas*, выступающих в звательных падежах, отмеченных выше. Сравним также пали *viddasu-* „мудрый“ на месте **vidvasu*.

Специализация суффикса прилагательных *-vas* на образовании этих причастий привела к его полной изоляции от соответствующего сложного суффикса имен среднего рода, который, как мы видели, принимает обычно форму *-uṣ*. В результате функция прилагательных перешла к именам среднего рода без всякого изменения их формы. Как отмечалось выше (§ 8), эта практика имеет параллели в других языках, она весьма древняя, но вследствие преобладания нормальной системы словообразования примеры такого рода редки: *śákṣuṣ-* „глаз; видящий“, *vāruṣ-* „чудо; чудесный“, *tāruṣ-* „жара; пышущий жаром“; без

соответствующих имен среднего рода: páhuṣ- „сосед“, mápuṣ- „мужчина“, и с ударением на суффиксе, но без соответствующей ступени чередования—vanúṣ- „страстный“, jāyúṣ- „победный“ и dakṣúṣ- „пылающий“.

Имеется суффикс прилагательных -yas, также рано специализировавшийся и совершенно отделившийся от суффикса среднего рода -iṣ. Он употребляется в санскрите и других языках для образования сравнительной степени прилагательных*. Примеры: pávyas- „новее“, rávyas- „более удивительный“, bhūyas- „больше; больший“, gábhyaṣ- „более неистовый“, vásyas- „лучше“, sáhyaṣ- „более мощный“, sányaṣ- „старше“, távyaṣ- „сильней“. В языке Авесты встречается srapyaḥ- „более святой“, taṣyaḥ- „более сильный“, āsyaḥ- „быстрее“ и т. д. Этот способ словообразования обычен для Авесты, в санскрите же он встречается гораздо реже по сравнению с формами, в которых окончание -yas прибавляется не непосредственно к корню, а к корню + суффикс -ī: káníyas- „моложе“ (ср. род. мн. kaní-p-am), pávīyas- „новей“, mradīyas- „мягче“, práthīyas- „обширнее“, vāgīyas- „шире“ (ср. vāg-i-man „ширина“), tāgīyas- „очень быстрый“ (ср. tarī-ṣāni инф.), rāghīyas- „быстрее“, máhīyas- „более великий“, sthāvīyas- „толще“ (ср. Ав. gaṇjyaḥ-, māzyaḥ-, staoyaḥ-). И по ударению, и по апофонии все эти формы (исключая bhūyas- со слабой формой корня) больше напоминают типы имен среднего рода (ср. vāgīman-, vāgīvas- : vāgīyas). Причина этого не ясна, хотя это, по-видимому, имеет некоторое значение с точки зрения их происхождения.

Соответствующие формы сравнительной степени имеются в италийском и кельтском: лат. senīōr, др.-ирл. sīniu (и. е. *sénuōs) „старше“. Степень корня *e* и степень суффикса *o* указывают на ударение, одинаковое с санскритским (sányaṣ-). В некоторых случаях тот же суффикс выступает в греческом ἐλάσσω (*ἐλαχ-уос-α) вин. ед., ἐλάσσου (*ἐλαχ-уос-ες) им мн., однако в других случаях в сходной функции появляется суффикс -υορ: ἐλάσσων, ἐλάσσουορ и т. д. В греческом, как и в санскрите, перед суффиксом сравнительной степени может быть вставлено суффиксальное -ι: ἰδίωρ „более сладкий“. В германском употребляется сложный суффикс -is-on: гот. sutiza- „более сладкий“ и т. д.

Слабая форма суффикса (-is-) могла образовывать наречия со сравнительным значением (например, лат. magis „более“), а также служить основой для образования превосходной степени—путем присоединения еще одного суффикса -tha (в других языках -to): káníṣtha- „самый маленький“, jāvīṣtha- „самый быстрый“, nédiṣtha- „ближайший“ (Ав. nazdišta-), āsiṣtha- „самый быстрый“ (Ав. āsišta-), ójiṣtha- „сильнейший“ (Ав. aojišta-), gāriṣtha- „самый тяжелый“ и т. д. Как и в сравнительной степени, ударение в формах превосходной степени постоянное на корне и с соответствующей апофонией. Формы превосходной

степени подобного образования встречаются в греческом (ἡδίστος = svādiṣṭha- „сладчайший“), а также в германском (гот. *sutists* „сладчайший“*).

Как и при других суффиксах среднего рода, прилагательные и существительные адъективного типа могут образовываться прибавлением к суффиксу среднего рода ударяемого тематического гласного. Обычно это образования двух типов, более древний тип — на -sá с редукцией суффикса под влиянием последующего ударения и более новый тип — на -asá, образуемый от основ среднего рода на as- со ступенью гуṇа суффикса. В отличие от других суффиксов сходной структуры суффикс -sá никогда не был особенно продуктивен и не получил значительного самостоятельного развития.

-sá: *rukṣá-* „сияющий“ (*rócas-* „свет“), *dyukṣá-* „яркий“ (из **dyutsá-* подобно *rukṣá-*; ср. также *ávākṣam* вместо *ávātsam* и т. п.), *rṣkṣá-* „пища“ (*rṣkṣ-* „пища“, редуцированная основа на -s, воспринятая как корневое существительное женского рода), *ghraṃsá-* „солнечное тепло“, *vatsá-* „теленоч“ (греч. *Fέτος* „год“), *vṛkṣá-* „дерево“ (*válśa-* „листа“), *yakṣá-* „сверхъестественное существо“ (*yáśas-* „красота“), *śūśá-* „сильный“ (*śávas-* „сила“), *rakṣá-* „бок“ (*rājas-* „сторона, поверхность“), *gūkṣá-* „шероховатый, сухой“ (*√gūṣ-*), *drapsá-* „знамя“ (Ав. *draśsa-*; ср. *drāpí-* „плащ“), *drapsá-* „капля“ (из **drabṛhā-*, ср. греч. *τρέφω* [„уплотнять; вскармливать“] и т. д.), *grapsa-* и *glapsa-* „лучок“ (**grabṛha-*, *√grabh-*), *sakṣa-* „пересиливающий“ (*sáhas-* „сила“), *haṃśa-* „гусь“ (греч. *χῆν* и т. д.). В меньшем количестве слов, преимущественно существительных, ударение стоит на корне: *ámsa-* „плечо“ (лат. *umerus* со ступенью гуṇа суффикса), *útsa-* „ручей“ (греч. *ὕδω* *cp*), *ṛkṣa-* „медведь“ (лат. *ursus* и т. д.; *rakṣ-* „вредить“), *ṛkṣa-* „звезда“ (арс. „сиять“), *dákṣa-* „умный“ (ср. *daśas-yáti*), *gṛtsa-* „ловкий, способный“.

-asá: *vacasá-* „красноречивый“, *añjasá-* „прямой“, *arṇasá-* „текучий“, *tamasá-* „темный, мрачный“, *nabhasá-* „облачный“, *rajasá-* „пыльный“, *gabhasá-* „дикий“, *manasá-* „мудрый“, *urānasá-* „находящийся близко от повозки“, *vetasá-* „тростник“, *camasá-* „чашка“, *pivasá-* „жирный“, *divasá-* „день“, *graryasá-* „набухший (от молока)“.

Тематические распространения основ среднего рода на -as, обычные при суффиксах -г и -п, если и встречаются, то очень редко. Возможно, что *yávasa-* (*m* и *cp*) именно такого происхождения, но вообще такие существительные среднего рода на -asa имеют ударение на конце, что указывает на их происхождение от прилагательных: *añkasá-* „фланг“, *avasá-* „подкрепление“, *atasá-* „куст“, *ragñasá-* „изобилие“.

Производными от прилагательных с *vṛddhi* являются *āyasá-* „металлический“, *vāyasá-* „птица“, *mānasá-* „умственный“ и т. д.

Встречаются сходные адъективные образования от основ на -is и -us: *taviṣá-* „сильный“, *bhariṣá-* „жадный“, *mahiṣá-* „большой;

буйвол“, paḡṡá- „коленчатый (как тростник), неровный“, pa-
 ḡṡá- „серый, в белых крапинках“ (Ав. rouḡṡa-, ср. англ. fallow
 „коричневато-желтый“ и т. д.), aḡṡá- „красный“; с vṛddhi: vāpūṡá-
 „чудесный“. Корневое ударение в словах páhuṡa- „сосед“, mánuṡa-
 „мужчина“ и vāpūṡa- „чудесный“ связано с тем, что соответствующие
 основы на -us сами употребляются в роли прилагательных
 без изменения ударения. Аналогичное ударение встречается
 в словах táḡuṡa- „превозмогающий“ и r̥ḡuṡa-, r̥uṡa- „мужчина“
 (родственно слову r̥ḡú- „мужчина; название племени“, как
 tánuṡa-—слову mánu-).

Есть несколько близкородственных образований на -īṡa и -ūṡa
 (i/ū + s + a): ḡjīṡá- эпитет Индры, aḡṡá- „гимн“ и существительные
 среднего рода: r̥uḡīṡa- „мусор“, káḡīṡa- „сухой коровий навоз“
 и r̥uūṡa- „молоко новотельной коровы, молозиво“ (ср. r̥uṡá- и греч.
 πῶς < *r̥uṡos).

Имеется ряд разнородных основ, образованных путем при-
 бавления к основе на -s различных суффиксов. Таковы bhīṡá
 „страх“, maṡīṡá „понимание“, śavaśī „сила“, táviṡī—то же, saraśī
 „озеро“; pluṡi- „блоха“ (√plu-), dhāśī- „местопребывание“, sānaśī-
 „победный“, dhaḡnaśī- „сильный“, ataśī- „нищий“; dáḡṡu-, dháḡṡu-
 „горящий“; bhujīṡyá- „свободный“; редкие инфинитивные формы:
 avyathaṡyai „не дрожать“ и rohiṡyai; maśīṡka- „мозг“, paṡīṡṡá
 „шутка“; upáṡtha- „лоно“ (ср. upáśi), vaṡīṡṡhú- „внутренности“
 (ср. нем. Wanst; другой суффикс в лат. venter). Распространение
 основы при помощи суффикса -ti встречается в значительном
 количестве примеров: gábhasti- „рука“, paṡasti- „седовласый“ (ср.
 paṡitá—то же, paṡastí- „с прямыми, невьющимися волосами“
 (ср. paṡaka- „ощетинивание волосков на теле“), Aḡásti—имя риши.
 Это суффиксальное сочетание очень часто в славянских языках,
 где, однако, оно образует отвлеченные существительные (ст.-сл.
 дълъгостъ „длина“ и т. п.). В той же функции оно выступает
 и в хеттском языке: dalugaṡti „длина“. С другой стороны, иногда
 оно встречается в латыни при образовании прилагательных,
 как в санскрите: aḡrestis „деревенский“, caelestis „небесный“.
 От основ на -iṡ и -uṡ имеются образования того же типа: pávi-
 ṡī- „хвалебный гимн“, pániṡī- „восхищение“, tátaṡuṡī- „распро-
 странение“.

§ 14. Суффикс -t

Суффикс -t имел те же функции, что и вышеприведенные
 простые суффиксы, но как самостоятельный суффикс он со вре-
 менем стал употребляться гораздо реже. Он также очень редко
 дает имена среднего рода, так как уже с очень древнего време-
 ни существовала тенденция объединять основы, оканчиваю-
 щиеся смычными, в систему имен общего рода. Ясней всего его
 исходная функция как первичного суффикса среднего рода вы-
 ступает тогда, когда он служит распространением основ среднего

рода на -г и -п, например в скр. śákṛt-, yákrṛt- и в греч. χεῖμα, род. ед. χεῖματος „зима“ (но соответствующая основа на -nt в хеттском языке, gimnant- „зима“—общего рода). Точно так же можно предположить, что первичный суффикс t, легший в основу суффикса t-ag, служил для образования имен среднего рода. Помимо этого, в различных языках сохранилось несколько спорадических примеров суффикса среднего рода t: скр. pṛṣat- „капля“, uratarat- „лихорадка, жар“; греч. μέλι (из μέλιτ), хетт. milit „мед“, греч. γάλα, γάλακτος, лат. lac, lactis „молоко“, лат. caput „голова“.

Употребление простого суффикса -t в общем роде для образования имен действия и абстрактных существительных довольно сильно развито в хеттском, например kartimmiatt- „гнев“, duškaratt- „радость“. Такие существительные редки в других языках, но там, где они встречаются, они, как правило, перешли в женский род: скр. nákt- „ночь“, лат. пох, греч. νύξ; лат. quiēs, salūs и т. д., греч. θέμις, χάρις.

Причина того, что такие образования столь редки, заключается в том, что простой суффикс -t, как правило, заменялся формами с распространением, а именно -tī в именах действия и -tā в абстрактных существительных. В скр. daśat „десяток“ наряду с daśatī—то же мы имеем пример нерасширенной формы наряду с расширенной. Изолированное avīrat- „отсутствие героев“ (avīrate дат. ед. Р.В. 7.1.19) представляет тип, замененный повсюду сложным суффиксом -tā.

В санскрите имеется очень небольшое количество существительных женского рода на -t: sraṅát-, vahát-, оба означающие „поток“, saścát- „препятствие“, vehát- „корова с выкидышем“. Последнее существительное, возможно, происходит от прилагательного, но и другие могли быть того же происхождения. Форма мужского рода, произошедшая от прилагательного, выступает в слове vāghát- „почитатель“. Этот суффикс прилагательных появляется повсюду, ср. лат. pedes „пехотинец“, eques „всадник“.

В слове nárāt- „внук“ представлено образование с суффиксом в ступени vṛddhi, которое можно сравнить с аналогичными формами, рассматривавшимися выше. Эта основа интересна еще и тем, что в склонении она сохраняет древний тип афонии. Редуцированная ступень выступает в скр. nádbhyas дат. -отложит. мн., Ав. parīb отложит. ед. ч., pafšu местн. мн. (с редукцией группы из трех согласных). Имеются другие примеры суффикса в ступени vṛddhi в адъективных образованиях в других языках: Ав. gavas-carāt- „движущийся по открытой местности“, греч. ἀργής „сияющий“ (ἀργήτ- или ἀργέτ- в косвенных падежах, ср. два типа δατήρα и ποιμένα), πένης „бедный“, γυμνής „легко вооруженный воин“, лат. ariēs „баран“ (род. ariētis), англо-сакс. hœle „герой“ (halēþ). Они отличаются от других образований с vṛddhi в суффиксе лишь тем, что в именительном падеже принимают -s, что обычно для основ на смычные. Скр. padāti- „пехотинец“

и *patfī-*—то же являются распространениями на *-ī* от основ на *-t*; эти две разные формы происходят от апофонии в склонении первичной основы.

В одном, особом случае суффикс *-t* остается живым словообразовательным элементом в санскрите. Выше было отмечено (§ 2), что корни, оканчивающиеся на гласные *-ī*, *-u* и *-ḡ*, не могут, подобно другим корням, функционировать самостоятельно без какого-либо добавления как именные основы: они неизменно принимают добавочное *-t*: *stút-* „хвала“, *samít-* „битва“, *piyút-* „упряжка“, *vft-* „войско, толпа“, *rit-* „поток“, *mít-* „столб“, *hrút-* „предательство; враг“. Эти основы, как и корневые, могут употребляться и как имена действия (в этом случае они женского рода), и как имена деятеля; в последнем употреблении они также очень часто выступают в качестве последних членов сложных слов: *devastút-* „восхваляющий богов“, *viśvajít-* „всепобеждающий“, *ḡyotiṣkṛt-* „производящий свет“ и т. п. Подобно корневым основам, они обобщили слабую ступень для всего склонения.

Таким образом, формы на *-t* составили единую систему с корневыми именами, поскольку они употребляются при одних и тех же условиях и в той же функции, что и корневые слова при других корнях. По этой причине индийские грамматики не классифицируют *-t*, выступающее здесь, как обычный суффикс (*pratyaya-*), а рассматривают его как специальное наращение, или аугмент (*āgama-*). Суффикс *-t* принял такой характер аугмента в ряде других образований, а именно в абсолютивах на *-ya* (°*jitya* „победив“ и т. д. в противоположность °*dṛṣya* „увидев“), а также в адъективных образованиях на *-van* (*kṛtvān-* „деятельный“ в противоположность *uájvan-* „поклоняющийся“). В этих случаях суффикс *-t* также служит для усиления корней, оканчивающихся на *-ī*, *-u* и *-ḡ*. Ниже мы увидим, что аналогичный процесс, но в еще более сильной степени, имел место по отношению к суффиксу *-ī*.

Сложный суффикс *-it* выступает в нескольких примерах: *yoṣit-* „женщина“, *divít-* „блеск“ (откуда *divítmant* „блестящий“), *sarít-* „река“, *harít-* „зеленый, желтый“, *rohít-* „красный“. Здесь ударение стоит на суффиксе, но это идет вразрез с апофонией, ср. тип *śociṣ-*. Прилагательные *harít-* и *rohít-*, в которых первоначально ударение должно было стоять на корне, какое-то время были основами, употреблявшимися безразлично то как существительные, то как прилагательные. Прилагательные *hárīta-* и *róhīta-* являются их тематическими распространениями и сохраняют первоначальное ударение более простых форм, так как принадлежат к тому немногочисленному классу прилагательных, которые не принимают нормального адъективного ударения вследствие того, что образовались от основ адъективного характера (ср. выше: *váruṣ-*, *váruṣa-*).

Суффикс *-ut* выступает в *Marút-*, имя богов бури (**mag-* „сверкать“: ср. *stáḡīci-* „луч“ и греч. *μαρμαίρω*, *ἀμαρύσσω*), а также

в *garṁt-* ж „род травы“, и *garut^o-*, слове, встречающемся только в производном *garūtmant-* „крылатый“. Степень *gipa* этого суффикса *-vat* употребляется в средних падежах перфектных причастий (*vidvādbhyas* и т. д.) и в им.-вин. ед. ср. р. (*vidvāt*). В греческом она проходит через все склонение существительных мужского рода (*εἶδώς*, *εἶδότης* и т. д.).

При помощи этого суффикса образуется несколько наречий: *sanat* „в старину“, *pradakṣinī* „двигаясь вправо“, *cikivīt* „осторожно“. Так же образовано Ав. *paityaogəṭ* „назад“ и т. д. Адвербиальный суффикс *-tas* был выделен из отлож. пад. ед. ч. основ на *-t*. Первоначально тип *dakṣinatás* „справа“ должен был разлагаться как *dakṣinat-ás* (ср. *pradakṣinī* относительно суффикса *-t* в связи с этим словом). С устарением суффикса *-t* образования этого типа стали разлагаться как *dakṣiṇa-tás* и т. д., и выделенный таким образом суффикс *-tas* стал очень продуктивным при образовании наречий со значением отложительного падежа: *mukhatás* „из рта“, *agratás* „впереди“, *argvátas* „со всех сторон“, *tátas* „оттуда“, *parítas* „вокруг“ и т. п.

Прилагательные на *-tá* возникли обычным путем посредством прибавления к основам на *-t* ударяемого тематического гласного, например *ṛṣatá-* „крапчатый“ от *ṛṣat-* „лятно, капля“. Так как основы на *-t* в большинстве своем исчезли, такие прилагательные выступают как самостоятельные образования. В некоторых из них суффикс имеет форму *-atá*, например *darśatá-* „видимый“ (греч. *ὄδρξετος*), *yajatá-* „достойный обожания“, *bhagatá-* „достойный поддержки“, эпитет Агни, название племени, *rajatá-* „серебряный“ (ср. Ав. *əṣazata-*); в других — форму *-tá*: *ṭṛṣtá-* „грубый“, *śyeta-* „белый“, *ánapta-* „невлажный“ (Ав. *napta-* „влажный“), *dūtá-* „вестник“, *sūtá-* „возница“, *pāpitá-* „цирюльник“ (из **snāpitá-*, ср. пали *pañāpita-*); в других случаях ему предшествует какой-либо другой суффикс (*i*, *u* и др.): *ṭigítá-* „острый“, *palitá-* „седовласый“, *āmanūta-* „негневливый“, *ádbhuta-* „чудесный“, *karótá-* „сизый; голубь“. Мы уже упоминали о возможности присоединения этого суффикса к суффиксам *-n* и *-r* (*vasantá-*, *mihūrtá-*). Слова, обозначающие цвета, *hārita-* и *gohita-*, имеют ударение на корне вследствие того, что первоначально простые основы на *-t* употреблялись как прилагательные. Такое же ударение на корне встречается и в других примерах: *ásita-* „черный“, *éta-* „крапчатый“, *mārta-* „смертный“.

В прилагательных, обозначающих цвета, в женском роде суффикс *-t* или заменяется суффиксом *-n*: *éni*, *śyēni*, *hāriṇi*, или же к нему добавляется *n*, и тогда *t* изменяется в *k*: *ásikni*, *pālikni*. Здесь, очевидно, мы имеем дело с остатками древнего чередования, соответствующего чередованию основ на *-r* и *-n*.

Помимо этого, суффикс *-tá* специализировался на образовании страдательных причастий прошедшего времени; эта его функция выступает и в других индоевропейских языках. Перед конечным ударяемым *-á* происходит редукция и корня, и суффикса (*bhṛtá-*

в отличие от *bharatá-*), что характерно для самых древних образований. Причастия эти очень многочисленны и образуются от всех корней, за исключением небольшого количества корней, принимающих окончание *-ná*: *śrutá-* „услышанный“ (греч. *κλυτός*, лат. *in-clutus*, ирл. *cloth*), *srutá-* „протекший“ (греч. *ρυτός*), *tatá-* „протянутый“ (греч. *τατός*, лат. *tentus*), *hatá-* „убитый“ (Ав., др.-перс. *jata-*, греч. *φάτος*), *gatá-* „ушедший“ (греч. *βατός* „(удобно)проходимый“), *niktá-* „вымытый“ (греч. *ζυπτός* „немытый“), *uṣṭá-* „сожженный“ (лат. *ustus*), *vṛttá-* „повернутый“ (лат. *vorsus*, *versus*), *drṣṭá-* „увиденный“ (англо-сакс. *torht* „ясный“), *miṣṭá-* „вкусный“ < *mikṣ-*, ср. лат. *mixtūs*.

Как и в других случаях, специфическая функция этого суффикса не была свойственна ему с самого начала, а была воспринята им постепенно. Исходное значение, например, слова *klutó-*, как и любой другой формы прилагательного того же типа, не более чем „связанный со слушанием, имеющий отношение к слушанию“. В греческом языке специализация значения не пошла так далеко, и наряду с пассивным значением мы часто встречаем и активное: *δουατός* „возможный“ и „способный“, *συνετός* „понятный“ и „понятливый“ и т. д. В санскрите активное значение видно в слове *sūtá-* „возница“ („погонщик“, то есть тот, кто связан с **sū-t-* [букв. „погоняние“], от *sū-*, *sváti*), а также в *pāritá-* „цирюльник“.

Причиной редкого употребления простого суффикса *-t* является то, что, как правило, он заменялся сложными образованиями, где к этому *-t* присоединялись дальнейшие суффиксальные элементы. Наиболее употребительный—это тот, который образует отглагольные абстрактные существительные на *-ti*. Это самый обычный из всех суффиксов, образующих отглагольные абстрактные существительные или имена действия; и слова с этим суффиксом обнаруживают меньшую тенденцию к приобретению конкретных значений, чем слова с другими суффиксами. Это слова женского рода, в отличие от имен действия, образованных при помощи рассматривавшихся ранее суффиксов, которые все среднего рода. В этом отношении они следуют за простыми основами на *-t*, которые в большинстве и.-е. языков относятся к женскому роду, а в хеттском—к общему роду. Единственными следами основ среднего рода на *-ti* могут быть местоименные формы *káti* „сколько“, *táti* „столько“, *yáti* „столько“ (относ.), которые имеют форму среднего рода; однако функция их иная и ясно, что эти основы раньше других отпали от системы среднего рода, свойственной именам действия, по мере того как развивалась категория рода.

Процесс расширения основ на *-t* путем присоединения суффикса *-i* можно наблюдать в таких парах, как *samít-*, *sámítí-* „собрание“; *nákt-*, *nákti-* „ночь“; *daśát-*, *daśáti-* „десяток“.

Ударение в этих именах действия не подлежит никаким правилам. Оно может стоять на корне, как в *fd̥dhi-* „благоденствие“,

gāti- „ход“, jūṣṭi- „удовлетворение“, dhṛti- „твердость“, rāti- „наслаждение“, vṛddhi- „рост“, śakti- „мощь“, śānti- „мир“, или же, несколько чаще,— на суффиксе: ūti- „помощь“, kṣiti- „жилище“, jūti- „скорость“, dhiti- „мысль“, puṣṭi- „процветание“, bhakti- „разделение“, bhṛti- „поддержка“, mati- „мысль“, stuti- „хвала“. Это отсутствие правил акцентуации характерно и для простых основ на -i, о чем будет сказано ниже. В греческом языке ударение обычно стоит на корне, но так как корневой гласный в этих образованиях как в греческом, так и в санскрите выступает всегда в слабой ступени, то ясно, что это ударение не первоначальное. По сравнению с системой в целом—в именах действия ударение на корне, корневой гласный в ступени *giṇa*, а в именах деятеля *vice versa*—эти образования представляют разительную аномалию, и теперь уже невозможно решить, какие процессы в древнем индоарийском языке привели к такому положению вещей. Примеров таких образований множество и в греческом языке, и можно привести ряд параллельных форм: *áraciti-* „возмездие“, греч. ἀράτις—то же; *kṣiti-* „жилище“, Ав. *ṣiti-*, греч. κτίσις „поселок“; *kṣiti-* „разрушение“, греч. φθίσις „гибель, убывание“; *ā-huti-* „жертвенное возлияние“, греч. χύσις „возлияние“; *sguti-* „течение“, греч. ῥύσις—то же; *pluti-* „плавание“, греч. πλύσις „мойка, стирка“; *gāti-* „хождение“, греч. βάσις—то же, ср. гот. *ga-qumþs*; *tati-* „протяжение, ряд“, греч. τάσις „натягивание“. В латинском эти формы заменены формами с еще более развитым суффиксом *-tiōn-*, образованным добавлением к *-ti* суффикса *-n* в ступени *vṛddhi*. Это слова женского рода, поскольку абстрактные существительные на *-ti*, от которых они образовались, были женского рода: *mentiō* (скр. *matí-*), *unctiō* (скр. *yukti-*, греч. ζεύξις „запрягание“) и т. д.

Степень *-ati* выступает в ряде примеров: *amhati-* „отчаяние“, *dṛṣati-* „вид“, *mithati-* „столкновение“, *vasati-* „жилище“, *pakṣati-* „корень крыла“.

Несколько дательных падежей от основ на *-ti* классифицируются как инфинитивы: *iṣṭáye* „освежать“, *pitáye* „пить“, *vítáye* „наслаждаться“, *sātáye* „побеждать“, *ūtáye* „помогать“.

Есть также ряд основ на *-ti*, функционирующих как имена деятеля, особенно в древнем языке: *jñāti-* „родственник“, *ratti-*, *radāti-* „охотинец“, *addhāti-* „мудрец“, *rāti-* „шедрый“, *dhūti-* „тот, кто потрясает“, *sápti-* „конь“, *dhṛṣṭi-* „смелый“, *rūti-* „гнилой“, *vāṣṭi-* „нетерпеливый“, *ámati-* „бедный“, *sṭharāti-* „правитель, творец“, *vṛkáti-* „разбойник“, *gámati-* „желающий остаться“, *p-āti-* „хозяин“¹. Место ударения, как и в именах действия, не регулируется правилами, так что эти два класса имен не различаются по ударению, как прочие.

¹ От *pā-* „защищать, править“. Что *-t* в этом слове суффиксального происхождения, видно из того, что оно отсутствует в греч. βέσλονα. Поэтому *pāti-* относится к *°pá-* (πῦρα- и т. д.), как *vṛkáti-* к *vṛka-*.

Иногда прилагательные распространяются посредством суффиксального -n: abhimātin- „коварный“ (abhimāti—то же), gātin- „щедрый“ (gāti—то же). Ср. аналогичное распространение в латинском у имен действия.

Точно так же образуется суффикс -tu—прибавлением -u к простому суффиксу -t. Эти образования не так многочисленны, как основы на -ti, зато морфологически они меньше отклоняются от древней системы. Так, сохранился еще, например, ряд существительных среднего рода: dātu „часть“, vāstu „жилище“ (греч. (F)ἄστυ „город“), vāstu „вещь“, māstu „сметана“ (ср. галло-лат. mesga, ирл. medg с другим суффиксом). Форма среднего рода на -tu в наречном употреблении выступает в слове jātu „вообще, когда-либо“. Эти существительные среднего рода имеют постоянное ударение на корне, связанное со ступенью гуṇа, что характерно для имен действия среднего рода. То же ударение со ступенью гуṇа имеется в следующих существительных мужского рода (этот род обычно принимают имена действия на -tu несреднего рода в противоположность женским основам на -ti): ōtu- „утюг; ткань“, tāntu- „нить“, dhātu- „элемент“, saktu- „каша (овсяная)“, sētu- „плотина“, sōtu- „возлияние“. Иногда появляется ударение на суффиксе: gātú- „путь“, hetú- (но со ступенью гуṇа корня) „причина“, pitú- „пища“. Ступень гуṇа первого элемента суффикса выступает в словах edhatú- „благосостояние“, vahatú- „свадьба“ и kr-ātu- „ум“ (kṛ- „думать, напоминать“). Имен женского рода очень немного: vāstu- „утро“, sītu- „рождение“, jivātu- „жизнь“.

Имена деятеля и прилагательные редки: māntu- „член совета“ и dhātu- „годный для сосания“ не имеют требуемого адъективного ударения, что не соответствует ударению образований с простым -u. Постоянное ударение на суффиксе встречается в словах taryatú- „пылающий“ и siṣāsātú- „жаждущий получить“.

Суффикс -tu служит богатым источником для образования инфинитивов. Ударение в них, как правило, стоит на корне, обычно принимающем ступень гуṇа. Они выступают в винительном, дательном и родительном падежах.

1) Винительный инфинитив на -tum был единственным инфинитивом, употреблявшимся в классическом языке: kártum „делать“, gántum „идти“, dātum „давать“, śrótum „слышать“, nētum „вести“, móktum „освободить“ и т. д. В ведическом языке, богатом инфинитивами других типов, это образование крайне редко и встречается в каких-нибудь пяти примерах в Ригведе и в других пяти в Атхарваведе. По форме этот инфинитив тождествен латинскому супину: factum, itum и т. д.

2) Свыше тридцати дательных инфинитивов, образованных с этим суффиксом, встречается в ведическом языке. Они неизменно имеют ударение на корне, принимающем ступень гуṇа (за исключением sītave „производить, рождать“ наряду с sávi-

tave): *étave* „идти“, *kártave* „делать“, *dátave* „давать“, *mántave* „думать“, *yáṣṭave* „жертвовать“ и т. д.

3) Аблативы встречаются не так часто: *hántos* „от удара“, *étos* „от хождения“ и т. д. Это образование встречается иногда в значении родительного падежа: *kártos* „делание“ (с *madyā*), *dátos* „давание“ (с *íse*).

Кроме этих трех типов, в Ведах иногда встречается тип на *-tavaí*: *étavaí* „идти“, *hántavaí* „убивать“. Аномальность этого типа инфинитива заключается в двойном ударении — явление, до сих пор не нашедшее себе объяснения, — и в том, что за ним всегда следует частица *-u*. По-видимому, он базируется на тематическом распространении суффикса *-tu* в ступени *giṇa* (*étava-cr) с древней формой дат. ед. (Ав. *-āi*).

Суффикс среднего рода *-tvá*, который по происхождению является тематическим образованием, основанным на суффиксе *-tu*, встречается часто, употребляясь исключительно для образования абстрактных существительных: *amṛtatvá-* „бессмертие“, *devatvá-* „божество“, *śucitvá-* „чистота“, *śatrutvá-* „неприязнь“ и т. п. Ударение в этих вторичных образованиях не имеет ничего общего со старой системой акцентуации, что объясняется тенденцией к созданию особого ударения *taddhita* для производных существительных среднего рода, отмеченного выше. В языке Авесты есть такие образования, хотя и немногочисленные (*ratuṭwa-* „обязанность *ratu-*“ и т. д.), а также ряд первичных форм с этим суффиксом: *vaṭwa-* „стадо“, *staṭwa-* „молитва“. Последний тип, собственно, не представлен в санскрите, но слово *réṭva-* „жирная овца“ (*м* или *ср*), по-видимому, относится к этому типу. С другой стороны, слова *praritvá-* „время утренней трапезы (*pitú-*), утро“ и *abhipitvá-* „время вечерней трапезы“, несомненно, произошли от прилагательного.

Еще более усложненный суффикс *-tvaná* встречается в Ведах с тем же значением: *mahitvaná-* „величие“, *sakhitvaná-* „дружба“ и т. д. Неизвестный в классическом санскрите, этот суффикс снова появляется в среднем индоарийском (*-ttana-*) и сохраняется вплоть до современного периода (хинди *-pan*).

Есть тематические прилагательные, основанные на суффиксе *-tu*, которые употребляются в ведическом языке как герундивы: *kártva-* букв. „долженствующий быть сделанным“, *jétva-* „долженствующий быть побежденным“, *váktva-* „долженствующий быть сказанным“, *sánitva-* „долженствующий быть полученным“, *hántva-* „долженствующий быть убитым“. То же в Авесте, *jaṭwa-* „долженствующий быть убитым“. Все эти формы имеют ударение на корне в нарушение общего правила ударения в прилагательных. Классический тип на *-tava* (*kartáva-* или *kartavya-* „долженствующий быть сделанным“) образовался из суффикса *-tu* в ступени *giṇa* с прибавлением суффикса прилагательных *-ya*. В греческом встречается и другой вариант (*-tewos*): *πολιτέος* и т. д.

При помощи еще одной расширенной формы суффикса *-tu*

образуются герундии на *-tvā* от бесприваочных глаголов. В этих герундиях корень обычно выступает в своей слабой форме, а ударение стоит на суффиксе: *iṣtvā* „пожертвовав“, *kr̥tvā* „сделав“, *gatvā* „уйдя“, *tītvā* „пересекши“, *dṛṣtvā* „увидев“, *pītvā* „выпив“, *spātvā* „искупавшись“ и т. д. и т. п.

На первый взгляд, это формы творительного падежа от имен действия на *-tu*; если предположить, что это древние формы, где первоначальное ударение в слабых падежах падало на окончание, что вызывало редукцию корня, то такое объяснение представляется вполне правомерным. Однако против него существует серьезный аргумент: параллельно с формами на *-tva* в Ведах существуют формы герундия на *-tvī*, причем эти формы в Ригведе фактически встречаются даже чаще, чем герундий на *-tvā*: *kr̥tvī* „сделав“, *gatvī* „уйдя“, *bhūtvī* „сделавшись“ и т. п. Эти образования нельзя объяснить как творительный падеж или какой-либо другой падеж отглагольного существительного на *-tu*. Но поскольку объяснение обеих этих форм должно идти параллельно, то, следовательно, *-tvā* также нельзя считать падежными окончаниями. Единственно возможное здесь объяснение — что мы имеем дело с суффиксами *ā* и *i*: то, что они выступают здесь в одной функции, вполне согласуется с их близким родством в других случаях. Таким образом, перед нами два сложных суффикса, употребляемых адвербиально, с ударением на конце слова, что обычно при адвербиальном употреблении именных основ (*prātār* и т. п.).

Суффикс *-tā*, являющийся распространением простого суффикса *-t* посредством суффикса *-ā*, специализировался на образовании абстрактных существительных от прилагательных. Как первичный суффикс он очень редок, например: *citā* „слой“; более употребителен в греческом: *ὑεὲτή* и т. д. Обычный тип представлен в Ведах такими примерами, как *devātā* „божество“, *puṅśātā* „человечество“, *bandhūtā* „родство“, *vasūtā* „богатство“ и т. д. В классическом санскрите эти существительные свободно образуются от всех адъективных основ: *kr̥ṣṇātā* „чернота“, *pūrṇātā* „полнота“, *dirghātā* „длина“ и т. д. В той же функции этот суффикс выступает и в других и.-е. языках: рус. *полнота*, ст.-сл. *урьчота*, *дльгота*, др.-в.-нем. *fullida* „полнота“, гот. *diupīra* „глубина“, лат. *juventa* „юность“.

Суффикс этот мог усиливаться путем дальнейшего прибавления к нему суффиксального *-t*, образуя суффикс *-tāt*. Примерами (встречающимися только в Ригведе) служат *uparātāt-* „близость“, *devātāt-* „божественность“, *vṛkātāt-* „волчья жестокость, кровожадность“, *sarvātāt-* „полнота“. Тот же суффикс встречается в Авесте (*haurvatāt-* „целостность“ и т. п.), в греческом (*βαρύτης* „тяжесть“ и т. д.), где он полностью заменяет *-tā* как вторичный суффикс, и в латыни (*civitas* [„государство“]).

Совершенно так же, как простой суффикс *-t* мог распространяться прибавлением к нему суффиксального *-i* (*daśāt-*, *daśatī-*),

сложный суффикс мог распространяться до формы *-tāti*. Примеры: *jyeṣṭhātāti*- „превосходство“, *devātāti*- „божество“, *sarvātāti*- „полнота“, *vasūtāti*- „богатство“, *satyātāti*- „правда“, *śāntāti*- „удача“. Последние два слова могут употребляться и как прилагательные (подобно некоторым формам на *-ti*).

§ 15. Суффикс *-m*

Суффикс *-m* играет важную роль в образовании существительных как в санскрите, так и в других и.-е. языках. Мы уже видели его в сочетаниях *-mag*, *-man*, *-mant*, *-min*, но он продуктивен также в образованиях тематических прилагательных на *-ma*; спорадически появляется и в других образованиях. Основная трудность в трактовке этого суффикса заключается в едва ли не полном отсутствии примеров, где он выступал бы не в составе сложных, а как простой суффикс; и в этом его отличие от остальных простых суффиксов. Однако ясно, что различные вышеупомянутые сложные суффиксы должны были образоваться от присоединения различных элементов именно к такому простому суффиксу. Единственными сохранившимися примерами простого суффикса, по-видимому, можно считать лишь числительные основы *saptá* и *daśa*, лат. *septem*, *decem*, и.-е. **septm̥* (пане *séptm̥* за счет апофонии), *dékm̥*, где он выступает в слабой степени подобно суффиксу *-n* в слове *pāma* (лат. *pōmen*) и т. д.; числительные эти принадлежат к тому же типу, что и первичные существительные среднего рода.

Частотность звука *m* в различных производных суффиксах указывает на то, что первоначально он был очень употребителен как первичный суффикс среднего рода. Причиной того, что он не играет больше этой роли, является то, что его заменили другие формы. Процесс этот шел двумя путями. Первый путь можно проиллюстрировать путем сопоставления слов *yugám* им.-вин. ед. ср. р. „ярмо“ и *yugmá*- „спаренный“. Подобно другим тематическим суффиксам прилагательных слово *yugmá* следует анализировать как *yugm-á* с согласной основой на *m*, что дает не что иное, как существительное ср. р. *yugám*. Это *m* в имени ср. р. *yugám* было первоначально суффиксом *m*, но вследствие сходства с вин. ед. тематических основ (первоначально все это основы прилагательных и общего рода), путем простого процесса адаптации этот суффикс стал восприниматься как окончание, а образования такого рода превратились в тематические основы среднего рода и постепенно вышли из употребления*. Затем тематический тип среднего рода приобрел продуктивность — главным образом в роли распространяющих элементов в образованиях среднего рода с согласными (*-ama*, *-ātra* и т. д., как указано выше).

Связь, аналогичная существующей между словами *yugám* и *yugtá*, имеется и между *bhayám* „страх“ : *bhītmá*- „страшный“ и *mádhyaṃ* ср „середина“ и *madhyaṃ-á*-, прил. „средний“. Наречие *sádam* можно объяснить как основу среднего рода на -т, если учесть его производное *sádmaṃ*- „сиденье, место“, а *ágam*, *álam* „подходящим образом“ путем сравнения с такими производными, как греч. *ἀριθός*, — как такую же основу от корня аг- „прилаживать“.

Древние тематические имена среднего рода очень редки в индоевропейском. Древность скр. *yugám* становится очевидной из соответствий греч. *ζυγόν*, лат. *jugum* и т. п. Другое древнее слово — скр. *padám* „шаг“: греч. *πέδον*, хетт. *pedan*, для которого — хотя в данном случае прямые доказательства отсутствуют — можно предположить аналогичное происхождение. Греч. *ἔργον* „работа“ (с той же редкой и, несомненно, древней апофонией, как греч. *πέδον*) следует отнести сюда же. Нужно отметить, что такие первичные тематические имена среднего рода, которые, согласно этой теории, являются трансформированными основами на -т, не только крайне редки; это единственный класс имен, имеющий некоторые словарные соответствия в различных индоевропейских языках. Так, тематические имена среднего рода вторичного происхождения (а именно: 1) распространенные формы согласных основ среднего рода и 2) еще более поздние, но многочисленные образования *taddhita*) возникли в более позднее время, иначе было бы трудно объяснить отсутствие детального соответствия этим образованиям в различных и.-е. языках. В этой связи мы должны также отметить полное отсутствие двух последних образований в хеттском языке.

То, что тематические образования среднего рода типа *padám*, *yugám* редки, показывает, что, хотя именно таким путем исчезли первичные основы на -т и хотя этот тип образований дает единственный ключ к объяснению существования тематических основ среднего рода вообще, это был не единственный или, во всяком случае, не главный путь, по которому развивался процесс. Другим процессом, который объясняет многое, было распространение основ на -т путем присоединения суффиксов -г и -п. Совсем как в хеттском языке, где первичные основы на -s были почти полностью заменены образованиями типа *ḥanneṣar* / *-eṣnaṣ*, во всех и.-е. языках основы на -т (за исключением небольшого количества основ, перешедших в новый тип — тематические имена среднего рода) были вытеснены основами на -tḡa, -tḡaṃ. Позже в большинстве языков основы на -tḡaṃ были вытеснены основами на -tḡaṃ. В хеттском род. ед. основ среднего рода на -tḡaṃ оканчивается на -tḡaṣ (агпштḡaṃ „приносящий“, род. ед. агпштḡaṣ). Обычно говорят, что в таких родительных падежах произошла ассимиляция -tḡaṃ-, но доказать это невозможно; зато возможно другое объяснение, а именно что такие родительные падежи образовались из нераспространенных основ на -т. Здесь

для сравнения можно привести некоторые ведические формы творительного падежа: *drāghmā*, *gaśmā* (*drāghmān-* „длина“, *gaśmān-* „возжи“), которые точно так же могли образоваться и от простой основы на -m, а не от распространенной основы на -man.

Тематические производные от основ на -man часто встречаются без конечного элемента суффикса: *priyādhamā-* „любящий домашний очаг“, *viśvākarma-* „всё творящий“; они содержат основы *dhāman-* и *kāman-*; ср. также *dhātma-* м „закон“: *dhāman-sr*—то же; *éma-* „путь“ : *éman-*—то же; *tókma-* „отпрыск“ : *tókman-*—то же; *yákṣma-* „болезнь“: *yákṣman-*—то же; *darṁá-* „истребитель“ : *darṁān-*—то же. В этих случаях также не имеется материалов, подтверждающих теорию перехода -m- в -m-, и тематический тип, иллюстрируемый этими примерами, по-видимому, базируется на простой основе на -m*.

Суффикс -mā образует довольно большое количество прилагательных и существительных, произошедших от прилагательных: *ajmā-* „поход“ (греч. *ἄγμος*; основа на -man в *ájman-*, лат. *agmen*—[то же]), *idhmā-* „топливо“, *grīṣmā-* „лето“ (*gr-īṣ-mā-*, ср. *gigū-* „тяжелый“), *gharmā-* „жара“ (первоначально прилагательное, ср. греч. *θερμός*, лат. *formus* „горячий“), *jihmā-* „косой“, *tiḡmā-* „острый“ (греч. *στίγμός* „прокол“, основа на -p в слове *στίγμα ср*), *dasmā-* „чудесный“ (*dasmānt-*—то же), *dhūmā-* „дым“ (ср. основу на -mag в слове *dhūmrā-*), *parṁá-* „развлечение“ (также *pārman-sr*—то же), *yudhmā-* „бсец“, *rukṁá-* „украшение“, *vāmā-* „очаровательный“ (*Vvan-*), *śagmā-* „могущественный“, *śuāmā-* „черный“ (*śuāvā-* с другим суффиксом), *hīmā-* „холод, мороз“. Прилагательное *īma-* „помогающий“ имеет аномальное ударение на корне, но слабая ступень показывает, что оно не первоначально. Есть ряд тематических имен действия мужского рода с нормальным корневым ударением, по-видимому, во избежание повтора звука m: *dhātma-* „закон“, *bhāma-* „свещенник“, *kṣéma-* „место жительства; безопасность“, *sāgma-* „течение“, *sóma-* „выжатый сок растения сомы“ (Ав. *haoma-*), *stóma-* „хвалебный гимн“, *hóma-* „подношение“. Обычное чередование ударения между существительным и прилагательным выступает в словах *grāma-* „хромота“ и *grāmā-* „хромой“.

Степень чередования -amā наблюдается в *daśamā-* „десятый“ (то есть *daśam-ā-*, лат. *decimus*; *dāśa*, *decem*), *saptamā-* „седьмой“ (по образцу которого *aṣṭamā-* „восьмой“), *madhyamā-* „средний, срединный“, *adhamā-* „самый низкий“ (лат. *infimus*), *paramā-* „самый дальний, самый высокий“. Из порядкового числительного *saptamā-* выделено -tama, добавляемое к другим числительным (*viṁśatitama-* и т. п.), тождественное суффиксу превосходной степени на -tama, который, возможно, произошел тем же путем: *āntama-* „самый близкий“ (Ав. *antāma-*, лат. *intimus*), *uttamā-* „высочайший“, *ugrātama-* „сильнейший“, *mīdhūṣtama-* „самый великодушный“, *mātītama-* „самый материнский“, *ratnadhātama-* „самый щедрый“ и т. д.

Сложный суффикс *-īma* встречается редко: *agrīmā-* „передовой“, а также в сочетании с другими суффиксами: *kṛtrīma-* „искусственный“, *bhīdelīma-* „хрупкий“ и т. д. Другими комбинациями суффиксального *m* являются: *-mī*: (мужской род) *ūrmī-* „волна“ (Ав. *varəmi-*, англо-сакс. *wielm*), *gaṣmī-* „возжа; луч“; (женский род) *bhīmī-* „земля“; *-mī*: (женский род) *lakṣmī-* „заметка, знак“, *sūrmī-* „труба“; *-mā*: *hītmā* „зима, холодное время года“, *kṣumā* „лен“.

§ 16. Суффиксы *-i* и *-u*

Эти два суффикса, как и другие, имели в индоевропейском форму со ступенью *giṇa eḍ*, *eḍ* или слабую форму *-i*, *-u* — в зависимости от положения ударения. Они также могли иметь форму с *vṛddhi*, при тех же условиях, что и другие суффиксы, и в целом их развитие шло в общем русле. Первичный тип представляют имена среднего рода; на их основе образовывались прилагательные путем перетяжки ударения на суффикс; древние имена среднего рода могли переходить в категорию мужского/женского рода, — процесс, весьма обычный для этих суффиксов. Имеются также тематические распространения среднего рода, прилагательные образуются путем прибавления ударяемого тематического гласного. Суффиксы эти сочетаются с другими суффиксами обычным путем. Из этих сочетаний уже упоминались: *-īra*, *-īn*, *-īna*, *-īi*, *-īni*, *-var*, *-vara*, *-ura*, *-van*, *-vana*, *-una*, *-vant*, *-ru*, *-nu*, *-is*, *-us*, *-yas*, *-vas*, *-iṣa*, *-uṣa*, *-it*, *-ut*, *-vat*, *-ti*, *-tu*, *-īma*, *-mī*.

Имена среднего рода на *-i* редки: это тот тип, который рано обнаружил тенденцию к исчезновению, главным образом из-за перехода таких основ в класс мужского/женского рода. Небольшое количество сохранившихся имен этого типа большей частью дефектны. Из них *śāmi* „работа“ не склоняется; *āsthi* „кость“, *ākṣi* „глаз“, *sākthi* „бедра“ и *dādhi* „творог“ при склонении принимают основу на *-n* (род. ед. *asthnās*, *akṣnās*, *sakthnās*, *dadh-nās*); *vāgi* „вода“ в тех же условиях присоединяет *-n* к основе (род. ед. *vāgīnas*, ср. то же у основ среднего рода на *-u*), а иногда и в других случаях, например в словах *śīras*, *śīrṣnās*; *hārdi* „сердце“ меняет основу на корневую (род. ед. *hṛdās* и т. д.). Есть один редкий случай среднего рода со сложным суффиксом *-vi* — *sṛkvi*, склоняющееся как *vāgi*.

Имена среднего рода не сохранили склонения, где бы через всю парадигму проходил суффикс *-i*, в отличие от основ среднего рода на *-u*, в которых есть слова, которые это *-u* сохраняют (*mādhu*, *mādhvas*). Однако это *-i* можно проследить в склонении слова *āvi* „овца“, род. ед. *āvya*. Этот тип склонения резко расходится с адъективным склонением (*agnēs* и т. д.); в конце концов это и становится единственным типом склонения); приняв во внимание сходное противопоставление в основах на *-u* (*mādhu-*

vas; sūpós), мы приходим к очевидному выводу, что этот первый тип склонения и есть тип, свойственный существительным среднего рода в отличие от прилагательных. Различие объясняется различной акцентуацией двух типов основ, соответствующей тому, с чем мы встречаемся и в других случаях. Склонение ávi- показывает, что первоначально оно принадлежало к среднему роду, перейдя позднее в другой род, оно сохранило некоторые особенности своего древнего склонения. В греческом языке это слово относится к тому же типу склонения и сохраняет более древнее подвижное ударение: *ῥίς, οῖῥίς*.

Имеются случайные основы среднего рода на -i, которые стали употребляться как наречия: *sáci* „с, вместе“, *práti* „против“ (*pr-atí*, основа на -ti).

Часто первоначальные основы среднего рода на -i заменялись различными распространениями: *pábhya-* „ступица колеса“ сохраняет первоначальный средний род основ на -i, но в слове *pábhī-* „пуп“ эта основа переводится в женский род. Древнее слово среднего рода **mádhi-* „середина“ (в Ав. *maḍuāiryā-* „относящийся к середине года“ вместо **madhiyārya-*) заменено формой *mádhya-* *ср* (первоначально *madhyam-*, основа на -m, ср. выше); аналогично *krávi* „сырое мясо“ (*ákravihasta-*) распространено до *kravya-* (*kravyād-*, ср. лит. *kraũjas*), а также, при помощи суффикса -s, до *kraviš-*. Сходным образом существительные среднего рода *arcís-* „пламя“, *rocís-* „свет“ и *šocís-* „пламя“ являются древними именами среднего рода на -i, распространенными посредством суффиксального -s, а основы на -i *arcí-* *м*, *šocí-* *ж*, *gúci-*, *rocí-* *ж* перешли из среднего рода в мужской или женский.

Эти и сходные примеры показывают, что первоначально имена действия среднего рода на -i были очень употребительны. Следующее подтверждение этого исходит из другого источника. В тот период, когда эти формы свободно образовывались, вся категория имен среднего рода на -i входила в систему глагольного спряжения и служила для образования форм 3 л. ед. ч. аориста страдательного залога. В этой функции они и представлены в индоарийском и иранском: *tári*, *jáni*, *dárgsi*, *pādi*, *sādi*; с аугментом *ákāri* и т. д. Аналогично: Ав. *srāvi* „он слышен“ и т. д. Ударение корневое, как обычно в основах среднего рода.

Основы среднего рода на -i остаются более употребительными, чем основы на -i. Как правило, ударение в них стоит на корне, и они нередко имеют *vṛddhi*: *mádhu-* „мед“ (греч. μέθυ, англосакс. *medu*), *vásu-* „собственность“, *āyu-* „жизнь“ (Р.В. 1. 89.9 и 3.49.2, восстановлено по соображениям метрики), *jānu-* „колени“ (греч. γόυ, лат. *genu*, хетт. *genu*), *dāgu-* „древесина“ (греч. δῆρο, хетт. *taru*), *sānu-* „вершина, верх“ (также муж. род), *dānu-* „влажность“ (также жен. род), *rāšu-* „домашнее животное“ (Р.В. 3. 53.23, гот. *faihu*, лат. *resu*; в других языках перешли в мужской род с ударением на суффиксе), *šmārgu-* „борода“, *árgu-* „слеза“

(тох. А ākru-nt *мн. ч.*), játu- „камедь“ (англо-сакс. cwidu), játru- „ключица“ (также jatrú- *м*), tālu- „небо“, trápu- „олово“, yáśu- „страстное объятие“, snāyu- „мышца“, títaiū „сито“.

На основе на -и могло базироваться все склонение. Тип склонения имен среднего рода выясняется из таких примеров, как mádhu „мед“, род. ед. mádhvas и vásu „богатство“, род. ед. vásvas. Тот же тип появляется в греч. γούρος, δούρος с более древним конечным ударением в род. ед., которое в санскрите заменено постоянным ударением на корне, как и в других типах среднего рода (род. ед. nāpnas, vācasas и т. п.). Древнее конечное ударение встречается в род. ед. paśvās, но сейчас это принято объяснять изменением типа основы. Древнее и.-е. существительное среднего рода réku (лат. rescu [„скот“] и т. д.) сохранилось в одном примере из Ригvedы (см. выше) в форме ráśu, откуда следует, что это изменение основы недавнего происхождения. Изменение грамматического рода в обычной форме raśú- связано с естественным родом реалии этого слова, а изменение ударения — с древним конечным ударением в род. ед.: paśvās. Поскольку все регулярные имена среднего рода приняли постоянное корневое ударение, единственными основами, у которых при склонении обычно происходит передвижение ударения с основы на суффикс, остались имена мужского рода с суффиксальным ударением и редуцированной ступенью суффикса в слабых падежах: им. ед. pitá, дат. ед. pitré; им. ед. Pūṣā, род. ед. Pūṣnās и т. д. Из этой аналогии легко понять, как слово paśvās с суффиксальным ударением (по типу древних имен среднего рода), все еще сохранявшееся в период изменения рода, могло принять суффиксальное ударение в новой форме им. ед. raśús. Таким же образом можно толковать и pitú- „пища“, род. ед. pitvās, которое тоже можно считать существительным среднего рода, переведенным в новый класс, на основании того, что оно является именем действия и относится к склонению имен среднего рода. С другой стороны, основа krátu- „ум“, которую по тем же соображениям можно считать древним именем действия среднего рода, обобщила для всей парадигмы ударение на корне.

Иногда основы среднего рода на -и в самых слабых падежах выступают с суффиксом-распространением -un- (ср. vāriṇas род. ед.): род. ед. mádhunas, vásunas, drúṇas; местн. ед. āyuni (ср. греч. αἶψυ, местн. ед. без окончания), sānuni; род., местн. дв. jānupos (ср. тох. А kapweṇ „колени“, с сильной формой того же суффикса в двойственном числе) Греческий, расширяя суффикс в этих падежах, добавляет -t, как и в основах среднего рода на -п: род. ед. γούνατος, δούρατος.

Кроме всего этого, в Ведах встречаются отдельные формы от этих основ с окончаниями типа прилагательных: drós, snós, mádhos. И это не удивительно, так как склонение адективного типа стало к началу классического периода обязательным для основ на -i и -u; процесс этот зашел далеко уже в очень ранний период,

так что от старого типа склонения осталось очень небольшое количество примеров.

Помимо основ среднего рода на *-i* и *-u*, имеется довольно много имен действия на *-i* и *-u*, относящихся к мужскому или женскому роду. Имена действия на *-i* обычно принадлежат к женскому роду: *jálpri-* „бормотанье“, *gámp̄hi-* „скорость“, *gáji-* „направление“ (лат. *regiō* с добавочным суффиксом *-p*: ср. выше ту же особенность в связи с основами на *-ti*), *góri-* „боль“, *dhṛáji-* „побуждение, сила“, *pábhi-* „луп“; *tvīṣi-* „великолепие“, *rúci-* „свет“; с ударением на суффиксе: *saní-* „побеждающий“, *āji-* „соперничество“, *kṛṣi-* „пахота“, *cití-* „понимание“, *pṛtí-* „пляска“, *bhují-* „благодаяние“. Небольшое количество форм дательного падежа от основ на *-i*, классифицируемых как инфинитивы, также имеют суффиксальное ударение: *drśáye* „видеть“, *yudháye* „светить“ и т. п. Существительные мужского рода редки: *arśi-* „луч“, *dhvaní-* „шум“, *gauí-* „богатство“.

При основах на *-i* и *-ti* старые правила ударения и апофонии давно перестали действовать, поэтому представлены все вероятные типы акцентуации и апофонии (*jálpri-*, *saní-*, *tvīṣi-*, *kṛṣi-*), и варианты не имеют грамматического значения. Скорее всего, самый древний тип представляет слово *gáji-* „направление“, связанное с лат. *regiō*. В формах *gauí*, род. ед. *gauás* (из *gaHi-*, *gaHuás*, ранее *gáHi-*, *gaHuás*) мы узнаём то же развитие ударения, какое наблюдалось в *raśú*, *raśvás*. Различия в апофонии между *dhvaní-* „шум“ и *dhūpi-* „рычанье“ те же, что между именами действия и деятеля, но место ударения обратное. Очевидно, основы на *-i* претерпели весьма сложные изменения, которые теперь уже невозможно проследить, что и привело к полному отсутствию какой-либо системы. Это связано с тем, что в этом типе основ произошел очень ранний массовый переход имен действия из категории среднего рода.

С другой стороны, неадъективные основы мужского и женского рода на *-u*, как правило, имеют ударение и ступень *giṇa* корня: мужской род: *ásu-* „жизнь“ (*as-* „быть“: Ав. *aṛhu-*), *svágu-* „кол, столб“, *mápu-* „мужчина“, *bándhu-* „родственник“; женский род: *jásu-* „истошение“, *dhánu-* „песчаный берег“, *pársu-* „ребро“, *śágu-* „дротик“, *hánu-* „челюсть“ (греч. *γένυς*, тох. А *śanweṃ* дв. ч.). Слова *amśú-* „волосок; луч“ (Ав. *ásu-* „побег (растения)“), *reṇú-* „пыль“ и *śaṅkú-* „колышек, кол“ имеют ударение на конце слова и в то же время ступень *giṇa* корня. Ударение слова *bāhú-* „рука“ на совпадает с греч. *πῆχυς*; апофония показывает, что греческое ударение первоначальное. Слабая ступень корня в *iṣu-* *m* и *ḥ* „стрела“ и *śindhu-* *m* и *ḥ* „река“ — исключение; возможно, что эти слова произошли от прилагательных: передвижка ударения часто наблюдается в субстантивированных прилагательных.

Есть небольшое количество существительных среднего рода на *-ua*, которые следует считать тематическими распространениями

основ на -i: *mádhyā-* „середина“ (см. выше), *krávyā°* „сырое мясо“, *pábhya-* „ступица колеса“, *ájya-* „очищенное животное масло“, *drávyā-* „вещество“, *gájya-* „царство“ (ирл. *gíge*). Это образование нередко встречается в сложных словах типа татпуруша: *havirádya-* „поедание жертвенного приношения“, *hotṛvīṅya-* „выборы жреца для жертвоприношений“, *brahmabhūya-* „превращение в Брахму“. В слове *sakhyā-* „дружба“ в отличие от *sákhi-* обычная акцентуация нарушена, так как *sakhyā-* является вторичным образованием среднего рода, подобно *hotrá-cr*: *hótar m* (см. выше, § 7). В слове *hṛdaya-* „сердце“ к суффиксу в ступени *gūpa* присоединено тематическое распространение.

Суффикс среднего рода -ya, образовавшийся как простое распространение суффикса -i, получил самостоятельное развитие и очень широко применяется в образовании вторичных имен среднего рода, как с *vṛddhi*, что обычно для более позднего периода (*saubhāgya-* „благополучие“ и т. д.), так и в некоторых случаях без него (*dūtyā-* „посольство“ и т. п.).

Как и в случае с другими суффиксами среднего рода, прилагательные и существительные типа прилагательных могли образовываться от основ среднего рода на -i и -u путем переноса ударения на суффикс. Например, с самым древним типом апофонии имеется и.е. слово среднего рода *rélu* (гот. *filu* „много“), а с ударением на суффиксе и редукцией корня — прилагательная основа *pléu-*, выступающая в греч. *πλέεις* (из **plésF-ez*). Система эта претерпела различные видоизменения, результатом чего явилось несколько разных типов склонения.

1) Первый, самый древний тип представлен словом *sákhi-*, им ед. *sákhi* „друг“. Для этого слова характерна ступень *vṛddhi* в им. ед., в склонении оно следует общему правилу склонения имен деятеля на -g и -p (им., вин., дат. ед. *sákhi*, *sákhiyam*, *sákhye*; *svásā*, *svásāram*, *svásre*). Этот редкий тип склонения встречается также в *arpatā* — Р.В. 8. 32. 16 (*ná sómo arpatā pape* „не пьют того сомы, который не дает возвращения“) и в Ав. *kavā* им. ед. (*kavi-* „царский титул“, скр. *kavi-* „мудрец“). В санскрите этот тип обычно заменен склонением, в котором им. и вин. ед. оканчиваются на -is и -im, но сохранились следы того, что данный тип вначале был распространен шире. Производные женского рода *Agnāyī* и *Manāvi* базируются на древних формах им. ед. в ступени *vṛddhi*, **Agnā(y)* и **Manāv*. Древняя форма им. ед. в ступени *vṛddhi* образует первый член сложных слов *Agnāviṣṇū* (ср. *mātaritarau*) и *kavasakhā-* „тот, кто наслаждается дружбой с мудрецом“. И, наконец, обычную форму местн. ед. от основ на -i и -u (*agnā*, позднее *agnāu*, *sūpāi* и т. д.) можно объяснить только как форму местного падежа без окончания, эквивалентную древней форме им. ед. в ступени *vṛddhi* от прилагательных основ.

2) Небольшое количество основ на -u, сохранивших *vṛddhi* в им. ед., имеет дополнительное -s. Этот тип представлен в сан-

скрите им. ед. *dyáuš* „небо, бог неба“ (греч. *Ζεύς*; значение „небесный бог“ является первоначальным, что определило адъективную форму этого слова) и *gaúš* „корова“. Несколько чаще это явление встречается в иранском: др.-перс. *dahyauš* „страна“, Ав. *hiθāuš* „товарищ“*, *uzbāzauš* „с воздетыми рѹками“. В языке Авесты тенденция к дифференциации склонения прилагательных и существительных обнаруживается в противопоставлении форм *uzbāzauš* и *bāziuš* „рука“ в им. ед., а также в разнице между формами *darəgō-arštaēm* и *frādaŋ-fšaom* в отличие от *arštīm* „копье“ и *rasum* „домашнее животное“ в вин. ед. В греческом этот тип приобрел продуктивность и развилось различие между именами деятеля типа *βασιλεύς* „царь“, *γονεύς* „родитель“ (: скр. *jaṇu-s- sr*) и прилагательными типа *πολύς*.

Ведический им. ед. *vés* „птица“—слово того же типа, но степень *gūa* вместо *vṛddhi* здесь необычна и необъяснима. Соответствующее латинское слово *avis* согласуется с обычным типом основ на -i. Греч. *ῥῶν* „яйцо“ (<* *ōwom*) является тематическим распространением древнего имени среднего рода *ōwī „яйцо“ (с *vṛddhi* корня, что часто у основ на -i и -u). Скр. *vés*, следовательно, представляет образование адъективного типа („связанный с яйцами, несущий яйца“), и суффиксальное ударение, свойственное прилагательным, послужило причиной редукции и исчезновения корневого гласного.

3) Обычный тип склонения прилагательных дает формы им. и вин. ед. на -is, -im, -us, -um. Прилагательные с ударением на окончании (-ú) очень употребительны и часто имеют соответствия в других и.-е. языках: *tǝšú-* „жаждущий“ (гот. *frǝus* „сухой“), *ǝrú-* „предательский“, „враг“ (лит. *lípūs* „липкий, скользкий“), *prthú-* „широкий“ (Ав. *rəgəbi*—то же, греч. *πλατύς* „плоский“, лит. *plātūs* „широкий“), *gaghú-*, *laghú-* „быстрый, легкий“ (греч. *ἐλαγύς*), *gigú-* „тяжелый“ (греч. *βαρύς*, гот. *kaírūs*), *bahú-* „многий“ (греч. *παχύς* „толстый“), *rigú-*, *ruíú-* „многий“ (греч. *πολύς*; соответствующее слово среднего рода в гот. *filu*), *ugú-* „широкий“ (Ав. *vougu-*, греч. *εὐρύς*), *tapú-* „тонкий“ (греч. *ταυῶ*), *āsú-* „быстрый“ (Ав. *āsu-*, греч. *ᾠχύς*), *svādú-* „сладкий“ (греч. *ἡδύς*), *apthú-* „узкий“ (гот. *aggwus*, ст.-сл. *жъкъъ*), *ǝjú-* „прямой“ (Ав. *əgəzu-*), *krđhú-* „укороченный, искаженный“, *jaúú-* „победный“, *dāgú-* „разрушительный“, *prťú-* „танцор“, *piúú-* „злобный“, *valgú-* „красивый“, *vidhú-* „одинокий“, *śauú-* „лежащий“, *sādhú-* „хороший“.

Ударения в слове *gigús* (им. ед. и т. д.) следовало ожидать для прилагательного, однако оно вступает в противоречие со слабой формой суффикса в им. вин. ед. Из этого вытекает, что такая форма прилагательного не может восходить к древнему периоду. Мы видели, что в нескольких архаических примерах представлен более древний тип, и имеются доказательства того, что некогда он был распространен шире. Поэтому формы на -us, -um можно считать заменой—но очень древней заменой—этого типа, так как они встречаются не только в языках, пред-

ставленных в вышеприведенных примерах, но и в хеттском: им. ед. aššuš „хороший“, rakkuš „высокий“ и т. п.

Сильная форма суффикса, которая должна бы сопутствовать ударению, но заменена в им. и вин. ед., выступает у этих основ в дат. и род. ед. Здесь склонение прилагательных (agnés, gurós), отличаясь от того, что сохранилось от древнего склонения имен среднего рода (mádhvas), не противоречит положению ударения в этих двух типах. Редукция окончания род. ед. до -s согласно древним правилам апофонии свидетельствует, что это очень древняя форма. Та же ступень гуца встречается в гот. *sūpaus*, лит. *sūpaūs* и без редукции окончания в греч. ἰδέος и хетт. aššawaš. Расхождение между склонением имен среднего рода и прилагательных встречается и в других языках: хетт. *gepuwaš* в отличие от aššawaš и т. п.

Распространение гуца суффикса на дательный и родительный падежи единственного числа отличает эти основы от основ прилагательных на -п и -г, которые обычно в этих падежах не отличаются по форме от основ среднего рода (*yaknás, ukšnás*), поскольку прилагательные основы характеризуются конечным ударением. Однако за пределами санскрита имеются свидетельства того, что даже эти основы до некоторой степени поддались этой тенденции, а именно в случае Ав. *pitāṣ* род. ед. — форма, совершенно параллельная формам *agnés* и *sūpós*. С другой стороны, мы видели, что форма *sákhā*, дат. *sákhye* следует типу адъективных основ на -г и -п, из чего видно, что существовало два альтернативных типа склонения прилагательных основ. Один стал преобладающим для основ на -г и -п, другой — для основ на -i и -u, но до некоторой степени в каждой из двух категорий основ представлены оба типа окончаний.

Корень в этих прилагательных обычно имеет слабую форму, в соответствии с ударением. В случае *su-* „хороший“ (в отличие от хетт. aššuš, греч. εῖς) суффиксальное ударение привело к полной редукции корневого гласного. В связи с тем что это слово перестало употребляться свободно, не в составе сложных слов, мы не имеем материала, чтобы судить о его более раннем склонении, однако в Ав. *hao-sraṇah-* суффикс имеет ступень гуца, что согласуется с ударением, свойственным прилагательным. Приставка *ku-* „плохой“, по-видимому, того же происхождения. Обычное сочетание ее с вопросительным местоимением едва ли можно обосновать, так что мы можем считать ее прилагательным на -u, сходным по форме и функции с *su-*, а по корню родственным Ав. тематическому прилагательному *ak-a-*.

Есть несколько примеров, где наряду с прилагательными на -u существуют соответствующие существительные среднего рода: āyu- „жизненный предел“ (образованное простым суффиксом -u и формой *vṛddhi* от и.-е. корня *ai-* „распределять, давать“, то есть „предопределенный кому-нибудь промежуток времени“): āyú- „живой, смертный“; греч. πῶ „стадо, стая“: скр. *rāyú-*

„защитник“. Множественное число — *jatrávas* „хрящи ключицы“ по значению отличается от существительного среднего рода с ударением на корне *játgu-* „ключица“, и поэтому вполне вероятно, что это адъективная форма. Можно предположить, что такие дублиеты встречались более регулярно, и взаимодействие этих двух типов приводило к возникновению *giṇa* или *vṛddhi* в корнях прилагательных с суффиксальным ударением. Ясно, что сильная форма корневого элемента в *āyú-* происходит от слова среднего рода *āyu*, где она появилась в соответствии с правилами апофонии. Можно предположить, что аналогичное взаимовлияние двух контрастирующих типов вызвало к жизни прилагательные типа *aśú-* „быстрый“ и т. п. Хетт. слово *aššu* ср употребляется как существительное в значении „товары, собственность“ (как скр. *vásu*), и в этом случае его можно считать продолжением первичного имени среднего рода, на основе которого образовалось прилагательное (*ésu* : (*e*)*seú-*). Из этого источника происходит *giṇa* в хетт. *aššuš*, греч. *ἄς* в противоположность редукции корня в скр. *su-*. Нет сомнения также, что преобладанию ранее формы им. вин. ед. на *-ús*, *-úm* (в противоположность формам с сильной ступенью суффикса) содействовало существование рядом с ними таких имен среднего рода. Очевидно, было нетрудно проводить различие между этими двумя типами путем простого добавления к основам среднего рода окончаний *-s* и *-m* в нужных случаях. Обычно при этом сохранялось ударение прилагательных. Но, с другой стороны, мы встречаем ударение на корне в прилагательных *āpu-* „тонкий, малый“, *mádhu-* „сладкий“ и *vásu-* „хороший“. Две последние основы гораздо чаще встречаются как существительные среднего рода, и их употребление в функции прилагательного почти без изменения формы, по-видимому, сравнительно позднее.

Прилагательные и существительные адъективного происхождения, оканчивающиеся суффиксом *-i* и склоняющиеся по образцу вышеприведенных прилагательных на *-u*, довольно многочисленны: *agní-* „огонь“ (лат. *ignis* и т. д.), *āri-* „друг“ (греч. *ἄριος* „дружеский, ласковый“, тематическая форма), *karí-* „обезьяна“ (первоначально прилагательное, обозначающее цвет, ср. *karilá-* „коричнево-желтый“), *kavi-* „мудрец“ (более древнее склонение в Авесте, см. выше), *kīri-* „певец“, *krīdi-* „играющий“, *jāmi-* „единокровный, близкородственный“ (ср. лат. *gemi-nus* „близнец“), *padí-* „крикун“, *svarí-* „шумный“ и т. д.; с ударением на корне: *īši-* „провидец“, *kāri-* „поющий гимны“, *gṛbhi-* „содержащий“, *mūni-* „мудрый“, *śúci-* „сияющий, чистый“, *hāri-* „зеленый“, *tūrvī-* „превозмогающий“, *plūši-* „блоха“ (ср. алб. *pl'është*, арм. *lu* и т. д.; *√plu* „скакать, прыгать“).

Что же касается имен действия на *-i*, здесь мы имеем полное отсутствие правил в отношении ударения и апофонии. Поэтому не всегда возможно решить, к какому классу первоначально принадлежало существительное, например *así-* „меч“ (лат. *ensis*),

giri- „гора“ (Ав. gairi-), áhi- „змея“ (греч. ἔχις, ὄφις), máñi- „драгоценность“ и т. д. Однако первоначальная система оставила свой след в склонении (agnés в противоположность ávyaš; ср. хетт. šallaiš : ḫalkiaš), так же как и в склонении имен на и. Как и у основ на -и, склонение прилагательных распространилось тут за счет именного склонения, причем еще шире.

На базе основ на -и и -и, так же как и основ с другими суффиксами, рассмотренными выше, могли образовываться тематические прилагательные, что служило параллельным образованием к типу имен с ударением на суффиксе. Так, лат. socius „союзник“ находится в том же отношении к скр. sákhi-, им. ед. sákha „друг“ (ср. древнюю основу среднего рода sáci, сохранившуюся в функции наречия), в каком хетт. veštaraš — к Ав. vāstar- или греч. ἰατρός — к ἰατήρ.

Очень употребителен суффикс -ya, который уже в очень ранний период существования индоевропейского получил широкое развитие как самостоятельный суффикс, утратив в большинстве случаев связь с основами на -и. Способ образования этого суффикса становится ясным из таких примеров в санскрите, как ūgṃya- „струящийся“, sṛṇya- „снабженный серпом“, kavúya- „мудрый“, ávya- „овечий“, bhūmya- „земной“, upúya- „образующий вместилище“, aḡya- „ласковый, преданный, благочестивый“, в которых мы находим соответствующие основы на -и (ūgmī-, sṛñi-, kavī-, ávi-, bhūmī-, yūñi-, aḡi-). Возникший таким образом суффикс уже в ранний период получил широкое распространение, образуя прилагательные со значением „относящийся к чему-л., связанный с чем-л.“. У тематических основ этот суффикс заменяется тематическим суффиксом. Если взять такое слово, как aḡya- „относящийся к равнине“ (греч. ἄγριος „дикий“), то производное слово могло образоваться от древней основы среднего рода на -г (ager), от которой произошли скр. áḡa- и греч. ἄγρός. Именно каким-то таким путем выработался этот тип замены.

В производных словах на -ya в санскрите ударение может стоять на суффиксе или на корне: а) aḡya-, aḡiḡya- „передовой“, divúya- „божественный“ (ср. греч. δῖος), satúya- „истинный“, gāmya- „деревенский“, somúya- „относящийся к some“, gājya- „царский“ (лат. gēgius); б) áḡya- „относящийся к членам тела“, gāvya- „бычий“, páya- „мужественный“, jámbhya- „зуб-резец“ (греч. γομφίος), kṣámya- „земной“ (греч. χθόνιος), pítuya- „отеческий“ (греч. πατριος, лат. patrius), sūya- „солнце“ (греч. ἥλιος, ἥλιος), ványa- „относящийся к лесу“ и т. п.

Этот суффикс в сочетании с ударяемым корнем обычно употребляется для образования от глагольных корней прилагательных, функционирующих как герундивы: gūhya- „долженствующий быть спрятанным“, ūya- „тот, кому следует поклоняться“, yódhya- „тот, с кем следует сражаться“, hávya- „тот, кого следует призывать“, jáyua-, jéya- „долженствующий быть побежденным“, vāya- „долженствующий быть произнесенным“.

С самого раннего периода в большом количестве появляются производные в ступени *vṛddhi*: *ādityá-* „потомок Адити“, *grāivya-* „относящийся к шее“, *prājāpatya-* „относящийся к Праджapati“, *pañcajanu-* „относящийся к пяти народам“ и т. д.

В санскритском суффиксе *-ya* слились два суффикса. Их можно различить в Ведах, основываясь на метрике, из которой ясно, что есть односложное *-ya*, выступающее в таких словах, как *kavyá-* „мудрый“, *ávyu-* „относящийся к овце“, *ványu-* „лесной“ и т. д., и двусложный суффикс *-iya*, выступающий в словах *dāmiya-* „относящийся к дому“, *rāthiya-* „относящийся к колеснице“, *jāniya-* „относящийся к народу“, *viśīya-* „относящийся к общине“, *udāniya-* „водянистый“ и т. д. Суффикс *-ya*, рассмотренный выше, образовался на базе суффикса *-i* путем добавления тематического гласного, а *-iya* представляет собою более древнюю форму *-iNa*, и образовался он на основе суффикса *-iN > ī*. Поэтому эти образования мы рассматриваем в другом разделе в связи с этим суффиксом.

Небольшое количество тематических образований имеет суффикс *-i* в ступени *guṇa*: *śaśaya-* „обильный, частый“ (ср. *śaśiyas-* „более многочисленный“ и *śaśvant-*), *śuśmāya-* „усиливающийся“, *gavyaya-* „*Bos gavaeus*“, *sāpaya-*, *sanāya-* „старый“, *tāpaya-* „отпрыск, сын“, *kūpaya-* „бурлящий“, *dāśataya-* „десятикратный“ (: *daśati-* „десяток“); а также пара двойных образований: *hiranya-* „золотой“, *gavyaya-* „бычий“. Тот же тип суффикса встречается в других и. -е. языках: греч. χρύσεος „золотой“, лат. *aureus*, *igneus* и т. п.

Несмотря на то что суффикс прилагательных *-va* довольно употребителен, он все же не стал таким распространенным, как суффикс *-ya*, и во многих случаях видна его связь с суффиксом *-u* и другими производными от него. Примерами с ударением на конце являются: *ṛṣvā-* „возвышенный“ (Ав. *эгəšva-* „прямой, возвышенный“), *ūrvā-* „огороженное место“ (*vṛ* „окружать, покрывать“, первоначально прилагательное „огороженный“), *hrasvā-* „короткий“, *ūrdhvā-* „прямой“ (Ав. *эгədwa-*, лат. *arduus*), *takvā-* „быстрый“ (наряду с *tāku-*), *yahvā-* „молодой, самый младший“ (Ав. *yezivī ж*; наряду с *yahú-*—то же), *ṛkvā-* „поющий гимны“ (наряду с *ṛkvan-*, *ṛkvant-*—то же), *dhruvā-* „твердый“ (Ав. *drva-*, др.-перс. *diruva-* „крепкий, здоровый“), *malvā-* „глупый“, *śyāvā-* „темный“ (Ав. *syāva-* наряду с *śyāmā-* с суффиксом *-m*), *gaṇvā-* „веселый, которым можно наслаждаться“ (наряду с *gaṇvan-*), *jīvā-* „живой, живое существо“ (ст.-сл. *живъ*, лит. *gūvas*, лат. *vīvus*, оск. *bivus* им. мн.), *rakvā-* „сваренный; спелый“ (употребляемое как причастие прошедшего времени), *śarvā-* „имя божества“ (Ав. *saorva-* букв. „вооруженный *śaru-*“, что значит „дротик“), *gruvā-* „черпак“, *śikvā-* „искусный“ (наряду с *śikvan-*—то же), *khurvā-* „изувеченный“ (Ав. *kaurva-*—то же). В этих, наиболее многочисленных примерах сохраняется первоначальное ударение прилагательных. Небольшое количество слов имеет

ударение на корне: *ásva-* „лошадь“ (лат. *equus*, гот. *ai hwa°* и т. д.; ср. *ású-* „быстрый“), *sárga-* „весь“ (Ав. *haugva-*, греч. *ὄλος, ὄλος* и т. д.), *rīgva-* „прежний“ (ст.-сл. *рѣвъ*), *rīva-* „жирный“ (наряду с *rīvan-*—то же). Основа *kulva-* „лысый“ (лат. *calvus*) появляется только в сложном слове *atikulva-*.

Суффикс *-u* имеет ступень *guṇa* в словах: *agnavá-* „волнующиеся воды, поток, океан“, *keśavá-* „длинноволосый“ (ср. Ав. *gaēsav-* „волосы“), *rāvīrava-* „имеющий металлический сошник“ (*rāvīru-*), *vidhāvā* „вдова“ (лат. *vidua* и т. д.; ср. *vidhú-* „одинокий“).

В некоторых случаях *-va* приняло характер вторичного суффикса: *añjivá-* „скользящий“, *śantivá-* „благотворный“, *śradhdhivá-* „достойный веры“, *gājīva-* „полосатый, испещренный; голубой лотос“, *sacīva-* „товарищ; министр“.

Основы на *-u* иногда распространяются суффиксом *-i*: *ghṛṣvi-* „живой, веселый“ (наряду с *ghṛṣu-*—то же); другие основы на *-vi*: *dhṛúvi-* „твердый“, *dārvī-* ж „ковш, черпак“, *jāgrvi-* „бдительный“, *dādhrvi-* „поддерживающий“, *dīdivi-* „сверкающий“, *súśīsvi-* „хорошо растущий во чреве матери“, ср. *śīsu-* „ребенок“. Это присоединение суффикса *-i* известно и другим и.-е. языкам, в частности латыни, где все древние основы прилагательных на *-u* вытеснены основами на *-vi*: *levis* „легкий“ (скр. *laghú-*), *mollis* „нежный, мягкий“ (скр. *mṛdú-*), *brevis*, *gravis* и т. д.

Наоборот, *-u* присоединяется к суффиксу *-i*, образуя сложный суффикс *-yu*: *yāju-* „благочестивый“, *śundhyú-* „чистый“, *sāhyu-* „сильный“, *manú-* м „гнев“, *mṛtyu* м „смерть“ (Ав. *mṛgəbyu-*), *dāsyu-* „варвар“, *bhujyú-* „богатый“. В санскрите он развился главным образом как вторичный суффикс: *duvasyú-* „поклоняющийся“, *udanyú-* „орошающий“, *adhvaryú-* „класс жрецов“. Это *-u* стало специально употребляться с отыменными глагольными основами: *devayú-* „благочестивый“ : *devayāti* „он благочестив“ и т. д. и часто приобретает дезидеративное значение: *vasyú-* „желающий богатства“ и т. д. Этот словообразовательный элемент очень продуктивен в Ведах, но позднее он почти совершенно исчезает.

§ 17. Суффикс *-i* как соединительный гласный

Выше отмечалось, что при некоторых обстоятельствах суффикс *-t* принимал характер аугмента или специальной вставки между корнем и суффиксом (*kr-t-ya* „долженствующий быть сделанным“ и т. п.). В аналогичной функции очень широко применялся в санскрите и суффикс *-i*. Употребление *-i* как связующего звена между корнем и суффиксом или же между корнем и окончанием особенно часто при образовании глагольных форм. Индийские грамматиканы называют так используемое *-i* словом *iṭ*, и согласно их терминологии формы, принимающие это *-i*, называются *seṭ* (то есть „с *iṭ*“), а формы, не принимающие его, назы-

ваются *aniṭ* („без *iṭ*“). Эти два типа спряжения можно проиллюстрировать следующими примерами:

I. Настоящее время, корневой класс: *iṣiṣe*, *iṣidhve*, *iṣire*; будущее: *patiṣyāti*, *bhaviṣyāti*, *vardhiṣyāti*; аорист на *-iṣ*: *ārocīṣam*, *ājīviṣam*; желат. накл.: *jījīviṣāmi*; перфект: 1 л. мн. ч. действ. зал. *bubudhimá*, *tenimá*, 3 л. мн. ч. среди. зал. *bubudhiré*, *teniré*; страд. прич.: *śankitá-*, *lajjitá-*; герундий: *patitvā*, *yācitvā*; инф.: *várdhitum*, *yācitum*.

II. Настоящее время, корневой класс: *ātsi*, *vitsé*, *éṣeṣe*; будущее: *vakṣyāti*, *chetsyati*; аорист на *-s*: *ācchaitṣam*, *ādrākṣam*; желат. накл.: *dīdṛkṣati*, *vivitsati*; перфект: 1 л. мн. ч. акт. *śakṣmá*, *jaṅgbhmá*, 3 л. мн. ч. средн. зал. *yuṣujre*, *vividre*; страд. прич. *kṛtá-*, *drṣṭá-*; герундий: *chittvā*, *kṛtvā*; инф. *kārtum*, *drāṣṭum*.

Это *-i* также встречается в отыменных производных, иных, чем причастные или инфинитивные формы, приведенные выше. В именах деятеля на *-tar* оно выступает главным образом в соответствии с формами инфинитива и герундия: *yācitár*, *vardhitár* и т. д., в отличие от *kartár*, *draṣṭár* и т. д. Примерами сочетания *-i* с другими суффиксами служат: *prathimán-* „широта, ширина“, *khanitra-* „совок“, *gocīṣṇú-* „сверкающий“, *vádivas-* „широкое пространство“, *átithi-* „гость“ (в противоположность Ав. *asti-*), *draṣṭitnú-* „бегущий“ и т. д.

Невозможно сформулировать какое-либо простое общее правило, управляющее присутствием или отсутствием этого *i* в глагольном спряжении или в других случаях, но наблюдается общая тенденция употреблять формы *seṭ* в тех случаях, когда ожидается неудобное сочетание согласных (*partimá* и т. п.). Употребление этого *-i* становится шире в более позднем языке после Вед. Например, в Ведах встречается и *-te*, и *-ige* в 3 л. мн. ч. мед. перфекта, а классический язык знает только *-ige*; в более позднем санскрите основы на *-iṣya* составляют три четверти форм будущего времени, а в более древнем языке большая часть (пять девяток) еще образуется с простым *-sya-*. Так продолжается процесс, происходивший уже в доведическое время. Древнеиранский, хотя и близкий санскриту, обнаруживает очень мало таких образований, из чего становится ясным, что в общем широком применении *-i-* в глагольном спряжении есть специфическое индоарийское явление. Масштаб его распространения явно связан с характерной тенденцией индоарийского языка, заметной уже с самого начала, — освободиться от групп согласных.

Сначала *-i* в глагольном и именном словообразовании там, где оно существовало, оправдывалось этимологически, то есть это должно было быть обычное сочетание суффикса *-i* с другими суффиксами. Ряд таких суффиксов, содержащих *-i*, мы уже перечисляли: *-iṣ*, *-iṣa*, *-iga* и т. д. Они образовались на базе суффикса *-i* тем же путем, как суффиксы *-uṣ*, *-uṣa*, *-uga* и т. п. образовались на основе суффикса *-u*. Суффиксы, образующие глагольные основы, — те же, что и в соответствующих именных

основах. Например, основа аориста на *-iṣ* в *árocīṣam* выступает также в существительном *rocīṣ-* „свет“. Поскольку *rocīṣ-* „свет“ есть расширение более простой основы на *-i*, представленной в *rocī-*, *rucī-*, то и глагольная основа также восходит к основе на *-i*. Точно так же в буд. вр. суффикс *-sya* образован от основы на *-s* с добавлением к ней деноминативного *-yá* (основы *vakṣyáti* и пр. отличаются только по апофонии от деноминативов типа *patasyáti*). Подобным же образом буд. вр. на *-iṣya* базировалось на основе на *-iṣ*. Что же касается формы основы, то *bhaviṣyá* и т. п. являются точными параллелями отыменных производных на *-uṣyá* (*uruṣyáti*, *vanuṣyáti*), и ясно, что в Ригведе ряд таких образований следует классифицировать как отыменные производные. Таковы *aviṣyáti*, *saniṣyáti*, имеющие наряду с этими именными формы (*aviṣyā*, *aviṣyú-*, *saniṣyú-*), которые обычно связывают с отыменными образованиями, а не с формами будущего времени.

Те причастия на *-ita*, где это *-i* можно считать первоначальным, инкорпорировали суффикс *-i*, выступающий в других случаях во флексии, присоединяемой к корню. Так было, например, в слове *sitá* „связанный“ (*sā-* „связывать“), где суффикс *-i* так часто присоединяется к корню, что простой корень (аор. *ásāt*) стал сравнительно редок; например, *s-yáti* „связывает“, *s-é-tave* „чтобы связать“, *siṣāya* „связал“. Окончание *-ita* в причастиях от других корней на *-ā* (*śitá-* „острый“, *ditá-* „связанный“, *sthitá-* „стоявший“) — того же происхождения. Причастие от каузативных глаголов и глаголов десятого класса (*gamitá-* : *gamáyati* и т. п.) включает в себе суффикс, употребляющийся при образовании форм настоящего времени, и данные сравнительной грамматики показывают, что это явление древнее (ср. гот. *gatarhiþs* : *gatarhjan*; *wasīþs* : *wasjan* и т. п.). Та же связь наблюдается между причастиями на *-ita* и формами наст. вр. глаголов четвертого класса (*kuritá-* : *kúryati*, ср. лат. *cupio*, *cupitus*) или формами наст. вр. на нетематическое *-i* (*stanitá-* : *stanihi*, ср. далее *stanayitnú-*, *tanyatú-*, ст.-сл. *stǣnъ* и т. д., где ясно преобладание суффикса *-i* с этим корнем). Сходное инкорпорирование суффиксального *-i* наблюдаем в *ádbhuta-* и *ánatidbhuta-* от корня *dabh-* (наст. вр. *dabh-p-ó-ti*).

Таким же образом мы можем объяснить наличие *-itar* наряду с *-tar* в именах деятеля: *mṛḍitár-* „тот, кто прощает“, ср. *mṛḍáyati*, *mṛḍayáku-*, *mṛḍiká-* (Ав. *mərəždika-*), *panitár-* „тот, кто восхваляет“ (ср. *panáyati*, *panāyáti*, *paniṣta* — аор., *panayāya*, *pāniṣti-*); также *vardhitár-* : *vardháya-*, *coditár-* : *codāya* и т. д. Этот процесс иллюстрируется и сходным явлением в связи с суффиксом *-i*. Имена деятеля *tarutár-* „победитель“, *dhanutár-* „бегающий быстро“ и *sánutar-* „достигающий“ инкорпорировали суффикс *-i*, который выступает в наст. вр. (*tarute*, *tūrvati*; *dhánvati*; *sanóti*) и в других местах (*táruṣa-* и т. п.).

Из этих примеров ясно, что в значительном количестве глагольных форм и именных производных *-i* этимологически оправ-

дывалось, и анализ таких случаев не отличается от анализа любых других форм, содержащих сложные суффиксы. Индоарийский лишь распространил употребление *-i* на глагольные производные в большом масштабе, базируясь на небольшом количестве таких форм.

Аналогическое *-i*, ставшее впоследствии столь употребительным, уже не поддается обычному анализу и приобретает характер соединительного гласного или эвфонического аугмента.

По своему происхождению *-i*, выступающее в чередующихся формах некоторых окончаний (*part-imá* наряду с *sakṛ-má* и т. п.), было также суффиксальным. Есть несколько нетематических форм наст. вр. с *-i* (*sváṇṇīti*, *śvāsīti*, *āṇīti*, *jakṣīti* и т. д.) с параллелями в других языках (лат. *capīb*, *capīs*, *capīt* и т. д.). Все они дефектны, и так как они более не образуют полной системы настоящего времени, их относят к корневому классу, а *i* считается соединительным гласным. Имеются также разрозненные формы прошедшего времени (*ajāyit*, *bādhithās*, *atāṛima*, *avādiran*, *asth-ithās*, *asthiran* и т. д.), которые были включены в аорист на *-iṣ*. Этот тип спряжения базируется на основе на *-i*, как ведическое *tarute*—на основе на *-u*, так что по своему происхождению *-i* здесь не отличается от суффиксального *-i* в других случаях. Но оно приняло характер распространения окончания, и таким образом этот тип окончания был перенесен на перфект. Основа перфекта базируется только на корне, так что наличие *-i* в окончании перфекта можно объяснить исключительно как заимствование из форм настоящего и прошедшего времени вышеприведенного типа, где присутствие этого *-i* оправдывается этимологически (*bubudhimá*, *dadimá*; *bubudhiré*, *dadhiré* и т. д., по образцу *atāṛima*, *śīṣire* и т. д.).

§ 18. Суффиксы *-ā*, *-ī*, *-ū*

Суффикс *-ā* имеет две функции. С одной стороны, он образует формы женского рода прилагательных на *-a* (*bāla-m* „мальчик“, *bālā-ḥ* „девочка“), а с другой—он выступает как самостоятельный словообразовательный суффикс, образующий имена действия, абстрактные имена и т. п. Наличием двух функций—адъективной и неадъективной—он сходен с суффиксами, рассмотренными выше, но отличается от них тем, что в своей функции образования прилагательных он ограничен образованием слов женского рода. Это есть результат специализации, поскольку в древнейший период индоевропейского языка категория женского рода отсутствовала; вследствие такого развития адъективного *-ā* имена действия—которые, надо сказать, не отличались от обычных имен среднего рода (*ā*, т. е. *-aH*, как *-as*, *-ag* и т. д.)—приняли женский род.

Приведем примеры имен действия и других имен, оканчивающихся в санскрите на суффикс -ā : kṛīḍā „игра“, dayā „жалость“, pīndā „упрек“, śaṅkā „сомнение“, hīṃsā „вред“, kṣamā „терпение“, bhāṣā „речь“, sevā „служба“, sṛṅhā „желание“, śākhā „ветвь“, śīphā „кнуто“ (ср. Ав. sif- „бить кнутом“), āśā „направление“, ukhā „горшок“, ulkā „метеор“, vepā „страстное желание“, kṣarā „ночь“, chāyā „тень“ (ср. греч. σκιά), jagā „преклонный возраст“, doṣā „вечер“, gasā „влага“ (ст.-сл. роса, лит. gasà „роса“). Твердого правила ударения в таких словах нет, но чаще всего ударение стоит на конце слова; в соответствующих греческих формах (γούγ и т. п.) конечное ударение является правилом. Старое общее правило распределения ударения, очевидно, уже давно перестало действовать в этом классе слов.

Суффикс -ā присоединяется к другим первичным суффиксам обычным путем, образуя ряд сложных суффиксов: -nā: tṛṣṇā „жажда“, ūṅṇā „шерсть“ (Ав. varṅnā, лит. vilna и т. п.); -anā: jagāṇā „преклонный возраст“, aṅhāṇā „ценность“, kapaṇā „гусеница“ (ср. греч. κάμπη — то же); -gā: sūgā „крепкий напиток“, tāmisrā „темнота“, -sā: manīṣā „мысль, мудрость“; -vā: jihvā „язык“ (Ав. hizvā), grīvā „шея“ (ст.-сл. грива), āmivā „болезнь“, arvā „род болезни“, dūgvā „род травы“; -yā: jāyā „жена“, māyā „магическая, сверхъестественная сила“, ityā „течение“, vidyā „знание“, kṛiyā „действие“, samajyā „собрание“ и т. д.; -tā: kṣṇatā „чернота“ и т. д., и т. п.

Суффикс -ī употребляется также для образования форм женского рода прилагательных, главным образом от согласных основ. Кроме того, имеется небольшое число первичных имен действия и т. п. Таковы: а) склонение типа devī: śācī „мощь“, śāmī „святое дело“, tāviṣī „сила“, āsandī „табурет“; б) склонение типа vṛkī: padī „река“, dehī „стена, насыпь“, starī „яловая корова“ (греч. στειρά), sūrmī „труба“, sṛṅī „серп“, palālī „солома“, sphigī „бедро“, nāndī „радость“, atharī „пламя“, oṅī „грудь“, kṣoṅī „наводнение“, khārī „мера“, cakrī „колесо“, tandrī „лень, усталость“, tarānī „жара“, lakṣmī „отметка, благоприятная примета, удача“, tarī „паром“, tantrī „веревка“.

Суффикс -ū употребляется для образования форм прилагательных женского рода от основ на -u (альтернативно выступают основы на -vī или же основа без всяких изменений в качестве формы женского рода), например tapū „тонкая“, phalgū „красноватая“, babhṛū „коричневая“, соответствующие формам мужского рода tapū-, phalgū-, babhṛū-. Этот суффикс образует также небольшое число самостоятельных существительных: samū-, „блюдо“, tapū- „тело“, vadhū- „невеста“, kadrū- „сосуд для сомы“, jatū- „летучая мышь“, dhanū- „песчаный берег“, nabhanū- „колодец“, śvaśrū- „свекровь“ (ст.-сл. свокры, лат. socrus).

Санскритское -ā этого суффикса в индоевропейском распадается в конечном счете на тематический гласный + Н. Аналогично -ī и -ū представляют -i-Н и -u-Н. В этой форме становится

ясным параллелизм этих трех суффиксов трем суффиксам на -s: -as, -is, -us. Простым суффиксом является -aH, который, как и суффикс среднего рода -as, выступает в ступени *guṇa*, а в сложных суффиксах -iH и -uH древние основы среднего рода на -i и -u распространены суффиксальным -H так же, как в сложных суффиксах -is и -us они распространены s. Таким образом, *śāmi* ж является расширенной формой *śāmi* ср (нескл.) (ср. соотношение *arśi-* и *arśiṣ-* и т. п.), а *dhanī* ж „песчаный берег“ наряду с *dhānvan-* ср и *dhanuṣ-* ср являются чередующимися расширенными формами от *dhānu-* — то же (ж. род, первоначально ср. род). Эти два сложных суффикса иногда выступают в ступени *guṇa* (*vāṭuā* „вихрь“, *jīhvā-* „язык“), как это бывает у других сложных суффиксов: *vāṅivas* и т. д. Близкое сходство в функции между суффиксами -H и -s в образовании первичных имен действия видно в многочисленных примерах, где оба они встречаются параллельно в словах с одним и тем же значением: *tānā*, *tānas-* „отпрыск“, *jarā*, *jarās-* „преклонный возраст“, *tanī*, *tānuṣ-* „тело“, *dhanī-*, *dhānuṣ* „песчаная отмель“ и т. д. Как и другие первичные суффиксы среднего рода, это -ā не имеет специфического значения, и основы на -ā часто встречаются рядом с корневыми существительными, так что это добавление ничего не меняет в значении слова: *kṣār-*, *kṣārā* „ночь“, *tān-*, *tānā* „потомок, отпрыск“, *diś-*, *diśā* „направление“ и т. д.

Имена действия на -ā, -ī, -ū образуются точно так же, как имена действия среднего рода с другими суффиксами, но отличаются от них тем, что относятся к женскому роду. Поскольку категория женского рода развилась в индоевропейском сравнительно поздно, следует предположить, что эти основы первоначально относились к среднему роду. Прямым свидетельством этого являются формы множественного числа среднего рода типа *uṅā*. Это -ā не что иное, как суффикс -ā, употреблявшийся (как и некоторые другие суффиксы среднего рода) с собирательным значением и в конце концов со значением множественного числа. В таком употреблении этот суффикс продолжает сохранять неразличение форм именительного и винительного падежей, что характерно для основ среднего рода. Причиной перехода таких имен действия в женский род послужила специализация этих суффиксов в их адъективной функции на образовании форм женского рода, и имена действия вследствие сходства с ними по форме в конце концов также перешли в женский род.

Мы видели, что обычно ударение в именах действия среднего рода было на корне. Слабый след общей системы ударения сохраняется в образовании этих основ. Ударение основ на -ā непостоянное, в чем видно то же отсутствие правил, которое мы наблюдали в основах на -i. Существительные на -ī и -ū имеют постоянное ударение на конце. Это ударение находится в полном противоречии с общим правилом, но апофония при слабой ступени

суффикса и обычно ступени *giça* корня (*tanī-*, *dehī-*) показывают, что это явление не первоначальное; только корневое ударение может объяснить такие формы, как и.-е. *tēnuH* и т. п. Параллельное смещение ударения наблюдалось в основах на *-iș* (*havīș* и т. п.).

Есть тенденция заменять другие суффиксы среднего рода суффиксом *-n* или же добавлять его к этим суффиксам. И здесь есть следы этой древней системы. Слову *kaṇuā* „девушка“, Ав. *kaīnuā*, соответствует в Авесте род. ед. *kaīniṇō*, относящееся к нему так же, как скр. *śiṛṣṇās* к *śiras*. В санскрите эта форма основы встречается в ведическом род. мн. *kaṇīṇām*. Это *-n* нормально в род. мн., и согласие между санскритом и германским (др.-в.-нем. *gebōno*, др.-сев. *gipōno*) указывает, что это *-n* в основах на *-ā* восходит к индоевропейскому. По-видимому, это *-n* есть гетероклитический суффикс *-n*, обобщенный для родительного падежа множественного числа, но исчезнувший в других случаях, хотя Ав. *kaīniṇō* показывает, что первоначально оно могло выступать и в других падежах.

От основ на *-ā* образуется ряд наречий так же, как от основ среднего рода с другими суффиксами, о чем шла речь выше. Таковы: *sādā* „всегда“, *purā* „прежде“, *dvitā* „также, равным образом“, *mṛṣā* „лживо“, *sācā* „с“, *devātā* „среди богов“, *sasvātā* „тайно“. В этот класс входят абсолютивы на *-tvā* и *-tvī* (см. выше, § 14, стр. 163).

В адъективной функции эти суффиксы служат в основном для образования форм женского рода прилагательных: *pāvā* „новая“, *devī* „богиня“, *madhī* „сладкая“ и т. д. Это результат специализации в поздний индоевропейский период. Следует предположить, что первоначально суффиксы прилагательных *-ā*, *-ī*, *-ū* наравне с другими суффиксами, служащими для образования прилагательных, были нейтральны по отношению к роду и находились в обычной связи с именами действия. Следы более широкого употребления основ на *-ā* в качестве имен деятеля есть в ряде языков, сохраняющих еще некоторое количество имен деятеля мужского рода на *-ā*: лат. *scriba*, *agricola*, *pauta*, греч. *υάτης*, *πολίτης*, ст.-сл. *слуга* и т. д. В индоиранском языке этого типа полностью утрачены, но в ведическом языке имеется ряд основ мужского рода на *-ī*, из которых наиболее употребительным словом является *rathī-* „возница“, а также два редких и неясных по смыслу имени мужского рода на *-ū* (*prāśū-*, *kṛkadāśū-*). Это остатки более древней системы, в которой прилагательные и имена деятеля общего типа могли образовываться при помощи этих суффиксов тем же способом, что и с другими суффиксами.

Некоторое свидетельство того, что первоначально существовало формальное различие между именами действия и прилагательными этого класса, представляет наличие в ведическом языке двух типов склонения основ на *-ī*. Один тип представлен в склонении слова *rathī-*: им. ед. *rathīs*, род. ед. *rathīyas*, а другой --

в склонении слова *devī-*, им. ед. *devī*, род. ед. *devyās*. Это различие точно соответствует различию между двумя типами основ на *-ī* и *-u* (род. ед. *ávyas*, *mádhvas* : *agnés*, *bahós*). В отношении основ на *-ī* и *-u* есть достаточно оснований считать, что один тип был склонением, свойственным именам действия среднего рода, а другой—специальным склонением прилагательных. Поэтому вероятно, что то же самое является причиной различия в склонении основ на *-ī*. Большое количество имен женского рода, образованных от прилагательных и имен деятеля (*devī* „богиня“, *ṛṭhvī* „широкая“, *adati* „поедающая“, *jaḡmúṣī* „ушедшая“, *pávīyasī* „более новая“, *avitrī* „помощница“, *dhenumátī* „имеющая коров“, *ánavatī* „сильная“, *saṃṛājñī* „владычица“, *ṛtāvāṛī* „благочестивая“ и *ápatighnī* „не убивающая своего мужа“ иллюстрируют различные типы), склоняются по типу, являющемуся, согласно этой теории, типом склонения прилагательных. Слабая основа в им.-вин. ед. параллельна соответствующим типам основ на *-ī* и *-u*. Происхождение этого различия не ясно, но как и у основ на *-ī* и *-u*, по-видимому, более ранняя форма основ прилагательных сохраняется в род. ед. и т. д.

К основам типа *vṛkī* относятся как имена действия, так и имена деятеля, а также отдельные имена женского рода. По склонению (*gathī*, род. ед. *gathīyas*) и типу ударения последние очень близки к прилагательным на *-in* (*balī*, *balīnas*). Относительно последнего типа было замечено, что обобщение слабой ступени основы (из род. ед. и т. д., которая первоначально имела суффиксальное ударение)—явление вторичное, и материалы сравнительного анализа показали, что обычным типом были формы им. ед. с *vṛddhi*. Возможно, что тот же тип обобщения слабой основы имел место при основах *gathī*, *vṛkī* и т. п. В Авесте сохранились следы более древнего типа склонения: так, слово, означающее „язык“, склоняется следующим образом: им. ед. *hizva*, вин. ед. *hizvaṃ*, твор. ед. *hizvā*, род. ед. *hizvō*, местн. ед. *hizvō*, твор. мн. *hizubiš*. Это явно тот же тип склонения, с которым мы встречаемся в словах *dātā*—дат. ед. *dātré*, *sákhā*—дат. ед. *sákhye*, *ukṣán-*—род. ед. *ukṣnás* и т. д., со слабой формой суффикса в косвенных падежах. Как было отмечено выше, есть два типа склонения прилагательных: первый—с той же формой в слабых падежах, что и у имен среднего рода (*dātré* и т. п.), другой—с сильной ступенью суффикса и слабой формой окончания по типу родительного падежа (Ав. *pitarš*, скр. *agnés* и т. п.). Оба эти типа встречаются у основ на *-ī* (*sákhye* : *agnáye*), а среди основ на *-ī* они представлены соответственно словами *vṛkī* (род. ед. *vṛkīyas*) и *devī* (род. ед. *devyās*). Самый древний тип склонения выступает в основе на *-vā/-ū* *hizva* /*u* в Авесте. Если не принимать во внимание гетероклитическое *-n-*, то тот же тип склонения представлен в Ав. *kainya*, род. ед. *kainīṇō* и в скр. *kaṇuā*, род. мн. *kaṇfnām*. В других случаях обобщена слабая основа, как в *balī*, *balīnas*, но могла быть обобщена и сильная форма, и

в этом случае происходит переход к склонению на -ā: *jihvā*, *jihvāyās*.

Прилагательное *mahā* „великий“ остается в санскрите единственной основой прилагательных на ā неженского рода; оно является дефектным. Кроме сложных слов, где эта основа продолжает употребляться в классическом санскрите, она выступает только в Ведах в форме вин. ед. м. р. *mahām*. Род. ед. и т. д. уже имеют форму *mahās* и т. д. Другие и.е. языки обнаруживают в этом корне *g* (греч. μέγας), и санскритское *h* (< ḡh) объясняется сочетанием с тем *h*, которое первоначально принадлежало суффиксу. Поэтому первоначальная форма родительного падежа была *meḡ-N-és* с ударением на конце и ослаблением суффикса прилагательного (ср. *ukṣpās* и т. д.). Помимо тематических и других производных, о которых речь будет ниже, это единственный случай, где это -ā, то есть -aH суффикса, выступает в своей слабой форме. В других местах сильная форма общена как для имен действия, так и для прилагательных, между которыми нет формальных различий. В среднем роде ед. ч. этого прилагательного употребляется основа *māhi* с дополнительным суффиксом -i (*meḡ-N-i*, ср. хетт. *mekki*).

К суффиксу -aH (ā) могли добавляться тематический гласный и другие гласные суффиксы, так что при отсутствии ударения он ослаблялся до *h*. Это *h* сохраняется в санскрите в форме придыхания предшествующего смычного. Так, *caturthā* „четвертый“ можно объяснить как *caturtā (< °aH) „четверка, группа из четырех“ + суффикс прилагательных -ā, то есть „нечто, относящееся к четырем, четверке“. Сходным путем *rātha* „колесница“ образовано добавлением тематического суффикса к *rotaH > лат. *rota* „колесо“. В этом слове, которое было первоначально прилагательным „колесный“, ударение было передвинуто на корень, как и во многих других субстантивированных прилагательных (*vīka* „волк“ и др.). Передок и сложный суффикс -*tha* из -*t-N-a*: *ārtha* ср „предмет, цель“, *vārūtha* ср „защита“, *yajātha* „почитание жертвоприношением“, *vakṣātha* м „рост“, *śapātha* м „проклятие“, *sacātha* м „товарищество“, *śravātha* м „течение“, *ucātha* ср „произнесение“, *vidātha* ср „поклонение“; с ударением на конце: *gāthā* м „песнь“, *bhṛthā* „приношение“; среднего рода: *ukthā* „произнесение“, *tīrthā* „брод“, *yūthā* „стая, стадо“, *rikthā* „наследство“. Большинство этих форм, по-видимому, принадлежит к классу тематически распространенных имен действия, образованных точно так же, как *nākṣatra*-, *pātatra*-, *vādhatra*- и т. п., см. выше (§ 7). Существительные с ударением на конце, по-видимому, являются по происхождению прилагательными, например *rikthā* „то, что оставлено“. *th* в суффиксах -*thi* (*ātithi* „гость“ и т. п.) и -*thu* (*verāthu* „дрожь“ и т. п.) является также же сочетанием суффиксов -*t* и -*N*, ср. -*tri*, -*tru*.

Другими примерами придыхания в связи с этим суффиксом являются: *sākhi* „друг“ от *sac*- „соединять“ (простой суффикс

-aH > -ā в *sācā* „с“); *ma'khā-* „счастливым, ликующий“ — из *ma-kaH, которое следует сопоставить с греч. *μάχος* (древнее существительное среднего рода, переосмысленное как прилагательное) с другим суффиксом, -г; *pa'khā-* „погошь“, где в конечном счете и *k* и *H* являются суффиксальными, поскольку в других языках выступает вариант *g* (лат. *unguis* ч т. н.); *śaṅkhā-* „раковина“, греч. *κόχχος* (ударение как в прилагательных, с первоначальным значением „искривленный, свернутый кольцом“); *śarhā-* „копыто“ („то, что бьет“, ср. греч. *κόβατο* и слав. *копыто*); *sindh-* „река“ из *sind-H-u-*, ср. *syand-* „течь“; *sādhiṣ-* „место, местопребывание“ из *sad-H-is-*: *sad-* „сидеть“; *aghā-* „злой, дурной“, возможно, из *āgaH, наряду с *āgas*, греч. *ἄγος* „грех“.

§ 19. Другие суффиксы

Из остальных суффиксов наиболее важным является суффикс -ка. В других индоевропейских языках элемент *k* может появляться как нетематический суффикс: лат. *senex* „старик“, греч. *μεῖραξ* „паренек, девушка“. Это исчезло в санскрите, где есть соответствующие этим формам тематические основы *sanakā-* „старый“ и *maṅgakā-* „молодой человек“. В санскрите этот суффикс изредка появляется в первичных образованиях; таковы *śūṣka-* „сухой“ (Ав. *huška-*), *ślōka-* „зов; слава; стих“ (:śṛu- „слышать“) и *ātka-* „покрыв, плащ“ (Ав. *adka-*). Обычно этот элемент присоединяется после гласных суффиксов, особенно после тематического гласного. Этот последний тип редок в других и.-е. языках, но в санскрите он встречается чрезвычайно часто. Примерами служат *dūrakā-* „дальний“, *vaṅgakā-* „муравей“, *arbhakā-* „маленький“, *kumāgakā-* „маленький мальчик“, *putrakā-* „маленький сын“. Часто это просто распространение, ничего не прибавляющее к значению слова, но в некоторых случаях оно сообщает уменьшительное значение, как видно из последних двух примеров. Реже оно употребляется для образования прилагательных из существительных: *āntaka-* „конечный“, *gūrakā-* „имеющий вымысленную форму“. Другие гласные суффиксы распространяются сходным образом: *avikā* „овца“ (ст.-сл. *овця*, *mṛṣīkā-* ср. „мягкость“, *dhēnikā* „корова“, *ghātuka-* „убивающий“, *jatūka* „летучая мышь“. Реже оно добавляется к согласным суффиксам: *aṅīyaskā-* „более тонкий“, *mastīṣka-* „мозг“, *vikṣīṇatka-* „разрушающий“. Сочетание женского рода -ika вышло за свои первоначальные границы (*avikā* „овца“ и т. п.) и стало выступать в образованиях женского рода к формам мужского рода на -aka: *kumāgakā-* „маленький мальчик“, *kumārikā* „маленькая девочка“.

В словах *māgīcī-* „луч света“ и *śvitīcī-* „яркий“ суффиксальное *k* палатализуется, так как за ним следует *i*. В небольшом количестве слов за *k* следует -u: *pṛḍaku-* „водяная змея“ и *yuvāku-* „принадлежащий вам двоим“.

Суффиксу *k* в языках *centum* в санскрите чаще всего соответствует звук *ś*. Но такое *ś* выступает в этом суффиксе чрезвычайно редко, например: *yuvaśá-* „молодой“ (лат. *juvencus*), *goṃāśá-* „волосатый“, *babhuśá-* „коричневый“, *karīśá-* „краснобурый“.

Звонкий гуттуральный, палатализованный в *j*, выступает в следующих тематических образованиях: *dhr̥ṣáj-* „смелый“, *śapáj-* „старый“, *bhīṣáj-* „врач“ (ср. Ав. *biš, biṣaz-*), *śgáj-* „венок“ (ср. *grātisaga-* и лат. *sero*), *ṭṣṇáj-* „жаждущий“, *śsvarna-* „неспящий“; со слабой формой суффикса: *uśij-* „одна из категорий жрецов“ (Ав. *usig-*), *vanij-* „купец“, *bhūrij-* „ножницы“, *sphij-* „бедро“ (:ср. *sphuyá-* „плоский ковш“). В именных формах *ṭṣṇáj-* и *śsvarna-* мы имеем то же суффиксальное сочетание, что и в образовании форм глаголов седьмого класса.

Тематическое *-ga* встречается редко, например в *śfūga-* ср. „рог“ (ср. лат. *cornu*), *vāṃsaga-* „бык“ (неясной этимологии), *paṭaga-*, *paṭaṅgá-* „птица“.

Суффиксальное *d* встречается в небольшом количестве атематических образований: *dṛṣád-* „камень“ (ср. греч. *δαίρας*), *darad-* „утес, ущелье“ (тематич. *darada-* „Дард“), *śarád-* „осень“ (ср. Ав. *śarəd-* „год“), *bhasád-* „задний“, „огузок“, *vanád-* „желание“, *kaśúd-* „вершина“ (ср. *kaśu-bh-*—то же, с другим суффиксом). Оно выступает в сочетании с *n* в слове *śadandi-* „постоянный“ (ср. *-nd-* в лат. герундиве).

Суффикс *-gh/-h* также чрезвычайно редок. Он встречается в *dirghá-* „длинный“ (ср. греч. *δολιχός*; хетт. *dalugaš*; заметим, что ему предшествуют три различных суффикса в трех языках: в хеттском—*u*, в греческом—*i*, в санскрите *H*, то есть *dj-H-ghó-*). Корень выступает без суффикса в ст.-сл. *длинн*). Другими примерами являются слова *vaṅghá-* „боров“ (:Ав. *vaṅga-*; корень в лат. *verges* и т. д.), *śarāgh-* „пчела“, а в сочетании с *g* этот суффикс выступает в слове *śīghrā-* „быстрый“ (: *śībham* нареч. „быстро“, с другим суффиксом).

Суффиксальное *-dh* встречается в нескольких сочетаниях. Суффикс *-dhra* выступает в *vārdhra-* „плеть“ (: *varatrā*—то же); этот суффикс обычен в некоторых других и.-е. языках. Сочетание *-dhyu-* появляется в таких инфинитивах, как *gāmadhyai* „идти“, *bhāradhyai* „нести“, *sāhadhyai* „преодолевать“ и т. п. (около тридцати пяти случаев).

Суффикс *-ra* встречается в нескольких редких случаях, как *yūra-* „жертвенный столб“ (*yu-* „прикреплять, соединять“, ср. *yūthá-* „стадо“ для *ū*) и *stūra-* „чуб, хохолок“ (ср. *°stu* и *stūka*—то же).

Атематическое *-bh* выступает в *kaśubh-* „вершина“ (ср. выше *kaśu-d-*), а тематическое *-bha*—в небольшом количестве существительных, главным образом в названиях животных: *vṛṣabhá-* и *ṛṣabhá-* „бык“, *gardabhá-* „осел“, *rāśabhá-*—то же, *śalabhá-* „саранча“, *sthūlabhá-* „большой“. Специализация этого суффикса в названиях

животных известна также и в других и.-е. языках: греч. ἔλαφος „олень“, ст.-сл. голъбъ и т. д.

Этим завершается перечень санскритских и индоевропейских суффиксов. Как мы увидим, все индоевропейские согласные могли употребляться как элементы суффиксальной системы.

§ 20. Vṛddhi в словообразовании

Используя vṛddhi, санскрит развил систему словообразования, совершенно не известную индоевропейскому праязыку*. Vṛddhi употребляется в связи с рядом суффиксов, которые могут функционировать также и без vṛddhi и как таковые нами уже рассматривались. Использование vṛddhi есть особенность вторичного в отличие от первичного словообразования. В более древнем языке встречаются чередующиеся формы без vṛddhi. Так, суффикс -а (обычно стоящий под ударением), образующий прилагательные на основе древних суффиксов среднего рода, может выступать с vṛddhi, например tāṇuṣa- „относящийся к мужчинам, мужчина“ рядом с tānuṣa- „мужчина“ и vāruṣa- рядом с vāruṣa- „красивый“—от varuṣ-. Этот тип словообразования можно проиллюстрировать несколькими примерами соответственно различным суффиксам.

Суффикс -а: āṅgirasá- „произошедший от Ангирасов“, māruta- „относящийся к Марутам“, mānavá- „человеческий; человек“, jāitra- „победный“, auśijá- „относящийся к жрецам, называемым uśij-“, māṅḍī-ká *ср* „милосердие“.

Суффикс -ya: daívyā „божественный“, saṃyúá- „относящийся к коме“, vāyavyá- „принадлежащий ветру“; отвлеченные существительные среднего рода: pālitya- „серость“, ārtvījya- „жреческая обязанность“.

Суффикс -i: Āgniveśi- „потомок Агнивещи“, Paṅrukutsi- „потомок Пурукутсы“. Этот тип словообразования почти полностью ограничивается патронимическими именами.

Суффикс -āyana: патронимические имена Kāṇvāyana-, Dakṣāyana- и т. д.

Суффикс -īya: pārvatiya- „горный“. Этот тип фактически относится к более позднему языку.

Суффикс -ka: māmaká- „мой“, āvaśyaka- „необходимый“, vāśantika- „весенний“, dhārmika- „религиозный“ и т. д.; этот тип относится главным образом к более позднему языку, и невозможно привести ведических примеров из Ригведы**.

Суффикс -eya: ārṣeyá- „потомок мудреца“, Jānaśruteyá- „сын Джанашрути“, vāsteya- „относящийся к мочевому пузырю“ (vasti-), rāṅguṣeya- „относящийся к человеку“.

С другими суффиксами vṛddhi в словообразовании встречается крайне редко; таковы āgnīdhra- „принадлежащий жрецу—зажигателю огня“ (agnīdh-) и āśvīna- „езда верхом в течение суток“.

Точные подробности развития такого употребления *vṛddhi* несколько туманны, но имеющиеся материалы дают возможность сделать некоторые наблюдения. Процесс этот начался в поздний индоиранский период, быстро развивался в доведический период индоарийского и продолжал усиливаться на протяжении исторического развития санскрита. Полное отсутствие каких-либо образований такого рода в индоевропейских языках помимо индоиранского доказывает, что рассматриваемое явление ограничивалось этими языками, а тот факт, что в древнеиранском языке примеры такого *vṛddhi* крайне редки, указывает на то, что в период разделения индоарийского и иранского этот тип словообразования только зарождался. Примерами из иранского являются др.-перс. *mārgava-* „житель Маргианы“ от *mārgu-* „Маргиана“, Ав. *āhūiri-* „принадлежащий Ахуре“, *āhūirya-* „сын принца“ от *ahura-*, *māzdayasni-* „принадлежащий к маздаийаснийской религии, хштваенуа-„потомок Ксштави“. Три суффикса, *-a*, *-i* и *-ya*, выступающие с *vṛddhi* в этих иранских примерах, чаще всего встречаются в аналогичных случаях и в санскрите, а суффикс патронимического имени *xštāvaēnu* родствен суффиксу *-āyana*, образующему патронимические имена в санскрите.

Отправную точку этого словообразовательного *vṛddhi* следует искать в древнем индоевропейском фонетическом *vṛddhi*, которое иногда встречается в корневом слове существительных первичного образования. Примеры этого уже приводились — это *rājan-* „царь“, *bhārgan-* „бремя“, *vāsas-* „одежда“, *dāru-* „древесина“, *sānu-* „верхушка“, *grāhi-* „захват“ и т. п. Изучая некоторые из более древних случаев *vṛddhi* при словообразовании, можно заметить, что *mānavá-* „мужчина“, *kāvuyá-* „имеющий качества *kavi-*, мудрец“, *ārya-* „ариец“ и *pādyá-* „рожденный от реки“ и сходные формы, которые с точки зрения санскрита обнаруживают *vṛddhi* вторичного словообразования, по форме не отличаются существенно от таких слов, как *dānavá-* „демон“, *bhāvuyá-* „то, что должно свершиться“, *vārya-* „то, что должно быть избрано“ и *ādyá-* „то, что должно быть съедено“, которые классифицируются или как первичные образования, или же (как *dānavá-* и т. п.) производятся от первичных образований с фонетическим *vṛddhi*. Подобным же образом скр. *vāsagá-* „утренний; дневной“, казалось бы, содержит словообразовательное *vṛddhi* (ср. *vasar^o*), но в других индоевропейских языках мы видим долгий гласный в первичном существительном среднего рода (греч. *εἶαρ* < *wēsǵ и т. д.). Можно предположить, что первичные образования с *vṛddhi* типа *dāru-*, *nābhi-* первоначально были употребительней и что формы типа **mānu-* существовали как чередующиеся в парадигме с *mānu-* и т. д.; и что после того, как ступень *giṇa mānu-* и т. п. в конце концов была обобщена в большинстве простых образований, остался класс тематических производных, образовавшихся на базе устарелых основ с *vṛddhi*, то есть *mānavá-* наряду с *mānu-*. Это ядро

с чередованием *giṇa* в первичных и *vṛddhi* во вторичных производных должно было затем стать отправной точкой системы, в которой *vṛddhi* стало широко употребляться при образовании вторичных производных.

Это означает, что словообразовательное *vṛddhi* должно было появиться сначала в отношении гласного *-ā* и что употребление в этих формах *-ai* и *-au* обязано аналогии, так как *-ai* и *-au* не встречаются в первичном именном словообразовании. В пользу этого свидетельствует иранский, поскольку в нем, отражающем самое начало процесса, *-ā* является единственным гласным в ступени *vṛddhi* в этом типе производных. Такие формы, как *Ṡgaē-taona-* имя собственное (скр. *traiṭānā-*) и *haomanagha-* „доброта“ (ср. скр. *saumanasā-* [—то же]), приводившиеся как параллели к санскритским *-ai* и *-au* в ступени *vṛddhi*, содержат в себе не *vṛddhi*, а *giṇa*. Поскольку слова, от которых они произошли, по природе имели как *giṇa*, так и слабую ступень (*trai-/tri-* „три“; *(a)sau-/ (a)su-* „хороший“), то нет оснований отрицать, что вышеприведенные сложные слова являются прямыми производными от них (как *trētā* „тройка, триада“). Вполне согласуется со вторичным происхождением *vṛddhi* от *-ai* и *-au* то, что случаи словообразовательного *vṛddhi* от этих гласных гораздо реже в Ригведе, чем слова с *-ā*.

В общем система эта уже вполне сформировалась ко времени Ригvedы. Существуют уже все основные типы, но примеры встречаются не так часто, как в позднейшем языке. Существует также довольно большое количество образований более древнего типа, в которых вторичные суффиксы добавляются без *vṛddhi*, например *vāruṣa-* наряду с *vāruṣā-* и *viśya-* — наряду с *vaiśya-*. В более поздний период популярность форм с *vṛddhi* быстро возрастает, так что этот тип развился в одну из самых характерных особенностей санскрита.

§ 21. Грамматический род

Как и в других и.-е. языках, санскритское имя различает три рода: мужской, женский и средний. Эта классификация лишь частично соответствует естественному положению вещей, а именно в той части, где имена существительные или прилагательные относятся к людям или к некоторым крупным животным. В остальном выбор рода в языке совершенно произволен и не имеет никаких логических оснований. Несмотря на это, система грамматического рода оказалась замечательно устойчивой в большинстве и.-е. языков; например, в современных индоарийских языках, где следы древней индоевропейской системы сведены к минимуму, эта система продолжает действовать. Такие языки, как английский или персидский, отказавшиеся от различения родов, продолжают оставаться в меньшинстве среди потомков индоевропейского даже теперь.

Сравнительное изучение материалов и.-е. языков, в особенности тех, которые имеют ранние письменные свидетельства, позволяет проникнуть в истоки этой системы. Это возможно потому, что в тот период индоевропейского, которого мы можем достичь путем сравнительных исследований, грамматический род был сравнительно недавней инновацией, и основные живые языки дают нам достаточное количество сведений, чтобы понять природу этого процесса.

Здесь прослеживаются две стадии. На ранней стадии было два класса имен: с одной стороны, „общий род“, позднее разделившийся на мужской и женский, и с другой стороны — „средний род“. Это положение дел четко отражено в хеттском языке, отличающемся от всех других и.-е. языков отсутствием особого женского рода. На следующей стадии начинается развитие женского рода, и только в этот период можно говорить о роде в полном смысле этого слова.

Существование более ранней бинарной системы рода засвидетельствовано не только хеттским языком, но и богатым материалом из других дошедших до нас языков. А. Мейе и другие установили этот факт на материале других языков еще до того, как стало что-либо известно о хеттском языке; открытие хеттского только подтвердило их теорию. Предпринимались попытки объяснить бинарную систему в хеттском утратой в этом языке женского рода, но в подтверждение этого не было приведено удовлетворительных доказательств. Факт то, что материалы других языков ясно указывают на предшествование бинарной системы, а поскольку такая система имеется в хеттском, сохраняющем в других отношениях архаические черты, не известные прочим языкам, то нет оснований не принимать хеттские материалы безоговорочно. Данные санскрита и других языков вкратце сводятся к следующему: 1) основная масса суффиксов мужского рода встречается и в именах женского рода и 2) специфически женские суффиксы *-ā*, *-ī* употребляются также в производных мужского рода.

1) Суффикс *-tár* образует, как правило, имена деятеля, относящиеся к мужскому роду. Для образования формы женского рода добавляется суффикс *-ī* (*dātrī*); подобное различие наблюдается и в других языках (греч. *δοτρίξ*, лат. *dātrīx*). С другой стороны, в древней группе имен на *-tar*, выражающих семейные отношения, употребляется недифференцированный суффикс для существительных мужского (*pītár-*) и женского (*mātár-*, *uātár-*) рода. Этот консервативный тип сохраняет более древнюю систему, замененную в обычных именах деятеля системой, где мужской и женский род различаются.

Суффикс *-sar*, выступающий в слове *svásar-* „сестра“, а также в *tisrás*, *catasras*, лат. *ихог* и тематизированный в хеттском *išhaššaraš* „госпожа“, функционирует в роли суффикса прилагательного, как и *-tar* (причем оба они противопоставляются суффиксам *-sar*,

-taḡ среднего рода), но уже в самый древний период имелась тенденция к специализации его для образования имен женского рода. Окончательное приспособление суффикса -Н как средства выражения женского рода остановило этот процесс, так что сохранилось лишь немного пережиточных форм.

Суффикс прилагательных -man обычно мужского рода (brahman- и т. п.), но в сложных словах bahuvrīhi он остается нейтральным по отношению к роду, согласно старой системе. Примерами из Вед являются purúṣarmā (Aditis), dyutádyamanam (uśásam), sutármānam (nāvam), вин. мн. śúcijanmanas (uśásas), твор. мн. vājabharmabhis (ūtíbhis). В Атхарваведе впервые начинают появляться формы женского рода в сложных словах, содержащих слово pāman- „имя“: paśapaṅtī „имеющая пять имен“ и т. д.

Суффикс женского рода добавляется к причастию настоящего времени в санскрите и греческом (bhāgantī, φέρουσα), но в латыни употребляется более древний, недифференцированный тип суффикса как для мужского, так и для женского рода (ferens, ferentem).

Суффикс несреднего рода (то есть с ударением) -ās функционирует в именах и мужского и женского рода, например, arás- „деятельный, -ая“ *м* и *ж* в отличие от aras- *ср* „работа“; то же в сложных словах bahuvrīhi: sumānās им. ед. *м* и *ж* „благорасположенный, -ая“. То же видим в греческом: ἀληθής, εὐμενής и т. д. К сложному суффиксу -uas, функционирующему для образования сравнительной степени, в санскрите добавляется в женском роде -ī (bhūyaśī и т. д.), но в латинском он употребляется недифференцированно (majōr *м* и *ж*).

Имена несреднего рода на -ī и -u могут быть и мужского, и женского рода. В прилагательных на -ī не различаются основы мужского и женского рода (śúcis им. ед. *м* и *ж*), а прилагательные на -u нерегулярно следуют той же системе (cāgus *м* и *ж*). Последние иногда образуют формы женского рода двумя способами (bahvī „обильная“, tapī „тонкая“), но то, что это образование факультативно, показывает, что это сравнительно поздняя инновация.

Ударяемый тематический суффикс -a, образующий прилагательные, также первоначально употреблялся без различия мужского и женского рода. В санскрите эта система исчезла полностью—зато в хеттском так же полно сохранилась и оставила следы в греческом и латыни. В греческом эта система сохраняется в сложных словах (ροδοδάκτυλος ἡώς и т. п.), а в греческом и латыни—в ряде отдельных образований. Хорошей иллюстрацией являются слова, обозначающие понятие „невестка“, выступающие в греческом и латыни с тематическим суффиксом (υός, pugus), в отличие от специфического суффикса женского рода -ā в санскрите (snuṣā) и славянском (рус. *сноха*). Нет сомнения, что форма, сохранившаяся в греческом и латыни, ближе к перво-

начальной, а форма, встречающаяся в санскрите и славянском, есть инновация, появившаяся в результате укрепления системы грамматического рода; и.-е. *spus-ó-* образовалось тогда, когда ударяемый тематический гласный использовался просто для образования прилагательных от основ среднего рода по способу, богато иллюстрированному выше (*udgá-* : *ūd̥ar* и т. д.), и был, как это сохранилось в хеттском, безразличен к роду. Слово это базируется на устаревшей основе среднего рода на *-u*, и этимологически это *sp-u-s-* следует связывать с *sp-eu-bh-* в лат. *pūbo* и т. п.

2) Из различных и.-е. языков можно привести примеры обратного процесса. Говоря о суффиксе *-ā* (*-aH*), мы отмечали, что он мог иметь две функции: первая — образование первичных имен среднего рода, являющихся отглагольными отвлеченными существительными, вторая — образование прилагательных; однако вследствие того, что в этих основах почти исчезло обычное варьирование в акцентировке и апофонии, между этими двумя типами уже нет формального различия. Женский род развивался по мере специализации этого суффикса в адъективной функции в качестве суффикса женского рода, однако с ним сохранился целый ряд прилагательных мужского рода. Примеры таких образований мужского рода представляют лат. *scriba*, *nauta*, *agricola* и т. п., ст.-сл. *слуга*, *вожвода*, которые формально ничем не отличаются от имен женского рода. В греческом также есть такие основы мужского рода на *-ā*, но там дифференциация с женским родом проводится добавлением *-s* в им. ед. (*πολιτής* и т. п.). В санскрите этот тип устарел, подобно основам женского рода на *-o*. С другой стороны, в нем сохранился ряд слов мужского рода, образованных при помощи сложного суффикса *-ī* (*-i-H*), который функционирует наряду с *-ā* в образовании имен женского рода. Скр. *gathī-* „возница“ осталось от тех времен, когда суффикс прилагательных *-ī* был нейтрален по отношению к роду, до его специализации как суффикса женского рода. В итальянском и кельтском это *-ī* прилагательных путем легкого изменения синтаксической функции было перенесено на образование формы род. ед. от основ на *-o* (*equi* относится к *equus* так же, как *gathī-* к *rátha-*).

Возможно только одно объяснение существования этих общих форм мужского / женского рода, столь многочисленных в санскрите и других и.-е. языках, а также бинарной системы в хеттском языке без каких бы то ни было следов женского рода: более древняя двоичная система была заменена троичной классификацией по родам. Старая система полностью сохранилась в хеттском языке; в санскрите и других языках она сохраняется частично, как показывают вышеприведенные примеры, но в основном она заменена троичной системой.

Процесс этот нельзя проследить в деталях, так как он относится к предыстории языков, о которых идет речь. Все, что можно

сказать, это то, что в какой-то период в позднем индоевропейском суффикс -ā (-аН) вместе со сложными суффиксами -ī (-i-Н) и -ū (-u-Н) специализировались как суффиксы женского рода. Такая специализация этих суффиксов сначала развилась, должно быть, в их функции образования прилагательных, начиная, возможно, с небольшого ядра слов по значению женского рода, в которых оказался этот суффикс (например, скр. gnā, греч. γυνή). Употребляемые в такой роли суффиксы являются либо добавлением к первичному суффиксу прилагательных (gājī), либо (у тематических основ) его заменой (néwos/néwā).

Сущность древней двоичной системы была уже достаточно выяснена при рассмотрении выше отдельных суффиксов. Слова „общего рода“, от которых в конечном счете произошли имена мужского и женского рода, по происхождению являются прилагательными или—что с точки зрения раннего индоевропейского одно и то же—именами деятеля. Основное различие представлено, с одной стороны, греч. ὕδωρ „вода“, хетт. arkuwar „молитва“, скр. yáśas- „слава“, bráhma „молитва“, *sthātár „устойчивость“, а с другой—скр. udgá- „водяное животное, выдра“, íkvan- „поклоняющийся, поклонник“, yaśás- „знаменитый“, brahmán- „жрец, священнослужитель“ и sthātár- „стоящий“ и другими примерами, в большом количестве приведенными выше. Поэтому неправильно говорить об „одушевленном“ и „неодушевленном“ роде, как будто двоичная классификация была по своему происхождению выражением этого различия. Из имеющихся материалов достаточно ясно, что эта система обязана своим существованием причинам главным образом грамматическим, а не какой-то психологической классификации предметов внешнего мира. Так называемые имена „общего рода“, или „одушевленного рода“, по своему происхождению являются именами деятеля и в подавляющем большинстве они „одушевленные“ (и в основном обозначают людей), так как, естественно, имя деятеля чаще всего относится к лицу. Однако это не всегда так, что можно проиллюстрировать рядом греческих слов на -τήρ, например ἀορτήρ „перевязь“, λαμπτήρ „светильник“, кратήρ „кратер, сосуд для смешения вина с водой“, τριπτήρ „пестик“, ζευκτήρ „ремень для упряжки“ и т. п. Эти слова представляют древний тип, сохранившийся в греческом лучше, чем где бы то ни было; они показывают, что по своему происхождению класс основ прилагательных / имен деятеля не имеет никакого отношения к разделению предметов на одушевленные и неодушевленные. Мы уже видели, что эти слова с суффиксальным ударением первоначально основываются на классе имен среднего рода, хорошо представленных в хеттских образованиях на -tar, которые в основном являются отглагольными существительными с отвлеченным значением или же именами сходного типа. Адъективный тип с суффиксальным ударением означает кого-то или что-то, связанное со значением первичного имени среднего рода, и первоначально мог относиться как к вещам, так и к лицам. Поскольку практически такие слова

чаще всего употреблялись по отношению к людям, то возникла тенденция не употреблять их, говоря о неодушевленных предметах, так что, например, в случае имен на -tīr такое употребление наблюдается редко, если не считать этого типа слов в греческом языке.

Другой архаический тип сохранился в ведическом языке. Это, правда нерегулярное, употребление формы прилагательных мужского рода с согласными основами по отношению к существительным среднего рода. В качестве примеров этого можно привести: *vācaḥ... dvibārhaḥ* P. B. 7. 8. 6, *śárdho... anarvāṇam* 1.37.1, *visarmāṇam kṛṇuhi vittám* 5.54.9, *śárdho mārutam... satyáśravasam, řbhvasam* 5.52.8, *tád rařtrám ojasví bhavati* M. C. 4, стр. 47,4. Эти примеры отражают древнее состояние языка, когда слова с ударяемым суффиксом и *vṛddhi* в им. ед. были чистыми прилагательными, не связанными с родом, и потому могли употребляться с любым существительным. С усилением системы рода возник новый тип прилагательных среднего рода, например *purú* наряду с *purús* „обильный“, и примеры, подобные вышеприведенным, постепенно исчезли. Процесс этот все еще можно наблюдать в развитии санскритских имен деятеля на -tr; слово *среднего рода *kartṛ* „делющее“ (род. ед. *kartṛṇas*) не известно в ранних текстах и представляет собой позднее аналогическое образование. Более древние формы среднего рода прилагательных, хотя и восходят к раннему периоду, тоже являются инновацией этого типа.

Класс имен несреднего рода возник в области прилагательных, но уже в древности он пополнился словами, перешедшими из других категорий, что привело к увеличению количества имен действия. Имена действия рассматривались нами выше, их иллюстрируют такие примеры, как *bhāgá-* м „время“, *jigīṣā-* „жажда победы“, *vāc-* ж „речь“, *ojmán-* м „сила“, *bhiyás-* ж „страх“, *matí-* ж „ум“ и *tántu-* м „нить“. Природа этого перемещения, по-видимому, чисто механическая. Персонификация играет какую-то роль, но роль совершенно вспомогательную. Понятно, что основа вроде *uśás-* [„богиня утренней зари“] должна была быть женского рода, имея в виду место, занимаемое *uśás-* в ведическом пантеоне; или что *omán-* „помощь“ и *dāmán-* „щедрость“, к которым взывают, как к божественным атрибутам, должны быть скорее мужского рода, чем среднего. Но к большинству таких имен эти соображения не могут быть применены. Например, хотя ясно, что *vāc-* ж „речь“ в санскритском понимании совершенно определенно персонифицируется, как нечто противоположное *vācas-* ср, все же нельзя сказать, что это определило его принадлежность к женскому роду. С другой стороны, могло быть и так, что переход этого слова по каким-то другим причинам в женский род (из общего) послужил толчком для его персонификации.

Во всех и.-е. языках основы, оканчивающиеся на смычные, в им. ед. принимают -s и различают именительный и винитель-

ный падежи, чем и отличаются от огромного количества имен действия среднего рода и сходны с именами типа прилагательных и именами деятеля. Отсутствие противоположных примеров показывает, что такое положение дел существовало уже в очень древний период. Логического обоснования тут нет; единственное, что можно сказать, это то, что существует общее правило, по которому все основы этого типа склоняются таким образом, что *vāk(s)*, *vācam* склоняется так потому, что это корневая основа, оканчивающаяся на смычный. И то, что она склоняется таким образом и потому относится к несреднему, а позднее к женскому роду, делает для нее возможной персонификацию. Точно так же мы можем судить об отношении между словами *āras* ж им. мн. и *udakam*, *udap-* (греч. ὕδωρ и т. д.) „вода“. Относительно же корневых имен действия как таковых с точки зрения их значения нет ничего, что влияло бы на их переход в мужской или женский род; только механический процесс, повлиявший на их склонение по адъективному типу имен, легшему в основу „одушевленного“ рода, может быть причиной усвоения ими того или иного рода.

Так склонялись уже в очень древний период и другие основы имен действия, оканчивающиеся на смычные (хетт. *kartimmiyat-* „гнев“ и т. п.). Основы среднего рода на *-i* исчезли, за небольшими исключениями, и та же тенденция, хотя в меньших масштабах, наблюдается среди имен действия на *-u*. Тематические имена действия являющиеся распространениями корневых основ, исконно принадлежавшими к общему роду: эту особенность они и сохраняли; после того как общий род распался на мужской и женский, они, естественно, перешли в мужской род, так как суффикс *-a* — это суффикс прилагательных мужского рода. Точно так же имена действия на *-ā* перешли в женский род, потому что это суффикс прилагательных женского рода.

Существенную роль в развитии индоевропейской системы грамматического рода играет преобладающая в этих языках система, по которой прилагательное должно изменять свое окончание в соответствии с падежом, числом и родом того существительного, с которым оно согласуется. Это одна из характернейших особенностей индоевропейского, так как такое строгое грамматическое согласование едва ли встречается еще где-либо. Следы более ранней системы, в которой в роли атрибута могла функционировать простая основа прилагательного, сохраняются в именном словосложении, из чего видно, что вся система создавалась постепенно; но, во всяком случае, она древнего происхождения. Свое полное развитие она получила в хеттском языке и применима там к понятию рода, поскольку в нем различаются «общий род» и «средний», то есть в именительном и винительном падежах. С возникновением женского рода, что явилось конечной стадией в формировании этой системы, система согласования соответственно расширилась.

§ 22. Именное словосложение

Способность создавать сложные слова из отдельных самостоятельных слов унаследована санскритом от индоевропейского. Сходные образования встречаются и в других и.-е. языках, но санскрит отличается от них необычайным развитием этой системы, не имеющим себе параллелей ни в одном другом языке. Это явление характерно, однако, только для классического языка: в ведическом языке использование именного словосложения более ограничено. Считается, что в Ригведе словосложение имеет не большее значение, чем в греческом эпохи Гомера. С точки зрения сравнительного языкознания ценность представляют главным образом данные ведического языка, так как неограниченное развитие именного словосложения в поздней классической литературе искусственно и не опирается на практику устной речи.

Перечислим основные черты сложного слова (хотя они и не всегда присутствуют в нем): 1. Первый член выступает в виде чистой основы, без падежных окончаний, которые (за исключением звательной формы) оно принимает при самостоятельном употреблении. 2. Два компонента объединяются единым ударением. Первая особенность чрезвычайно интересна с точки зрения древней индоевропейской морфологии, так как она указывает на тот период, когда простая основа существительного и прилагательного могла вступать в синтаксическую связь с другими словами в предложении без падежных окончаний, ставших позднее обязательными для выражения таких отношений. Сложное слово появляется тогда, когда два слова выступают вместе с такой регулярностью и частотой, что становятся для всех случаев одним выражением, — это процесс, обычно связанный с развитием специализированного значения. В случаях со склоняемыми группами слов это приводит к образованию таких сложных слов, как *Bṛhaspáti*- имя божества („Господин молитвы“). С другой стороны, такое сложное слово, как *viśpáti*- „глава рода“, могло стать типовым только при таком положении вещей в языке, когда отношения, выражаемые позднее родительным падежом, могли быть выражены путем простого расположения двух существительных в определенном порядке (*vík róti-s*). Сложные слова как система являются окаменелыми остатками более древнего состояния индоевропейского, которое давно уже вытеснено языковым типом с сильно развитой флексией, представленным в санскрите и классических языках.

Индийские грамматики различали четыре основных класса сложных слов: *tatpuruṣa* (с особым подклассом *karmadhāraya*), *bahuvrīhi*, *dvandva* и *avayāibhāva*; определение этих терминов будет дано ниже. Из этих классов два последних — в основном явление специфически индийское; *tatpuruṣa* и *bahuvrīhi* — типы словосложения, унаследованные от индоевропейского. Для целей нашего краткого изложения эти унаследованные типы можно

подразделить на два крупных класса: I. функционирующие как существительные и II. функционирующие как прилагательные. За ними следуют III. двандва и IV. авьяйибхавя.

Первый класс распадается на два главных подкласса в соответствии с тем, является ли первый из компонентов прилагательным или именем-приложением ко второму члену (а) или именем, стоящим по отношению ко второму члену в той связи, которая в нормально построенном предложении выражалась бы падежным окончанием (б). И наоборот, адъективный тип можно для удобства подразделить на два класса в зависимости от того, является ли последний член прилагательным или существительным. Из этих двух основных классов, существительных и прилагательных, первые редки на раннем этапе развития санскрита. То же самое мы находим и в других и.-е. языках. С другой стороны, различные типы адъективных сложных слов богато представлены как в санскрите, так и в других и.-е. языках, особенно в греческом. Далее мы увидим, что есть полное основание для такой неравномерности и что это важно для понимания развития этой системы.

I. А. Сложные слова, в которых два члена находятся в отношении приложения, называются индийскими грамматистами кармадхарая (karmadhāraya). Основной класс представлен словами типа: прилагательное + существительное. Тип этот редок в Самхитах, но становится более употребительным в позднейших ведических текстах в прозе. Примерами служат: *caṅdrāmāś-* „(яркая) луна“, *pūrṇāmāsa-* „полная луна“, *ekavīrā-* „несравненный герой“, *kṛṣṇaśakunī-* „ворон“, *mahāgrāmā-* „великое множество“, *mahāvīrā-* „великий герой“, *mahadhanā-* „большое богатство“, *nilotpālā-* „голубой лотос“, *rajatapātrā-* „серебряный сосуд“, *dakṣiṇāgnī-* „южный огонь“, *adharaṇanū-* „нижняя челюсть“, *trītiyasavanā-* „третье отжимание (сомы)“, *navadāvā-* „пал, земля, недавно выжженная для обработки“, *kṛṣṇasaṅga-* „кобра“. Такие сложные слова часто имеют специализированное значение, которое нельзя было бы механически передать путем простой комбинации значений прилагательного и существительного. Слово *kṛṣṇaśakunī-*, буквально „черная птица“, означает именно „ворон“; понятие „черная птица“ было бы выражено не соединенными в сложное слово существительным и прилагательным. Аналогично *nilotpālā-* означает не просто „какой-то голубой лотос“, а особый ботанический вид (*Nymphaea suaveolens*). Только в позднейшем языке эти сложные слова обнаруживают тенденцию к употреблению в роли простых эквивалентов сочетания „прилагательное + существительное“.

Во втором, менее обширном подклассе первый член — существительное, являющееся приложением ко второму члену. Таковы *ṛiḡṣamṛgā-* „самец антилопы“, *ūlūkaṃyātu-* „демон в образе совы“, *vṛṣākapī-* „человек-обезьяна“, *rājarṣi-* „царственный мудрец“, *dhenuṣṭarī-* „яловая корова“, *ukṣavehāt-* „импотентный бык“.

Класс кармадхарайя представлен в других и.-е. языках такими примерами, как греч. ἀρόπολις, μεσόγαια, ἀγρίμπελος, лат. angiportus [„переулок“] и т. п., а второй подкласс можно сравнить с такими словами, как греч. ἰατρομαντις „врач-провидец“. Но, как и в древнейшем санскрите, такие слова редки, что естественно, если иметь в виду происхождение этих сложных слов и их место в грамматической структуре индоевропейского на его различных стадиях. Слова эти остались от того времени, когда прилагательное, употребляемое атрибутивно, не изменяло своего окончания по родам, числам и падежам. Такое положение дел очень рано уступило место в индоевропейском порядке вещей, при котором прилагательное в атрибутивной функции изменяет окончание, согласуясь со своим существительным в роде, числе и падеже. Однако оставалось небольшое количество выражений, так сросшихся в разговорной речи, что они продолжали существовать как пережитки старой системы. Они и могли служить моделями для образования новых слов того же типа.

Б. Татпуруша (tatpuruṣa) с обычным существительным в роли первого члена в самый древний период были несколько многочисленней, чем сложные слова типа кармадхарайя, но по сравнению с бахуврихи и другими адъективными типами они встречаются не так часто. Реже всего они попадают в древнейшей части Ригведы, но на последующих стадиях ведической литературы их значение постепенно возрастает. Примерами служат: gājaputrā- „сын царя“, mṛtyubāndhu- „спутник смерти“, viśpāti- „глава племени“, drupadā- „деревянный столб“, hiraṇyārathā- „золотая колесница“, devakilbiṣā- „преступление против богов“, indrasenā „воинство Индры“, camasādhvāyū- „жрец, имеющий дело с чашами“, drughañā- „дубинка“, ācāyājāyā „супруга учителя“, riṅgaṣagājā- „царь людей“, ajalomā- „козлиная шерсть“, āsvavālā- „конский волос (из хвоста)“, udapātrā- „чаша воды“. Отношение между двумя членами чаще всего можно передать родительным падежом. Но поскольку это значение является очень общим, в ряде случаев его можно выразить другими падежами, и индийские грамматики классифицируют их таким образом: дательный падеж: yūpadāgu- „дерево для жертвенного столба“ (yūpāya dāru); отложительный падеж: saugabhaya- „страх перед ворами“ (sau-gebhuo bhayam); местный падеж: grāmaṅvāsa- „жилище в деревне“; винительный падеж: videśagamana- „поездка в чужие края“.

Сложные слова, в которых последний член есть отглагольное имя действия на -ti, образуют особый класс. Таковы dhānasāti- „завоевание богатства“, devāhūti- „призывание богов“, sōmasuti- „отжимание сомы“ и devāhiti- „закон богов“. В этих словах ударение стоит на первом члене в отличие от приведенных выше слов типа татпуруша, и в этом отношении они сходны с адъективными сложными словами, в которых последний член является причастием на -ta (vīrājāta- и т. п.). Они также образовались в большом количестве на самой ранней стадии развития языка,

что характерно для сложных прилагательных. Несколько случаев, в которых конечный член на -tī приобрел конкретное значение, надо отнести к вышеприведенным примерам, например devahetī- „оружие богов“.

Соответствующий тип встречается в других и.-е. языках, в таких примерах, как греч. μητροπάτωρ „отец матери“, πατράδελφος „брат отца“, οἰκοδεσπότης „хозяин дома“, лат. muscerda „мышинный помет“, гот. þiudangardi- „королевский дом“, ст.-сл. водотокъ „ручей“.

Кроме этих сложных слов, в ведическом языке существует новый тип, в котором первый член сохраняет свое окончание родительного падежа и чаще всего свое ударение. В этих словах последним членом, как правило, выступает rāti-: vānasrāti- „хозяин леса, дерево“, gnāsrāti- „супруг божественной женщины“, bhasrāti- „господин молитвы“ и т. п.; с одним ударением: aṃhasaspāti- „повелитель отчаяния“ — название високосного месяца. Другие примеры встречаются редко: divodāsa- „слуга небес“, gāyaspṛṣa- „рост богатства“; позднее встречаются gōṣpada- „след коровы, лужица“, dāyāḥputra- „сын девушки-рабыни (бранное слово)“. Ср. греч. Διόσχιροι и т. д. Это тот тип сложных слов, который мог бы образоваться во флективном языке, и его появление в ведическом языке объясняется сравнительно редким употреблением обычного типа. Как и в греческом, эти слова не играли значительной роли в санскрите и по сравнению с другими типами сложных слов они не были продуктивны. Позже начался обратный процесс: число чистых татпуруша возрастает и развитие нового флективного типа приостанавливается.

II. Сложные слова, функционирующие в роли прилагательных, можно подразделить на два класса в зависимости от того, является последний член прилагательным или существительным.

A. 1) а) *Сложные слова с отглагольным прилагательным в качестве последнего члена.* Первый член в них чаще всего находится в отношении винительного падежа к отглагольному прилагательному, образующему второй член. Их можно классифицировать по типам основы, выступающим в качестве второго члена.

Корневые основы: havirād- „поедающий жертвенную пищу“, aśvavid- „знающий лошадей“, vṛtrahān- „убивающий врагов“. Корни на -i, -u, -ṛ не могут выступать как корневые имена и добавляют аугмент -t: dhanajīt- „завоевывающий богатство“, somasūt- „отжимающий сому“, jyotiṣkṛt- „производящий свет“. Такие сложные слова с корневыми основами иногда имеют страдательное значение: tapouūj- „запряженный волей“, hrdayāvīdh- „пронзенный до самого сердца“. Этот тип часто встречается в других и.-е. языках, ср. греч. βουπλήξ [„стрекало“], лат. fidicen [„играющий на струнном инструменте“], artifex [„художник, мастер“] и т. д.

Тематический суффикс: annādā- „поедающий пищу“, goghñā- „убивающий коров“, devavandā- „восхваляющий богов“, karṃakarā-

„рабочий человек“. В связи с этим суффиксом употребителен и более новый тип, в котором первый член принимает окончание винительного (а иногда какого-либо другого) падежа: dhanañjaya- „побеждающий богатство“, ruṅandagá- „разрушающий города“, talreśaya- „лежащий на ложе“. Тематический тип часто встречается в других и.-е. языках: Ав. hašidava- „предающий друга“, греч. *ὁμορφός*; [„гибельный“], *δρυτός*; [„дровосек“], лат. *causidicus* [„адвокат“], *magnificus* [„великолепный“], рус. *водно́с*.

Суффикс -ana: keśavārdhana- „стригущий волосы“, amitradāmbhana- „обманывающий врагов“, devayājana- „поклоняющийся богам“.

Суффикс -in: ukthaśaṃsín- „поющий гимны“, vratacārín- „дающий обет“, satyavādín- „говорящий правду“.

Суффикс -i: pathirákṣi- „охраняющий дорогу“, saho bhári- „несущий силу“.

Суффиксы -van и -man: somarāvan- „пьющий сому“, baladāvan- „придающий силу“, svādukśādman- „раздающий сласти“. Ср. греч. *πολυδύμων*.

Другие суффиксы: rāṣṭradīpsú- „вредящий царству“, lokakṛtnú- „созидающий мир“, ṅrātí- „защищающий людей“.

Среди образований такого рода есть значительный класс, в котором последний член оформляется по образцу основы настоящего времени, принимаемой данным корнем. Таковы основы, оканчивающиеся на:

-ya (4-й класс): punarmanya- „вновь размышляющий о“, akṛṣṭarasya- „созревающий без вспашки“, asūryampraśya- „не видящий солнца“.

-aya (10-й класс и каузативы): anilaya- „не отдыхающий“, janamejaya- „пробуждающий народ“, dharmadhāraya- „соблюдающий закон“. Ср. Ав. *paṅō vaēraya-*.

-nva: viśvaminvá- „всех возбуждающий“, dhiyamjinvá- [„торопящий молитву“], dānupinvá- [„источающий влагу“].

-na: duradabhná- [„обманывающий глупцов“], kulamrpná- [собств. имя], sadārṇná- [„всегда дарящий“]. Ср. греч. *μισθάρνος* [„наемник“], *πολυδάμνης* [„имеющая многих мужей“].

Инфигированный носовой: agnimindhá- [„зажигающий огонь“], śalyakṛntá- [„хирург“, букв. „режущий лезвием“], govindá- [„находящий коров“, собств. имя]. Ср. Ав. *yimō-kərənta-*.

Образования с удвоением: śardhañjaha- [„вздутый“], manojighra- [„угадывающий мысли“], iḍādadhá- [собств. имя]. Ср. Ав. *azgō-daḍa-*.

б) Сложные слова со страдательным причастием прошедшего времени в качестве второго члена отличаются от предыдущих образований синтаксическими отношениями их членов, а также тем, что ударение в них стоит обычно на первом члене. По этой причине их можно считать отдельным подклассом. Это очень продуктивный тип: hastákṛta- „сделанный руками“, vīrājāta- „рожденный от героя“, devátta- „данный богами“, prajāpatisṛṣṭa- „сотво-

ренный Праджапати“, *ulkābhīhata-* „пораженный громом“, *indrotá-* „тот, кому помогал Индра“. Это древний и.-е. тип, представленный также в родственных языках: Ав. *ahura-dāta*, греч. *θεοβμήτωρ* [„богами построенный“], *ἱππῆλατος* [„удобный для конной езды“] и т. д.

Для типа сложных слов, приведенных в пункте а), характерно то, что второй член очень часто, а у некоторых групп почти всегда является основой, которая не употребляется самостоятельно. Такие сложные слова, как *goghñá-*, при желании могут быть образованы, но простой основы *ghñá-* не существует. Та же особенность наблюдается и в родственных языках и восходит к индоевропейскому периоду. Этот тип сложных слов восходит к более ранней стадии индоевропейского с другой, более простой структурой по сравнению с преобладающей в исторический период и в период, непосредственно ему предшествовавший. Слова, являющиеся в исторический период сложными, вначале были конструкциями типа, характерного для языков с менее развитой флексией, чем индоевропейский. Относительные причастия, известные в дравидийских языках и некоторых других языковых группах, являются примерами конструкций такого рода. Развитие флексии в индоевропейском привело к отмиранию таких простых конструкций, но базирующийся на них тип слов продолжал процветать.

2) Сложные слова с обычным прилагательным в качестве последнего члена сравнительно немногочисленны. Таковы *tanúśubhga-* „со сверкающим телом“, *yajñádhiṅga-* „опытный в жертвоприношении“, *sātavīra-* „искусный в напевах Сама“, *tilámīśra-* „смешанный с кунжутom“; с падежным окончанием первого члена: *máderaghu-* „легко развеселяющийся“, *vidmanāpas-* „работающий с умом“.

В. 1) Бахуврихи (*bahuvrīhi*). Бахуврихи, или притяжательные сложные слова, содержат те же элементы и в том же порядке, что и кармадхарайя и татпуруша, но отличаются по значению: получившееся сложное слово функционирует как прилагательное, определяющее другое понятие. Кроме того, они отличаются от кармадхарайя и татпуруша ударением: первый член сложного слова, как правило, удерживает ударение. Различие между этими двумя противоположными типами можно проиллюстрировать такими примерами: *gājarputra-* „имеющий царей сыновьями“ в противоположность *gājarputrá-* „сын царя“ и *sūryatejas-* „обладающий яркостью солнца“ в противоположность *sūryatejás-* „яркость солнца“. Следующие слова служат типичными примерами бахуврихи: *bahúvrīhi-* „имеющий много риса“ (по этому слову и назван класс), *mauñragoman-* „с павлиньими перьями“, *índraśatru-* „чей враг—Индра“, *ugrábahu-* „с мощными руками“, *dīrgháśmaśru-* „длиннобородый“, *jīváputra-* „имеющий живых сыновей“, *iddhāgni-* „чей огонь зажжен“, *prayatadakṣiṇa-* „принесший жертвенные дары“, *chinnārakṣa-* „с оторванным крылом“, *śucádratha-* „имеющий блестящую колесницу“, *pañcāṅguri-* „пятипалый“, *mádhujihva-*

„сладкоязычный“, maṇigrīva- „с ожерельем на шее“, pātrahasta- „с сосудом в руке“, vājrabāhu- „вооруженный ваджрой“, khaṅgānikha- „с ослиной мордой“. В ведическом языке встречаются отдельные примеры, где первый член сложного слова имеет падежное окончание: krátvāmagha- „обладающий наградой, приобретенной благодаря уму“, āsānpiṣu- „имеющий стрелы во рту“, divīyonī- „кто произошел на небесах“.

Этот тип широко распространен в и.-е. языках: греч. λευκόχειρος „белорукий“, ῥοδοδάκτυλος „розовоперстый“, лат. magnanimus „великодушный“, sarcicornus „козлорогий, козерог“, гот. hrainya-hairts „чистосердечный“, ст.-сл. чръновлкъ „черноволосый“.

Тип бахуврихи, как и предыдущие типы, образовался в довольно ранний индоевропейский период, когда система флексий не была сильно развита, и продолжал существовать и после того, как появилась система склоняющихся прилагательных и существительных-приложений. Это развитие, как мы видели, неблагоприятно отразилось на росте большого класса сложных слов кармадхарая, поскольку в простых сочетаниях прилагательного и существительного стали употребляться флективные формы. Конструкцию бахуврихи преобразовать было не так просто, так как заменить ее могли лишь неуклюжие парафразы. В результате эта конструкция сохранилась и на более развитой флективной стадии в виде этих сложных слов.

Хотя последний член таких сложных слов всегда выражен существительным, при согласных основах он всегда принимает форму прилагательного, например, sūyaśas- „пользующийся доброй славой“. Из *(a)suyāśas- „добрая слава“ (ср. хетт. aššu- „хороший“) образуется прилагательное им. ед. sūyaśās таким же путем, как yaśās образуется от простого yaśas, так как апофония указывает, что ударение первоначально стояло на последнем члене сложного слова. То же относится и к основам на -n: им. ед. rigūnāmā- „имеющий много имен“ и т. п. Признак прилагательного -á часто употребляется, как и с простыми существительными; anudrā- „безводный“, ugūpasā- „широконосый“, trivatsā- „трехлетний“, sarvavedasā- „(жертвоприношение), при котором отдается все имущество“. Часто добавляются другие суффиксы прилагательных, например -ka: jīvaritṛka- „чей отец жив“, rūṇyalakṣmīka- „имеющий благоприятные приметы“; -ya: hīraṇyakeśya- „златовласый“, mádhuhastya- „имеющий сладость в руке“; -in: mahāhastīn- „имеющий большую руку“, śatagvīn- „имеющий сто коров“.

2) Адъективные сложные слова образуются на базе сочетания *предлог + существительное*. Соответствуя сочетанию átu āmhas „выше отчаяния“, существует сложное слово átuamhas- „недосягаемый для отчаяния“. Таковы же ānucvata- „послушный“, abhīdyu- „обращенный к небесам“, upakakṣā- „доходящий до плеча“, ūrdhvānabhas- „заоблачный“, pariḥastā- „ничто, надетое на руку, амulet“. Эти сложные слова часто принимают суффиксы прилагательных, о которых уже говорилось при рассмотрении типа

бахуврихи: *ājarasá-* „приближающийся к преклонному возрасту“, *āpathi-* „стоящий поперек дороги“, *ragiranthīn-* „грабитель на большой дороге“, *urātṛṇyá-* „скрывающийся в траве“.

3) Архаический класс, полностью ограниченный ведическим языком, составляют слова, где первый член, выраженный причастием, управляет вторым. Примеры: *vidádvasu-* „добывающий богатство“, *bharádvaĵa-* „выигрывающий призы“, *taráddveṣa-* „побеждающий враждебность“, *mandayátsakha-* „радующий друзей“. Тот же тип утвердился в древнеиранском: Ав. *vapat'rašapa-* „выигрывающий битвы“ и т. п. Иногда так же используются и другие отглагольные именные основы: *Trasádasyu-* „Приводящий в трепет врагов“, *gadāvasu-* „делающий доступным богатство“, *dātivāra-* „дающий наилучшие вещи“. Сходные сложные слова с подчинительной связью хорошо известны в греческом: *φερέοικος* „переносящий свой дом“, *ἐλκεοἴπελος* „влачащий одежды“.

Сложные прилагательные, употребляемые как наречия

Сложные прилагательные употребляются в роли наречий так же, как и простые, то есть, как правило, в форме винительного падежа ед. ч. среднего рода. Обычно это сложные слова типа бахуврихи, и в классической литературе часто употребляются длинные сочетания этого типа.

Такое употребление обычно и для сложных прилагательных, первым членом которых является предлог или другая несклоняемая часть речи, напр. *atimātram* „чрезмерно“ от *atimātra-* „чрезмерный“. Индийские грамматики выделяют такие адвербиальные сложные слова в самостоятельный класс, называя их авьяйибхава (*avyayībhāva*). Основанием для этого послужило то, что в более позднем языке к большой группе таких наречий фактически нет соответствующих прилагательных. Эта группа представлена такими примерами, как *uragājam* „близко к царю“, *urapadam* „возле реки“, *pratyagni* „перед огнем“ и *pratiniśam* „еженощно“. Те сложные слова, первый член которых является относительным наречием, составляют продуктивный класс среди несклоняемых частей речи: *yathākāmatam* „по желанию“, *yāvajjīvatam* „при жизни, всю жизнь“ и т. д.

III. *Сложные слова двандва (dvandva)*. Этот тип сложных слов не имеет ничего точно соответствующего ему в родственных языках и развился в основном уже в исторический период санскрита. Самый древний тип, общий для санскрита и Авесты, представлен сочетанием двух форм двойственного числа — причем каждая сохраняет свое ударение, — соединенных таким образом, что *a + b* выражается через *2a + 2b*: *Mitrā-Váruṇau* „Митра и Варуна“, *dyāvā-pṛthivī* „небо и земля“, *uṣāsā-náktā* „заря и ночь“; ср. Ав. *rasu vira* „зверь и человек“, род. пад. *rasva vīrau*. Иногда вместо этой конструкции могут употребляться эллипти-

ческие формы двойственного числа: *Mitrā* „Митра и Варуна“, *pitāgā* „родители“, *dyāvā* „небо и земля“.

Это отражает самое древнее состояние языка. Из таких конструкций, не являющихся сложными словами в собственном смысле слова, развилась санскритская система сложных слов двандва. В ранней литературе можно наблюдать некоторые промежуточные стадии. Так, 1) иногда первый член слова сохраняет форму им.-вин. дв. в условиях, когда все слово стоит в каком-либо другом косвенном падеже, например *mitrā-vāruṇayoḥ* вместо *Mitrāyog Vāruṇayoḥ*; 2) в небольшом количестве случаев в Ригведе и несколько чаще в более поздних самхитах первый член такого сочетания теряет свое ударение: *indrāpīṣṇoḥ*, *somārudrāyoḥ*. В последней стадии первый член выступает в виде чистой основы: *indravāyū* (единственный пример в Ригведе), *vāyusavitṛbhūyām*, *dakṣakratū* и т. д.

Поскольку окончание имен деятеля и т. п. на *-taḥ* в им. ед. совпадает с окончанием первого члена двучленного сложного слова двандва, то именно эта форма была избрана для сложных слов двандва, имеющих такую основу в первом члене: *pitāputrāu* „отец и сын“, *hotādhvayū* и т. д.

Слова двандва во множественном числе чрезвычайно редки в древнем языке. Из небольшого количества примеров слова *indrāmarutaḥ* (зват. пад.) и *pitāputrāḥ* „отец и сыновья“, если говорить об их первом члене, образованы на базе двандва в двойственном числе. Пример обычного типа, с простой основой в первом члене, встречается в одном из поздних гимнов Ригведы: *ajāvayaḥ* „овцы и козы“. В более поздней ведической литературе такие примеры становятся чаще: *devamanuṣyaḥ* „боги и люди“, *bhadra-rārāḥ* „хорошие и плохие“. В этот период начинают появляться сложные слова двандва, в составе которых более двух членов: *praṇārapodāneṣu*.

В Ведах среди древнейших слов двандва не встречается существительных женского рода, но они известны из Авесты: *āra urvaire* „вода и хлеб“. Они появляются в поздний ведический период во вполне развитом типе сложных слов: *jāyapatī* „жена и муж“.

Несколько слов двандва среднего рода вполне развитого типа появляются уже в Ригведе: *satyāntē* „правда и ложь“, *ahorātrāṇi* „дни и ночи“. Имеется также несколько более древних типов: *idhmābarhiṣ-* с двумя ударениями и *iṣṭāpūrtā-*, в котором первый член образован по образцу старого типа двандва мужского рода. В словах двандва множественного числа *āngārāgūṃṣi* „члены и суставы“ (два ударения) и *ukthāśastrāṇi* „гимны и хвалы“ форму первого члена можно объяснить как древнюю форму им.-вин. мн. среднего рода.

Уже в ранний период был создан тип двандва среднего рода, функционирующий как собирательная основа единственного числа: *kṛtākṛtā-* „то, что сделано и что не сделано“, *tṛṇodakā-* „трава и вода“, *kaṣīpūrabarhaṇā-* „подушка и валик (под нею)“. В этих

примерах оба члена среднего рода. Тот же тип выступает довольно рано и в том случае, когда один член среднего рода, будь то последний член, как в *keśaśmasrū-* „волосы и борода“ и в *klōmahṛdayá-* „легкие и сердце“, или первый член, как в *ahorātrá-* „день и ночь“, *śirogrīvá-* „голова и шея“ и в *yugaśamyá-* „яро и прикрепляющий его шип“. Наконец, наступает стадия (в Брахманах), когда для образования двандва единственного числа с собирательным значением сочетаются два существительных несреднего рода: *oṣadhivanaspatí-* „растения и деревья“, *sandratāgaká-* „луна и звезды“, *uṣṭrakhaga-* „верблюды и ослы“.

Двандва-прилагательные образуются путем сочетания двух прилагательных, относящихся к одному и тому же существительному, они встречаются начиная с Ригведы и далее: *pīlaloḥitá-* „темно-синий и красный“, *tāmradhūmrá-* „темно-медного цвета“, *arūṇābabhru-* „красно-коричневый“, *kṛṣṇaśabala-* „в черных крапинках“, *śitoṣṇa-* „тепловатый“ и т. п. Параллели тому имеются и в других и.-е. языках (напр., греч. *λευκόπυρρος*, *λευκόφαιος*, *γλυκύπικρος*), и очень возможно, что в отличие от двандва-существительных этот тип прилагательных унаследован в санскрите из индоевропейского.

Глава V

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН

§ 1. Ударение и апофония

Для индоевропейской системы склонения было характерно передвижение ударения с основы в сильных падежах (им. вин. пад. ед. и дв. ч., им. пад. мн. ч.) на окончание в слабых падежах, иными словами, в большинстве косвенных падежей. Это передвижение ударения влекло за собой изменения апофонии, влиявшие на основу и суффикс. В поздний и.-е. период эта система склонения стала отступать перед системой постоянного ударения. В ведическом языке передвижение ударения лучше всего сохранилось в односложных основах, но значительные следы этого встречаются в основах других типов, как в существительных среднего рода с корневым ударением (yákr̥t̥, yáknás), так и в словах муж./жен. рода с ударением на суффиксе.

Три ступени апофонии, связанные с переходом ударения, ясно видны в склонении слова vṛtrahán: им. ед. vṛtrahá, вин. ед. vṛtrahánam, род. ед. vṛtragnás. Это можно также наблюдать в основах с суффиксальным ударением на -г и -п типа pitá, pitágam, pitré; ukṣá „бык“, ukṣánam, ukṣnás. В других случаях имели место различные модификации и упрощения. Vṛddhi им. падежа ед. ч. имеет тенденцию распространяться на вин. пад. ед. ч. и им. пад. мн. ч., например pāt „нога“, pādām, pādas, в отличие от греч. πόδα, πόδες. Может сохраняться передвижение ударения, а ступень гласного не изменяется — например, dík „направление“, род. ед. diśás, вместо чего первоначально должно было быть *deíks : dikés. И наоборот, ударение могло стабилизироваться, а чередование гласных сохранялось: paśumān „имеющий коров“, paśumántam, paśumátas.

Система передвижения ударения лучше всего сохранилась в корневых согласных основах. Здесь ударение во всех слабых падежах стоит на окончании. Однако сопутствующее этому чередование гласных сохранилось лишь частично. Все три ступени наблюдаются в склонении слова kṣám- „земля“: им. дв. kṣāmā—с vṛddhi; местн. ед. kṣāmi—с гуṇa; род. ед. kṣmás, jmás, gmás—с

нулевой ступенью корня. В других случаях нулевая ступень в основах с чередованием встречается редко: ср. уже упоминавшееся *vṛtraghñás*, а также *havuáñhā*, твор. ед. от *havuavāñh-* „везущий жертву“, *dúras* (некогда *durás*, Р.В., 2.2.7), вин. мн. от *dvāras* „двери“. В других основах имеется только чередование *vṛddhi* и *guṇa*, например им. ед. *pāt* „нога“, род. ед. *padás*; *āras* им. мн. „вода“, вин. мн. *arás*; *pāsā* им.-вин. дв. „ноздри“, род. местн. *pasós*. Ступень *vṛddhi* обобщена в *vāc-* „речь“ (им. ед. *vāk*, род. ед. *vācas*), как и в лат. *vōx*, *vōcis*, в отличие от ступени *guṇa* в греч. *ῥῶφ*, *ῥῶα*. Ступень *guṇa* обобщена в таких существительных, как *kṣar-* „ночь“, твор. ед. *kṣarā*, *spás-* „шпион“ и т. д.

Корневые существительные с корневыми гласными *i*, *u* или *ṛ* обобщили во всех падежах слабую ступень: *dík* им. ед. „направление“, род. ед. *diśás*, твор. мн. *digbhís*; то же самое от *ṛc-* „гимн“: *ṛk*, *ṛcás*, *ṛgbhís* и т. д., без всяких исключений. Сюда же относятся корневые существительные, оканчивавшиеся первоначально на *H*, а именно корневые слова на *-ī* и *-ū*, например *dhī-* „мысль“ (*dhís*, *dhīyam*, *dhīyás*) и *bhū-* „земля“ (*bhūs*, *bhūvam*, *bhuvás*).

Как правило, чередование ударения было ликвидировано в тех корневых основах, которые выступают на конце сложных слов, например *trivṛt-* „тройной“, род. ед. *trivṛtas*. Более древняя система чередования ударения сохранилась лишь в *vṛtraghñás* [„убийца Вритры“], так как корневой гласный опущен. В основе с чередованием *apaḍvāñh-*, род. ед. *apaḍúñhas*, апофония указывает на то, что сначала здесь было подвижное ударение, которое впоследствии было заменено постоянным. Отклонением от общей тенденции являются различные образования на *-añc* (*pratyāñc-* и др.), представлявшие собой первоначально сложные слова из предлога с корнем, который имеется в *ákṣi-* „глаз“. Здесь ударение стоит на окончании в самых слабых падежах (род. ед. *pra-tīcás*), но оно сдвигается к началу слова в средних падежах с соответственным изменением ступени гласного (*pratyágbhis*).

Подвижное ударение сначала было характерно для существительных среднего рода, образованных при помощи различных суффиксов, перечисленных выше. Но начиная с позднего индоевропейского периода появилась тенденция замены его постоянным ударением на корне. Тем не менее в санскрите, как и в греческом, сохраняются различные пережитки этой системы. Передвижение ударения обычно сохраняется в архаических существительных среднего рода с чередованием в основе г/п: *ásṛk*, *aspnás* „кровь“, *yákr̥t*, *yaknás* „печень“, *śákr̥t*, *śaknás* „навоз“; также в основах на *i/n*: *ákṣi*, *akṣnás* „глаз“, *ásthi*, *asthnás* „кость“, *dádhi*, *dadhnás* „творог“.

Аналогичное конечное ударение встречается также в род. ед. *āpnás* (*āsyà-* „рот“), подобным же образом: *doṣṇás*, *yūṣṇás*, *udnás* и *śīrṣṇás* (род. ед. к *dós* „предплечье“, *yūṣ-* „отвар“, *udaká-* „вода“ и *śīgaz-* „голова“). Конечное ударение в косвенных падежах в некоторых случаях вызывает редукцию корня, например *udnás*,

если сравнивать его с англ. water, и т. д. Это видно также в род. ед. usrās „зари“, если сравнить эту форму с сильной основой vasar°, выступающей в сложных словах. В двух случаях постоянное ударение установилось у существительных древнего склонения на г/п: áhar, áhnas „день“ и údhar, údhnas- „вымя“.

В основах мужского и женского рода на -г и -п передвижение ударения на окончание встречается в самых слабых падежах, где исчезает гласный суффикса: pitā, pitré, ср. греч. πατήρ, πατήρς; mūrdhā „голова“, род. mūrdhnās, ukṣā „бык“, ukṣhās, ср. греч. ἄρην, Γαρήν „ягненок“, род. ἀρός. В средних падежах, где суффиксальные -п и -г вокализовались после утраты гласного в ступени гула, ударение передвигалось на суффикс: pitṛbhis, mūrdhābhis. В некоторых случаях апофония указывает на то, что первоначально ударение было подвижным, хотя теперь оно постоянное: śvā „собака“, род. śúnas (исконное ударение в греч. κυός), yuvā „юноша“, род. yūnas, maghāvā, maghónas.

У основ на -as следы смещения ударения чрезвычайно редки. Формы твор. ед. bhīṣā (bhīyās- „страх“) и род. ед. uśās (вместо uṣ-s-as) иллюстрируют как конечное ударение, так и соответственное ослабление суффикса и корня. В других отношениях эти основы не отклоняются от нормы.

Подвижное ударение первоначально было характерно для основ на -i и -u, следы этого особенно значительны в греческом: οἶς „овца“, род. οἶός, γόυυ „колени“, γουός, δόρυ „копье“, δουρός. Санскрит в общем стабилизировал ударение (ávyas, mádhvas), хотя по временам апофония указывает, что исходное ударение было на конце: например, drūpas (< druṣās), род. от dáru „дерево“. Им. ед. ráṣu ср и род. ед. raśvās (м, но первоначально ср) представляют первоначальное индоевропейское склонение, но они больше не объединяются в единое целое, поскольку формы, однотипные с ráṣu, приобрели нормальное корневое ударение, и таким образом возникло слово мужского рода raśús, с которым стала соотноситься форма род. ед. raśvās. Кроме того, ударение на окончании встречается в небольшом количестве существительных с суффиксальным ударением, которые в род. ед. принимают окончание -as: arís : arýās; rayís : rāyās; pitús : pitvās.

Сдвиг ударения сохранился в причастиях на -ant с ударением на суффиксе: им. ед. adán „поедающий“ : твор. ед. adatā; yuñjān „соединяющий“ : yuñjatā; sunvān „отжимающий“ : sunvatā и т. п.; однако это не относится к средним падежам, где ударение стоит на суффиксе, а не на окончании.

Это основные случаи перехода ударения в санскритском склонении. В остальном—и это составляет подавляющее количество основ—ударение стабилизировалось или на корне, или же на суффиксе. Постоянное ударение на корне становится нормой для существительных среднего рода: dhánva „лук“ (оружие), dhánvanas; nāma „имя“, nāmnas; bráhma „молитва“, bráhmaṇas; āmhas „отчаяние“, āmhasas; mádhu „мед“, mádhvas, mádhunas; vāri

„вода“, *vāriṇas*. Сохранение ударения на корне также является правилом для существительных мужского и женского рода, у которых ударение стоит на корне: *bhrātā* „брат“—твор. ед. *bhrātrā*; *rāja* „царь“—род. ед. *rājñas*; *bhāvan* „живое существо“—*bhāvatas*; *gómān* „имеющий коров“—*gómatas*; *ávis* „овца“—*ávyas*; *pátis* „господин“—*pátes* „господина“, *pátus* („мужа“); *krátus* „мудрость“—*krátvas*; *śátrus* „враг“—*śátros*.

Тематические основы с ударением как на корне, так и на суффиксе имеют постоянное ударение и в санскрите, и в греческом. То же относится и к глагольным тематическим основам. Имеются данные, что в индоевропейском такие основы с самого начала характеризовались постоянным ударением.

Постоянное суффиксальное ударение в атематических основах встречается в ряде типов. У основ на -г и -п в санскрите оно редко, но нередко в греческом (*ποιμήν*, *ποιμένως*, а с *vřddhi*, проходящим через все склонение, *δοτήρ*, *δοτήρος*). В санскрите такое ударение встречается только в тех основах на -п, у которых в слабых падежах не выпадает гласный суффикса: *brahmā*, *brahmānas*.

С другой стороны, ударение этого типа приобрело большое значение при основах на -і и -и, образовав особый тип склонения с ударением на суффиксе (прилагательные и имена деятеля), охвативший постепенно все существительные мужского и женского рода независимо от их ударения. Склонение типа *pitā*: *pitré* встречается только в основе *sákhī*- „друг“: им. ед. *sákhā*, дат. ед. *sákhye*, но это результат вторичного передвижения ударения на корень, которое первоначально должно было быть одинаковым в обоих случаях. В других местах в нормальном типе (*agnís*, *agnés*) существует постоянное ударение на корне, и тип этот, по-видимому, очень древний, так как в форме род. ед. и т. д. ударение и апофония согласуются. Сохранение ступени *giṇa* в суффиксе в род. ед., дат. ед. (*agnáye*) и им. мн. (*agnáyas*), а также редукция окончания род. ед. до -s (*agné-s*) непосредственно связаны с постоянным ударением на суффиксе. Аналогично в основах на -и эта фиксация ударения на суффиксе у имен деятеля и прилагательных с суффиксальным ударением привела к образованию склонения типа *vāyús* „ветер“—род. ед. *vāyós*. В конечном счете этот тип склонения вытесняет другой возможный тип, по которому первоначально склонялись исключительно существительные среднего рода (*mádhvas*, *paśvās* первоначально принадлежали к среднему роду) и иногда существительные типа имя деятеля/прилагательное (*sákhye* со вторичным ударением на корне). Это объясняется главным образом постепенным упадком типов склонения среднего рода, противостоявших типам мужского/женского рода.

Постоянное суффиксальное ударение встречается также в основах мужского и женского рода на -as: им. ед. *rakṣās*, род. ед. *rakṣásas*, и в основах на -mant и -vant в том случае, когда

ударение в них стоит на суффиксе: *paśumān*, *paśumátas*. В последнем случае апофония указывает на первоначально подвижное ударение. Это относится также к перфектным причастиям, где фиксированное ударение должно быть вторичного происхождения: *sakṛvān*, *sakṛvāsas*.

Необходимо упомянуть об ударении некоторых инфинитивных форм, так как оно отличается от типов, перечисленных выше. Различие выступает в некоторых дательных инфинитивах, где ударение стоит на суффиксе, чаще всего в инфинитивах от основ на *-s*, например: *ṛcāse* „хвалить“, *caṛāse* „двигаться“, *spūrdhāse* „бороться“, *bhojāse* „наслаждаться“. Есть примеры и основ на *-tan* и *-van*: *vidmāne* „знать“, *dāvāne* „давать“, *tūrvāne* „превозмогать“. Ударение это не может быть первоначальным, поскольку суффиксальное ударение свойственно словам типа существительных имен деятеля/прилагательных, в то время как в именах действия среднего рода, к которым принадлежат эти инфинитивы, ударение стоит на корне. Едва ли возможно также, чтобы этот тип ударения вытеснил корневое ударение, поскольку это последнее стало нормой, так что скорее следовало бы ожидать обратного. Ударение, нормальное для имен среднего рода, иногда встречается в этих инфинитивах, редко в инфинитивах с суффиксом *-as* (*āyase* „идти“, *dhāyase* „лелеять“), чаще в других случаях (*dāmane* „давать“, *dhūrvāne* „вредить“. Поскольку мало вероятности, чтобы этот нормальный тип мог быть вытеснен, то суффиксальное ударение в инфинитивах следует трактовать как замену более древнего ударения на окончании (*ṛcasé и т. д.). Причина этого изменения не вполне ясна, но это можно связать с тенденцией, наблюдающейся и в других случаях, избегать конечного ударения в формах, имеющих более двух слогов: ср. *trivṛtas* в отличие от *ṛcās*, *akṣābhis* в отличие от *akṣṇā*. Частично это может объясняться влиянием местных инфинитивов, где ударение, как правило, падало на суффикс.

Небольшое количество имен действия на *-as* также приняло суффиксальное ударение: *bhīyās* „страх“, твор. ед. *bhīyāsā* наряду с более древним *bhīṣā* (см. гл. IV, § 13). После того как в именах среднего рода постоянное ударение на корне сменилось подвижным, передвигающимся в косвенных падежах на суффикс, единственным типом слов, где такое ударение было нормой, остались основы мужского рода с выпадением гласного в косвенных падежах: *ukṣā*, *ukṣṇās*. По аналогии с ними небольшое количество основ среднего рода, сохранивших в косвенных падежах ударение на окончании, в им.-вин. ед. получили ударение на суффиксе (вин. ед. *bhīyāsam* соответствует форме *bhīṣā*, как *ukṣāṇam* — *ukṣṇā*; позже, со стабилизацией нового типа ударения, образовалась форма *bhīyāsā*). Принадлежность этого существительного к женскому роду есть результат изменения его ударения.

Суффиксальное ударение стало нормой для большинства существительных среднего рода на *-iṣ*: *arṣiṣ-* „пламя“, род. ед.

arś́śas и т. д. в отличие от более редкого типа jyótiṣ- „свет“. Аномальный характер этого ударения становится ясным из слабой ступени слога, на который оно падает, а также из сравнения с родственными основами на -as и -us. Тот же тип ударения выступает в основах на -ī типа vṛkī и на -ū (первоначально основы на -iH и -uH). Система здесь более сложная, поскольку сюда входят типы имен действия (dehī „крепостной вал“, tanū „тело“) и типы имен деятеля/прилагательных (vṛkī „волчица“, agrī „девушка“). Ударение первого типа точно совпадает с ударением в слове arś́ś- и т. д. Точную параллель последнему типу представляют прилагательные на -in: balī, balīnas. В обоих адъективных типах суффиксальное ударение является правилом, но слабая ступень суффикса объясняется из тех форм, в которых первично ударение на окончании (*vṛkiyás, *balínás). Была обобщена не только слабая ступень, связанная с этими последними формами, но и суффиксальное ударение формы им.вин. ед., где первоначально должна была преобладать сильная ступень суффикса. Имена действия от основ на -ī (vṛkī) и -ū как по ударению, так и в других отношениях совпали с типом прилагательных / имен деятеля.

Тот же путь развития, по-видимому, прошел и ряд основ на -i и -u, первоначально среднего рода. Это ярче всего проявляется в случае основы raś́ś- „домашнее животное“. В одном примере сохранилась форма raś́śi среднего рода, и материалы сравнительного языкознания показывают, что эта форма с корневым ударением является первоначальной (ср. лат. rescu, гот. faihu, др.-прус. resku-: и.-е. réku). Древняя форма род. ед. от этой основы, с ударением на окончании, сохранилась в санскрите (raśśvás), но по аналогии с основами мужского рода, упомянутыми выше, эта форма дала начало новой форме, теперь уже мужского рода, им. ед. raśśús. То же, по-видимому, произошло со словом pitús „пища“, род. ед. pitvás, так как оно по своему значению является именем действия, а из основ на -i — с gauís : gāyás „богатство“ (вместо gáNis : raNuás). Возможно также, что таким путем возникли некоторые основы мужского рода на -n, не относящиеся к типу прилагательных / имен деятеля, например mūrdhá, род. ед. mūrdhnás „голова“.

§ 2. Гетероклитическое склонение

Соотношение основ на -g и -n рассматривалось довольно пространно в разделе образования имен, и здесь этот вопрос можно изложить суммарно. Основы среднего рода на -g, сохранившиеся в санскрите, образуют собственные формы только в им.вин. ед.; в остальных падежах употребляются формы от основ на -n: áhar / áhnas „день“, yákr̥t / yaknás „печень“ и т. д. Этот

тип склонения встречается и в других и.-е. языках, но везде, за исключением хеттского, как архаический пережиток, а не как продуктивное образование. В хеттском же этот тип чередования основ весьма широко распространен и выступает регулярно в склонении существительных среднего рода на -r / -n, а также в сложных суффиксах -mar/man, -war/wan, -šar/šan, -tar/tan. Следовательно, в какой-то ранний период индоевропейского это явление встречалось гораздо чаще, чем впоследствии, и исчезновение этого чередования объясняется отчасти исчезновением древних имен среднего рода вообще, а отчасти и распространением основы на -n на им.-вин. пад. ед. ч. Эта система сложилась в слишком отдаленное время, чтобы можно было теперь с точностью сказать, как именно она зародилась. Не похоже, однако, чтобы основы среднего рода на -r с самого начала не были способны соединяться с флексией, поскольку во всех языках встречаются такие примеры (скр. svár/sūras; vasar°/usrás; греч. ἄρ/ἄρος; хетт. kurgur/kurguraš и т. п.), и нет оснований считать, что этот тип не древний. Нельзя также сказать, является ли суффикс -n по своему происхождению падежным окончанием или же формантом, образующим какой-то косвенный падеж. Это полноправный суффикс наряду с другими суффиксами, и, как они, он выступает во многих древних примерах (например, скр. pāta „имя“, лат. pōmen, хетт. lātan и т. д.). Поэтому трудно сказать, каким именно образом эти две основы так часто сочетались, образуя одну парадигму, но это имело место уже в ранний период индоевропейского, и, хотя на последних стадиях языка-основы эта система уже начала устаревать, она устойчиво сохраняется в виде архаических пережитков в живых языках.

Таким же образом небольшое количество имен среднего рода на -i заменяют основу на -n за пределами формы им.-вин. ед.: ásthi : asthnás „кость“ и т. п. Кроме того, форма твор. мн. naktábhīś может соответствовать старому существительному среднего рода pákti „ночь“, перешедшему в женский род (им. ед. páktis). В слове vāgī „вода“ суффикс -n добавляется к суффиксу -i вместо того, чтобы заменить его (род. ед. vāgīnas). Этот процесс широко представлен в основах на -u: dāru „дерево“ : dṛūnas; mādhu „мед“ : mādhnas и т. д.; древность его подтверждается сходными образованиями в других языках: греч. δόρυ—δώρατος (*dorwōtos с дополнительным суффиксом -t, типичным для греческого). В ведическом языке это только один из способов склонения существительных среднего рода (возможны также формы mādhuvas и mādhus, причем последняя — инновация, заимствованная из склонения мужского рода), но в классическом языке это становится общим правилом. Распространение -n в косвенных падежах встречается иногда и при других суффиксах, например при основах на -as (śīras „голова“, род. ед. śīrṣṇás) и на -ya (kanyā, род. ед. kanīnām, Ав. также род. ед. kainīnō*). Это -n широко используется в некоторых падежах, например твор. ед. основ мужского рода

на -i и -u (agnīnā, vāyupā); в род. мн. оно появляется во всех гласных основах: devānām, agnīnām, pitṛnām и т. д.

Некоторые дефектные основы среднего рода на -п и -м выступают в Ведах главным образом в творительном падеже и включены в соответствующие основы на -man: bhūnā, mahnā, pṛeṇā, prathinā, mahinā, varinā (bhūmān- „изобилие“, prathimān- „ширина“ и т. п.). Выше было отмечено, что в этих случаях не следует предполагать изменения -mp в -p-.

Чередование uṣ/van, сходное с чередованием г/п, выступает в ведическом склонении слова dhānuṣ „лук“ (оружие)*. Основа на -uṣ выступает в форме им. ед., а в остальных падежах употребляется основа dhānvan-. Возможно, что основы rāguṣ- и rāgvān- „сустав“ распределялись первоначально при склонении таким же образом. Это сочетание основ на -п и -s встречается также в соответствующих основах мужского рода. Форма зв. ед. некоторых основ на -van в Ведах оканчивается на -vas: ṛtāvas, evayāvas, vibhavas, mātarīśvas (от ṛtāvan- „справедливый“ и т. д.). Имеются также такие дублеты, как ṛbhvan-, ṛbhvas; śikvan-, śikvas (оба со значением „искусный“), в которых два суффикса чередуются без какого-либо очевидного правила. Зват. пад. на -vas выступает также, и более регулярно, в основах на -vant, где -vant—это -van-, распространенное при помощи -t, а также в параллельных основах на -mant: ṛṣīvas, gnāvas, patnīvas, tuviṣmas, bhānumas, śuciṣmas. У этих основ формы на -s шире употребляются в иранском, поскольку в Авесте имеются формы им. пад. такого рода, включенные в парадигму основ на -vant: amavā (amavant-).

В результате анализа выясняется, что санскритские формы им. ед. произошли от этого (pāmasvān, raṣumān и т. д.). Формы именительного падежа, образованные от основ на -vant и -mant, были бы °van и °man (как °an в основах на -ant). Формы им. пад. на -vān, -mān произошли от *-vāns, -māns (-vāms, -māms), заменивших *-vās, *-mās путем назализации по аналогии формы им. ед. Это явление встречается в санскрите также у основ на -s, и так как этого нет в иранском, то его надо считать чисто индийским развитием. Чередование назализованных форм в сильных падежах с формами без носового в слабых падежах в таких классах, как причастия настоящего времени (adān, adāntam, adatā и т. д.), возникшее в результате изменения носового сонанта в a, дало толчок распространению п на сильные падежи и в других классах слов, где первоначально носового не было, в частности в формах сравнительной степени на -yas (śréyān „лучше“, śréyāmsam, śréyāsas) и в перфектных причастиях на -vas (vidvān, vidvāmsam, vidūśas). Это чередование наблюдается также в склонении слова puṃs- „мужчина“: puṃān, puṃāmsam, puṃśās. Это основа мужского рода на -ās, но, отклоняясь от нормального типа (rakṣās, rakṣāsam, rakṣāsas), она сохранила некоторые архаические черты. Таковы 1) ослабление кор-

невого гласного как результат ударения на суффиксе, 2) древнее конечное ударение в косвенных падежах, как в *pitṛé, ukṣṇás* и т. п., и 3) вытекающее из этого, ослабление суффикса в косвенных падежах. Помимо всего этого склонение осложнено введением носового в формах им. и вин. ед. (в результате чего заменяются **pimás, *pimásam*)¹. Среди основ мужского рода на -*as* есть еще один пример такой назализации, а именно *svāvān*—форма им. ед. от *svāvas*- „полезный“.

Введение -*n*- в гетероклитическую форму им. ед. от основ на -*vant* и -*mant* следует тому же общему принципу; затем это получило поддержку в связи с регулярным присутствием -*n*- в форме вин. ед., который образовался от основ на -*vant*. Распределение этих двух типов основ соответствует чередованию основ среднего рода на -*uṣ* и -*van* в *dhānuṣ-/dhānvan*, приведенных выше, если не считать того, что у основ мужского рода форма вин. ед. отличается от формы им. ед., а эта последняя образуется по аналогии с большинством падежей.

Суффикс -*vant* базируется на суффиксе -*van*, и, хотя формы им. ед. на -*vās* для основы на -*van* не засвидетельствованы, формы звательного падежа на -*vas* указывают на то, что когда-то так могли образовываться и формы им. ед.

В некоторых основах гетероклитически сочетаются суффиксы -*van* и -*vant*. Основы *maghāvan-* (им. ед. *maghāvā*, род. ед. *maghōpas* имеют основу -*vant* перед окончанием, начинающимся с согласного (твор. мн. *maghāvadbhis*). Рядом с обычной основой *ḥkvan-* „восхваляющий“ выступает твор. ед. *ḥkvaṭā*. Взаимозаменяемы основы *árvan-* и *árvant-* „конь“. Основа *yúvan-*, *yūn-* образует форму среднего рода *yúvat*, и на этой расширенной основе базируется форма женского рода *yuvatī-*.

Перфектное причастие образуется главным образом при помощи суффикса -*vāms/-uṣ*, но перед окончаниями, начинающимися с согласного, выступает основа на -*vat* (*vidvādbhis*—твор. мн.). Этот суффикс вновь появляется в греческом, где он является регулярной основой склонения (*εἰδώς, εἰδότης*); он также засвидетельствован в готском (*weitwōd-* „свидетель“). Данные сравнительной грамматики показывают, что это -*vat* этимологически никак не связано с -*vat* (< *wnt*), которое является слабой формой суффикса -*vant*, не содержа носового.

Слово, означающее „путь, тропа“, склоняется с различными основами. Сильная форма в Ригведе выступает как им. ед. *rānthās*, вин. ед. *rānthām*, им. мн. *rānthās*, чему соответствуют Ав. *rantā, rantam*. В слабых падежах основа выступает как *path-*

¹ Форма м. р. *pimás-* должна соответствовать форме ср. р. **reúmos-* „ribes“. Лат. слова *ribēs, ribes* имеют иные суффиксы. Поскольку конечная форма корня здесь, возможно, та, которая выступает также в лат. *ri-d-ōr*, то *b* и *m* также могут быть изменяющимися суффиксальными элементами; в латыни *b* может стоять на месте *m* перед *g* в *ribes-*, как в *hibernus, tuber* (*: tumōr*).

(твор. ед. pathá и т. д.). Отношение этих двух основ—это отношение апофонии: сильная форма суффикса -aH (> á), слабая форма -H. Слабая форма суффикса, H, делает придыхательным предшествующее t, а это придыхание распространяется затем на форму им. ед. и т. д. То же явление наблюдается в сильной и слабой основах mahā-, mah- „великий“ (megeH₂-/megH₂-). В средних падежах от path- употребляется основа на -i, встречающаяся и в других языках (ст.-сл. пять, др.-прусс. pintis): твор. мн. pathíbhīṣ и т. д. (этому противостоит Ав. padābiš, без -i). Точно так же к mahā-/mah- имеется дополнительная основа на -i, в данном случае в ср. р. ед. ч. (māhi; в Ав. также в твор. мн. mazibiš). После Ригvedы появляется еще одна сильная основа от path-, а именно основа на -p (вин. ед. pānthānam, им. мн. pānthānas). Это также древнее явление, поскольку то же образование имеется в Авесте: pantānəm, pantānō. Тот же тип склонения предписывался грамматиками для слов ṛbhukṣ—имя одного из божественных существ, и math- „мутовка“.

§ 3. Падежные окончания

Именительный падеж единственного числа, мужской и женский род. Существительные мужского и женского рода образуют форму им. ед. тремя способами: 1) при помощи vṛddhi суффикса; 2) присоединением окончания -s; 3) при помощи простой основы, ничем не характеризуемой. Сущность первого способа разбиралась по ходу изложения в разделе образования имен. Там мы видели, что прилагательные и имена деятеля образовывались на базе различных типов основы среднего рода путем перемещения ударения на суффикс и что фонетические причины, сейчас неясные, влекли за собой ступень vṛddhi суффикса в форме им. ед. В связи с vṛddhi развилась тенденция опускать конечный полугласный суффикса: pitá, brahmá. Тип им. ед. с vṛddhi регулярно выступает при основах мужского рода на -r, -n и -s (dātá, ср. греч. δατήρ; brahmá, ср. греч. ποιμήν; rakṣás, sumāpās, ср. греч. ψευδής, εὐμενής), изредка при основах на -i (sákhā). Первоначально сходная форма им. ед. с vṛddhi существовала у основ на -u, но во всех случаях, где такое vṛddhi сохранилось, -u уже вторичным путем приобрело добавочное -s: скр. dyaús, Ав. uzbāzauš, греч. βασιλεύς (вместо -ηύς) и т. д.

Окончание s выступает в санскрите, который в этом отношении очень близок родственным языкам, в основах мужского рода на -a (devás, лат. deus), в основах на -i и -u мужского и женского рода, как от имен действия (mātis, krátus, греч. βάσις, πῆχυς и т. д.), так и от адъективного типа (śúcis, purús; греч. ἴδρις, πλόυς и т. д.), в основах на -i типа vṛkí и основах на -ū, в гласных основах (именах действия или деятеля), включая односложные основы, первоначально оканчивавшиеся на -H (dhís, bhís).

Ясно, что нет общего принципа, который объединял бы эти различные образования, отличая их от тех классов, в которых им. пад. ед. ч. м. и ж. р. образуется иначе. Ясно также, что сфера именительного падежа на -s расширилась за счет других типов — мы уже наблюдали этот факт в формах им. пад. на -aus со ступенью *vṛddhi*. Ясно также, что существительные женского рода на -ī класса *vṛkī*, а также на -ū (*tapūs*) получили окончание -s от корневых основ на -ī и -ū, которые в остальном склонялись так же, как они. Существительные женского рода на -ā и -ī класса *devī* сохранили форму им. ед. без характерного окончания, что исконно характеризовало основы на -Н. Далее, представляется сомнительным, чтобы именительный падеж на s был связан первоначально с основами на -ī и -u, хотя он должен был распространиться среди них уже в очень ранний период. Причина этого в том, что, как подсказывает общая аналогия, имена действия этих классов первоначально относились к среднему роду; это подтверждается существованием пережитков такого типа. С другой стороны, относительно типов имен деятеля / прилагательных имеются данные, свидетельствующие, что с основами на -g, -n и -s параллельно типу с -s были формы с *vṛddhi*, и, хотя они редки в исторический период, можно показать, что это было гораздо обычной ранее. Существует вероятность, что именительный на -s первоначально был свойствен тематическим основам прилагательных, поскольку они отчетливо выделяются в особый класс. Нетрудно понять распространение этого окончания на основы на -ī и -u, так как, подобно тематическим основам, это основы гласные. В этом процессе морфологическое различие имен деятеля и прилагательных, по-видимому, не имело особого значения, и это -s именительного падежа (а с ним и различие между им. и вин. пад.) очень рано оказалось связанным даже с именами действия этих классов. Таким образом большинство этих существительных перешло в категорию мужского и женского (ранее общего) рода. Исторически они приняли окончание -s в им. ед. не потому, что они относились к данному роду, а скорее наоборот — они приобрели род, приняв окончание -s. Точно так же -s в им. ед. с раннего периода приобретают основы на смычные, вне зависимости от того, были ли это имена действия или имена деятеля. В односложных основах это -s добавлялось и после других согласных (после носовых: греч. *εῖς, κτεῖς*; после Н: скр. *dhīs, bhūs*).

Существительные женского рода на -ā и на -ī класса *devī* не имеют специального показателя для формы им. ед. В этом отношении они совпадают с именами среднего рода. Имена действия на -ā и -ī первоначально были среднего рода, поэтому адъективный тип, из которого в процессе специализации сформировался тип основ женского рода, всегда менее четко выделялся из типа имен действия, чем образования с другими суффиксами.

Винительный падеж единственного числа, мужской и женский род. Винительный падеж существительных мужского и женского рода не обнаруживает такого разнообразия. Окончание имеет вид -m после гласных основ (ášvat, лат. equum; agnīm, лат. ignem и т. д.) и -am после согласных основ (pādam, gājānam, pitāgam и т. д.). В последнем случае в греческом имеем α из π (πόδα, πατέρα)—это форма, которой и следовало ожидать фонетически; индоиранский заменяет ее более полной формой, преимущество которой заключается в большей отчетливости. В некоторых языках (греч., кельт., герм.) это конечное -m переходит в -n, как в форме им.-вин. ед. слов среднего рода (греч. λύου, πέδου), и неправильно, конечно, предполагать, как это иногда делается, что эта последняя—более древняя форма.

Именительный и винительный падежи единственного числа, средний род. Не считая основ на a, существительные среднего рода в этих падежах не имеют окончания: ūdhar, греч. ὄδωρ; mādhu, греч. μέθυ; pāma, лат. pōmen, хетт. lāma и т. д. У тематических имен среднего рода окончанием в обоих падежах служит -m. Выше было высказано предположение, что это -m древних имен этого класса первоначально было суффиксом -m (yugām : yugā- и т. п.), и как следствие того, что эти формы совпадали с формой вин. ед. от тематических адъективных основ, развился тип тематических имен среднего рода*.

Творительный падеж единственного числа. В образовании творительного падежа единственного числа индоевропейские языки не обнаруживают единства. Формы, соответствующие -ā, являющемуся регулярным окончанием в индоиранском, имеются только в некоторых языках, да и в них лишь при основах некоторых классов. Помимо него имеются еще окончания -bhi (греч. θεόφι, арм. mardov) и -mi (ст.-сл. вълкъмь, лит. sūpimī). Первый элемент, -bhi, выступает в окончании скр. твор. мн. (-bhi-s). В греческом он используется одинаково как в единственном, так и во множественном числе, а далее в широком смысле, покрывая значения твор., местн. и отлож. падежей. В хеттском есть свое особое окончание (-ēt), которое не имеет соответствия ни в одной форме индоевропейского. Из этого следует, что творительный падеж с его различными формами есть сравнительно новый падеж, вследствие чего он и не имеет одной общей формы, проходящей через всю индоевропейскую систему языков.

В санскрите обычно выступает окончание -ā, то есть -aH: padā, pitrā, gājā и т. д. Оно может также выступать с нулевой ступенью, -H, а именно у основ женского рода на -i: cittī (Ав. čisti), ūtī, jūṣṭī и т. д. В Авесте такая форма засвидетельствована и для основ на -u: mainu, xratū и т. д. Ее можно также предположить у тематических основ (vīka, Ав. vāhka и т. д.), так как акутовое ударение, встречающееся в других языках (лит. vilkū, geruō-ju; ср. также греч. наречие ἐπισυερώ

[„по порядку“], объясняемое как древний творительный падеж), указывает на невозможность стяжения (следовательно, это и.-е. w|k^wo-H, а не w|k^wo-oH/eH). Качество долгого гласного, образовавшегося при этом, варьировало между -ō (лит. vilkū, др.-в.-нем. wolfu с u < ō) и -ē (гот. hamfē-h, hē, скр. (наречия) paścā, uscā с палатализацией, указывающей на -ē). Все это наводит на предположение о первичной и.-е. метафонии eH₁/oH₁.

Дательный падеж единственного числа имеет окончание и.-е. Av. -e, -ōi, индоир. -ai: padé, pitré, súne, mánase; Av. bərəzaitē, vīse, riθre, raīθuaē-ča, əgəžəjūōi и т. д. Индоевропейское окончание -ei сохранилось в оскском языке (patereī, regatureī, legineī) и фригийском (Fayaxteī). В других языках фонетические процессы затемнили его (лат. patrī, ст.-сл. матери и т. п.). Относительно исходной формы окончания дательного падежа велись споры, причем для сравнения приводились параллельные формы греческих инфинитивов на -αι (δόμεναι, δοφειναι, δοβυαι и т. д.). Но существование в греческом некоторых следов дательного на -αι (Διφειφίλος) показывает, что, как бы мы ни толковали эти инфинитивы, их нельзя принимать в расчет, восстанавливая форму и.-е. дательного падежа.

Отложительный падеж единственного числа. Особая форма для отложительного падежа, повсеместно совпадающего с род. ед., встречается лишь в склонении тематических основ: -āt (-ād) в vřkāt и т. п., лат. lupō(d). Это отражает положение, существовавшее в индоевропейском. В некоторых языках, а именно в италийском и в поздней Авесте, эта форма распространилась и на другие классы основ (оск. toutad „civitate“, лат. magistratū, Av. āθraī, garoiī и т. д.). В славянских языках это окончание служит для образования как отложительного, так и родительного падежа в тематическом склонении (ст.-сл. вььма). Невозможно определить, было ли исходным в окончании -d, или -t. Гласный ō в обычном именном склонении чередовался с ē в адвербиальных формах (лат. facillumēd). В последних окончаниях находилось под ударением (скр. paścāt, sanāt). Гласный имел циркумфлексное качество (лит. tō, греч. (диал.) τῶδε „отсюда“), что указывает на стяжение (-ōd < -o-od); это отражено во встречающемся иногда в Ведах двухсложном скандировании.

Родительный-отложительный падеж единственного числа. Для образования отложительного и родительного падежа повсюду, за исключением тематического класса основ, служит окончание -as, представляющее и.-е. -es и -os. Различие между этими двумя окончаниями зависело от ударения: -es появлялось в связи с первоначальным конечным ударением, а -os—в случаях (греч. σφματος и т. п.), когда имелось постоянное ударение на корне. Это различие нигде не сохранилось, так как разные языки обобщили разные формы, например греческий обобщил окончание -os (σφματος, παδός), а латинский -es (> is) (corpōris, pedis; но др.-лат. regus и т. п.). Кроме того, существует редуцирован-

ное окончание -s, которое выступает в типах прилагательных и имен деятеля с ударением на суффиксе. В санскрите оно встречается у основ на -i и -u (agnés, sūnós), а в Авесте также в некоторых основах на -r (pitarš). В основах на -i и -u эта форма распространилась из области прилагательных, которым она была свойственна с самого начала, на большинство имен действия (matés, étos). В Ведах сохранилось всего несколько примеров другого возможного типа (ávyas, mádhvas).

Местный падеж единственного числа. В санскрите имеется три типа форм местного падежа ед. ч., иллюстрируемых чередующимися формами местного падежа от слова, обозначающего „глаз“: akṣán, akṣáni, akṣṇí. По-видимому, их хронология такова. Тип akṣṇí является самым поздним. Согласно грамматикам, местный падеж основ на -n может оканчиваться на -aní или -ní (gājani, gājní; saktháni, sakthní), но в языке Ригведы последний тип не встречается, что показывает, что это инновация, которая объясняется тенденцией аналогического выравнивания местного падежа с другими косвенными падежами путем постановки ударения на окончание и ослабления суффикса. Тенденция эта стала общей у многих согласных основ уже в доведический период (adati, bhágavati, vidúṣi и т. д.), но более древний тип с ударяемым суффиксом в ступени gṛa сохраняется в основах на -an и -r (svásari, pitári), к которым можно присоединить некоторые односложные основы: kṣámi, dyávi (наряду с diví).

Древнейшая форма—местный падеж без окончания—выступает у основ на -n (áhan, mūrdhán, śírṣán; ср. греч. αἰών „всегда“ и такие инфинитивы, как δόμειν и т. п.), а также у основ на -i и -u с vṛddhi. Спорадически она встречается и в других случаях, например в слове ragút „в прошлом году“ в отличие от греч. πέροντι, πέροντι: это сложное слово, последний член которого (-út) представляет собой слабую форму от корня wet, выступающего в хетт. wett- и греч. ἔτος „год“. В Авесте есть местный падеж без окончания от корневого слова maп- „ум, разум“ в выражении māp ča daidyāi „и запечатлеть это в уме, запомнить это“.

Местный падеж на -i образован из более древней формы без окончания, к которой добавлен суффикс или частица -i. Получившаяся более отчетливая форма имела тенденцию вытеснить более древнюю форму без окончания, но к ведическому периоду этот процесс еще не завершился. В подавляющем большинстве случаев эта форма местного падежа сохранила суффиксальное ударение и ступень gṛa в суффиксе, что было характерно для старой формы без окончания и резко отличало местный падеж от родительного и дательного падежей ед. ч., имевших ударение на окончании. В то же время действовала аналогия выравнивания местного падежа по типу этих двух падежей,— причем как в доисторический период (adati и т. п.), так и на протяжении истории самого санскрита (gājní и т. п.). Суффиксальное

ударение в старых формах местного падежа без окончания параллельно тому, какое наблюдается в наречиях, базирующихся на основах среднего рода (prātār и т. д.).

Звательный падеж единственного числа. Звательный падеж единственного числа представляет чистую основу и является, следовательно, пережитком той эпохи, когда склонение существительных еще не сложилось в ту систему, с которой мы сталкиваемся позже. В этом отношении звательный падеж подводит нас к тем же выводам, что и система именного словосложения, являясь показателем того раннего периода индоевропейского, когда чистая основа могла функционировать как слово. Для образования звательного падежа от тематических основ достаточно опустить -s, характеризующее именительный падеж: vṛka, греч. λύκη, лат. lupе. Различные языки с удивительным единодушием дают в этом падеже суффикс в ступени -е вместо обычного -о (λύκος и т. п.). Основы с vṛddhi в им. ед. заменяют ее ступенью gūpa в звательном падеже (ср. śvan, pīṭar и śvā, pītā и т. д.); эта черта встречается также в других родственных языках (греч. κόου, πάτερ). Gūpa выступает также в основах на -ī и -u (āgne, sūpo), поскольку образование основ прилагательных на -ī и -u первоначально шло параллельно образованию основ прилагательных на -g и -n. Формы женского рода на -ī и -ī̄ заменяют долгие гласные краткими -i и -u, что, пожалуй, следует считать закономерным развитием -iH и -uH перед паузой. Ср. аналогичный переход -aH > -ā в таких греческих формах звательного падежа, как κόμψα, σοφώτα. Звательный падеж основ на -ā является аномалией (bāle, зват. от bālā „девушка“) и, возможно, объясняется добавлением энклитической частицы -i (-е из -aH-i). В санскрите звательный падеж не имеет ударения, за исключением тех случаев, когда он стоит в начале предложения или стопы (pāda), и в этом случае он имеет особое ударение, а именно на первом слоге, независимо от обычного ударения в слове. Следы ударения такого типа есть и в других языках (ср. греч. зв. πάτερ, ἀδελφε в отличие от им. ед. πατήρ, ἀδελφός), но нигде оно не представлено так широко, как в санскрите. Эта система не может быть очень древней, иначе не было бы регулярной ступени gūpa суффикса как следствия суффиксального ударения, что характерно для этих типов.

Именительный падеж множественного числа, мужской и женский род. Санскритское -as (pādas „ноги“) соответствует и.-е.-es, сохранившемуся в других языках (греч. πόδες). Это окончание всегда выступает в полной ступени, хотя никогда не несет ударения. В основах с чередованием гласных это окончание присоединяется к основе в сильной ступени—или в ступени gūpa (pītāras, ukṣāṇas, agnāyas), или же в ступени vṛddhi (dātāras, gājānas). Как и в вин. пад. ед. ч., последний тип перенесен сюда из им. пад. ед. ч. Формант -s выступает в большинстве падежных форм множественного числа, например, вин. пад. -ns,

твор. пад. -bhis, дат.-отлож. пад. -bhyas, местн. пад. -su. Возможно, но не обязательно, что это -s тождественно -s им. пад. мн. ч. Индоевропейская система множественного числа осложняется двумя необычными чертами. Во-первых, если это -s — показатель множественного числа, то оно отличается от того -s, которое встречается в большинстве языковых семей, тем, что добавляется после, а не перед падежным окончанием. Во-вторых, окончания множественного числа по большей части отличаются от окончаний единственного числа, так что, по-видимому, это совершенно необычное явление. Следующую проблему представляет хеттский язык, в котором именительный пад. мн. ч. имеет совершенно особую форму, так же как и винительный (ḫumantēš им., ḫumanduš вин. „все“), однако форма род.-дат. мн. нормально совпадает с формой род. ед.; в других отношениях склонение не развилось. Трудно судить, насколько это обязано инновациям хеттского языка, но во всяком случае это свидетельствует о том, что склонение во множественном числе в индоевропейском есть явление более позднее, чем склонение в единственном числе.

Винительный падеж множественного числа, мужской и женский род. В индоевропейском окончание имело вид -ns после гласных основ и -ŋs после согласных. Это сохранилось в готском и в некоторых греческих диалектах, а именно в критском (греч. ἐλευθέροϛ, υἱύϛ, гот. wulfans, gastins, brōþrunс). В санскрите вин. пад. мн. ч. от гласных основ мужского рода (-ān, -īn, -ūn, -ṛīn) сохраняет это s в сандхи (-āns и т. д. перед t-). В Ведах влияние этого -s видно также перед гласным (-ān, -īnṛ). Долгий гласный в санскрите не исконный, он появляется в тематических основах по аналогии с им. пад. мн. ч. (-ās с долгим гласным, откуда в вин. пад. -āns вместо -ans). Из этого склонения долгий гласный распространился и на основы на -ī, -u и -ṛ. Окончание -ŋs после согласных основ, как правило, дает -as как в санскрите, так и в греческом (ραδάς, πίδαϛ). В санскрите вин. пад. мн. ч. является слабым падежом. Это значит, что ударение стоит на окончании и основа выступает в своей слабой форме. Но и само окончание имеет слабую форму, так что, по всей вероятности, это инновация. Если в этом падеже и.-е. -ns восходит к -ns, то форма эта могла возникнуть путем добавления показателя множественного числа -s к форме вин. ед.

Гласные основы женского рода не обнаруживают в санскрите никаких следов -n (-ās, -īs, -ūs, -ṛs). Из индоиранских (скр. कणुाँ, Ав. urvarā) и германских соответствий (гот. gibōs) становится ясно, что в основах на -ā отсутствие -n есть черта индоевропейская. Неразличение именительного и винительного падежей, характерное для имен среднего рода, первоначально характеризовало и основы на -ā (-aH), когда эти основы еще не дифференцировались от других основ среднего рода. Это сохранилось в форманте -ā, который служит для образования множе-

ственного числа от тематических основ среднего рода (им.-вин. мн. *yugā*). Правильные имена женского рода приняли во множественном числе -s несреднего класса, но сохранили во множественном числе неразличение им. и вин. падежей. Из области основ на -ā этот тип склонения распространяется на основы женского рода на -ī, -u и -ṛ, которые в индоевропейском исконно имели формы, ничем не отличающиеся от соответствующих форм от основ мужского рода (греч. *ῥῆις* „овца“).

Именительный-винительный падеж множественного числа, средний род. 1) Множественное число среднего рода в ведическом языке в некоторых падежах еще не дифференцировано от единственного числа, например: *īdhar divyāni* „божественные сосцы“, *viśvāni vāsu* „все товары“, *yōjanā purū* „много миль“, *sāp aranta rāgva* „суставы сошлись“. Это пережитки ранней стадии, когда система склонения была еще слабо развита. 2) В иранском наряду с этим типом существуют формы множественного числа среднего рода, характеризующие ступенью *vṛddhi* суффикса: Ав. *ayāgē* „дни“, *vaśā* „слова“, *pāmañ* „имена“ и т. п. Это древний тип, примеры такого рода можно привести еще из хеттского: *widāg* мн. ч. от *watar* „вода“. В греческом же такие формы среднего рода с *vṛddhi* выступают только в единственном числе: *ῥῆωρ*, *τέχιωρ* и т. п. Это могут быть древние формы множественного числа, используемые как формы единственного числа, после того как этот тип исчез как образование множественного числа. В санскрите он в основном заменен формой, расширенной при помощи суффикса -ī (*pāmāni* „имена“), но в ведическом языке этот тип еще сохраняется (наряду с другой формой) у основ среднего рода на -n (*bhūta* „существа“, *āhā* „дни“, *śīrṣā* „головы“, где из суффикса выпадает -n, как и в других случаях при *vṛddhi* (*rājā* и т. п.). 3) Формы множественного числа от основ среднего рода, образованные добавлением суффиксального -i к этим формам с *vṛddhi*, встречаются также в Авесте (*pāmēni* „имена“, *sax^v-ēni* „учения“, *varəśāni* „силы“), где они чередуются с формами множественного числа с простой ступенью *vṛddhi*. Как суффикс множественного числа среднего рода -i встречается в хеттском (*kuigi* мн. ч. от *kuig* ср. „враждебность“), что свидетельствует о древности употребления этого суффикса в индоевропейском для образования форм множественного числа. Это -i, по-видимому, тождественно суффиксу -i, выступающему при образовании имен среднего рода. В других и.-е. языках выступает главным образом суффикс -a или -ā, ведущий начало от тематических основ (греч. *ὀνόματα*, как *ζούα* и т. п.).

В ведическом языке по сравнению с индоиранским состоянием, о котором можно судить на основании данных Авесты, сильно распространилась форма множественного числа на -i. Большинство типов основ утратило формы с простым *vṛddhi*. Кроме того, из основ на -n и -nt (*pāmāni*, *ghṛtavānti*) в другие типы по аналогии стал проникать носовой звук: например, *pāmānt*

„умы“ вместо *mānās-i, также havīṃṣi „жертвенные возлияния“, śakṣūmṣi „глаза“ и т. д. Форму без назализации сохраняет лишь слово catvāri „четыре“. Процесс этот продолжает развиваться и в послеведический период, когда создаются назализованные формы множественного числа на -i от согласных корневых основ, например °śaṅki от °śak- „способный“, °bunḍhi от °budh- „понимающий“. Кроме того, по аналогии с основами среднего рода на -n, как pāṁtāni, создается новый тип множественного числа основ среднего рода на -a, -i и -u: bhūvanāni „миры“, śucīni „яркие“, vāsūni „богатства“. В ведическом языке эти формы конкурируют со старыми (bhūvanā, śucī, vāsū), но в более позднем языке употребляются исключительно новые формы. Кроме того, на той же аналогии в позднем языке строится форма мн. ч. ср. р. на -īṅi для основ на -ṭṛ. 4) Унаследованная от индоевропейского форма множественного числа среднего рода от тематических основ оканчивается на -ā (yugā, греч. ζυγά, лат. juga, гот. juka, ст.-сл. нга). Это -ā тождественно суффиксу -ā, который в исторический период служит для образования форм женского рода. Как уже было отмечено, это -ā (< aH) первоначально ничем не отличалось от обычного типа суффикса среднего рода. Эти формы множественного числа первоначально были собирательными именами среднего рода единственного числа; в греческом они сохраняют это свойство настолько, что глагол при них стоит в форме единственного числа (τὰ ζῶα τρέχει). В этой функции суффикс -ā сохраняет свою древнюю особенность, состоящую в том, что он употребляется как в именительном, так и в винительном падеже. Варьирование в индоевропейских языках -ā и -ā, по-видимому, объясняется различным развитием сандхи и.-е. -aH (-ā перед гласным или паузой, в других случаях -ā); аналогичное варьирование наблюдается в формах женского рода на -ā. Основы среднего рода на -i и -u также образуют множественное число удлинением гласного основы, и если не рассматривать их как простую аналогию к тематическим основам среднего рода, то их можно разложить на -i-H и -u-H + слабая форма суффикса. В ведическом языке они существуют наряду с формами, не дифференцированными от форм единственного числа, и наряду с новым типом на -īni, -ūni, который позже станет нормой.

Творительный падеж множественного числа. Окончание твор. мн. -bhis (Ав. -biš) содержит элемент -bhi, который, судя по данным греческого языка (θεῖσι, ἀγέλησι, ἴσι, ναῦσι, ἐρέβησι и т. п.), в какой-то более ранний период индоевропейского употреблялся гораздо шире и менее четко, служа для образования как единственного, так и множественного числа и покрывая значения творительного, местного и отложительного падежей. В индоиранском в отличие от греческого и армянского (gailov, мн. ч. gailovk': gail „волк“) этот формант выступает только во множественном числе, а творительный падеж единственного числа образуется совершенно отличным способом. Конечное -s можно

толковать как -s множественного числа, присоединенное к этому элементу, или же, если принять во внимание такие наречные формы, как греч. *λίχιφίς* „сбоку“ и Ав. *mazibiš* „весьма“, просто как один из наречных суффиксов (ср. *ἀμφί* : *ἀμφίς* и т. д.), который, регулярно появляясь во множественном числе, стал восприниматься как его показатель. Балто-славянский и германский в этом падеже снова имеют -m- (лит. *sūpimīš* и т. д.), которое фонетически совершенно невозможно связать с -bh- других языков.

Дательный-отложительный падеж множественного числа. Вследствие какой-то аномалии отложительный падеж, имеющий в единственном числе, как правило, такую же форму, как и родительный, во множественном числе имеет форму, совпадающую с дательным. Окончание этого падежа — *-bhuyas*, Ав. *-buō*. Западные и.-е. языки имеют форму, сходную с этой, но восходящую к первоначальной форме *-bhos* (лат. *-bus*, оск. *-fs*, *-ss*, венет. *-bos*, гальск. *-βo*). Возможно, но не обязательно, что это *-bhos* развилось из *-bhuyos* в результате спорадической утраты *-y* после согласного, что легко понять в случае окончания со слабым ударением. Анализ этой формы подсказывается сравнением форм дательного падежа личных местоимений. Наряду с обычными формами *tībhuam*, *asmābhuyam* в ведическом языке сохраняется также форма без *-m*, древность которой подтверждается фактами иранского (Ав. *maibuā*). Это *-bhuyas* в дат.-отлож. мн. можно толковать как *-bhuya + s*, указывающее на множественное число. В таком случае первоначально это был дательный падеж, а его употребление в функции отложительного естественно объясняется тем, что окончание этой флексии *-as* сходно по форме с *-as* род.-отлож. падежа единственного числа.

Родительный падеж множественного числа. Окончание родительного падежа множественного числа отличается от окончаний других падежей множественного числа отсутствием *-s* (если не считать местоименные формы *tēsām*, *tāsām*). Окончанием является *-ām*, которое в Ведах часто скандируется как двусложное, что, наряду с обличенным ударением в греч. *-ᾶυ*, указывает на первоначальное стяжение *-o-om*. Это могло произойти лишь в тематических основах, поэтому следует предположить, что исконное окончание *-om* других основ было заменено долгим стяженным *-ōm*, появившимся в этом классе. Краткое окончание *-om* было обобщено славянским (> *ŭ*, *māterŭ*, *imēŭ*) и, возможно, латинским (*hominum*), где, по-видимому, не следует предполагать, что *-um* развилось из более древней формы с долгим гласным. Вариант этого форманта в ступени *-e* выступает только в готском (*wulfē*, *suniwē*). Санскритские гласные основы характеризуются вставным *-n-* перед окончанием, и этой системе соответствует склонение в Авесте, за исключением основ на *-ṛ*. Единственное соответствие этому за пределами индоиранского имеется лишь в германском, в основах на *-ā* (др.-в.-нем. *gebōpo* „даров“), поэтому можно предположить, что вставное *-n-* возникло

именно в этом классе основ, а оттуда уже распространилось на другие гласные основы.

Местный падеж множественного числа. Санскритское окончание -su (patsú) выступает также в иранском, славянском (-chŭ < su) и — по диалектам — в литовском. С другой стороны, в греческом существует окончание -σι (ποσσί и т. п.). Эти варианты показывают, что окончание распадается на два элемента: с одной стороны, s + u, с другой — s + i. Это -s можно отождествить с s множественного числа других падежей, и к нему присоединяются элементы -i и -u. Элемент -i греческого окончания, по-видимому, следует отождествлять с -i местного падежа единственного числа; -u в окончании других языков, очевидно, является чередующимся суффиксом, выполняющим ту же функцию. Таким образом, первоначально местный падеж множественного числа образовался добавлением показателя множественного числа -s к лишенной окончания форме местного падежа единственного числа (у тематических основ — к форме на -oi), а добавление -i и -u — явление вторичное, так же как и добавление -i в единственном числе.

Именительный-звательный-винительный падеж двойственного числа. В индоевропейском этот падеж образовался при помощи различных формантов, в зависимости от типа основы. На основании сравнительных данных родственных языков можно сказать, что в санскрите окончание -au, -ā первоначально ограничивалось тематическими основами (греч. λύχω, лит. vilkù, ст.-сл. вълка), откуда оно распространилось на другие типы (rādau, pitāgau и т. п.). В этих последних классах основ греческий и литовский представляют окончание -e (μητέρε, áuguse). Предполагается, что это окончание, в других местах замененное в санскрите окончанием -au, сохранилось в сложном слове двандва двойственного числа mātagarītagau „родители“, которое грамматики приводят как северную форму. В классическом санскрите нормой стало окончание -au, но в ведическом языке наблюдаются два варианта: -au и -ā. Перед гласными, как правило, выступает -au, переходящее в -āv, в остальных случаях — -ā. Какие-то из этих вариантов должны восходить к и.е. периоду, в частности форма на -ā, которая была обобщена родственными языками.

Основы женского рода на -ā и основы среднего рода принимают в этой форме окончание -ī. Это единообразие является еще одним признаком тесной связи, существовавшей между основами женского рода на -ā и основами среднего рода. Примерами согласных основ среднего рода служат: vācasī, cākṣuṣī, pāṁnī, bṛhatī. В тематических основах среднего рода и основах женского рода на -ā это -ī, сочетаясь с гласным основы, образует дифтонг -e: yugé, śfñge; áṣve, séne. Это -ī встречается также в старославянском, хотя и редко (имени, тьлоси), а в основах на -o и -ā мы видим в славянском тот же дифтонг (сэль, рѣць), — форма, затем распространенная и на согласные основы (имени „два имени“). Основы на -i и -u образуют двойственное число,

удлиняя гласный основы: *rāṭī*, *sīpī*; к ним надо отнести и основы женского рода на *-ī* типа *devī* в ведическом склонении (дв. *devī*, позднее *devyaū*). Это древний тип, имеющийся также в Авесте (*gaīrī*, *maīnu*), славянском (ст.-сл. *пѣти*, *сыны*) и литовском (*paktī*, *sīpu*).

Творительный-дательный-отложительный падеж двойственного числа. Окончанием для всех этих трех падежей служит *-bhuām*; оно содержит тот же элемент *-bhī*, который выступает в дат.-отлож. и в твор. пад. мн. ч. Соответствующее ему *-bhuam* появляется лишь один раз в Авесте (*brvaṭbhuam* от *brvat-* „бровь“); в других местах в Авесте фигурирует *-bhuā*, а в др.-перс. *-biuā*. Из этого видно, что элемент *-m* добавлялся здесь позже, как и повсюду (ср. *tubhya*, *tubhyam* и т. д.). Балто-славянские языки имеют здесь, как и во множественном числе, *-m-* вместо *-bh-* (ст.-сл. *оумма* и т. п.). Обычно окончание присоединяется к простой основе, но в более древнем языке иногда и к форме, служащей им.-вин. дв., например, *akṣībhuām*—ср. *akṣī* „два глаза“ (ср. ст.-сл. *оумма*: *оум*). У тематических основ это стало нормой: *vṛkābhuām*, ср. *vṛkā(u)* и т. д.

Родительный-местный падеж двойственного числа. Окончание, обычное для двух этих падежей,—*-os* (*padós*, *pitṛós* и т. д.), добавляемое к слабой форме основы. С другой стороны, в Авесте имеется два разных окончания: *-ō* (*zastayō*) для местного и *ā* (*pāirikaṃā*)—для родительного падежа. Окончание *-o* произошло из *-au* и тождественно санскритскому окончанию без конечного *-s*. В родительном *-ā* (< *-ās*) специфично для Авесты. В славянском существует окончание *-u*, которое может представлять либо *-ou* (Ав. *-ō*), либо *-ous* (скр. *-os*). Литовский, сохраняющий это окончание лишь в некоторых адвербиальных формах, имеет и *-au*, и *-aus*: *dviejau*, *dviejaus* „по два, парой“—ср. скр. *dvāyos*. Элемент *-au-*, выступающий в санскрите перед окончанием в основах на *-a* и *-ā*, перешел из склонения местоимений и числительного „два“ (*tāyos*, *dvāyos*). В славянском это сохраняется только в этих случаях: *toju*, *dvoju*, но *vlūku*, *igu*, *grku*.

§ 4. Классы склонения

Сложность санскритского склонения заключается не столько в системе окончаний, кратко описанной нами выше, сколько в сочетании этих окончаний с основами различных типов, а также в чередовании в самих основах в зависимости от ударения и апофонии. Основы и склонения, на них базирующиеся, легко классифицируются в пять основных типов: 1) согласные основы, 2) основы на *-ṛ*, 3) основы на *-ī* и *-u*, 4) основы на *-ā*, *-ī* и *-ū* и 5) основы на *-a* (тематические основы). По традиции, сложившейся в грамматике классических языков, а также из соображений удобства описательные грамматики обычно рассматривают

эти классы в порядке, обратном данному здесь. Но так как нормальная схема окончаний, описанная выше, ясней всего выступает именно в склонении согласных основ, а склонение тематических основ, переняв большое количество специфических падежных форм у местоимений, больше всего от нее отклоняется, то, с точки зрения сравнительной грамматики, удобней всего вести изложение в предложенном нами порядке.

§ 5. Согласные основы

Согласные основы включают корневые основы (pad- и т. п.) и производные основы на -п, -пт, -s и т. д. Последние распадаются на два класса: а) основы среднего рода и б) основы мужского/женского рода. Об особенностях их образования и связи между ними уже говорилось. Склонение имен среднего и несреднего рода различается только в им. и вин. падежах. В этом отношении согласные основы в санскрите отличаются от основ на -i и -u (mádhvas: sūnós), а также от практики некоторых других языков с согласными основами (греч. οἴματος, οὐράματος срл φέρουτος, ποιμέυος и). Склонение этих основ требует еще некоторых пояснений. На протяжении всего склонения обычные окончания присоединяются без особых модификаций. Специфическое развитие санскритской фонетики создало, однако, некоторые осложнения (например, viś- „поселение“: им. ед. viṣṭ, вин. ед. viśam, твор. мн. viṣbhís, местн. мн. (ведическое) viṣṭu), но этот аспект проблемы относится собственно к фонетике, а не к морфологии. В остальных отношениях сложности в склонении этого класса основ уже были описаны нами под заголовками: 1) Ударение и апофония (pāt: padás и т. д.) и 2) Гетероклитическое склонение (ūdhag, ūdhnas). Сильная тенденция санскрита к назализации основы в сильных падежах также отмечалась нами (vidvān, vidvāmsam, vidúśas). По аналогии назализация распространяется из сферы тех случаев, где она исторически оправдана (bhávan, bhávantam, bhávatas и т. д.), параллельное развитие наблюдается в склонении имен среднего рода во множественном числе.

§ 6. Основы на -ṛ

Ед. число. Им. pitā, вин. pitāram, dātāram, твор. pitrā, дат. pitré, род.-отлож. pitúr, местн. pitāri, зват. pitar.

Дв. число. Им.-вин.-зват. pitārau, dātārau, твор.-дат.-отлож. pitṛbhyām, род.-местн. pitrós.

Мн. число. Им. pitāras, dātāras, вин. pitṛn, mātṛs, твор. pitṛbhis, дат.-отлож. pitṛbhyas, род. pitṛñām, местн. pitṛṣu.

То, что в санскрите основы на -ṛ считаются скорей гласными, чем согласными основами, объясняется некоторыми особенностями

развития санскрита, усиливающими вокалический характер этих основ. Это особенно заметно на вин. и род. пад. мн. ч., формах, являющихся санскритской инновацией. По аналогии с согласными основами в вин. пад. мн. ч. должна бы быть форма *pitrás*, но она заменена новой формой на *-ṛṇ*, возникшей по аналогии с *-āṇ*, *-īṇ*, *-ūṇ*. Так в санскрите образовался новый долгий гласный *ī*, не имеющий фонетической предпосылки среди унаследованных им и.-е. звуков. Древний тип род. пад. мн. ч. имеется в Ав. *dugāḍṛam* и т. д. В санскрите это окончание сохраняется нерегулярно в Ведах, например, *pāgām* (: оск. *peḡim*), род. мн. от *pāg-* „человек“, и однажды в слове *svásṛām*. В других местах это окончание заменено новым — *-ṛṇām*, созданным в результате действия той же аналогии по образцу *-āṇām*, *-īṇām*, *-ūṇām*.

В им. пад. ед. ч. с *vṛddhi* это *-ṛ* опускается точно так же, как *-ṇ* в основах на *-ṇ* (*pitā* : *gājā*). Эта элизия встречается также в иранском (Ав. *māta* и т. д.), балтийском (лит. *motė*, *sesuō*) и славянском (ст.-сл. *мати*). Другие языки сохраняют *-ṛ* в основе (греч. *μήτηρ* и т. п.). В вин. пад. ед. ч. суффикс стоит в ступени *ḡṇa* в большинстве терминов семейного родства (*mātāram*, *duhitāram*), но в слове *svásṛ-* „сестра“, а также в именах деятеля на *-ṛ* появляется ступень *vṛddhi*, введенная по аналогии из им. пад. ед. ч. То же различие имеется в формах им.-вин. дв. и им. мн. В самых слабых падежах обычно сохраняется древний тип склонения с переносом ударения на окончание. В других и.-е. языках этот тип склонения встречается в древних терминах родства (греч. *πατήρ*, *πατήρ*, лат. *pater* и т. п.), но наряду с этим встречается и параллельный тип со ступенью *ḡṇa* суффикса (греч. *μητέρα* рядом с *μήτηρ*, ср. *πιμήνης*, оск. *patereī*, ст.-сл. *матери*, ср. *agnāye*). Только индоиранский сохраняет древний тип склонения в именах деятеля на *-ṛ*. В других языках его в этих падежах заменили инновации с *ḡṇa* или *vṛddhi* суффикса (греч. *δοτήρ*, *δώτορος*, лат. *datōris* и т. д.). В санскрите *ḡṇa* основы выступает при склонении слова *paḡ-* „человек“ (дат. *pāge*, род. *pāgas*) в отличие от древнего типа склонения, наблюдаемого в греческом (*ἀνδρός*, *ἀνδρῶν*).

В этом отношении санскритские основы на *-ṛ* заметно отличаются от основ прилагательных на *-ī* и *-u*, сохраняющих ступень *ḡṇa* и ударение суффикса в дат. и род. ед. (*agnāye*, *agnés*). Но различие между этими двумя классами становится меньше, если мы проследим природу род. пад. ед. ч. основ на *-ṛ*. Чтобы согласоваться с формой дательного падежа, окончание это должно было бы быть *-ās* с ударением на конце; и такие формы действительно встречаются в иранском (Ав. *brāḡrō*, *dāḡrō*), а также в других и.-е. языках (греч. *πατήρ* и т. п.). Санскритская форма (*-ur*, *-us*, *-uḥ*) восходит, судя по данным иранского (Ав. *pəḡš*), к *-ṛš* (*pitṛš). Такая форма со слабой ступенью суффикса и окончания не может быть исходной и должна, следовательно, считаться инновацией, заменившей что-то другое. Эту форму никоим

образом нельзя производить от *pitrás (а значит, pitrás была не единственной формой), и, следовательно, ее происхождение следует искать в другом типе род. пад. ед. ч., сохранившемся в иранском: parš, zaotarš, sāstarš. Этот тип, с которым можно сравнить лит. motėfs, точно такого же образования, как и род. пад. ед. ч. от основ прилагательных на -i и -u (agné-s). Он возник тем же путем, то есть путем переноса ударения и ступени ġiṇa суффикса, свойственных основам прилагательных, на форму род. пад. ед. ч.; поскольку эта форма родительного падежа имеет редуцированное окончание, она должна быть древней. В санскрите и частично в Авесте окончание -arš было заменено на -rš (>скр. -ur). Основанием для этого послужило то, что в других случаях в слабых и средних падежах суффикс выступает в своей слабой форме (pitṛā, pitṛbhis, pitṛṣu), и эта ступень по аналогии была перенесена в родительный падеж единственного числа.

Форм местного пад. ед. ч. без окончания не сохранилось, хотя предполагается, что в какое-то время они существовали. В этом падеже всегда сохраняется свойственная ему ступень ġiṇa суффикса в отличие от других основ (ġājñi и т. д.) и в отличие от практики других и.-е. языков в отношении имен этого класса (греч. πατρί и т. п.).

Те немногие имена, которые сохранились от древних имен среднего рода на -r, имеют гетероклитическое склонение; они утратили всякую связь с основами мужского-женского рода на -r (-r). С другой стороны, санскрит создает новый тип прилагательных среднего рода на -r, не имеющий прототипа в индоевропейском. Он отличается от основ мужского-женского рода в им.-вин. пад., как обычно (dhātṛ, dhātṛñi, dhātṛṇi), а в слабых падежах также вставным -p по образцу имен среднего рода на -i и -u (dhātṛṇā и т. д.). Употребительность этого типа среднего рода невелика.

§ 7. Основы на -i и -u

Ед. число. Им. agnís, sūnús; vāri, mādhu; вин. agnīm, sūnúm; твор. agnínā, sūnúnā; gátyā, dhenvā; дат. agnáye, sūnáve; pátye, paśvé; vāriṇe, mādhone; gatyai, dhenvai; отлож.-под. agnés, sūnós; ávyas, mādhas; vāriṇas, mādhunās; gátyās, dhenvās; местн. agnāú, sūnāú; sāno, sānavi, sānuni; gátyām, dhenvām; зват. ágne, sūno.

Дв. число. Им.-вин. agní, sūnū; твор.-дат.-отлож. agnibhyām, sūnúbhyām; род.-местн. agnyós, sūnvós; vāriṇos, mādunos.

Мн. число. Им. agnáyas, sūnávās; aryás; śúci(ñi), purú(ñi); вин. agnín, sūnún; gátis, dhenús; aryás, paśvás; твор. agnibhis, sūnúbhis; дат.-отлож. agnibhyas, sūnúbhyas; под. agnīnām, sūnūnām; местн. agníṣu, sūnūṣu.

Наиболее существенное и древнее разделение в этих основах проходит по линии: основы среднего рода, с одной стороны,—

основы мужского-женского рода, с другой. Различия внутри последней группы, наблюдаемое в санскрите, есть явление вторичное: первоначально основы мужского и женского рода склонялись одинаково. С другой стороны, различие между типами среднего и мужского-женского рода (*mādhvas* : *agnés*), возникшее в результате различного ударения, восходит к древнему периоду индоевропейского.

Склонение основ среднего рода осуществлялось путем присоединения обычных окончаний, в слабых падежах несших на себе ударение (греч. *δοῦρός, γουρός*), и в этом отношении здесь нет принципиального отличия от склонения согласных основ. Этот тип склонения первоначально не ограничивался основами среднего рода (см. ниже, *sákhye* и т. д.), но особый тип склонения, развившийся у основ мужского-женского рода в результате их суффиксального ударения (*agnáye, agnés*), не был им свойствен. В санскрите ударение постепенно утвердилось во всей парадигме на корне, форма род. пад. *mādhvas* заменила *madhvās, как и в других основах среднего рода. Сохранились лишь некоторые следы этого склонения. Основа на -и среднего рода, означающая „домашнее животное“, склонялась в индоевропейском по типу *réku, rekwés*. В соответствии с этими формами в санскрите встречается существительное среднего рода *rāśu* (один раз в Ригведе) и форма род. ед. *raśvās*, которая, являясь непосредственным продолжением древнего типа, была переосмыслена как форма род. ед. от созданного по аналогии существительного *raśús* (им. ед.), в то время как для *rāśu* путем обычного процесса выравнивания была соответственно создана форма дат. ед. *rāśve*. Поскольку в нормальном типе основ среднего рода ударение стабилизировалось на корне, единственным типом с передвижением ударения при склонении с основы на суффиксе остался тип основ мужского и женского рода с суффиксальным ударением, в которых гласный суффикса опускался в слабых падежах (*mūrdhā* : *mūrdhnās* и т. д.). Вследствие этого в некоторых случаях, когда древнее существительное среднего рода сохраняло в род. ед. ударение на окончании, по аналогии с ним создавалась новая основа с суффиксальным ударением, а за этим изменением ударения следовало изменение рода: *raśús m* вместо *rāśu ср.* К тому же типу относится и *pitús* : *pitvās* „пища“.

В ведическом языке количество основ, склоняющихся таким образом, очень незначительно, кроме имен среднего рода сюда входит несколько существительных мужского и женского рода: *ávis, ávyas* „овца“, *krátus, krátvas* „ум“ — ср. Ав. *xratuš, xraθwō*, которые можно считать существительными среднего рода, перешедшими в другой род. Этот процесс легко понять на примере *ávi-*, если учесть одушевленность этого предмета. Имена действия на -i и -u по своим значениям были первоначально среднего рода, но в целом они были переведены в классы мужского и женского рода. При этом они обычно усваивали адъективный тип

склонения (*matís* : *matés* и т. д.); лишь в нескольких случаях сохранился тип склонения среднего рода, что указывает на их первоначальную принадлежность к среднему роду. Существительные мужского рода этого типа образуют иногда особые формы в им. и вин. мн. (им. мн. Ав. *pasvas* „скот“, эгэзвō „пальцы“, вин. мн. скр. *paśvās*), но могут иметь и формы нормального типа (*paśávas*, *paśīn*).

К этому типу принадлежит ведическое склонение основы *gauí-/gāu-* (им. ед. *gauís* : род. ед. *gāuás* и т. д.). Оно представляет более раннее **raHí-s/raHuás*. Это переведенное в другую родовую категорию существительное типа *ávi-*, и конечное ударение в род. ед. вызвало перемещение ударения с корня на суффикс в им. ед. точно так же, как это было со словом *paśú-*. Кроме того, имеется корневая основа *gā-*, соответствующая латинскому *gēs*. В классическом склонении она контаминируется с основой на *-i gāu-*. Аналогично склоняется слово *paús*, *pāvás* „корабль“ (греч. *πᾶς*, *πῆς*) из *paHu-s, *paHvás. В единственном месте в Ригведе, где оно встречается в им. пад. ед. ч., это слово произносится как двусложное: *paús* (*navús*), и в этом отношении его можно непосредственно сопоставить с *gauís*. Долгий дифтонг представляет более позднее стяжение этих гласных в зиянии. Форма вин. ед. является инновацией, подобно форме *gāuam*, которая вытесняет *gauim*. По этому типу склоняется и основа *agí-*, в которой смешались два различных слова (*agí-* „благочестивый“, **alí-* „чужой, враждебный“), сохраняя, однако, значение прилагательного. Поскольку в других и.-е. языках встречаются примеры приспособления древних существительных среднего рода к этому типу без обычного видоизменения основы, то характерное склонение этой основы (род. ед. *aguás* и т. д.) можно объяснить тем, что это есть древнее существительное среднего рода, переведенное в мужской род. Если бы первоначально оно было прилагательным, то следовало бы предположить, что первоначально оно склонялось, как *sákhi* (твор. *sákhyā*, дат. *sákhye*), и что с этих слабых форм этот характерный тип склонения распространился и в им. пад. мн. ч. (*aguás*, как *paśvás*). В общем же, отсутствие каких бы то ни было следов сильной формы суффикса заставляет нас считать первое объяснение более вероятным.

То же сомнение касается и слова *ráti-*. В значении „господин“ это слово склоняется нормально (по типу *agní-*), но в значении „муж“ оно образует падежи по рассматриваемому типу (дат. *rátye*). Можно предположить, что ударение и *-p-* в производном *rátñi* „жена“ указывают на существование некогда варианта слова среднего рода; но с другой стороны, форма им. мн. всегда образуется нормально и на слабые падежи этого типа указывает прилагательное *sákhi-*. Основа *jáni* „женщина“ имеет род. ед. *jányus* с окончанием *-us*, выступающим также в *sákhyus*, *rátyus* и явно заимствованным из терминов родства (*pitus* и

т. п.). Во всех трех случаях заменено нормальное окончание род. ед. -as. В Авесте имеется *ḵapuyōiš*—компромиссная форма, заменяющая *ḵapuyas. Окончание родительного падежа такого типа показывает, что эта основа является древним существительным среднего рода, перешедшим в женский род.

В индоевропейском существовал еще один способ склонения существительных среднего рода этого типа—при помощи гетероклитического суффикса -п. В немногих сохранившихся основах среднего рода на -i это п заменяет суффикс -i (*ákṣi, akṣṇás*), так что, в сущности, эти основы уже не относятся к склонению на -i. С другой стороны, основы среднего рода на -u добавляют это -п к основе перед гласными слабыми окончаниями: дат. ед. *mádhune*, род.-отлож. *mádhunas, sāpunas, drūṇas*, местн. *mádhuni, vástuni*, им.-вин. дв. *jāpunī* „колени“, род.-местн. дв. *jāpunos*. Аналогичные формы в других языках показывают, что это явление очень древнее (греч. род. ед. *ῥόυατος*; из *gónwṛtós, тох. дв. *kapweṇ* „колени“). Возможно, что первоначально в им.-вин. пад. ед. ч. могло прибавляться соответствующее распространение -г, откуда в производных основах прилагательных возникли два типа суффиксов: -uga/-upa. На ранней стадии языка эти окончания, за очень редкими исключениями, употреблялись только у имен среднего рода. В прилагательных средний род обычно не выделяется по форме, кроме им.-вин. пад. В классическом языке формы на -п являются обязательными для существительных среднего рода и факультативными для прилагательных. Это -п уже на ранней стадии языка распространилось на творительный падеж единственного числа имен существительных мужского рода (*sūpúnā*).

Примеры этого рода склонения в основах среднего рода на -i чрезвычайно редки (*akṣiṇī* „глаза“), а единственное употребительное слово среднего рода, склоняемое по этому образцу,—*vāgī* „вода“, род. пад. ед. ч. *vāgīṇas*,—не встречается в ранних текстах. Этого и следовало ожидать, учитывая редкость таких основ, наличие параллельного типа гетероклитического склонения (*ásthī/asthnás*) и то, что в ранний период развития языка основы прилагательных на -i, как и соответствующие основы на -u, не различали по форме средний род в этих падежах (род. ед. ср. *bhīṅres*). Тем не менее этот тип можно считать древним, так как существуют чередующиеся суффиксы -iga/-ipa и так как уже на самой ранней стадии развития языка это -п распространилось на твор. ед. существительных мужского рода.

В Ведах существительные среднего рода на -u, как третий возможный вариант, могут склоняться по нормальному типу существительных мужского рода: род. ед. *mádhos, drós, snós* и т. д. Это инновация, исключенная из классической грамматики.

В склонении существительных среднего рода имеется три типа местного падежа ед. ч. от основ на -u, отклоняющихся от нормального типа основ мужского рода (*sūpái*). 1) Местный

падеж без окончания представлен в *sāno*, *vāsto*. Этот тип есть также в иранском (Ав. *pərətō*, др.-перс. *Bābirauv*, *gāθav-ā*), и соответствует он сходным образованиям от основ на -п (*akšān*) с той разницей, что исчезло характерное ударение местн. пад. ед. ч. 2) Форма *sānavi* распространена формантом местного падежа -i, как в *akšāni* и т. п. В ведическом языке этот тип захватил также небольшое количество существительных мужского рода (*ānavi*, *dāsyavi*). 3) Местный падеж может также образоваться от основы, распространенной посредством -n-: *sānuni*, *vāstuni*. В классическом языке это и стало регулярным склонением.

Обычный тип имен мужского-женского рода, включавший прилагательные и имена деятеля (но уже в ранний период обогащенный массовым переходом в него имен действия среднего рода), отличался в индоевропейском от соответствующих имен среднего рода суффиксальным ударением: сущ. *pélus* ср „множество“ (гот. *filu*)—прил. *pléus* „многий“ (греч. *πλέεις*). На базе этой основы прилагательных могла образоваться форма им. ед. со ступенью *vřddhi* без характерного окончания -s по тому же образцу, что и в основах на -п, -г и -s: *sákhā* „друг“ (осн. *sákhī*), как *pitā*, *gājā*. В санскрите это слово, где, как можно предположить, ударение вторичным процессом перенесено было на корень, остается единственным примером образования такого типа от основ на -i; как общее правило, в именительном и винительном падежах формы на -is, -im и -us, -um, восходящие к древнему периоду индоевропейского, были заменены. Ступень *vřddhi*, выступающая в формах вин. ед. и им. мн. (*sákhāyam*, *sákhāyas*), распространена, как и в других случаях (*dātāgam* и т. д.), из формы им. ед.—первоначально этим падежом была свойственна *giṇa*. В Авесте сохранилось несколько форм вин. ед. со ступенью *giṇa* (*kavaēm*, *frādaṭ-fšaom*). В санскрите нет таких форм, но в нем регулярно сохраняется *giṇa* в им. пад. мн. ч. обычного склонения (*agnāyas*, *sūpāvas*). Суффикс со ступенью *giṇa* и под ударением мог также появляться в дат. и род. ед. (*agnāye*, *agnés*), и в санскрите этот тип склонения стал нормой для существительных мужского и женского рода. Но по аналогии с *pitré* и т. п. ударение в основах адъективного типа могло стоять и на окончании, так что в этих падежах склонение их не отличается от склонения имен среднего рода. Помимо передвижения ударения, этот тип сохраняется в форме дат. ед. *sákhye*, а также в *pātye*, если это слово происходит от прилагательного. Склонение в Авесте слова *haxā* „друг“ в общем соответствует склонению скр. *sákhā* (им. ед. *haxā*, вин. *haxāim*, дат. *haše* и т. п.), и таким образом устанавливается его индоиранское происхождение. В род. ед. на основу эту повлияли термины родства из склонения на -ṭ (*sákhuyas* по образцу *pitús*). Старый местный падеж без окончания заменен формой, в которую перенесено -y- из дат. ед. и т. д. (*sákhuyau*). Сходная форма выступает в слове *pāti*- „муж“ (*pātyau*).

Хотя форма им. ед. с *vṛddhi*, выступающая в слове *sákḥā*, является изолированной в санскрите, у нас имеется достаточно указаний на то, что первоначально она встречалась чаще в основах на *-ī* и *-u* у имен типа прилагательных и имен деятеля. В Авесте основа *kavi-*, перешедшая в нормальное склонение в санскрите, продолжает склоняться следующим образом: им. ед. *kavā*; в вин. ед. это слово имеет исходную ступень *giṇa* (*ka-vaēṃ*, т. е. *kavaṃ*, ср. *pitáram*) в противоположность *vṛddhi* скр. *sákḥāyam*, Ав. *haxāim*. В Авесте род. ед. нормально выступает со ступенью *giṇa* суффикса, но один раз имеет окончание, очевидно, по аналогии с гетероклитическими именами среднего рода (*kəvinō*, ср. *vāriṇas*).

Форма им. ед. с *vṛddhi* на *-āuš* встречается в иранском у некоторых основ на *-u*: Ав. *hiθāuš* „связанный, товарищ, союзник“*, *uzbāzāuš* „с воздетыми руками“ (и *цуга*°), др.-перс. *dahyāuš*. Эти формы развились из асигматических форм им. ед. с *vṛddhi* путем вторичного присоединения *-s* как признака им. ед. Адъективный характер этой формы окончания ясно выступает при сопоставлении слов *uzbāzāuš* и *bāzuš* „рука“. В вин. ед. можно встретить древнюю сохранившуюся ступень *giṇa* (Ав. *daiṅhaom*) или же ступень *vṛddhi*, перешедшую из им. пад. ед. ч. (др.-перс. *dahyāum*, Ав. *nasāum* „дух мертвого тела“). Контраст между вин. ед. *rasum* „домашнее животное“ и *frādaṭ-fšaom* „увеличивающий стада рогатого скота“ иллюстрирует адъективный характер этого рода окончания. Сходное различие есть и между *arštīm* „копье“ и *darəuθ arštaēṃ* „имеющий длинное копье“. В род. ед. эти слова могут иметь окончания старого типа, не отличающиеся от окончания имен среднего рода (*uzbāzvō*), окончание нормального типа со ступенью *giṇa* (*daiḥhēuš*) или же, что является позднейшей инновацией, формы с *vṛddhi* (*nasāvō*).

В греческом языке прилагательные и имена деятеля — основы на *-u* разделились на два типа. Прилагательные, как и в санскрите, приняли окончания *-us*, *-um* (*-ου*) в им.-вин. ед. (*πολύς* : *πίγυς*), сохраняя в то же время исходное суффиксальное ударение. С другой стороны, тип имен деятеля (*βασιλεύς*, *γυνεύς*, *φωνεύς* и т. п.) развился на основе старой формы им. ед. с *vṛddhi*, к которой, как и в иранском, уже вторичным образом было присоединено *-s* (*-εύς* вместо *-ήύς*). *Vṛddhi* проводится через все склонение, как и в некоторых других типах основ (*βασιλή(F)ος*, ср. *δοτῆρος*).

Возвращаясь к санскриту, заметим, что там, возможно, имеется один параллельный слову *sákḥā* пример — это *apratā* в Ригведе VIII, 32, 16: *ná sómo apratā* *pape* „сому не пьют безвозмездно“ (*prati-*, ср. лат. *pretium*). Обыкновенно *apratā* толкуют как местн. пад. ед. ч., но поскольку неадъективные сложные слова с *a-* противоречат обычному словоупотреблению ведического языка, то, пожалуй, его лучше считать формой им. пад. ед. ч., относя его к сложным словам типа бахуврихи.

Тип склонения, следы которого сохранились в Авесте в таких примерах, как *uzbāzāuš*, сохраняется в санскритском слове *dyáuś* „небо“. Традиционно оно считается дифтонгической основой, но, как и в других случаях, эта классификация несостоятельна. С одной стороны, нормальные основы на *-i* и *-u* уже сами по себе отчасти дифтонгичны (*agnēs, sūnós*), а с другой стороны, само это слово в части своего склонения не дифтонгично (род. ед. *dī-v-as*, ср. *madh-v-as*). Это адъективная основа на *-u/-eu*: *du-eū-* с ударением и ступенью *ḡṛa* или *vṛddhi* суффикса, согласно общему правилу. Присоединение *-s* в им. пад. ед. ч. есть явление вторичное, но относящееся еще к и.-е. периоду (*dyáuś* : *Ζεός*). В косвенных падежах единственного числа чаще всего выступает недифференцированный тип склонения с ударяемым окончанием (*divás* : греч. *Διός*), но встречается и особый адъективный тип с ударением и ступенью *ḡṛa* суффикса (*dyós* : Ав. *dyaoš*). Сюда же нужно отнести и слово *ḡāuś* „корова“ (дат. *ḡāve*, род. *ḡós*), ударение и склонение которого указывают на наличие в нем этого суффикса прилагательных (*ḡ-ó-*, то есть *ḡ^wN₃-eū*, ср. греч. *βότῃω*). Это слово склоняется только по типу прилагательных и идя дальше, чем другие основы на *-u/-o*, вводит ступень *ḡṛa* в падежи множественного числа (твор. *ḡóbhīś* и т. д.). В вин. пад. ед. ч. формы *dyām, ḡām*, по-видимому, произошли от **duam, *gaum* с *vṛddhi* по аналогии с им. пад. ед. ч., а также с элизией конечного элемента дифтонга перед *-m*.

Основа *vī-* „птица“ является адъективным образованием от древнего и.-е. существительного среднего рода **ōwī* „яйцо“ (откуда тематическое распространение его в греч. *ῥῶν*); акцентуация суффикса дала полную элизию корневого гласного (если сравнить с лат. *avis*). В Ригведе это слово имеет вин. пад. ед. ч. *vés* со ступенью *ḡṛa* и показателем им. пад. *-s*. Параллелей к этой форме нет.

Древнюю форму именительного падежа *agnā(i)* можно проследить, исходя из производного *Agnāuī* „супруга Агни“. Она выступает также в сложном слове *Agnāviṣṇū* „Агни и Вишну“ (ср. *mātāpitarau*). Сходным образом *Manāvi* „жена Ману“ основывается на древнем именительном падеже **Manāu*. Но более важная форма именительного падежа с *vṛddhi* адъективного типа сохранилась нетронутой в местном падеже ед. ч.: *agnā(u), sīnāu*. Это особые формы местного падежа без окончания типа прилагательных, тождественные во всех отношениях тем формам, которые первоначально служили им. пад. ед. ч. В этой функции они, как правило, были заменены окончанием *-is, -us*, но в функции местного падежа они удержались.

Следовательно, окончания *-is, -im, -us, -um* являются инновацией в индоевропейском, и это дает объяснение ударению на слабой ступени суффикса (*purús*). Тем не менее это довольно древние окончания, ставшие нормой в различных языках (хетт. *šalliš* „великий“, *aššuš* „хороший“, греч. *πολύς* „многий“, лит.

Þrúðs „липкий“, гот. kaúrgus „тяжелый“ и т. д.). Возникновение этих окончаний следует искать в том, что в основах мужского и женского рода на -i и -u слились два класса. К классу типа прилагательных, состоявшему из собственно прилагательных (þingú- и т. п.) и существительных адъективного типа (sūpnú- и т. п.), был присоединен обширный класс имен среднего рода (gáti-, sétu- и т. п.), которые уже в очень ранний период были переведены из класса имен среднего рода. Это повлекло за собой присоединение падежных окончаний -s, -m в им. и вин. ед. по аналогии с тематическими основами, и таким образом возник тип, оканчивающийся на -is, -im, -us, -um. При слиянии двух классов имен в общий мужеско-женский тип склонения в им.-вин. пад. были обобщены эти формы, а в дат. и род. пад. ед. ч. — формы адъективного типа (gátēs по образцу agnēs и т. п.).

Этот преобладающий тип склонения основ на -i и -u в санскрите выступает и в других и.-е. языках: ср. род. ед. гот. anstais, sunaus, лит. naktiēs, sūpaūs, дат. ед. ст.-сл. сынъи. В хеттском и греческом формы род. ед. с окончанием без редукции (хетт. šallaiaš, aššawaš, греч. ὄφραος, ἡδῆος) можно считать инновацией, заменившей тот же тип.

В местном падеже ед. ч. окончание -au основ на -u (sūpaú) было перенесено в основы на -i (agnaú), но в ведическом языке есть также форма agná (то есть agná(i)). Местный падеж без окончания также встречается в других и.-е. языках (гот. anstai, sunau, ст.-сл. сынъу и т. п.), однако здесь невозможно определить, представлен ли в этих случаях долгий или краткий дифтонг.

Специфические окончания женского рода в дат., род.-отлож. и местн. пад. ед. ч. (gátyai, -ās, -ām; dhenvái, -ās, -ām) перешли из склонения основ на -ī. Они еще очень редки в Ригведе, но в позднейшей доклассической литературе становятся очень употребительными. Грамматики допускают у существительных женского рода или факультативно эти окончания (gátyai и т. д.), или же обычные окончания мужского-женского рода (gátaye и т. д.).

§ 8. Основы на -ā, -ī, -ū

ā: *Ед. число.* Им. sénā, вин. sénām, твор. sénāyā, дат. sénāyai, род.-отлож. sénāyās, местн. sénāyām, зват. séne. *Дв. число.* Им.-вин.-зват. séne, твор.-дат.-отлож. sénābhuyām, род.-местн. sénāyos. *Мн. число.* Им.-вин.-зват. sénās, твор. sénābhis, дат.-отлож. sénābhuyas, род. sénānām, местн. sénāsu.

-ī: (А) *Ед. число.* Им. vṛkīś, вин. vṛkyām, твор. vṛkyā, дат. vṛkyē, отлож.-род. vṛkyās, местн. gaurī. *Дв. число.* Им.-вин.-зват. vṛkyā(u), твор.-дат.-отлож. vṛkībhyām, род.-местн. vṛkyōs. *Мн. число.* Им.-вин.-зват. vṛkyās, твор. vṛkībhis, дат.-отлож. vṛkībhyas, род. vṛkīṇām, местн. vṛkīṣu.

(В) *Ед. число.* Им. *deví*, вин. *devím*, твор. *devyá*, дат. *devyaí*, отлож.-род. *devyás*, местн. *devyám*, зват. *dévi*. *Дв. число.* Им.-вин. *deví* (*devyau*), твор.-дат.-отлож. *devíbhuyám*, род.-местн. *devyòs*. *Мн. число.* Им. *devís* (*devyàs*), вин. *devís*, твор. *devíbhís*, дат.-отлож. *devíbhuyas*, род. *devínám*, местн. *devíṣu*.

-ū: *Ед. число.* Им. *tanūs*, вин. *tanvám*, твор. *tanvā*, дат. *tanvè*, отлож.-род. *tanvàs*, местн. *tanvì*, зват. *tanu*. *Дв. число.* Им.-вин.-зват. *tanvāu*, твор.-дат.-отлож. *tanūbhuyám*, род.-местн. *tanvòs*. *Мн. число.* Им.-вин. *tanvàs*, твор. *tanūbhís*, дат.-отлож. *tanūbhuyas*, род. *tanūpnám*, местн. *tanūṣu*.

Имена этих классов объединяет то, что все они имеют и.-е. суффикс -Н (-а-Н>-ā; -i-Н>-ī; -u-Н>-ū). С этим суффиксом могли образовываться имена действия, первоначально не отличавшиеся от обычных типов среднего рода (ср. имена среднего рода на -as, -is, -us), а также прилагательные, специализировавшиеся позднее как имена женского рода. Два типа склонения основ на -ī указывают на то, что тут было два различных класса, так как тип *vṛkí* склоняется по системе, к которой могут относиться как имена среднего рода, так и прилагательные, а склонение *deví* содержит окончания (*devyá-s* и т. д.), характерные для прилагательных, в которых сильная форма суффикса объясняется исходным ударением, свойственным прилагательным.

Основы типа *vṛkí* состоят из имен действия (*dehí* „вал“) и существительных адъективного типа мужского и женского рода (*gathí-* „возница“, *vṛkí-* „волчица“). В первых ударение смещено на суффикс, где оно удерживается на протяжении всего склонения так же, как это произошло в основах на -iṣ (*havíṣ*, *havíṣas* — аналогично -iH, -iHos). В классе типа прилагательных сильная форма основы (*vṛkuá), существование которой следует предположить, исходя из ударения и общей системы склонения (*pitá* и т. д.), заменена слабой формой, процесс, параллель которому встречается в основах на -in (*balí*, *balínas*). Вследствие всех этих процессов, а также перехода имен действия с суффиксом -H в женский род эти два класса совершенно слились в склонении.

Те же два типа представлены среди основ на -ū (1) *tanū-* „тело“, 2) *śvaśrū-* „свекровь“); их взаимопроникновение шло тем же путем.

Поскольку признак им. пад. ед. ч. -s первоначально не был характерен для основ на -H (он отсутствует в этих основах и в других языках), то его наличие в этих двух классах надо считать переносом из корневых основ на -ī и -ū, склоняющихся таким же образом (*dhís*, *dhiyás*; *bhūs*, *bhuvás*). В остальном склонение идет по нормальному согласному типу и не требует особых пояснений. В Ведах основа и окончание произносятся как отдельные слоги (*tanūvat* и т. п.), хотя пишутся согласно позднейшей системе (*tanvám* и т. п.). Нормальный тип местн. пад. ед. ч. выступает в формах *śamvì*, *tanvì* и т. п., вариант без окончания — в *śamū* и т. п. Небольшое количество форм

местного падежа на -ī от основ на -ī являются или результатом стяжения (< *iyi < *iHi), или же формами без окончания. В род. пад. мн. ч. -п- появилось в результате общего выравнивания гласных основ.

По типу devī обычно склоняются атематические и некоторые тематические основы женского рода (raññī, dātrī, pṛthvī, kalyāṇī). Суффикс -ī—преимущественно суффикс прилагательных, и, хотя в санскрите ударение в основах этого типа может варьироваться, все же суффиксальное ударение, часто здесь встречающееся, можно считать самым древним. Сильные формы суффикса, которые можно объяснить как результат ударения прилагательных, выступают в дат., отлож.-род. и местн. пад. ед. ч. В им.-вин. пад. появляется слабая форма суффикса, так что здесь мы сталкиваемся с таким же чередованием, как и в основах на -ī и -u. Теоретические рассуждения приводят нас к мысли, что слабая форма суффикса в им.-вин. пад. ед. ч. (а также в им. пад. мн. ч.) является инновацией, так же как и сходные образования в основах прилагательных на -ī и -u; родственные языки дают некоторый материал, подтверждающий это. Яснее всего это видно на примере формы вин. ед., которая не может считаться исходной по причинам чисто фонетическим: основы эти были первоначально согласными, и *-iH- могло дать только -iyam (-yam). В балтославянском и германском в вин. пад. ед. ч. выступает сильная форма (лит. pešušią, ст.-сл. несьшж, гот. bandja и т. д.), и нет никаких оснований считать эти формы инновацией. С другой стороны, эти языки имеют слабую основу в им. пад. ед. ч. (гот. frijondi, лит. vežanti, ст.-сл. възѣши), а это говорит о том, что слабая форма утвердилась раньше всего в им. пад. ед. ч. Греческий в им. пад. ед. ч. имеет *-ya (πότνια, φέρουσα, μία), что фонетически никак нельзя отождествить с -ī других языков, поскольку и.-е. -iH- дает в греческом, как и в других языках, ī. Конечное ā здесь, как и в других случаях (νομία и т. п.), представляет и.-е. -aH, а краткость гласного, в отличие от долгого ā в других местах, обусловлена превокалическим сандхи этого сочетания. Ясно, что ударение в слове μία, раз оно стоит на ослабленном слого, не исходное, а из этого следует, что первоначально в им. пад. ед. ч. (*smiāH) также преобладало ударение, свойственное косвенным падежам (mīās).

Различие двух типов склонения в основах на -ī, строго соблюдавшееся в ведическом языке, не сохранилось в позднейшем санскрите. Склонение типа devī сохранилось за счет типа vṛkī, но оно восприняло окончания этого последнего типа в им.-вин. дв. и им. мн.: devuay, devuās. В основах на -ī склонение, параллельное типу devī, чрезвычайно редко в Ригведе. В позднейшем языке оно становится нормой: vadhvai, vadhvās, vadhvām, развитие это параллельно основам на -ī.

Слияние окончания и суффикса в некоторых падежах (devuay, devuās) приводит к образованию специфических окончаний жен-

ского рода, позднее применяемых к основам женского рода на -i и -u. Местн. пад. ед. ч. имеет особое окончание -m. Это -m отсутствует в иранском (др.-перс. *harauvatiyā*), что показывает, что первоначально местный падеж не имел окончания. Добавление -m во вторичном процессе имеет параллели в других областях: *túbhya* : *túbhyam*; твор.-дат.-отлож. дв. -*bhyām* : Ав. -*byā*.

На склонение основ на -ā повлияли основы на -ī. В единственном числе косвенные падежи начиная с дательного образуются добавлением -*yaī*, -*yās*, -*yām*, заимствованных из типа *devī*. Эту особенность разделяет и иранский: Ав. дат. ед. *daēpaūyāi* и т. п. Более древние и.-е. окончания сохранились в других языках: род. ед. греч. *χώρας*, др.-лат. *viās*, гот. *gibōs* и т. д.

§ 9. Основы на -а

Ед. число. Им. *devās*, вин. *devām*, твор. *devéna*, дат. *devāya*, отлож. *devāt*, род. *devāsya*, местн. *devé*, зват. *déva*.

Дв. число. Им.-вин.-зват. *devāu*, твор.-дат.-отлож. *devābhyām*, род.-местн. *devāyoṣ*.

Мн. число. Им. *devās*, вин. *devān*, твор. *devaís*, дат.-отлож. *devébhyas*, род. *devānām*, местн. *devēṣu*.

Ср. род. Им.-вин. ед. ч. *yugām*, дв. ч. *yugé*, мн. ч. *yugāni*.

Основы на -а составляют самый многочисленный тип в санскрите (45% всех именных основ в Ригведе). Для них характерно отсутствие какого бы то ни было передвижения ударения при склонении, и так это, по-видимому, было всегда. Тематические основы бывают мужского и среднего рода, которые при склонении различаются только в именительном и винительном падежах. Это склонение имеет некоторые особенности, которые можно кратко изложить так. На него сильно повлияло склонение местоимений. Окончание твор. ед. -*ena* заимствовано из этого источника. Более древнее окончание -*ā* существует еще в ведическом языке, хотя оно значительно реже, чем -*ena*. В Авесте выступает только окончание -*ā*. Индоиранским окончанием дат. ед. было -*āi*—стяжение гласного основы и окончания -*ai*, что унаследовано из индоевропейского языка (-*o* + *ei*): Ав. *haomāi*, греч. *ἵππο* и т. п. К этому окончанию факультативно могло добавляться постпозиционное *ā*, как в Ав. *aḥugāi ā*, а в санскрите этот элемент закрепился окончательно, образовав расширенное окончание -*āya*. Отлож. пад. ед. ч., только в этом склонении отличающийся от род. пад. ед. ч., непосредственно перешел из индоевропейского (др.-лат. -*ōd* и т. п.).

Общей и.-е. формы родительного падежа ед. ч. не существует. В балто-славянском древняя форма отлож. пад. ед. ч. функционирует и как род. пад. ед. ч., и ввиду тождественности форм этих двух падежей и в других языках, их можно считать

древними. Итальянский и кельтский имеют окончание *-ī*, являющееся суффиксом прилагательных *-ī*, заменившим тематический суффикс. Это *-ī* встречается в санскрите в конструкциях типа *saṁī-kr* „уравнять“. В хетском род. пад. ед. ч. тематического класса тождественен им. пад. ед. ч. В Веде существует небольшое число таких сложных слов, как *rathasṛāti*, которые, возможно, содержат такую форму род. пад. ед. ч. Форма, соответствующая санскритскому окончанию, встречается в греческом и армянском (греч. *-οι*, арм. *-οւ*). Сходная форма, но без *-u-* встречается в других языках: гот. *wulfis* (< *°eso*), ст.-сл. *уѣсо* „чего“. Можно предположить, что эти формы произошли из склонения местоимений, как это было в других языках. Элементы *-so* и *-suo*, присоединяемые таким образом к основе, по-видимому, являются формами указательных местоимений.

Форму местн. ед. можно разложить на гласный основы и нормальное окончание *-i*: ср. греч. *οἶχοι* и т. п. Им. мн. *-ās* (*a + as*) выступает в сходной форме в других языках (гот. *wulfōs*, оск. *núvlanús*), но в них вместо него часто выступает и окончание *-oi*, произошедшее от местоимений (греч. *λόχοι*, лат. *lupī*, лит. *vilkaī*, тох. В *yakwi*). Окончание *-ās* в ведическом языке иногда плеонастически расширяется в *-āsas* — особенность, наблюдаемая также в иранском (Ав. *āpṛhō*). Эта инновация снова устраняется в классическом санскрите, но продолжает жить в некоторых ранних формах пали (*paṇḍitāse* и т. п.). Вин. пад. мн. ч. получил свой долгий гласный из им. пад. мн. ч. (исходная форма в греч. диалект. *λόχους* и т. п.). Род. пад. мн. ч. получил *-i* из других классов, и эта инновация является общей для индоарийского и иранского (Ав. *mašyanaṁ*, др.-перс. *bagā-pām*). Исходное окончание сохраняется лишь во фразеологическом сочетании *devāñ jānma* „род богов“; ср. Ав. *staoraṁ*, греч. *θεῶν*, лат. *deum* и т. д.

В ведическом языке имеется две формы твор. мн.: на *-ais* и *-ebhis*. В иранском в Авесте есть окончание *-āiš*, др.-перс. *-aibiš*. В других языках существуют лишь формы, соответствующие *-ais*: греч. *λόχοις*, лат. *lupīs*, оск. *núvlanús*, лит. *vilkaīs*. Эта форма твор. мн. является как бы плюрализацией формы, выступающей в единственном числе как дательный падеж. Если это так, то она должна восходить к тому времени, когда падежи дифференцировались меньше, чем впоследствии. Окончание *-ebhis* является индоиранской инновацией по образцу местоименного склонения. Позже, в классическом санскрите, эта инновация была упразднена, но она служит основой для форм этого падежа в среднем индоарийском (: пали *-ehi*, пракр. *-ehi(ṁ)*).

Появляющееся здесь *-e-* возникло из формы местоименной основы, выступающей в большинстве падежей множественного числа (им. пад. мн. ч. *té* и т. п.). Оно выступает также в дат.-отлож. и местн. пад. мн. ч. этого склонения (*-ebhyas*, *-eṣu*).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ, МЕСТОИМЕННИЯ, НЕСКЛОНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

§ 1. Числительные

Санскритские числительные от 1 до 1000 унаследованы от индоевропейского. Они построены на десятичной системе, основанием для всего ряда служат числительные от 1 до 10. Числительные 1—10 являются прилагательными, так же как и 11—19—сложные слова, в состав которых входит *dāśa* „десять“. Последующие числительные являются собственно собирательными существительными, хотя с ходом развития языка возникает тенденция считать их прилагательными. Числительные 1—4 полностью изменяются по падежам в трех родах; числительные же 6—10 дефектные и, по-видимому, не склонялись с самого начала.

1. В индоевропейском базой для числительного 1 могут быть два корня, из которых один (*oi-*), по-видимому, имел значение „один, одинокий“, а другой (*sem-*)—значение „вместе“. В санскрите *éka-* „один“ образовано от первого и.-е. корня с суффиксом *-ka* и склоняется по местоименному склонению. Единственной точно соответствующей этому формой является арийское *aika-*, встречающееся в хеттских документах. В других языках в этом случае выступают иные суффиксы: Ав. *aēva-*, греч. *oĩos* „одинокий“, лат. *ūnus*, др.-ирл. *bín*, гот. *ains*. Корень *sem-* дает это числительное в греческом (*εἷς*, *μία*: *séms, *smía) и тохарских (тох. А *sas*, тох. В *ṣeme*). Этот корень выступает в санскрите в редуцированной форме (*sm-*) в слове *sakṣt* „однажды“ (: Ав. *hakəṣt*), а также в сложных словах типа *sámapas-* „одного образа мыслей, единодушный“. Прилагательные *samá-*, *samāpá-* „тот же самый“ образованы от этого корня.

2. Числительное *дваí* (: греч. *δύω*, лат. *duo*, ст.-сл. *два* и т. д.) склоняется, как нормальное двойственное число от основы на *-a*: им.-вин. ср. р. *dvé* (: ст.-сл. *два*), твор.-дат.-отлож. *dvābhyaṃ*, род.-местн. *dvāyos* (ст.-сл. *двою*). Неизменяемая тематическая основа выступает в греческом варианте *δύω*. Имеется также вариант с суффиксом *-i*, выступающий в сложных словах (*dvipád-* „двуногий“, греч. *διπῶς*, лат. *bipes*) и в различных производных (*dvitīya-*

„второй“ и т. д.). Кроме собственно числительного имеется основа *ubhá-* „оба“, склоняющаяся таким же образом. Характер отношения этой основы к греч. *ἄμφω*, лат. *ambō*, ст.-сл. *ъва*, лит. *abū*, гот. *bai*, англ. *both* и т. д. не вполне ясен.

3. Основа *trī-* содержит суффикс *-i*, отсутствующий в порядковом *trītya-*. Она склоняется как нормальное прилагательное на *-i* (им. мн. *trāyas*: греч. *τρεις* и т. д.), за исключением род. пад. мн. ч., где форма *trāyānām* заменила прежнее *trāyām* (: Ав. *θραυān* — со ступенью *gīnā* из им. пад. мн. ч. в отличие от греч. *τριῶν* и т. д.). Основа эта сохраняет чередование ударения при склонении: твор. мн. *tribhís* в отличие от *víbhís* „птицами“.

4. Числительное „четыре“ образовано на базе корня *k^wet-*, который первоначально, по-видимому, означал что-то вроде „угол“ (ср. лат. *triquetrus* „треугольный“); отсюда „квадрат“ и затем „четыре“. В мужском и среднем роде (*catvāras*, *catvāri*, лат. *quattuor* и т. д.) основа образована при помощи суффикса *-var* с ударением, как у прилагательного, и со ступенью *vṛddhi* в именительном падеже. В других падежах (вин. *catúras* и т. д.) по общему правилу суффикс имеет слабую форму. Можно предположить существование существительного среднего рода **cátvar* или его и.-е. прототипа, исходя из тематической основы *catvara-* „квадрат, перекресток“. В других языках может выступать простой суффикс *-r* (греч. дор. *τέτορες*, лат. *quater*) или элементы суффикса могут располагаться в обратном порядке (Ав. *śatru-*).

Женский род этих двух числительных (им.-вин.пад. *tisrás*, *cátasras*: Ав. *tišrō*, *śatarō*) образуется при помощи суффикса *-sar*, который в других случаях (см. гл. IV, §8, стр. 134) обнаруживает тенденцию становиться специфическим суффиксом женского рода. В слове *tisrás* *-r*-основы *trī* исчезло из-за диссимиляции. Общая форма им.-вин. падежа по своему происхождению есть форма винительного падежа. Предполагаемые для индоевропейского нормальные формы **tisores*, **k^wetesores* отражены в кельтском: др.-ирл. *teoir*, *cetheoir*.

Числительные от 5 до 10 имеют менее развитую систему окончаний, чем предыдущие. За исключением окончания двойственного числа числительного *aṣṭái* „восемь“, они не имеют окончаний в им.-вин. пад. В ведическом языке они могут не склоняться и в других падежах: *pañca kṣitīṣu* „в пяти племенах“, *saptá hótrbhīḥ* „с семью жрецами“ и т. п. В греческом и латыни соответствующие слова не склоняются; также и в германском, когда они употребляются атрибутивно. Это отражает древнейшее состояние. Зачатки склонения могут относиться к позднему и.-е. периоду, и несклоняемые числительные сохраняются рядом с новым склоняемым типом вплоть до ведического периода.

5. В числительном *pañca* (: греч. *πέντε*, лат. *quinque* и т. д.), представляющем и.-е. *peṅk^we*, мы встречаемся с неизменяемой тематической основой. Исходя из анализа сложных слов сле-

дует предположить, что такие тематические основы существовали в большом числе на ранней стадии индоевропейского, и данный пример является интересным архаизмом. Корень $peŋk^{w-}$, по всей вероятности, есть тот корень, который выступает в англ. *finger* (* $peŋk^{w}g\acute{o}$ -) и *fist* (< * $ppk^{w}sti$ -, ср. ст.-сл. *пять*—то же). Производное $paŋkti-$ (: ст.-сл. *пять* „пять“) означает, начиная с Риг-веды и далее, не только „группа из пяти“, но более обобщенно: „группа, ряд“.

6. Скр. ṣaṭ (< * ṣaṭṣ < saṭṣ с ассимиляцией начального звука) представляет и.-е. * seks : ср. лат. *sex*, гот. *saíhus* и т. д. Формы этого слова в и.-е. языках довольно сложны, так как имеются также формы, начинающиеся *sw-* (валл. *chwech*), *ks-* (греч. $\xi\acute{\sigma}\tau\rho\acute{\iota}\xi$ „по шести в ряд“, ст.-сл. *шесть*), *ksw-* (Ав. *xšvaš*) и простым *w-* (арм. *veç*, др.-прус. *uschts* „шестой“). В различных языках исходный начальный согласный звук по-разному упростился. Среднеиндоарийское *cha* восходит к какой-то исходной форме, начинающейся с $k\check{s}$ -, которая отличается от санскритской.

7. Конечное -а числительного sapṭá (: греч. $\acute{\epsilon}\pi\tau\acute{\alpha}$) представляет и.-е.- $\check{c}$, что ясно не только из лат. *septem*, но также из порядкового числительного sapṭamá -. Соответствие греческой и санскритской форм показывает, что конечное ударение существовало уже в индоевропейском (*septṛi*), но оно не может быть изначальным, поскольку акцент падает на редуцированный слог.

8. В aṣṭáu (: греч. $\acute{\omicron}\kappa\tau\acute{\omega}$, лат. *octō*, гот. *ahtau* и т. д.) выступает окончание двойственного числа. Значение основы $\text{okt\acute{o}}$ -, формой двойственного числа которого является санскритское числительное, можно вывести из родственной основы на -i: *aṣṭi*, встречающейся в Авесте. Это мера длины, означающая „ширина в четыре пальца“, из чего можно заключить, что двойственное * $\text{okt\acute{o}}$ (u) первоначально означало „две группы из четырех пальцев“. В классическом санскрите наряду с этой существовала форма aṣṭa с кратким -а, заимствованным из соседних числительных.

9. Окончание -а числительного páva - „девять“ (: греч. $\acute{\epsilon}\nu\text{-}\nu\acute{\epsilon}\alpha$) может восходить к - $\check{c}$ (ср. лат. *pavapá*-, лат. *novem*) или, возможно, к - $\check{r}$ (ср. лат. *pōpus* „девятый“). Это слово считается родственным и.-е. péwos „новый“, что, учитывая образование предыдущего числительного, не лишено вероятия.

10. Первичный ряд числительных заканчивается dáśa „десять“ (: греч. $\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$, лат. *decem*, гот. *taihun* и т. д.), представляющим и.-е. $\text{dék}\check{c}$, относительно этимологии которого нет удовлетворительных предположений.

11—19. Эти числительные являются сложными словами двандва, состоящими из 1—9 с 10: dvādaśa „12“, tráyodaśa „13“, cáturdaśa „14“, ṣoḍaśa „16“ и т. д. Ср. греч. $\delta\acute{\omega}\delta\epsilon\kappa\alpha$, лат. *duodecim* и т. д. Долгий гласный в ékādaśa „11“ появился из dvādaśa . Числительное „19“ может выражаться и другим путем, *ekonaviṃśati*— „20 без 1“.

Десятки от 20 до 90 являются существительными женского рода и, как таковые, склоняются собственно в единственном

числе с формой род. пад. мн. ч. исчисляемых предметов: *navatīm pāvuāpām* „90 судоходных рек“ и т. п. Но они могут еще составлять также или 1) согласуясь в падеже, но не в числе с исчисляемыми существительными, *viṃśatyā hāribhiḥ* „с 20 гнедыми конями“, или даже 2) как прилагательные, согласуясь также с ними и в числе: *pañcaśadbhir bānaiḥ* „с 50 стрелами“. Промежуточные числительные образуются по образцу 11—19: *trāyas-triṃśat* „33“, *cātuḥṣaṣṭi* „64“ и т. д.

20—50: *viṃśati-*: ср. Ав. *vīsaiti*, греч. *εἴκοσι*, лат. *vīginti-* и т. д.
triṃśat-: ср. Ав. *θrisas*, вин. ед. *θrisatēm*, лат. *trīgintā* и т. д.
catvāriṃśat-: ср. Ав. *catwarəsatēm* (вин. ед.), греч. *τετταράκοντα*, лат. *quadrāginta* и т. д.

pañcaśat-: ср. Ав. *pañcāsat*, греч. *πεντήκοντα*, лат. *quinqūaginta* и т. д.

Элемент *-śat-*, выступающий в этих четырех числительных, появился из *-kṣnt-*, возникшего в свою очередь из *dkṣnt-*, редуцированной формы числительного 10 с суффиксом *-t*, выступающим в скр. *daśat-* „десяток“. Редуцированная форма относится, собственно, к слабым падежам, поскольку Ав. *θrisas* „30“ и *viśas* „20“ показывают, что сильная основа (*-śant-*) первоначально употреблялась в им. пад. ед. ч. Эта основа была сначала среднего рода и, как таковая, склонялась параллельно предыдущему числительному (греч. *τετταράκοντα* „4 десятка“ и т. д.). В санскрите склонение по ср. р. мн. ч. выступает в первом члене сложных слов *catvāriṃśat-* и *pañcāśat-*. Отсутствие этих окончаний во втором члене объясняется тем, что это окончание могло факультативно опускаться (ср. *viśvāni vāsu* и т. д. — гл. V, § 3, стр. 223). Основа *viṃśatī-* — основа на *-i* — была первоначально формой двойственного числа **vī śatī* „2 десятка“. Выступающее здесь в значении „2“ слово *vī* является нормальным словом в тохарских вместо обычного *duaí* и т. д. (тох. А *wu, we* (ж. р.), тох. В *wi*). Его можно отождествить с приставкой *vi* „помимо, отдельно“. Наличие носового на конце первого члена остается без объяснения, и, кроме индоарийского, оно встречается лишь в осет. *insäi* „20“.

60—90: *ṣaṣṭi-*, *saptatī-*, *aṣṭī-*, *navatī-*. Эти числительные образуются по совершенно иному способу, чем предыдущие. Это абстрактные или собирательные существительные, образованные при помощи суффикса *-ti*, означавшие первоначально „шестерка“ и т. д. Исходное значение удержалось в образованном так же *pañktī-* „группа из 5“, а также в ст.-сл. *шесть*, соответствующем по форме скр. *ṣaṣṭi* и означаемом просто „6“. Это общая для индоарийского и иранского специализация этих форм для наименования десятков, ср. Ав. *xšvašti-*, *haptāiti-*, *aštāiti-*, *navaiti-*. Форма числительного 80 в санскрите вполне самостоятельно образовалась от корня, не имеющего себе нигде параллелей, но явно древнего. В иранском эта форма заменена более соответствующей норме формой, основывающейся на *ašta*.

100. Исходной формой числительного śatām (: Ав. sātəm, греч. ἑκατόν, лат. centum и т. д.) была *kṛtóm, что видно по литовскому šimtas. Учитывая это обстоятельство, а также тот факт, что -śat- в triṃśát и т. д. означает „десять“, можно сказать, что и.е. оригинал произошел от dkṛtóm, собирательного существительного среднего рода, означающего „десяток (десятков)“.

1000. saháśra- (: Ав. hazagra-) родственно греч. χίλιοι, χεῖλιοι, χέλλιοι (*χέσλιοι), а начальный элемент -sa отождествляется с и.е. sṛ- „один, вместе“.

Эти два числительных являются существительными среднего рода, но с теми же вариантами в конструкции, как и у десятков. Числительные свыше тысячи чисто индийского происхождения: ayúta- „10.000“, lakṣá- „100.000“, grayúta „1.000.000“, koṭi- „10.000.000“ и т. д. Ряд этот простирается очень далеко, особенно у джайнов и буддистов (asaṃkhyeya- = 10¹⁴⁰), но в названиях более крупных чисел различные тексты сильно расходятся.

Порядковые. 1-й: prathamá (Ав. fratama-), 2-й: dvitīya (: Ав. daibitya-), bitya-, др.-перс. duvitiya-, 3-й: tṛtīya- (Ав. θritiya-, лат. tertius и т. д.), 4-й: а) caturthá- (греч. τέταρτος, лит. ketvīrtas); б) turīya, turya- (Ав. tūrya-), 5-й: а) pakthá—Ригведа, 10, 61, 1 (Ав. рухда-, др.-в.-нем. funfto из rṛk^{wt}(h)ó: греч. πέμπτος, лит. penktas и т. д. из rṛk^{wt}o-); б) pañcathá- Катх. (: гальск. pempetos, др.-валл. pimpfet); в) нормально pañcamá- (пехл. pañjum, осет. pāñjām*), 6-й: ṣaṣthá- (греч. ἕκτος, лат. sextus), 7-й: а) saptathá- — Ригведа (Ав. haptaṭha-); б) нормально saptamá- (перс. haftum, греч. ἑβδόμος, лат. septimus и т. д.), 8-й: aṣṭamá- (Ав. aṣṭama-), 9-й: navāma- (Ав. naoma-, др.-перс. navama-), 10-й: daśamá (Ав. dasama, лат. decimus и т. д.)

Простейший тип порядковых числительных образуется при соединении ударяемого тематического гласного к количественному числительному в его обычной функции прилагательного: saptam-á, daśam-á. От этих числительных класс числительных развивается дальше, охватывая такие случаи, которые первоначально к нему не принадлежали: ср. aṣṭamá-, в отличие от более древнего греч. ὄγδος, лат. octāvus; pavamá-, в отличие от лат. pōpus. Суффикс -thá, то есть -t-H-á, должно быть, возник путем добавления ударяемого тематического гласного к собирательному или отвлеченному производному существительному на -tā, то есть taH (*caturtā + á > caturthá-). За пределами индоиранских языков это H не встречается: греч. πέμπτος и т. д. образуются от простой основы на -t.

Первое порядковое числительное различается по отдельным языкам (греч. πρῶτος, лат. pṛmus, лит. pīmas и т. д.), но везде оно образовано от одного и того же корня, означающего „впереди“, а не от соответствующего количественного числительного. Порядковые числительные от 11 до 19—тематические образования с ударением на суффиксе: dvādaśá и т. д., ср. Ав. dvādasa- и т. д. Суффикс -tama, являющийся также суффиксом

превосходной степени, употребляется для образования порядковых числительных от десятков, сотен и тысяч: trimśattama- (Ав. θrisastama-, лат. trice(n)simus „30-й“, ṣaṣṭitama- „60-й“, śatātama- „100-й“, sahasratama- „1000-й“ (Ав. hazagrētama-). Но для 20—50 существует еще тип: vimśá-, trimśá-, catvārimśa-, pañcāśa-, чему за пределами индоарийского совершенно нет соответствий. Они образуются по аналогии с ekādaśá-.

Из производных слов типа прилагательных, помимо порядковых, слова dvaúá- (греч. δύοίς, ст.-сл. двон) и trayá- (ст.-сл. трон), означающие „двух (трех) сортов, из двух (трех) частей“, унаследованы из индоевропейского. При помощи суффикса -taya в санскрите создались такие слова, как ékataya-, cátuṣṭaya и т. п., употребляемые в том же значении. Древними наречными производными являются dvís (Ав. biš, греч. δις, лат. bis) и tris (Ав. θriš, греч. τρις) „дважды, трижды“. Не ясно, является ли слово satúh „четырежды“ простой основой satur, употребляемой адвербиально, или же оно происходит от *satur-ṣ с добавлением адвербиального -s. Ав. sabruš „четырежды“ содержит такое -s (хотя элементы суффикса располагаются в ином порядке), но вовсе не обязательно предполагать его первоначальное наличие в лат. quater. В других случаях это значение выражается употреблением слова kṛtvas- „раз“: páñca kṛtvah „5 раз“ и т. п. Корень этого слова встречаем в сложном слове sakṛt „однажды“ и в лит. kaĩtas, ст.-сл. крать. Другие наречные формы образуются при помощи суффиксов -dhā (tridhā „трояко“ и т. п.) и -śas (śataśas „сотнями“).

§ 2. Местоимения

Личные местоимения

1 л. ед. ч. Им. ahám, вин. mām, mā, твор. māyā, дат. māhyam, ме, отлож. māt, род. māma, те, местн. māyi.

Дв. ч. Им.-вин.-зват. āvām, твор.-дат.-отлож. avābhyām, род.-местн. āvāyos, вин.-дат.-род. pau.

Мн. ч. Им. vayām, вин. asmān, nas, твор. asmābhis, дат. asmābhyam, nas, отлож. asmāt, род. asmākam, nas, местн. asmāsu.

2 л. ед. ч. Им. tvám, вин. tvām, tvā, твор. tvāyā, дат. tūbhyam, te, отлож. tvāt, род. tāva, te, местн. tvāyi.

Дв. ч. Им.-вин.-зват. yuvām, твор.-дат.-отлож. yuvābhyām, род.-местн. yuvāyos, вин.-дат.-род. vām.

Мн. ч. Им. yūyām, вин. yuṣmān, vas, твор. yuṣmābhis, дат. yuṣmābhyam, vas, отлож. yuṣmāt, род. yuṣmākam, vas, местн. yuṣmāsu.

Склонение местоимений во многих отношениях отличается от склонения существительных; это различие заметней всего в личных местоимениях. 1) Эти местоимения не различаются по родам, что соответствует самой древней практике индоевропейского и противоречит практике других языковых семей (например, се-

митской), где род различается. Из ведических текстов можно привести только один изолированный пример *yuṣmās*, вин. пад. мн. ч. жен. р. 2) Различие по числам выражается употреблением разных основ, содержащих разные корневые элементы. 3) То же различие выступает между им. пад. ед. ч. и другими падежами. 4) Окончания множественного числа частично тождественны окончаниям единственного числа; это было гораздо заметней в доисторический период. 5) Отдельные окончания сильно отличаются от окончаний существительных.

Им. пад. ед. ч. *ahám* (Ав. *azəm*) содержит суффикс *-am*, преобладающий в склонении личных местоимений. Эта форма встречается также в славянском (ст.-сл. *azъ* с *-ъ* < *-om*). В других языках встречаются формы без окончания (лит. *eš*, *aš*) и формы, оканчивающиеся на *-ō* (греч. *ἐγώ*, лат. *ego*). Последняя форма первоначально была *egōH*, и придыхание в санскрите показывает, что именно к этой форме было добавлено *-ám* (*egōH + óm* > *egH-óm*). Окончание *-am* в *tvám* (Ав. *twəm*, *tūm*) за пределами индоиранских языков не встречается и является, следовательно, более поздним по происхождению. В других языках встречается *tū*, сохранившееся также в иранских языках и, возможно, в ведической частице *tu* (ср. РВ 8, 13, 14: *ā tū gahi*, *grá tū drava*). В других падежах первого лица встречается основа, начинающаяся с *m-*, перед которой, если судить по материалам греческого (*ἐμός* вин. ед.) и хеттского (*amlik* вин.-дат. ед.), в большинстве и.-е. языков утрачен гласный. С другой стороны, местоимение второго лица по корню не отличается в этих падежах. Основа *tē*, выступающая в других языках (ст.-сл. *ta* = скр. *tvām* и т. д.), могла возникнуть из **twē* путем sporadicческой утраты *-w-* после начального *t-*. Конечное *-m* в формах вин. ед. *mām*, *tvām* (: Ав. *maṃ*, *θwaṃ*) за пределами индоиранского встречается только в славянском (ст.-сл. *mъ*, *ta*). Это инновация, заменившая более древние формы, сохранившиеся только как энклитики: *mā*, *tvā* (: Ав. *mā*, *θwā*). Отношение этих форм с долгим гласным к формам с кратким гласным, таким, как греч. *ἐμός*, *με*, *σός*, *σε*, неясно.

Энклитические формы *me*, *te* (: др.-перс. *maiū*, *taiū*, Ав. *mōi*, *tōi*, *te*, греч. *με*, *σι*, лит. *mi*, *ti*) являются формами основы и не содержат падежного окончания. Как таковые, они более древние, чем ударяемые формы с развившейся полной системой падежей. Их более широкое употребление, чем у обычных падежных форм, также служит признаком древности. Они регулярно употребляются в значении дательного и родительного падежей, а иногда и шире. Первоначально они, должно быть, соответствовали ударяемым формам, столь же широко употреблявшимся. Развитие полной системы окончаний для ударяемых личных местоимений уничтожило эти формы, но более древняя неразвитая система сохранилась в энклитиках.

То, что ряд вполне развитых падежных форм не имеет соответствий в других и.-е. языках, указывает на их позднее воз-

никновение. Это видно на примере твор. ед. *máya*. Эта форма образовалась из основы, сохранившейся в энклитике *me*. С другой стороны, первоначальная форма твор. ед. второго лица была *tvā*, что видно из совпадения этой редкой ведической формы с Ав. *θwā*. Ее заменила форма *tvāya*, образованная по образцу *máya*. Та же форма основы служит базой для местн. ед. *máyi*. Первоначальная форма местн. ед. второго лица — это *tvé*, встречающаяся в Ригведе. Начиная с Атхарваведы она была заменена по аналогии формой *tvāyi*. За отсутствием иранских материалов невозможно сказать что-нибудь относительно более ранней истории этого падежа.

Формы отлож. ед. *mát*, *tvát* (: Ав. *maṭ*, *θwaṭ*, ср. др.-лат. *mēd*, *tēd*) образованы при помощи того же элемента, который выступает в склонении тематических основ. Форма *mámat*, на которую повлиял род. пад. ед. ч., встречается в Ригведе, а позднее часто стали употребляться расширенные формы *matás*, *tvatás*, образованные с суффиксом отлож. пад. *-tas*. Формы дат. ед. — это *māhuam*, *túbhuam*, но в Ригведе засвидетельствована форма *túbhya*, и правила метрики часто требуют обеих этих форм — *māhya* и *túbhya*. Это древнейшие формы, а *-m* есть уже вторичное добавление в санскрите, как и в других языках. Это *-m* отсутствует в иранском: Ав. *maibuā*, *maibuō*, *taibuā*, *taibuō*. Конечный элемент *ā*, встречающийся в индоиранском, отсутствует в других языках (лат. *mihi*, *tibi*, умбр. *mehe*, *tefe*, ст.-сл. *тѣбѣ*, др.-прусс. *tebbei*), и поэтому его надо считать послелогом, присоединенным к исходной падежной форме. Ясно, что *h* (< *gh*) в скр. *māhuam* является исходным (в отличие от *-b* в Авесте), так как оно имеется и в италийском. В *túbhuam* от *-i* присуще только санскриту: все другие языки имеют формы, происходящие от первоначального *te-*. Род. ед. *táva* (: Ав. *táva*), представляющий и.-е. **téwo*, является неизменяемой тематической основой прилагательных и, следовательно, изолированным пережитком архаичного и.-е. употребления. В других языках эта основа встречается как изменяемое полное прилагательное: греч. *τέός*, лат. *tuus*. По аналогии с этим форму *máma* можно считать заменой **áma*, где начальное *m-* внесено из остальной части парадигмы. Это **áma* соответствует основе греч. *ἐμός*, „мой“ точно также, как *táva* соответствует *τέός*. Такая и.-е. форма представлена в армянском *im*. Форма род. ед. в иранском (Ав. *maṣa*, др.-перс. *maṣā*), точно соответствующая этой форме в славянском (ст.-сл. *мѣнѣ*), является иной формацией, содержащей суффикс *-n*, который в германском присоединяется к дифтонгической базе (гот. *meina*).

Им. мн. *vaám* (: Ав. *vaēm*) содержит тот же дополнительный элемент *-am*, что и им. пад. ед. ч. Он указывает на исходное и.-е. *wei*, выступающее в готском со вторичным добавлением показателя множественного числа *-s* (*weis*, ср. также хетт. *weš*). Это *-s* появляется также в им. пад. мн. ч. второго лица в Ав. *uīš*, гот. *jus*, лит. *jūs*. Другая форма, *uīžam*, существует в Авесте

с добавлением обычного местоименного окончания -am. В санскритском yūyām это -am добавляется к основе без -s, но включается -у, взятое из формы vauyām.

Падежи множественного числа начиная с винительного образуются от основ asmā- и yuṣmā-, чему точно соответствует греч. (эол.) ἄμμε и ὕμμε. В первом лице as- стоит на месте ṛs- (= гот. ups), объясняемого как слабая форма местоимения, употребляемого энклитически: pas. Возможно, что в yuṣmā- начальное у-внесено вторичным путем из им. пад. мн. ч. и что исходное *us- также было слабой формой от vas. Распространение основы напоминает то же явление в форме м. р. ед. ч. указательных местоимений (tāsmāt и т. д.). Эти основы первоначально принимали окончание единственного числа, и использование окончаний множественного числа является сравнительно новым явлением. Старое положение вещей еще сохраняется в дательном и отложительном падежах: asmābhyam (: Ав. ahmaibya), yuṣmābhyam (: Ав. yūṣmaibhya); asmaṭ (: Ав. ahmaṭ), yuṣmāt (: Ав. yūṣmaṭ, xṣmaṭ).

Для винительного падежа первоначально использовалась простая несклоняемая основа, как в вышеприведенных греческих формах и в авестийских ēhṃā, ahma. Окончание -āp есть санскритская инновация. Первоначальное окончание (единственного числа) в твор. пад. мн. ч. сохранилось в Ав. xṣmā, а также в ведическом языке в нескольких сложных словах, таких, как yuṣmā-datta- „данный тобою“. Долгое -ā в asmābhis, yuṣmābhis извлечено из этой формы творительного падежа и отсюда было перенесено в местн. пад. мн. ч.: asmāsu, yuṣmāsu. Формы род. пад. мн. ч. asmākam, yuṣmākam (: Ав. ahmākəm, др.-перс. amāxam; Ав. yuṣmākəm) базируются на адъективных основах asmāka- и yuṣmāka-, которые еще функционируют как таковые в Ригведе. Первоначальная форма, встречающаяся еще по временам в ведическом языке, была неизменяемой основой, как в tāva, а -m, как и в других местах, является более поздним добавлением.

Более ранняя форма местного падежа, asmé, yuṣmé встречается в ведических текстах с той особенностью, что она может употребляться также в значении дательного и родительного падежей. Эта архаическая черта, состоящая в сочетании значений нескольких падежей, указывает на древность этих форм, хотя и нельзя привести точных параллелей этому из других языков.

Только одна энклитическая форма выступает во множественном числе: pas, vas; она служит как вин.-дат.-род. пад. В Авесте соответствующие формы pā, vā, vā, vā служат только как дат.-род. пад., а для вин. пад. имеются формы с долгим гласным: pā, vā, соответствующие по форме лат. pōs, vōs и ст.-слав. ны, вы.

В классическом санскрите, как и в других языках, в двойственном числе у личных местоимений различаются три падеж-

ные формы. В ведическом же языке встречается большее количество форм. Им. *āvāt*, *uvāt* отличается от вин. пад. *āvām*, *uvām*. В отлож. пад. выступают формы *āvát* и *uvát*. О существовании специальной формы твор. пад. свидетельствуют сложные слова типа *uvā-datta-* „данный вами двумя“. Неизменяемая адъективная основа *uvāki* встречается в функции род. пад. дв. ч. В Авесте существует форма род. пад. дв. ч. *uvākēn*, являющаяся более близкой параллелью к формам множественного числа. Формы дательного и местного падежей *uvābhuyāt*, *uvós* заменены более регулярными формами в классическом языке: *uvābhuyām*, *uváyoś*.

Им. дв. *uvāt* образовано от того же корневого элемента, что и им. пад. мн. ч. Нерасширенная форма представлена в лит. *jù-du* „вы двое“. Для первого лица один раз в Ригведе (6.55.1) засвидетельствована форма им. дв. *vām*, что соответствует Ав. *vā*, а -*m*, очевидно, является санскритским добавлением вторичного порядка. Ав. *vā* точно соответствует ст.-сл. *vъ*; гот. *wí-t* и лит. *vè-du* отличаются от них кратким гласным. Все эти формы содержат тот же корневой элемент, что и им. пад. мн. ч. Форма, соответствующая *āvām*, встречается только в Ав. *ēāvā* (вин. пад.), а в остальных и.-е. языках нет ничего похожего. Самым удовлетворительным объяснением этой формы, характерной для индоиранского, можно считать следующее: к исходному *vā*, *va* (и.-е. *wē*, *we*) было префигировано *ā*-двойственного числа местоименной основы *a-*.

Энклитические формы двойственного числа, употребляемые соответственно энклитикам множественного числа, это *pau* и *vām*. Формы, соответствующие *pau*, представлены в Ав. *pā* (род. пад.), ст.-сл. *na* (вин. пад.) и греч. *vó* (им.-вин. пад.). Ясно, особенно из греческого, что это образование употреблялось не только энклитически. Форма второго лица без -*m* один раз встречается в Ригведе (4.41.2), и сравнение с Ав. *vā* (вин. пад.) показывает, что эта форма и есть исходная. В старославянском соответствующая форма *va* является ударяемой формой, употребляемой как в им., так и в вин. пад.

В индоевропейском существовало возвратное местоимение, склонявшееся по образцу личных местоимений (лат. *sē*, *sibi* и т. д.). Начальный звук варьировал между *sv-* и *s-* точно так же, как в личном местоимении второго лица. Некоторые следы этого склонения имеются в Авесте (дат. ед. *hvāvōya*, то есть *hvawya), но в санскрите оно не сохранилось. Основа *sva-* „сам“ употребляется в сложных словах (*sva-yūj-* „самозапрягающийся“ и т. п.), в адвербиальном *svatas* „от самого себя“ и в некоторых производных (*svatvā-* и т. п.). Кроме этих случаев основа *svā-* является еще притяжательным прилагательным, соответствующим лат. *suus* и т. д. Есть также несклоняемое *svayāt* „сам“, образованное путем добавления обычного местоименного приращения -*am* к базе **svai-* (*sve-*, ср. *me*, *te*). Как энклитика эта база

выступает с начальным *s-* в Ав. *hōi*, *hē*, *šē*, др.-перс. *šaly*, функционирующих так же, как *me*, *te*. Эта энклитическая форма местоимения отсутствует в санскрите, но в пракрите она снова появляется в виде *se*. Ведическая энклитика *siṃ* (вин. пад.), по-видимому, по корню родственна этой группе, хотя и очень отличается по своему образованию. В иранском имеются соответственные формы двойственного (Ав. *hi*) и множественного числа (Ав. *hiš*, др.-перс. *šiš*).

Старые притяжательные прилагательные, основывающиеся на личных местоимениях первого и второго лица (ср. лат. *meus*, *tuus* и т. д.), были утрачены в санскрите, сохранившись в иранском (Ав. *ma-* „мой“, *θwa-* „твой“). Выше было показано, как основа таких прилагательных стала употребляться в функции род. пад. ед. ч. На месте таких прилагательных в санскрите появляются новообразования, например, *māmakā-*, *tāvakā-* с *vṛddhi*, базирующиеся на род. пад. ед. ч.; *māmakīna-* и т. д.; *madiya-*, *tvadiya-*, *asmadiya-*, *uṣmadiya-*, образованные на сложной основе; *matka-* „мой“ и т. д.

Замена личного местоимения второго лица ед. ч. каким-нибудь почтительным термином—черта, свойственная в равной степени санскриту и многим другим языкам. До некоторой степени этой цели служит множественное число, как в английском и т. п. (*yūyam me guravaḥ* „ты мой учитель“ [букв. „вы мне учителя“], но обычной заменой является слово *bhavān* (основа *bhavant-*) „вша честь“ с глаголом в 3 л. ед. ч. Слово это является неправильным стяжением слова *bhāgavān* „счастливец, благословенный“, которое и в таком виде употребляется так же. Звательный падеж *bhos* (< *bhagavas*), представляющий еще более стяженную форму, сохраняет старую ведическую форму звательного падежа.

Заменами старого возвратного местоимения служат существительные *tanū-* „тело“ и *ātman-* „душа“. Первое употребляется так и в ведическом языке (*sūra upāké tanvām dádhānaḥ* „помещающий себя близко к солнцу“), параллель этому находим и в Авесте. В классическом языке это слово так уже не употребляется, но производные от него встречаются в позднейших северозападных диалектах (сев.-зап. пракрит: *tanvaka-*, *tanvāga-* „собственный“, торвали: *tanu—*то же и т. д.). Другая классическая форма—*ātman-*—встречается также в Ригведе и вытесняет *tanu-*, начиная с древней прозы.

Указательные, вопросительные и относительные местоимения

Ед. ч. Им. *m sā-s*, ж *sā*, ср *tád*; вин. *m tám*, ж *tām*, ср *tád*; твор. *m sr tēna*, ж *táyā*; дат. *m sr tásmai*, ж *tásyai*; отлож. *m sr tásmat*, ж *tásyās*; род. *m sr tásya*, ж *tásyās*; местн. *m sr tásmin*, ж *tásyām*.

Дв. ч. Им.-вин. м таі, ж ср тѣ; твор.-дат.-отлож. м ж ср tābhyaṃ, род.-местн. м ж ср tāyoḥ.

Мн. ч. Им. м тѣ, ж тās, ср тā, tāni; вин. м tān, ж тās, ср тā, tāni; твор. м ср таіs, tēbhis, ж tābhis; дат.-отлож. м ср tēbhyaḥ, ж tābhyaḥ; род. м ср tēsām, ж tāsām; местн. м ср tēṣu, ж tāsu.

Указательные, вопросительные и относительные местоимения с основой на тематический гласный склоняются по вышеприведенному образцу. Местоимения мужского и среднего рода частично склоняются по образцу именных основ на -а, а женского рода — частично по образцу основ на -ā. Но ряд форм они образуют отличным от именных основ способом. К ним относятся:

Им. пад. ед. ч. местоимений sa, eṣa и sya не имеет конечного -s, когда за ним следует слово, начинающееся с согласного: sa dadarśa „он увидел“, но so'bravīt „он сказал“, riguṣa eṣaḥ „этот человек“. Формы без показателя им. пад. -s имеются и в соответствующих греч. ὁ, гот. sa.

Им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. оканчивается на d/t: tát (: Ав. taṭ, греч. τό < *tod, лат. is-tud), etāt (: Ав. aetāt), tyát, yát (: Ав. yaṭ, греч. ὅτ-τι), kát РВ (: Ав. kaṭ, лат. quod), tvat, enat. Санскритское сандхи не дает возможности решить, какой согласный был исходным — d или -t, однако свидетельство других языков (лат. quod, гот. ꝥat-a), а также санскритские формы, где к этой основе добавляется следующий суффикс: tadā, idám и т. п., ясно указывают на -d как исходный согласный.

Твор. пад. ед. ч. м. и ср. р. в классическом языке одинаков в склонении существительных и местоимений. В ведическом языке существительные имеют также окончание -ā, не употребляемое в склонении местоимений, за исключением epā (классическое epēpa) и адвербиального apā „таким образом“. Ясно, что -epa — это окончание, свойственное местоимениям, и что оно было перенесено на существительные. Форма эта базируется на дифтонгической основе (ke- и т. д.); у других местоимений такая основа употребляется только во множественном числе. По-видимому, -p- здесь того же происхождения, что и в твор. пад. ед. ч. основ мужского и среднего рода на -i и -u. В отличие от классического -epa в ведическом языке имеется как -epa, так и -epā, вследствие различной судьбы в сандхи конечного -aH (> -ā перед гласным). За пределами индоарийского этим формам нет точного соответствия. В иранском есть формы со вставным -p-, но они образуются от обычной тематической, а не от дифтонгической основы: Ав. kapa, др.-перс. tuapā, avapā. Твор. пад. ед. ч. ж. р. (tāyā и т. д.) также образуется от дифтонгической основы, но без -p-. Эта форма также была воспринята склонением существительных (sépaṃ).

В дат.-отлож.-местн. пад. ед. ч. основа местоимения расширена посредством элемента -sm(a)-. Этот элемент довольно ши-

роко распространен в и.-е. языках: умбр. *esmei rusme*, гот. *imma*, *ramma* (-mm- < -sm-), др.-прусс. *stesmu* и т. д. Не вполне ясно, происходит ли простое -m-, выступающее в ст.-сл. *тому* и т. д., от этого элемента или же оно является первоначальной вариантной формой. Если первоначальным элементом было только -sm-, то, возможно, он как-то связан с корнем *smá-*, так что *tásmāi*, например, первоначально могло бы означать „к тому же самому“. Дат. пад. ед. ч. сохраняет старое окончание тематических основ, которое у существительных было заменено расширенным -āya. Элемент -in, составляющий окончание местн. пад. ед. ч., больше нигде не встречается. В иранском есть форма с простым -i: Ав. *ahmī*, *kahmī*, *čahmī*, *yahmī*. Это явно более старые формы, и санскритское -п следует рассматривать как добавление вторичного порядка, независимо от его происхождения. В некоторых среднеиндоарийских формах также отсутствует назализация: пали *tamhi*, пракр. *tap̄si* в противоположность пракр. *tassip̄*. Эти формы можно непосредственно связать с иранскими; они указывают на наличие в древнем индоарийском диалектального варианта *tásmi и т. д., существовавшего наряду с *tásmīn* и т. д., воспринятым литературным языком.

В дат.-род.-отлож.-местн. пад. ед. ч. ж. р. перед окончанием появляется элемент -sy-. Он встречается также в иранском (Ав. *ahyāi*, *aighāi*, *aighā* и т. д.) и в др.-прусском (дат. ед. *stessieī*, род. ед. *stessias*). В германском в этих падежах выступает простое -s- (гот. дат. ед. *řizai*, род. ед. *řizōs*).

Наиболее вероятным объяснением этих форм будет то, что они базируются на формах род. ед. *tásy* и т. д., которые первоначально были общими для обоих родов, — женский род в конечном счете стал характеризоваться окончанием -ās. Это послужило отправной точкой для процесса образования и других падежей по аналогии с существительными.

Окончания двойственного числа у местоимений те же, что и у существительных. В род.-местн. пад. это объясняется переносом местоименных форм на существительные, что можно видеть из оппозиции двух типов образования в славянском (*vlūku*, *toju*). В ведическом языке есть несколько форм с простым -os (*avós*, *epos*).

Им. пад. мн. ч. м. р. образуется дифтонгической основой: *té*, *ké* и т. д. То же самое находим и в других и.-е. языках: греч. *τοί*, гот. *řai*, лит. *tiē*, ст.-сл. *ти* и т. д. Поскольку в др.-лат. *quoī* (род. *quoīus*, дат. *quoīei*) мы находим такую форму основы в единственном числе и поскольку в санскрите она тоже выступает в некоторых падежах за пределами множественного числа (твор. ед. *té-n-a*, ж. р. *táy-ā*, род.-местн. дв. *táy-os*), надо полагать, что эта форма основы первоначально не ограничивалась множественным числом, а лишь постепенно специализировалась в этом значении. Основа им. пад. мн. ч. образует базу для

формирования других падежей (tébhis и т. д.), за исключением вин. пад. мн. ч., заимствованного, очевидно, из именного склонения. В Ригведе все встречающиеся формы твор. пад. мн. ч. принадлежат к типу tébhis, и в склонении имен заметна тенденция перенимать этот тип. Позже местоименная форма этого падежа исчезает не только из именного склонения, но и из местоименного, заменяясь там именной формой (taís). Единственным исключением является основа на -a, сохраняющая старую форму творительного падежа в дальнейшей истории языка (ebhís : Ав. aēibiš).

В род. пад. мн. ч. м.-ср. и ж. р. между основой и окончанием появляется -s-. То же -s- выступает и в других языках: м. р. Ав. aēšam, др.-перс. avaišam, ст.-сл. тъхъ, др.-прусс. steison; ж. р. Ав. āgham, греч. τῶν, лат. istārum, оск. eiza-zip-c.

Формы с -s в женском роде распространены шире, чем в мужском (напр., греч. τῶν, но τῶν), даже если сделать скидку на то, что в германском и славянском формы женского рода уступили место формам мужского рода (англо-сакс. ðāga, ст.-сл. тъхъ). Это служит прямым указанием на то, что это образование древнее в женском роде, а если так, то это -s должно быть тем -s в им. мн. тās, к которому присоединяется окончание род. пад. мн. ч. Кроме род. пад. мн. ч., склонение местоимений женского рода не отличается от склонения существительных во множественном числе.

В санскрите имелись следующие тематические местоименные основы: sā-/tā- „тот, та, то; он, она, оно“, eṣā-/etā- „этот“, syā/tyā- „тот, та, то“; eṇa- „ему, ей“, āma- „этот, эта, это“, avā- „тот, та, то“, tva- „один, некий, один... другой“, kā- „кто, который, -ая, -ое“, yā- „который, -ая, -ое“ (относительное), sama- „всякий, каждый“, śimā- „сам“, nēma- „некий“, a-, ana- и imā- „этот, эта, это“.

Основы sā- и tā- сочетаются в одной парадигме, распределяясь так, что sa- выступает в им. пад. ед. ч. м. и ж. р., а tā- в прочих формах. В этом отношении санскрит сходится с иранским (Ав. hā, hō, hā, taḥ и т. д.), греческим (ὁ, ἡ, τό и т. д.) и германским (гот. sa, sō, þata и т. д.), продолжая и.-е. традицию; там же, где в этих двух формах появляется t- (лит. tās, tà, ст.-сл. тъ, та), это инновация. Отсутствие окончания -s в им. пад. ед. ч. м. р. также искони характеризовало это местоимение. В санскрите местоимение имеет это окончание (saḥ), когда оно стоит в конце предложения, а в сандхи перед гласными оно принимается за sās (sa āha, so'dya). В греческом также есть форма ὅς „он“, выступающая преимущественно на конце предложения, что позволяет заключить, что эта вариантная форма им. пад. ед. ч. восходит к и.-е. периоду. В остальной части парадигмы основа tā- следует обычной форме склонения этих местоимений, за исключением, может быть, местн. ед. sāsmin в Ригведе. Но так

как в некоторых контекстах эта форма означает, по-видимому, „тот же самый, кто-то“, то ее, возможно, правильнее связывать с и.-е. корнем *sem-* „один, кто-то“, а не с этим местоимением.

Основы *eṣā-/etá-* и *syá-/tyá-* чередуются так же, как *sa-/ta-*. Первая из них—это сложная основа, состоящая из *e-* (то есть *au-* в местоимении *auám*) и вышеприведенной основы *sa-/ta-*. Это сочетание есть также в Авесте (им. ед. м. р. *aēša*, *aēšō*, ж. р. *aēša*, ср. р. *aētaḥ*), но больше оно не встречается ни в одном из и.-е. языков). Местоимение *syá-/tyá-* фигурирует главным образом в Ригведе. Небольшое число примеров есть в позднейшей доклассической литературе и даже в ранних текстах на пали (в джатаках—*tyamhi*, *tyāsu*), но в классическом языке это местоимение не употребляется, хотя и признается грамматиками. За пределами индоарийского единственное соответствие есть в др.-перс. *hya-/tya-*, употребляющемся в функции относительного местоимения на месте скр.-Ав. *yá-*.

Вопросительное местоимение *ká-* „кто?“ склоняется правильно по местоименному склонению, за исключением формы им.-вин. ед. ср. р. *kím*, наряду с которой в Ригведе выступает форма *kát* (: Ав. *kaḥ*, лат. *quod*, гот. *hva*), правильно образованная от основы на *-a*. В индоевропейском существовали обе основы: основа на *-a* (скр. *ká-s*, Ав. *kō*, лит. *kàs*, гот. *hvas* и т. д.) и основа на *-i* (греч. *τις*, лат. *quis*, хетт. *kwiš*). В индоиранском также имелись обе формы основы, и такое положение дел сохраняется в иранском: Ав. им. ед. *čiš*, вин. ед. *čim*, им. мн. *čayu* и т. д. В санскрите была тенденция упразднить форму на *-i*. Изолированное вопросительное местоимение *kis* встречается в Ригведе только один раз; в других случаях эта форма появляется только в сочетаниях *pá-kis* и *mā-kis* „никто“ (: Ав. *paē-čiš*, *mā-čiš*). Сюда относится частица *kím*, того же образования, что *im* и *sim*, встречающаяся в сочетаниях типа *pá-kím*, *mā-kím* (ср. Ав. *paē-čim*, *mā-čim*). Единственная форма с *ki-*, сохранившаяся в регулярной парадигме, это им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. *kím*. Эта форма не соответствует той, которая встречается в других и.-е. языках, с обычным местоименным *-d* в среднем роде (хетт. *kwit*, лат. *quid*, Ав. *čit* и т. п.). Соответствующая этой последней форма сохранилась в санскрите как энклитическая частица *cit* (*káscit* „всякий, кто-то“), из чего можно заключить о существовании на более ранней стадии языка вопросительного местоимения **cíd*. Не совсем ясно, как следует объяснять конечное *-m* формы *kím*, но наличие в Авесте частицы *čim*, по-видимому, указывает на то, что это *-m* восходит по меньшей мере к индоиранскому периоду; существуют также предположения о его связи с окончанием *-im* латинских наречий *interim* и *ōlim*, а также о связи между скр. *kímcit* и арм. *in-č* „нечто, кое-что“. В отличие от раннего иранского обычной чертой санскрита является восстановление по аналогии *k-* перед палатализирующим гласным. Это также произошло в некоторых тематических осно-

вах, первоначально содержащих гласный *e*, например, род. ед. *kásya*—Ав. *čahuā*, греч. *τέο*, ст.-сл. *veso*.

От этого местоимения имеются разнообразные производные — прилагательные и наречия, базирующиеся на трех основах: *ka-*, *ki-* и *ku-*.

ka-: *katagá-* „который из двух“ (: Ав. *katāga-*, греч. *πότερος*, гот. *waþar*), *katamá-* „который из многих“ (: Ав. *katāma-*), *kāti* „сколько“ (: Ав. *čaiti*, лат. *quot*), *kathā*, *kathām* „как“ (: Ав. *kaθā*), *kadā* „когда“ (: Ав. *kadā*, *kaða*), *kārhi* „когда“.

ki-: *kívant-* „сколько“ (: Ав. *čvant-*), *kívant-*—то же.

ku-: *kū-* в слове *kūcit* „повсюду“, *kuv-it*—вопросительная частица (: Ав. *kū* „где“), *kvā* „где“, *kúha*—то же (: Ав. *kudā*, ст.-сл. *къдѹ*), *kútra*—то же, *kútas* „откуда“.

Относительное местоимение *yá-* имеет параллели в иранском (Ав. *ya-*), греческом (*ὅς*) и фригийском (*ios*), а в различных производных и в других языках. Оно склоняется по нормальному местоименному типу (*yás*, *yā*, *yád* и т. д.) и не требует дальнейших пояснений. Среди различных производных от него можно упомянуть *yatagá-* „который из двух“ (: Ав. *yatāra-*), *yāti-* „сколько“, *yāvant-* „сколь большой“ (: Ав. *yavant-*), *yáthā* „как“ (: Ав. *yaθī*), *yátra* „где“ (: Ав. *yaθrā*), *yadā* „когда“ (: Ав. *yadā*), *yádi* „если“ (Ав. *yedi*, *yeidi*, др.-перс. *yadiy*).

Энклитическое местоимение *epa-* „его, ее, его“ употребляется только в вин. пад. всех чисел, в твор. пад. ед. числа и в род.-местн. пад. дв. числа. В других падежах в той же синтаксической функции употребляются безударные формы местоимения *ayám* (*asya*, *asmai* и т. д.). Мы не встречаем подобного этому местоимения ни в древнеиранском, ни в остальных и.-е. языках, но возможно, что среднеперс. *ēp*, совр. перс. *īp* восходят к тому же источнику.

Местоименная основа *avá-* почти исчезла уже в ведическом языке и встречается лишь три раза в род.-местн. пад. дв. ч. (*avós*). С другой стороны, в иранском она оставалась общеупотребительной (Ав. и др.-перс. *ava-*); соответствующее местоимение встречается также в славянском (ст.-сл. *овъ*).

Неударяемое местоимение *tva-* „некто, некий“ (при повторении „один... другой“) встречается в Ведах, но отсутствует в более позднем языке. За пределами индоарийского его можно сравнить с Ав. *θwaí*, ср. р. ед. ч., употребляемым адвербиально (как и скр. *tvaí*). В Авесте имеется также местоимение *huvō* „он“, которое наводит на мысль о том, что первоначально имелись варианты основы **sva-/tva-* по образцу *sva-/tva-*.

Местоимение *áta-* „вот этот“ встречается лишь в одной ритуальной формуле. Кроме этого случая, данная основа выступает только в др.-перс. наречии *amata* „оттуда“ и, возможно, в ведическом наречии *amā* „дома“.

Ведическое местоимение *péta-* „некто, некий“ употребляется почти в том же значении, что и местоимение *tva-*, и может со-

четаться с ним в таких выражениях, как *pēta* и *tva āha* „один или другой сказал“. Это основа скр. *pēta-* „половина“, Ав. *paēta-* „половина, сторона“, употребляемых адъективно, „он, они с одной стороны“.

Неударяемое *sama-* „какой-то, всякий, любой“ также встречается только в самых ранних текстах. Оно соответствует Ав. *hama-* „всякий“, гот. *sums* „некоторый“ и в конечном счете является производным от и.-е. корня *sem-* „один“. Наречие *samaḥa* „где-то, как-то“ происходит от него.

Местоимение *simá-* „себя“, также ограниченное ведическим языком, не имеет себе точных соответствий за пределами санскрита. По структуре его можно сравнить с местоименной основой *imá-*; *simá-* так относится к *sim*, как, например, *imá-*—к *im*.

Основы *á-*, *apá-* и *imá-* входят как составная часть в склонение *ayám* и будут рассмотрены ниже.

По рассмотренному типу склоняется большое количество основ прилагательных: сюда входят местоименные производные, а частично и некоторые другие прилагательные. Полному местоименному склонению с им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. на *-at* следует местоимение *apuyá-* „другой“ (*apuyát*, ср. греч. *ἄλλο*, лат. *aliud*) и такие местоименные производные, как *katará-*, *katamá-*, *yatará-*, *yatamá-* и *itaga-* „другой“. По местоименному склонению, но с окончанием *-am* в им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. склоняются такие основы, как *vísva-* „весь“ (им. мн. ч. м. р. *víšve*, род. мн. м. и ср. р. *víšveṣām* и т. д. : Ав. *vispe*, *vispaēṣam*), *sárva-* „весь“ (индоарийское образование по аналогии с *vísva-*), *éka-* „один“ (ср. Ав. *aēvahmāt* и т. д. от *aēva-* „один“).

Другие прилагательные, относящиеся к этому типу склонения, — это некоторые прилагательные в сравнительной и превосходной степени, такие, как *ádharma-*, *adhamá-*, *ántara-*, *ántama-*, *áraga-*, *aramá-* и т. п., а также несколько других прилагательных, как *rīṅva-* „предшествующий, восточный“, *dákṣiṇa-* „правый, южный“ и *ubháya-* „обоих сортов“. В этом последнем классе прилагательных наблюдается значительная неустойчивость употребления; в некоторых случаях местоименное склонение факультативно, в других оно имеет особое значение.

Местоимения ayám и asau

Парадигмы:

1) *Ед. ч.* Им. м *ayám*, ж *iyám*, ср *idám*, вин. м *imám*, ж *imām*, ср *idám*, твор. м ср *apéna*, ж *apáyā*, дат. м ср *asmaí*, ж *asyaí*, отлож. м ср *asmāt*, ж *asyās*, род. м ср *asyá*, ж *asyās*, местн. м ср *asmín*, ж *asyām*.

Дв. ч. Им.-вин. м *itau*, ж ср *imé*, твор.-дат.-отлож. *abhyām*, род.-местн. *apáuos*.

Мн. ч. м *imé*, ж *imās*, ср *imāni*, вин. м *imān*, ж *imās*, ср *imāni*, твор. м ср *ebhís*, ж *ābhís*, дат.-отлож. м ср *ebhyás*, ж *ābhyás*, род. м ср *eṣām*, ж *āsām*, местн. м ср *eṣú*, ж *āsú*.

2) *Ед. ч.* Им. *м ж* asaú, *ср* adás, *вин. м* amúm, *ж* amúm, *ср* adás, *твор. м ср* amúnā, *ж* amúyā, *дат. м ср* amúšmai, *ж* amúšyai, *отлож. м ср* amúšmāt, *ж* amúšyās, *род. м ср* amúšya, *ж* amúšyās, *местн. м ср* amúšmin, *ж* amúšyām.

Дв. ч. Им.-*вин.* amū, *твор.-дат.-отлож.* amūbhyaṃ, *род.-местн.* amūyoḥ.

Мн. ч. Им. *м* amī, *ж* amūs, *ср* amūni, *вин. м* amīn, *ж* amūs, *ср* amūni, *твор. м ср* amībhis, *ж* amūbhis, *дат.-отлож. м ср* amībhyas, *ж* amūbhyas, *род. м ср* amīṣām, *ж* amūṣām, *местн. м ср* amīṣu, *ж* amūṣu.

Эти два местоимения можно объединить, так как они во многом отклоняются от нормального местоименного склонения. Местоимение *ayām* характеризуется тем, что в его парадигме объединяются различные основы, главные из них *au-(e-)/i-* и *a-*. Им. ед. *м ayām* (: Ав. *aēm*) образуется прибавлением обычного местоименного *-ām* (*ср.* *aḥām* и т. д.) к первой основе в ступени *guṇa*. Им. ед. *ж iyām* (Ав. *īm* из **iyəm*, др.-перс. *iyam* *м* и *ж р.*) является аналогичным распространением с *i-* <*i*-Н. Точно так же им.-*вин.* ед. *ср* есть *id* с распространением (: лат. *id*), сохранившееся в употреблении как частица. В латыни наблюдается то же распространение в *idem* „тот же самый“ со специализированным значением, отсутствующим в санскрите. То же распространение в *вин. ед. м. *im* (греч. *ἴμ* „αὐτόν“, лат. *im* „eum“) дало *imām* (: Ав. *iməm*, др.-перс. *imam*), из которого была выделена новая основа *imā-* и распространена на *вин. пад. ед. ч. ж. р.* до *imām* (: Ав. *imam*, др.-перс. *imām*), *им.-вин. дв. м. imāu* (: Ав. *ima*) *ж.* и *ср. imé*, *им. мн. м. imé* (: Ав. *ime*, др.-перс. *imaiu*), *вин. мн. м. imān* (: Ав. *ima*), *им.-вин. мн. ж. imās* (Ав. *imā(s)*, др.-перс. *imā*), *ср. imā(ni)* (: Ав. *imā*). Иногда основа имеет распространение в других падежах в ведическом языке (но в классическом—никогда): *imásya*, *imásmai*; сходным образом в иранском (Ав. *им.-вин. ед. ср. imaṭ*, др.-перс. *род. мн. imaiṣām* и т. д.), в среднеиндийском (пали *imassa* и т. д.), а также в буддийском санскрите и в других неправильных формах санскрита (*imeṣu* и т. д.).

Основа *a-* выступает в *дат.-род.-отлож.-местн. пад. ед. ч.*, как в Авесте (*aḥmāi*, *aḥmaṭ*, *aḥyā/ahe*, *aḥmi*; *ж. р. aḥyāi* и т. д.), с нормальными соответствующими формами *твор. пад. мн. ч.* (*ebhis* : Ав. *aēbiš*; *ж. р. abhis* : Ав. *ābiš* и т. д.). В ведическом языке *твор. пад. ед. ч.* выступает как *epā*, *ж. р. ayā*, а *род.-местн. пад. дв. ч.* *ayós*. Это (учитывая чередование *-a/-ā* в *kēpa* по сравнению с *epā*) нормальные тематические окончания, и основой, следовательно, является *a-*. С другой стороны, в классическом языке эти формы заменены формами *апéпа*, *апáуā*, *апáуоs*. В Авесте имеется *твор. пад. ед. ч. апā*, образованный как *капа* и т. п. от основы *a-*, а в Ведах—соответствующее этому наречие *апā* „поэтому“. Нам представляется, что основа *апа-*, от которой образованы вышеприведенные санскритские формы и Ав. *твор. мн. апāiṣ*, возникла от этой формы *апā*. С другой стороны, с этим

можно сравнить местоимение *oṃ* в славянском. Возможно, что славянское местоимение возникло путем обобщения основы, возникшей тем же путем, что и индоиранское *apa-*.

Между этим местоимением и соответствующими формами нормального местоименного склонения есть различие в ударении (*asyá* в отличие от *tásya* и т. п.), объясняющееся, очевидно, обобщением конечного ударения в форме *ayám*. Так как это местоимение анафорическое (*asmai* „ему“ и т. д.), то падежные формы от основы *a-* не несут ударения.

На базе местоименных основ *a-* и *i-* образуется большое количество наречных форм: *átga* „там“ (: Ав. *abgā*), *átas* „оттуда“, *idá* (: Ав. *ida*), *idāñīm* „теперь“, *ihá* „здесь, сюда“ (: Ав. *ida*, *ida*, др.-перс. *ida*), *itthám* „так“ и т. д.

Единственная форма местоимения *asaú*, для которой можно подыскать соответствия в других языках, это им. ед. *asaú*. В иранском ей соответствуют Ав. *hāu* и др.-перс. *hauv*, но в других падежах употребляется основа *ava-*, почти исчезнувшая в санскрите. Наиболее возможным объяснением *sāu служит то, что оно состоит из местоимений *sa*, *sā* и частицы *-ac*, обозначающей расстояние. Таким же образом вин. пад. *amít* можно объяснить как *am-ú* с вариантом той же частицы. Это *am-* первоначально, по-видимому, было вин. пад. ед. ч. местоименной основы *a-*, и специфическое значение местоимения „тот, кто находится там“, обеспечивалось добавлением элемента *-u*. Толкуя эту форму как основу с окончанием вин. пад. ед. ч., мы естественно приходим к мысли, что эта форма послужила базой для местоимения с полной системой окончаний, склоняющегося по аналогии с другими местоименными основами. Если бы это была более древняя основа с суффиксом *-u*, можно было бы ожидать склонения по образцу основ на *-u*. То, что в отличие от всех других основ на *-u* она склоняется по тематическому типу (в его местоименной разновидности), указывает на то, что это позднее, чисто санскритское образование, возникшее примерно так, как это описано выше.

Санскритская форма им. ед. м. ж. р. имеет начальное *a-*, отсутствующее в иранском *hāu*. Ясно, что эта форма возникла по аналогии с основой *amí-* и что иранское *hāu*, представляющее индоиранское *sāu, является формой более близкой к исходной. Им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. *adás* не имеет аналогий в других языках. Наиболее вероятная интерпретация этой формы такова, что на самом деле это была форма *adó*, которая в тех контекстах сандхи, где *-as* переходит в *-o*, неправильно истолковывалась как замена *adás*. В подтверждение этого толкования можно привести один случай *adó* перед начальным *r-* в Ригведе. Но им. пад. мн. ч. *amī* и остальные падежи, базирующиеся на этой основе, объяснить нелегко. Предполагается, но без какой-либо степени достоверности, что по аналогии с дифтонгальными основами множественного числа тематических местоимений (*té* < *tai* < *toi*

и т. д.) образовалась дифтонгальная форма *ai* и что вследствие того, что сочетание *ui* было ново и непривычно (унаследованное *u + i* дало *vi*), оно оказалось неустойчивым и изменилось в *-ī*.

§ 3. Несклоняемые части речи

Мы уже упоминали о некоторых древнейших типах наречий в связи с образованием именных основ. Отмечалось, что наречия типа *prātār* „рано“ образуются при помощи суффиксов, употреблявшихся первоначально при образовании основ среднего рода. Наречия этого типа чаще всего имеют ударение на суффиксе, как формы местного падежа без окончания, с которыми они тождественны по образованию. Существует также тип наречий с корневым ударением (*ānti* и т. п.), имеющих форму неизменяемых основ среднего рода. Ниже приводится перечень наречий этих типов, сгруппированных по суффиксам.

Основы среднего рода без суффикса: *yugarad* „одновременно“, *ānuṣāk* „последовательно“.

-ar: *avār* „вниз“, *rīnar* „снова“, *-tar*: *prātār* „рано“, *sanutār* „прочь; порознь“, *antār* „внутри“, *-tur*: *sanitūr* „прочь, в стороне“, *-var*: *sasvār* „тайно“, *-ur*: *mūhur* „внезапно“, *-i*: *sāmī* „наполовину“ (обычно в сложных словах, ср. греч. *ἡμι*, лат. *sēmī*-), *rāri* „вокруг“, *-ti*: *ānti* „близко“, *prāti* „напротив, по направлению“, *-u*: *mīthu* „ложно“, *makṣū* „тотчас“ (ср. лат. *mox*), *mūhu* „внезапно“ (ср. Ав. *māgəzu*°- „кратко“, греч. *βραχύς*), *anuṣṭhū* „тотчас“, *-as*: *mīthās* „ложно“, *hyās* „вчера“ (: греч. *χθές*, лат. *heri* с дополнительным суффиксом), *śvās* „завтра“ (в отличие от основы на *-r* в Ав. *sūr*- „утро“), *avās* „вниз“, *adhās* — то же, *prāyas* „вообще, обычно“, *sadyās*, *sadīvas* „сегодня, немедленно“, *tirās* „поперек“, *ragās* „вдали“, *purās* „вперед“, *-is*: *āvīs* „открыто“, *bahīs* „снаружи“, *-us*: *anyedyūs*, *prādūs* „в будущем“, *-at*: *dravāt* „быстро“, *drahyāt* „крепко“, в РВ один раз), *iṣāt* „немножко“, *-it*: *pradākṣiṇit* „так, чтобы иметь что-либо с правой стороны“, *cikitvit* [„вдумчиво“], *-ad*: *smad*, *sumad* „вместе, совместно“ (: Ав. *maṭ*); *-k*: *juók* „долго“ (ср. лат. *dīū*).

Ряд наречий, функционирующих как глагольные приставки, имеет форму неизменяемых тематических основ, это *āva* „вниз“, *āra* „прочь от“ (: греч. *ἄπο*), *ūra* „вплоть до, близко“ (: греч. *ὑπο* „под“) и *prā* „вперед“ (греч. *πρό* и т. д.). Так как тематический суффикс первоначально употреблялся для образования прилагательных, то слова этого типа можно считать застывшими несклоняемыми адъективными основами, которые приобрели функцию предлогов и глагольных приставок.

Вышеперечисленные наречия образовались тем же путем, что и соответствующие именные основы. Другие наречия содержат специфически наречные суффиксы. Наиболее важными из них являются следующие:

-tas. Этот суффикс образует наречия, имеющие обычно значение удаления: *itás* „отсюда“, *tátas* „оттуда“, *anyátas* „из другого места“, *dakṣiṇatás* „справа“, *hṛttás* „из сердца“ и т. д. В некоторых случаях такие формы функционируют как формы отложительного падежа: *sarvato bhayāt* „от страха“, *kutaś cid deśād āgata* „пришедшие из одной или другой области“. Уже отмечалось, что эти образования можно объяснить как произошедшие от род.-отлож. пад. древних основ на *-t*. Когда простые формы на *-t* стали редки, формы типа *dakṣiṇat-ás* стали толковаться по-новому, как *dakṣiṇa-tás*, и таким образом возник новый наречный суффикс. Соответствующие образования имеются и в других и.-е. языках: Ав. *x^vatō* „от самого себя“, *aiwitō* „вокруг“, др.-перс. *haša raguviyata* „издревле“, *amata* „оттуда“, греч. *ἐκτός* „снаружи“, лат. *funditus*, *caelitus* и т. д.

-tāt. Этот формант, возникший из контаминации вышеприведенного *-tas* с окончанием отлож. пад. *-āt*, выступает в таких наречиях, как *údaktāt* „сверху“, *prāktat* „спереди“, *adhástāt* „снизу“, *purástāt* „спереди“ и т. п. В других языках параллелей этому нет.

-trā. С этим суффиксом образуются наречия с местным значением от именных (только в Ведах) и местоименных основ: *devatrā* „среди богов“, *puruṣatrā* „среди людей“, *śayutrā* „на ложе“, *dakṣiṇatrā* „на правой стороне“, *atrā* „здесь“, *tātra* „там“, *kútra* „где“ и т. д. Эти формы (ср. формы на *-tas*) иногда употребляются как заменители местного падежа: *hásta ā dakṣiṇatra* „в правой руке“.

Сходными образованиями в иранском являются Ав. *varṇaθra* „на месте жительства“, *iθra* „здесь“, *aθrā* „там“, *kuθrā* „где“ и т. д. Как уже указывалось, эти наречия базируются на исчезающем классе существительных среднего рода на *-tar* (*śayutar „ложе“, *vasatar „место жительства“), формами творительного падежа которых они являются, но со значением местного падежа, как это всегда бывает с формами творительного падежа, употребляемыми адвербиально. Колебание между *ā* и *a* объясняется различной судьбой конечного *-ā* < *a*Н в сандхи, примеры чего отмечаются и в других случаях.

-thā, *-tham*. Суффикс *-thā* образует наречия образа действия: *ṛtuthā* „регулярно“, *pratnāthā* „как встарь“, *viśvāthā* „всяческими способами“, *anyāthā* „по-иному“, *tāthā* „так“, *kathā* „как“, *itthā* „таким образом“ и т. д. Реже в том же значении выступает *-tham*: *kathām* „как“, *itthām* „таким образом“. Сходный формант встречается только в иранском: Ав. *kaθa*, *kuθa* „как“, *avaθa* „таким образом“, *hamaθa* „таким же способом“.

-dā, *-dānīm*, *-dī*. Первый элемент суффикса *-dā* в наречиях *kadā* „когда“, *tadā* „тогда“, *idā* „теперь“, *sarvadā* „всегда“ явно содержит *-d* местоимений среднего рода (*tad* и т. д.). Сходные образования встречаются в иранском (Ав. *kaða*, *taða*) и литовском (*kadā*; *tadā*; *visadā* „всегда“). Эти формы могут быть распространены элементом *-nīm* неясного происхождения: *idānīm*, *tadānīm*;

viśvadānīm „всегда“. То же местоименное -d выступает в -dī слова yādī „если“ (: др.-перс. yadiy, Ав. yeidi).

-dhā. Этот суффикс, означающий „во стольких-то частях“, выступает в таких словах, как trīdhā „тремя способами“, saturdaydhā „четырьмя способами“, katīdhā „сколькими способами“, bahudhā „многими способами“, viśvādhā „всеми способами“, bahirdhā „снаружи“, mitradhā „по-дружески“. По своему происхождению это -dhā не суффикс, а корень dhā-, образующий с предшествующим членом сложное слово (ср. trīdhātu „состоящий из трех частей“ наряду с trīdhā), но он стал функционировать совершенно так же, как суффикс.

-dha, -ha. Суффикс -dha выступает нерегулярно, например в ведическом sadha- „вместе, совместно, с“ (в некоторых сложных словах); обычно он ослаблен до -ha: sahā „с“. Тот же суффикс с тем же ослаблением выступает в ihā „здесь“ (пали idha, Ав. ida), kūha „где“ (Ав. kudā, ст.-сл. къдо), viśvāha „всегда“ (ст.-сл. въсьдъ) и samaḥa „так или иначе“.

-śas. Этот суффикс образует разделительные наречия от числительных и других слов: dvīśas „по два, два на два“, śataśas „сотнями“, sahasraśas „тысячами“, śreṇīśas „рядами“, devaśas „каждому из богов“ и т. д. (ср. Ав. navasō „по девяти“). В греческом соответствующим суффиксом является -κας в словах ἐκάς „самим собой“ и ἀνδρακάς „мужчина за мужчиной“. Конечный анализ этого элемента не очень надежен (<κῆς, ср. śamṣ-, лат. censeo?).

-rhi. kārhi „когда?“ tārhi „тогда“, etārhi „теперь“, yārhi „где“ (относит.), amūrhi „там“. Первый элемент этого двойного суффикса выступает самостоятельно в различных и.-е. языках при образовании наречных производных от местоименных основ: лат. cūr „почему, зачем“, гот. þar „там“, лит. kuī „где“, visuī „везде“ и т. д. Второй элемент лучше всего объяснять как ослабленную форму -dhi (ср. выше ha), а это -dhi можно сравнить с -thi, выступающим в греческом в словах τῆθι „где“, τῆθι „там“.

Падежные формы, употребляемые в функции наречий. Как уже отмечалось, большое число рассмотренных выше наречий в конечном счете оказываются падежными формами именных основ, например простой основой среднего рода, функционирующей в других случаях как им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. (jātu), местным падежом без окончания (prātār), творительным падежом (śayutrā). В сущности эти наречия образуются так же, как и рассматриваемые ниже, только основы, на которых они базируются, уже не существуют отдельно от этих наречий. Ниже приводятся наречия, образованные от основ, употребляемых также как существительные или прилагательные.

Самой употребительной падежной формой для образования прилагательных служит им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. Таким путем образуются наречия—иногда от существительных, а в большинстве случаев от прилагательных, включая все сложные прилагательные. Типичными примерами служат: rīgī „обильно“, urī

„широко“, máhi „очень“, bhūyas „больше, еще, снова“, ráhas „тайно“, puàk „вниз“, pāma „по имени“, súkham „счастливо“, bálavat „сильно“, dhṛṣṇú „смело“, satyám „верно“, nítyam „беспрерывно“, sígám „долгое время“, sādaram „почтительно“, pāpāgathám „на разных колесницах“, pradāna-pūgvam „сопровождаемый подарком“. Сложные слова, первым членом которых является предлог, называются грамматиками авуауибháva. Таковы pratyagni „к огню“, anuṣvadhám „по своей воле“, pratidoṣám „к вечеру“ и т. п.

Наречия, означающие „подобно кому-чему-л.“, образуются при помощи суффикса -vát в форме им.-вин. ед. ср. р., причем ударение стоит на суффиксе (в отличие от bálavat и т. п.): manuṣvát „подобно Ману“, puṅgavát „как встарь“ и т. д.

Иногда так употребляется форма вин. ед. от существительных мужского и женского рода: kāmam „по желанию, если угодно“, náktam „ночью“, vaśam „добровольно, по желанию“. Форма вин. ж. р. функционирует как наречие в тех случаях, когда к наречию прибавляются суффиксы -tara и -tama: ussaistaraám „выше“, śanaistaraám „более постепенно“ и т. д. Грамматики разрешают прибавлять эти суффиксы даже к глаголам с личными окончаниями—sidatetaram и т. д., хотя в более древнем языке следов такого употребления нет. Из формы винительного падежа, употребляемой адвербиально, развилась особая форма герундия на -am: abhikrāmam juhoti „приближаясь (к огню), он приносит жертву“, viparyāsam avagūhati „он прячет это вверх дном“. Эти образования обычны в Брахманах, но в более ранний период они редки. В последующем языке употребляется только тип с повтором: madhugaṇām kvaṇṭāni śrāvam-śrāvam paribabhrāma „он скитался, все время слыша жужжание пчел“.

Адвербиальное употребление творительного падежа можно проиллюстрировать такими примерами, как sáhasa „внезапно“, áñjasā „внезапно“, diṣṭya „к счастью“, aśeṣeṇa „полностью“, dakṣiṇena „на юг“, śāpakais „медленно“, ussaís „ввысь“, pícaís „вниз“. Ряд таких форм творительного падежа на -ā имеет скорей местное, чем инструментальное значение: dívā „днем“, doṣā „вечером“ и т. д. Иногда дополнительной характеристикой формы как наречия служит передвижение ударения: dívā, madhya „посередине“, dakṣiṇā „направо“. В ведическом языке встречаются наречия на -auā, такие, как paktauā „ночью“, ṛtauā „правильно“, sumnauā „благочестиво“, svarnauā „во сне“. Сходные образования имеются в Авесте: angrauā „дурно, греховно“, aśaua „правильно“ и т. п. Эти наречия имеют вид форм твор. пад. ед. ч. ж. р. от основ на -ā, но таких основ на -ā нет. Возможно, что эти наречия развились из форм местного пад. ед. ч. с постпозиционным -ā по типу др.-перс. dastauā „в руке“. С другой стороны, сходное образование встречается (также лишь в ведическом языке) в связи с основами на -i: raghuā „быстро“, dhṛṣṇuā „смело“ и т. п.; ср. Ав. āsuca „быстро“. Трудно, однако, подыскать удовлетворительное объяснение для обоих этих типов.

Примерами адвербиального употребления других падежных форм являются: дат. пад. (редко) арага́у „на будущее“, сiгāуа „надолго“, аһнāуа „тотчас“; отлож. пад. рāścāt „позади“, sākṣāt „очевидно“, сапāt „исстари“ (с изменением ударения), адһarāt „внизу“; род. пад. (редко) актós „ночью“, vāstos „днем“; местн. пад. dīrē „издалека“, rāhasi „тайно“, sthāne „подходящим способом“, сараdī „немедленно“.

Различные наречия и частицы. Кроме наречий, рассмотренных выше, можно упомянуть еще о следующих. Частицу evā „только“ несомненно можно отождествить с основой для понятия „один“ в той форме, которая представлена в иранском и греческом (Ав. aēva-, греч. οἷος), а evām „так“, вероятно, является формой ср. р. ед. ч. того же слова*. Из сравнительных частиц iva „подобно, как“, по-видимому, базируется на местоименном -i и образование ее можно сравнить с образованием основы ava-. В ведическом языке частица pā, омонимичная отрицательной частице, употребляется в таком значении: gaugō pā ṛṣitāḥ piba „пей, как томящийся жаждой буйвол“ и т. п. Форма, которую можно сопоставить с этой в других языках, встречается в некоторых сочетаниях только как энклитика: Ав. yaḅanā, čīḅenā, лат. quidne. Эту энклитику можно видеть также в скр. сапа (kāścapa „кто-либо“).

Отрицательное pā есть обычная индоевропейская база: ср. Ав. na, ст.-сл. nъ, лит. nè, лат. ne-, гот. ni и т. д. Как первый член сложных слов она выступает в ослабленной форме: a- (<ṇ), перед гласными ап-. То же в Ав., др.-перс. a-, ап-, греч. α-, α-, лат. in-, ирл. an-, гот. un-.

Наречия ni, pī, pīpām „ныне, теперь“ принадлежат к семье слов, хорошо представленной в и.-е. языках: Ав. pī, pīgəm, новоперс. pīp, осет. pig, ст.-сл. нынѣ, лит. pū, греч. νῦ, νῦν, ὄν, лат. pup-с, англ. now и т. п. Корневой элемент здесь тот же, что выступает и в прилагательном pāva- „новый“. В санскрите имеются образованные непосредственно от наречия формы pītapa-, pītpa- „новый, нынешний, настоящий“. Из сравнения с греческим становится ясно, что форму pīpām следует анализировать как pīp-ām и что она содержит тот же усилительный аффикс, с которым мы неоднократно встречались у местоименных образований. Чередование p/g, представленное скр. pīpām и Ав. pīgəm, имеет то же происхождение, что и в именных формах (ср. греч. νεαρός : νεῦνιαις и т. п.).

Наречие pāpā „по-разному“ (в Ведах имеется также расширенная форма pāpāpām) — производное неизвестного происхождения.

Союз са „и“ (Ав. śa, греч. τε, лат. que, гот. -h), как во всех языках, энклитика. То же относится и к vā „или“, ср. лат. ve. Неэнклитическим в последнем значении является utā „или“** (Ав., др.-перс. utā „и“).

Из различных частиц утвердительного характера можно упомянуть aṅgā „истинно“, hānta (выражает возбуждение), kīla „конечно“, khālu „действительно“, tu „но“, hī „так как“ (Ав. zī),

gha, ha „действительно“ (последняя — ослабленная форма первой; ср. ст.-сл. *жэ*), *vāi* „истинно“, *vāvā* — то же (с двумя ударениями, которые не получили объяснения), и, *āha*, *sma*, *bhala*. Частица *sma*, употребляемая в сочетании с настоящим временем, придает глаголу значение несовершенного вида. В более позднем языке частицы употребляются реже, чем в ранний период развития языка, а те, которые сохранились, теряют свое значение и в поэзии служат просто средством заполнения размера.

Немногие междометия можно просто перечислить: *ā*, *hā*, *ahaha*, *he*, *ayi*, *aye*, *aho*, *baḥ*, *bata*, *dhik*. Эту функцию приняли на себя некоторые формы существительных и прилагательных: *ge* (зват. пад. от *arī-* „враг“), *bhos* (вместо *bhavas*, зват. пад. от *bhavant-* „ваша честь“), *kaṣṭam* „горе мне!“, *svastī* „привет!“, *suṣṭhu*, *sādhu* „хорошо, превосходно!“ и т. д.

Предлоги и послелоги

В отличие от других и.-е. языков в санскрите нет развитой системы предлогов. Кроме того, те наречные образования, которые употребляются для уточнения отношений между падежными формами, обычно ставятся после имени, употребленного в этом падеже, а не перед ним, как в других и.-е. языках. По сравнению с ведическим языком более поздний санскрит заметно бедней словами такого типа, так что расхождение между санскритом и индоевропейскими языками обычного типа есть отчасти результат регрессивного развития. С другой стороны, в целом эта система, запечатленная в ведическом языке, с ее большей свободой в порядке слов и более слабой связью между именами и управляющими ими словами, явно более примитивна, чем то, что мы видим в греческом или латыни, и явно стоит ближе к истокам развития индоевропейской предложной системы.

Важнейший класс слов с такой функцией в Ведах, как и в других и.-е. языках, составляют слова, употребляющиеся также как глагольные приставки (см. ниже). Исключением из этого правила являются *ud*, *nī*, *ragā*, *rga*, *ava* и *vi*. Употребление слов этого класса, главным образом постпозитивное, можно проиллюстрировать несколькими примерами:

āti: *yó devó mártyaṅ áti* „бог, который превыше смертных“;

ádhi: *ṛṥthivyām ádhy oṣadhīḥ* „растения на земле“;

ápi: *yā arāṁ ápi vṛaté* „находящиеся в водном царстве“;

ánu: *māma cittām ánu cittébhir éta* „следуйте своими умами за моим“;

abhi: *yāḥ pradīśo abhī sūryo vicāṣṭe* „страны света, за которыми солнце следит издалека“;

ā: *mártyeṣu ā* „среди смертных“;

úra: *amūr yā úra sūrye* „те, что находятся близко к солнцу“;

pári: *jātó himávatas pári* „рожденный от Гималаев“;

prāti: *ábodhy agniḥ práty āyatīm uṣāsam* „Агни был разбужен, чтобы встретить приближающуюся зарю“;

sám: te sumatíbhīḥ sám pátnībhīr ná vṛṣaṇo nasīmahi „да соединимся мы с твоими щедротами, как мужчины со своими супругами“.

Последнее слово редко, обычно вместо него выступает родственное ему по корню sahá, употребляясь постпозитивно с творительным падежом как на ранней стадии, так и в более позднем языке. Из других слов, перечисленных выше, в позднейшем языке в такой функции выступают только ánu, prati и ā. Первые два употребляются как послелоги, последнее — как предлог со значением отложительного падежа — „до“: ā samudrāt „до океана“.

Кроме того, многие наречия — как древнего, унаследованного типа, так и более новые, падежные формы в функции наречий, — используются для более точной передачи отношения, выражаемого падежной флексией или же в сочетании с ней для выражения отношения, которое не может быть передано одним только окончанием. Таковы:

С винительным падежом: tirás „сквозь“, antár, antará „между“, avareṇa „под“, ráreṇa „за пределами“, úttareṇa „на север от“, dakṣiṇena „на юг от“, nikaṣā „возле“. Например: yé 'vareṇādityam, yé vareṇādityam „те, кто под солнцем и кто за пределами солнца“; dákṣiṇena védim „на юг от жертвенника“; nikaṣā Yamunām „возле Джамны“.

С творительным падежом: главным образом слова, означающие „с; вместе“, например, saha (см. выше), sākám, sardhám, samám, samáya, sarátham, но также vinā „без“, которое следует аналогии слов противоположного значения.

Дательный — это единственный падеж, не употребляющийся со словами типа предлогов. И все же, как отмечалось выше, форму дательного падежа от основ на -a (-āya) можно объяснить только как результат инкорпорирования элемента, который первоначально был самостоятельным послелогом.

С отложительным падежом: bahís „вне чего-л.“, purás „перед чем-л.“, avás, adhás „под“, purá „перед, до“, parás „вне“, vinā „без“ (также с творительным), arvāk „с этой стороны“, paścát „позади“, úrdhvám „над“, ṛté „без“ и т. д.

С родительным падежом: по большей части это падежные формы существительных и прилагательных, принимающих этот падеж в силу того, что они сохраняют свой именной характер. Таковы agre „перед чем-л.“, abhyāse, samīpe „возле“, arthe, kṛte „ради“, madhye „посередине“. Словами более ярко выраженного наречного характера, употребляемыми с родительным падежом, являются uragí „над“, parastāt „за пределами“, purastāt „перед“ и т. д.

С местным падежом: antár, antará „внутри“, sácā „с“.

Глагольные приставки. Широко распространенной чертой индоевропейского является сочетание глаголов с предложными приставками. Обычно это те же самые слова, которые употребляются как простые предлоги. Как уже отмечалось, в санскрите система предлогов (или послелогов), употребляемых с именами, гораздо

менее развита, чем в родственных ему языках. С другой стороны, употребление того же класса слов в роли глагольных приставок в санскрите развито в той же мере, как и в других и.-е. языках.

Обычными приставками в таком употреблении являются: *áti* „через, вне“ (Ав. *aiti*, др.-перс. *atiy*; греч. *ἔτι* „еще, все еще“, лат. *et* „и“, употребляемые в разных значениях), *ádhi* „над, на“ (Ав. *aidī*, *aidī*, др.-перс. *adiy*), *ápu* „за, вдоль, по направлению к“ (Ав. *apu*, др.-перс. *apuv*; греч. *ἀνά* с другим суффиксом), *antār* „внутри“ (Ав. *antarə*, др.-перс. *antar*, лат. *inter*), *ára* „прочь, от“ (Ав., др.-перс. *ara*, греч. *ἄπο*, лат. *ab*; хетт. *арра* „назад, позади“), *ári* „к, на“ (Ав. *airi*, др.-перс. *ariy*, греч. *ἐπί*; в санскрите в таком употреблении редко, а по большей части как союз „также“, ср. греч. *ἔτι*, лат. *et*, см. выше), *abhī* „к, по направлению к, против“ (Ав. *aiwi*, др.-перс. *abi-y*, ст.-сл. *объ*, *объ*, лат. *ob*), *áva* „вниз, прочь“ (Ав., др.-перс. *ava*, др.-прусс. *au-*, ст.-сл. *оу*, лат. *au-*), *á* „к, до, у“ (Ав., др.-перс. *ā*), *úd* „вверх, вперед, из“ (Ав. *us-*, *uz-*, др.-перс. *ud-*, ирл. *ud-*, гот. *ūt* „из“), *úra* „к, по направлению к, возле“ (Ав. *úra*, др.-перс. *urā*, греч. *ὕπό*, гот. *uf*), *ní* „под, вниз“ (Ав. *ni-*, др.-перс. *ni-y*), *nīs* „из, вперед“ (Ав. *niš-*), *rāgā* „вперед, прочь от“ (др.-перс. *ragā*), *rāgi* „вокруг“ (Ав. *rairi*, др.-перс. *raiy*, греч. *περί*), *rgā* „вперед“ (Ав., др.-перс. *rga-*, ст.-сл. *рго*, лит. *рга*, греч. *πρό*, лат. *pro-*); *rgāti* „против, назад, в ответ“ (греч. *πρότι*, *πρότι*, *πρός*, ст.-сл. *проти* и т. д.), *ví* „врозь, отдельно, на части, порознь, прочь“ (Ав., др.-перс. *vi-*; ср. тох. *wi* „два“ и т. д. См. выше, гл. VI, § 1, стр. 245), *sām* „вместе, с“ (Ав., др.-перс. *ham-*, ст.-сл. *сам-*, *соу-*, лит. *są-*, *sù-*, греч. *σύν**).

Это обычные слова, которые правильно употребляются как приставки. Кроме того, есть несколько слов с более ограниченным употреблением. В Ведах в качестве приставки довольно обычно слово *áschā* „к, по направлению к“, но позднее оно исчезает. Другие слова встречаются и в Ведах, и позднее, но с очень ограниченным количеством корней: *āvis* „в виду“ (с *bhū*, *as* и *kṛ*), *prādūs*—то же (с теми же корнями), *tírās* „сквозь, через, из виду“ (с *kṛ*, *dhā*, *bhū*), *rigās* „перед“ (с *kṛ*, *dhā*, *i* и некоторыми другими).

С глаголом может сочетаться и более одной приставки (как в греческом и др.). Обычным является сочетание двух приставок, реже трех; более трех встречается очень редко. Особых правил относительно порядка их расположения нет, но практически приставка *ā-* никогда не отделяется от глагола.

Все эти приставки сначала были самостоятельными наречиями. В ведическом языке они частично сохраняют это свойство и только в позднейшем языке становятся неотделимой частью глагольной основы. Подобное различие наблюдается и между гомеровским и позднейшим греческим языком, из чего ясно, что развитие системы глагольного словообразования шло параллельно по разным языкам.

В Ведах приставка чаще всего стоит непосредственно перед глаголом (*ā gamat* „если он придет“), но может и отделяться от него другим словом (*ā tvā viśantu* „пусть они войдут в тебя“), а также следовать за глаголом (*Indro gā avṛṇod āra* „Индра открыл коров“). При любом положении приставка в главном предложении обычно несет на себе ударение, а глагол, по общему правилу, ударения не имеет. При двух приставках обе они в Ригведе обычно стоят под ударением (*ūra grā uāhi* „выйди сюда“), что усиливает их позицию как самостоятельных слов. Но наряду с этим есть случаи более тесного слияния, когда из двух приставок, непосредственно предшествующих глаголу, ударение несет только вторая: *āthāstaṃ vipāretana* „тогда расходитесь по домам“. В придаточных предложениях процесс слияния пошел дальше, и приставка обычно присоединяется к глаголу, а поскольку глагол в этом случае стоит под ударением, то приставка ударения не имеет: *yād... niśidathaḥ* „когда вы оба садитесь“. Однако и здесь приставка может стоять отдельно от глагола и нести на себе ударение (*vī uó tamē gājasī* „кто измерил два пространства“), а иногда она считается отдельным словом и стоит под ударением, даже непосредственно предшествуя глаголу: *yā āhutam pári védā námobhiḥ* „кто полностью знает приношение с поклонением“.

В доклассических прозаических текстах приставка еще до некоторой степени отделена от глагола, но в гораздо более ограниченных масштабах. К классическому периоду она совершенно утрачивает самостоятельность, и за исключением небольшого количества слов, продолжающих функционировать как послелоги, глагольные приставки прекратили свое существование как самостоятельные слова.

В сочетании с именными производными от глагольных корней приставки с самого начала составляют единое целое с основой, к которой они присоединены: *adhivāsá-* „плащ“, *āpaciti-* „возмездие“ (греч. ἀπότισις), *abhidrúh-* „вероломный“, *avarāṇa-* „водопой“; *udáyaṇa-* „восход (солнца)“, *ūpaśruti-* „подслушивание“, *nidhí-* „залог, сокровище“, *piráyaṇa-* „выход“, *grabhaṅgín-* „разламывающий“ и др. В таких случаях действует общее правило, по которому приставка теряет свое ударение в пользу второго члена сложного слова. Иногда ударение на приставке сохраняется, а именно: 1) в сочетании со страдательным причастием прошедшего времени: *pāreṭa-* „ушедший прочь“, *antārhitá-* „скрытый“, *āvarāṇa-* „упавший вниз“; 2) с отглагольными существительными действия на *-ti*: *āpaciti* и т. п. В обоих этих случаях наблюдается соответствие акцентуации между санскритом и греческим (ἀπόβλητος, ἀνάβλησις и т. п.); 3) с инфинитивными формами, базирующимися на суффиксе *-tu*: *sámhartum* „собирать“, *āpidhātave* „чтобы прикрыть“, *āvagantos* — „от спускания“.

§ 1. Глагольный корень

Список санскритских корней, составленный индийскими грамматиками, насчитывает примерно две тысячи единиц. Около половины их не засвидетельствовано в действительном употреблении, а так как мало вероятности, что они когда-либо будут обнаружены, то, преследуя практические цели, их можно игнорировать. Значительное число остальных корней можно опустить по тем соображениям, что это или удвоения (*dīdhī-*), формы основ (*ūṅṇi-*), отыменные производные (*arth-* и т. п.) или же неисходные единицы в каком-либо другом смысле. За вычетом всего этого, у нас останется не более восьмисот корней, составляющих ядро не только глагольной системы, но и большей части унаследованных именных основ языка.

Главным образом благодаря своей древности санскритский язык лучше поддается анализу, его корни легче выделить из последующих наслоений, чем корни других индоевропейских языков. В частности, это связано с тем, что суффиксы, образующие основы настоящего времени и аориста, как правило, не входят в другие личные глагольные формы, так же как в именные производные: *supóti* „выжимает“: перф. *suṣāva*, *suṣmā*, буд. вр. *sóṣyati*, акт. прич. *sutá-*. Однако в санскрите все же есть случаи, когда суффиксы, первичная функция которых состоит в образовании основ настоящего времени, постоянно присоединяются к корню и, как следствие этого, проходят через все спряжение глагола. Так, из наст. вр. *ṛccháti* „спрашивает“, образованного при помощи и.-е. суффикса *-skē-*, возник корень с распространением *ṛcch-/ṛgach-*; он выступает в перф. *ṛaráccha* и в других формах. Аналогично в латыни имеются формы *poscō*, *poroscī* (<*ṛkškō*). Простая форма корня выступает в лат. *ṛgeset* (вин. ед.), *ṛgocit* и в скр. *ṛgāṣná-* „вопрос“. Корень *kṣṇi-* „точить“ содержит суффикс *-ni-*, который вообще служит для образования форм настоящего времени глаголов V класса. От ряда форм настоящего времени, в которых этот суффикс выступает с добавлением тематического

гласного, происходят формы корня с распространением -nv: pīnv- „жиреть“, наст. вр. pīnvati, перф. 2 л. дв. ч. pīpīnváthus (наряду с простым корнем pī- в páyate и т. п.). Сходные корни с распространением находим в ipv- „посылать“ (: i-) и jīnv- „ускорять“ (: ji-). Основы настоящего времени на -va- дали начало ряду корней, оканчивающихся на -v: jīv- „жить“, наст. вр. jīvati (: простой корень в gáya- „хозяйство, имущество“), dhūrv- „повреждать“ (: dhvṛ-), tūrv- „лобороть“ (: tṛ-) и bhav- „жевать“, для которого не существует более простой формы.

Наращения этого типа имеют сравнительно недавнее происхождение, и процесс их возникновения из отдельных форм основ, широко употребительных в глагольном спряжении, вполне ясен. Наряду с этим типом существует другой класс корней с распространением, более древний; роль содержащихся в них наращений по большей части сейчас уже невозможно выяснить. Эти элементы легко выделяются благодаря тому, что параллельно существует или корень с более простой формой, или же синонимичные корни, отличающиеся только конечным элементом. Эти наращения тождественны отдельным суффиксам, перечисленным при рассмотрении образования имен, и для удобства их можно перечислить в том же порядке:

-ar/ṛ: dhag- (dhṛ-) „держать“ (то есть dh-ar-, ср. dhā-), svar- „звучать“ (: ср. svan-—то же с чередующимся -n).

-an: kṣan- „ранить“ (śas- „резать“: греч. κτείνω из *kstenyo содержит сложный суффикс -ten-, чередующийся с -ter- в κτέρεις νεκροί), svan- „звучать“ (см. выше), kṣan- „рыть“ (т. е. kH-an-; ср. khā- без суффикса -n, так же как ākhū- „крот“ и ākharā- м „нора“ с чередующимся -r).

as/s: tras- „бояться“, греч. τρέω (: лат. tremō), bhṛās- „бояться“ (: bhī-—то же), gras- „пожирать“ (gṛī „глотать“), dhvas- „рассеивать“ (dhū- „трясти“), śruṣ- „слышать“, ст.-сл. слышати, тох. klyos- и т. д. (: нормально śru-—то же, греч. κλυ- и т. д.), akṣ-, pakṣ- „достигать“ (: aś-, paś-—то же), ukṣ- „брызгать“ (: греч. ὑγρός „влажный“ и т. д.), nikṣ- „пронзать“ (: ст.-сл. въ-нызж—то же), bhakṣ- „пробовать, есть“ (: bhaj- „делить, участвовать совместно“), mikṣ- „смешивать“ (: miśrā- „смешанный“), mṛkṣ- „тереть“ (: mṛj- „вытирать“, греч. ὑμόργυμι), rakṣ- „защищать“, греч. ἀλέξω „отражать, отвращать“ (: греч. ἀλακτεῖν—то же, англо-сакс. ealgian „защищать“), vakṣ- „увеличивать“, греч. ἀέξω (: лат. augeō—то же и т. д.), hās- „выступать“ (: hā-—то же). В отличие от большинства элементов распространения суффикс -s играет значительную роль в глагольном спряжении, и это, несомненно, объясняет относительную частоту таких форм.

-am: dram- „бежать“, греч. ἔδραμον (: drā, греч. διδράσκω; dru-—то же), gam- „идти“, гот. qīman и т. д. (: gā-—то же, греч. ἔβα; греч. βαίνω, лат. veniō из g^w-en-), kṣam- „терпеть“ в результате метатезы из *zgham-, ср. Paštō zṛamēl—то же (: sagh- „быть равным, терпеть“), bhgam- „вращаться, блуждать“ (: bhur- „дергаться“).

-i: kṣi- „пребывать“ (: греч. κτίζω „основывать“ из ks-ti- с суффиксом -ti); корень, вероятно, teks- с утратой первого звука в группе согласных: tks-i, tks-ti-), kṣi- „править, царствовать“ (kṣ-atrā- без суффикса -i, греч. κτάομαι с суффиксом -tā-, то есть ks-tā), śri- „прислоняться“, греч. κλίω и т. д. (лит. atsikaĩti „прислониться к чему-л.“, рус. -клон- и т. д.). Чередующиеся формы корня выступают в спряжении śvi-, śū- „набухать“, si- (<* sHi-), sã- „связывать“ и śi-, śã- „острить, заострять“. В этих случаях распространяющий элемент сросся с корнем не полностью, но тенденция к этому имеется.

-u: śru- „слышать“; форма корня без распространения выступает в скр. форме настоящего времени: śr-nó-ti; в других местах элемент -u/-o, являющийся в этой форме частью суффиксального комплекса, всегда присоединен к корню. Другими примерами служат dru- „бежать“ (: dram-, drã- см. выше) и zru- „течь“ (sar- „двигаться, течь“, ср. sarit- „река“).

-aH/-H: gã- „идти“ (: gam- см. выше), yã- „идти“ (: i-—то же), psã- „пожирать“, греч. φῶω „жевать“ (: bhas- „пожирать“), drã- „бежать“ (: dram- и т. д.), mñã- „замечать“ (: man- „думать“), trã- „спасать“ (: tñ- „пересекать“), ruã- „набухать (о вымени)“ (: ri-—то же), juã-, ji- „подавлять“ (ji- „побеждать“), pi- (piu-) „оскорблять“ (то есть pi-H-: piś- в piśuna- „злой, сплетник“, греч. πικρός [„острый, причиняющий боль“] и т. д.). Это распространение содержит ряд корней, принадлежащих к девятому классу. Простая форма корня выступает в настоящем времени, где суффикс -aH/-H отделен от корня вставным суффиксом -n: rñãti „наполняет“ из ri-n-ãti в отличие от riñã- „полный“ из ri-H-nó-. Сходными случаями являются jũ- „быть скорым“ (junãti, jũtã-), rũ „очищать“ (runãti, rũtã-), stñ- „посыпать“ (stñãti, stĩrñã) и др. Однако это распространение обнаруживает тенденцию проникать в формы настоящего времени, так что от mi- „повреждать“, например, образуется minãti и minãti. В некоторых случаях корень выступает только с распространением в настоящем времени: hrñãti; Ав. brñãnti „режет“ и krñãti „покупает“, хотя в последнем примере метр Ригведы указывает на произношение krñãti.

-t: kñt- „отрубать“ (: греч. κείρω), cit- „замечать“ (ci-—то же); в сочетании с -i: mrit- „распадаться на куски“ (mñ- „раздавливает“, mñd-—то же), śvit- „сиять“ (: śuc- „мерцать“, śubh- „сиять“), с -u: dyut- „сверкать“ (di- в dīna- „день“ и т. п.).

-th (то есть t-H-): prath- „распространяться, простираться“ (: хетт. palhiš „широкий“, лат. plānus и т. д.), vyath- „быть неустойчивым“ (vij- „дрожать“, vip-—то же), śnath- „пронзать“ (: простой корень в śiñã- „орган размножения“, ср. греч. κεντέω „пронзать“, со ступенью giñã корня и простым суффиксом -t); то же в śrath- „ослаблять“, grath- „связывать“, mith- „чередоваться“ (mi- „обмениваться“).

-d: kṣad- „делить“ (: śas- „резать“, ср. выше kṣan-), chid- „резать“, лат. scindo и т. д. (: ср. chã-, chi-—то же), gud- „плакать“, лат.

gudo [„мычать, реветь“], англо-сакс. *gēotan* (: *gi-* „плакать“, ст.-сл. *gōm* и т. д.), *mīd-* „тереть, раздавливать“ (: *mī-* „раздавливать“), *riđ-* „давить“ (<**riḡd-*: *riḡ-* „раздавливаться“); в сочетании с -п: *syand-* „течь“ (: *si-* „лечь“, тох. *sik-* и т. д.), *krand-*, *kland-* „вскрикивать“, ср. греч. *κέλαδος* „шум; звук, глас“ (: греч. *καλέω* „звать“).

-*dh*: *mīdh-* „пренебрегать, быть невнимательным“, ср. греч. *μαλαχός* „мягкий“ и т. д. (: *μαλός* — то же и т. д.), *edh-* „прцветать“, ср. Ав. *azdu-* „прцветание, тучность“, греч. *ἑσθλός* „хороший“ (: и.-е. *es-* в греч. *ἑύς* „хороший“, хетт. *aššu-*, скр. *su-*), *srđh-* „состязаться“, Ав. *sparəd-*, ср. гот. *spraúrds* „ипподром“ (: *spr-* „побеждать“, *sprh-* „сгорать от желания“, греч. *σπέρχομαι* и т. д.); в сочетании с суффиксом -и: *kṣudh-* „быть голодным“ (: хетт. *kašt-*, тох. А *kašt*, тох. Б *kest*, с *giṣa* в корне и дентальным суффиксом, точную природу которого невозможно определить).

-*p*: *dīp-* „сиять“ (: ср. выше *di-*, *dyut-*), *mlup-* „садиться (о солнце)“ (: *mluc-*, *mluc-* — то же), *gip-*, *lip-* „облеплять“ (: *li-* „прилипать“, лат. *līno* [„лизать“] и т. д.); *gup-*, *lup-* „ломать“, лат. *gimpro* (: *gi-* „ломать“, лат. *guo* [„разрушать“]; *gij-* „разбивать, ломать“, *vip-* „дрожать“ (: ср. выше *vyath-*, *vij-*), *svap-* „спать“, англо-сакс. *swefan* (: греч. *ὑδω* — то же <*seu-d*).

-*h*: *śubh-* „быть светлым“ (: *śuc-* „мерцать“, см. выше); *stuh-* „хвалить“ (: *stu-* — то же).

-*s*: *mluc-* „ставить, класть“ (: *mlup-*), *yās-* „просить“ (Ав. *yās-* с другим распространением), *guc-* „сиять“ (*gúśant-* „светлый“), *si-* „лечь“ (: *syand-* см. выше).

-*j*: *taṅj-* „угрожать“ (ср. выше *tras-* и т. д., лат. *terreo*), *uij-* „соединять“ (: *ui-* — то же), *gij-* „ломать“, *vij-* „дрожать“ (*gip-*, *vip-*).

-*h*: *srđh-* „сгорать от желания“ (: *srđh-* и т. д., см. выше), *druh-* „повреждать“ (: *dhru-* — то же).

Тождественность этих элементов с суффиксами, перечисленными при рассмотрении образования имен, очевидна, и это находится в полном соответствии с фактом, что образование именных и глагольных основ покоится в общем на одних и тех же принципах. Распространения глагольных корней — это в сущности инкорпорированные суффиксы, и они не требуют (хотя такое мнение существует) особой морфологической классификации. В этой функции, совершенно так же как при образовании имен, могут выступать все и.-е. согласные и полугласные. Однако в именном словообразовании звуки, употреблявшиеся как суффиксы с более или менее значительной частотой, были, как мы видели, неизбежно ограничены в количестве. Распределение же элементов распространения корня было более равномерным; за исключением -s и -N, игравших значительную роль в и.-е. спряжении, наиболее употребительные именные суффиксы не достигают соответствующей частоты в качестве элемента, распространяющего глагольный корень. Суффиксы -п и -г, например, очень существенные для образования именных основ, в роли распространений глагольных корней встречаются очень редко. Это заставляет предположить,

что в целом распространения глагольных корней отражают сравнительно древнюю стадию в и.-е. образовании основ, а именно тот период, когда из большого количества имевшихся суффиксов еще не выделилась та небольшая группа, с которой мы имели дело позже. Ясно также, что возрастающее расхождение между глаголом и именем, относящееся к позднему этапу предистории индоевропейского, препятствовало слиянию с глаголом таких суффиксов (например, -г и -п), которые воспринимались как преимущественно именные.

Со ступенью *giṇa* такие корни могут выступать в двух формах: одна из них выступает в *set-* „замечать“, *sec-* „лить“, *god-* „плакать“ и т. д., другая—в *tras-* „бояться“, *kṣad-* „делить“, *śro-* „слышать“ и т. п. Иными словами, в ступени *giṇa* может быть или корень, или распространение, но ни в коем случае, согласно принципу и.-е. апофонии, не то и другое вместе. Различие между этими двумя типами форм со ступенью *giṇa* не имеет никакого значения, когда речь идет о значении корней или их спряжении: оно существенно лишь для именных основ, служа основанием для различения имен действия среднего рода, с одной стороны, и прилагательных или имен деятеля—с другой. Но поскольку эти корни первоначально были основами, и в древний период, когда между именем и глаголом не было столь четких границ, они имели как именной, так и глагольный характер, можно с полным основанием предположить, что различие в форме между двумя типами глагольных корней с распространением первоначально было аналогичным основному различию в образовании имен. Иными словами, форма корня **trés-* (скр. *trásati*) первоначально, по-видимому, была именной основой, означавшей „боящийся; тот, кто боится“, а параллельная основа *térs (лат. *terreo*) означала „страх“.

В тех случаях, когда путем анализа удалось получить исходный корень, он никогда не содержал более двух согласных и одного гласного в ступени *giṇa* (*ter-* и т. п.), а если корень начинался гласным, то в его состав, кроме него, входил только один согласный (*ed-*, *es-*). Количество корней, для которых оказалось возможным восстановить исходную форму, достаточно велико, чтобы обосновать распространение этого принципа на корни из трех согласных, у которых нет параллельных более кратких или вариантных форм, и с полным основанием можно полагать, что третий согласный всех корней, в которых он содержится, является инкорпорированным суффиксом.

§ 2. Система личных форм глагола

Залог. В санскритском глаголе имеются два залога, действительный и средний, различающиеся посредством двух рядов личных окончаний на протяжении всего спряжения. Различие

в значении между двумя залогами явствуется из названий, данных им санскритскими грамматиками: *paṅasmai paḍam* „слово для другого“ и *ātmaṅe paḍam* „слово для себя“. Средний залог употребляется, когда субъект действия каким-либо образом заинтересован в результате действия; в противном случае употребляется действительный залог. Например, *kaṅam karoti* „он делает циновку“ можно сказать о мастере, занимающемся изготовлением циновок, о том, кто делает циновку для кого-то другого, средний же залог — *kaṅam kurute* — можно употребить по отношению к человеку, который делает циновку для своего собственного употребления. То же различие наблюдается между *paṅati* „(повар) готовит“ и *paṅate* „он готовит (пищу для себя)“, *yaṅati* „(жрец) приносит жертву (от лица другого)“ и *yaṅate* „(глава семьи) приносит жертву (от своего лица)“. Специфическое значение среднего залога выступает и в тех случаях, где прямое дополнение при глаголе обозначает часть тела: *paḅhāni nikṅtate* „он стрижет себе ногти“, *ḍato dhāvate* „он чистит себе зубы“. В другом классе корней проявляется различие другого характера, а именно различие между переходным (действительным) и непереходным (средним) залогом: *ḍṅmhati* „делает твердым“, *ḍṅmhate* „становится твердым“; *vardhati* „увеличивает, делает большим“, *vardhate* „увеличивается, становится больше“; *vaḅati* „(колесница) везет (человека)“, *vaḅate* „(человек) едет (на колеснице)“. Отсюда недалеко до различия между действительным и страдательным залогом, и средний залог начинает часто употребляться в перфекте и будущем времени для выражения страдательного значения, которое они не могут выразить другими средствами. Единственное значение, которое средний залог обычно не выражает, — это значение возвратного действия, которое передается при помощи формы винительного падежа *ātmaṅam* „себя“. В обоих залогах могут употребляться не все глаголы. Одни из них имеют только действительный залог, например *ad-* „есть“, *as-* „быть“, *ḅudh-* „быть голодным“, *bhuj-* „сгибать“, *saṅg-* „ползти“ и др.; другие только средний, например *ās-* „сидеть“, *ḅam-* „терпеть“, *labh-* „получать“, *vas-* „носить (платье)“, *saḅ-* „сопровождать“. Иногда разные залоговые выступают в разных временах одного и того же глагола — самым обычным чередованием является перфект действительного залога и настоящее время среднего залога: *vartate* : *vavarta*.

Различие между действительным и средним залогом унаследовано санскритом из индоевропейского (ср. тождество *sācate*, греч. *ἑτάται*, лат. *sequitur*); за пределами индоиранских языков наибольшее сходство с санскритом по форме и употреблению обнаруживает греческий. В более позднем индоарийском различие залогов отмирает, что отражено в эпическом языке и в других отклоняющихся от нормы формах санскрита.

Время. Санскритский глагол имеет четыре времени: настоящее, будущее, аорист и перфект — и соответственно четыре основы. Основа настоящего времени, помимо собственно насто-

ящего времени, является базой для одного из прошедших времен—так называемого имперфекта. Точно так же от основы будущего времени образуется прошедшее время, функционирующее как условное наклонение. В ведическом языке еще одна форма прошедшего времени образуется на базе перфекта. Эти формы плюсквамперфекта редко встречаются даже в раннем языке и впоследствии исчезают. Основа аориста дает только прошедшее время.

В этой довольно сложной системе ясней всего выступает различие между перфектом, с одной стороны, и остальными тремя категориями глагольного времени, с другой. Перфект отличается от других временных форм не только образованием основ, но также и тем, что в нем имеется особый ряд личных окончаний. В этом различии между перфектом и остальными временами лежит, бесспорно, наиболее древнее и коренное различие во всей и.-е. системе спряжения. С другой стороны, если рассматривать будущее время и аорист в плане их отношения к настоящему времени, то становится ясным, что по своему происхождению они представляют лишь особые модификации образования того же типа. Будущее время, например, есть только разновидность класса основ настоящего времени на -уа, куда входят глаголы четвертого класса и отыменные производные различных типов. Близкое родство между системами аориста и настоящего времени видно из того, что некоторые типы основ аориста по форме тождественны типам основ настоящего времени. Таков корневой аорист (ákar и т. д.), образующийся подобно имперфекту корневого класса (áhan и т. д.), а также аорист на -а (águhāt и т. д.), напоминающий имперфект от глаголов шестого класса (átudāt и т. д.). Принадлежность образований этих двух типов к системе аориста или имперфекта определяется не их формой как таковой, а наличием или отсутствием форм настоящего времени от той же основы. В других случаях есть свидетельства того, что некогда были формы настоящего времени от тех основ, которые в санскрите употребляются исключительно как формы аориста. Так, в соответствии с скр. формой аориста с удвоением ájījanāt в Авесте выступает форма настоящего времени zīzanəntī „они рожают“. Даже в аористе на -s, очень резко отличающемся от системы настоящего времени, существование таких форм настоящего времени, как Ав. pāismi „я оскорбляю“, указывает на то, что такие формы не всегда были исключительной принадлежностью аориста.

Соотношение настоящего времени и имперфекта, с одной стороны, и аориста — с другой, можно рассматривать лишь в связи со значением всех трех времен. В санскрите это не представляет проблемы. Презенс означает только настоящее время, а имперфект—только прошедшее в противоположность настоящему, и ничего более: hánti „он убивает“, áhan „он убил“. В санскритском глагольном времени, называемом имперфектом, нет никаких сле-

дов „имперфективного“ значения (в случае необходимости такое значение передается настоящим временем с добавлением частицы *smā*. Аорист, в отличие от имперфекта, выражает особый род прошедшего времени, употребляясь для обозначения только что завершившегося действия: *úd asaú sūgyo agāt* „вон там взошло солнце“ и т. д.

Отчетливое разграничение значений основ аориста и настоящего времени в этих двух видах прошедшего времени выступает лишь в изъявительном наклонении. Помимо него, существуют другие наклонения (инъюнктив, сослагательное, повелительное и желательное), а также причастия действительного и среднего залога, и все эти формы могут образовываться то от основ настоящего времени, то от основ аориста. Но в ведическом языке невозможно найти принципиальных различий в значении между этими последними типами глагольных форм и формами, образованными от основы настоящего времени и от основы аориста. Например, *kāgat* (сосл. накл.) „он сделает“ не отличается сколько-нибудь заметно по смыслу от *kṛṇāvat*, образованного от основы настоящего времени.

Отсутствие различия в значении форм всех этих типов между основами настоящего времени и аориста в противоположность ясно выраженному различию между двумя типами прошедшего времени в изъявительном наклонении заставляет предположить, что именно в этих формах прошедшего времени аорист развился как особая грамматическая категория. Очевидно, первоначально индоевропейский различал в изъявительном наклонении просто настоящее и прошедшее время, и их формы могли образовываться от самых разных основ. Эта ситуация характерна для хеттского, где нет следов того, что там когда-либо существовало глагольное время, соответствующее аористу других языков. Следующая стадия развития языка ознаменовывается появлением двойного набора форм прошедшего времени: один, соответствующий настоящему времени (имперфект), и другой, независимый от настоящего времени (аорист) и имеющий специфическое значение. Эта стадия представлена индоиранским. В греческом различие между системой настоящего времени и аориста заходит дальше, распространяясь на наклонения, причастия и инфинитивы, образованные от обеих этих основ. Эти две основы во всех образованиях выражают различный характер действия, а именно: точечный (аорист) и дуративный (длительный) (настоящее время). Вследствие этого претерит настоящего времени приобретает „имперфективное“ значение, отсутствующее в хеттском и в соответствующих формах санскрита.

Перфект по своему образованию никак не связан с системой аориста / настоящего времени и характеризуется особым рядом личных окончаний. По-видимому, это одна из наиболее древних и.-е. систем форм, находящаяся в каком-то отношении к спряжению хеттских глаголов на *-ḫi*. В этом языке имеется два

спряжения глаголов: в одном 1 л. ед. ч. оканчивается на *-mi* (как скр. *ásmi* и т. д.), в другом — на *-ñi*. Отношение между этими двумя спряжениями вовсе не то, какое существует между настоящим временем и перфектом в других и.-е. языках, однако окончания спряжения на *-ñi* можно сравнить в некоторых отношениях с окончаниями перфекта в санскрите, греческом и др. языках. Таким образом, хотя подробности этой связи остаются неясными, все же все согласны в том, что какая-то связь между ними определенно существует.

Основное значение перфекта, как выясняется из сравнения санскрита с греческим и подтверждается данными других и.-е. языков, — это выражение состояния — в отличие от процесса действия, передающегося посредством настоящего времени. Например, *bibhāya* „он боится“, но *bhayate* „он пугается“, *siketa* „он отдает себе отчет, знает“, но *setati* „он начинает понимать, узнаёт“; *tasthau* „он стоит (постоянно)“, но *tiṣṭhati* „он становится“ и т. д. Близко к этому и значение продолженного действия, выступающее в таких примерах, как: *ná śrāmyanti ná ví muñcanti éte váyo ná raptuḥ* „они не устают и не останавливаются, они летят (непрерывно), как птицы“. Таким образом, по своему происхождению перфект — особый род настоящего времени, а не форма прошедшего времени, и при переводе таких случаев на английский его следует передавать настоящим временем. Его переход в прошедшее время происходит двумя стадиями, и обе они представлены в ведическом языке. Первой стадией является развитие значения, соответствующего значению английского перфекта. Поскольку состояние обычно является результатом какого-то предшествующего действия, то перфект естественно стал употребляться для выражения того, что такое действие уже имело место. Как пример такого употребления перфекта можно привести следующие: *yát sim āgaś cakṛmā tát sú mṛjatu* „какой бы грех мы ни совершили, пусть он простит его!“ и *yáthā jaghántha dhṛṣatā purā cid evā jahi śátrum asmākam indra* „как ты отважно убил некогда (врагов), так убей нашего недруга теперь, о Индра“. Различие в значении между этим употреблением перфекта и аористом сохраняется по-прежнему четко, так как аорист употребляется для передачи действия, совершившегося в недавнем прошлом, а перфект передает завершение действия независимо от точного времени. Завершающая стадия развития наступает тогда, когда значение прошедшего действия, приобретенное перфектом в контекстах, подобных приведенным нами, становится доминирующим, и в результате перфект становится глагольным временем повествования, и значение его собственно не отличается от значения имперфекта. Последнее употребление стало уже вполне обычным в Ригведе: *āhan āhim ānu arás tatarda* „(Индра) убил дракона, он проник к водам“. То же употребление перфекта широко развилось в других ветвях индоевропейского, в частности в итальянском, кельтском и германском.

Плюсквамперфект — прошедшее время с аугментом, образованное от перфекта, — редок даже в Ригведе и быстро исчезает. По-видимому, это глагольное время не имеет специфического, ему одному свойственного значения, а употребляется, как правило, в значении имперфекта (повествовательного), а иногда и в значении аориста.

Наклонение. В санскритской грамматике перечисляются пять наклонений: инъюнктив, повелительное (императив), сослагательное (субъюнктив), желательное (оптатив) и просительное (прекатив). В более древнем языке модальные формы могли образовываться от основ всех трех типов — настоящего времени, аориста и перфекта, — без заметной разницы в значении. В классическом языке формы инъюнктива ограничиваются основой аориста; повелительное и желательное наклонения — основой настоящего времени, а сослагательное, исключая формы, входящие в повелительное наклонение, исчезает. Просительное наклонение в последующем языке связывается в действительном залоге с корневым аористом, а в среднем залоге — с аористом на *iṣ*. Ранее это наклонение, хотя и ограничивалось аористом, по-видимому, имело больше форм.

Инъюнктив. Строго говоря, так называемый инъюнктив вовсе не является самостоятельной морфологической категорией. По форме инъюнктив представляет собой безаугментный аорист и имперфект: *dhāt*, *vṛṇak* и т. д., но формы такого рода могут также употребляться как простые формы прошедшего времени изъявительного наклонения, так же как и формы с аугментом. Сравнительно-исторический метод позволяет нам выяснить, что аугмент первоначально был факультативным префиксом при образовании этих форм прошедшего времени и что безаугментные формы — наиболее древние. То, что эти формы могут употребляться также в значении инъюнктива, — другими словами, как формы будущего времени, повелительного наклонения и для выражения желания, — заставляет нас вернуться к очень примитивному состоянию языка, когда вследствие слабо развитой глагольной системы одна и та же форма по необходимости употреблялась во многих значениях.

Проиллюстрируем три основных значения инъюнктива несколькими примерами: 1) как будущее время: *kó no mahyā áditaye rūnar dāt* „кто вернет нас назад великой Адити“; *índrasya nú vígūṇi grā vocat* „теперь я провозглашу героические деяния Индры“; 2) как повелительное наклонение: *gárbham ā dhāḥ* „вложи зародыш“; *pári tveṣásya durmatír mahī gāt* „да минует нас великое недоброежелательство буйного“. Там, где нет специальных форм императива — во 2-м л. мн. ч. и т. д., — формы инъюнктива остаются единственным способом выражения приказания, повеления и т. п., поэтому такие формы вошли в систему повелительного наклонения. Для выражения запрета употребляется исключительно форма инъюнктива с *mā*: *mā gāḥ* „не ходи“

и т. д. Эта конструкция сохраняется в классическом языке, где она является единственным типом инъюнктива (за исключением форм, вошедших в повелительное наклонение); 3) для выражения желания: *agnīm hinvantu no dhīyas tēna jeṣma dhānam-dhanam* „пусть подгоняют Агни наши молитвы; пусть мы непрестанно с его помощью завоевываем богатство“.

Повелительное наклонение. Повелительное наклонение (императив) имеет особые формы лишь в некоторых лицах и числах, а именно: 2 и 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. Из них формы 3 л. ед. и мн. ч. произошли из форм инъюнктива путем добавления к ним частицы *-u*: *vāhātu* от *vahat + u*. Формы 2-го и 3-го л. дв. ч. и 2-го л. мн. ч. являются неизменными формами инъюнктива. В позднейшем языке в систему императива входят формы 1-го л. сослагательного наклонения. В более древнем языке эти формы не принадлежат еще к системе императива. Повелительное наклонение выражает приказание совершенно так же, как инъюнктив, но он не употребляется в других значениях, свойственных инъюнктиву. Однако со значением приказания императив употребляется гораздо чаще, чем инъюнктив.

Сослагательное наклонение. Морфологически сослагательное наклонение (субъюнктив) возникло в результате эволюции особого вида инъюнктива. Поэтому естественно, что круг его значений соответствует в общем значениям инъюнктива. Как и инъюнктив, сослагательное наклонение может употребляться: 1) просто в значении будущего времени: *prā nū vocā sutēsu vām* „теперь я буду восхвалять вас обоих за возлияниями“; *uvāsa uṣā ucchāc sa nū* „заря зажигалась (и прежде), она зажжется и сейчас“; 2) как эквивалент повелительного наклонения: *ā vām vahantu... āsvāḥ, pibātho asmé mádhūni* „пусть ваши кони примчат вас сюда, испейте с нами медовых напитков“; 3) для выражения желания: *rāgi no héjo varuṇasya vṛjāḥ, urīm na índraḥ kṛṇavad u lokām* „да минет нас гнев Варуны, да создаст для нас Индра просторное место“. Хотя круг значений сослагательного наклонения и инъюнктива совпадает, есть все же разница в смысловом акценте, поскольку для сослагательного наклонения более важно значение будущего времени. В сущности, сослагательное наклонение является нормальным способом передачи будущего времени в ведическом языке. В употреблении этих двух наклонений имеются также и значительные синтаксические различия. Только инъюнктив, например, употребляется в сочетании с частицей *tā* для выражения запрета. Другое важное отличие состоит в том, что инъюнктив редко употребляется в придаточных предложениях (относительных, условных и др.), в то время как сослагательное наклонение употребляется в них очень широко; в других и.е. языках это проявляется еще заметней, откуда и само название этого наклонения.

Желательное наклонение. Желательное наклонение (оптатив) отличается от описанных выше тем, что оно образуется от особой

основы с суффиксом -уā/-ī. Исходное его значение, по-видимому, было выражением желания (от чего и происходит его название), и это значение хорошо сохраняется в санскрите: *vayām syāma rātau gauṇām* „да будем мы владыками богатств!“. Отсюда возникает потенциальное значение (и наклонение это так иногда и называется), которое, как свидетельствуют различные языки, вполне сложилось уже в индоевропейский период: *yád agne syām ahám tvám, tvám vā ghā syā ahám, syuṣṣe satyā ihāśiṣaḥ* „если бы, Агни, я был ты или ты был я, тогда твои молитвы сбылись бы“. В санскрите очень широко применяется оптатив предписаний, который часто встречается в законниках и подобных текстах: *sāṃvatsarikam āptaiś ca rāṣṭrād ahārayed balīm* „он должен собирать ежегодный налог с этого царства с помощью подходящих должностных лиц“.

Просительное наклонение. Просительное наклонение (прекатив) образуется на базе основы оптатива путем присоединения -s к оптативному суффиксу, что дает сочетание -уās/-īṣ. Употребляется оно только для выражения желания: *bhāgo me agne sakhyé ná mṛdhyāḥ* „пусть мое счастье, о Агни, не встретит пренебрежения в дружбе (с тобой)“; *yó no dvéṣṭi ádharāḥ sás padīṣṭa* „да падет тот, кто нас ненавидит“*.

§ 3. Глагольные основы

Как показал предшествующий анализ корней, глагол начиная с самого древнего периода мог образовываться как от чистых корней, так и от корней с суффиксами. Эти суффиксы всегда можно отождествить с соответствующими суффиксами, участвующими в образовании имен. В глагольных образованиях самого древнего типа суффиксы полностью слились с корнем, так что получились новые, более полные корни. Наряду с этими суффиксами существует ряд других, употребляющихся исключительно для образования основ настоящего времени и не встречающихся в других глагольных формах. Эти суффиксы также можно отождествить с соответствующими суффиксами имен, например, форму *dhṛṣṇó/u*—глагол пятого класса от корня *dhṛṣ-* „быть смелым“ можно сопоставить с адъективной основой *dhṛṣṇú-* „смелый“. В целом структуры именных и глагольных основ развиваются параллельно. И те и другие могут базироваться как на простом корне, так и на корне с суффиксом. Суффиксы могут быть простыми и сложными, причем сложные суффиксы возникают как результат сложения простых суффиксов. Образования подразделяются на атематические и тематические классы, причем значение последних прогрессивно возрастает в обоих случаях. Глагольные основы могут иметь ударение на корне или на суффиксе. Например, у атематических основ: *vāmiti, jéṣma*, но *śṛṇóti, pṛṇāti*, у тематических основ: *bhāvati*, но *tudāti*. То, что

различие в ударении в глагольной системе не влечет за собой соответствующего изменения значения, в то время как в именной системе это изменение значения совершенно очевидно, позволяет допустить, что эти основы именные по происхождению.

В классическом языке глагольная основа настоящего времени обычно образуется только по одному из десяти различных типов. В ведическом же языке наблюдается бóльшая свобода. Хотя в общем разделение корней на десять классов по типу образования настоящего времени совпадает с распределением их в позднейшем языке, тем не менее встречается большое число корней, образующих настоящее время по двум, трем и более типам. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: *kṛṣ-* „пахать“: I *kárṣati*, VI *kṛṣáti*; *jṛ-* „стареть“: I *járatī*, IV *jṛyati*; *dā-* „делить“: II *dāti*, IV *dyāti*; *dhū-* „трясти“: V *dhunóti*, VI *dhuváti*; *rṣ-* „наполнять“: III *rípanti*, IX *rṣnāti*; *bhī-* „бояться“: I *bháyate*, III *bibhétī*; *ṛdh-* „прцветать“: IV *ṛdhyati*, V *ṛdhnóti*, VII сосл. накл. *ṛdhát*; *tṛ-* „пересекать, превозмогать“: I *táratī*, III прич. *tírat-*, VI *tiráti*, VIII *tarute*. По большей части это разнообразие основ не дает какого-то изменения значения*, но иногда с употреблением параллельных основ связано различие между переходным и непереходным глаголом: *jávate* „торопится, спешит“, *juṣáti* „торопит, понукает“, *tápatī* „греет“, *tápyati* „становится горячим“, *rácati* „варит; делает зрелым“, *rácuyate* „зреет“. Особенно значение непереходности связано с основами четвертого класса.

Из сравнительного изучения и.-е. языков видно, что в образовании основ в доисторический период было еще больше возможностей варьирования. Авеста представляет в некоторых отношениях даже большее разнообразие, чем Веды. Разнобой в этом образовании основ между различными и.-е. языками (скр. *ṛipákti*: греч. *λείπω* и т. д. и т. п.) показывает, что в ранний и.-е. период в образовании основ настоящего времени царил полнейшая свобода.

При всем разнообразии основ разные типы их не характеризовались различными значениями, точно так же как в санскрите десять классов основ настоящего времени являются функционально эквивалентными. В то же время в индоевропейском рано возникла тенденция связывать некоторые из типов образований основ с особыми значениями и функциями. Так, суффикс *-sco-*, например, приобрел инхоативное значение, представленное во многих языках. В хеттском образовании на *-pu-* (соответствующие V классу в санскрите) получили особую функцию каузативов, что не представлено ни в одном другом языке. В санскрите образования, развившие особые значения, стали ядром того, что принято называть вторичным спряжением, — это каузативы с основами на *-áya*, дезидеративы с редуцированными основами на *-sa*, интензивы с сильным удвоением и корневой основой или основой на *-ya*. Первоначально они спряга-

лись только в системе настоящего времени, и лишь особое развитие санскрита привело к тому, что эти категории стали образовывать формы в других областях глагольной системы. Сюда же следует отнести страдательный залог, представляющий собой особое развитие четвертого класса, связанное с тенденцией его основ специализироваться как непреходные.

§ 4. Ударение и апофония глагольных основ

На основании правила, характерного для санскрита (этому невозможно подыскать соответствий в других индоевропейских языках), глагол в простом предложении не имеет ударения, за исключением случаев, когда он в начале предложения и при некоторых других особых условиях. В придаточных предложениях глагол сохраняет свое ударение. Имея ударение, глагольная основа сохраняет его место в тематических образованиях, что является полной аналогией именным тематическим образованиям. В атематических образованиях ударение может передвигаться между основой и личным окончанием, и это различие соответствует различию между *guṇa* (иногда *vṛddhi*) и нулевой ступенью основы. Общее правило гласит, что в изъявительном наклонении основа имеет ударение и ступень *guṇa* в трех лицах единственного числа действительного залога, а в двойственном и множественном числе действительного залога и во всех формах среднего залога ударение стоит на окончании, а основа выступает в слабой форме: *dvēṣṭi* „ненавидит“; 3 л. мн. ч. *dviṣānti*, 3 л. ед. ч. среднего залога *dviṣṭé*; *yunákti* „соединяет“; 3 л. мн. ч. *yujānti*, 3 л. ед. ч. среднего залога *yunkté*. Исключения из этого правила (например, в аористе на -s) сравнительно редки. Эта древняя и.-е. система выступает и в других языках (например, греч. εἶμι, ἴμεν), но нигде она не представлена так ясно и последовательно, как в санскрите.

§ 5. Аугмент и удвоение (редупликация)

Кроме длинного ряда разнообразных суффиксов, в образовании глагольновременных основ индоевропейский использовал еще два типа префиксации: аугмент и удвоение.

Аугмент (и.-е. e-, скр. a-) присоединяется к различным формам прошедшего времени (имперфекта, аориста, плюсквамперфекта, условного наклонения) для указания на прошедшее время. Он имеется в индоиранском (скр. *ábhārat*), греческом (ἔφερε), армянском (եբեր) и фригийском (*ḗdazεs* „соорудил“), но отсутствует в прочих и.-е. языках. Таким образом, аугмент является важной характеристикой разделения индоевропейского на диалекты, поскольку он явно позднего происхождения и утвердился лишь в одной части и.-е. языкового ареала, в тех диалектах, которые

и по другим признакам можно считать смежными. Даже там, где он утвердился, он первоначально не был обязателен, а существовала чересполосица форм с аугментом и без него. Конечно, в значении инъюнктива употреблялись только безаугментные формы, но в значении любого прошедшего времени они употреблялись параллельно формам с аугментом. Сосуществование аугментных и безаугментных форм характеризует древнейшую стадию развития этих языков аугмент теряет факультативный характер и утверждается как норма. В иранском аугмент регулярно выступает в древнеперсидском, в Авесте же встречается лишь изредка, преобладающим там является тип прошедшего времени без аугмента. На ранней стадии среднего индоарийского, где продолжает сохраняться древний вид прошедшего времени, образованный формами имперфекта и аориста, остается старая свобода употребления ведической эпохи, но безаугментные формы становятся наиболее употребительными.

Первоначально аугмент был, по-видимому, отдельным словом, а именно частицей *é* со значением „там, тогда“, которая в конце концов слилась с глаголом. Если глагол имеет ударение, аугмент неизменно несет акутовое ударение. Если к глаголу присоединяется предлог, аугмент всегда находится между предлогом и глаголом: *sa-mábhara-t* и т. п.; то же самое наблюдается в греческом языке. Когда аугмент соединяется с корнем, начинающимся гласными *i*-, *u*- или *r*-, возникает нерегулярное сандхи (*aicchat* „желал“, *aúrṇot* „покрыл“, *árdhnot* „процвелал“ — от *icsháti*, *úrṇóti*, *rdhnóti*, с *vṛddhi* вместо ожидаемой ступени *gupa*, и это указывает на то, что вплоть до самого последнего периода аугмент произносился как отдельный слог с зиянием (*aicchat* и т. д.). С другой стороны, сращение его с начальным *a* (и.-е. *e*, *a*, *o*) можно считать древним, судя по параллелям между греческим и санскритом (скр. *ās* „был“, греч. дор. *ἄς*, скр. *ājat* „гнал“, греч. дор. *ἄγε*). Перед корнями с начальными *v*, *u*, *p* и *g* аугмент в ведическом языке может выступать в виде долгого *ā* (*āvṛṇak*, *āvṛṇak* и т. п.). Причина этого не вполне ясна, но с параллельным явлением при начальном *v*- мы встречаемся в греческом (гом. *ῥ*-[F] *εἰδη*, атт. *ῥεῖ*).

Удвоение состоит обычно в повторении начального согласного корня с гласным, который может повторять — но не всегда — гласный корня. Оно встречается в одном из классов настоящего времени (третий класс), в удвоенном аористе, в перфекте, в деизидеративе и интенсиве. Основные виды удвоения, которые мы подробно рассмотрим ниже, в статьях об отдельных глагольных категориях, следующие:

1) Удвоение с гласным *a* (и.-е. *e*): *dadhāti* „помещает“, *tatāna* „протянул“, ср. греч. *ῥέρονε*, лат. *perigē* и т. д.

2) Удвоение с долгим *ā*: *jāgarti*, *jāgāra* „бодрствует“, ср. греч. *δηδῆχαται* „они приветствуют“ и т. д.

3) Удвоение с гласным *i*, когда он не является корневым гласным: *tīṣṭhati* „стоит“, *dīdṛkṣate* „желает видеть“, ср. греч. ἵστημι, ὑψομαι, лат. *sisto* и т. д.

4) Аналогичное удвоение с долгим *i*: *ājījanat* „родил“, ср. Ав. *zīzanənti*.

5) Удвоение со слабой формой гласного корней на дифтонги: *juhōti* „приносит в жертву“, *bībhēda* „расщепил“, ср. лат. *purugī*, *scidī*.

6) Интенсивное удвоение с гласным в ступени *guṇa* таких корней и аналогичное удвоение с повторением конечных *g*, *p* и т. д.: *penikté* „моет“, *dédīṣṭe* „указывает“, *várvṛtati* „они (все время) поворачиваются“; ср. Ав. *paēnižaiti*, *daēdoišṭ* и т. д. Этот случай включает и полное повторение корней, содержащих только два согласных: *pópava* „страшно рычит“, *jaṅghanti* „сильно ударяет“.

7) Такое же интенсивное удвоение с добавлением суффиксального *ī* к слогу, подвергающемуся удвоению: *bhāḡibharti* 3 л. ед. ч., *bhāḡibhrati* 3 л. мн. ч. Этот тип чередуется с другим, где *ī* присоединяется после корня: *jóhavīti* „громко зовет“.

8) Начальное *a* может удваиваться, давая *ā* (*āsa* „был“), но может происходить и более сложный процесс.

В корнях, начинающихся двумя согласными, удваивается первый, за исключением сочетаний *s*+смычный: *śuśṛāva* „услышал“, ср. Ав. *susṛupa*, греч. *ἴσχυε*, *śīśriyé* „покоился на“, ср. греч. *ἴσχυται*, *sasmāra* „помнил“, *sasnau* „купался“ и т. д. Когда корень начинается группой *s*+смычный, в санскрите повторяется смычный: *tīṣṭhati* „стоит“, *caskānda* „вскочил“, *raspāṛśa* „коснулся“. С другой стороны, в иранском и в греческом в таких случаях в удвоении появляется *s* (> *h*). Тот же тип удвоения выступает в латинском (*sisto*) и в кельтском (ирл. *-sescaind* от *skinnim* „выскакивать“, ср. скр. *skand-*). Однако при таких сочетаниях согласных в корне встречаются и другие типы удвоения: а) в латинских перфектах типа *stetī*, *scidī*, *sporoṇdī* группа согласных сохраняется в удвоенном слоге, но упрощается в корне, б) в готском группа согласных полностью сохраняется как в корне, так и в удвоении: *skaiṣkaiṗ* (*skaidan* „разрезать“). Такое разнообразие удвоений наводит на мысль, что в индоевропейский период вряд ли повсеместно существовал один устойчивый общепринятый стандарт.

В санскрите в удвоенных формах произошли некоторые фонетические изменения. На основании правила, не допускающего следования двух придыхательных согласных, в удвоении придыхательный заменяется непридыхательным согласным: *dādḥāti* и т. д. При *h* < *i*-*e*. *ḡh* в качестве непридыхательного выступает *j*: *jaḥāga*. Поскольку *a* в удвоенном слоге восходит к *e*, то перед ним наблюдается палатализация древнего велярного ряда: *sakāga*, *jaḡāta*, *jaḡhāga*. Та же палатализация происходит регулярно при удвоении с гласным *-i* (*cikīṛṣati*), по аналогии это было перенесено на *u*: *sukōra*.

§ 6. Личные окончания

* В санскрите, как и в индоевропейском языке-основе, имеется два ряда личных окончаний: один для действительного залога и другой—для среднего. В этих двух рядах имеются дальнейшие подразделения, появляющиеся в различных частях глагольного спряжения. В системе презенса—аориста выступают в настоящем и будущем времени так называемые „примарные“, первичные окончания, а в имперфекте, аористе и опативе выступает другой ряд—секундарных, вторичных окончаний*. В сослагательном наклонении факультативно появляются и те и другие. Окончания перфекта там, где они отличаются от вышеназванных, отличаются от них гораздо фундаментальнее, чем различаются между собой первичные и вторичные окончания. Повелительное наклонение имеет особые окончания только во 2-м л. ед. и в 3 л. ед. и мн. ч. Сослагательное наклонение имеет особое древнее окончание в 1-м л. ед. ч. и несколько особых окончаний в формах среднего залога, являющихся индийской инновацией. Первичные, вторичные и перфектные окончания приводятся в нижеследующей таблице¹.

А. Первичные

Действительный залог			Средний залог		
Единственное число	Двойственное число	Множественное число	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1 л.	mi	vas	e	vāhe	mahē
2 л.	si	thas	se	āthe	dhve
3 л.	ti	tas	te	āte	ante, ate

Б. Вторичные

1 л.	am, m	va	ma	i, a	vahi	mahī
2 л.	s	tam	ta	thās	āthām	dhvam
3 л.	t	tām	an, ur	ta	ātām	anta, ata, ran

В. Перфектные

1 л.	a	va	ma	e	vāhe	mahē
2 л.	tha	athus	a	se	āthe	dhve
3 л.	a	atus	ur	e	āte	re

¹ Таблицу окончаний повелительного и сослагательного наклонений см. в соответствующих разделах.

1 л. ед. ч. Первичн. скр. *ásmi* „я есть“, греч. *εἶμι*, лит. *esmi*, хетт. *ešmi*; *émi* „иду“, греч. *εἶμι*, *dádāmi* „даю“, греч. *δίδομι* и т. д. Это окончание первоначально ограничивалось атематическими классами, а в тематических классах выступало другое: -ō (-OH): греч. *φέρω*, лат. *fero*, гот. *baíra*. Некоторые такие формы сохранились в иранском (Ав. *sraśyā* : лат. *specio*), но обычно в нем (а в санскрите всегда) к более старой форме добавляется -mi из атематических глаголов: скр. *bhagāmi*, Ав. *bagāmi*. Вторичн. *ábharat*, греч. *ἔφερον*, *ágām*, греч. *ἔρχη*, *syām* „sim“, др.-лат. *siem*. Атематические глаголы имеют более полное окончание ап: *āsam* „я был“, др.-перс. *āham*, в отличие от греч. а < π в Гом. *ἦα*. Аналогичное различие между двумя этими языками наблюдалось в вин. пад. ед. ч. атематических основ. Перф. скр. *véda*, греч. *οἶδα*; *dadárśa*, греч. *δέδορξα*. Субьюнкт.: в ведическом языке — -ā или же -āni: *bravā* „я скажу“, *bhagāni* „я понесу“. В классическом языке, где эти образования перешли в систему императива, употребляется только более полное окончание -āni. Окончание -ā тождественно -ō, которое в других языках выступает в настоящем времени изъявительного наклонения тематических глаголов, а также в сослагательном наклонении: греч. *ἄγω*, *φέρω* и т. д. Распространение -ni появляется только в индоиранском, и происхождение его неясно.

2 л. ед. ч. Первичн. *éši* „идешь“, лит. *eisi*; *bhāraśi* „несешь“, Ав. *barahi*, ср. др.-рус. *всаишь*, хетт. *iyaši* „делаешь“. Вторичн. *ásthās*, греч. *ἔστας*, *ábharas*, греч. *ἔφερες*, *bhāres*, греч. *φέρεις*, гот. *baíraís*. Перф. *véttha*, греч. *οἶσθα*, гот. *waist*; *dadātha*, Ав. *dadāthā*. Импер. *ihí* „иди“ (< *idhí), Ав. *idí*, греч. *ἴθι*; *jahí* „убей“ (*han-*), Ав. *jaiði*; *viddhí* „знай“, греч. *ἴσθι*. В тематических глаголах вторым лицом ед. ч. повелительного наклонения служит простая основа: *bhara*, греч. *φέρε*, гот. *baír*, лат. *lege* и т. д.

3 л. ед. ч. Первичн. *ásti*, лит. *ėsti*, греч. *ἔστι*, хетт. *ešzi* (*zi* < *ti*); *hánti* „убивает“, Ав. *jainti*, хетт. *kuenzi*; *bhāraśi*, Ав. *bara-iti*, ст.-сл. *ввреть* (наряду с *вреть*). Вторичн. *ábharat*, *syāt*, ср. Ав. *baraś*, греч. (с утратой -t) *ἔφερε*, *φέρει*, лат. *erat*, *sit* (др.-лат. *sied*). Перф. *dadárśa*, греч. *δέδορξε*. Импер. *ástu*, хетт. *eštu*, *étu* „пусть идет“, ср. фриг. *εἰτω*, *bharatu*, др.-перс. *baratu*. В греческом и латыни появляется другое окончание -tōd (*ἔστω*, *estō(d)*). Соответствующие этому формы встречаются в санскрите, напр. *vittāt* (=греч. *ἴστω*), но они употребляются как для второго, так и для третьего лица, и во всех числах.

Другой вид первичных окончаний 2-го и 3-го л. ед. ч. выступает в греческих тематических глаголах: 2 л. *ἄγεις*, 3 л. *ἄγεται*. Сравнение с лит. *vedl* „бери : берешь“ показывает, что это -s 2-го л. ед. ч. является позднейшим добавлением, а первоначально формы 2 и 3 л. совпадали. Личные окончания отсутствуют,

i является добавочным элементом, указывающим на настоящее время. Такое -i, не имеющее никакого отношения к личному окончанию, найдено в хеттских глаголах класса -ḫi: akī „умирает“, dāi „берет“. Санскрит представляет здесь инновацию, используя, как и в 1 л. ед. ч., окончания спряжения на -mi, причем в этом случае инновация охватывает гораздо шире и другие и.-е. языки: лат. agis, agit, гот. baírís, baírīþ и т. д.

1 л. мн. ч. *Первичн.* а) imás „идем“, bhágāmas „несем“, ср. греч. дор. ἴμεσ, φέρομεσ, лат. imus, ferimus, ст.-сл. дамъ, несемъ и т. д. б) smási „мы есть“, др.-перс. amahi, bhágāmasi, Ав. barāmahī, ср. др.-ирл. ammi „sumus“, бермай, берми „несем“. *Вторичн. и перф.* ábharāta, suāta, Ав. huāta, vidmá „знаем“, гот. wítum. Формы с долгим гласным, которые встречаются в ведическом языке, особенно в перфекте (vidmá и т. д.), по-видимому, древние и служат не только целям метрического удлинения, если учесть наличие сходных окончаний в других языках: лит. suko-mė-s (возвратное), гот. baíraíma- опт. (из. °mē или °mō).

Варьирование между и.-е. -mes и -mos, как и сходное явление в род. пад. ед. ч., объясняется различием в акцентуации: первоначально *imés, но *bhégomos. В ведическом языке наряду с -mas встречается вариант окончания -masī, но в классическом языке он уже не употребляется. В иранском соответствующее -mahī стало употребляться исключительно как первичное окончание. В греческом есть еще окончание -μεν, употребляющееся и как первичное, и как вторичное. Было принято считать конечное -v этой формы приставным и приравнивать греческое окончание к вторичному окончанию санскрита; но данные хеттского говорят, что это не так. Хеттский язык имеет следующие окончания: *первичн.* -weni, -meni (с добавочным i, как в скр. -masi), *вторичн.* -wep, -men. Вариант с -w родственен окончаниям двойственного числа других и.-е. языков; формы с m- выступают после и (agnimēni „приносим“ и т. п.), а вторичная форма -men точно соответствует греческому окончанию. В индоиранском эту форму можно проследить в хотанском: hāmātape „можем сделаться“ (сослаг. накл. среднего залога).

2 л. мн. ч. *Первичн.* а) bhāratha, ср. Ав. xšayaθā, б) vādathana „вы говорите“. *Вторичн.* а) ábharata (имперф.), bhārata (импер.), ср. греч. φέρετε, лат. ferte (импер.), гот. baírīþ, ст.-сл. вѣрете; б) ájahātana „вы покинули“, hantana „убейте“ (импер.), ср. хетт. kuenten прош. вр. и импер. (kuen „убей“). *Перф.* sakrá (kr- „делать“), vidá. Первичные окончания с придыханием (-tha <tHe) не встречаются за пределами индоиранского. Другие языки имеют обычно одну форму, соответствующую вторичному окончанию в индоиранском, которая служит как первичным, так и вторичным окончанием. В хеттском различие между первичным и вторичным окончанием возникло совершенно другим путем (первичн. -teni, вторичн. -ten). Более длинные формы анализировались как -tha-па и -ta-па; -па считалось присоединенной

частицей, а вся форма — санскритской инновацией. Принимая во внимание хетт. *-ten*, надо анализировать это скорее как *-tan-a*, где *-tan* точно соответствует хетт. *-ten*, а *-a* является просто тематическим распространением, как и повсюду в словообразовании. Форма перфекта, собственно, не имеет окончания, и за пределами индоиранского мы не встречаем ничего подобного.

3 л. мн. ч. *Первичн.* *bhārantī*, греч. дор. *φέρουσι*, *sāntī*, греч. дор. *ἔντι*; лат. *sunt*, гот. *sind*, ст.-сл. *сѣтъ* (наряду с *сѣтъ*), хетт. *ašanzi*; *ghnāntī* „убивают“, хетт. *kunanzi*; *dādātī* „дают“, ср. греч. (дельф.) *καθεστᾶκατι*, (Гом.) *λελόγγασι*. *Вторичн.* а) *ābharan*, Ав. *barəp*, греч. *ἔφερον*; б) *ādatur* (имперф.), *ādhur* (аор.), *syur* (опт.). Ср. Ав. *ādaγə* „они делали“, *hyāγə* „они могли быть“, *jamuāγəš* „они могли прийти“, хетт. *wekir* „они желали“, *ekier* „они пили“. *Перф.* *āsūr* „они были“, ср. Ав. *āpharə*, *cikitūr* „они заметили“, ср. Ав. *čikōitəraš*. *Импер.* *bhārantu*, ср. хетт. *iyandu*.

Полная форма окончания колебалась между *-onti* и *-enti* в зависимости от ударения, так же как и в случае *-mes* и *-mos* в 1 л. мн. ч. Тем же ударением объясняется в санскрите и греческом ослабление до *-ntī > ati*. Соответствующая слабая форма вторичного окончания *-at < nt* встречается в иранском: Ав. *dadaŋ*, *jiγəγəzaŋ*. В таких случаях санскрит всегда использует вариант окончания *-ur*. Первоначально вторичным окончанием было *-ant*, которое в санскрите, так же как в большинстве родственных ему языков, ослабилось, в силу естественного фонетического развития, до *-an*.

Вариант вторичного окончания *-ur* выступает в имперфекте редуцированного класса глаголов (*ādatur*), в имперфекте корневых основ, оканчивающихся на *-ā* (*āyur* : *yāti* „идет“), в атематических основах *ариста* и в перфекте. Помимо индоиранского, окончания с *-r* в 3-м л. мн. ч. встречаются в хеттском, латыни (*dixere*) и тохарских (*kātkaγ* „они встали“, *mγasaγ* „они забыли“). В иранском это *-r* может быть распространено добавочным элементом *s* (*čikōitəraš* и т. д.). Из формы санскритского окончания видно, что первоначально оно также содержало это распространение, так как *-ur* здесь получилось из *-rš* тем же путем, что и в *ritūr < *ritrš*. Из всех форм с *-r*, сохранившихся в иранском, в санскрите была обобщена одна за счет всех остальных.

1 л. дв. ч. *Первичн.* *bhāravas*, ср. гот. *baifōs* (<*bherōwes), *svās* „мы оба есть“. Соответствующим окончанием в иранском является расширенное *-vahi* (ср. *-masī* наряду с *-mas*): Ав. *usvahi* „мы оба желаем“; форма *-vasi* по образцу *-masī* в санскрите не встречается. *Вторичн. и перф.*: имперф. *ābharāva*, опт. *bhāreva*, перф. *vidvā*, ср. Ав. *jvāva* „мы оба жили“, лит. прош. вр. *sūkova*, *-vō-s*, ст.-сл. наст. вр. *исва*, *везва*, аор. *везва*, гот. опт. *bindaiwa*. Как и в 1-м л. мн. ч., различие между первичными и вторичными окончаниями имеется только в индоиранском. Колебания между долгим и кратким гласным (скр. *va* : слав. *vě*) отме-

чались и во множественном числе. 1 л. дв. ч. имеется только в индоиранском, балто-славянском и германском. В хеттском есть окончание, родственное этим формам: первичн. -weni, вторичн. -wen, но оно употребляется наряду с более редким -meni/-men как окончание множественного числа. Самым удовлетворительным объяснением будет то, что первоначально в индоевропейском существовали параллельные формы, начинающиеся с w- или m-, которые употреблялись произвольно как окончания 1-го л. мн. ч. Хеттский сохранил это состояние, но ограничил употребление окончания -men основами на -и, а вышеупомянутые языки сохранили оба типа окончаний, но вариант с -w специализировался для двойственного числа. Относительно же остальных и.-е. языков невозможно сказать что-либо определенное за отсутствием данных.

2 и 3 л. дв. ч. *Первичн.* 2 л. bhárathas, 3 л. bháratas, ср. Ав. yūidyabō, baratō, гот. baírats. В Авесте 2 л. дв. ч. не встречается. Окончания -tō и -θō служат также для 3-го л. дв. ч., в результате чего обе формы не различаются. Готская форма употребляется только для 2 л. дв. ч. *Вторичн.* 2 л. ábharatam, греч. ἐφερέτων, 3 л. ábharatām, греч. ἐφερέτην. *Перф.* 2 л. sakráthur, 3 л. sakrátur, ср. Ав. yaētatarē.

С первичными окончаниями 2 и 3 л. дв. ч. можно сравнить -tis (>tes) лат. legitis и т. п., употребляемое как окончание 2 л. мн. ч. Как и в первом лице, эти окончания двойственного числа, по-видимому, возникли путем специализации для двойственного числа вариантной формы окончания множественного числа. Интересно отметить, что варьирование между t и th служит в этих двух числах совершенно различным целям: в двойственном числе—для различения 2-го и 3-го лиц, во множественном числе—для различения первичного и вторичного окончаний. В обоих случаях это различие вторичного происхождения. 3 л. дв. ч. не является самостоятельным по происхождению, а восходит к одному из вариантов формы 2 л. дв. ч. Одна и та же форма может употребляться в обоих лицах как первичное окончание в греческом (ἐφερέτων). В балто-славянском здесь выступает окончание на -tā, которое в литовском относится лишь ко второму лицу (sūkata, sūkato-s), а в славянском—к обоим (ст.-сл. 2, 3 л. възѣта). Оно соответствует вторичному окончанию третьего лица в санскрите (-tām: греч. -την, дор. τᾶν), где -m есть уже вторичное добавление. Перфектные окончания—индоиранского происхождения, и -ur (ирл. -ar) взято из 3-го л. мн. ч.

Окончания среднего залога

1 л. ед. ч. *Первичн.* bṛuvé „говорю“, Ав. -mruye, yáje „поклоняюсь“, Ав. yaze. Другой способ образования, с -m-, как в действительном залоге, обнаруживается в греческом, в глаголах на -mi: φέρωμι и т. п. *Вторичн. тематич.:* áduhi „я доил“, akri „я сделал“, Ав. aoji (aog- „говорить“), mēngḥi =скр. (á)maṃsi

(шап- „думать“, аор. на -s). Тематические основы имеют -е, как в системе первичных окончаний, ábhave и т. д. В греческом — совершенно другое окончание, ἐφέρóμη, дор. ὀμᾶ. *Перф.* śúśruvé, Ав. susruve, с тем же окончанием, что и в первичной системе. Сослагат. máṃsai, Ав. mēṅghāi, yájai, Ав. yazaī. *Опт.* tanvīyá, Ав. tanuya.

2 л. ед. ч. *Первичн.* bhárase, ср. Ав. pəṛəsahe „спрашиваешь“, греч. φέρσαι, φέρη, гот. baíraza; datsé „даешь“, греч. δίδοσαι. *Вторичн.* ákṛthās, ádhatthās и т. п. В отличие от санскрита иранский и греческий имеют формы, представляющие и.-е. -so: Ав. -zaupaṇha, греч. ἐφέρσο, ἐφέρου. Эти окончания так же относятся к первичному окончанию -sai, как вторичное -to в 3-м л. ед. ч. — к первичному -tai. В *перф.* окончание совпадает с первичным: ririksé, dadhiśé, ср. греч. λέλειψαι, δέδοσαι. *Импер.* bhárasva, Ав. baraṇuṇha.

3 л. ед. ч. *Первичн.* bhárate, греч. φέρεται, гот. baírada; áste „сидит“, греч. ἵσται. В ведическом языке встречаются формы без -t-, и в таком случае окончание тождественно перфектному окончанию первого лица: duhé, śáye, śṛṇvé и т. д. Учитывая хеттские формы среднего залога третьего лица типа eša, kiša (ср. ниже aduṇha), этот тип следует рассматривать как древний, а отнюдь не как перенесение из системы перфекта. *Вторичн.* ábharata, греч. ἐφέρετο, *опт.* bháreta, греч. φέροιτο. Окончание -ta, выступающее в хеттском как первичное: arta „встает“, kitta „лежит“ (наряду с artari, kittari), тождественно санскритскому вторичному окончанию. Редкие формы без -t: aiša и aduṇha (iś- править“, duṇ- „дойти“) соответствуют формам настоящего времени duhé и т. п., ср. хетт. первичное eša, kiša и т. п. *Перф.* dadhé, sakré и т. д. С другой стороны, в греч. выступает -t-, как в настоящем времени: δέδοται и т. п. *Импер.* bháratām, dhattām, ср. Ав. vəṛəzyatām. Эта и соответствующая ей форма множественного числа -antām /-atām не имеет параллелей за пределами индоиранского. Форма без -t-, соответствующая окончаниям изъявительного наклонения: первичн. -e, вторичн. -a, изредка встречается в Ведах: duhām.

1 л. мн. ч. *Первичн.* и *перф.* yájamahe, Ав. yazamaide; brūmahe „говорим“, Ав. mṛūmaide; sakṛmahe и т. д. *Вторичн.* ábharāmahi, ср. Ав. varəmaidi (var- „выбирать“). Санскритское -h- произошло из -dh-, как и в императиве в hi и т. п.; исходным индоиранским окончанием было *-madhai и -madhi. Близкородственно этим формам, но отличается конечным гласным греч. -μεθα <*medha, служащее как первичным, так и вторичным окончанием: φερόμεθα, ἐφερόμεθα. В греческом есть и более полное окончание -μεσθα, с которым следует сопоставлять хетт. -wašta, так как в нем наблюдается то же чередование m и w, что и в действительном залоге (-men-/wen).

2 л. мн. ч. *Первичн.* и *перф.* bháradhve, dadidhvé, ср. Ав. mərəṅgəduye (mərək- „разрушать“). *Вторичн.* ábharadhvam, ср.

Ав. *dārayabwəm* и т. п.). Сюда же можно отнести греческое окончание *-σθε* (первичное и вторичное), если предположить, что оно восходит к *-zdhwē*, а еще с большим основанием — окончание двойственного числа *-σθων* (<*zdhwom*), учитывая, что его использование в двойственном числе есть, как и в других случаях, явление вторичное. Связь хеттского окончания — первичного *-duma* (*paḥḥašduma* „защищайте“), вторичного *-dumat* — более отчетлива, так как *-dum* — это слабая ступень, соответствующая *-dhvam*.

3 л. мн. ч. *Первичн.* а) *bhārante*, греч. *φέρονται*; *āsate* „сидят“, греч. Гом. *ἵαται* (<*ēsptai); б) *šére* „лежат“, Ав. *sōire*, *saēre*, *duhré*, *sunviré*, с теми же окончаниями, что и в перфекте. Сочетание а) и б) представлено в *šerate*, *duhrate*. *Вторичн.* а) *ábharanta*, греч. *ἐφέροντο*; *āsata* „они сидели“, греч. Гом. *ἵατο*; б) здесь имеется три варианта окончаний с *-г*: 1) *-га*: *áduhra*; 2) *-ган*: *áduhgan*, *ášeran*, опт. *áširan*, *bháregeran*; 3) *-гам*: *asasgram*, ср. Ав. *vaozigəm* (*vaz-* „нести“). Совершенно ясно, что типы 2) и 3) являются расширением типа 1), который надо считать исходным. Сочетание а) и б) дает окончания *-ranta* и *-rata*: *ávavřtranta* (*vřt-* „поворачивать“), *bháregata*. За исключением форм оптатива на *-eran*, *igan*, окончания с *г* являются сравнительно редкими и архаическими образованиями в ведическом языке наряду с нормальными формами с *-nt-*. В классическом языке они почти совершенно забыты. Следует отметить, что это *г* тождественно *г*, выступающему в 3-м л. мн. ч. действительного залога, и только элементы, добавляемые к нему (как *-е* в *duhré* или *-а* в *aduhra*), придают ему характер окончаний среднего залога. *Перфект.* Здесь мы имеем исключительно окончания с *-г*: *duduhré*, *sakřiré* и т. д., ср. Ав. *šāxgare* (вариант *-agai*, не встречающийся в санскрите, ср. Ав. *-agə* действительного залога, также отсутствующее в санскрите).

1 л. дв. ч. *Первичн. и перф.* *bhāraṇahe*, *sakřvāhe*. *Вторичн.* *ábharāvahi*. В Авесте представлено только *-vaidi*: *dvaidi* (*dav-*, то есть *du-vaidi*). Хеттское окончание мн. ч. *-wašta* формально так же относится к индоиранскому, как греч. *-μασθα* — к *-madhi*.

2, 3 л. дв. ч. *Первичн. и перф.* Тематические: 2 л. *bhárethe*, *šárethe*, ср. Ав. 3 л. дв. ч. *šarōiṭhe*; 3 л. *bhárete*, ср. Ав. *visaēte*; атематические: 2 л. *bruvāthe*, *mamnāthe*, 3 л. *bruvāte*, *mamnāte*. *Вторичн.* Тематические: 2 л. *ábharethām*, 3 л. *ábharetām*, ср. Ав. *jaśaētəm* (с кратким гласным в окончании в противоположность долгому гласному в санскрите); атематические: 2 л. *áśruvāthām* (*śru-* „слышать“), 3 л. *áśruvātām*, Ав. *asvātəm*. Различие между иранским *-tam* и санскритским *-tām* в 3-м л. соответствует такому же различию в действительном залоге (Ав. *jaśatəm*, скр. *áśacchatām*). За пределами индоиранских языков окончания, соответствующие этим, отсутствуют. Греческие окончания — первичн. 2, 3 л. *-σθων*, вторичн. 2 л. *-σθων*, 3 л. *-σθων* — связаны с 2 л. мн. ч. среднего залога. С другой стороны, индоиранские формы связаны с соответствующими окончаниями двойственного числа

действительного залога. То же варьирование между *th* и *t* в этих двух лицах наблюдается в первичных окончаниях, а в среднем залоге это различие проводится также и во вторичных окончаниях. Конечное *-e* первичных окончаний—это то же самое *-e*, которое характеризует средний залог во всей системе первичных окончаний. Влияние этого *-e* среднего залога вызвало замену *-a* тематических основ звуком *-e* (*ábhavetām* в отличие от *ábhavatām* действительного залога, Ав. *ṣasāetām* наряду с *ṣasatām*). Тематические глаголы отличаются долгим *ā* в окончании среднего залога, но такие примеры, как Ав. *dazde* 3 л. дв. ч. перф. и скр. *sikéthe*, показывают, что это инновация. Источником этого *ā* могут быть только корни на *-ā* типа *dadāthe*, *dadāte*, где это *ā* исконно является частью корня, как во 2-м л. ед. ч. *dadātha* (наряду с *dadithá*) и во 2-м л. мн. ч. *dādhatana* (наряду с *dhatana*).

§ 7. Структура и происхождение системы окончаний

Сравнение первичных и вторичных окончаний показывает, что с исторической точки зрения они названы неправильно. Именно „вторичные“ окончания являются первичными, и наоборот. Соотношение ряда *-m*, *-s*, *-t*, *-an(t)* и первичных *-mi*, *-si*, *-ti*, *-anti* можно объяснить, только предположив, что частица *-i* как показатель настоящего времени в последнем ряду является вторичным добавлением. Таким же образом в окончаниях повелительного наклонения *-tu*, *-antu* частица *-u* добавлена к тем же основным окончаниям. Это становится ясным, между прочим, еще и из того, что эти же самые элементы *-i* и *-u* могут самостоятельно выступать в образованиях, не имеющих личных окончаний, как, например, в греч. *φέρει* (*φέρε* + *t*), хетт. *šakki* „знает“ и в хеттских формах императива класса на *-ḫi*: *aku*, *dāu* (ак. „умирать“, *dā-* „брат“). Это добавление *-i* к *t*- и т. д. заставляет говорить о более древнем периоде, когда существовали только вторичные окончания. Система „первичных окончаний“ и, следовательно, настоящее время образовались на основе „вторичной“ системы прошедших времен. Безаугментное прошедшее время и инфинктив образуют первичную базу индоевропейской системы презенса-аориста.

Кажется маловероятным, чтобы различие между первичными и вторичными окончаниями полностью сложилось в индоевропейский период. Например, греческий не различает 1-го и 2-го л. мн. ч. (первичн.-вторичн. *-μεν*), что разделяется и другими языками (ст.-сл. *несемъ*, *несомъ*, гот. *bindam*, *witum*, *-budum*). Различие это имеется в хеттском и индоиранском, но в них оно достигается за счет различных средств. В хеттском *-weñi*, *-mēni* наряду с *-wen*, *men* явно является частной инновацией по аналогии с формами трех лиц настоящего времени и 3-го л. мн. ч. В индоиранском диф-

ференциация осуществляется посредством выбора одной из двух различных форм суффикса (-mas/-ma, в дв. ч. -vas/-va), и мы не имеем доказательств того, что это различие связано с различием между вторичными и первичными окончаниями индоевропейского периода. Возможно, что -ma первоначально было окончанием перфекта, поскольку в формах этого времени часто конечное -a (véda, véttha, véda, 2 л. мн. ч. vidá). Такие инновации, как скр. -masi, Ав. -mahī, Ав. -vahi, напоминают хеттское развитие, но здесь это совершенно самостоятельный процесс, не выражающий подобной дифференциации (первичн. -mas и -masi в противоположность хетт. первичн. -meni, -weni, вторичн. -men/-wen). Хеттский образует 2-е л. мн. ч. таким же путем (-ten/-teni), и здесь опять санскрит передает это различие совершенно по-иному (-ta/-tha). Во всех других языках этого различия не существует. Помимо того что мы не имеем этому подтверждения в других языках, тот факт, что различие между t и th используется в родственных окончаниях двойственного числа для совершенно других целей (2 л. -thas, 3 л. -tas), делает совершенно невероятным, чтобы различие между двумя формами суффикса было с самого начала связано с различием первичных и вторичных окончаний.

В среднем залоге первичность вторичных окончаний не менее очевидна. Все первичные окончания заканчиваются -e, а сравнительные данные показывают, что распространение этого -e на первичные окончания всех лиц среднего залога есть специфически индоиранское развитие. В греческом, наиболее близком по своим глагольным окончаниям к индоиранскому, соответствующее -αι встречается только в трех лицах единственного числа и в 3-м лице множественного. В других случаях (-σθου, -μεθα, -σθε) этот элемент не характерен для окончаний, так как одно и то же окончание функционирует и как первичное, и как вторичное. Ясно, что в этом случае греческий отражает более раннее положение и что санскритские -mahe и -dhve (то же относится и к окончаниям двойственного числа) являются новообразованиями на базе -mahī и -dhvam, функционировавших первоначально недифференцированно и как первичные и как вторичные окончания. Сравнение санскрита с хеттским подтверждает это. Хеттский отличается от санскрита больше, чем греческий, и вместе с итальянским, кельтским и тохарским имеет в окончаниях среднего залога элемент g, одинаково неизвестный как греческому, так и санскриту. Однако и в хеттском и в санскрите существуют формы, которые можно непосредственно сравнивать, в частности, это вторичные окончания в санскрите: хетт. 3 л. ед. ч. наст. вр. arta : скр. ákrta; 3 л. мн. ч. aranta : скр. aranta; 3 л. ед. ч. eša : скр. áduha; 2 л. мн. ч. paṅḥaśduma : скр. ábharadhvam. Все хеттские окончания относятся к системе настоящего времени (первичной) в противоположность тождественным санскритским формам, принадлежащим к системе вторичных окончаний.

Образование окончаний среднего залога, как явствует из обзора санскритских форм, явно неоднородно, и изучение его еще более осложняется существованием в индоевропейском двух различных типов языков: языки одного типа (хеттский, италийский, кельтский, тохарский) широко используют в образовании форм элемент г, языкам другого типа (индоиранский, греческий, германский) этот элемент не известен. В то же время имеется некое ядро форм (как было показано выше), которые перебрасывают мост между этими двумя типами языков. Среди древнейших форм наблюдается несколько типов.

1) В 3-м лице тематический вариант того же суффикса служит окончанием среднего залога: ákar(t): ákṛta; ábharan(t): ábharanta; duhúr: áduhra. 2) В 1-м л. дв. и мн. ч. окончание среднего залога образуется добавлением частиц (скр. hi < *dhi, греч. θα < *dha) к форме окончания действительного залога. Из греческого чередования -μεθα/-μεσθα, в первом своем элементе содержащего две варианты формы окончания действительного залога (ср. скр. -mas и -ma), это становится совершенно ясным. Хетт. -wašta, с -w-, выступающим в других языках в двойственном числе, а в хеттском — во множественном, следует объяснять таким же путем, как и греч. -μεσθα. 3) Во 2-м л. мн. ч. употребляется окончание, совершенно отличное от окончаний действительного залога. Во 2 л. ед. ч. -thās также резко отличается от -s действительного залога, но оно явно связано с перфектным окончанием действительного залога -tha. Конечное -s можно объяснить как вторичное добавление, так как такое -s характерно для 2-го л. во многих языках. Соотношение *-thā и -tha, очевидно, то же, что и между -mā и -ma (и.е. mē/me) в 1-м л. мн. ч.

Самой простой формой 1-го л. среднего залога в хеттском является -ḥa (zahḥiyahḥa), которое встречается редко наряду с более обычными -ḥaḡi, -ḥaḥaḡi. Это окончание в санскрите представлено в 1-м л. среднего залога оптатива (bhāveya). В других случаях выступает вторичное окончание -i (áduhi, ákṛi), не имеющие себе параллелей за пределами индоиранского (Ав. aōjī, mēngḥi).

Из санскритско-хеттских соответствий ясно, что древнейшее ядро окончаний среднего залога есть общеиндоевропейское достояние. Последующие формы, образующиеся на этой основе, представляют необычайный разноряд, так как хеттский вместе с италийским, кельтским и тохарским имеет элемент г, не известный санскриту и греческому. В хеттском это г, выступающее с добавлением первичного -i настоящего времени, не является обязательным, например, 3 л. ед. ч. arta и artari, 3 л. мн. ч. aranta и arantari. Ясно, что и в индоевропейском оно также было факультативным и что в ходе дальнейшего развития оно стало необходимым элементом в итало-кельтском и тохарском и вышло из употребления в том диалектном ареале индоевропейского, из которого произошли индоиранский* и греческий.

Первичные окончания среднего залога в санскрите возникают в первую очередь, как и в действительном залоге, в результате добавления *-i* к вторичным окончаниям: *bhárata + i > bhárate*. В соответствии с этим *-e* греческий имеет *-αι*. Этот вокализм проще всего объяснить как возникший под влиянием окончания 1-го л. (*-Ha + i > ai*), откуда он по аналогии распространился и на другие лица. В санскрите это конечное *-e* выступает во всех первичных формах, но его присутствие в двойственном числе и в 1-м и 2-м лицах множественного числа полностью обязано аналогии, и их надо считать самыми последними звеньями этой системы.

Окончания перфекта в действительном залоге в единственном числе тождественны древнейшим формам окончаний среднего залога: 1) *-Ha > -a, véda*, ср. *bháveya*; 2) *-tha*, ср. *-thā-s*, хетт. *-ta*; 3) *-a* (и.е. *-e*), *veda*, ср. *aduha*, хетт. *eša*. Что это не случайность, становится ясно из рассмотрения случаев — достаточно частых, — где формы перфекта действительного залога с переходным значением употребляются наряду с формами среднего залога в других временах. Например, скр. *vártate: vavárta*, греч. *ῥύρομαι : ῥέροα* и т. п. По-видимому, первоначально перфект не различал этих двух залогов и по форме, и по значению был ближе к среднему, чем к действительному залогу. Развитие отдельных форм среднего залога можно считать более поздней и.е. чертой. В санскрите эти окончания перфекта тождественны окончаниям настоящего, а эти последние, как уже отмечалось, являются образованиями более поздними, чем соответствующие вторичные окончания.

Что же касается природы личных окончаний, то совершенно ясно, что они не имеют никакого отношения к соответствующим личным местоимениям*. В индоевропеистике довольно часто выдвигалась теория о том, что личные окончания являются, по существу, суффицированными местоимениями, но конкретные свидетельства в виде детальных сравнений отсутствуют. Конечно, можно обнаружить *-m-* в окончании 1-го л. ед. ч. и *t* в 3-м л. ед. ч., то есть буквы, встречающиеся в соответствующих местоимениях (вин. ед. *mā : fa-*). но кроме этого фактически нет ничего. Поскольку на сравнении одной или двух отдельных букв невозможно построить никакой теории, надо отбросить попытки объяснить личные окончания как местоимения, присоединенные в роли суффикса к глаголу. Если это сделать и проанализировать окончания настолько детально, насколько позволяют нам сравнительно-исторические данные, то станет ясно, что элементы, из которых построена эта система, в основном тождественны словообразовательным суффиксам, с которыми мы встречались при изучении образования имен. Это особенно ясно в чисто тематических формах, не имеющих окончаний в собственном смысле: 2 л. ед. ч. импер. *ája*, 3 л. ед. ч. имперф. средн. зал. *áduha*, 2 л. мн. ч. перф. *vidá*. Эти формы никак нельзя обо-

соблюдать от обычных тематических именных основ. То же соотношение в общем наблюдается между окончанием 3-го л. мн. ч. (скр. -an(t)/anti, и.-е. -ent/-ont) и суффиксом, образующим причастия настоящего времени (скр. bhārant-, лат. ferens). Кроме того, было отмечено, что отношение между двумя видами окончания 3-го л. мн. ч.— приведенным выше и тем, которое состоит или же содержит в себе элемент г,— напоминает встречающееся в именных основах чередование г и п/пт: греч. ἄδωρ, ἄδατος и т. д. В других отношениях глагольные окончания также обладают чертами, напоминающими свойства именных суффиксов. Между окончаниями 3-го л. ед. ч. действительного и среднего залога существует, по-видимому, то же соотношение ((ā)kar(t), (ā)kṛta), что и в именных суффиксах на kṛt- : kṛtā-. Суффикс 2-го л. мн. ч. также содержит -ta, которое можно отождествлять с соответствующим именным суффиксом (bhāgata, ср. именную основу bharatā-). Только в индоиранском существует вариантное окончание -tha, функционирующее как первичное, и, по-видимому, не случайно индоиранский является единственной ветвью индоевропейского, где в образовании имен наряду с суффиксом -ta выступает суффикс -tha (yajátha- „почет“ : yajatá- „долженствующий быть почитаемым“).

Суффикс 1-го л. мн. ч. во многом ведет себя как соответствующий именной суффикс. Прежде всего, параллельному существованию в хеттском двух форм,— одной, начинающейся с w-, и другой— с m-,— соответствует сходная двойственность в инфинитивных формах, содержащих те же элементы: tiyawar, tiyawanzi; tarnumar, tarnummanzi. В санскрите суффиксы -vant и -mant встречаются также бок о бок в той же функции. Другой элемент сходства между глагольными и именными формами виден в варьировании последней части суффикса: и.-е. -wen/-wes, -men/-mes. Параллелью этому служит варьирование в именном склонении, например в формах звательного падежа: ṛtāvas, patnīvas, tuviṣmas от основ ṛtāvan-, pātnīvant- и túviṣmant-.

Соответствия этого рода проясняют исходную форму значительного числа глагольных окончаний. В результате какого-то процесса адаптации—процесса, который теперь нет возможности проследить,—некоторые именные образования стали ассоциироваться с определенными лицами и числами; во всяком случае, значительное число существующих теперь личных глагольных окончаний возникло именно таким образом*.

§ 8. Десять классов настоящего времени

Корни санскритского языка разделены индийскими грамматиками на десять классов в зависимости от способа образования системы форм настоящего времени и названы по глаголу, считающемуся для данного класса типовым. Порядок расположения

этих классов не отражает, насколько об этом можно судить, какого-либо грамматического принципа, поэтому мы для удобства изложения произведем перегруппировку. Глаголы разделены на два основных типа: а) атематические (классы 2, 3, 5, 7, 8, 9) и б) тематические (классы 1, 4, 6, 10).

А. Атематические классы настоящего времени

Корневой класс (второй, или класс *ad-*)

Парадигма: (*dviṣ-* „ненавидеть“).

Наст. вр., действ. залог, ед. ч. 1 л. *dvēsmi*, 2 л. *dvēksi*, 3 л. *dvēṣṭi*; дв. ч. 1 л. *dviṣvās*, 2 л. *dviṣṭhās*, 3 л. *dviṣṭās*; мн. ч. 1 л. *dviṣmās*, 2 л. *dviṣṭhā*, 3 л. *dviṣānti*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *dviṣé*, 2 л. *dvikṣé*, 3 л. *dviṣṭé*; дв. ч. 1 л. *dviṣváhe*, 2 л. *dviṣāthe*, 3 л. *dviṣāte*; мн. ч. 1 л. *dviṣmāhe*, 2 л. *dviṣṭhvé*, 3 л. *dviṣāte*.

Имперфект, действ. залог, ед. ч. 1 л. *ádveṣam*, 2 л. *ádveṭ*, 3 л. *ádveṭ*; дв. ч. 1 л. *ádviṣva*, 2 л. *ádviṣtam*, 3 л. *ádviṣtām*; мн. ч. 1 л. *ádviṣma*, 2 л. *ádviṣta*, 3 л. *ádviṣan*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *ádviṣi*, 2 л. *ádviṣṭhās*, 3 л. *ádviṣṭa*; дв. ч. 1 л. *ádviṣvahi*, 2 л. *ádviṣāthām*, 3 л. *ádviṣātām*; мн. ч. 1 л. *ádviṣmahi*, 2 л. *ádviṣṭhvam*, 3 л. *ádviṣāta*.

По этому типу в санскрите спрягается около 130 корней. В большинстве других и.-е. языков этот тип почти исчез, и его место заняли тематические образования. Вследствие этого мы можем производить непосредственное сравнение лишь с несколькими общими корнями в других языках: *ásti* „есть“, греч. ἔσται, лат. *est* и т. д.; *émi* „иду“, *imás* „идем“, греч. εἶμι, ἴμεν, лит. *eimi* и т. д.; *átti* „ест“, лат. *est*, рус. *есть*; *áste* „сидит“, греч. ἵσταται; *śéte* „лежит“, греч. κείται, хетт. *kitta*, *kittari*. Единственный язык, кроме санскрита, где хорошо сохранился этот тип, — это хеттский, и в нем можно подыскать дальнейшие параллели: *hánti* „он убивает“, *ghnánti* „они убивают“, хетт. *kuenzi*, *kunanzi*; *vaṣṭi* „он желает“ (*vaś-*), хетт. *wekzi* (греч. только прич. ἐχόμενος); *sásti* „спит“, хетт. *šeṣzi*.

Кроме приведенных выше регулярных окончаний, существует вариантный тип: действ. залог, 3 л. мн. ч. имперфект *caṣṣur*, *duhur*; средний залог, 3 л. ед. ч. наст. вр. *íṣe*, *cité*, *duhe*, *bruve*, *śáye*, *vidé*, 3 л. мн. ч. *duhré*, *śére*; *duhrate*, *śérate*; имперфект, 3 л. ед. ч. *aíṣa*, *aduha*, 3 л. мн. ч. *aduhra*; *aduhran*, *áṣegan*; *áṣerata*; императ., 3 л. ед. ч. *duhām*, *vidām*, *śayām*, 3 л. мн. ч. *duhrām*; *duhratām*, *śeratām*. Эти формы (о которых см. выше § 6) встречаются лишь в ведическом языке, за исключением корня *śi-* „лежать“, сохраняющего такие окончания и в классическом языке (3 л. мн. ч. *śerate*). Ряд этот имеет большое значение, так как он показывает, что у корневых основ сначала было два типа спряжения, соответствующих хеттским спряже-

ниям на -mī и -ḥī. Санскрит обобщил спряжение на -mī в действительном залоге, но в среднем залоге ведический язык сохраняет эти следы древней двойной системы.

За некоторыми исключениями в этом классе превалирует нормальная система ударения и апофонии, а именно: корень стоит под ударением и в ступени *guṇa* в трех лицах действительного залога; в остальных же случаях корень имеет слабую форму, а ударение падает на окончание: *hánti* : *ghnánti*; *vásmi* : *uśmási*; *ásmi* : *smás* и т. д. Если корень оканчивается на -и, а за ним следует окончание, начинающееся согласным, то такой корень в сильных формах вместо ступени *guṇa* имеет *vṛddhi*: *staúti* „восхваляет“, *yaúti* „соединяет“; также и некоторые другие корни, например *māṛṣī* „трет“, 3 л. мн. ч. *mṛjánti*. Ряд корней сохраняет ударение и ступень *guṇa* во всех формах по причинам, нам не ясным: *śéte* „лежит“, *váste* „носит одежду“. Некоторые корни с долгими гласными, к которым это относится, например *áste* „сидит“, *íṣṭe* „правит“, возможно, перешли из системы перфекта (*ās-* первоначально перфектная основа от *as-* „быть“). В ведическом языке сильная форма корня во 2 л. мн. ч. не обязательна: наст. вр. *nethá*, императ. *stota*, имперф. *ábravīta*. Слабая форма окончания 3-го л. мн. ч. среднего залога (*dviṣáte* в отличие от *dviṣánti*) указывает на первоначальное ударение на конце, сохраняющееся иногда в Ведах: *duhaté*, *rihaté*. Корень *śās-* имеет слабое окончание и в действительном залоге (*śásati* 3 л. мн. ч.), что соответствует ударению на корне.

Спряжение глаголов этого класса усложняется изменениями, вызванными внутренним сандхи. Поскольку это скорее вопрос фонологии, чем морфологии, мы ограничимся несколькими примерами: *duh-* „доить“, *doh + si > dhokṣi*, *doh + ti > dogdhi*; *lih-* „лизать“, *leh + ti > leḥhi*; *śās + dhi > śadhī*. Форма 3 л. ед. ч. имперф. *áśāt* (вместо **aśās < *aśāst*) возникла по аналогии; аналогией же объясняется форма *áleṭ*. Иногда подставляются другие формы — в случаях, когда действие фонетических закономерностей давало бы форму слишком краткую или неясную: 3 л. ед. ч. имперф. *ádat* с тематическим гласным от *ad-* „есть“, *áśit* с *i* наряду с ведическим *ás* от *as-* „быть“.

Некоторые корни этого класса содержат распространения, например *trā-* „спасать, защищать“, *śā-s-* „приказывать“, *v-as-* „одевать“, а это означает, что первоначально они не принадлежали к корневому классу. Такие корни обычно имеют отклонения в ударении и апофонии. Сюда вошли некоторые удвоенные образования, например *jakṣ-* 1) „смеяться“ (*has-*), 2) „есть“ (*ghas-*), сохраняющее некоторые черты спряжения удвоенных основ (3 л. мн. ч. действит. залога *jákṣati*) и *niṃs-* „прикасаться, целовать“ (*nas-*); также некоторые интенсивные формы, принимаемые грамматиками за корни: *jāgarti* „бодрствует“, *daridrāti* „скитается, бедствует“, *dīdeti* „сверкает“.

Сюда входят корни, образующие основу при помощи суффикса *i*, а именно, в классическом языке: *rud-* „плакать“, *svar-* „спать“, *ap-* „дышать“, *śvas-* „дышать“ и *jakṣ-* „есть“: 3 л. ед. ч. наст. вр. *rodīti*, *svarīti* и т. д. Дальнейшие примеры находим в ведическом языке: *vāmiti* „изрыгает“, *janīṣva* „родись“, *vāsiṣva* „носи (платье)“, *śnathihi* „ломай“, *stanihi* „реви“, а в Махабхарате *śocimī*. Эти формы соответствуют латинским глаголам 3-го спряжения типа *cario* (*caris*, *carit* ... *caripiunt*).

Как и в других атематических классах, в них наблюдаются изменения ударения и апофонии (1 л. мн. ч. *rudimás*), но по происхождению они не имеют ничего общего с корневым классом, будучи независимым образованием. Но этот тип уже на самом раннем этапе языка стал выходить из употребления. Большинство приведенных форм стоит особняком и не входит в полную парадигму. Даже в наиболее устойчивой группе, сохранившейся в классическом языке, суффикс *-i* отсутствует перед окончаниями, начинающимися с гласного (3 л. мн. ч. *rudánti*), а во 2-м и 3-м л. ед. ч. имперфекта его заменяет или долгое *ī* (*ānīt*), или же тематическое образование (*ānat*). Этот тип перестал составлять полный отдельный класс, и, объясняя суффикс как соединительный гласный *i* (*iṭ*), тем самым включая этот тип в корневой класс, грамматики смогли объяснить почти все особенности этого типа.

Суффикс *ī* выступает и в спряжении глагола *brū-* „говорить“, но только в сильных формах перед окончаниями, начинающимися согласным (*brāvīti*, *ābravīt*; *ābravam*, *bruvánti*). В соответствующем глаголе в Авесте этот суффикс совсем не появляется: 3 л. ед. ч. *mraoite*, имперф. *mraoī*. Он играет роль при образовании глагольных основ в других языках, а именно в латыни (*audīre*) и славянском (ст.-сл. *сънѣти* „спит“, *мъвѣнѣти* „говорит“). Как и приведенный выше краткий *-i*, в санскрите он выходит из употребления, и в ведическом языке кроме глагола *brū-* его принимают лишь несколько корней: *āmīti* (*am-* „повреждать“), *tavīti* (*tū-* „быть сильным“), *śamīṣva* (*śam-* „трудиться“).

Редулицированный класс (третий, или класс hu-)

Парадигма: (*hu-* „жертвовать“).

Настоящее время, действ. залог, ед. ч. 1 л. *juhómi*, 2 л. *juhóṣi*, 3 л. *johóti*; дв. ч. 1 л. *juhuvás*, 2 л. *juhuthás*, 3 л. *juhutás*, мн. ч. 1 л. *juhumás*, 2 л. *juhuthá*, 3 л. *júhvati*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *júhve*, 2 л. *juhúṣé*, 3 л. *juhuté*; дв. ч. 1 л. *juhuváhe*, 2 л. *júhvāthe*, 3 л. *júhvāte*; мн. ч. 1 л. *juhumāhe*, 2 л. *juhudhvé*, 3 л. *júhvate*.

Имперфект, действ. залог, ед. ч. 1 л. *ájuhavam*, 2 л. *ájuhos*, 3 л. *ájuhót*; дв. ч. 1 л. *ájuhava*, 2 л. *ájuhutam*, 3 л. *ájuhutām*; мн. ч. 1 л. *ájuhuta*, 2 л. *ájuhuta*, 3 л. *ájuhavur*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *ájuhvi*, 2 л. *ájuhuthās*, 3 л. *ájuhuta*; дв. ч. 1 л. *ájuhuvahi*, 2 л. *ájuhvāthām*, 3 л.

ájuhvātām; мн. ч. 1 л. ájuhumaḥi, 2 л. ájuhudhvam, 3. ájuh-vata.

К этому классу относится около 50 корней—все они приведены, — а в классическом языке—только 16. Этот тип хорошо представлен и в греческом: πί(μ)πλήμι „наполняю“, πί(μ)πλάμευ „наполняем“, скр. píraṁmi, píṛmās; εἰσπίσαναι „вводить“, ср. скр. bíbhāmi, bíbhṛmās; δίδωμι, скр. dādāmi; τίθημι, скр. dādhami; ἵστημι, скр. tiṣṭhāmi (перенесенное в тематический класс). В других языках этот тип сравнительно редок.

У корней, содержащих гласные i и u, гласный удвоения соответствует корневому гласному: cikéti „наблюдает“, jīhréti „стыдится“, viveṣṭi „действует“, bíbhéti „боится“, pinikta 2 л. мн. ч. импер. „вымойте“, ууyoti „отделяет“. В других корнях это иногда i, а иногда—a.

а) jīgharti „брызжет, кропит“, pípartī „наполняет“, bíbhārti „несет“, jigāti „идет“, mīmāti „мычит“, śiśāti „точит“, śiśakti „следует“.

б) dādāti „дает“, dādhāti „кладет“, jahāti „покидает“, bābhasti „ест“, vavartti „поворачивает“, śāsasti „спит“, saścati „сопровождает“.

Это совершенно не соответствует греческому, где в слогe удвоения почти исключительно выступает -i-.

Ударение у глаголов этого класса довольно неустойчивое. Оно может стоять на корне в сильных формах (juhóti и т. п.), что соответствует ступени гуṇа корня, а у некоторых глаголов — на удвоении (dādhāti и др.). Последний тип встречается преимущественно в ведическом языке, где ударение на удвоении имеется в случаях, в которых позднейший язык дает ударение на корне (bíbharti : bíbhārti). В греческом ударение также стоит на удвоении (δίδωμι), но апофония указывает на то, что в трех лицах ед. ч. действительного залога ударение первоначально стояло на корне. С другой стороны, ударение на удвоении, по-видимому, было исходным в 3-м л. мн. ч. действ. залога, где и корень, и окончание выступают в слабой форме: dādāti, saścati. В слабых формах наблюдается нормальное ударение на окончании, исключая те случаи, когда ударение передвигается вперед на слог удвоения при окончании, начинающемся на гласный (júhve, bíbhre и т. п.). Это развивается в послеведический период (Вед. juhvé) по аналогии с 3-м лицом мн. числа.

Ослабление корневого гласного дает сампрасарана у vyas- (viviktás) и hvar- (juhūrthās), а также утрату слога в sac- и bhas- (3 л. мн. ч. saścati, bapsati). Судьба корней, оканчивающихся долгим -ā, неодинакова. У наиболее употребительных, как dā- и dhā-, корень полностью редуцируется, а гласный выпадает: dadvās, dadmās; dadhvās, dadhmās и т. д. У других корней этот тип спряжения заменен другим, где между редуцированной формой корня и окончанием вставляется гласный i или, чаще, ī. Краткий гласный выступает в некоторых формах от

корня hā- „оставлять“: jah-i-mas, jahihī и т. д. Эти удвоения можно сравнить с типом svarīti из корневого класса. Однако нормально гласный бывает долгим: śiś-i-hi (śā- „точить“), mīmīte (mā- „мерять“), garithās (gā- „даровать“) и т. д. Преваширование долгого гласного объясняется условиями ритма, и суффиксальное ī уравнивает ā в корне настолько, что оба они приняли вид сильной и слабой формы корня.

Классы ni- и u- (пятой и восьмой, или классы su- и tan-)

Наст. вр., действ. залог, ед. ч. 1 л. sunómi, 2 л. sunósi, 3 л. sunóti; дв. ч. 1 л. sunuvás и т. д.; мн. ч. 3 л. sunvánti. Средний залог, ед. ч. 1 л. sunvé, 2 л. sunuṣé и т. д.; мн. ч. 3 л. sunváte.

Имперфект, действ. залог, ед. ч. 1 л. ásunavam, 2 л. ásunos, 3 л. ásunot, дв. ч. 1 л. ásunuva и т. д.; мн. ч. 3 л. ásunvan. Средний залог, 1 л. ásunvi, 2 л. ásunuthās, 3 л. ásunuta; дв. ч. 1 л. ásunuvahi и т. д.; мн. ч. 3 л. ásunvata.

По этому типу образуют настоящее время около 50 корней. Типичными примерами являются: ṛṇóti „встает“ (ср. греч. ῥῆνμι), strṇóti „показывает“ (ср. греч. στῆρνμι), kṣṇóti „разрушает“ (ср. греч. φθίω, φθινύω), mīnóti „повреждает, уменьшает“ (ср. лат. minuo), dhñnoti „трясет“ (ср. греч. θβω „бешено бросаться, устремляться“), tṛṇóti „удовлетворяется“, ṛdhnóti „прорастает“, āṛnóti „достигает, получает“, ásnóti „получает“ и т. д. Этот суффикс, составленный из п и у, участвует также в образовании имен, часто от тех же корней, например, dhṛṣṇú „дерзкий“ рядом с dhṛṣṇóti „дерзает“. В ряде корней выступает другой суффикс, -nā (девятый класс) наряду с -no/-ni: vṛṇóti : vṛṇāti; strṇóti : strṇāti; kṣṇóti : kṣṇāti.

Простой суффикс u (без n) часто выступает в родственных формах: ṛṇóti, ср. греч. ῥῆνω; strṇóti, ср. гот. straujan; vṛṇóti „покрывает“, ср. vārutra-; dhṛṣṇóti „дерзает“, ср. греч. θρασύς; dabhñóti „вредит, обманывает“, ср. ádbhuta- („неповреждаемый, божественный) чудесный“, āṛnóti „получает“, ср. Ав. 3 л. мн. ч. āfəntē (*arvantai); jinóti „оживляет“, ср. jīvá- „живой“; sādhnóti „завершает“, ср. sādhu- „прямой, хороший“. То же отношение существует между kṣurá- „бритва“ и kṣṇauti „точит“, которое вследствие полного слияния с суффиксом перешло в корневой класс. В śru- „слышать“ (прич. śrutá-, греч. κλυτός и т. д.) это u везде инкорпорировалось в корень за исключением настоящего времени (śṛṇóti: и.-е. *k₁-n-eu-ti). В иранском путем последующей замены оно проникает и в настоящее время (Ав. sugraoiti).

Соответствующие этому глагольные классы имеются в греческом (ῥῆνμι и т. д.) и в хеттском, где этот тип приобрел специфическое каузативное значение (arpmmi и т. п.), однако древняя апофония, наблюдающаяся в санскрите, в них уже нарушена. В других языках образования этого типа были заменены

тематическими образованиями (ирл. *ro cluinethar* „слышит“ и т. д.). Тематические образования, базирующиеся на этом суффиксе, представлены в *rinvati* „жиреет“ (ср. *pinute*, Ав. *pinaoiti*), *invati* „гонит, нападает“ (ср. *inóti*), *hinvati* „погоняет“ (ср. *hinóti*), *jinvati* „оживляет“ (ср. *jínoti*).

По ударению и апофонии этот класс идет по общему типу с обычными ведическими отклонениями, то есть с сильной формой суффикса во 2-м л. мн. ч. (*ákṛṇota(na)*) и с ударением на конце в 3-м л. мн. ч. среднего залога (*ṛṇvaté*, *vṛṇvaté* и т. д.). Что касается формы окончаний, можно отметить, что это суффиксальное -и может опускаться в 1-м л. дв. и мн. ч. (*sunvás*, *sunmás*; это начинается, конечно, с 1-го л. дв. ч.) и перед гласными окончаниями после корней, оканчивающихся на согласный, вместо -iv- появляется -iuv (*śakṇuvánti* „они могут“). Окончания 3-го л. ед. ч. среднего залога -é (*śṛṇvé* „слышится“, *sunvé* „выжимается“) и 3 л. мн. ч. -gé (*śṛṇvigé*, *sunvigé* и т. д.) иногда появляются в Ведах, и последнее окончание всегда сочетается с соединительным гласным -i-. Этот соединительный гласный встречается также в ведической форме *śṛṇviṣé* 2 л. ед. ч. средн. залога.

К восьмому классу относятся корни, образованные простым суффиксом о/и вместо по/пи. Это главным образом корни, оканчивающиеся на п: *tan-* „вытягивать“, 3 л. ед. ч. *tanóti*, также *sanóti* „добывается“ (ср. греч. *ἄβυμι* „совершать, достигать“), *vanóti* „побеждает“, *manuté* „думает“, *kṣaṇóti* „ранит“, а также корень *kṛ-* „делать“: 3. ед. ч. *karóti*. Интерпретация форм от корней на -п не вполне убедительна, так как можно спорить, действительно ли здесь присутствует суффикс -по-/пи-, перед которым стоит а из ṛ, представленного в редуцированной форме корня (*tṛ-peu-ti*). Желательно было бы принять более простую теорию, основание для которой я усматриваю в существовании ведической формы *tarute*, которая представляется мне точной параллелью к *manuté*.

Другой важный корень, входящий в эту группу, а именно *kṛ-* „делать“ (*karóti*, *kuruté*), также представляет загадку, так как и ведический, и иранский одинаково спрягают его как глагол на -пи- (Вед. *kṛṇóti*, *kṛṇuté*, Ав. *kəṛənaoiti*, др.-перс. *akpa-vam* < *akṛnavam*). Можно было бы предположить, что классические формы — „пракритизмы“, но это опровергается тем фактом, что фонетический переход ṛṇ в аг/иг является совершенной аномалией в среднем индоарийском (ср. *tṛṇa-* „трава“ < *tāṇa-*, *tīṇa* и т. д. и пракр. *kuṇāi* из ведической формы этого глагола). Поэтому эту форму надо считать подлинной и древним диалектным вариантом, образованной, как и *tarute*, при помощи простого суффикса -и, выступающего также в ведическом существительном ср. р. *karúṇa-* „действие“. Слабая форма корня представляет некоторые затруднения, так как нормально можно было бы ожидать или полной редукиции (*kr-*), или же восстановления

ступени *guṛa*, как в *tarute*. Поскольку здесь не может быть речи о суффиксальном Н, дающем в слабой ступени сочетание *ug* в других случаях (*gurú-* и т. п.), то для объяснения формы слабой ступени остается единственная теория, предполагающая, что первоначально корень начинался лабиовелярным согласным. Тогда форму *kur-* можно отнести к тем пережиткам, в которых этот губный элемент встречается в функции гласного (греч. *γυυή*, хетт. *kupanzī* и т. д., см. гл. III, § 5). Что касается этимологии, то, по-видимому, и.-е. корень *k^wel-* в индоиранском раздвоился после второй палатализации, образовав два корня: непереходный *saḡ-* „двигаться, идти“ и переходный *kṛ-* „совершать, делать“.

В суффиксе этого глагола *-u-* всегда опускается в тех случаях, где такое опущение необязательно для глаголов на *-pu-* (*kurmās* и т. д.). Оно также опускается в опативе действительного залога: *kurūām* в отличие от *kurvīuā*. Возможно, что последние формы являются корневыми образованиями, вошедшими в это спряжение.

Класс -nā- (девятый, или класс *krī-*)

Наст. вр., действ. залог, ед. ч. 1 л. *krīṇāmi*, 2 л. *krīṇāsi*, 3 л. *krīṇāti*; дв. ч. 1 л. *krīṇivās*, 2 л. *krīṇithās*, 3 л. *krīṇitās*; мн. ч. 1 л. *krīṇimās*, 2 л. *krīṇithā*, 3 л. *krīṇānti*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *krīṇé*, 2 л. *knīṇisé*, 3 л. *krīṇité*; дв. ч. 1 л. *krīṇivāhe*, 2 л. *krīṇāthe*, 3 л. *krīṇāte*; мн. ч. 1 л. *krīṇimāhe*, 2 л. *krīṇidhvé*, 3 л. *krīṇāte*.

Имперфект, действ. залог, ед. ч. 1 л. *ákrīṇām*, 2 л. *ákrīṇās*, 3 л. *ákrīṇāt*; дв. ч. 1 л. *ákrīṇīva*, 2 л. *ákrīṇitam*, 3 л. *ákrīṇitām*; мн. ч. 1 л. *ákrīṇīma*, 2 л. *ákrīṇita*, 3 л. *ákrīṇan*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *ákrīṇi*, 2 л. *ákrīṇithās*, 3 л. *ákrīṇita*; дв. ч. 1 л. *ákrīṇivahi*, 2 л. *ákrīṇāthām*, 3 л. *ákrīṇātām*; мн. ч. 1 л. *ákrīṇimahi*, 2 л. *ákrīṇidhvam*, 3 л. *ákrīṇata*.

По этому классу образуют настоящее время около пятидесяти корней, все они приведены. Типичными примерами являются *krīṇāti* „покупает“ (ср. ирл. *crenaid*), *lināti* „прилипает, придерживается (чего-то)“ (ср. ирл. *lenaid* — то же), *śṛṇāti* „ломает“ (ср. ирл. *aga-chrinaid*, 3 л. мн. ч. „рушатся“), *jināti* „пересиливает“, *mṛṇāti* „уничтожает“, *rṇāti* „наполняет“ и т. д.

Суффикс слагается из *p* и *ā* (-аН-), и эти элементы часто выступают порознь в близких образованиях. Представленное в *iṣṇāti* *p* появляется в сочетании с другими элементами в *iṣṇat* и *iṣṇuāti*. Суффикс *ā* без *p* встречается в ряде параллельных образований на *-āya*: *grbhāyāti*, *mathāyāti*, *skabhāyāti* наряду с *grbhṇāti* и т. п. Это *ā* нередко частично сливается с корнями, например *juā-* „пересиливать“ и *rṇā* „наполнять“ рядом с формами настоящего времени *jināti* и *rṇāti*; ср. тот же процесс, но в более близкой к завершению стадии в *śru-/śro-* рядом с *śṛṇóti*. Со слабой формой суффикса корни на *-i*, *-u* и *-ṛ* становятся корнями на *-ī*, *-ū* и *-ṝ*. Именно в таком виде они обычно приводятся и

выступают за пределами системы настоящего времени: *ṛitá-* „удовлетворенный“, *ṛitá-* „очищенный“ (: *ṛināti*), *ṛiṅṅá-* „полный“ (*ṛiṅṅāti*). Здесь имеется два способа образования настоящего времени: а) перед *-nā-* стоит нерасширенная форма корня, например, *jināti*, *ṛināti*, *mṛṅṅāti*; б) расширенная форма корня вводится даже в это образование, например, *ṛiṅṅāti*, *bhriṅṅāti*, — этот процесс встречается только у корней на *-i*. Корень *vlī-* „сталкивать“ образует настоящее время по обоим типам, а в пали имеется форма *kiṇāti* „покупает“ (соответствующая кельтской форме), отличная от скр. *krīṅṅāti*.

Чередование между сильной формой суффикса *-nā* и *-ni-* в его слабых формах нигде, кроме санскрита, не встречается. В греческом имеется чередование долгого и короткого гласного: *δαμνῆμι, δάμναμεν*. В Авесте — полная утрата *ā* в слабой форме, регулярное индоиранское фонетическое явление: 3 л. ед. ч. средн. залога *vəṛəntē, *stəṛəntē*. В санскрите этот тип заменен формой, содержащей дополнительный суффикс *-i-*, как это наблюдается в третьем классе, например *vṛiṅṅē*, имеющем такое же отношение к Ав. *vəṛəntē*, как скр. *mimīṭē* и т. п. — к *dattē*. Это *-i-* вводится только перед согласными окончаниями; перед гласными встречается простая редуцированная форма суффикса: *jānāte*, ср. Ав. *zānaitē*.

*Класс с носовым инфиксом (седьмой, или класс *rudh-*)*

Наст. вр., действ. залог, ед. ч. 1 л. *yunājmi*, 2 л. *yunákṣi*, 3 л. *yunákṭi*; дв. ч. 1 л. *yuñjvās*, 2 л. *yuñkthās*, 3 л. *yuñktās*; мн. ч. 1 л. *yuñjmās*, 2 л. *yuñkthā*, 3 л. *yuñjānti*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *yuñjé*, 2 л. *yuñksé* и т. д.; мн. ч. 2 л. *yuñgdhvé*, 3 л. *yuñjāte*.

Имперфект, действ. залог, ед. ч. 1 л. *áyunajam*, 2 л. *áyunak*, 3 л. *áyunak*; дв. ч. 1 л. *áyuñjva* и т. д.; мн. ч. 3 л. *áyuñjan*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *áyuñji*, 2 л. *áyuñkthās* и т. д.; мн. ч. 3 л. *áyuñjata*.

По такому способу спрягается около тридцати корней. Обычными примерами являются: *ṛinākti* „оставляет“ (лат. *linquo*), *chid-* „резать“, *chinātti* (лат. *scindo*), *bhid-* „расщеплять“, *bhinātti* (лат. *findo*), *piṣ-* „подавлять“, *piṣāṣti* (лат. *pinso*), *añj-* „мазать“, *anākti* (лат. *unguo*), *bhuj-*, *bhunākti* „способствует“, *bhuñkte* „наслаждается“ (лат. *fungor*).

В большинстве языков за пределами индоиранского сильные формы были заменены слабыми, и весь этот тип перенесен в тематический класс. Та же тенденция наблюдается в скр. *vindāti* в отличие от Ав. *vinasti*, и в последующей истории индоарийского такие формы полностью заменили более древний тип (пали *yuñjati* и т. п.). В хеттском соответствующий тип спряжения имеет двойной носовой инфикс, но в нем не наблюдается апофонии, например, *ḥagnīnk-* „разрушать“; обе эти черты — специфически хеттские и не подходят под регулярный и.-е. тип, сохраняемый санскритом.

С первого взгляда может показаться, что этот тип спряжения сильно отличается от двух предыдущих, так как основа настоящего времени образуется здесь путем инфиксации, а не суффиксации. Но в конечном счете между ними нет действительной разницы, поскольку в большинстве корней этого класса конечный согласный можно считать распространением, иными словами, суффиксом по происхождению, с ходом времени инкорпорированным в корень. Например, наряду с корнем *yuj-* „присоединять“ существует более простой корень *yu-* (*yáuti*) с тем же значением. Можно привести данные того же типа относительно ряда других корней: *chid-* „резать“, ср. *chyáti* „режет“, *chitá-* „разрезанный“; *gic-* „оставлять“, *giṇákti*, ср. *giṇáti* „пускает течь“, *ṭṛd-* „прокалывать“, *ṭṛṇáti*, ср. *tṛṇa-* „трава“, англ. *thorn* „шип, колючка“; *kṛt-* „прясть“, *kṛṇáti*, ср. лат. *colus* „прялка“. В таких случаях формы этого класса анализируются так же, как и в двух других носовых классах: 5: *kṷ-n-éw-ti* (*śṛṇóti*), 9: *pṷ-n-éH-ti* (*ṛṇáti*), 7: *yu-n-ég-ti* (*yunákti*).

В то же время не все формы можно объяснить таким путем, например, *anákti* „мажет“. После того как образовался инфигирующий класс глаголов путем инкорпорации второго суффикса, в него вошло некоторое число других корней, не принадлежавших к первоначальному ядру.

Б. Тематические классы настоящего времени

Класс с ударением на корне (первый, или класс bhā-)

Наст. вр., действ. залог, ед. ч. 1 л. *bhāvāmi*, 2 л., *bhāvasi*, 3 л. *bhāvati*; дв. ч. 1 л. *bhāvāvas*, 2 л. *bhāvathas*, 3 л. *bhāvatas*; мн. ч. 1 л. *bhāvāmas*, 2 л. *bhāvatha*, 3 л. *bhāvanti*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *bhāve*, 2 л. *bhāvase*, 3 л. *bhāvate*; дв. ч. 1 л. *bhāvāvahe*, 2 л. *bhāvethe*, 3 л. *bhāvete*; мн. ч. 1 л. *bhāvāmahe*, 2 л. *bhāvadhve*, 3 л. *bhāvante*.

Имперфект, действ. залог, ед. ч. 1 л. *ábhavam*, 2 л. *ábhavas*, 3 л. *ábhavat*; дв. ч. 1 л. *ábhavāva*, 2 л. *ábhavatam*, 3 л. *ábhavatām*; мн. ч. 1 л. *ábhavāma*, 2 л. *ábhavata*, 3 л. *ábhavan*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *ábhave*, 2 л. *ábhavathās*, 3 л. *ábhavata*; дв. ч. 1 л. *ábhavāvahi*, 2 л. *ábhavethām*, 3 л. *ábhavetām*; мн. ч. 1 л. *ábhavāmahi*, 2 л. *ábhavadhvam*, 3 л. *ábhavanta*.

Это самый продуктивный класс настоящего времени в санскрите, так как по нему образует настоящее время около половины всех глагольных корней в языке. Преобладание тематических образований имеет параллель в именных основах и повторяется и в других и.-е. языках. В этом классе больше чем где бы то ни было прямых соответствий между санскритом и другими языками, отражающими и.-е. формы. Примерами служат: *plávate*, *právate* „плывет“, греч. *πλέ(F)ω*; *srávati* „течет“, греч. *ρέει*; *svánati* „звучит“, др.-лат. *sonit*; *stánati* „ревет“, греч. *στάνει*; *bhárati* „несет“, греч. *φέρειω*, лат. *fero*, гол. *baíriĲ*, ирл. *berid*,

ст.-сл. *вереть*; *sáratī* „идет“, греч. *πέλομαι*, лат. *colo*; *bódhati* „понимает“, греч. *πέυθομαι*; *jósate* „наслаждается“, греч. *γεύομαι* „отведывать“, гот. *kiusiþ* „испытывает, выбирает“; *ródhati*, *róhati* „растет“, гот. *liudiþ*; *ósati* „горит“, греч. *εῖω*, лат. *ūro*; *vártate* „поворачивает“, лат. *vertitur*; *párdate* „пердит“, греч. *πέρδεται*; *sárpate* „ползет“, греч. *έρπει*, лат. *serpit*; *yásati* „бурлит“, греч. *ζέω*; *váhate* „везет“, греч. Памф. *Φέγω*, лат. *vehit*, ст.-сл. *везеть*; *vásate* „пребывает“, гот. *wisiþ* „он есть“, *násate* „прибегает (к чему-л.)“, греч. *ύεομαι* „отправляться“, гот. *ganisiþ* „спасен“; *májate* „погружает“, лат. *mergit*; *trásate* „дрожит“, греч. *τρέω*; *pátate* „летит“, греч. *πέτομαι*; *sthágate* „покрывает“, греч. *στέγει*, лат. *tegit*; *sácate* „общается“, греч. *έπεται* „он следует“, лат. *sequitur* — то же; *dáhate* „горит“, лит. *degù*; *pácate* „стряпает“, лат. *coquit*, ст.-сл. *пехеть*; *tákšate* „(плотник) соединяет, сооружает; рубит“, лат. *texit* „ткет“; *hávate* „зовет“, Ав. *zavaiti*, ст.-сл. *звзеть*; *ájate* „гонит“, греч. *άγει*, лат. *agit*, ирл. *ad·aig*; *ánate* „дышит“ (наряду с *ániti*), гот. *uzaniþ* „выдыхает, умирает“.

Большинство корней относится к нормальному типу: основа состоит из ударяемого корня в ступени *guṇa* с последующим тематическим гласным. В небольшом количестве глаголов вместо *guṇa* встречается *vṛddhi*: *bádhate* „отталкивает“, *bhrájate* „светит“, *dhávate* „бежит“ (греч. *θέω* со ступенью *guṇa*), *krámate* „шагает“ (наряду с формой средн. зал. *krámate*), *ásamate* „прихлебывает“. Этот класс расширился за счет ряда тематических образований с ударением на корне или на первом слоге, которые первоначально к нему не принадлежали: 1) форма с носовым инфиксом *pindati* „бранит“ (ср. *níd-* „презрение, оскорбление“, греч. *δνειδος*); образования такого типа характерней для шестого класса; 2) формы с суффиксом *-va*: *jívate* „живет“, *túrvate* „преодолеывает“ и т. д. — в таких случаях по апофонии видно, что начальное ударение — не исходное; 3) основы, содержащие и.-е. инхоативный суффикс *-ske-/-sko-* (> *scha-*) со вторичным ударением на корне: *gácchate* „идет“, греч. *βάσχω*; *yácchate* „держит“; 4) редуцированные тематические образования: *tíṣhate* „стоит“ (*sthā-*), ср. лат. *sistit*; *píbate* „пьет“ (*pā-*), ирл. *ibid*; *jíghrate* „пахнет, нюхает“ (*ghrā-*); в *sídate* „сидит“, лат. *sido* (и.-е. *sizd-* от *sed-*) нормальный фонетический процесс дал бы в санскрите *ḍ*, но здесь под влиянием других частей спряжения выступает *d*.

Класс с ударением на суффиксе (шестой, или класс tud-).

Этот и два последующих класса спрягаются точно так же, как и предыдущий. Шестой класс довольно употребителен: по этому способу спрягается около 150 корней. Типичные примеры: *rujáte* „ломает“, *viśáte* „входит“, *tudáte* „толкает“, *diśáte* „указывает“, *mṛśáte* „глядит“, *spṛśáte* „касается“, *suváte* „гонит“, *kiráte* „рассеивает“, *srjáte* „отпускает“. В большинстве и.-е. языков в отличие от санскрита этот тип редок, так как нормой для тематических глаголов стал предшествующий класс. В греческом

основы этого типа встречаются обычно только в аористе, где они по апофонии расходятся с нормальными тематическими формами настоящего времени: $\varphi\epsilon\upsilon\gamma\omega$: $\xi\varphi\upsilon\gamma\upsilon\upsilon$. В таких формах настоящего времени ударение перетянуто на корень ($\gamma\lambda\upsilon\varphi\omega$ [„выдалбивать“]).

Довольно употребительным в этом классе стал подкласс корней, принимающих носовой инфикс: $si\tilde{n}c\acute{a}ti$ „кропит“, $mu\tilde{n}c\acute{a}ti$ „освобождает“, $v\tilde{a}nd\acute{a}ti$ „находит“, $k\tilde{r}\eta\tilde{t}\acute{a}ti$ „режет“, $lu\tilde{m}p\acute{a}ti$ „разбивает“, $li\tilde{m}p\acute{a}ti$ „пачкает“. Некоторые из них явно перешли из седьмого класса, например $und\acute{a}ti$, $yu\tilde{n}j\acute{a}ti$ наряду с $un\acute{a}tti$, $yu\tilde{n}\acute{a}kti$, и возможно, что и весь этот ряд возник тем же путем.

Ударяемый суффикс $-sch\acute{a}-$ (и.-е. $ske-$) выступает в $icsh\acute{a}ti$ „желает“, $ucsh\acute{a}ti$ „сияет“, $\acute{r}sch\acute{a}ti$ „идет“ (корни $i\check{s}-$, $vas-$, $\acute{r}-$). В $\acute{r}sch\acute{a}ti$ „спрашивает“ (лат. $poscit$) этот суффикс инкорпорирован в корень (перф. $pa\check{r}\acute{a}c\check{s}cha$), но иногда в именных производных выступает и чистый корень: $pra\check{s}n\acute{a}-$ „вопрос“.

Класс ya- (четвертый, или класс *div-*)

Четвертый класс составляют приблизительно 130 корней, образующие настоящее время при помощи суффикса $-ya$: $k\acute{u}ryati$ „гневадается“, $kr\acute{u}dh\acute{y}ati$ —то же, $t\acute{u}\check{s}yati$ „доволен“, $y\acute{u}dh\acute{y}ati$ „борется“, $v\acute{i}dh\acute{y}ati$ „пронзает“ ($vyadh-$), $d\acute{i}vyati$ „играет“, $h\check{f}\check{s}yati$ „ликует“, $t\acute{a}ryate$ „пылает“, $r\acute{a}\check{s}yati$ „видит“, $n\acute{a}hyati$ „связывает“. Этот суффикс употребляется также для образования отыменных глаголов, и формы страдательного залога отличаются от среднего залога в этом классе только своим суффиксальным ударением. Такой способ образования встречается в хеттском ($wemiezzi$ „находит“, $zahh\check{e}zi$ „борется“) и греческом ($\mu\acute{\alpha}λιστα$ „беснуется“, ср. скр. $m\acute{a}nyate$ „думает“, $\beta\acute{\alpha}λω$, $\sigma\tau\acute{\iota}\zeta\omega$ и т. п.). В латыни же вместо этого типа мы встречаем атематические основы на $-i$ ($cupio$, $cupit$ —в отличие от скр. $k\acute{u}ryati$). В санскрите наличие формы настоящего времени $st\acute{a}nyati$ „гремит (гром)“ (ст.-сл. $sten\check{y}$) рядом с атематической формой $stanihi$ является иллюстрацией того, что в результате тематического распространения основы на $-i$ может возникнуть форма так же, как в именных основах ($^{\circ}kravi^{\circ}$: $kravya-$ и т. п.). Апофония большинства форм указывает на первоначально суффиксальное ударение, такое, какое встречается в страдательном залоге, хотя совпадение между санскритом и греческим указывает на то, что эта инновация относится к и.-е. периоду. С другой стороны, имеются формы с корнем в ступени $v\check{r}ddhi$, например $m\acute{a}dyati$ „хмелеет“, $\acute{s}r\acute{a}myati$ „устает“, которые, по-видимому, имеют корневое ударение с самого начала. Это наводит на мысль, что четвертый класс объединил два разных типа корней.

Некоторые корни этого класса на $-\acute{a}$: $g\acute{a}-$ „петь“ ($g\acute{a}yati$), $gl\acute{a}-$ „быть усталым“ ($gl\acute{a}yati$), $tr\acute{a}-$ „спасать“ ($tr\acute{a}yate$) и $dhy\acute{a}-$ „думать“ ($dhy\acute{a}yati$) грамматики относят к первому классу, совершенно необоснованно предполагая существование форм корней $g\acute{a}i-$

и т. п. Поскольку не может быть сомнения в том, что эти корни существуют в форме *gā-* и т. п., ясно, что формы настоящего времени от них относятся именно к этому классу, где их форма и ударение закономерны.

Есть ряд корней на *-ā*, которые теряют этот гласный перед ударяемым суффиксом *-yá-*: *dā-* „связывать“ (*d-yáti*), *chā-* „резать“ (*ch-yáti*), *śā-* „точить“ (*ś-yáti*) и *sā-* „связывать“ (*syáti*, ср. хетт. *išhiya-* „связывать“). Они сохраняют то ударение, которое, как мы отмечали выше, было в этом классе исходным, поскольку полная редукция корневого слога сделала невозможным перенос ударения на корень.

*Десятый класс (класс *sig-*)*

В этом классе выступает суффикс *-áya*, который в целом специализировался на образовании каузативных глаголов. Однако он употребляется не только с этой целью, и сохраняется ядро форм, относящихся скорей к первичному, нежели к вторичному спряжению. В языке Вед довольно отчетливо различаются формы настоящего времени на *-áya*, в которых нет усиления корня (*giṇa* или *vṛddhi*) и которые обычно не имеют каузативного значения, и формы с усилением корня, обычно имеющие каузативное значение. Примерами первых служат: *citáya-* „замечать, наблюдать“, *iṣháya-* „процветать“, *turáya-* „спешить, торопиться“, *dyutáya-* „сиять“, *gucáya-*—то же, *śubháya-* „быть великолепным“, *mṛḍáya-* „прощать“, *sprháya-* „желать“, *patáya-* „порхать“. Сюда относятся с самого начала такие презенсы, как *hváyati* „зовет“, *śváyati* „набухает“ и *dháyati* „сосет“, которые грамматики относят к первому классу, предполагая формы корней *śvi-*, *hve-*, *dhē-*.

В классическом языке входящие сюда глаголы представляют более пеструю картину, включая самые различные образования отыменного и каузативного происхождения: *kāmáyate* „желает“, *coráyati* „крадет“, *chādáyati* „покрывает“, *avalokáyati* „озирает“, *dūṣáyati* „портит“, *bhūṣáyati* „украшает“, *tāḍáyati* „бьет“ и т. д.

§ 9. Будущее время

Основа будущего времени образуется при помощи суффикса *-syá* или же с соединительным гласным *-i-*: *iṣyá*, присоединяемого к корню в ступени *giṇa*; спрягается же глагол в будущем времени точно таким же образом, как тематические глаголы в настоящем времени: *dāsyáti* „он даст“, *dhokṣyáti* „он подойдет“, *bhaviṣyati* „он будет“, *kariṣyáti* „он сделает“ и т. п. Нет простых правил, устанавливающих распределение этих двух форм. В иранском есть соответствие форме на *-ya-* (Ав. *vaxšyā* „я скажу“), но нет ничего, что бы соответствовало *-iṣya*. Аналогичное образование есть в литовском: *dúosiu* „я дам“. С другой стороны, греческое будущее время (*δαίξω* и т. п.), по-видимому, базируется

на простой основе на -so. В ранний период развития санскрита будущее время встречается сравнительно редко, как и в Авесте: значение будущего чаще всего передается сослагательным наклоном, но довольно быстро будущее время становится более употребительным.

Основа будущего времени является специализированной основой настоящего времени и относится к отыменным образованиям на -ya-. Как и основы собственно настоящего времени, она может образовывать претерит, формы которого функционируют как условное наклонение: *yad evaṃ nāvakṣyo mūrdhā te vyapatiṣyat* „Если бы ты не говорил так, то не сносить бы тебе головы“. В Ригведе встречается только один пример условного наклонения, и во все периоды развития языка оно не очень употребительно.

Кроме обычного будущего времени, санскрит создал второе, или перифрастическое, будущее, в основе которого лежат имена деятеля на -ṭar. В третьем лице им. падеж ед., дв. и мн. ч. таких имен без всяких добавлений функционирует как второе будущее: *kartā, kartārau, kartāras*. В первом и втором лице к им. пад. ед. ч. имен деятеля добавляются формы глагола „быть“, как в дв. и мн. числе, так и в единственном: *kartāsmi, kartāsi; kartāsvas; kartāsmas*. Назначение второго будущего состоит в выражении будущего действия в связи с каким-то определенным сроком: *śvo vraṣṭā* „завтра пойдет дождь“ и т. п. Впервые этот тип будущего времени появляется в период Брахман и используется в дальнейшем, однако никогда не достигает употребительности первого будущего. Возникло также соответствующее будущее среднего залога, чрезвычайно редкое однако, так как оно, по-видимому, было в ходу в живом языке в течение лишь очень ограниченного времени. Специальные формы среднего залога, существующие только для первого и второго лица, следующие: ед. ч. 1 л. *kartāhe*, 2 л. *kartāse*; дв. ч. 1 л. *kartāsvahe*, 2 л. *kartāsāthe*; мн. ч. 1 л. *kartāsmāhe*, 2 л. *kartādhvē*.

§ 10. Аорист

Аорист образуется основами семи различных типов, отчетливо подразделяющихся на два класса: асигматические и сигматические. Из асигматических типов корневой аорист (*ádhāt*) и аорист на -a (*áruhat*) в своем образовании не отличаются от форм имперфекта соответствующих классов настоящего времени (*áyuāt, átudat*). Уже отмечалось, что два типа прошедшего времени, имперфект и аорист, возникли в результате специализации системы, в которой прошедшее время не дифференцировалось, на что указывает существование в последующее время форм, общих для аориста и имперфекта. Различие в функции зависит от того, существует ли соответствующее настоящее время. Аорист с удвоением, претерпев специфические изменения, не так тесно связан с соответ-

ствующими основами настоящего времени, но все же по происхождению его нельзя отделять от редуцированного настоящего времени. С другой стороны, различные основы сигматического аориста ограничены в своем употреблении как таковые за очень редкими исключениями (Ав. *nāismi* есть форма настоящего времени от основы сигматического аориста).

Корневой аорист

Корневой аорист широко представлен в ведическом языке. Апофония отличается от апофонии имперфекта тем, что нормально корень выступает в ступени *guṇa* во всех лицах действительного залога, за исключением третьего лица множественного числа. Нормальная слабая форма корня выступает в среднем залоге. Типичными являются формы:

Действ. залог, ед. ч. 1 л. *áśravam*, *agām*, *ákaram*, 2 л. *ágās*, *ásres*, *akar* (вместо *ákars*), 3 л. *ásrot*, *ásthāt*, *ákar* (вместо *ákart*, ср. Ав. *sōgə*); дв. ч. 2 л. *agātam*, *kartam*, 3 л. *ákartām*, *ádhatām*; мн. ч. 1 л. *ákarma*, *ádāma*, *áhema*, 2 л. *ákarta*, *ágāta*, *áhetana*, 3 л. (а) *ákran*, *ákṣan* (*ghas-*), *ágman*; (б) *ádhur*, *ásthur*, *ákratur*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *ákri*, *áyuji*, 2 л. *ákrthās*, *agathās*, *ayukthās*, 3 л. *ákrta*, *ámata* (*man-*), *ayukta*; дв. ч. 1 л. *ganvahi* (*gam-*); мн. ч. 1 л. *áganmahi*, *ámanmahi* (с сильной формой корня), *ayujmahi*, *áhūmahi*, 2 л. *acidhvam*, *ayudhvam*, 3 л. (а) *akrata*, *ágmata*; (б) *ádṛṣan*, *abudhran*; (в) *ádṛṣam*, *ábudhram*.

Корневой аорист от корня *bhū-* (спрягающегося только в действительном залоге) является аномальным, имея слабую ступень во всех лицах: *ábhūvam*, *ábhūs*, *ábhūt*, ... *ábhūta*, *ábhūvan*.

Некоторые корневые аористы считаются индоевропейскими на основании таких соответствий, как скр. *ásthāt*, греч. *ἔστη*; *ágāt*, греч. *ἔβη*; *ágatam*, *ágan*, *ágata* и т. д., ср. арм. *եկն* 3 л. ед. ч.; греч. *βάτην* 3 л. дв. ч.; 3 л. ед. ч. средн. зал. *akṣata*, греч. *ἔκτατο*; импер. *kṣidhí* „разрушь“, ср. греч. *ἔφθιτο*, *φθίμενος*. Аномальная форма корневого аориста от *bhū-* выступает и в греческом: 3 л. ед. ч. *ἔφϋ* и т. д. Иногда форма, являющаяся корневым аористом в одном языке, в другом служит имперфектом, из чего ясно, что распределение этих корневых основ между двумя глагольными временами в и.-е. период не вполне завершилось: скр. *áhata* 3 л. ед. ч. средн. зал. имперф., ср. греч. *ἄπεφατο*: *ἀπέθανεν* (аор.); *kṣéti* „живет“, греч. *κτίμενος* (аористная основа); и наоборот, ср. скр. *ávṛta* (аор.) с лат. *vult*, наст. вр.

Относящиеся сюда греческие аористы от корней на долгий гласный имеют во множественном числе действительного залога слабую форму корня (*ἔδομεν*, *ἔθεμεν*), что находится в противоречии с санскритом (*ádāma*, *ádhatāma*), однако несомненно, что эти формы древнее, поскольку по своей апофонии они идут в общем русле глагола. Слабые формы, появляющиеся в среднем залоге (*ἔδοτο*, *ἔθετο*), соответствуют санскритской практике, но у корней

на -ā санскрит, как обычно, упрощает спряжение, вводя в формы среднего залога соединительный гласный -i-: a-dh-i-thās, adhita; adithās, adita; ásthithās, asthita, asthiran. В некоторых случаях соединительным гласным служит -ī- (ср. -ī- в наст. вр., brav-ī-ti и в др. случаях): a-dh-ī-mahi, adīmahi (dā- „резать“), á-ś-ī-ta (śā- „острить“). По-видимому, следует предположить наличие соединительного -i- после таких корней (в данном случае после сильных форм) в опативах (действ. залога) от корневого аориста, dheyām, deyām, stheyāma и т. д. (staH-i-yā-и т. д.), в противном случае корни имели бы ā (как yāyām и т. п. в наст. вр.).

Фонетические тенденции, вызвавшие редукцию конечных групп согласных в самый ранний период индоарийского, особенно сказались на 2-м и 3-м л. ед. ч. действ. залога корневого аориста, приведя к возникновению грамматически неясных и неоднозначных форм: akaḡ или, в соответствующих формах сандхи, akaḡ; ānaḡ из -naś + s и -naś + t; aghas 2 и 3 л. ед. ч.; skan из skand-t и т. д. Кроме того, когда корень оканчивается, а окончание начинается смычным (abhakta и т. п.), то по одной форме нельзя определить, вследствие элизии -s в этом положении, корневой это или сигматический аорист. В послеведический период корневой аорист переживает быстрый упадок, и можно почти не сомневаться, что именно фонетическое искажение, давшее такие неоднозначные формы, послужило тому главной причиной. В классический период от корневого аориста осталось лишь спряжение в действительном залоге некоторых корней на -ā (ādāt и т. д.) и корня bhū- (ábhūt).

Помимо этого, имеются некоторые формы корневого аориста во 2-м и 3-м л. среднего залога (где, согласно грамматикам, корень оканчивается на краткий гласный), которые в последующей истории языка были включены гетероклитически в сигматический аорист; так, например, формы 2-го л. ед. ч. ávṛthās и 3-го л. ед. ч. ávṛta образуют часть одной парадигмы с 1-м л. ед. ч. ávṛṣi и 3-м л. мн. ч. ávṛṣata и т. д. Сходным образом приведенные выше формы среднего залога от корней dā-, dhā-, sthā- с соединительным гласным -i- слились с формами аориста на -iṣ, образовав ряд типа ед. ч. 1 л. a-sth-iṣ-i, 2 л. á-sth-i-thās, 3 л. ásthita.

Аорист на -а

Форма и спряжение аориста на -а совпадают с имперфектом с ударным тематическим гласным: ásicam, ásicas, ásicat и т. д., ср. átudam, átudas, átudat и т. д. В сравнительно редких случаях, когда на формах аориста без аугмента стоит ударение, основы совпадают по апфонии, а также и по ударению: ед. ч. 1 л. ruhám, 2 л. vidás, 3 л. dhṛṣát, vidát; мн. ч. 3 л. dhvasán, vidán, ṭṛpán; регулярно в причастии ṭṛpánt-, dhṛṣánt-, śucánt- и т. д., средн. зал. śucámāna и т. д.

Соответствия в других языках позволяют датировать ряд таких образований индоевропейским периодом: ávidat, греч. ἴδον, инф. ἴδειν, арм. egit; dṛṣan, греч. ἑδρακον; áricat, ср. греч. ἔλιπον, арм. elik'; budhanta, ср. греч. ἐπόθουτο. В то же время иногда различные языки расходятся в отнесении формы к имперфекту или к аористу: скр. ádaśat (имперф.): греч. ἑδρακον (аор.); скр. ábhujat (имперф.): греч. ἔφουε (аор.). Греческий сохраняет суффиксальное ударение в причастиях и инфинитивах (λιπών, λιπεῖν).

Помимо регулярного типа, в санскрите есть ряд форм аориста на -а, соответствующих скорее формам имперфекта первого, чем шестого класса, так как в них корень выступает в ступени гуṇa; например: áśakam, ásanam, áśagam, ákaras, ágamat, atanat, áśadat. Это нормальная форма аориста на -а для корней, состоящих из двух согласных и тематического гласного. Кроме того, там, где возможно ударение, оно в этих формах согласуется с ударением основ первого класса настоящего времени. Примерами этого служат káras, sánat, sárat, dárśam (=греч. основа настоящего времени δέρομαι), gáman, sádatam, а в причастиях sádant-, sánant- (эти последние формы также до некоторой степени являются контаминацией типа, данного выше, так что иногда встречаются формы с таким ударением, как в rúhat).

Ряд приведенных здесь основ является, возможно, тематизированными формами корневых аористов и не древними. Например, аорист на -а ágamat появляется в языке позднее, чем корневой аорист agam. С другой стороны, некоторые из этих форм явно древнего происхождения (например, áśadat), и, поскольку этот тип встречается и в греческом (ἐγένετο, γένεσθαι), его следует относить к и.-е. периоду.

В аорист на -а перешел ряд редуцированных форм, первоначально к нему не принадлежавших, — таких, как ápaptat (pat-, „падать“), ávocat (вместо avac-, vac- „говорить“), а также форма, которая в перфекте заменяет удвоение: peśat (paś- „погибать“).

Редуцированный аорист

Действ. залог, ед. ч. 1 л. ájījanam, 2 л. ájījanas, 3 л. ájījanat и т. д.; мн. ч. 3 л. ájījanan. Средний залог, ед. ч. 1 л. ájījane, 2 л. ájījanathās, 3 л. ajījanata и т. д.; мн. ч. 3 л. ájījananta. Типичным гласным удвоения является *i*, но со следующими модификациями: 1) Если корень начинается двумя согласными, то в удвоении выступает краткий гласный *i*: acikṣipat, apisṛṣat. 2) Если гласным корня является *u*, то гласным удвоения служит *ū* — или *u* при тех же условиях: abūbudhat, acukrudhat. 3) Если корень является тяжелым слогом, то происходит два процесса: а) корень не изменяется, в удвоении — краткий гласный: adidikṣam, abubhūṣam; там, где корневым гласным является *a* с двумя последующими согласными или же долгий ā, гласным удвоения служит *a*: adadakṣam, adadhāvam; б) для сохранения ритма, предпочитаемого в этом аористе, тяжелые

корни могут ослабляться: *avīvaśam* (*vāś-*), *acikradat* (*krand-*). Следуя именно этому принципу, корни выступают или в ступени *guṇa*, или же в слабой форме: *ajījanat*, но *avivṛdhat*. Глаголы, образующие каузативную основу на *-ār-*, в этом аористе заменяют *-ār-* на *-ip-*: *atiṣṭhipat* (*sthāpayati*). 4) Корни, начинающиеся с гласного, или повторяют весь корень (*āmamat*), или, позднее, повторяют последний согласный с *i* (*arpīpat*).

В ведическом языке к редуцированному аористу присоединился ряд атематических форм: *ajigar*, *aśiśnat*, *dīdhar* и т. п. Эти формы представляют один из возможных типов редуцированного аориста, очень рано забытого вследствие преобладания тематического типа.

Редуцированный аорист выделяется среди других форм аориста, так как он присоединяется не к простому глаголу, а к каузативному: *ājījanat*—аорист от *janáyati*, *ávivṛdhat*—от *vardháyati* и так далее. То есть такой аорист образуется от всех корней, имеющих, помимо нормальных аористов, формы каузатива. Это чисто индоарийское явление, хотя истоки его находятся в индоиранском; в других и.-е. языках нет ничего похожего. По форме основа редуцированного аориста родственна редуцированному презенсу (*bibharti*), но еще ближе к его тематическому варианту (*tíṣṭhati*; греч. *γίγνομαι*; лат. *gignit*, *sistit*), но в ней появились особые черты—долгота гласного в удвоении и *guṇa* корня в некоторых формах (*ajījanat*). Переходное значение, наблюдаемое в некоторых родственных основах с таким типом удвоения (лат. *gignit* и т. п.), было обобщено и в конечном счете развилось в полное каузативное значение.

Родственные иранские формы дают интересный материал по истории этого образования, так как оно имеет также и основы настоящего времени, образуемые тем же путем: *zīzanənti* 3 л. мн. ч. и т. д. (также атематическое *zīzənti* 3 л. ед., ср. скр. *ajigar*). Из этого можно заключить, что первоначально это был тип основы, образующий и настоящее, и прошедшее время по образцу различных образований в системе настоящего времени. Как уже отмечалось, аорист возник путем специализации некоторых форм прошедшего времени, и это и есть как раз такой случай. Для начала мы можем предположить две пары, *jījanati: *ājījanat* и *janáyati*: *ājanayat*, имеющие по существу одно и то же значение. В дальнейшем *janáyati* употребляется исключительно в настоящем времени, а *ājījanat*, первоначально простое прошедшее время (=имперфект), как изолированная форма входит в систему аориста.

В классическом языке есть небольшое число корней, для которых этот аорист является частью их первичного спряжения, например, *aśiśriyat* и *adudruvat* от *śri-* „опираться“ и *dru-* „бежать“. Примеры этого есть и в Ведах (*ácikradat* от *krand-* „реветь“), а также несколько атематических форм, образованных точно так же, как формы имперфекта в классе с редупликацией: *áśiśret*,

ádudrot. О некоторых редуцированных основах, вошедших в аорист на -а, уже говорилось. Эти основы продолжают и.-е. традицию, где имелись формы редуцированного аориста с первичной функцией и совершенно отсутствовал аорист со специальным каузативным значением: ср. греч. ἔπεφρον, ἐκέκλετο и т. д.

Аорист на -s

Действ. залог, ед. ч. 1 л. ánaiṣam, 2 л. ánaiṣis, 3 л. ánaiṣīt; дв. ч. 1 л. ánaiṣva, 2 л. ánaiṣtam, 3 л. ánaiṣtām; мн. ч. 1 л. ánaiṣma, 2 л. ánaiṣta, 3 л. ánaiṣur.

Средний залог, ед. ч. 1 л. áneṣi, 2 л. áneṣthās, 3 л. áneṣta; дв. ч. 1 л. áneṣvahi, 2 л. áneṣathām, 3 л. áneṣātām; мн. ч. 1 л. áneṣmahi, 2 л. áneṣhvam, 3 л. áneṣata.

Основа аориста на -s отличается от других основ тем, что во всех формах действительного залога она выступает с vṛddhi, как в двойственном и множественном, так и в единственном числе. В среднем залоге корни с i, u, ṛ между согласными выступают в слабой форме (ácchitsi, árutsi, ásrkṣi); сюда же относятся корни, оканчивающиеся на ṛ (ákrṣi), а в Ведах некоторые корни с конечным носовым—например, ágasmahi от gam- и masīya opt. 1 л. ед. ч. от maṇ- (ср. Ав. mēhmaidi). В других случаях выступает ступень guṇa. В субъюнктиве guṇa появляется как в действительном, так и в среднем залоге (stoṣāni и т. д.), что распространилось и на некоторые формы инъюнктива (jeṣma).

Перед окончаниями, начинающимися со смычного, у корней на смычный з этого аориста опускается по обычному фонетическому правилу: agraudh-s-ta становится agrauddha и т. д. Это приводит к некоторому смещению аориста на -s с корневым, но в послеведический период это смещение почти отсутствует в связи с тем, что корневой аорист почти совсем вышел из употребления—за исключением очень небольшого числа корней. Фонетические процессы сильно повлияли на 2 и 3 л. ед. ч. действ. залога, в результате чего признак аориста s и окончания часто исчезают: abhār вместо abhār-s-t и abhār-s-s, аналогично aṅaik, aśvait и т. п. В послеведический период эти неудобные и двусмысленные формы исчезают и их место занимают новые образования с соединительным гласным -i-: ánaiṣīt, áchaitṣīt и т. д.

Аорист на -s и другие формы сигматического аориста резко отличаются от других классов аориста отсутствием аналогично образованных основ презенса-имперфекта. Правда, в Ведах имеются изолированные формы настоящего времени, образованные таким путем (stuṣé, hiṣe, krṣe), а также несколько аномальных образований, содержащих s, которые, однако, нельзя свести к основе аориста на -s: 1) arcasa, ṛñjase, 2) grñiṣé, rupiṣé; однако формы эти имеют характер пробных образований, не получивших дальнейшего развития, и сохранились лишь как остатки какой-то более древней системы.

Аорист на *-s* встречается в греческом (*ἔειξα, ἔδειξα* и т. д.) и славянском (*věsū, sluchū* и т. д.). В латыни формы аориста на *-s* слились с формами перфекта, образовав одно время (перф. *dīxī, dīxī* и т. д.). В ирландском от аориста на *-s* сохранились формы инъюнктива и субъюнктива (субъюнктив на *-s*). В германском следов его нет. В латыни и славянском засвидетельствована ступень *vrddhi* корневого гласного *e* (лат. *vēxi*, ст.-сл. *вьсь*: скр. *āvākṣam* от *vah-*); для корней на дифтонги ясных данных нет. В хеттском аорист на *-s* представлен не более, чем другие виды аориста, но есть некоторые формы прошедшего времени 2-го и 3-го л. ед. ч. с окончанием *-š*: 2 л. ед. ч. *da-a-aš* „ты взял“, *taṅpa-a-š* „ты вставил“, *da-iš* „ты поместил“, *pa-iš* „ты дал“, 3 л. ед. ч. *da-a-aš* „он взял“, *da-a-iš* „он поместил“, *ag-ga-aš* „он умер“ и т. д. Эти формы состоят из глагольной основы с суффиксом *-s* и не имеют личного окончания в собственном смысле, но наряду с этими формами есть и другие, к которым были добавлены личные окончания вторично: 2 л. ед. ч. *da-iš-ta* наряду с *da-iš*, 3 л. ед. ч. *pa-iš-ta* „вел“ наряду с *pa-i-iš*. Эти формы сопоставляют с аористом на *-s* других и.-е. языков, но мало вероятно, чтобы это были просто остатки вполне развитой и.-е. системы аориста на *-s*. Во-первых, мы уже имели основание полагать, что аорист вообще возник путем специализации из недифференцированного прошедшего времени, и в этом отношении хеттский язык должен представлять более древнее состояние языка. Далее, в этом пункте есть некоторое соответствие между хеттским и тохарскими, поскольку в последних также есть определенный тип прошедшего времени с основой на *-s* в 3-м л. ед. ч.: тох. А *prākās*, тох. Б *preksa* „он спросил“ и совпадение это, по-видимому, не случайно. Принимая все это во внимание, мы объяснили бы и.-е. аорист на *-s* скорее как послехеттское образование, базирующееся на распространении во всей парадигме суффикса *-s*, который первоначально ограничивался только некоторыми лицами (особенно 3 л. ед. ч.) прошедшего времени в одном классе глаголов.

Аорист на -iṣ

Действ. залог, ед. ч. 1 л. *ápāviṣam*, 2 л. *ápāvis*, 3 л. *ápāvīt*; дв. ч. 1 л. *ápāviṣva* и т. д.; мн. ч. 3 л. *ápāviṣur*; средний залог, ед. ч. 1 л. *ápaviṣi* и т. д.; мн. ч. 3 л. *ápaviṣata*.

В действительном залоге этот аорист имеет *vrddhi* корня, если тот оканчивается на гласный (*ápāviṣam, átāriṣam, áśāyiṣam*) и *ḡiṣa* в том случае, если в корне имеется *-i-*, *-u-*, *-r-* между согласными (*árocīṣam* и т. д.). От корней с *-a-* между согласными встречаются оба типа: *ákāniṣam, ávadhīt*. В среднем залоге корень обычно в ступени *ḡiṣa*, но иногда встречаются формы и со слабым корнем: *nudiṣṭhās*, опт. *ruciṣīya* наряду с *rociṣīya, gmiṣīya, idhiṣimahi*.

Совершенно так же, как аорист на *-s* базируется на некоторых основах на *s*, функционировавших как личные глагольные формы, аорист на *-iṣ* образовался от основ со сложным суффиксом *-i-s*, ср. *agocīṣṭa* и *rocīṣ-* „свет“*. Судя по малому числу таких форм в иранском (*xšpəvišā* „я удовлетворю“, *čəvišī* „я надеюсь“), этот аорист вначале встречался не очень часто, но в индоарийском он стал более употребителен, следуя общей тенденции всех языков в отношении глагольных форм *seṭ*. Несколько различных, но очень близких типов образования глагольных форм стало ассоциироваться с аористом на *-iṣ*. 1) Суффикс *-iṣ* (в отличие от *-iṣ-* с кратким *-i-*) употребляется с корнем *grabh-* „захватывать“: *agrabhiṣma*. 2) Встречаются асигматические образования на *-ī-* (ср. *abraviṭ* и т. д. из системы настоящего времени): *agrabhīm*, *avadhīm*, *agrhītām*, *agrhīthās*. Нормальные формы 2-го и 3-го л. ед. ч. аориста на *-iṣ* заимствованы из этого образования, поскольку *-is-s* и *-is-t* фонетически не могут дать *-is* и *-it**. 3) Некоторые основы прошедшего времени на краткий *-i-* (ср. формы настоящего времени типа *vamiti*) вошли в этот аорист: *atārima*, *avādiran*, *bādhithās*, *avitā* и т. д.

Интересна изолированная и аномальная форма *vanuṣanta* в Ригведе, образованная от основы *-uṣ-* так же, как аорист на *-iṣ*—от основы на *-iṣ*; однако в отличие от этого аориста она не развилась в систему.

Формы аориста *stheṣam*, *stheṣur*, *deṣma*, *jñeṣam*, *khyeṣam* и т. п. от корней на *-ā* лучше всего объясняются как правильные формы аориста на *-iṣ* (*staH-is* и т. д.). Имеются соответствующие формы среднего залога со слабым корнем, как в примерах, приведенных выше: *asth-iṣ-i*, *asthiṣata* и т. д. С ними ассоциируются некоторые асигматические формы, упоминавшиеся в связи с корневым аористом: *asth-i-ta* и т. д.

Аорист на -siṣ

Этот аорист, имеющий точно такие же окончания, как и предшествующий (*áyāsiṣam*, *áyāsiṣ*, *áyāsiṭ* и т. д.), возник из смешения двух предшествующих типов. Это индоарийская инновация, неизвестная иранскому, и в Ригведе этот тип аориста имеют только два корня: *gā-* „петь“, *yā-* „идти“. Позднее мы встречаем больше примеров, но все же этот тип аориста никогда не был особенно употребителен. В классическом языке его можно образовывать только от корней на *-ā* и от корней *paṭ-* „сгибать“, *yaṭ-* „держать“, *gaṭ-* „быть довольным“ и только в действительном залоге.

Аорист на -sa

Аорист на *-sa* имеет нормальную тематическую флексию и слабую степень корня. В формах без аугмента ударение (когда оно зафиксировано), стоит на суффиксе (*dhukṣān*), что соответствует апофонии. Аорист этот образуется только от корней с ин-

терконсонантными -i-, -u-, -ṛ-, причем конечный согласный, сочетаясь с s- суффикса, дает -kṣ-: например, ádikṣat, ámrkṣat, amṛkṣanta, avṛkṣam, adukṣat, позднее adhukṣat от diś- „указывать“, mṛś- „касаться“, mṛj- „вытирать“, vṛh- „разрывать“, duh- „доить“. Он редок в Ригведе (примеры от семи корней), на основании чего можно предположить, что это инновация, хотя иранские примеры (др.-перс. piyaurišam „я записал“) говорят, что она относится по крайней мере к индоиранскому периоду. В других и.-е. языках нет ничего, что можно было бы сравнить непосредственно.

Пассивный аорист на -i

Существует пассивный аорист на -i, употребляемый только в 3-м л. ед. ч., стоящий особняком от всех предыдущих аористических основ: ájñāyi „был известен“, ádarśi „был виден“ и т. д. Формы без аугмента (употребляемые как в изъявительном наклонении, так и в инфинитиве) всегда имеют ударение на корневом слоге: śrāvi, rādi и т. д. Корни с интерконсонантными -i-, -u-, -ṛ- имеют ступень guṇa (aceti, ábodhi, asarji); в других случаях это обычно vṛddhi (ágāmi, ákāri, ástāvi, ásrāyi), реже — guṇa (ajani, avadhi). Эту форму образуют около сорока корней в Ригведе, позже к ним присоединяются другие. Из всех и.-е. языков этот аорист имеется еще в иранском (Ав. srāvi, др.-перс. adāriy = скр. śrāvi, ádhāri), но больше нигде.

Если отбросить аугмент, который был вторичным и необязательным дополнением к формам прошедшего времени в индоевропейском, то становится ясно, что эти формы — не что иное, как древние основы среднего рода на -i, безо всяких окончаний, вошедшие в глагольное спряжение*.

§ 11. Перфект

Действ. залог, ед. ч. 1 л. sakāra, sakāra, 2 л. sakārtha, 3 л. sakāra; дв. ч. 1 л. sakṛvā, 2 л. sakrāthur, 3 л. sakrātur; мн. ч. 1 л. sakṛmā, 2 л. sakrá, 3 л. sakrúr.

Средний залог, ед. ч. 1 л. sakré, 2 л. sakṛsé, 3 л. sakré; дв. ч. 1 л. sakṛváhe, 2 л. sakrāthe, 3 л. sakrāte; мн. ч. 1 л. sakṛmāhe, 2 л. sakṛdhvé, 3 л. sakriré.

Перфект образуется из корневой основы и характеризуется 1) удвоением и 2) особым рядом окончаний. Об общих принципах удвоения уже подробно говорилось (§ 5). Из перечисленных там типов удвоения в перфекте употребляется удвоение с гласным *a* (и.-е. *e*) в редуцированном слоге с той оговоркой, что в санскрите (в отличие от греческого и др.) -а- в удвоении заменяется гласным -i- и -u- перед корнями, содержащими эти гласные (tatāna : pipéša, bubhója). Удвоение в перфекте имеет еще ряд особенностей: 1) В Ведах один класс корней образует удвоение на долгий гласный: dādhāra, jāgāra, māmṛjé, pīrāya; tūtāva. Это по большей части интенсивное удвоение, но в неко-

торых случаях *a* нормального удвоения слилось с элементом, утраченным в других местах перед началом корня, например в перфектах от *gr-* „бодрствовать“ и *mṛj-* „стирать“; ср. греч. ἐγείρω, ὑμברῦμι. 2) Два корня на *-ī* образуют удвоение с *a* вместо обычного *u*, и в обоих случаях это связано с неправильной слабой формой корня в ед. числе действ. залога: *babhūva*, *sasūva* от *bhū-* „быть“ и *sū-* „рождать“. 3) Корни, начинающиеся с *a-*, в перфекте нормально дают *ā-* (*a + a*), например: *āda*, *āsa* от *ad-* „есть“ и *as-* „быть“. Иной тип удвоения выступает в перфекте от *apj-* „намазывать“ и *aś-* „достигать“ (вариантные формы корней *apś-*, *paś-*), где в удвоении повторяется *p*, составляющее часть корня: *āpāpja*, *āpājē*; *āpapaśa*, *āpāśē* (ср. ирл. *t-ān-aic* „он пришел“). По аналогии это распространяется и на другие корни, включая ряд корней, начинающихся на *-ṛ*: *āpāṛsa*, *āpṛsē* от *ṛs-* или *arṣ-* „хвалить“. 4) Корни, начинающиеся с *i-* или *u-*, образуют удвоение с этими гласными, которые в сильных формах действительного залога приставляются к корню в ступени *giṇa* со вставными *-u-* и *-v-*, а в слабой ступени сливаются с корневым гласным, образуя *ī* и *ū*: *iuyēsa*, *iṣē*, *uvōsa*, *ūcē* от *iṣ-* „искать“ и *uc-* „привыкать“. 5) Сходный тип удвоения встречается у одного корня, начинающегося с *ua-*, и ряда корней, начинающихся с *va-*, они образуют удвоение на *-i-* и *-u-*. Эти звуки сливаются с *i* и *u* в слабых формах корня, образуя *ī* и *ū*: *iuyāja*, *ijē* от *uaj-* „жертвовать“ (слабая форма *ij-* в страд. залоге *ijyāte* и т. д.), *uvāsa*, *ūcē* от *vas-* „говорить“ (слабая форма *uc-* в *ucyāte*, *uktā* и т. д.); сходные формы от *var-* „сеять“, *vad-* „говорить“, *vas-* „жить“ и *vah-* „нести“. 6) Корни на *-a-* перед одним согласным, а также корни, начинающиеся с гласного, не меняющегося при удвоении, имеют нормальное удвоение лишь в сильных формах: *tatāna*, *rapāta* от *tap-* „тянуть“ и *rat-* „падать“; слабые формы перфекта образуются заменой корневого гласного *a* на *e*: *tenē*, *tenūr*, *resē*, *resūr*. Это санскритская инновация, которая в ведический период никоим образом не могла быть вполне завершена; более древними являются ведические формы *raptima*, *tatne*, *manāte* и т. п. Этот тип удвоения возник в тех корнях, которые получили такую форму в ходе нормального фонетического развития, а именно: *sad-* „сидеть“, где форма *sedūr* везде заменяет более раннюю *sazdur (ср. Ав. *hazduāṭ* перф. опт.), и в корнях, начинающихся с *u-* (*uemur* вместо *uamur). 7) Корень *vid-* „знать“ не имеет удвоения, что соответствует данным родственных языков: скр. *vēda*, греч. *οἶδα*, гот. *wait* и т. д. В Ведах есть еще несколько спорадических перфектных форм без удвоения: *takṣathur*, *takṣur*, *skambhathur*, *skambhur*, а также три перфектных причастия, образованных без удвоения: *dāśvās-* „благочестивый“, *mīḍhvās-* „щедрый“ и *sāhvās-* „превозмогающий“.

В отношении апофонии перфект следует обычному типу глагольного словоизменения, то есть сильная форма корня выступает в трех лицах единственного числа действительного залога, слабая

форма—в остальных случаях. Нормально сильной ступенью является *giṇa* (*vavarta*, *ciketa*, *bubodha*), но когда в сильной основе интерконсонантное *a* стоит перед одним согласным (1 л. ед. ч. действ. залога, *tatāra*, *bibhāya*, *śakāga* и т. д.), в 3-м л. ед. ч. ставится *vṛddhi*; в позднейшем языке *vṛddhi* появляется иногда и в 1-м лице: *tatāra*, *bibhāya*, *śakāga*. За пределами индо-иранского эта черта не встречается; в большинстве языков имеется только *giṇa* и совпадающая во всех языках ступень *o* корня: греч. *γῆγυγε* и т. д. Об исконной ступени *o* в санскрите свидетельствует сохранение некоторыми корнями после второй палатализации первоначального гуттурального в следующих перфектных формах: *śikāya*, *śikéta*, *jigāya*, *jaghāna* от *śi-* „собирать“, *śit-* „наблюдать“, *ji-* „побеждать“ и *han-* „убивать“.

В результате утраты гласного в ступени *giṇa* нормальными являются слабые формы корня: *śakré*, *jaghné*, *jagmúr*, *bubudhe* и т. п. Корни на *-ā* полностью теряют этот гласный в слабых формах, как обычно (*da-dh-ur*), но перед согласными окончаниями неизменно, в отличие от настоящего времени, вставляют соединительный гласный *-i-* (*dadh-i-ré*). Сампрасарана выступает в таких корнях, как *vyadh-* „пронзать“ и *svap-* „спать“ (*vividhúr*, *suṣupur*; гласный их удвоения соответствует этой форме). В некоторых корнях с носовым в сильной форме слабая форма отмечена утратой этого носового: *śakradé* от *krand-* „реветь“. О слабых основах типа *ten-* см. выше.

Относительно личных окончаний см. § 6. Здесь нет больших сложностей. Вместо нормальных окончаний корни на *-ā* оканчиваются на *-au* в 1-м и 3-м л. ед. ч. действ. залога: *dadaú*, *dadhaú*, *tasthaú*, *jajñau* от *dā-* „давать“, *dhā-* „помещать“, *sthā-* „стоять“, *jñā-* „знать“ (вместо и.-е. **dedōH-и* и т. д. с *vṛddhi* перед ларингальным). Конечный элемент *-и*, выступающий здесь на месте личного окончания, встречается также в латыни в составе некоторых перфектных форм: *pōvīt* „знал“, ср. скр. *jajñau*; *plēvīt* „наполнил“, ср. *pargāu*.

Отличительной чертой спряжения в перфекте является та частота, с какой перед окончанием, начинающимся с согласного, появляется соединительный гласный *-i-*: 2 л. ед. ч. *bubódhitha*, 1 л. дв. ч. *bubudhivá*, 1 л. мн. ч. *bubudhimá*... 3 л. мн. ч. средн. зал. *bubudhiré* и т. д. В более позднем языке *-ré* в 3-м л. мн. ч. средн. залога всегда выступает с этим *-i-*. Перед другими согласными окончаниями, за исключением 2-го л. ед. ч. действ. залога, это *-i-* принимает подавляющее большинство глаголов. Во 2-м л. ед. ч. действ. залога допускается больше форм *aniṭ*; ряд корней принимает то одну, то другую форму: *pinétha*, *pináyitha*. То же относится к корням на *-ā*, но, принимая *-i-*, они выступают в слабой форме и ударение переносится на окончание: *dadátha*, *dadithá*. В Ведах соединительный гласный используется не так широко, как в классическом языке. Как общее правило, он появляется после корней, оканчивающихся на согласный, — причем

в том случае, если последний слог основы тяжелый: *vivéditha*, *ūcimá*, *partimá* и т. д. в отличие от *tatántha*, *ууујmá* и т. д. Его принимают также корни на *-ā* (*dadimá*, *dadhimá*), но тип *dadithá* 2 л. ед. ч. не известен в более древнем языке. В иранском вспомогательный гласный используется чрезвычайно редко, из чего ясно, что употребление его в перфекте (как и в других областях глагольной системы) есть индоарийская инновация.

Перфект широко представлен в индоевропейских языках, он исчез лишь в армянском и балто-славянском. Формы перфекта, общие для санскрита и других языков, мы можем проиллюстрировать на следующих примерах: *jajāna* (jan- „рождать“): греч. *ἵεργε*; *dadārša* (dṛś- „видеть“): греч. *δέδορξε*; *cicchēda*, *cicchidē* (chid- „раскалывать“): лат. *scicidī*, гот. *skaiskaiþ*; *didēsa*, *didisé* (diś- „отмечать“): греч. *δέδειγα*, *δέδειγμαί*, гот. *ga-taih*; *rirēca*, *riricē* (ric- „оставлять“): греч. *λέλοιπα*, лат. *liquī*, гот. *laih*; *nineja*, *ninije* (nij- „мыть“): ирл. *-nenaig*; *tutóda*, *tutudúr* (tud- „толкать“): лат. *tutudī*, гот. *staistaut*; *vavárta* (vrt- „поворачивать“): лат. *vortī vertī*, гот. *warþ*; *dadhārša* (dhṛś- „быть смелым“): гот. *ga-dars*; *jaghāna* (han- „убивать“): ирл. 1 л. ед. ч. *-gegon*, 3 л. ед. ч. *-gegoin*.

В некоторых языках, в частности в латыни и в германском, удвоение не является существенной частью перфектных форм. Оно используется при одних корнях и отсутствует при других. Это ближе к исходному положению в индоевропейском. Прежде всего, удвоение было не более существенной частью перфектных образований, чем аугмент при аористе и имперфекте. И его обобщение в греческом и индоиранском есть одна из многих изоглосс, объединяющих эти две ветви языков внутри индоевропейской семьи. Но даже они сохраняют в форме *vēda* „знает“ более древний тип перфекта без удвоения.

Здесь, как и в других случаях, хеттский больше отклоняется от нормального и.-е. типа. В хеттском нет перфекта, а есть особый тип спряжения настоящего времени, так называемое спряжение на *-hi*, которое можно сравнивать с нормальным и.-е. перфектом, и которое имеет с ним некоторые общие черты. Но вместе с тем трудно перекинуть мост между особым глагольным временем с самостоятельным значением (состояние, результат), образуемым от большинства корней в дополнение к настоящему времени и вариантной формой настоящего времени, образуемой некоторыми корнями. Возможно, что в этом вопросе в хеттском языке имеет место инновация, но нет возможности просто вывести хеттское спряжение на *-hi* из системы, соответствующей и.-е. перфекту, так как и помимо хеттского имеются некоторые презентные образования, параллельные ему, а именно: 1) скр. формы типа *áduha*, приведенные выше, и 2) греч. спряжение тематических глаголов (*λέγω*, *λέγεις*, *λέγει*).

В санскрите и греческом перфект спрягается и в действительном и в среднем залоге, но есть основания считать это вторичным

явлением. В санскрите окончания перфекта в среднем залоге в общем явно имитируют настоящее время, что совершенно противоположно окончаниям действительного залога, так резко отличающимся от окончаний настоящего времени. Кроме того, уже отмечалось, что в действительном залоге перфект нередко соответствует настоящему времени среднего залога и что окончания действительного залога здесь ближе к некоторым окончаниям среднего, чем к другим окончаниям действительного залога. Все это заставляет нас полагать, что два залога в перфекте—более позднего происхождения, чем в других частях глагольной системы.

Языковые данные приводят также к выводу, что перфект сначала не имел соответствующего прошедшего времени. Существующие формы подобного рода в нескольких языках следует считать независимыми инновациями. Это относится как к санскриту, так и к греческому, и к первому—в большей степени, ибо в то время как в греческом исторически развился плюсквамперфект со своим особым значением, формы, относимые к этому времени в санскрите, в основном являются изолированными и неустойчивыми образованиями и встречаются лишь в ведическом языке. Таковы ед. ч. 1 л. *aṅgrabham*, 3 л. *ājan*; дв. ч. 2 л. *amuktam*; мн. ч. 3 л. *ābhayur*; средний залог, мн. ч. 3 л. *aṅgīran*. Невозможно провести отчетливое разграничение между этими формами и имперфектом редуцированного класса. Их значение обычно—это значение простого прошедшего времени*.

§ 12. Инъюнктив и субъюнктив

Так называемый инъюнктив не является самостоятельной морфологической категорией; термин этот применяется к тем безаугментным формам имперфекта или аориста, которые употребляются в значении сослагательного или повелительного наклонения (§ 2). В Ригведе безаугментные формы по употребительности составляют немногим более половины аугментных форм; они могут употребляться как в значении прошедшего времени, так и в значении инъюнктива. Такие формы образуются от основ и имперфекта, и аориста, но от последнего чаще. В поздней Атхарваведе удельный вес таких форм значительно меньше, и большинство из них образовано от основы аориста. В послеведическом санскрите инъюнктив исчезает, за исключением одной конструкции: запрещение по-прежнему передается при помощи *mā* с безаугментными формами аориста: *mā bhāṣiṣ* „не бойся“, *mā gāḥ* „не ходи“ и т. д.

Основа субъюнктива образуется прибавлением гласного *a* к временной основе изъявительного наклонения, а если имеется форма такой основы со ступенью *guṇa*, то употребляется именно

она: *dóha-*, *juháva-*, *yunája-* и т. д. от временных основ *dóh-*, *juhó-*, *yunáj-*. Это *a* соединяется с *a* тематических основ в долгое *ā*: *bhāvā-*, *tudā-*, *usyā-*. Спряжение субъюнктива от атематических глагольных основ иллюстрируют следующие парадигмы.

Действ. залог, ед. ч. 1 л. *áyāni*, *áyā*, 2 л. *áyasi*, *áyas*, 3 л. *áyati*, *áyat*; дв. ч. 1 л. *ayāva*, 2 л. *áyathas*, 3 л. *áyatas*; мн. ч. 1 л. *áyāma*, 2 л. *áyatha*, 3 л. *áyap*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *āsai*, 2 л. *āsase*, *āsāsai*, 3 л. *āsate*, *āsatai*; дв. ч. 1 л. *āsāvahai*, *āsāvahe*, 2 л. *āsaithe*, 3 л. *āsatai*; мн. ч. 1 л. *āsāmahai*, *āsāmahe*, 2 л. *āsadhve*, *āsādhvai*, 3 л. *āsante*, *āsanta*, *āsantai*.

Можно заметить, что окончания субъюнктива — частично вторичные, частично первичные. В 1-м л. дв. ч., 1-м л. мн. ч. и 3-м л. мн. ч. действ. залога употребляются вторичные окончания; во 2-м и 3-м л. дв. ч. и во 2-м л. мн. ч. — первичные; во 2-м и 3-м л. ед. ч. употребляются то первичные, то вторичные окончания. В среднем залоге формы с вторичными окончаниями редки и появляются обычно лишь в 3-м л. мн. ч.

В 1-м л. ед. ч. действ. залога имеется особое окончание *-āni*, наряду с которым в более древнем языке существует простое *-ā*, которое можно сравнить с *-ō* в греческом субъюнктиве, а также в действ. залоге 1 л. ед. ч. от тематических глаголов (ἄγω). Окончание 1 л. ед. ч. средн. зал. *-ai* возникает из слияния *-a* основы субъюнктива с *-e* окончания. Это *-ai* затем распространилось и на другие части спряжения в среднем залоге и они в конце концов стали нормальными формами. Этому типу окончания предшествует гласный *ā* даже в субъюнктиве атематических глаголов.

Спряжение субъюнктива от тематических основ такое же, как указано выше, но оно базируется на основе на *ā*, возникающей из сочетания *a* временной основы и *a* — субъюнктива.

Действ. залог, ед. ч. 1 л. *bhāvāni*, 2 л. *bhāvāsi*, *bhāvās*, 3 л. *bhāvāti*, *bhāvāt*; дв. ч. 1 л. *bhāvāva*, 2 л., *bhāvāthas*, 3 л. *bhāvātas*; мн. ч. 1 л. *bhāvāma*, 2 л. *bhāvātha*, 3 л. *bhāvāp*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *bhāvai*, 2 л. *bhāvāse*, *bhāvāsai*, 3 л. *bhāvāte*, *bhāvātai*; дв. ч. 1 л. *bhāvāvahai*, 2 л. *bhāvāithe*, 3 л. *bhāvāite*; мн. ч. 1 л. *bhāvāmahai*, 2 л. *bhāvādhvai*, 3 л. *bhāvāntai*.

В ведическом языке субъюнктив может образовываться от всех трех временных основ: презенса, аориста и перфекта. Это разнообразие в образовании не сопровождается параллельными изменениями значения, например, все три формы: *śṛṇāvat*, *śṛavat* и *śuśṛavat* — означают „он услышит“ или „пусть он услышит“, и между ними нет разницы, обусловленной временными основами. Субъюнктивы аориста наиболее употребительны от корневого аориста (*karat*, *gamat*, *varat*; *karati*, *jōṣati*, *bhēdati* и т. д.) и от аориста на *-s* (*jēṣat*, *neṣat*, *matsat*; *neṣati*, *parṣati* и т. д.), субъюнктив от аориста на *-sa* не встречается. Примерами

субьюнктивов от перфектной основы являются *jaghánat*, *jújoṣat*, *raspársat*; *jújoṣati*, *dídeṣati*, *búbodhati* и т. д.

Субьюнктив продолжал употребляться в течение позднего ведического периода (Брахманы и Упанишады), но в классическом языке он (кроме форм первого лица, вошедших в императив) исчез.

Субьюнктив, соответствующий по форме и значению субьюнктиву санскрита, имеется в греческом. Здесь употребляются исключительно первичные окончания и стали преобладать формы с долгим гласным от тематических основ. Качество этого гласного (там, где в санскрите *ā*) варьирует в соответствии с изменением гласного в изъявительном наклонении (*ἀγῶμεν*, *ἀγῆτε*). Некоторые формы субьюнктива с кратким гласным сохранились как формы будущего (*ἔδομαι*, *πίομαι*), и самое простое объяснение будущего на *-s*—это возведение его к субьюнктиву от сигматического аориста. Латинская форма будущего времени *erit* соответствует скр. субьюнктиву *ásat(i)*, а в италийском и кельтском есть формы, происходящие от субьюнктива сигматического аориста (лат. *faxō*, оск. *deivast*, ирл. 1 л. ед. ч. *-tias*, 3 л. мн. ч. *-tiassat* от *tiagu* „идти“). В этих двух группах языков есть также субьюнктив на *ā*, которого нет в греческом и санскрите.

Субьюнктив отсутствует в значительной части и.-е. языков и содержит признаки сравнительно позднего образования. Его с полной вероятностью можно считать произошедшим из иньюнктива, некоторые формы которого развились в самостоятельную систему. Колебание между первичными и вторичными окончаниями в санскрите представляет переход от более древней системы, в которой окончания были вторичные (как в иньюнктиве), к новой, где употребляются первичные окончания, как более соответствующие его значению, главным образом—будущего времени. Этот переход завершился в греческом. Из субьюнктива с кратким и долгим гласным первый—древнее и ближе к исходному. Добавление тематического суффикса к основе, уже имеющей суффикс, не имеет себе параллелей нигде в индоевропейском образовании основ, так что его присутствие здесь объясняется аналогией, по которой образовались *bhavā-* и т. д., имеющие то же отношение к *bhava-*, как *asa-* к *as-*.

Субьюнктивы с кратким гласным и вторичными окончаниями (*kárat*, *gámat*) имеют форму, которую, собственно, нельзя отличить от форм иньюнктивов (прошедшее время без аугмента) от тематических основ. То, что это формы субьюнктива, не зависит от природы самой основы, раз такие основы широко употребляются в образовании презенса/имперфекта, а выясняется из их отношения к другим формам системы. Отсутствие какого бы то ни было отличительного форманта в самом первоначальном типе субьюнктива есть явный признак его вторичного происхождения.

§ 13. Императив

Действ. залог, ед. ч. 1 л. bhāvāni, áyāni, 2 л. bháva, ihí, 3 л. bhávatu, étu; дв. ч. 1 л. bhāvāva, áyāva, 2 л. bhávataṃ, itám, 3 л. bhávataṃ, itám; мн. ч. 1 л. bhāvāma, áyāma, 2 л. bhāvata, itá, 3 л. bhāvantu, yantu.

Средний залог, ед. ч. 1 л. bhāvai, āsai, 2 л. bhāvasva, āssva, 3 л. bhāvataṃ, āstam; дв. ч. 1 л. bhāvāvahai, āsāvahai, 2 л. bhāvethāṃ, āsāthāṃ, 3 л. bhāvetāṃ, āsātāṃ; мн. ч. 1 л. bhāvāmahai, āsāmahai, 2 л. bhāvadhvam, āddhvam, 3 л. bhāvantaṃ, āsataṃ.

Это сложная парадигма. Первые лица в трех числах являются, собственно, формами субъюнктива. Формы инъюнктива используются во 2-м и 3-м л. дв. ч. и 2-м л. мн. ч. Специфические формы императива находим во 2-м и 3-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. Во 2-м л. ед. ч. основа тематических глаголов функционирует как императив без всяких дополнений и в санскрите, и в других родственных языках: bhāga „неси“, Ав. бага, греч. φερε, арм. бер, гот. baír, ирл. beir: pscchá „спроси“, лат. posce; ája „гони“, греч. ἄγε, лат. age и т. д. При атематических глаголах употребляется окончание -hi из -dhi: ihí „иди“, Ав. idí, греч. ἴθι. Это исходное -dhi появляется в санскрите после основ на согласный (viddhí „знай“, греч. ἴθι, dugdhí „подои“ и т. д.), а иногда и в других случаях, как edhí из *azdhí (ср. Ав. zdi) от as- „быть“, juhudhí от hu- „жертвовать“. В Ведах имеются еще примеры: śṛudhí „услышь“, gadhí „иди“, vṛdhí „покрой“.

Формы 2-го л. ед. и мн. ч. образуются добавлением к вторичным окончаниям частицы -u: bhāvati-u и т. п. Соответствующие этим формы встречаются в хеттском: 3 л. ед. ч. eštu : скр. ástu, kuendu : скр. hántu; 3 л. мн. ч. ašandu : скр. sántu; kunandu : скр. ghnantu и т. д. В глаголах на -hi, не имеющих окончания -t в 3-м л. ед. ч. настоящего времени, элемент -u выступает только в 3-м л. ед. ч. императива: aku, agu от ak- „умирать“, ag- „прибывать“; 3 л. ед. ч. наст. вр. aki, ari.

В среднем залоге окончание 2-го л. ед. ч. -sva. Соответствие встречаем только в иранском: bāraṇuḥa : скр. bhārasva; kəṛəšvā : скр. kṛṣvā и т. д. Считается, что это -sva есть основа возвратного местоимения. Формы 3-го л. ед. ч. и мн. ч. образуются добавлением к вторичным окончаниям частицы -ām, и здесь также соответствующие формы встречаются только в иранском: vərəzya-ṭam, xraosəntam. Небольшое количество глаголов, не имеющих t в окончаниях 3-го л. ед. ч. действ. залога (например, duhé, áduha), сохраняют эту особенность и в 3-м л. ед. ч. императива: duhām, śayām. В 3-м л. мн. ч. они имеют -gām с г, как в изъявительном наклонении: duhrām; ср. 3 л. мн. ч. средн. залога duhré. Компромиссными формами являются duhratām и śeratām.

Кроме указанных выше нормальных окончаний, существует еще, особенно в более древнем языке, окончание -tāt. Это окончание, не различая действительного и среднего залога, чаще всего

выступает во 2-м л. ед. ч.: brūtāt „скажи“, dhattāt „положи“, dhavatāt „беги“, vittāt „знай“ и т. д. Оно может употребляться и в других лицах и числах: 1 л. ед. ч. jāgrtād ahām „разреши мне бодрствовать“, 3 л. ед. ч. rājā mūrdhānam ví pātayatāt „пусть царь велит отрубить ему голову“, 2 л. мн. ч. āraḥ... devēṣu naḥ sukṛto brūtāt „о воды, возвестите о нас богам как о добродетельных людях“. В более позднем языке это окончание -tāt используется главным образом для 3-го л. ед. ч., но общее количество примеров по сравнению с древним языком невелико.

Эта форма императива есть также в греческом (в 3-м л. ед. ч.) и латынч (2 и 3 л. ед. ч.): ἴστω „пусть он знает“, скр. vittāt; ὄτω, ἴτω, ἔστω и т. д.; лат. vehitō: скр. váhatāt, лат. poscitō, habētō, estō; др.-лат. estōd и т. д., ср. оск. líkítud, estud.

В Ведах имеются некоторые формы 2-го л. ед. ч. на -si со значением императива: dhákṣi „гори“, yákṣi „поклоняйся“, párṣi „пересеки“, grāsi „наполни“, śrósi „услышь“ и т. д. Это окончание тождественно окончанию 2-го л. ед. ч. наст. вр. изъявит. накл., но эти формы императива отличаются совершенно отчетливо, так как формы настоящего времени образуются по-иному (dāhasi, śrṇósi и т. д.). За пределами индоарийского мы не встречаем соответствий.

В классическом языке формы императива образуются от основы настоящего времени. В ведическом языке формы императива могут образовываться от всех трех основ: презенса, аориста и перфекта, и, как в других наклонениях, между ними нет различий в значении. Примерами аористических императивов являются: kṛdhí, śrudhí, gahí, gantu, yukṣvá; sada, sána, sadatu; vocatāt, vocatu; перфектных императивов: cikiddhí, mumugdhi, śaśādhi, dideṣtu, vaṛtsva. Следует заметить, что формы императива обычно образуются от аориста на -s. Есть несколько образований, таких, как 2 л. ед. ч. neṣa, 3 л. ед. ч. neṣatu и 3 л. ед. средн. зал. gāsatām, которые все — тематические, и поэтому их, собственно, нельзя относить к аористу на -s.

§ 14. Оптатив и прекатив

Атематические:

Действ. залог, ед. ч. 1 л. duhyām, 2 л. duhyās, 3 л. duhyāt; дв. ч. 1 л. duhyāva, 2 л. duhyātam, 3 л. duhyātām; мн. ч. 1 л. duhyāma, 2 л. duhyāta, 3 л. duhyur.

Средний залог, ед. ч. 1 л. duhiyá, 2 л. duhithās, 3 л. duhitá, дв. ч. 1 л. duhiváhi, 2 л. duhiyātham, 3 л. duhiyātām; мн. ч. 1 л. duhimáhi, 2 л. duhīdhvám, 3 л. duhirán.

Тематические:

Действ. залог, ед. ч. 1 л. bháveyam, 2 л. bháves, 3 л. bhávet; дв. ч. 1 л. bhávema, 2 л. bhávetam, 3 л. bhávetām; мн. ч. 1 л. bhávema, 2 л. bháveta, 3 л. bháveyur.

Средний залог, ед. ч. 1 л. bháveya, 2 л. bhávethās, 3 л. bháveta; дв. ч. 1 л. bhávevahi, 2 л. bháveyāthām, 3 л. bháveyātām; мн. ч. 1 л. bhávemahi, 2 л. bhávedhvam, 3 л. bháveran.

Атематическое спряжение опатива по апофонии отличается от обычной системы. Сильная форма суффикса не ограничивается тремя лицами единственного числа действительного залога, а переносится на все формы действительного залога, за исключением 3-го л. мн. ч. То, что это — новообразование, явствует из латыни, где сохраняется две ступени в спряжении глагола „быть“: др.-лат. *siem, siet* вместо более поздних *sim, sit* наряду с *sīmus*. Сходное распространение сильных форм наблюдалось у корней на -ā: 1 л. мн. ч. наст. вр. *yāmas* „мы идем“, аор. *ádhāma* „мы поместили“. В тематических классах дифтонгальная основа опатива (bháres, bháret и т. д. = греч. *φέρεις, φέροι*, гот. *baírais, baírai*) образуется путем стяжения тематического суффикса и слабой формы суффикса опатива (o + ī).

Окончания опатива — это в большинстве обычные вторичные окончания. 1 л. ед. ч. среднего залога имеет особое окончание, отмеченное раньше (§ 6), а -ran 3-го л. мн. ч. выступает в небольшом числе форм прошедшего времени (áduhṛan). Аномальная ведическая форма 3-го л. ед. ч. *duhīyāt* (по образцу которого образовано 3 л. мн. ч. *duhīyān*), по-видимому, базируется на *duhīyá, образованном без -t- по образцу изъявительного склонения (*duhé, áduha*).

В классическом языке опатив образуется от основы настоящего времени. В ведическом языке он образуется от всех трех основ: презенса, аориста и перфекта, и, как и в субъюнктиве, это различие в образовании не влечет за собой изменения значения. Опативы от корневого аориста довольно обычны: *aśyām, ṛdhyām, gamyās, bhūyāt*, средн. зал. *aśīya* и т. д. Реже они образуются от аориста на -a и аориста с удвоением. От сигматических аористов опатив образуется только в среднем залоге, а во 2-м и 3-м л. ед. ч. неизменно принимает признак прекатива s: *masīya* (man- „думать“), *maṁsīṣthās, maṁsīṣṭa, gmīṣīya, janiṣīṣṭa, yāsiṣīṣthās* и т. д. Употребителен перфектный опатив: *jagamyām, ṛiricyām, vavṛtyās, niniyāt, rapatyāt, vavṛṭīya, cakṣamīthās, jagrasīta* и т. д.

Самый древний тип опатива это тот, который образуется от корневых основ презенса или аориста. Здесь суффикс присоединяется к корню тем же способом, что и в различных основах презенса, и к нему добавляются нормальные вторичные окончания: *gam-yā-m, kṛī-ṇā-m*. Эта основа развилась своим особым путем в связи со специальным значением, ассоциируемым с нею. Основными моментами, способствовавшими образованию опатива в его окончательной форме, были 1) включение опатива в систему презенса (*aśnyūyāt*, заменившее *aśyāt* и т. д.) и 2) образование форм опатива от тематических основ присоединением к ним слабой формы суффикса опатива. В Ведах первый про-

цесс еще не завершен. По этой теории, опатив возник из совершенно самостоятельной основы, и связь его с различными временными основами является вторичной. Перфектные опативы следует рассматривать с той же точки зрения. Удвоение в раннем индоевропейском было особенностью, которая могла появиться во многих частях глагольной системы, и хотя, с другой стороны, удвоение стало специальным признаком перфекта, первоначально оно не было существенной чертой этой системы. Если мы будем иметь это в виду, нам станет ясно, что опатив с удвоением по своему происхождению не связан с системой перфекта. Мы имеем основу опатива (*gamuā-m*), первоначально стоящую особняком от других временных основ, и рядом с нею основу опатива с удвоением (*jagamuā-m*), первоначально также самостоятельную. С включением опатива в различные временные основы эти формы опатива с удвоением были в силу своей структуры отнесены к перфекту, но в своем значении они никогда не приобретали характерных особенностей перфекта. Отмирание в последующем языке всех форм опатива, за исключением тех, которые принадлежали к системе настоящего времени, естественно, было результатом отсутствия каких-либо различий в значении этих разных форм.

Формы прекатива в классическом языке следующие:

Действ. залог, ед. ч. 1 л. *bhūyāsam*, 2 л. *bhūyās*, 3 л. *bhūyāt*; дв. ч. 1 л. *bhūyāsva*, 2 л. *bhūyāstam*, 3 л. *bhūyāstām*; мн. ч. 1 л. *bhūyāśma*, 2 л. *bhūyāsta*, 3 л. *bhūyāsur*.

Средний залог, ед. ч. 1 л. *bhaviṣiyā*, 2 л. *bhaviṣiṣthās*, 3 л. *bhaviṣiṣṭā*; дв. ч. 1 л. *bhaviṣivāhi*, 2 л. *bhaviṣiyāsthām*, 3 л. *bhaviṣiyāstām*; мн. ч. 1 л. *bhaviṣimāhi*, 2 л. *bhaviṣidhvām*, 3 л. *bhaviṣirān*.

Формы действительного залога всегда образуются непосредственно от корня присоединением суффикса опатива, распространенного посредством *-s*. Более древней формой 3-го л. ед. ч. действ. залога было *bhūyās*, сохранившееся в ведическом языке. Формы среднего залога образуются от основы сигматического аориста, и признак прекатива *-s* отсутствует в 1-м л. ед. и мн. ч. и в 3-м л. мн. ч. Прекатив — единственная модальная форма от основы не-настоящего времени, сохранившаяся в классическом языке.

Употребление прекатива не свойственно классическому языку, и наше знание его спряжения основывается на свидетельствах грамматиков. Большинство форм действительного залога, приводимых грамматиками, засвидетельствовано в доклассическом языке, исключение составляет более древняя форма 3-го л. ед. ч. В Ведах нет различия между опативом и прекативом в среднем залоге. Формы опатива от основ сигматического аориста неизменно содержат во 2-м и 3-м л. ед. ч. признак прекатива *s*, и это *s* больше нигде в спряжении не употребляется. Такие формы опатива с прекативным *s* иногда образуются в Ведах от других

основ: корневой аорист *padīṣṭá*, *mucīṣṭa*, аорист на *-a videṣṭa*, аорист с удвоением *gīriṣiṣṭa*, перфект *sāsaḥiṣṭhās*.

В Ригведе в отличие от более поздней ведической литературы почти такое же положение находим в действительном залоге. Формы прекатива от корневого аориста многочисленны во 2-м л. ед. ч. (которое в этом случае нельзя отличить от обычного оптатива) и в 3-м л. ед. ч. В 3-м л. ед. ч. непрекативные формы не засвидетельствованы. Помимо этих двух лиц имеется лишь 1 л. ед. ч. *bhūyāsam* и 1 л. мн. ч. *kriyāsmā* (каждая по одному разу). В других случаях формы на *-uā* появляются только за пределами 2-го и 3-го л. ед. ч. Ясно, что две формы прекатива в 1-м л. являются новообразованием в период поздней Ригvedы и что в исходном спряжении *s* было характерно только для 2-го и 3-го л. ед. ч. и всегда, как и в среднем залоге, с ними употреблялось. Поэтому мы можем сравнить это спряжение со спряжением хеттских глаголов, приведенных выше (§ 10, ед. ч. 1 л. *tarnaḥun*, 2 л. *tarnaṣ*, 3 л. *tarnaṣ*; мн. ч. 1 л. *tarnumen*, 2 л. *tarnatin*, 3 л. *tarnir*), где *s* является обычным окончанием 2-го и 3-го л. ед. ч. и не выступает в других лицах. В своей самой ранней форме санскритский прекатив, который не следует отличать от оптатива корневого аориста или же в среднем залоге — от оптатива сигматического аориста, сохраняет эту древнюю черту одного класса вторичных окончаний. С другой стороны, в остальной части спряжения оптатив принял нормальные вторичные окончания в этих двух лицах. Таким образом, прекатив является одним из самых архаических образований в санскритской грамматике*.

§ 15. Вторичное спряжение

К вторичному спряжению относятся формы основы настоящего времени, отличающиеся от обычного ряда этих основ тем, что 1) они приобрели особое значение и 2) их образуют корни дополнительно к их обычным формам в настоящем времени. Четыре типа вторичного спряжения — это 1) страдательный залог, 2) интенсив, 3) каузатив и 4) desiderativ. Все они, по существу, являются образованиями настоящего времени, и за некоторыми исключениями их спряжение в других системах является более или менее спорадическими инновациями.

1. Страдательный залог

Образование страдательного залога тесно связано с четвертым классом настоящего времени. Оно отличается от среднего залога этого класса лишь местом ударения. В страдательном залоге ударение стоит на суффиксе *uā*, а в четвертом классе оно падает на корень: *mānuate* „думает“, но *badhyāte* „связан“. Различие это вторичного порядка, так как корни четвертого класса вы-

ступают в слабой форме (*iṣyati, iṣyate*), что указывает на исходное суффиксальное ударение. Кроме того, имеется несколько древних непереходных (нестрадательных) форм с ударением на суффиксе: *mṛiyáte* „умирает“, *dhriyáte* „он тверд, стоек“. В некоторых страдательных и непереходных формах наблюдается колебание в ударении: *múcyate* и *mucyáte* „освобожден“, *kṣiyate* и *kṣiyáte* „разрушен“, *jíyate* и *jíyáte* „побежден“, *rácyate* и *racyáte* „сварен“.

Эта форма страдательного залога встречается также в иранском (*Ab. kiryeintē = kriyante*), но в других языках отсутствует. Это индоиранское новообразование, базирующееся на четвертом классе настоящего времени, и его происхождение объясняется большим количеством непереходных глаголов в этом классе, особенно с окончаниями среднего залога: *jāyate* „рожден“, *rácyate* „становится зрелым, сваренным“, *táruyate* „становится горячим“ и т. д. А так как у ряда этих глаголов кроме данных форм имеются по-иному образованные формы переходных презентов (*tápati* „нагревает“ и т. д.), они легко могли образовать ядро, из которого развилась система страдательного залога. Дифференциация произошла путем сохранения в пассиве старого ударения, вместо которого в настоящем времени четвертого класса было принято ударение на корне. Вышеприведенные примеры с разным ударением являются в основном древними непереходными глаголами, которые приобрели характер пассива (*múcyate* „освобождается“). В санскрите общеприняты формы страдательного залога с медиальными окончаниями (кроме некоторых поздних и неправильных эпических форм, как *drśyati* „он видим“ и т. п.), а формы в действительном залоге нередки в иранском: *Av. baigyeiti* „переносится“, др.-перс. *baḥuamaḥu* „мы призываемся“ и т. д. Возможно, что вначале это употребление было неустойчивым, а затем в индоарийском стал общепринятым исключительно средний залог.

Страдательный залог имеется только в системе настоящего времени. В перфекте и будущем времени часто в роли страдательного залога выступает средний залог: *sakré* „был сделан“, *kariṣyáte* „будет сделан“. В аористе есть пассивная форма 3-го л. ед. ч., образовавшаяся независимо (*ákāri*); о ней мы уже говорили. В период, непосредственно предшествовавший классическому, была тенденция—правда, не зашедшая очень далеко,—включить сюда и другие формы. В ведической литературе они не встречаются, но грамматики устанавливают для корней, оканчивающихся на гласные, и корней *grāh-*, *drś-*, *han-* специальные формы страдательного аориста, основывающиеся на вышеприведенных: например, 1 л. ед. ч. *ádāyīṣi*, 3 л. *ánāyīṣata* и т. д.: 3 л. ед. ч. *ádāyi*, *ánāyi*. Этот тип основы затем был перенесен и в будущее: 1 л. ед. ч. *dāyīṣye*, 3 л. ед. ч. *ghāniṣyate* и т. д. В классическом санскрите такие формы встречаются очень редко, все они являются искусственными образованиями, взятыми из грамматик.

Кроме личных глагольных форм, пассивное значение могли выражать страдательные причастия на *-ta* и страдательные причастия будущего времени на *-tavya*. В более поздней истории индоарийского, в пракритский период, все формы активного прошедшего времени были утрачены и их место заняли страдательные конструкции с причастием на *-ta*. Этот процесс отражен в позднейшей санскритской литературе; обычной конструкцией становится *mauā brāhmaṇaṃ dṛṣṭaḥ* „брахман был увиден мною“ вместо *aḥam brāhmaṇam araṣyam* „я увидел брахмана“. С этим связано и более частое употребление безличных пассивных форм: *iha sthīyatām* „останься здесь“ (буквально: „пусть это будет здесь оставлено“), *tena bhavitavyam* „это, должно быть, он“ и т. д. Этот тип конструкций позднего санскрита представляет, собственно, замаскированные пракритские формы. Благодаря таким приемам можно было очень часто пренебрегать всем богатством морфологии глагола у Панини, и понятно, что этот упрощенный санскрит пользовался популярностью.

II. Интенсив

Интенсив—это форма основы настоящего времени, выражающая усиление или повторение значения корня. Он очень употребителен в ведическом языке и засвидетельствован в более чем 90 корнях. В классическом языке он встречается не часто, хотя грамматики и допускают, что его можно образовывать от любого корня. Основа состоит из корня, которому предшествует сильное удвоение. При корнях с гласными *i* или *u* это удвоение содержит соответствующий гласный в ступени *giṇa*: 3 л. ед. ч. действ. зал. *penekti*, *veveti*, средн. зал. *penikté*, *dediṣṭé* (*nij-* „мыть“, *vid-* „знать“, *diś-* „показывать“); 3 л. ед. ч. действ. зал. *jōhavīti*, *pōnavīti*, 1 л. мн. ч. *popumās* (*hū-* „звать“, *pu-* „реветь“). У корней с гласным *a* в удвоении выступает соответствующий долгий: 3 л. ед. ч. *sākaṣīti*, *pāpatīti*, 3 л. мн. ч. *pānadati* (*kāṣ-* „появляться“, *pat-* „падать“, *pad-* „реветь“). Если корень содержит *ḡ* (*l*) или носовой или же оканчивается ими, то этот согласный повторяется в удвоении: 1 л. ед. ч. *sarkarmi*, 2 л. ед. ч. *dardarṣi*, 3 л. ед. ч. *jañghanti*, *calcalīti*, (с диссимиляцией) *alarti*, 3 л. средн. зал. *pannate* (*kṛ-* „воспевать“, *dṛ-* „раскалывать“, *han-* „убивать“, *cal-* „двигаться“, *ag-* „идти“, *nam-* „сгибать“). В этой форме корни иногда удваиваются с долгим *ā*: *jāgarti* „бодрствует“ и т. д. Между сильным удвоением и корнем часто вставляется *ī*: 3 л. ед. ч. *varīvarti*, *kanikranti*, *ganiganti*, 3 л. мн. ч. *davidyutati*, *bharibhrati* (*vṛt-* „поворачивать“, *kṛand-* „кричать“, *gam-* „идти“, *dyut-* „сиять“, *bhṛ-* „нести“). Апофония корня следует обычной системе: в трех лицах действительного залога корень имеет сильную форму, в остальных случаях—слабую: 3 л. ед. ч. действ. зал. *penekti*, мн. ч. *penijati*, 3 л. ед. ч. средн. зал. *penikté*. Когда в единственном числе действительного залога после корня вставляется *i*, в ступени *giṇa* корень

стоит только тогда, когда это не дает долгого слога: *jóhavīti*, но *vévidīti*. В сильных формах и в 3-м л. мн. ч. ударение падает на удвоение (*vévetti*, *vévidati*), в других случаях согласно классической грамматике — на окончание (*vevidmās*), в ведическом же языке наблюдаются колебания: 3 л. ед. ч. средн. зал. *penikṭé* и т. д. наряду с *tétikṭe* и т. д.

Окончания нормальные (с *-ati* в 3-м л. мн. ч., как в редуцированном классе). Общей чертой является употребление соединительного гласного *ī*. Это наблюдается также и в корневом классе (*brávīti*), но гораздо чаще в интенсиве: *johavīti*, *tartarīti*, *dardarīti* и т. д. Этот соединительный гласный не употребляется, если после удвоения стоит такое же *ī*. Он употребляется в трех лицах единственного числа и один раз — в двойственном (*tartarīthas*). В 3-м л. ед. ч. средн. зал. почти так же часто, как *-te*, встречается окончание *-e*: *cékite*, *jóguve*, *yoṃuve* и т. д. Во 2-м и 3-м л. ед. ч. имперфекта наблюдается обычное фонетическое изменение: *ádardar* вместо 2 л. ед. ч. **ádardar-s* и 3 л. **ádardar-t* и т. д. В имперфекте соединительный гласный *ī* выступает в 3-м л. ед. ч. (*ájohavīt*) и один раз в 3-м л. дв. ч. (*ávāvaśītām*). Окончание 3-го л. мн. ч. действ. зал. — *-ig*, как в редуцированном классе: *ájohavur*.

Интенсив обычно образует формы субъюнктива, но почти исключительно с вторичными окончаниями. Корень бывает в ступени *giṇa* только тогда, когда это не дает долгого гласного: 3 л. ед. ч. *jañghanat*, *bobhavat*; *carkṛṣat*, *davidyutat*. Нередко образуются и формы императива: 2 л. ед. ч. *dardṛhi*, *carkṛdhi*, 3 л. ед. ч. *veveṣu*, *dadhartu*, 2 л. мн. ч. *jāgrtá*; с *-tāt* 2 л. ед. ч. *cakṛtāt*, *jāgrtāt*. Имеется несколько форм со вспомогательным гласным *ī*: *jañghanīhi*, *johavītu*. Формы оптатива чрезвычайно редки (*veviṣyāt*, АВ).

Существует несколько форм интенсива с перфектными окончаниями. Это не перфектные формы к тем формам, что приводились выше, а параллельный тип настоящего времени, соответствующий старому значению перфекта. Таковы *davidhāva*, *popāva*, *dodgāva*, *lelāva* с обычным значением интенсивного настоящего времени.

Существует и другой тип образования интенсива, с таким же удвоением, как и у первого, но с добавлением к основе ударяемого суффикса *-uá*. Спрягается этот интенсив исключительно в среднем залоге: *marmṛjyáte*, *dedipyáte*, *dodhūyáte* и т. д. (*mṛj-* „вытирать“, *dīp-* „сиять“, *dhū-* „трясти“). Тип этот редок в ведическом языке, но в классическом употребляется чаще, чем основной тип интенсива.

Формы интенсива, соответствующие санскритскому основному типу, были общеупотребительны в древнеиранском: АВ. *zaozaoṃi*, *čarəkəgəmaṃi* (опт.), *dardairyaŋt*, *daēdōiš*, (тематическое) *paēnižaiti*, соответствующие санскритским основам интенсива *johav-*, *carkar-*, *dardar-*, *dediš-* и *penij-*. Хотя это образование и не засвидетель-

ствовано за пределами индоиранского, оно, очевидно, имеет большую давность в индоевропейском. И то, что оно не встречается в других языках, объясняется общим отмиранием атематического спряжения в большинстве индоевропейских языков. Напротив, второй тип интенсива (*dedīpyáte*), хотя он и редок в раннем санскрите, имеет параллели в других языках, в частности в греческом: *πορρῶρω* „волноваться“ (скр. *bhug-*), *παμραιῶω* „ярко сиять“, *δαρδαίπτω* „разрывать, раздирать“, *μαρμαίρω* „блистать, сверкать“.

III Каузатив

Каузатив—самое продуктивное из вторичных спряжений начиная уже с раннего периода языка. Основа каузатива образуется присоединением суффикса -áya- к корню, выступающему обычно в своей сильной форме. Основа эта тождественна основе глаголов десятого класса. Имеется значительное количество глагольных образований на -áya, особенно в древнем языке, которые не имеют каузативной функции. Некоторые выражают многократность действия (*patáyati* „летает вокруг“ и т. д.), что, как явствует из сравнительных материалов,—явление древнее (греч. *ποτέομαι* „летать, стремиться“). Каузативность—это только одна из функций основ на -áya, но с течением времени она стала доминирующей. В раннем языке есть различие между каузативами с корнем в сильной ступени и некаузативами со слабым корнем: *dyutáya-*, *gocáya-* „сиять“: *dyotáya-*, *gocáya-* „освещать“ и т. д.; так же между *gupa* и *vṛddhi* в *patáyau-* „порхать кругом“: *patáyau-* „повалить“. Различие это не абсолютное, поскольку есть образования со слабым корнем, имеющие каузативное значение (*dṛṣṭháya-* „укрепить, закрепить“), и наоборот, формы с сильным корнем, но без каузативного значения (*mādáya-* „опьянеть“). В позднейшем языке большинство некаузативных форм отмирает, а сохранившиеся сливаются с образованиями более отыменного характера и образуют с ними десятый класс настоящего времени.

В каузативе корень всегда имеет ступень *gupa*, где это дает долгий слог: *tagráyati*, *vardháyati*, *kalpáyati*, *bodháyati*, *cetáyati* от *tṛp-* „быть удовлетворенным“, *vṛdh-* „увеличивать“, *kṛp-* „устраивать“, *budh-* „пробуждаться“ и *cit-* „наблюдать“. Корни, имеющие в сильной форме вставной носовой, сохраняют его и при ступени *gupa* в каузативе: *mandáyati* „радует“, *sraṃsáyati* „заставляет падать, валит“ и т. д. Когда форма со ступенью *gupa* дает краткий слог (*kaḡ-* и т. п.), в каузативе обычно употребляется *vṛddhi*: *kāráyati* „заставляет делать“, *trāsáyati* „ужасает“, *pāśáyati* „разрушает“, *suāváyati* „валит, заставляет падать“ и т. д. Но ряд таких корней сохраняет ступень *gupa*: *gamáyati* „заставляет идти“, *tvaráyati* „торопит“, *patáyati* „сгибает, заставляет согнуться“ и т. д. Неусиленная форма корня встречается обычно лишь у корней, не имеющих другой формы (*gūháyati* от *guh-* „скрывать“), и редко—в других случаях (*giráyati*, *sphuráyati*). В *dūśáyati* „портит“ (непереходн. *duśyati*, существительное *doṣa-*) долгий глас-

ный служит заменителем нормального усиления. На аномальное *rīgāyati* „наполняет“ повлияла форма причастия прошедшего времени страдательного залога (*rīgā-*).

В корнях на *-ā* перед каузативным суффиксом обычно вставляется *-p-*: *dāpāyati*, *sthāpāyati*, *māpāyati* и т. д. от *dā-* „давать“, *sthā-* „стоять“, *mā-* „измерять“ и т. д. Это *-p-* — древний суффикс или распространение корня, которое, как явствует из сравнительных материалов, присоединялось к некоторым из этих корней (лит. *stapūtis* „останавливаться“), а в каузативе перешло на весь класс этих корней. Оно присоединяется, далее, к корню *ṛ-* (*agrāyati*) и к ряду корней на *-i-*: *adhūpāyati* от *adhi* + *i* „изучать“ и т. д. В *gorāyati* „выращивает“ (*guh-* „расти“) *-p-* замещает конечный согласный корня. В среднем индоарийском эта форма становится все более употребительной, пока не заменяет в конце концов нормальный тип. Ряд таких праkritских образований есть и в позднейшем санскрите (*kṛīḍāpāyati* „заставляет играть“, *jīvāpāyati* „заставляет жить“ и т. д.).

Есть еще и другие случайные вставные согласные перед каузативным суффиксом, а именно *-l-*: *pālāyati* „защищает“ (*pā-*), *-n-* — в *prīṇāyati* „радует“ (*prī-*, *prīṇāti*), *-s-* в *bhīṣayate* „пугает“, *-t-* в *ghātāyati* „убивает“ (*han-*)*.

Формы вне системы настоящего времени образуются от каузатива чаще, чем от других форм вторичного спряжения. Будущее (*vardhayiṣyati* и т. п.) встречается в Ригведе очень редко, но позже оно образуется регулярно. Для аориста, как уже отмечалось, в качестве каузатива был избран аорист с удвоением. В раннем языке кроме этого встречаются спорадические формы аориста на *-iṣ* (*avādayiṣthās* и т. д.). Для перфекта употребляется перифрастическая форма: *gamayāṃ sakāra*, *gamayāṃ āsa*. Страдательный залог образуется прибавлением суффикса *yā* к той форме корня, которая выступает в каузативе: *kāryāte*, *sthāpyāte* и т. д. (простой пассив: *kriyāte*, *sthīyāte* и т. д.). Именные формы каузатива — это причастие на *-ta*, *kāritā-*, герундив *kārayitavya-*, *kārya-*, *kāraṇīya-*, инфинитив *kārayitum*, герундий *kārayitva*. Суффикс герундия на *-ya* присоединяется непосредственно к корню, когда он усиливается в каузативе (*-kārya*), в других же случаях — к *ay* каузативного суффикса (*-gamayāya*).

Образования в системе настоящего времени на *-aya* близки к именным основам на *-i* (*gocī-/gocay-*: *gocāyati*). Основа каузатива состоит из тематического распространения этого суффикса типа, встречающегося — правда, очень редко — при образовании имен. Поскольку эти формы содержат ряд гласных в ступени *giṇa*, маловероятно, что они являются очень древними в индоевропейском; однако распространены они довольно широко: греч. *τροπέω*, *στροπέω* (*τρέπω*, *στρέφω*); лат. *spondeo* (: греч. *σπέυδω*), *monere*, гот. *nasjan*, *drausjan* (*ga-nisan*, *driusan*) и т. д. Они имеют значение многократности, как обычно в греческом, или же каузативное. Последнее значение обычно для германского (*nasjan* „спасать“, *ga-nisan* „быть

спасенным“) и славянского. Там, где действует закон Вернера, германский подтверждает место ударения на суффиксе, как в санскрите: *waigr̥an: frawardjan*. Это образование имеет также причастные формы, соответствующие санскритским причастиям на *-itá* (*frawardīṭs*), что указывает на их древность. В славянском имеется ряд каузативов с *vṛddhi*, как в санскрите, и эта черта объединяет эти два семейства с индоевропейским: ст.-сл. *сѣднѣ*, ср. скр. *sādáyati* „заставляет сесть, усаживает“, славитн, ср. скр. *śāvāyati* „заставляет услышать, ~ быть услышанным“.

IV. Дезидератив

Основа дезидератива образуется при помощи суффикса *-sa* в сочетании с удвоением корня. Обычным гласным удваиваемого слога бывает *i*, но когда в корне есть *u*, то используется этот гласный: *bībhitsati*, *tīṭṣati*, но *yūyutsati* (*bhid-* „раскалывать“, *ṭṛp-* „удовлетворяться“, *yudh-* „сражаться“). Долгое *i* встречается крайне редко: *mīmāṃsate* „исследует“ (*man-* „думать“). Ударение всегда стоит на удвоении.

Нормально корень выступает в своей слабой форме, но конечные *i* и *u* удлиняются: *jīgīṣati* „желает победить“ (*ji-*), *jūhūṣati* „желает принести в жертву“ (*hu-*). Перед суффиксом дезидератива *-sa* конечное *ṛ* в корне переходит в *īg* или *ūr*: *śikīṣati* „желает совершить“, *tīṭīṣati* „желает перейти“, *mūmūṣati* „собирается умереть“. Фонетически это оправдывается только при корнях на *-ṛ*, которые изначально имели на конце *Н* (*tṛ-*, *taṛ(Н)-*: *tīṭīṣati*); с них это перешло и на остальные.

Ряд корней образует сокращенную основу в дезидеративе, где удвоение и корень слились в один слог. Примером служит *dīpsati* от *dabh-* „повреждать“. В Авесте этому соответствует *diw-žaidyai* (инф.), сравнение этих двух форм дает индоиранскую основу *dibžha-*. Это представляет собой упрощение исходной группы согласных, образовавшейся тогда, когда корневой гласный в слабой форме опускался: например, *di-dbh-sa* — обычное образование дезидератива. Точно так же образуются *śikṣa-* и *sikṣa-* от *śak-* и *sah-*, позднее *dhīkṣa-*, *ṛipsa-*, *lipśa-* и т. п. (от *dah-*, *rabh-*, *labh-*); к ним можно добавить *īpsa-* и *īrtsa-* от корней, начинающихся с гласного (*ār-* „получать“, *ṛdh-* „процветать“). Корни *dā-* и *dhā-* образуют соответственно *ditsa-* и *dhitsa-*, где *ā* нормально исчезало в слабой форме корня (*di-d-sa-*, *di-dh-sa-*).

Корни *van-* „побеждать“ и *śan-* „достигать“ дают основы дезидератива *vivāsa-* и *śiṣāsa-*, с *ā* из *ṛН*, как и в других производных.

Корни на *ā*, помимо указанных выше, обычно сохраняют в дезидеративе сильную форму: *yūyāsa-*, *ṛipāsa-* от *yā-* „идти“, *ṛā-* „пить“. Это, как и другие формы с сильным корнем (ниже), — санскритская инновация, что ясно из сохранившихся древних основ типа *ditsa-* и существования ведической формы *ṛi-p-ī-ṣa-* наряду с *ṛipāsa-*. От некоторых корней, оканчивающихся на носовой, образуются аномальные сильные формы: *jīghāṃsa-*, *jīgāṃsa-*

(наряду с *jigamiṣa-*) от *han-*, *gam-*. Когда суффиксом деизидератива служит *-iṣa* с соединительным гласным, то конечные *-i*, *-u* и *-ṛ* в корне обязательно, а средние иногда выступают в ступени *giṇa*: *śiṣayiṣa-*, *pinartiṣa-* и т. д., но также и *rugudiṣa-*. Эти и сходные с ними формы устанавливаются грамматиками, но не встречаются в более раннем языке.

Как и в других глагольных образованиях, *-sa-* в деизидеративе может быть дополнено соединительным гласным *-i-* и выступать как *-iṣa-*. В раннем языке имеется лишь *didh-i-ṣa-* (*dhā-* наряду с *dhitsa-*). В некоторых случаях выступает и *i*, когда это распространение образовало собственно вторую параллельную форму корня (*pīṛi-ṣa-*, *jihīṣa-*). Многочисленные классические формы на *-iṣa-* (имеющие обычно корень со ступенью *giṇa*, как отмечалось выше) полностью являются новообразованиями.

От деизидератива образуются (но не в раннем языке): будущее время на *-iṣya*: *tītikṣiṣye*, аорист на *-iṣ-*: *ācīkīṛṣiṣam* и перифразистический перфект: *īpsām sakāra/āsa*. Именные производные от деизидератива встречаются на более ранней стадии языка, наиболее употребительны прилагательные на *-u* (*titikṣú-*) и отвлеченные существительные на *-ā* (*mīmāṃsa*).

Большинство деизидеративных основ имеют узкое и ясное значение — „желать сделать что-либо“, хотя иногда это скорее „собираться что-либо сделать“ (*mīmūṛṣati*). В небольшом количестве корней у основы деизидератива развилось особое значение: *cikitsa-* „исцелять“, *jugupsa-* „презирать“, *titikṣa-* „терпеть“, *bībhatsa-* (*bādh-*) „гнушаться“, *mīmāṃsa-* „расследовать“, *śuśṛṅṣa-* „повиноваться“.

О древности деизидератива в индоевропейском свидетельствуют редуцированные формы (*ditsa-*, *dipsa-*), на которые повлияла древняя апофония. Отсутствие деизидератива в большинстве индоевропейских языков следует объяснять утратой этих форм: кроме индоиранского, единственной ветвью индоевропейского, где встречаются сходные образования, является кельтский. Но поскольку между этими двумя членами и.-е. семьи нет близких связей, уже одно это служит показателем древности деизидератива. Сопоставимые кельтские образования — это древнеирландское будущее на *-s* с удвоением: 1 л. ед. ч. *-ninus* < *ninikō (*nigid* „моет“, ср. скр. *nij-*, деизидер. *nīnikṣati*), 2 л. ед. ч. *-riris* (*con-rig* „связывает“), 3 л. мн. ч. *lilsit* от *ligid* „лижет“ (скр. *lih-*, деизидер. *līlikṣati*).

§ 16. Отыменные глаголы

Отыменные глаголы — это те, которые образовались на базе именной основы. В сущности, как уже отмечалось, глагольные основы невозможно отделить от соответствующих именных, но они выделились в самостоятельную группу. Отыменный глагол в собственном смысле — это образование, по аналогии с которым

глагольные основы продолжают производиться от существующих в языке имен. Суффиксом, употребляемым при образовании отыменных глаголов, является ударное -уá, то есть тот же суффикс, который образует первичные глагольные классы (dīvyati). Единственная разница состоит в том, что отыменные глаголы сохраняют исходное ударение на суффиксе, замененное в первичных глаголах ударением на корне. Отыменные глаголы имеют и.-е. происхождение и очень хорошо представлены в греческом: τέχμαίρω „(пред)определять“ (вместо -агуō от имени ср.р. τέχμαρ „предел, цель“), ἐχθαίρω „ненавидеть“, ὀνομαίνω „называть“, σαλπίζω „трубить“ (σάλπιξ „труба“), κηρύσσω „провозглашать“ (κηρυξ „глашатай“) и т. д. Сходными образованиями в других языках являются лат. custōdio, finio (custōs, finis), гот. glitmunjan „мерцать“, lauhatjan „сиять“ и т. д. Они употребительны и в хеттском, что позволяет считать отыменные образования еще более древними, чем можно было ожидать: iḡmaliya- „хворать“ (iḡmalaš „больной“), kušaniya- „нанимать“ (kušan „плата“), lamniya- „называть“ (lāman „имя“, ср. греч. ὀνομαίνω) и др.

Отыменные глаголы на -уá образуются от самых разных именных основ, и их легко группировать по этим основам.

Основы на -г: vadharyāti „поражает оружием“, ср. vādhar „оружие“. Этот тип основ пришел в упадок, поэтому имеется ряд отыменных глаголов, соответствующие именные основы которых утрачены: śratharyāti „ослабляется“, sararyāti „прислуживает, поклоняется“, ratharyāti „едет не колеснице“, adhvaryāti „совершает жертвоприношение“, vithuryāti „потрясает“.

Основы на -п: kṛparyāti „домогается“, turaryāti „торопится“, damaryāti „покоряет“, bhuraryāti „действует“, sararyāti „спешит“, dhiṣaryāti „обращает внимание“, guvaryāti „ревет“, huvaryāti „зовет“ и т. д. Этот тип базируется на древних основах среднего рода на -п, также в подавляющем большинстве исчезнувших, так что соответствующие именные основы или отсутствуют, или же приняли форму тематических производных: kṛpāṇa-, tuṣāṇa- и т. п.

Основы на -s. Эти основы хорошо сохранились, и глаголы от них образуются часто: arasyāti „действует“, pamasyāti „читит“, capasyāti „доволен“, mapasyāti „заботится“ и т. д. В некоторых случаях соответствующие основы на -s не сохранились, например, irasyāti „ревнует“, daśasyāti „оказывает услугу“. В других случаях суффикс расширился до -asya и стал самостоятельным суффиксом с дэвидеративным значением: vṛṣasyāti „желает самца“, śtanasyāti „желает груди“. От сложных основ -iṣ и -uṣ образуются aviṣyāti „стремится помочь“ (следует отметить тождественность этой формы с формой будущего времени на -iṣya), taruṣyāti „борется за победу“.

Редкие примеры отыменных глаголов от основ на смычные представлены в bhīṣajyāti „лечит“ и (от основы, не сохранившейся в другой форме) iṣudhyāti „умоляет“ (Ав. iṣudyeiti).

Из приведенных выше примеров можно заметить, что отыменные глаголы на уá обычно образуются от основ на согласный среднего рода. Отыменные глаголы от основ мужского рода (имен деятеля) редки: vṛṣaṇyáti „поступает как мужчина“. Несколько таких образований базируется на существительных им. пад. ед. ч.: gājāyáte „держит себя, как царь“, vṛṣāyáte „поступает, как бык“, svāmīyáti „обходится, как хозяин“.

Основы на -i и -ī: janiyáti „ищет себе жену“ (jáni-), taviṣiyáte „силен“ (táviṣi). Форма с долгим -ī обычно распространяется и на основы с кратким -i (kavīyáti „поступает, как мудрец“, sa-khīyáti „желает дружбы, agātīyáti „враждебен“), но такие формы сокращаются в тексте пада. Суффикс -iya развивается до некоторой степени самостоятельно с дезидеративным значением и присоединяется не только к основам на -i: putgīyáti „желает сына“, māṃsīyáti „алчет мяса“ и т. д.

Основы на -u и -ū. Здесь также долгая форма суффикса присоединяется к обоим типам основы, хотя в тексте пада восстанавливается краткое -u: ṛjūyáti „он прям“, vasūyáti „жаждет богатства“ и т. д. В некоторых случаях именной основы не существует, и тогда -ūya функционирует как самостоятельный глагольный суффикс: asūyáti „брюзжит“, aṅkūyáti „двигается, сгорбившись“, stabhūyáti „стоит крепко“.

Основы на -ā: rṅānāyáti „борется“, ducchunāyáte „желает зла“, maṇāyáte „он доброжелателен“. Отыменные глаголы от основ на -ā—это древний и.-е. тип, хотя в других языках он чаще образуется без добавления -ya: хетт. newaḥḥun „я возобновил“, лат. povāge, греч. *υἄν*. Этот тип встречается в санскрите только тогда, когда -ā входит в корень (ṛgāti), в других случаях используется отыменное -ya. Суффикс -āya очень рано стал самостоятельным суффиксом, и есть ряд корней, спрягающихся таким образом, хотя и нет соответствующих им имен на -ā: mathāyáti „помешивает“, śrathāyáti „ослабляет“, miṣāyáti „крадет“ и т. д. Обычно эти основы чередуются с основами девятого класса: mathnāti, śrathnāti, miṣnāti и т. д. В результате близкой ассоциации этих двух типов отыменное уá иногда прибавляется к основам девятого класса: hrṅāyá-, hrṅīyá- „гневаться“.

В ведическом языке отыменное -āya часто выходит за пределы своего круга употребления и используется для образования отыменных глаголов от тематических основ наряду с регулярными формами на -ayáti: aghāyáti „замышляет козни“, aśvāyáti „ищет коней“, priyāyáte „дорожит“.

Тематические основы: amitrayáti „действует, как враг“, devayáti „чит богам, благочестив“, vasnayáti „торгуется“ и т. д. Это самый поздний тип образования отыменных глаголов. Добавление еще одного суффикса к конечному тематическому суффиксу противоречит принципам индоевропейского образования основ. Он появляется здесь в отыменном глаголе лишь по аналогии: devayáti как brahmaṇ-yáti и т. д. Получившаяся таким образом

основа сходна с каузативной и отличается от нее только ударением, но происхождение ее другое и анализируется она совершенно по-иному. С одной стороны, мы имеем основу на -i с тематическим распространением (следует анализировать как vardháu-a-), а с другой—тематическую основу с механически и по аналогии добавляемым отыменным -uá (следует анализировать как deva-uá). Сходство этих двух форм привело к смешению, и есть основы по происхождению своему явно отыменные, но имеющие ударение каузативных: artháuate „желает“, mantráuate „советуется“, mrgáuate „охотится“ и т. д. Эти случаи обычно относят к десятому классу настоящего времени.

В позднейшем классическом языке большинство древних отыменных глаголов, образованных от основ на согласные, исчезли. Остается лишь тематический тип, который принимает две формы: 1) в действительном залоге употребляется нормальное -ayati: kaluṣayati „мутит“, taruṇayati „омолаживает“, 2) в среднем залоге с непереходным значением употребляется -āyate: kaluṣāyate „мутнеет“, taruṇāyate „молодеет“. Выше отмечалось, что основа на -āya, собственно производная от именной основы на -ā, широко употреблялась в Ведах для образования отыменных глаголов от тематических основ, так что образовались две чередующиеся формы. В последующем ходе развития языка эти два типа специализировались и стали употребляться в разных значениях, как было только что отмечено.

За пределами системы настоящего времени формы от отыменных глагольных основ встречаются чрезвычайно редко. Есть несколько изолированных форм аориста на iṣ (avrṣāyiṣata) и будущего времени (kaṇḍūyiṣyati). Причастия на -ta (kaṇḍūyitá- и т. п.) встречаются несколько чаще. В ведическом языке отвлеченные существительные на -ā (vasūyā) и прилагательные на -u (vasūyú-), образованные по типу сходных форм от основы дезидератива, употребительны, но позже тип этот в общем отмирает.

§ 17. Инфинитивы

Различие между ведическим и классическим санскритом нигде не проступает так ярко, как в инфинитиве. В классическом языке есть только одна форма инфинитива, на -tum, которое присоединяется к корню в ступени guṇa (kártum) и которое, подобно другим глагольным формантам, может иметь еще соединительный гласный i (bhávitum). В ведическом языке такая форма встречается чрезвычайно редко, но зато там существует целый ряд других форм, классифицируемых как инфинитивы; в последующем языке они отмирают. Эти ведические инфинитивы представляют собой различные отглагольные имена действия в разных падежных формах.

1) *Винительный падеж*—от корневых основ и основ на -tu: pratíraṃ „продлить“, dātum „давать“. Первый из них можно срав-

нить с оскско-умбрскими инфинитивами на -om/-um: умбр. egom, оск. ezum „быть“, оск. edum „есть“ и т. д. Второй, ставший в конце концов единственной формой инфинитива, имеет параллели в латинском супине (datum) и в балто-славянском (лит. dėti, ст.-сл. дѣтъ „деть, девать“).

2) *Дательный падеж* — гораздо более употребительный тип. Эти инфинитивы образуются от корневых основ (dṛśé „видеть“, bhujé „наслаждаться“), основ на -as (áyase „идти“, arháse „быть достойным“), на -i (dṛśáye „видеть“, yudháye „сражаться“), на -ti (vitáye „наслаждаться“, sātáye „побеждать“), на -tu (étave „идти“, yáštave „жертвовать“), на -tava (étavaí „идти“), на -dhyā (duhá-dhyai „дойти“, sáhadhyai „победить“), на -man (dāmane „давать“) и -van (dāvāne „давать“). Из всех этих форм замечателен инфинитив на -tavaí: он имеет двойное ударение (явление, до сих пор не объясненное), и за ним всегда следует частица u (étavā u). Этот инфинитив, как и инфинитив на -dhyai, отличается еще тем, что образуется от основ, в других случаях в действительном залоге не употребляющихся, а также сохранением более древней формы дательного падежа единственного числа, которая в склонении имен имеет новое окончание -āya.

3) *Отложительный-родительный падеж* — от корневых основ и основ на -tu: avarádas „падение вниз“, sampr̥cas „соприкосновение“, étos „хождение“, nídhātos „помещение“.

4) *Местный падеж* — от корневых основ (samcakṣi „замечать“), основ на -san (peṣāni „вести“), на -tar (vi)dhartári „поддерживать“ („давать“), sótari „во время выжимания“.

Ведический язык (вместе с древнеперсидским) точнее всего отражает состояние инфинитива в индоевропейском. Как самостоятельная категория он еще не вполне развился. Формы, считающиеся инфинитивами, являются различными падежами отглагольных имен действия, в которых, как правило, падеж сохранил свою силу:

Вин. пад.: vāṣṭi ārābham „он желает начать, хочет начала“.

Дат. пад.: avīṣ tamvām kṛṇuṣe dṛśé kam „ты обнажаешь свое тело для лицезрения“.

Отлож. пад.: sá iṃ mahīm dhúnim étor aramnāt „он успокоил великую реку от течения“.

Любопытной чертой ведического языка является то, что логический объект инфинитива, выраженный именем, ставится в том же падеже, что и инфинитив; например, „видеть солнце“ передается как dṛśáye sūgūya, буквально: „для видения, для солнца“; аналогично в отлож. пад.: trādhvam kartād avarádaḥ „не дай нам упасть в яму“, буквально: „спаси нас от ямы, от падения“.

В нормальном употреблении ведический инфинитив мало отличается от обычного отглагольного существительного в косвенном падеже. Одна из немногих особенностей, заставляющих выделять эти образования в особую категорию, это то, что боль-

шинство используемых при этом отглагольных именных основ не употребляется в другой роли, а также в других падежах. Возьмем для примера основы на -s среднего рода; среди них есть много отглагольных существительных (yáśas „слава“ и т. п.), но кроме того имеется большое количество таких образований, которые выступают только в дательном падеже и только в инфинитивной роли. Многие из таких дательных инфинитивов отличаются и по форме от существительных среднего рода, имея иное ударение (jíváse). Дальше всего отошли от обычного именного словообразования те инфинитивы в Ведах, которые образованы от основ, не употребляемых более для образования обычных существительных. Таковы дательные инфинитивы на -dhyai и сравнительно редкие местные на -sani и -tari. Другой особенностью, отличающей инфинитив от отглагольного существительного, неполностью развившейся в ведическом языке, является то, что инфинитив управляет винительным падежом, как глагол, а не родительным, как отглагольное существительное; например: máhi dáváne „дать что-нибудь большое“, но gotrásya dáváne „за отдачу стада“.

В классическом языке, где инфинитив на -tum заменил все другие, инфинитив стал совершенно независим от именного образования. Он также воспринял значение дательного инфинитива (avasthātum sthānantaram cintaya „подумай о другом месте для остановки“), так что его первоначальное значение винительного падежа отглагольного существительного затемнено. В одном отношении он сохраняет след именного происхождения, так как может сочетаться в составе сложных слов как именная основа с kāma- и manas: yaśtukāma- „желающий принести жертву“, vaktumanas- „расположенный к речи“.

Санскритский инфинитив в своей конечной форме гораздо менее развит и не так слит с глагольной системой, как инфинитивы латыни и греческого. В этих языках развились особые формы инфинитива для различных времен (esse, fuisse) и залогов (agere, agi) в процессе приспособления, проходившем независимо в обоих языках. Ничего подобного мы не встречаем в санскрите. В Ведах есть несколько форм, где инфинитив до некоторой степени привязан к специальным временным основам (riṣyaśe „процветать“, grñīśāni „воспевать“, -pśccham „спрашивать“; от перфекта vāvṛdhádhyai „усиливать“), но эти пробные образования ни к чему не привели. Продолжала действовать система, при которой инфинитив образовался только от корня, и синтаксическое применение его в связи с этим очень широко. В частности, он может функционировать не только как форма действительного и среднего залога, но, когда этого требует контекст, и как форма страдательного залога: kartum ārabdhaḥ „начал делаться“ и т. п. В этой роли он особенно часто употребляется с пассивными формами от śak-: kartum na śakyate „не может быть сделано“ и т. д.

§ 18. Причастия действительного и среднего залога

Как и инфинитивы, эти причастия по происхождению являются чисто именными формами и поэтому рассматриваются грамматиками в разделах, посвященных образованию и склонению имен. К глаголу они принадлежат постольку, поскольку они вошли в глагольную систему. По сравнению с инфинитивом причастия в санскрите глубже вошли в глагольную систему, и процесс этот начался раньше, хотя и не зашел так далеко, как в греческом. Различные причастия приурочены к специальным временным основам и различают, как и личные формы глагола, действительный и страдательный залог.

Действительные причастия на *-ant* в классическом санскрите — все без исключения, а в ведическом — в большинстве образуются от глагольной основы настоящего времени. В ведическом языке есть небольшое число причастий, образованных от основы корневого аориста (*kránt-*, *gmánt-* от *kṛ-* „делать“, *gam-* „идти“) и от основы аориста на *-a* (*ṭrānt-*, *ṽdhánt-* от *ṭṛp-* „удовлетворяться“ и *ṽdh-* „расти“). Но это связь чисто внешняя, поскольку такие образования не отличаются от типичных прилагательных с ударяемым суффиксом, присоединяемым непосредственно к корню. До слияния с глагольной системой формы на *-ánt-* были обычными прилагательными (сохранилось несколько примеров: *bṛhánt-* „высокий“ и т. п.), и исходный тип, образуемый непосредственно от корня и имеющий ударение прилагательного, сохранился в этих аористических причастиях.

Переход прилагательных на *-ant* в причастия начался рано, поскольку они есть и в хеттском языке. Но ко времени отделения хеттского языка причастия на *-ant* еще не утвердились в своей окончательной функции, так как в хеттском они имеют страдательное значение в отличие от других и.-е. языков, где они имеют действительное значение. За специализацией форм на *-ant* как причастий действительного залога последовало их включение в систему настоящего времени. Корневые образования были заменены образованиями от основ различных типов настоящего времени (*kṛvánt-* вместо *kránt-* и т. д.). В Ведах этот процесс уже почти завершен и число аористических причастий очень незначительно. К классическому периоду процесс этот закончился. В греческом процесс начался так же, но закончился по-иному, ибо там появление причастий настоящего времени (*φεύων*) наряду с более древними аористическими (типа *φούων*) привело к развитию двойной системы, где эти два типа причастий, подобно наклонениям при двух глагольных временах, выражают различные оттенки действия (точечное и дуративное). В греческом образовании этого причастия распространилось далее и на основу сигматического аориста, что совершенно невозможно в санскрите, так же как и в индоевропейском.

Включение действительного причастия в систему настоящего времени имело результатом то, что ударение в нем (первоначально—на конечном слоге, как у прилагательных) стало соответствовать ударению глагольной основы, к которой оно относится: оно стоит на суффиксе у глаголов тематического класса с суффиксальным ударением (*tudánt-*) и в атематических глаголах (*duhánt-*, *ṣṛṇvánt-* и т. д.), в то время как тематические глаголы с корневым ударением сохраняют его и в причастии (*bhávant-* и т. д.); глаголы с удвоением имеют ударение на слоге удвоения и слабую форму причастного суффикса даже в сильных падежах: им. пад. ед. ч. *bíbhṛat*, вин. пад. ед. ч. *bíbhṛatam*.

Образование и морфология перфектного причастия действительного залога на *-vas/-uṣ* уже рассматривались нами. Существование отдельного причастия для перфекта вполне согласуется с уже высказанным мнением, что различие между презенсом/аористом, с одной стороны, и перфектом—с другой,—это самое изначальное деление в системе глагольных времен. Перфектное причастие имеет перфектное значение (в отличие от аористического причастия, не имеющего значения аориста, и в отличие от наклонений перфекта): *sakṛtvás-* „сделавший“ и т. д. Ударение стоит на суффиксе причастия, а перфектная основа выступает в слабой форме. Соединительный гласный *-i-* (*teṇivás* и т. п.) появляется почти в тех же условиях, что и в остальных перфектных формах.

В среднем залоге причастие тематических глаголов имеет окончание *-amānā* (*bhávamāna-*, *visámāna-*, *cintáyamāna-*), а причастие атематических глаголов—*-āna* (*duhána-*, *sunvāna-*, *uyíjāna-*; ударение конечное, за исключением 3-го класса и интензива: *júhvāna-*, *sékitāna-* и т. д.). Адаптация этих форм в качестве причастий произошла, возможно, позже, чем причастий действительного залога на *-ant-*: сопоставимые формы не имеют широкого распространения в и.-е. языках. В иранском скр. *-amāna* соответствует *-amna-*, а в греческом—*-όμενος*, в то время как формы действительного залога варьируют в каждом отдельном случае. Ни в одном другом и.-е. языке таких причастий нет, а там, где встречаются сходные формы (лат. *alūpnus* и т. п.),—это чисто именные образования. Причастие на *-āna* встречается только в индоиранском, и в других языках с ним можно сравнить лишь отдельные случаи именного словообразования (лат. *colōnus* и т. д.). Употребление причастия в среднем залоге есть явление адаптации, прошедшей, конечно, гораздо позднее появления среднего залога в личных формах глагола. Теперь уже трудно установить, как совершалась эта адаптация, так как родственные именные формы на *-men* не характеризуются ничем, что было бы связано со средним залогом, и, в частности, греческие инфинитивы на *-μεν(αι)*, также ставшие частью глагольной системы, имеют значение действительного, а не среднего залога.

Сказанное выше о подсоединении действительного причастия к системе настоящего времени относится и к причастию среднего залога. Как и другие производные с простым суффиксом -п и сложным -теп, они первоначально образовывались от корня, а после их адаптации в качестве причастий использоваться стал не корень, а основа настоящего времени. В классическом языке аористические образования (*ḍṛśāpā-*, *vṛdhāpā-*, *śucāmāpā-*), представляющие собою остатки древних корневых образований, заменены формами из системы настоящего времени. В отличие от действительного залога в среднем залоге нет особого причастного суффикса для перфекта и употребляется суффикс атематических глаголов -āpā: *śaktāpā-*, *ajāpāpā-* и т. д. Это согласуется с отмеченным выше фактом, что средний залог появляется в перфекте позже, чем в системе презенса/аориста.

§ 19. Причастие прошедшего времени страдательного залога

Это причастие чаще всего образуется присоединением суффикса -tā к слабой форме корня (*śrutā-* „услышанный“ и т. д.) и, как другие глагольные производные, часто имеет соединительный гласный -i- (*patitā-* „упавший“ и т. д.). Значение его — страдательное, за исключением непереходных глаголов (*gatā-* „ушедший“ и т. д.). Форма эта в индоевропейском — древняя, что видно из ее широкого распространения по многим языкам, а также из того, что в ней действует древняя и.-е. апофония. В то же время она не восходит к периоду выделения хеттского языка, так как в нем страдательное причастие образуется иначе, при помощи суффикса -ant. В отличие от причастий действительного и среднего залога это причастие не связано с какой-либо временной основой, а образуется непосредственно от корня — как в санскрите, так и в других языках.

Небольшое количество корней использует для образования причастий прошедшего времени страдательного залога не -tā, а -nā. В частности, это относится к корням на -ṛ (*kiṛṇā-* „рассеянный“, *giṛṇā* „проглоченный“), на -ī (*kṣīṇā-* „растраченный“), на -d (*bhīṇnā-* „разбитый“, *chīṇnā-* „разрезанный“) и к ряду корней на -j (*bhūgnā-* „склоненный“, *bhagnā-* „разбитый“). Этот суффикс имеет параллели и в других и.-е. языках. Очень нерегулярно употребляются и другие суффиксы, например, -va: *paḥvā-* „сваренный, зрелый“. Детально эти образования рассматривались в главе IV, и повторять их здесь нет нужды.

Значимость страдательных причастий прошедшего времени возрастает в позднейшем языке, а еще более — в пракрите в связи с переходом от активных конструкций к пассивным, когда действие в прошлом стали обычно выражать не через прошедшие времена действительного залога, а страдательными причастия-

ми прошедшего времени в сочетании с творительным падежом: *sa maṁ dṛṣṭaḥ* „он (был) увиден мною“ вместо „я видел его“. В среднем индоарийском это привело к исчезновению старых форм прошедшего времени, и в современном языке все глагольные времена, выражающие прошедшее, базируются на древнем причастии прошедшего времени страдательного залога.

К страдательному причестию прошедшего времени мог добавляться притяжательный суффикс *-vant-*: *kṛtāvant-* „тот, кто имеет что-то сделанным“, а это, естественно, предполагает функцию причастия прошедшего времени действительного залога. Это образование индоарийского периода, первая чисто причастная форма этого типа появляется в Атхарваведе: *aśitāvaty ātithau* „когда гость поел“. Позже причастие на *-tavant/-navant-* (когда в причастии корень принимает *-па*) начинает употребляться самостоятельно вместо прошедшего времени действительного залога, при этом связка подразумевается: *na māṁ kaścīd dṛṣṭavān* „никто не (у)видел меня“. В классическом языке это обычный способ выражения, являющийся другой альтернативой к употреблению прошедших времен, в добавление к страдательной конструкции, о которой говорилось выше.

§ 20. Герундивы, или причастия будущего времени страдательного залога

В классическом языке есть три отглагольных прилагательных с одинаковой функцией, имеющих значение латинского герундива: *kārya-*, *kartavya-*, *kaṇṇīya* „долженствующий быть сделанным, *faciendus*“. Из них лишь первое встречается в Ригведе, где оно очень употребительно. Суффикс обычно следует произносить как *-iya*. Формы этого рода встречаются во всех трех ступенях корня: *gūhya-* „долженствующий быть спрятанным“, *dvēṣya-* „долженствующий быть ненавидимым“, *vāṣya-* „долженствующий быть сказанным“. Конечное *ā* корня сливается с суффиксом, образуя *-eya*: *dēya-* „долженствующий быть отданным“. Корни на *i*, *u*, *ṛ* обычно принимают перед этим суффиксом аугмент *-t-*: *śrūtya-* „долженствующий быть услышанным“. Ударение обычно корневое, но есть исключения: *bhāvya-*, *āya-*.

Форма на *-tavya* впервые появляется в Атхарваведе (*janitavya-* „долженствующий быть рожденным“, *hiṁsitavya-* „долженствующий быть поврежденным“). Она становится более употребительной в период Брахман, а в классическом языке она свободно употребляется от всех корней. Ударение приведенных двух примеров — это единственный тип ударения, встречающийся в акцентированных текстах. Грамматики же допускают и акутовое ударение на предпоследнем слоге. По происхождению эта форма есть вторичное производное прилагательное от имен действия на *-tu*.

Герундив на -anīya (вторичное производное прилагательное от отглагольных имен на -apa) также впервые отмечен в Атхарваведе (urajīvanīya). Он редко встречается в Брахманах, но употребителен в классическом языке, хотя и не так, как тип на -tava.

Кроме трех типов герундива, которые выступают в классическом языке, есть еще несколько образований с той же функцией, встречающиеся только в Ведах:

1) на -tva (обычно производное в два слога: -tava) с корневым ударением и ступенью гуа корня: kártva- „долженствующий быть сделанным“, jétva-, nántva-/vákta- и т. д.

2) на -eṇya (-eniya): dṛśénya, yudhénya, váreṇya и т. д.

3) на -āyua (трехсложное): rapāyua- „долженствующий быть восхваляемым, достойный хвалы“, dakṣāyua-, śravāyua- и т. д.

§ 21. Герундий, или несклоняемое причастие

Эту форму мы разбирали выше как один из видов имен действия, употребляемый адвербиально. Этот тип причастия мало известен в других индоевропейских языках, и, хотя форму его можно объяснить исходя из закономерностей индоевропейского образования основ, использование его в особой синтаксической роли в основном явление индоарийское.

В классическом языке герундий образуется при помощи суффикса -tvā, когда глагол стоит без предлога, в других случаях— при помощи суффикса -ya. В Ригведе последний суффикс в большинстве случаев долгий (-ya), что, несомненно, представляет форму, более близкую к исходной, поскольку суффикс -ya, как и -tvā, образует отглагольные отвлеченные существительные, которые употребляются также адвербиально. Есть еще примеры с конечным -ā (-aH), которое иногда выступает как краткое a, что связано с сандхи в предложении (atra и т. п.).

Наряду с -tvā в Ригведе есть еще форма -tvāya, которая, по-видимому, является контаминацией двух вышеупомянутых параллельных форм. Имеется также форма на -tvī (hitvī „покинув“ и т. д.), оканчивающаяся суффиксом -ī, которая употребляется при тех же обстоятельствах, что и форма -tvā, но более употребительна, чем последняя. Хотя эта форма на -tvī и отсутствует в санскрите, она сохраняется в некоторых среднеиндоарийских диалектах Северо-Запада и Запада и явно была местной диалектальной чертой древнего индоарийского языка.

Формы герундия с распространением на -tvānam и -tvīnam упоминаются грамматиками как ведические, но в сохранившейся литературе примеров их не обнаружено. В среднем индоарийском часто встречается герундий на -tīna (gantīna), содержащий, по-видимому, те же элементы, что и герундий на -tvāna, но с другой апофонией.

Адвербиально употребляется винительный падеж отглагольных существительных имен действия на -а в конструкциях, аналогичных герундиальным: *imāny āṅgāni vyatyāsam śete* „он ложится, меняя положение этих членов“. Такое употребление не встречается в древнейшей литературе (Ригведа, Атхарваведа), но оно обычно в предклассической прозе. В более поздней классической прозе они сравнительно редки, употребляясь главным образом тогда, когда форма повторяется: *darśam-darśam* „непрестанно видя“, *śrāvam-śrāvam* „непрестанно слыша“.

Глава VIII

НЕАРИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА САНСКРИТ

В предшествующих главах была описана история и развитие санскрита, начиная с его отдаленных индоевропейских истоков и до того периода, когда он приобрел свою окончательную и определенную форму в Индии. Этот процесс представлял собой непрерывное языковое изменение, и, когда санскрит был искусственно стабилизирован индийскими грамматиками, он продолжался в народной речи, дав сначала средние индоарийские языки, а затем современные индоарийские языки. До сих пор мы рассматривали только процессы развития, затрагивавшие унаследованный языковой материал, составляющий основную ткань языка. Но это еще не все, что заслуживает внимания, так как в языке мы встречаем много элементов, происхождение которых следует искать за пределами данного языка, а именно во влиянии различных неарийских языков, в контакте с которыми развивался индоарийский.

Такому влиянию, конечно, подверглась главным образом лексика языка. В общих чертах можно сказать, что это влияние видно на фонетическом развитии нового ряда смычных, так называемых церебральных. Сначала церебральные появляются в чисто арийских словах в результате происшедших в них фонетических изменений (*niṣṭa* > *niṣṭa* > *niṣṭa*), и, хотя это развитие есть часть процессов, проходивших внутри самого индоарийского, едва ли можно считать случайным, что это произошло в той единственной ветви индоевропейского, которая находилась в контакте с языками, где такие звуки имелись. Очень возможно, что и в грамматике быстрая утрата и.-е. особенностей на стадиях, следующих за санскритом, ускорилась благодаря восприятию арийской речи народами, первоначально говорившими на других языках. С другой стороны, всегда трудно определить в деталях значение иностранного влияния в языке. Одна особенность в санскрите, которая, возможно, обязана такому влиянию, — это употребление герундия, или соединительного причастия. По форме эти адвербиаль-

ные причастия, конечно, чисто индоевропейского происхождения, их структуру мы анализировали выше. С другой же стороны, этот тип образования не употребляется для таких причастий ни в одном другом и.-е. языке. Иными словами, применение таких наречных форм в качестве особого типа причастий является специфически индоарийской чертой. Но тот же тип причастия с тем же синтаксическим употреблением, оказывается, составляет существенную особенность дравидийских языков. Очень возможно, что такое широкое использование этой формы в санскрите объясняется частично дравидийским влиянием.

Несмотря на то что некоторые такие частности можно небезуспешно изучать с точки зрения чуждых влияний в языке, все же подробное подтверждение этого влияния следует искать главным образом в лексике, и настоящая глава посвящается изучению именно этой стороны вопроса. Основной словарный фонд санскрита — индоевропейский, и в предыдущих главах мы опирались на него, но целый ряд санскритских слов не имеет и.-е. этимологий. На самой ранней стадии языка таких слов мало, но их число прогрессивно возрастает. В среднеиндоарийский период наблюдается дальнейший рост новой лексики, и в современных индоарийских языках также появляется множество слов, не известных на ранних стадиях языка.

Эта тенденция заменять древние, унаследованные и.-е. слова новыми всегда была очень сильна в индоарийском языке. Обычным примером в санскрите является слово *ghoṭaka-* „лошадь“, появляющееся в более позднем санскрите наряду с *aśva-* и вытесняющее его в последующей истории индоарийского. Аналогично слово *śvan-* „собака“ уступает место слову *kukkura-* и его производным. Нередко в санскрите можно встретить пары названий, употребляемых одинаково часто, из которых одно не является арийским, например *māṅjāra-* „кошка“ (*mṅj-*) наряду с *biḍāla-*; *yūāghra-* „тигр“ наряду с *śārdūla-*; *ṛkṣa-* „медведь“ и *bhallūka-*. Иногда количество синонимов гораздо больше. Обычным обозначением слона служит *hastin-* („снабженный рукою“), но кроме него общеупотребительны *gaja-*, *kuñjara-*, *ibha-*, *nāga-* и *mātaṅga-*. А наряду с *maḥiṣa-* „буйвол“ мы встречаем такие названия, как *kāsara-*, *lulāya-*, *sairibha-* и *heramba-*. В этих случаях санскрит явно усвоил местные слова, принадлежавшие первоначально различным языкам, и пестрота санскритской лексики отражает исходное языковое многообразие в Индии, прекратившееся с приходом индоарийского языка.

Эти несколько примеров иллюстрируют сложный характер санскритской лексики; общее количество таких слов из других языков очень велико. Источник их следует искать главным образом в доарийских языках Индии. Возможно, что в Индии существовали различные языковые группы, полностью сметенные наступлением индоарийского языка, и происхождение тех слов, которые санскрит черпал из этих источников, навсегда останется

нам неизвестным. С другой стороны, неарийские языки, сохранившие свое независимое существование, служат ценным источником для изучения иностранных элементов в санскрите. Поэтому будет уместным перечислить входящие сюда различные языковые группы и рассмотреть, что именно дает каждая из них для изучения этой проблемы.

На севере и востоке индоарийский язык граничит с тибето-бирманскими языками, и в пределах политических границ Индии говорят на ряде таких диалектов. Однако, несмотря на такие контакты, следов влияния на индоарийский с этой стороны нет. Эта языковая семья всегда оставалась внешней для Индии в собственном смысле слова. Кроме того, выясняется, что вдоль восточных границ Индии эти народы вытеснили первоначальное австроазиатское население и что, таким образом, этот контакт не является очень древним. Возможно, что небольшое количество санскритских слов можно в конечном счете возвести к этому источнику, но в настоящее время мы не располагаем удовлетворительными свидетельствами такого влияния.

На крайнем северо-западе Индии распространен язык бурушаски, до сих пор стоящий особняком. Есть предположение о связи между бурушаски и некоторыми кавказскими языками, но оно не доказано, хотя возможно, что дальнейшая работа в этом направлении окажется плодотворной. До арийского вторжения в этом районе могла существовать какая-то древняя форма этого языка, и возможно, что он занимал территорию более обширную. Никаких данных о влиянии на санскрит из этого источника не имеется. Это пограничный язык, и его влияние было возможно лишь в самый ранний период индоарийского, поскольку начиная с ведического периода бурушаски был, по-видимому, как и теперь, изолированной единицей в отдаленном горном районе.

В восточной Индии есть семья языков, имеющая немалое значение с этой и с других точек зрения. Мунда, или коларские языки, как их еще называют, никогда не достигали стадии литературных языков, но в научном плане они представляют большую ценность, так как, во-первых, имеются определенные данные о влиянии их на индоарийский язык, а во-вторых, вследствие их связи с мон-кхмерскими и другими языками восточной Индии. Важнейшим центром этого языкового семейства является Чота-Нагпурское плоскогорье, где говорят на сантали, мундари и ряде других довольно близких диалектов. В Ориссе, недалеко от выше-названного района, распространен джуанг, а дальше на юг, на границе Ориссы и Мадраса,— савара, гадаба и еще два диалекта, образующих особую группу внутри семейства мунда. Из них особенно хорошо сохранился савара, меньше, чем другие члены этого семейства, подвергшись индоарийскому влиянию. Самым западным племенем мунда является куркус, занимающее территорию возвышенности Сатпура и Махадео в Мадхья-Прадеш.

Важнейшим языковым семейством в Индии, помимо индоарийского, являются дравидийские языки. Четыре члена этого семейства достигли стадии литературных языков: тамильский, малаям, телугу и канара; в тамильском языке литературная традиция имеет за собой по крайней мере две тысячи лет. Кроме основных языков, есть многочисленные менее значительные нелитературные дравидийские языки, на которых говорят в различных частях Индии, а именно:

- 1) южные: тулу, коорг, тода, ката;
- 2) центральные: а) колами-наики; б) парджи, оллари, поя; в) гонди, конда; г) куи-куви;
- 3) северные: а) курукх, мальто; б) брахуи.

Существование последнего члена этого семейства в Белуджистане, далеко от основного центра дравидийских языков, согласуется с теорией о том, что до арийского завоевания дравидийские языки занимали гораздо большую территорию, включающую значительные районы северной Индии. Сильное влияние дравидийских языков на санскрит, начавшееся в очень ранний период, также, по-видимому, подводит к этому выводу.

Кроме вышеперечисленных, сохранились остатки и других языковых семейств. В „Лингвистическом обзоре Индии“ („The Linguistic Survey of India“) приводятся образцы языка нахали (Нимар, Мадхья-Прадеш), относимого там к семейству языков мунда, однако имеющийся материал — если не считать заимствований из языка курку — заставляет считать нахали отличным от мунда, точно так же как заимствования из дравидийских языков не делают его дравидийским. Географический справочник округа Корапут („Koraput District Gazetteer“) воспроизводит словарь одной ветви языка породжас, который, за вычетом явных заимствований, не имеет отношения ни к одному из известных индийских языков. О таких языках невозможно сказать ничего определенного, так как они не изучены должным образом, но, насколько можно судить, это изолированные остатки того периода, когда языковая картина Индии была гораздо сложнее, чем теперь.

Остатки документации древнего языка Индии были обнаружены при раскопках на месте городов долины Инда третьего тысячелетия до н. э. До сих пор в расшифровке этого наследия не произошло серьезного прогресса, так как нам недоступен ключ к его разгадке. В настоящее время нет возможности узнать, какого типа язык представлен в этих документах, чтобы стало возможно связать его с какой-нибудь из языковых групп, известных в Индии, или же сказать, что это что-то совершенно отличное от них*. Невозможно также выяснить, оказал ли этот язык влияние на санскрит. Есть лишь надежда, что когда-нибудь, с получением новых данных к языковой истории Индии будет добавлена еще одна глава.

Из этого беглого обзора видно, что фактически существуют два источника, откуда неарийские элементы могли проникнуть

В санскрит, — это мунда и дравидийские языки, и в обоих направлениях уже достигнут прогресс. Что касается языков мунда, то трудность состоит в том, что они изучены с неодинаковой степенью полноты. Необходимой основой для изучения их влияния на санскрит является правильное сравнительное изучение самих этих языков, чего нельзя предпринять до создания надежных грамматик и словарей всех самостоятельных членов этого семейства. В настоящее время наиболее полные сведения имеются о северной группе (сантали, мундари и др.), но как раз эта группа подверглась исключительно глубокому влиянию индоарийского. Таким образом, из-за отсутствия полных сравнительных данных часто бывает трудно решить, каким путем шло заимствование. Не решен полностью вопрос и о взаимоотношении языков мунда и мон-кхмер. Имеющихся материалов достаточно для принципиального решения, но детали еще не разработаны. А это, конечно, будет необходимо как для сравнительного изучения самих языков мунда, так и для разрешения специального вопроса об их влиянии на индоарийский.

Ученые, занимавшиеся этой областью санскритского словаря, обычно предполагали связь между мунда и мон-кхмерскими языками как между членами более крупной австро-азиатской семьи. В отдельных случаях такие этимологии можно получить только на материале австро-азиатских языков за пределами Индии. Например, одно из слов, обозначающих слона, упомянутых выше, *mātaṅga-*, объяснено как австро-азиатское „животное с рукой“ (ср. *hastin-*), но формы для сравнения (*tang* „рука“, *maintoṅ* „слон“) приводятся не из Индии, а с Малаккского полуострова. Таков же случай с скр. *aṅgaṇā* „женщины“, которое содержит употребительное австро-азиатское наименование женщины с префиксом *aṅ-*: кхмер. *kaṇ*, мон *k'ṅā* и т. д., с префиксом *a-* — бахарское *akaṇ*, с префиксом *ep-* — никобарское *epkāṇa*. Птица, известная в санскрите как *kulīṅga* („вилохвостый аист“), имеет, по-видимому, австро-азиатское имя (кхаси *khliṅ* „коршун, орел“, кхмер. *khleṅ*, стиенг *khliṅ* „коршун“), но из языков мунда форм не приводится. Обычные австро-азиатские слова могли выйти из употребления в мунда или же неизвестны нам из-за недостаточной документации, и поэтому этимологии, базирующиеся на языках, распространенных за пределами Индии, могут согласоваться с санскритом, получившим эти слова в Индии. В некоторых случаях источник происхождения слова следует определенно искать за пределами Индии, — например, изучая названия ввезенных растений. Так обстоит дело со словом *lavaṅga* „гвоздика“, где происхождение растения, как и название его (яванское *lawañ* и т. д.), следует искать в Индонезии.

Ниже мы приводим краткий список слов, для которых с достаточной вероятностью предложено происхождение из мунда или шире — из австро-азиатского источника.

alābu „бутыл из тыквы“: ср. малайск. labu, labo, кхмер. lbow, батак. labu и т. д.

unduru- „крыса“: с префиксом un-; ср. кхмер. kändōr с другим префиксом, саварское guntur- „крыса“, затем саварское же ondreñ- „крыса“.

kadalī „банан“: ср. сакаи telui, kelui, никобар. talūi, кхмер. tut taloi, палаонг. kloai „род бананового дерева“; савара kin-tēn- „банан“.

karṛāsa- „хлопок“ (> греч. *κάρπασον*): ср. малайск. karas и т. д. Форма без префикса выступает в чау раç, баç, стиенг ratic, что может быть отражено в там. rañci, кан. rañji „хлопок“ и, возможно, в скр. rīcu — то же.

jambāla- „грязь“: ср. сантал. jobo „сырость“. Кхариа jobhi „болотистая почва“, jubilā „сырое поле“, хо. jobe „грязь“, савар. jobbā — то же.

jim-, jemati „есть“ (позднее; употребительно в совр. индоарийском: хинди jevnā „есть“, jīmānā „кормить“, маратхи jevnē „есть“ и т. д.): ср. сантал. jān, курку jome, джуанг. jim, савара jvm и т. д.

tāmbūla- „бетель“: форма с префиксом; ср. алак. balu, кхмер. mluo, бахнар. bōlbu и т. д.; различные префиксы: мон. jālu, халанг. lamlu и т. д. Формы, точно соответствующей санскритской, не приводится, но во всех языках один и тот же корневой элемент.

maṛica- „перец“: ср. савара maṛid-sā-. В этом языке есть также сокращенная форма mid-, показывающая, что г в полной форме слова — инфикс, так что все слово, по-видимому, является сложным. Сокращенная форма основы, возможно, перешла в дравидийский (там. miṭaku „перец“).

laṅgala- „пflug“, пали paṅgala: ср., с различными префиксами, кхмер. aṅkāl, чам. laṅal, laṅar, кхаси ka-lyncor, малайск. teṅgala, taṅgala, батак. tiṅgala, макассар. paṅkala. В языках мунда есть сантал. paṅel. Это слово интересно, так как дравидийские языки заимствовали независимо из того же источника: там. pāñciṭ, канара pēgal и т. п. Форма без префикса с переходом k > h, характерным для северной группы языков мунда, появляется в санскрите, как hala- „пflug“.

saṛṣara- „горчица“, пракр. sāśava-, ср. малайск. sasawī и т. п.; др.-там. aiyaṅvi (< *sasavi) является самостоятельным заимствованием из австро-азиатских языков.

Этот краткий подбор слов достаточен для того, чтобы показать значение австро-азиатских языков как источника санскритских слов. Можно надеяться, что, когда эти языки будут должным образом изучены и будет должным образом проведено их сравнение, материал сильно возрастет, что даст нам возможность с большей уверенностью говорить о детальной истории рассматриваемых форм. В настоящее же время такие исследования находятся в зачаточном состоянии, так что невозможно

определить, какая часть индоарийской лексики в конечном счете окажется восходящей к этому источнику.

Самым важным источником иностранных элементов санскритской лексики являются дравидийские языки. Хотя сравнительное их изучение находится в младенческом состоянии, положение здесь гораздо лучше, чем с языками мунда. Для большинства литературных языков имеется исчерпывающий лексикографический материал, и хотя остается еще многое сделать для первоначальной разработки второстепенных языков, все же о них мы знаем больше, чем о большинстве языков мунда. Изучению влияния дравидийских языков на санскрит уделялось большее внимание, и достигнуты более значительные результаты. Выяснилось, что значительная часть санскритской лексики — дравидийского происхождения и что дравидийское влияние осуществлялось в течение длительного периода в истории языка.

Влияние дравидийских языков на санскрит можно проиллюстрировать списком наиболее важных и достоверных дравидийских заимствований:

agigu- „ароматная древесина алоэ“: там. мал. *akil*, тул. *agilū* — то же.

aṅkola- „*Alangium hexapetalum*“ (растение): там. *aṅṅil*, мал. *aṅṅil* — то же.

apala- „огонь“: там. *apaḷ* „огонь“, глагол „гореть“, мал. *apaḷ* „огонь, жара“, кан. *apalu* „жара“.

arka- „*Calotropis gigantea*“: там. *erukku*, мал. *erikku*, кан. *erke*, *ekke*, *yakka*, тул. *ekkamāle*, *ekkame* — то же.

alasa- „ленивый, усталый, слабый“: там. *alasu* „быть измученным, уставать“, *alasaḷ* „леность, слабость“, *alasi* „лениться“, *alaiyaḷ* „слабеющий, поникающий“, мал. *alayuika* „быть усталым“, *alasaḷ* „усталость“, кан. *alasu* „утомляться, измучиваться“ и т. д.*

ārabhaṭa- „неистовый, буйный, шумный“: кан. *ārbhaṭa* „громко плачущий, ревуший“, тул. *ārbhaṭa* „страшный шум, рев“, там. *ārbhaṭamu* „крик, рев“.

uṅch- „собирать колосья (после жатвы), наскрести“ (ргоṅch- „тереть, вытирать, стирать“): там. *uṅṅi* „тереть, скрести“, кан. *uṅṅi* „тереть“ и т. д.

ulāra- „кустарник, род мягкой травы, ползучее растение“: там. *ulavai* „зеленая ветвь с листьями, ветка дерева; роца; название различных кустарников“.

ulupin- „морская свинка“: кан. *ulaci*, там. *ulusa*, *ulasa*.

ulūkhala- „ступка“: там. *ulakkai* „пестик (в ступке)“, мал. *ulakka*, кан. *olake* — то же, тел. *ūkali* „большой деревянный пест“.

eḍa- „овца, баран, дикий козел“: там. *uḍu*, *āḍu* „козел, овца“, мал. *āḍu* — то же, кан. *āḍu* „козел“, тул. *eḍu* — то же, тел. *eḍa* „баран“, гонди *uḍi* „коза“, брахуи *heḍ* — то же.

капка- „цапля“: ср. там., мал., кан. kokku „журавль, аист, цапля“, тул. koŋgu „журавль“, тел. koŋga, куви koŋgi—то же.
kajjala- „сажа, копоть“: там. kaŋical „чернота“.

kaṭu- „острый, едкий, резкий“: там. kaṭu „суровый, резкий, острый“, мал. kaṭu- „крайний, стремительный, неистовый“, kaṭukka „становиться твердым, острым“, кан., тел., тул. kaṭu „суровый, напряженный“.

kaṭhina- „твердый, трудный, жесткий“: там. kaṭṭi „что-либо затвердевшее, сгустившееся“, кан. kaṭugu „затвердевать“, gaṭṭi „крепость, твердость“, тул. gaṭṭi „крепкий, твердый“, тел. kaṭṭiḍi „с черствым сердцем, жестокосердый“, gaṭṭi „твердый, крепкий“.

kaṭiḡa- „побег бамбука“: ср. кан. kaṭiḡe „бамбуковый росток“, тул. kaṭiḡe, парджи kaṭṭi, кур. khagā— то же, брахуи khagging „прорастать“.

kaluṣa- „мутный“; там. kaluṣ „мутнеть“, kaluṣi „мутная вода“, ср. там. kalaṭku „быть взбудораженным“, кур. khalakhnā „волновать, мутить, баламутить“ и т. д.

kāka- „ворона“: там. kākkaṭ, мал. kākka, кан. kāke, парджи kākaḷ, кур. khākhā, мальт. qāqe, брахуи khākhō—то же.

kāsa-, kāja- „несущее ярмо“: там. kā—то же, kāvu „нести как ярмо“, парджи kāsaḷ „несущее ярмо“, kāñ- „нести как ярмо, куи kāsa, куви kāñju „несущее ярмо“.

kañsika-, kañjika- „рисовая каша“: там. kañsi, мал. kañṭi, кан., тул., тел. gañji—то же.

kāpana- „лес“: там. kā „лес“, kāñ—то же, kāpan „лесистая местность, роща“, kānal „роща или лес на морском берегу“, мал. kāvu „сад, роща“, kānal „высохшие джунгли“, кан. kā „лес“.

kāla- „черный“: там. kāḡ, кан. kāḡ „чернота“, kaḡgu „чернеть“.

kuṭa- „горшок“: там., мал. kuṭam, кан. koḡa, кот. koḡm—то же.

kuṭi- „хижина, дом“: там., мал. kuṭi, кан., тул., тел. guḍi „хижина, дом, храм“, куи kīḡi „хижина“.

kuṭiḷa- „горбатый, согнутый, кривой“: там. koṭu „согнутый“, kuṭa „искривленный, согнутый“, kuṭavu „сгибать, искривлять“, мал. koṭu, кан. kuṭu „кривой“*.

kuṭṭ- „толочь, колотить“: там., кан. kuṭṭu „колотить, бить“, мальт. qoṭe „стучать, бить“, кур. khōṭṭnā „ломать“ и т. д.

kuṭṭa- „нора, яма“: там. kuṭṭu „дупло, полость, лужа, яма“, мал. kuṭṭu „нора, яма“, кан. kuṭṭe, kuṭṭa, guṭṭi „нора, яма“, и т. д.

kuṭṭa- „горшок“, ср. kuṭa- и т. д.

kuṭṭa- „купа, группа (дереьев)“: кан. koṭṭe „кисточка (украшение)“, goṭṭe „гроздь, пучок, кисточка (украшение)“, тул. goṭṭe—то же.

kuṭṭala- „кольцо, серьга, кольцо веревки“: ср. кан. guṭṭa, guṭṭu „круглый, круг“, тул. guṭṭu „что-либо круглое“, guṭṭala „украшение в ушах“, тел. guṭṭana „округлость“, guṭṭani „круглый“.

kuddāla- „род лопаты или мотыги“: кан. guddali „род мотыги“, тул. guddoli, тел. guddali—то же, guddaliñceu „взрыхлять мотыгой“, кат. kudāu „мотыга“, мальт. qodali—то же; ср. кан. guddu „бить, толочь“ и т. д.

kuntala- „волосы на голове“: там., мал. kūntal, кан. kūdal—то же.

kuḡula- „завиток, локон“: там. kuḡuḷ „завивать, завиток“, мал. kuḡuḷ „завитки“, кан. kuḡuḷ, тел. kuḡulu—то же.

kulatha- „Dolichos uniflorus“: там. koḷ, мал. koḷḷu, тул. kuḷḷu, парджи kol—то же.

kuvaḷaya- „лотос“: там. kuvaḷai, кан. kōmaḷe, kōvaḷ, koḷe—то же.

kūrd- „прыгать, скакать, играть“: ср. там. kuti „скакать, прыгать“, мал. kuti „прыгать, скакать галопом“, кан. kuduku „рысь“ (аллюр); gudi „прыгать“; ср. также там., мал. kūttu „танцевать“, кан. kūtu „танцевать, играть“.

kūpa- „мачта“: там., мал. kūmpu, тул. kūvē, kuvè—то же.

ketaka- „Pandanus odoratissimus“: там. kaitai, kaital, мал. kaitā, кан. kēdage, тел. gēdage—то же.

keṃuka- (также kevuka-, kesuka, kacu-, kacvī) „Colocasia antiquorum“: там., мал. cēmpu, тул. cēvu, tēvu, кан. kesu, kesa, kesavu, kēsu, kēsave, тел. cēṃa—то же.

koḷaga- „дупло, пустота, впадина“: кан. goḷagu, goḷgu, ср. goḷagu „дупло, нора“, koḷṭa, goḷṭa „бамбуковая трубка“ и т. д.

koḷa- „угол“: там. kōḷ „изогнутость, угол“, kōḷu „быть согнутым, искривленным“, мал. kōḷ „угол“, kōḷuka „сгибать“, кан. kōḷ, kōḷe, тул. kōḷe, тел. kōḷa „угол“.

koraka- „почка“: там. kuḷai „побег, отросток“, куи kōḷu „новый побег или почка“, гонди koḷsānā „пускать ростки“, кур. khōḷṅā „выпускать новые листья“, khōḷ „почка, молодые листья“, мальт. qōḷose „пускать ростки“.

khāla- „гумно, ток“: там., мал. kaḷam „гумно, открытое место“, кан. kaḷa, kaḷa „гумно“, тел. kaḷapu, парджи kaḷi, гонди kaḷa, куи klai—то же.

khāla- „мошенник, плут“: там. kaḷ „красть“, kaḷvan „вор“, kaḷavu „кража, обман“, кан. kaḷḷa „вор“, тел. kaḷla „обман“, kaḷlaḷi „мошенник“ и т. д.

gaṇḍa- „глыба, нарост, фурункул“: кан. gaṇḍe „толстое корневище, глыба“, gaṇḷe, gaṇḍe, geṇḍe—то же. Ср. также скр. gaṇḍu „нарост, глыба“ из того же источника.

giḷa- „шар, мяч“: тел. giḷusu „окружность, круг“, giḷḍu „глазное яблоко“, goḷḍa „цилиндрический камень“, кан. giḷasu „что-либо круглое“, giḷḍu „глазное яблоко“ и т. д.

giḷa- „древесный червь“: кан. goṇḷe (-puḷu)—то же.

gūka- „сова“: там. kūkaḷ, кан. gūgi, gūge, gūbi, тел. gūbi, gūba—то же.

sikkaṇa- „маслянистый, вязкий“: ср. там., мал. sikku „крепко прилипнуть“, кан. sikku—то же, sigil, jigil „быть вязким, клейким“, jigaṭu „липкость, клейкость“.

satuga- „ловкий, искусный“: там. satur „способность, искусство“, тул. saduru „мастерство“, кан. saduru, seduru „ловкость“, тел. saduru „заучивать, учиться“, saduru „сообразительность, ловкость“.

sandana- „сандаловое дерево“: там. sāntu „сандаловая мазь, мазь“, sāttu „мазать“, мал. sāntu „сандаловая мазь“, кан. sādu „ароматное вещество“, тел. sādu „растирать в мазь“.

sareṭa „шлепок ладонью“: кан. sarraṭisu „шлепать“, sarraṭi „хлопанье в ладоши“, тел. sarraṭa „удар в ладоши“.

simb- „целовать“: там. cūrri „сосать“, cūrru „сосать, ласкать губами“, тул. jumbini „сосать“ и т. д.

sūḍā- „хохол, гребешок“: там. cūṭu „носить на голове; хо- хол, гребешок“, мал. cūṭuka „носить на голове“, cūṭtu „пету- шинный гребень“, кан. sūḍu.

talina- „тонкий, стройный, тощий, прозрачный“: кан. teḷ „тонкость, изящество“, teḷḷage „тонкий, нежный“, teḷḷane—то же и т. д.

tāḍaka-, tāla-, tālaka- „замок, засов“: там. tāḡ „засов, за- движка“, tāḡ-kkōl—то же, мал., кан. tāḡ, тул. tārkolu—то же.

tāmarasa- „лотос“: там. tāmarai, мал. tāmara, кан. tāmare, tāvare, тел. tāmara, парджи tāmar—то же.

tāla- „пальмирская пальма“: кан. tāḡ, тел. tāḍu—то же.

tubarī- „Cajanus indicus“: там. tuvarai, мал. tuvara, кан. togari, tovari, тул. togari, togare—то же.

tuvara- „вяжущий“: там. tuvār „быть вяжущим: вязкость“, tuvarrru „вяжущий вкус“, кан. tuvara-, tovara-, togari, togaru „вяжущий“, куи togra „быть вяжущим“.

tūla- „хлопок, пух“: там., мал. tūval „перо, пух“ и т. д.

daṇḍa- „палка, дубина, ствол, ручка“: там. taṇṭu „стебель, жезл“, кан. daṇṭu „стебель“, daṇḍa „жезл“, тул. daṇṭu „стебель“, daṇṭe „трость“, daṇḍu „стебель“, тел. daṇṭu „стебель“.

nakra- „аллигатор“: кан. negaḡ, тул. negaru, тел. negaḍu—то же.

nibiḍa- „плотно сжатый, тесный, плотный“: ср. там. ṇemiṭtu, niṇiṇṭu „давить, сжимать“, мал. ṇamiṇṭu, ṇeviṇṭu—то же, тул. paṇṭuni „щипать“.

niḡuṇḍi- „Vitex negundo“: там., мал. possi, тул. nekki, кан. nekki, lekki, lakki—то же.

nīra- „вода“: там., мал., кан. nīḡ, тул. nīḡu, тел. nīḡu, парджи nīḡ „вода“, куи nīḡ „сок, эссенция“, брахуи dīr „вода“.

paṭola- „Trichosanthes dioeca“: там. puṭal, puṭalai, мал. puṭṭal, piṭṭal, кан. poṭla—то же.

paṇ- „торговаться, держать пари“; paṇa- „пари, договор, со- глашение“: там. ruṇai „связывать; связь, узы, залог, обеспече- ние“, кан. roṇe „узы, поручительство“, тул. ruṇè—то же.

paṇḍa- „евнух, женоподобный мужчина“: ср. там. peṇ, peṇṭu „женщина“, peṇṭaiyaṇ, peṇṭi „гермафродит“, кан. peṇ, peṇḍa „женщина“, тел. peṇṭi „самка“, peṇṭi „евнух“.

paṇḍita- „мудрый, ученый“; собственно „созревший, зрелый“: ср. тел. paṇḍu „созревать; зрелый“, paṇḍa „мудрость, ум“, парджи paṇḍ- „созревать“, гонди, кол. paṇḍ- „зреть“.

palli „домашняя ящерица“: там., мал., кан., тул. palli, тел. balli — то же.

palli- „небольшая деревня“: там., мал., кан. paṇṭi „деревушка, поселок“, тел. palli, palliya „небольшая деревня“.

pāli- „ряд, линия, край, ров, насыпь“: кан. pāṇi „ряд, линия, регулярность, метод, правило“, мал. pāli „ряд, линия“, тел. pāṇi „правильность“.

piṇḍa- „нарыв, пузырь“: ср. тул. piṇḍa, poṇḍa „прыщ, пузырь“, piṇḍi „болячка, язва“, гонди boṇḍa „пузырь“, куи poṇḍo i „нарыв“, poṇḍoṅi „пузырь“, āṇṇiṇṇi „оспины“.

piṇḍa- „глыба, ком“: кан. peṇṭa, peṇṭe, peṇṭe, heṇṭe, heṇṭe „глыба, ком земли“, тел. peṇḍa, pella — то же, piṇḍali „глыба или масса“, кан., тел. piṇḍu „стискивать“.

piṇḍha- „оперенный конец стрелы“: там. piṇḍuku „наконечник стрелы“, кан. piṇḍuku, piṇḍu „оперенный конец стрелы“.

piṇḍa- „складка, карман, корзина“: там. piṇḍiṇṇi „корзина, футляр“, кан. piṇḍi „корзина из листьев“ и т. д., тел. piṇḍi „корзина для цветов“, куи piṇḍi „корзина“. Ср. также скр. piṇḍa- „корзина“.

piṇḍikā- „термит“: ср. там. piṇḍu, кан. piṇḍu, тел. piṇḍa, мальт. piṇḍe „муравейник“. Это дравидийское слово также выступает в скр. как piṇḍa — в слове piṇḍakaruṇḍa- „муравейник“.

piṇḍāga- „*Calophyllum inophyllum*“: там. piṇḍai, мал. piṇḍa, кан. piṇḍe, piṇḍike, тул. piṇḍe, тел. piṇḍa — то же.

paṇḍa- „журавль“: там. vakkā, vaṇḍā „белый аист“, тел. vakku „журавль“.

paṇḍa- „сила“: там. val „сильный“, valam „сила“, мал. val „сильный“, кан. bal „сильный“, balume, baluhu „сила, могущество“, тул. balu „большой, могущественный“, тел. vali, valuda — то же и т. д.*

paṇḍāla-, piṇḍāla- „кошка“: там., мал. veṇḍuku, кан. beṇḍu, гонди warkāṅ, кур. beṇḍhā родственны по корню, но образуются с другим суффиксом.

paṇḍa- „дыра, нора, пещера“: там. viṇḍavu „трещина“, viṇḍi, viṇḍu „трескаться, раскалываться“, мал. viṇḍu „трескаться“, viṇḍai „пустота, дыра“, viṇḍu „трещина, отверстие“.

paṇḍa- „*Aegle marmelos*“: там. viṇḍā, viṇḍavu, veṇḍiṇṇi, мал. viṇḍā, кан. beṇḍaval, тел. veṇḍā — то же.

paṇḍa- „смущенный, изумленный“ (будд. скр. maṇḍu-): там. maṇḍu „утомляться; тупость, леность“, maṇḍu „тускнеть, терять блеск“, мал. maṇḍuka — то же, кан. maṇḍu „тусклость, неясность“, maṇḍu „тускнеть, слабость“.

maṭaci „кузнечик, саранча“: кан. miḍice, miḍite—то же, тел. miḍuta, парджи miṭaka, кол. miṭṭe—то же.

mauṅga- „павлин“: там. maṅṅai, mauṅ, мал. mauṅ, тул. maṅṅ, парджи maṅṅil—то же.

mallikā „жасмин“: там. mullai, мал. mulla, кан. molle, тел. molla—то же.

maṣi- „чернила, копоть“: там. mai „чернота, чернила, копоть“, кан. masi „грязь, нечистота, сажа, чернила“, тул. maji „уголь, черный порошок, чернила“, куи māsi „грязь“.

mahilā „женщина, самка“: там. makaḷ „дочь, женщина, жена“, makaṭu—то же, мал. makaḷ „дочь“, тул. magaḷu, парджи mā—то же.

mālā- „венки, гирлянда“: там. mālai, мал., тел. māla, кан. māle—то же; ср. далее там. malai „носить в виде гирлянды“, а также там. и др. malag „цветок“.

mīna- „рыба“: там. mīn, кан. mīn, тел. mīnu, гонди, парджи mīn, куи, мальт. mīnu—то же.

mukiṭa- „гребешок (птицы), диадема“: там., мал. mikaṭu „верхушка, самая высокая часть, голова“, там. mussi „маковка голы“, мал. mukaḷ „вершина, горный хребет, крыша“, кан., тел. mogaḍu „гребень крыши“, тул. mugili „башенка“, гонди mukug „петушинный гребень“.

mukula- „почка, бутон“: там., мал. mukig „почка“, там. mukai „распускаться, прорасти; почка“, там. mōkkuḷ „почка“, кан. muguḷ „почка; прорасти“, moggu, mogge „почка“, куи mogo—то же.

muktā „жемчуг“: там. muttu, muttam, мал., кан., тул. muttu—то же*.

mugaḷa- „барабан“: там. mugasi—то же, mugavat „барабан; шум, эхо“, mugal „звучать“, кан. moge „жужжать, гудеть“, тел. mogaṅu „звучать“.

miruṅgi- „Moringa pterygosperma“: там. miruṅkai, мал. miriṅṅa, кан. pugge, puggi, тул. purige, purge, тел. mupaga, парджи mulṅga—то же.

lālā- „слюна, плевки“: мал. ḷōḷa, pōḷa, тул. ḷōli, pōḷe, кан. lōḷe—то же.

vaḷaya- „браслет“: там. vaḷai „круг, браслет“ и т. д., глагол „сгибать, быть округлым, окружать“, кан. vaḷe „браслет“, vaḷasu „обходить кругом, окружать“.

valli- „ползучее растение“: там., мал. vaḷli, кан. vaḷli, тел. valli—то же.

śakala- „рыбья чешуя; кора“ (śalka-, śalkala—то же): там. sekiḷ „кожура или корка плода; рыбья чешуя“, тул. saḷuḷi „кожура плода“, мальт. sheglo—то же.

śaṭha- „обманчивый; бесчестный“: кан. soṭṭa, soṭṭa „искривленность“, saṭi, seṭe, seṭe „сгибаться, склоняться“, тел. soṭṭa „искривленность, хромота“.

śava- „труп“: там. *sā* „умирать“, *sāvu* „смерть“, кан. *sā* „умирать“, *sāvu* „смерть; труп“, тел. *saccu* „умирать“, *sāvu* „смерть“ и т. д.*.

śūgra- „веялка“: кан. *tūru* „веять“, *tūruvike* „веяние“, тул. *tūru* „веяние“, *tūrupi* „веять“, тел. *tūrpīḍi* „веяние“, *tūrpettu* „веять“.

sīmikā „муравей“: тел. *sīma*, кол. *sī-ma*, куви *sīma*—то же.

hīntāla- „болотная финиковая пальма“: там. *īntu* „финиковая пальма“, *īncu*, *īccam-panai* „финиковая пальма“, мал. *itta*, *ittal*, кан. *īcal*, *īcil*, тул. *īncīḷu*, *īcilu*, тел. *īdu*, *īdāḍu*—то же.

huḍukka- „маленький барабан“: там. *uḷukku*, *uḷukkai*—то же, мал. *uḷukka*, тул. *uḷuku*, тел. *uḷuka*—то же.

hegamba- „буйвол“: там. *egumai*, мал. *egima*, *eguma*, кан. *emme*, тул. *egme*, гонди *egmī*, *armī*—то же.

Относительно времени, когда эти слова попали в санскрит, можно сказать, что большинство из них относится к послеведическому периоду. С другой стороны, важно отметить, что небольшое ядро их находим уже в Ригведе. Таковы: *ulūkhala-*, *kaṭuka-*, *kuṇḍa-*, *khala-*, *daṇḍa-*, *piṇḍa-*, *bala-*, *bila-*, *mauūra-*. Сравнительно небольшое количество добавилось в позднейших самхитах (например, Ав. *tūla-*, *bilva*, ВС. *kaṅka-*, *śūgra*) и в Брахманах (например, ШБр. *arka-*, *alasa-*, *paṇḍita-*, *maṅku-*, *śava-*). Подавляющее большинство этих слов впервые появляется в классический период, но на его ранней стадии, и встречается впервые у Панини, Патанджали, в Махабхарате, Шраугасутре и др. Многие также встречаются в пали, что важно для датировки, так как эти канонические тексты восходят к 500—300 гг. до н. э. Количество этих слов, появляющихся впервые лишь в поздней санскритской литературе, сравнительно невелико. В отношении санскрита ясно, что период активного заимствования из дравидийских языков вполне закончился к началу нашей эры. В пракрите имеются новые заимствования из дравидийских языков, но их гораздо меньше по сравнению с засвидетельствованными в раннем периоде санскрита. Они составляют лишь небольшой процент новой лексики пракрита. Общеупотребительная лексика современных языков по сравнению с пракритом содержит опять-таки новые элементы, но очень редко можно установить дравидийское их происхождение.

Из этого обзора явствует, что основное влияние дравидийских языков на индоарийский было особенно активным в определенный исторический период, а именно между поздним ведическим периодом и образованием классического языка. Это имеет значение для определения территории, на которой осуществлялось это влияние. Мало вероятно, чтобы в этот период такое влияние могли оказать дравидийские языки юга Индии. Интенсивных контактов с южной Индией не было до маурийского периода, а к тому времени большинство этих слов уже вошло в индо-

арийский язык. Если это влияние осуществлялось на севере — в центральной долине Ганга и в классической Мадхьядеше, — то предположение, что среди доарийского населения этой территории имела значительная прослойка говоривших на дравидийских языках, послужит наилучшим объяснением проникновения дравидийских слов в санскрит. Даже теперь в северной Индии сохраняются дравидийские языки курук и мальто, как островки, оставшиеся от некогда обширной территории распространения дравидийских языков. Дравидийские слова в Ригведе свидетельствуют о наличии дравидийских языков в северо-западной Индии того периода. В Белуджистане брахуи остается современным представителем северо-западных дравидийских языков.

Из сказанного следует, что проблема дравидийских заимствований в санскрите несколько отличается от того, с чем мы обычно сталкиваемся при изучении заимствованных слов, вследствие того что диалекты или языки, из которых происходило заимствование, исчезли, не оставив после себя памятников, а большинство дравидийских языков юга страны, с которыми главным образом следует производить сравнение, разделены большими расстояниями в пространстве и тысячелетиями и даже более — во времени. К счастью, различия между дравидийскими языками не настолько велики, чтобы сделать реконструкцию исходных форм языка сомнительной. Форма слов, встречаемых в заимствованных санскритских словах, по существу не отличается от той формы, которую мы восстанавливаем путем сравнительного изучения существующих дравидийских языков. Дравидийские языки развивались не с такой быстротой, как индоарийский, и вследствие этого классические дравидийские языки, и даже второстепенные разговорные языки, записанные только в последнее время, можно удачно использовать для того, чтобы проследить дравидийские истоки санскритских слов, заимствованных из этих языков, прежде чем какой-либо из них был записан, а также из других древних дравидийских диалектов, которые исчезли*.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ*

- Allen, W. S., *Phonetics in ancient India*, Oxford, 1953.
- Arntz, H., *Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Balto-slavisch*, Heidelberg, 1933.
- Benveniste, E., *Origines de la formation des noms en indo-européen*, I, Paris, 1933 [Э. Бенвенист, *Индоевропейское именное словообразование*, М., 1955.]
- Bloch, J., *L'indo-aryen du Veda aux temps modernes*, Paris, 1934.
- [O. Böhtlingk, *Sanskrit Wörterbuch in kürzerer Fassung*, I—VII, SPB., 1879—1889.]
- Brugmann, K., *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indo-germanischen Sprachen*, Bd. I—V, 2-е изд. Strassburg, 1897—1916.
- Brugmann K., *Kurze vergleichende Grammatik der indo-germanischen Sprachen*, Strassburg, 1902-1904 (перевзд., Berlin, 1922).
- Bühler, J. G., *Indische Paläographie*, Strassburg, 1896.
- Chatterji, S. K., *Indo-Aryan and Hindi*, Ahmedabad, 1942.
- Delbrück, B., *Altindische Syntax*, Halle, 1888.
- Edgerton, F., *Buddhist Hybrid Sanskrit*, I Grammar, II Dictionary, New-Haven, 1953.
- [Evidence for Laryngeals. Ed. by Werner Winter, The Hague, 1965.]
- Friedrich, J., *Hethitisches Elementarbuch*, I, Heidelberg, 1940.
- [И. Фридрих, *Краткая грамматика хеттского языка*, М., 1952.]
- Geiger, W., *Pali Literatur und Sprache*, Strassburg, 1916.
- Ghosh, B., *Linguistic Introduction to Sanskrit*, Calcutta, 1937.

---

* Поскольку со времени выхода в свет книги Т. Барроу появился ряд важных исследований в области древнеиндийского и индоевропейского языкознания, было сочтено необходимым внести некоторые дополнения в библиографию, включая и указания на книги, появившиеся в русском переводе. Все дополнения даны в квадратных скобках. Некоторые другие работы о санскрите, посвященные более частным проблемам, указаны в комментариях. Исправления отдельных опечаток и ошибок особо не оговариваются.— *Ред.*

- [Gonda, J., Old Indian,—„Handbuch der Orientalistik“, 2. Abt., 1. Bd., 1. Abschn., Leiden—Köln, 1971.]
- Hendriksen, H., Untersuchungen über die Bedeutung des Hethitischen für die Laryngalthorie, København, 1941.
- [Hoffmann, K., Der Injunktiv im Veda, Heidelberg, 1967.]
- Jacobsohn, H., Arier und Ugrofinnen, Göttingen, 1922.
- Kent, R. G., Old Persian Grammar, Texts, Lexicon, New-Haven, 1950.
- Kuryłowicz, J., L'accentuation des langues indo-européennes, Kraków, 1952.
- Kuryłowicz, J., Études indo-européennes, Kraków, 1935.
- [Kuryłowicz, J., L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956]
- [Kuryłowicz, J., The Inflexional Categories of Indo-European, Heidelberg, 1964]
- Macdonell, A. A., Vedic Grammar, Strassburg, 1910.
- Mansion, J., Esquisse d'une histoire de la langue sanskrite, Paris, 1931.
- Mayrhofer, M., Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen (печатается выпусками), Heidelberg, 1953 ff.
- Meillet, A., Les dialectes indo-européennes, Paris, 1908 (1922).
- Meillet, A., Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, 8 éd., Paris, 1937 (1949). [А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М., 1938.]
- Pedersen, H., Hettitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, København, 1938.
- Pedersen, H., Tocharisch von Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung, København, 1941.
- Pisani, V., Grammatica del Antico Indiano (не закончено), Roma, 1930—33.
- Pischel, R., Grammatik der Prakrit-Sprachen, Strassburg, 1900.
- Pokorný, J., Indogermanisches etymologisches Wörterbuch (печатается выпусками), Bern, 1948 ff.
- Reichert, H., Avestisches Elementarbuch, Heidelberg, 1909.
- Renou, L., Grammaire sanskrite, I—II, Paris, 1930.
- Renou, L., Grammaire de la langue védique, Paris, 1952.
- [Renou, L., Histoire de la langue sanskrite, Lyon—Paris, 1956]
- Specht, F., Der Ursprung der indogermanischen Deklination, [Breslau, 1944 (Göttingen, 1947)]
- Speyer, J., Sanskrit Syntax, Leiden, 1886.
- Speyer, J., Vedische und Sanskrit-Syntax, Strassburg, 1896.
- Sturtevant, E. H., The Indo-Hittite Laryngeals, Baltimore, 1942.
- Sturtevant, E. H., A Comparative Grammar of the Hittite Language (Revised Edition), I, New-Haven, 1951 [в соавторстве с А. Хahn.]
- [Thumb, A., Hauschild R., Handbuch des Sanskrit, I—II, Heidelberg, 1953—1958]
- Uhlenbeck, C. C., Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen Sprache, Amsterdam, 1898—1899.

- Wackernagel, J. and Debrunner, A. Altindische Grammatik, B. I—III, Göttingen, 1896—1954 [Einleitung, Göttingen, 1957; ed. L. Renou].
- Walde, A., Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, herausgegeben und bearbeitet von J. Pokorny, I—III, Berlin und Leipzig, 1927—1932.
- [Watkins, C., Indogermanische Grammatik, Bd. III: Formenlehre. 1. Teil. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion, Heidelberg, 1969.]
- Whitney, W. D., A Sanskrit Grammar [Cambridge. Massachusetts, 1950]

ПРИМЕЧАНИЯ

Предлагаемая здесь в переводе книга Т. Барроу вызвала весьма оживленную дискуссию, в которой приняли участие многие виднейшие индологи и специалисты по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. В рецензиях указывались довольно многочисленные ошибки, неточности, спорные места. Поэтому было сочтено полезным при подготовке русского издания исправить явные опечатки или отступления от принятой в настоящее время орфографии в написании примеров (не оговаривая эти исправления каждый раз).

В примечаниях содержатся указания на более существенные неточности в книге Т. Барроу и в ряде случаев предлагаются более целесообразные (или по крайней мере более общепринятые) решения обсуждаемых вопросов.

Наконец, кое-где указываются новые исследования, появившиеся уже после 1955 г. и существенные для понимания ряда вопросов, затронутых в книге.

Основные рецензии на книгу Т. Барроу „Санскрит“:

1. P. Thieme—„Language“ XXXI, 1955, стр. 428, 448.
2. M. Maughofer—„Deutsche Literaturzeitung“, 76. Jg., Hf. 12, 1955, стр. 898—901.
3. E. Benveniste—„Bulletin de la Société de Linguistique de Paris“, LI, fasc. 2, 1955, стр. 24—27.
4. F. Edgerton—„Journal of the American Oriental Society“, vol. 76, 1956, стр. 192—196.
5. A. Martinet—„Word“ XII, № 2, 1956, стр. 304—312.
6. R. L. Turner—„Journal of the Royal Asiatic Society“, 1956, стр. 113—114.
7. M. Leumann—„Kratylos“ I, 1956, стр. 26—32.
8. Ruipérez—„Emerita“ XXIII, 1955, стр. 305—306.
9. H. van Looy—„Bibliotheca Orientalis“ XIII, 1956, стр. 174.
10. H. Berger—„Orientalistische Literaturzeitung“ 53. Jg., 1958, стр. 469—474.
11. H. Hendriksen—„Acta Orientalia“ (Copenhagen), XXII, № 3/4, 1957, стр. 171—172.

Ср. также: J. Gonda, Professor Burrow and the Prehistory of Sanskrit,—„Lingua“, 6, 1957, стр. 287—300.

К стр. 12. *Это замечание верно лишь в том смысле, что язык ведийских гимнов и гимнов Авесты действительно ближе друг к другу, чем известные с гораздо более позднего времени славянские и балтийские языки, а потому возможна реконструкция некоего общего источника для языка древнейших индийских и иранских гимнов. Если же иметь в виду всю совокупность исторически засвидетельствованных индийских и иранских языков, то окажется, что проблема сведения их к единому источнику не менее сложна, чем в случае балто-славянского (ср. особенные сложности, связанные

с дардскими языками или с восточноиранскими языками прошлого и настоящего).

*Следует иметь в виду, что письменные источники на диалекте крито-микенских надписей линейного письма В восходят к середине 2-го тысячелетия до нашей эры и, следовательно, гораздо старше гомеровских поэм.

К стр. 13. *Возможно, наиболее старые тохарские рукописи относятся к V в. н. э.

К стр. 18. *Из последних работ, посвященных пространственному разmeshению древнейших индоевропейских диалектов, см.: Н. Крахе, Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; W. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954 (русский перевод: В. Порциг, Членение индоевропейской языковой области, М., 1964); В. И. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958 и др.

К стр. 24. *Здесь не учитывается, что наряду с „западными“ формами с -m (ср. лат. sp̄ma, англ. foam) существуют и „восточные“ с тем же элементом (ср. авест. sp̄ma, согд. pum'kh), противостоящие формам с -n того же корня (ср. скр. p̄na-). Ср. Э. Бенвенист.

К стр. 26. *Ср. также Th. Burrow, Sanskrit ḡ/gur "to welcome" — BSOAS 20, 1957, стр. 133—144.

*Рассуждения автора об отсутствии иранского влияния на славянские языки вызывают удивление, ср. длительную традицию исследований в этой области и несомненные результаты, достигнутые в ней. Об итогах см.: J. Rozwadowski, Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi a irańskimi, — „Rocznik Orientalistyczny“ I, 1914—1915; A. Meillet, Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien, — „Revue des études slaves“ VI, 1926; K. Moszyński, Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego, Wrocław — Kraków, 1957; А. А. Зализняк, Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода, — ВСЯз. 6, 1962; Он же, О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами, — „Краткие Сообщения Института Славяноведения“ 38, 1963; О. Н. Трубачев, Из славяно-иранских лексических отношений, — „Этимология 1965“, М., 1967 и др.

К стр. 33. *Из новейшей литературы об арийском языковом элементе на Ближнем Востоке см. R. Hauschild, Über die frühesten Arier im alten Orient, Berlin, 1962; его же, Die indogermanischen Völker und Sprachen Kleinasien, Berlin, 1964; M. Mayrhofer, Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien. — „Die Sprache“ Bd. 5, 1959, стр. 77—95; его же, Über einige arische Wörter mit hurritischem Suffix, — „Istituto Universitario Orientale. Annali, Sezione Linguistica“ I, 1, Roma, 1959, стр. 1—12; его же, Indo-Iranisches Sprachgut aus Alalah. — IJ, vol. IV, 1960, стр. 136—149; его же, Der heutige Forschungsstand zu den indo-iranischen Sprachresten in Vorderasien — ZDMG, Bd. 111, 1961, стр. 451—458; его же, Ein arisch-hurritischer Rechtsausdruck in Alalah? — „Orientalia“ 34, № 3, 1965, стр. 336—337; его же, Zu den Zahlkomposita des Kikkuli-Textes. — IF, Bd. 70, 1965, стр. 11—13; H. Gronasser, Indisches in den Nuzi-Texten. — WZKM 53, 1957, стр. 183—192; P. Thieme, The Aryan Gods of the Mitanni-Treaties. — JAOS 80, 1960, стр. 301—317; V. Banăţeanu, Contribuţii noi privitoare la problema unei limbi „proto-Indice“ in Asia Anterioară, — „Studii şi cercetări lingvistice“ 14, 1963; Он же, Neues zu den „vorindischen“ Sprachresten Vorderasiens, — „Die Sprache“ 10, 1964; H. Otten, M. Mayrhofer, Der Gott Akni in den hethitischen Texten und seine indoarische Herkunft, — OLZ 1965, N11—12; A. Kammenhuber, Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg, 1968, и др.

К стр. 38. *Эти различия оказываются более существенными на уровне дистрибуции фонем. Так, например, в ведийском языке широко допускается последовательность двух гласных фонем, запрещенная в санскрите. Ряд существенных различий между санскритом и ведийским языком относится также к области сандхи.

К стр. 41. *Перевод скр. *jépu-a*, предлагаемый автором („under the care of, entrusted to“), не является общепринятым; обычно *jépu-a* переводится как „благородный“, „настоящий“.

**Скр. *rajás-* обычно переводится иначе („свет, сияние; сила, свежесть“).

***Скр. *śyeta-* чаще переводится как „красновато-белый, белый“

К стр. 45. *Подробнее тема изменений в древнеиндийском языке в зависимости от хронологических и жанровых условий рассмотрена в книгах: J. Wackernagel [L. Renou], *Altindische Grammatik, Einleitung, Göttingen*, 1957; L. Renou, *Histoire de la langue sanskrite*, Lyon—Paris, 1956.

К стр. 50. *Трактовка и датировка произведений древнеиндийских грамматиков вызвала серьезные возражения П. Тиме, специально занимавшегося этими вопросами. П. Тиме подчеркивает, что язык Панини гораздо ближе к языку ведийской прозы, чем к классическому санскриту, и с основанием утверждает, что значительный период должен отделять Панини от Катьяяны, во-первых, и Патанджали от Катьяяны, во-вторых. Таким образом, с точки зрения П. Тиме, Т. Барроу неправ, говоря, что Катьяяна написал свою *Vārttika* (более правильное написание этого слова, чем у Барроу, так как корень — *vr̥t-*) вскоре после *Aṣṭādhyāyī*.

К стр. 52. *В тексте опечатка: „a large number of works“ вместо „a large number of words“.

К стр. 56. *Тем не менее в основе необыкновенно широкого развития сложных слов в санскрите (причем не только в „искусственных“ жанрах литературы, например научной, ср. P. H a r t m a n n, *Nominal Ausdrucksformen im wissenschaftlichen Sanskrit*, Heidelberg, 1955) лежит тенденция к именному строю предложения, вполне естественная в условиях сокращения инвентаря флексий.

К стр. 57. *Сюда же следует отнести некоторые заимствования из греческого языка, относящиеся к военному делу, ср. В. L i e b i c h, *Griechische militärische Wörter im Indischen—BSOS 6*, 1931, стр. 431—434 и др.

К стр. 63. *Подробнее см. J. G o n d a, *Sanskrit in Indonesia*, Nagpur, 1952.

К стр. 66. *Приводимая здесь Т. Барроу реконструкция системы индоевропейского консонантизма (какой бы этап развития этой системы ни имелся в виду) в настоящее время может быть оспорена во многих частях.

К стр. 69. *Относительно этих явлений, рассматриваемых так называемым законом Грассмана, см. теперь: Н. М. Н o e n i g s w a l d, *A property of "Grassmann's law" in Indic.—JAOS*, vol. 85, 1965, стр. 59—60.

К стр. 70. *Сопоставление греч. *παρθένος* с *πάρτις*, *πάρταξ* „телка“ и скр. *pr̥thuka-* „молодое животное“ представляется недостоверным (см. рец. Г. Бергера). Следующее сопоставление: греч. *πλατάνον* (а не *πλαθάνος*) „плоская доска для изготовления печеня“ и скр. *pr̥thū-*, греч. *πλατός* рецензент считает семантической натяжкой.

**Здесь впервые для объяснения соответствий санскритским примерам фактов других и.-е. языков Т. Барроу прибегает к так называемой ларингальной гипотезе, что вызвало возражения со стороны многих рецензентов его книги. Причины этих возражений разные. Критика исходит не только от противников ларингальной гипотезы вообще (см. рец. М. Леймана), но и от тех, кто таковыми не является. Многим ученым изложение этого вопроса в книге Т. Барроу представляется слишком субъективным и спорным, и высказывается точка зрения, что ларингальную гипотезу, разработанную не в полном объеме, не следовало бы вводить в книгу типа „Handbuch“, которая должна содержать только апробированные положения (см. рец. М. Майрхофера). У многих вызывает возражения тот вариант ларингальной гипотезы с одним ларингальным (а не более обычный — с тремя), который выбрал Т. Барроу (см. рец. Г. Бергера), а также методика применения этого варианта в конкретных случаях: например, ставится под сомнение способность этого ларингального в арийском давать рефлекс h (аспирацию предшествующего смычного), а в и.-е. языках Европы давать гласный (ср. А. Мартине). Наконец, общие возражения вызвала попытка Т. Барроу примирить принятие ларингальных с упразднением и.-е. „шва“ (см. рец. Э. Бенвениста и др.).

О возможных рефлексах ларингальных в древнеиндийском см. Н. М. Hoeningwald, *Indo-Iranian Evidence for Laryngeals*—“Evidence for laryngeals”. Edited by Werner Winter. The Hague. 1965 (предварительное издание—The University of Texas, 1960); ср. также F. B. J. Kuiper—„India Antiqua“, Leiden, 1947.

К стр. 78. *Интерпретация автором арийск. и слав. s после i, u, r, k вызывает решительные возражения А. Мартине, чья статья на данную тему (“Word”, vol. 7, 1951, стр. 91—95) не учтена Т. Барроу, который не отмечает, что 1) индоиранск. r (<*1) также оказывает действие на s и что 2) в славянском и.-е. s остается без изменения и после i, u, r, k, если дальше за ним следует согласный.

К стр. 80. *Такое объяснение соответствия скр. kṣ: греч. κτ ряд ученых считает неприемлемым (Э. Бенвенист, М. Лейман); в частности, подвергается критике трактовка автором этого чередования как мены вариантов суффикса (прием, используемый Т. Барроу также для упразднения индоевропейского „шва“). В дальнейшем Т. Барроу вернулся к истолкованию этого соответствия, см. T. Burrow, *On the Phonological History of Sanskrit kṣam- “earth”, ṛkṣa- “bear”, and likṣā “nit”*.—*JAOS*, 79, 1959, стр. 85—90; его же, *Sanskrit kṣi-: Greek ΦΘΙΝΩ*—*JAOS*, 79, 1959, стр. 255—262, где высказывается здравый взгляд о происхождении скр. kṣ из сочетания зубного и палатального, а также о ненадобности „бругмановских“ спирантов (ср. дорсальные аффрикаты Э. Бенвениста) для объяснения указанных соответствий. Современное состояние вопроса см. также в книге: Вяч. В. Иванов, *Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы*, М, 1965, стр. 24—35.

К стр. 92. *Подробнее о сандхи см.: W. S. Allen, *Sandhi: the theoretical, phonetic and historical bases of word-junction in Sanskrit*. 's-Gravenhage, 1962.

К стр. 98. *Гот. форма *kaus* сомнительна.

К стр. 101. *Отказ Т. Барроу от и.-е. „шва“ и объяснение таких соответствий, как скр. *pitár*: греч. *πατήρ*, посредством чередования в суффиксе, а не в корне, вызвали резкую критику со стороны специалистов самых разных направлений. Такой анализ этих форм, с одной стороны, нельзя примирить с применением трех ларингальных, а с другой стороны, он исключает возможность непротиворечивого объяснения ряда древнеиндийских явлений, например образования носовых классов глагола.

К стр. 105. *Здесь вновь, как и во многих других случаях, для элиминирования апофонии корня автор прибегает к объяснению с помощью чередования вариантов суффикса.

К стр. 114. *Глава „Образование имен“—самая оригинальная и нетрадиционная в книге—вызвала всеобщую основательную критику. Большинство ученых не принимает основных принципов словообразования Т. Барроу, которые можно сформулировать следующим образом:

- 1) все фонемы могут выступать в качестве суффиксов;
- 2) первоначально между этими суффиксами не было различия в значении;
- 3) различие в значении развилось в результате позднейшей специализации;

- 4) главную роль в словообразовании играла оппозиция места ударения—на корне или суффиксе, чему соответствовала оппозиция: средний род по м. actionis—общий род прилаг./по м. agentis. Эта теория словообразования, исходящая в значительной степени из данных хеттского языка, в этом отношении дающих недостаточную информацию, слишком гипотетична, во-первых, и механистична, во-вторых. При такой интерпретации реальное санскритское словообразование утрачивает свою прозрачность. К тому же, как отмечают рецензенты, автор нередко пренебрегает изучением употребления слов в текстах и оперирует в своих построениях то *haxax* legomena ведийских текстов, то искусственными образованиями грамматиков.

К стр. 116. *О корневом существительном *iṣ-* см. Th. Brugow, *Vedic iṣ-* „to prosper“—*BSOAS* 17, 1955, стр. 326.

К стр. 117. *В тексте здесь опечатка: „Roots functioning as nouns may be used either as action or as agent nouns (in the latter case they are feminine)“, хотя следовало бы „in the former case“, так как именно имена действия бывают женского рода.

К стр. 119. *Как отмечает П. Тиме, *šicá-*, *turá-* и т. п. не являются отражением древнейшего типа апофонии. Как показал А. Debrunner, *BSOS*, vol. 8, 1937, стр. 487—500, этот тип является новообразованием.

К стр. 121. *Здесь опечатка: хетт. *partawar* означает не „swing“, а „wing“.

К стр. 123. *Как неоднократно отмечалось в рецензиях, *l* в русском *земля* составляет часть регулярной палатализации лабиальных (*l-epentheticism*), а не представляет и.-е. *l*.

К стр. 124. *Как отмечалось рецензентами, форма *šešuvag* в хеттском не засвидетельствована.

К стр. 131. *Видимо, следует принять исправление М. Леймана и анализировать эту форму как *dat-tra*, ср. пракр. *datta* „данный“.

К стр. 132. *Более вероятным представляется анализ этой формы у П. Тиме, основанный на этимологии Г. Ольденберга: *artúr* не имеет суффикса *-tur*, это сложное слово от ар- „воды“ и *tṛ-* „пересекать“.

К стр. 133. *βατήρ „goer“ и *θετήρ* „establisher“ в греческом не засвидетельствованы.

К стр. 142. *Мысль автора о том, что *-taga* в сравнительной степени является результатом „специализации“, то есть вторичного развития, суффикса имен действия среднего рода *-tag*, видимо, неверна; во всяком случае, она недоказуема, и семантическая сторона такого развития остается совершенно неясной.

**Как указывает в своей рецензии Э. Бенвенист, развитие перс. kabitar из *karaitar (ср. р.) фонетически невозможно.

К стр. 143. *В тексте опечатка: вместо "this does come" следует читать "this does not come".

К стр. 144. *Интерпретация этой формы у Т. Барроу вызывает сомнения; общепринятым является анализ: *su-yopá- „имеющий хорошее лоно“, ср. dug-yopá- „имеющий плохое лоно“.

К стр. 153. *Установление связи между суффиксом сравнительной степени прилагательных -yas и суффиксом имен среднего рода -iṣ является чисто формальным; семантическая сторона остается без объяснения.

К стр. 154. *Готская форма превосходной степени sutists "sweetest" реально не засвидетельствована.

К стр. 164. *Отождествление суффикса -m с окончанием им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. -m вызвало всеобщую критику и, видимо, является несостоятельным; к тому же примеры, выбранные для иллюстрации этой гипотезы, неудачны, так как uṣṭá- явно более поздняя форма, чем uṣám.

К стр. 166. *В своей рецензии на книгу Т. Барроу Ф. Эджертон обстоятельно показывает, что автор неверно освещает соотношение суффиксов -maṇ и -ma в санскрите, так как почти все случаи параллельных основ на -ma следует считать более поздними. Нельзя также не принимать во внимание тематизацию основ на -maṇ, -van, -aṇ (>-ma, -va, -a), начавшуюся еще в Ригведе.

К стр. 172. *Следует принять поправку Э. Бенвениста (см. его рецензию) относительно того, что ав. hiṭāiṣ представляет собой родительный, а не именительный падеж.

К стр. 188. *Это утверждение не вполне точно, так как известно, что ступень vṛddhi использовалась как средство деривации и в других индоевропейских языках: см. W. Schulze, Kleine Schriften, стр. 63 и сл.

**Это утверждение также неточно, так как форма mānaka- встречается в Ригведе 3 раза.

К стр. 213. *Следует, правда, отметить, что kaplām—форма родительного падежа множественного числа.

К стр. 214. *Г. Бергер в своей рецензии дает иную интерпретацию парадигмы слова dhānuṣ-. Чередование между dhānuṣ в им.-вин. пад. ед. ч. и dhānvan в косвенных падежах в Ригведе можно объяснить стремлением изолированную в системе языка парадигму с чередованием r:n (то есть dhānuṣ:dhānvan) заменить парадигмой, построенной по аналогии с чередованием r:s во внешнем сандхи (то есть dhānuṣ:dhānvan). Таким же образом можно объяснить возникновение парадигмы part. perf. act., где основы на -n и -s распределены прямо противоположным образом.

К стр. 218. *См. примечание к стр. 164.

К стр. 235. *См. примечание к стр. 172.

К стр. 246. *Как указывает Э. Бенвенист, эту форму надо исправить на osēt. fāndzām.

К стр. 265. *Ф. Эджертон в своей рецензии указывает, что методологически неверно связывать *eva* (Т. Барроу дает значение „только“) с числительным „один“ (ир. *aéva*, греч. *οἷος*), потому что „только“— это позднее значение *eva*, редкое в Ригведе; его первоначальное значение — „так“.

**Скр. *utá* имеет значение „и, а также“, а не „или“.

К стр. 268. *Уравнение скр. *sám* : греч. *σόν* не вполне корректно.

К стр. 281. *Ср. также J. Gonda, *The character of the Indo-European moods with special regard to Greek and Sanskrit*, Wiesbaden, 1956.

К стр. 282. *Широко распространена иная точка зрения, согласно которой презентные основы разной структуры выражают различия в характере протекания действия, то есть *Aktionsarten*.

К стр. 286. *Некоторые важные для целей реконструкции архаичные примеры глагольной флексии рассмотрены в статье: Th. Burgow, *An archaic verbal termination in Early Indo-Aryan.— III*, vol. 1, № 1, 1957, стр. 61—76.

К стр. 295. *Об элементе -г- в индоиранской глагольной флексии см. M. Leumann, *Morphologische Neuerungen im Altindischen Verbalsystem*, Amsterdam, 1952.

К стр. 296. *В такой категорической форме вряд ли следует отвергать местоименную гипотезу происхождения индоевропейских личных окончаний, помимо прочих соображений, еще и потому, что она поддерживается типологическими параллелями. Выдвигаемые Т. Барроу соображения относительно тождественности личных окончаний глагола словообразовательным суффиксам еще менее доказуемы, чем местоименная гипотеза.

К стр. 297. *Следует отметить, что отождествление конкретных глагольных окончаний и именных суффиксов носит крайне гипотетический характер, и если формальное сходство или тождество при этом имеет место, то семантическое развитие, которое претерпевают эти морфемы в процессе „адаптаций“, остается совершенно неясным.

К стр. 317. *Оба эти положения в равной мере недоказуемы.

**Иначе полагает Е. Курилович (J. Kuryłowicz, *L'apophonie en indo-européen*, Wroclaw, 1956, стр. 260), считающий окончания *-is*, *-it* сигматическими (долгота гласного объясняется влиянием типа *abravit*, *ppīmah*).

К стр. 318. *Древнеиндийский аорист в последние годы стал предметом ряда исследований, ср. J. Gonda, *The aspectual function of the Rgvedic present and aorist*. 's-Gravenhage, 1962; Т. Я. Елизаренкова, *Аорист в Ригведе*, М., 1960; S. Andrews, *The nasal present and the aorist in the Rgveda*, Harvard, 1961; J. Narten, *Die sigmatischen Aoriste im Veda*, 1964; K. Strunk, *Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*, Heidelberg, 1967 и др. Ср. также С. Watkins, *Indo-European origins of the Celtic verb I. The sigmatic aorist*, Dublin, 1962.

К стр. 322. *Некоторые исследователи подчеркивают связь ряда перфектных форм с интенсивным значением, ср. Н. Hartmann, *Zur Funktion des Perfekts— „Festschrift Bruno Snell“*, München, 1956, стр. 243—248.

К стр. 329. *Подробнее о становлении прекатива в древнеиндийском см. Th. Burrow, The Sanskrit Precative.— „Asiatica. Festschrift F. Weller“, Leipzig, 1954, стр. 35—42; ср. также M. Leumann, Morphologische Neuerungen im Altindischen Verbalsystem, Amsterdam, 1952, стр. 41 и сл.

К стр. 334. *Введение Т. Барроу l, n, s, t (помимо обычного р) в качестве особых распространений корня в каузативах не оправдано, так как приводимые примеры могут рассматриваться как отыменные образования: наряду с pālayati существует gorāla-, наряду с rṅāyati—rṅāpa, наряду с bhīṣa-yate—твор. пад. ед. ч. bhīṣā, наряду с ghātayati—ghāta-.

К стр. 351. *За последние годы в области изучения протоиндских надписей был достигнут определенный прогресс. Есть основания полагать, что язык этих надписей по своему типу является дравидийским.

К стр. 354. *П. Тиме отвергает дравидийское происхождение этого и целого ряда других слов, приводимых Т. Барроу в данном списке. Apala- „огонь“ П. Тиме возводит к и.-е. *al „кормить, насыщать“, ср. греч. ἀναλτος „ненасытный“. Alasa- „ленивый“ интерпретируется как восточная форма с l вместо г от a-gasa; ulūkhala- „ступка“— как слово из женского языка вместо ugī-khaga- „имеющий широкое основание“.

К стр. 355. *Против дравидийской этимологии этого слова возражает М. Майрхофер.

К стр. 358. *П. Тиме предлагает индоевропейскую этимологию этого слова: bala- „сила“ < и.-е. *belo/*balo „сила“— ср. лат. dē-bilis „слабый“. Против дравидийской этимологии bala- возражает и М. Майрхофер.

К стр. 359. *В слове muktā- „жемчужина“ видят гиперсанскритизм из диалектной среднеиндийской формы muttā „жемчужина“ < ж. р. к mūrta- от mūrchatī „замерзать, сгущаться“ (П. Тиме); против дравидийской этимологии muktā- возражает и М. Майрхофер.

К стр. 360. *П. Тиме производит слово śava- „труп“ от корня śū- „набухать, вздуваться“, то есть „набухший“.

К стр. 361. *Ср. также F. B. J. Kuiper, Proto-Munda Words in Sanskrit, Amsterdam, 1948; W. Kirfel, Die Lehnwörter des Sanskrit aus den Substratsprachen und ihre Bedeutung für die Entwicklung der indischen Kultur— „Lexis“, III, 1953, стр. 267—285 и др.

* * *

При чтении книги Барроу полезно иметь в виду последний по времени детальный обзор новейших точек зрения по разным вопросам санскритской фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики—J. Gonda. Old Indian,— „Handbuch der Orientalistik“. Zweite Abteilung. Indien. Erster Band. Die Indischen Sprachen. Erster Abschnitt, Leiden—Köln, 1971.

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ САНСКРИТСКИХ ПРИМЕРОВ *

a° 99, 265 a- 255 aṃśú- 170 áṃsa- 67, 154 aṃhatí- 160 áṃhas 72, 92, 209 aṃhú- 72, 172 akṛṣṭapacyá- 201 ákravihasta- 151, 168 akṣ- 271 ákṣa- 77 ákṣi- 23, 39, 40, 79, 167, 208, 220, 233 akṣṇayā 145 agāsti- 155 aguru- 354 agnāyī 171, 236 agnāviṣṇū 171, 236 agní- 149, 174, 210, 220, 230 īf 237 agnimánt- 139 agnivánt- 139 agnimindhá- 201 ágra- 129, 267 agratás 158 agrimá- 167 agriyá- 175 agryá- 175 agrū 212 aghá- 186 aghāyāti 338	aṅká- 74 aṅkasá- 154 aṅkura- 141 aṅkūyāti 338 aṅgá 265 aṅganā 352 áṅgāra- 25 angūri- 149 áṅgya- 175 áṅghri- 149 ácchā- 268 aj- 28, 72, 140, 284, 307 ajá- 24 ajará- 119 ajalomá- 199 ajāvāyaḥ 205 ajína- 24 ajmá- 166 ájman- 124, 166 ájra- 97, 140, 175 ájryà- 175 añj- 305, 319 áñjana- 114, 116, 129, 131 añjasa- 154 añjivá- 177 aṭ- 94 aṭani- 93 aṇiyaská- 186 aṇu- 93, 174 átas 260 atasá- 154

* Указатель повторяет указатель оригинала с незначительными уточне-
 ниями. — *Ред.*

atasi- 155
 áti 266, 268
 átithi- 94, 130, 178, 185
 atimātra- 204
 átka- 41, 186
 attár- 140
 átyamhas- 203
 atrá- 130, 140, 143
 átra 125, 130, 260, 262
 átri- 149
 atharí 181
 átharvan- 10
 ad- 110, 275, 298, 319
 adatí 184
 adánt- 100, 137, 209
 adás 259 ff
 adāná- 146
 ádābhya- 104
 ádga- 90
 ádbhuta- 104, 158, 179, 302
 adyatana- 145
 admará- 124, 142
 addhā 90
 addhāti- 160
 adhamá- 166, 258
 ádhara- 122, 258
 adharahanú- 198
 adharāt- 265
 adhás 261, 267
 adhástāt 262
 ádhi 266, 268
 adhivāsá- 269
 adhyāpayati 334
 ádhvan- 127, 141
 adhvará- 141
 adhvaryāti 337
 adhvaryú- 177
 an°- 265
 an- 97, 180, 300, 307
 ana- 23, 255, 258 ff
 anadvāh- 208
 ánatidbhuta- 179
 ánapta- 158
 anarvís- 121
 anala- 354
 ánas 98, 150
 anilayá- 201
 ánu 234, 266, 268
 anudrá- 203
 anuṣṭhu- 261
 ántaka- 186
 ántama- 166, 258
 antár 143, 261, 267, 268
 ántara- 142, 258
 antará 267
 antárhita- 269
 ánti 82, 97, 261
 antrá- 130
 ándhas 41
 annādá- 119, 200
 anyá- 258
 anyátas 262
 anyátra 125
 anyáthā 262
 anvavasarga- 55
 áp- (āpas) 86, 208
 ápa 67, 97, 261, 268
 ápaciti- 108, 160, 269
 ápatighni 184
 apamá- 258
 apará 258
 aparāhṇá- 108
 ápas 41, 98, 139, 150, 151,
 192
 apás- 151, 192
 apasyāti 337
 apām nápat 10
 ápi 266, 268
 aptúr- 132
 ápnavāna- 148
 ápnas 151
 apratá 235
 apvā 181
 abjít- 86
 abhí- 266, 268
 abhídyu- 203
 abhidrúh- 269
 abhidrohá- 119
 abhipitvá- 162
 abhimāti- 161
 abhimātin- 161
 abhiratha- 31
 abhyāse 267
 abhrá- 103, 129
 ábhri- 149
 am- 300

áma- 41, 255, 257
 ámati- 160
 amativán- 135
 ámatra- 143
 ámanyuta- 158
 ámavati 184
 amā 257
 amitrayāti 338
 amitradámbhana- 201
 aminá- 144
 ámivā 181
 amú- 259 ff.
 amúrhi 263
 amṛtatvá- 162
 ámbhas 129
 áya- 118
 ayám 258 ff.
 áyas 97
 áyase 150, 211, 340
 ayujá- 123
 ayúta- 246
 arāṇi 149
 áratni- 80, 95, 149
 áram 82, 165
 arāṭiyāti 338
 arāṭiván 135
 arí- 42, 175, 209, 230, 232
 aruṇá- 144
 aruntudá- 151
 áruṣ 151
 aruṣá- 155
 arká- 118
 arka- 354, 360
 arghá- 28, 73, 76, 118
 arc- 319
 arcá- 118, 119
 arcátri- 149
 arcí- 168, 170
 arcín- 136
 arcíṣ- 151, 168, 211
 árjuna- 82, 144
 arṇavá- 177
 árṇas 151
 arṇasá- 154
 arth- 270, 339
 ártha- 185, 267
 arpáyati 334
 arbhaká- 186

árya- 42
 aryá- 19, 175
 aryamán- 10, 135
 árvan- 138, 215
 árvant- 41, 114, 215
 arvák 267
 árśas 150
 arśasaná- 142, 147
 arh- 75
 arha- 123
 arháṇā 148, 181
 arháse 340
 álam 82, 165
 alasa- 354, 360
 alābu 353
 áva 261, 266, 268
 avá- 255, 257
 avatá- 93, 123
 avatá- 25, 41, 93, 123, 145
 avatará- 143
 avadhra- 140
 avapádas 340
 ávapanna- 269
 avapána- 269
 avár 122, 140, 261
 ávara- 140, 267
 avalokáyati 309
 avás 261, 267
 avasá- 154
 ávi- 67, 84, 98, 167, 210, 230,
 231
 aviká 186
 aviṣyāti 179, 337
 aviṣyá 179
 aviṣyú- 179
 avírat- 156
 ávya- 84, 175—176
 avyathiṣyai 155
 aś- 271, 302, 319
 aśítí- 88, 245
 áśni- 149
 áśman- 75, 105, 128
 aśmanta- 145
 aśmarí 128, 148
 áśri- 149
 áśru 149, 168
 áśva- 78, 97, 177, 349
 aśvatará- 142

ášvavanti- 114, 138, 139
 ášvavāra- 57
 ášvavālá- 199
 ášvavid- 200
 ášvā 98
 ášvāyāti 338
 áṣāḍha- 91.
 aṣṭamá- 166, 246
 aṣṭáu 35, 88, 99, 243—244
 áṣṭrā 28, 93, 148
 as- 90, 92, 105, 275, 298, 319,
 325
 asaṃkhyeya- 246
 asanā 148
 así- 19, 99, 174
 ásiknī 94
 áśita- 43, 94, 158
 áśu- 170
 áśura- 10, 28, 42, 43
 asūyati 338
 asūryampaśyá- 201
 ástj- 82, 121, 208
 asaú 259 ff
 astrá- 130
 ásthi 67, 82, 98, 167, 208, 213
 asmadiya- 252
 asmá- 247 ff
 ášvapnaj- 187
 áha 266
 ahám 23, 85, 247 ff
 áhar 209, 212, 223
 áhi- 175
 ahorātrá- 206
 ahnāya 265

 ā 266, 268
 ākhará- 271
 ākhú- 271
 āgas- 74, 150
 āgniveśi- 188
 āgnidhra- 188
 āngirasá- 188
 āṅgūśá- 155
 ācāryajāyā 199
 ājarasá- 204
 ājí- 170
 ājya- 171
 āḍhya- 93

āṇḍá- 25, 94
 ātithyá- 130
 ātmán- 127, 252
 ādityá- 176
 ādyá- 189, 345
 ādhorāṇa- 122
 ādhrá- 41
 ānuśák- 261
 āntrá- 130
 āp- 302
 āpathi- 204
 āpas 150
 āpí- 41, 174
 āmátara- 143
 āmiṣ- 151
 āyasá- 154
 āyu 151, 168—169, 173—174
 āyú- 173—174
 āyuṣ- 151
 ārabhaṭa- 354
 ārā 28
 ārtnī 93
 ārtvijya- 188
 ārya- 19, 42, 189
 ārseyá- 188
 āvām 247
 āvis 261, 268
 āśā 181
 āśiná- 144
 āśiṣṭha- 153
 āśú- 98, 139, 172, 174, 177
 āśumánt 139
 āśvīna- 188
 ās- 90, 275, 298—299
 ās- 10, 81, 117
 āsandī 181
 āsanniṣu- 203
 āsanvánt 139
 āsutivalá- 141
 āsyá- 208
 āhuti 160

 i- 98, 105, 271, 272, 298, 301,
 325
 ijjā 104
 iḍādadha- 201
 ítara- 258
 ítás 262

itthám 260, 262
 itthá 262
 ityá 181
 itvará- 141
 idám 253, 258 ff
 idá 260, 262
 idánim 260, 262
 índra- 10, 31
 indravāyū 205
 índraśatru- 202
 indrasenā 199
 indrotá- 30, 101, 202
 iddhāgni- 202
 idhmá- 166
 inv- 271, 303
 ibha- 349
 imá- 255, 258 ff
 íyant- 137
 irasyāti 337
 iṣ- 304, 308, 309, 319
 iṣāṇi 126
 iṣirá- 41, 141
 iṣu- 170
 iṣudhyāti 337
 iṣṭa- 76
 iṣṭáni- 149
 iṣṭāpūrtá- 205
 iṣṭvā 163
 ihá 35, 47, 68, 260, 263

 īkṣeṇya- 144
 íḍya- 175
 īps- 336
 írmá- 41, 84
 ís- 298—299
 ísvará- 30, 141
 íṣát 261

 u 266
 uktá- 87
 ukthá- 185
 ukthaśamsín- 201
 ukṣ- 271
 ukśán- 135, 184, 207, 209, 211
 ukṣavehát- 198
 ukhā 181
 ugrá- 74—75, 140
 ugrátama- 166

ugrábāhu- 202
 uc- 319
 ucátha- 185
 uccā 219
 uccais 264
 uccaistarām 264
 uñch- 354
 uḍu- 56
 uṭá 265
 uttamá- 166
 úttara- 143, 267
 útsa- 154
 ud- 308
 úd 268
 udaká- 196, 208
 údaktāt 262
 udán- 98, 196, 208
 udaníya- 84, 176
 udanyú- 177
 udapātrá- 199
 udáyana- 269
 udára- 129
 udrá- 112, 114, 115, 140, 193—
 194
 udvaná- 144
 unduru- 353
 úpa 261, 266, 268
 upakakṣá- 203
 upajīvanīya- 346
 upatapat 156
 upatrṇyá- 204
 upanadam 204
 upabdá- 71, 86, 104
 úpara- 140
 uparátāt- 163
 uparājam 204
 upári 122, 267
 úpaśruti- 269
 upasarga- 49
 upástha- 155
 upānasá- 154
 uptá- 104
 ubhá- 243
 úras 150
 urú- 172, 263
 uruṣyāti 126, 179
 urūṇasá- 203
 urvarā 84, 148

ulapa- 354
ulupin- 354
úlūkayātū- 198
ulūkhala- 354, 360
ulkā 181
ulkābhihata- 202
uśij- 41, 187—188
uṣ- 55, 307
uṣar- 78, 121, 128, 140
uṣás- 90, 151, 195
uṣāsā-náktā 204
uṣtá- 159
úṣtra- 143
uṣṇá- 143
usrá- 140, 142

ūḍhá- 76, 88, 91, 93
ūti- 160, 218
ūdhar 28, 97, 121, 142, 209,
218
ūma- 166
ūrj- 95
ūrjasvala- 141
ūrṇā 84, 181
ūrṇu- 270
ūrdhvá- 84, 176, 267
ūrdhvánabhas- 203
ūrdhvasánā 148
ūrmí- 84, 167
ūrmya- 175
ūrvá- 176
ūṣmán- 127

ŗ- 302, 308
ŗkvan- 135, 138, 176, 194,
215
ŗkvan- 138, 176
ŗkṣa- 79, 88, 106, 154, 349
°ŗkṣará- 142
ŗc- 117, 208
ŗcáse 150, 211
ŗjīśá- 155
ŗjú- 172
ŗjūyāti 338
ŗjrá- 144
ŗṇāván- 135
ŗtádhaman- 30
ŗtayā 264

ŗtāvan- 135, 214
ŗtāvāri 135, 184
ŗtuthā 262
ŗtupati- 56
ŗté 267
ŗdh- 93, 282, 302
ŗddhi- 159
ŗbhukṣ- 216
ŗbhvan- 214
ŗbhvas- 152, 214
ŗṣabhā- 187
ŗṣi- 174
ŗṣī- 10
ŗṣvā- 41, 176
ŗhánt- 137

éka- 242, 258
ékataya- 247
eka-vartana- 31
ekavīrá- 198
ékādaśa 244
ekonaviṃśati 244
eḍa- 354
éta- 158
etārhi 263
étave 162, 340
étavái 162, 340
étos 162, 340
edh- 273
edhatú- 161
édhas 98, 150
ena- 253, 255, 257
éni 158
éma- 166
éman- 166
evá 265
evám 265
éṣa- 118
eṣá- 118
eṣa 253
ókas 134
okivás- 152
ójas 98
ójiṣtha- 153
ojmán- 127, 128, 195
oṇī 181
ótu- 161

omán- 127, 195
 oṣṭha- 25
 auśijá- 188

 ká- 17, 23, 73, 253, 255—256
 kakúd- 187
 kakúbh- 69, 187
 kakubhá- 69
 kakuhá- 69
 kákṣa- 67, 74, 88
 kañka- 355, 360
 kacu- 356
 kacvī 356
 kacchapa- 90
 kajjala- 355
 kaṣu 355
 kaṭhina- 94, 355
 kaṭamá- 257
 katará- 257
 káti 159, 257
 katidhā 263
 kathám 257, 262
 kathā 257, 262
 kadali 353
 kadā 24, 257, 262
 kadrū- 181
 kániṣṭha- 153
 kániyas- 153
 kanyánā 148
 kanyālā 148
 kanyā 75, 183—184, 213
 kapañā 181
 kapī- 174
 kapilá- 174
 kapiśá- 187
 kaprṭh- 142
 kapóta- 158
 kapha- 29
 kam- 309
 káraṇa- 129, 131, 144
 karañá- 128, 129, 131, 143, 144
 karañiya- 345
 káras- 150
 karásna- 145
 karīra- 355
 káriṣa- 155
 karúṇa- 131, 303
 kárūḷati 97

 karkaṭa- 74
 kartár- 132, 178
 kártave 162
 kartávya- 162, 345
 kartum 104, 161
 kartf 195
 kártos 162
 kártra 130,
 kártva 162, 346
 karpāsa- 353
 karmakará- 200
 karmaṭha- 142, 145
 kárman- 146
 karmānta- 146
 karmāra- 134, 146
 kárvara- 129
 kárhi 257, 263
 kalatrá- 131
 kaluṣa- 355
 kaluṣayáti 339
 kaluṣāyáte 339
 kalyāñi 239
 kavatnú- 149
 kavāsakhá- 171
 kaví- 74, 171, 174, 189
 kaviyáti 338
 kavyá- 84, 175—176
 kaśípūpabarhaṇá- 205
 káścana 265
 kaśyapa- 90
 kaṣṭam 266
 kāka- 355
 kāca- 355
 kāja- 355
 kāñcika- 355
 kāñjika- 355
 kāñvāyaṇa- 188
 kānana- 355
 káraṇa- 35, 93
 karañīya 334
 kārayitavya- 334
 kārayitum 334
 kārayitvā 334
 kári- 174
 káritá- 334
 kárú 42
 kārotará- 142
 kārya- 334, 345

- kārṣiṇa- 139, 141
 kāla- 75, 355
 kāvyá- 189
 kās- 331
 kāsara- 349
 kim 73, 256
 kíyant- 137, 257
 kila 265
 kírí- 174
 kíṛṇá- 84, 344
 kilála- 43
 kívant- 257
 ku- 173
 kukkura- 349
 kuñjara- 349
 kuṭa- 355
 kuṭi- 94, 355
 kuṭila- 94, 355
 kuṭṭ- 355
 kuṇḍa- 355, 360
 kuṇḍala- 355
 kútas 257
 kútra 257, 262
 kuddála- 356
 kuntala- 356
 kup- 179, 308
 kúpaya- 176
 kupitá- 179
 kumāraka- 186
 kumārikā 186
 kurula- 356
 kulattha- 356
 kulampuná- 201
 °kulva- 74, 80, 177
 kuvalaya- 356
 kuvit 257
 kúha 24, 257, 263
 kúcit 257
 kúpa- 29, 356
 kúrd- 356
 kṛ- 44, 47, 56, 77, 104, 168, 275,
 303—304, 309—310, 311, 318,
 330, 333—335, 339, 342
 kṛcchrá- 129, 142
 kṛkadāśū- 183
 kṛnvánt- 342
 kṛ- 49, 74, 272, 275, 306, 308
 kṛtá- 104
 kṛtávant- 345
 kṛtakṛtá- 205
 kṛte 267
 kṛtnú- 149
 kṛtrima- 167
 kṛtván- 135, 157
 kṛtvas 247
 kṛtvā 163
 kṛtvī 163
 kṛtsná- 145
 kṛdhú- 172
 kṛntátra- 131
 kṛp- 100
 kṛpaṇa- 131, 337
 kṛpaṇyáti 337
 kṛmi- 73
 kṛśá- 119
 kṛṣ- 282
 kṛṣi- 170
 kṛṣivalá- 139, 141
 kṛṣná- 25, 145
 kṛṣṇata 163, 181
 kṛṣṇaśakuní- 198
 kṛṣṇasarpa- 55, 198
 kṛsara- 142
 kṛ- 42, 84, 161, 272, 307, 331
 kṛp- 100, 333
 kecuka- 356
 kéta- 118
 ketaka- 356
 kemuka- 356
 kevuka- 356
 késa- 94
 keśava- 94, 177
 keśavant- 138
 keśavárdhana- 201
 keśaśmaśrú- 206
 kesara- 94
 koṭara- 356
 koṭi- 246
 koṇa- 356
 koraka- 356
 krátu- 39, 42, 161, 169, 210,
 231
 krátvāmagha- 203
 kránt- 342
 krand- 273, 314, 331
 kram- 307

kravīṣ- 41, 67, 74—75, 101, 151,
 168
 kravya- 151, 168, 171
 kriyā 181
 krī- 73, 74, 83, 272, 304
 kriḍ- 91, 334
 kriḍā 181
 krudh- 308
 krośanā- 143
 kland- 273
 klam- 74
 klóman- 80, 94, 127
 kvā 257
 kṣatrā- 10, 88, 131, 272
 kṣad- 272, 274
 kṣan- 74, 80, 271, 303, 311
 kṣāp- 88, 182, 208
 kṣāpā 181—182
 kṣam- 271, 275
 kṣám- 79, 207, 220
 kṣamā 181
 kṣámya- 175
 kṣar- 46, 79, 91
 kṣāmā- 91
 kṣāy- 91
 kṣi- 79, 80, 88, 272, 302, 311, 330
 kṣiti- 160
 kṣip- 95
 kṣipanú- 140
 kṣiprá- 140
 kṣiṇa- 91
 kṣirā- 129
 kṣudrá- 77, 140
 kṣúdh- 88, 273, 275
 kṣumánt- 95
 kṣumā 167
 kṣurā- 141, 302
 kṣétra- 88, 94, 130
 kṣepnú- 140
 kṣéma- 166
 kṣoṇf- 181
 kṣṇu- 270, 302

 khañj- 79
 khan- 271
 khaníttra- 178
 kharvá- 176
 khala- 356, 360

khalina- 57
 khalu 265
 khā- 70, 271
 khārī 181
 kheṭa- 94
 khola- 57

 gaja- 349
 gaṇḍa- 356
 gatā- 104, 159, 344
 gāti- 39, 99, 160, 230
 gatvā 163
 gatvī 163
 gántum 161
 gábhasti- 155
 gam- 52, 73, 77, 90, 104,
 271—272, 307, 311, 331, 333
 gámadhyai 187
 gámāna- 104
 gamitā- 179
 gámbhan- 121
 gambhára- 122, 129
 gáya- 118, 271
 gářiṣṭha- 153
 garútmant- 158
 gardabhā- 187
 gárbha- 80
 garmút- 158
 garh- 88
 gávya- 175
 gavyáya- 176
 gáhvara- 129
 gā- 271—272, 308, 311, 317
 gātú- 41, 161
 gāthā- 185
 girí- 25, 84, 175
 girṇā- 344
 guḍa- 356
 gup- 47
 gur- 73
 gurú- 47, 73, 83, 110, 166, 172
 guh- 333
 gúhya- 175, 345
 gr- 318—319
 grñīśāṇi 126
 grdhnú- 140, 149
 grdhrā- 140
 gfbhi- 174

gī- 26, 73, 84, 271, 333
 gó- 73, 99, 172, 236
 goghná- 119, 200
 gómant- 210
 gomín- 136
 govindá- 201
 góṣpada- 200
 gaurí 237
 gná 41, 73, 74
 gnáspáti- 200
 gmánt- 342
 grath- 272
 grapsa- 154
 grabh- 69, 304, 317
 gras- 271
 grah- 47, 69
 grābhá- 119
 grāmvāsa- 199
 grāmyá- 175
 grāvan- 19, 73, 127
 grāhi- 189
 grīvā 25, 181
 grīsmá- 166
 graívya- 176
 glā- 308
 glāní- 149

 gha 266
 ghaná- 118
 gharmá- 73, 76, 166
 ghas- 103
 ghasmará- 142
 ghātuka- 186
 ghāsa- 104
 ghuṇa- 356
 ghūka- 356
 ghrṇá- 143
 ghñi- 149
 ghṛtá- 19
 ghṛṣu- 177
 ghṛṣvi- 177
 ghoṭaka- 349
 ghnánt- 137
 ghraṃsá- 154
 ghra- 307

 ca 75, 100, 108, 265
 cakṛvās- 152, 211, 343
 cakrá- 74—75, 80

cakrī 181
 cakraṇá- 344
 cakṣ- 88, 298
 cákṣase 150
 cákṣuṣ- 152
 cátasras 134, 243
 catura- 357
 caturthá- 185, 246
 caturdaśa 244
 caturdhā 263
 cátuṣṭaya- 247
 catus 247
 cátuḥṣaṣṭi 245
 catvára- 129, 134, 243
 catváras 75, 129, 134, 243
 catvári 224, 243
 catvāriṃśá- 247
 catvāriṃśat- 245
 cána 41
 canasyáti 337
 candana- 357
 candrámas- 198
 capeṭā 357
 cam- 307
 camasá- 154
 camasādhvaryu 199
 camū- 181, 238
 cáyana- 131
 car- 304, 307
 carāṇi- 149
 carāse 150, 211
 cariṣṇú- 149
 cára- 75
 cárman- 124, 125
 cal- 331
 cāru- 192
 cārutara- 143
 ci- 272, 301, 320
 cikitvít 158, 261
 cikitsa- 336
 cikkaṇa- 357
 cit- 272, 274, 278, 298, 309,
 320, 333
 citā 163
 cití- 170
 citti- 218
 cintáyamāna- 343
 cintayāna- 148

cirá- 264
 cumb- 357
 cur- 309
 cūḍā 357
 coda- 118
 coditár- 179
 caurabhaya- 199
 cyu- 333
 cyautná 41, 145

 chad- 309
 chardīṣ 151
 chā- 272, 306, 309
 chāga- 28, 29
 chāyā 90, 181
 chid- 90, 272, 305—306, 321
 chidurá- 141
 chinná- 344
 chinnápakṣa- 202

 jakṣ- 104, 299, 300
 jagatkartar- 55
 jagmúṣī 184
 jagdhá- 91
 jajñaná- 344
 jajjhat- 91, 104
 jaṭhára- 93
 játu 75, 169
 jatú- 181
 jatūkā 186
 jatru- 169, 174
 jan- 76, 300, 321, 330
 janamejayá- 201
 jánas 41, 150
 jáni- 41, 232, 338
 jániya- 84, 176
 janitavyà- 345
 janiyáti 338
 jambāla- 353
 jámbha- 72
 jámbhya- 175
 jáyá- 119
 jáyú- 172
 jáyúṣ- 153
 jáyya- 175
 jaraṇā 148, 181
 járant 72, 81
 jarás- 151, 182

jarā 181—182
 jarimán- 127
 jartú- 93
 jálpi- 170
 jává- 119
 jávana- 144
 jáviṣṭha- 153
 jásu- 170
 jásurī- 149
 jásvan- 135
 jāgar- 299, 331
 jāgrvi- 177
 játu 161
 jánaśruteyá- 188
 jánu 72, 168, 233
 jámarya- 122
 jámātar 133
 jámī- 174
 jámitra- 57
 jāyā 181
 jāyāpatī 205
 ji- 76, 104, 180, 271, 281, 302,
 304, 320, 330
 jighatsú- 92
 jighāmsant- 137
 jigivás- 152
 jigīṣā 195
 jítá- 104
 jítvara- 141
 jinv- 271, 303
 jim- 353
 jiṣṇú- 149
 jihmá- 166
 jihvá 181—182, 185
 jī- 272
 jīrṇá- 47
 jīv- 75, 271, 307
 jīvá- 75, 98, 176, 302
 jīvapitrka- 203
 jīváputra- 202
 jīvāse 150
 jīvātu- 161
 júvas- 150
 juṣ- 72, 78, 98, 307
 júṣṭi- 160, 218
 júhvāna- 343
 jū- 272
 jūtá- 272

jāti- 160
jūrṇi- 149
jī 282
jétva- 162, 346
jénya- 41
jéya- 175
jaitra- 143, 188
joṣa- 72, 78, 98, 118
joṣtár- 72
johūtra- 143
īñā- 320, 322
īñatī 160
jyā- 272, 304
jyā 75
jyaní 149
jyeṣṭhátati- 164
jyók 261
jyótiṣ- 151, 212
jyotiṣkṛt- 157, 200
jrayasāná- 147

tá- 23, 99, 252ff
táku- 176
takmán- 127, 128
takṣ- 78, 88, 91—92, 307, 319
tákṣan- 79, 134
taḍ- 309
tatá- 159
tatanúṣṭi- 155
tátas 158, 262
tāti 159, 160
tátra 262
táthā 262
tadā 24, 253, 262
tadānīm 262
taddhita- 49, 130
tan- 302—303, 318
tán- 120, 182
tána- 120
tánaya- 176
tánas- 182
tánā 182
tanú- 67, 172
tánaṣ- 182
tanū- 181—183, 192, 212, 238ff,
 252
tanūsubhra- 202
tántu- 161, 195

tantrī- 181
tandri- 148, 181
tan- 78, 302, 319
tanyatú- 179
tap- 308, 330
tápanī- 181
tápas 150
tapasvín- 136
tápuṣ- 151—152
tapyatú- 161
tamasá- 154
támisrā 131, 148, 181
tár- 55, 105, 133, 179
tára- 118, 119
táraṇa- 131
tarāṇi- 149
taráddveṣa- 204
taras 152
tarī 181
táriyas 153
tariṣāṇi 153
táruṇa- 144
taruṇayáti 339
taruṇāyáte 339
tarutár- 179
táruṭra- 143
táruṣ- 151
táruṣa- 155, 179
taruṣyáti 337
tarj- 273
tárdman- 125
tárhi 263
talina- 357
talpeṣayá- 201
tavás- 151—152
taviṣá- 154
táviṣī 155, 181, 338
taviṣiyáte 338
távyas- 153
tásara- 129
tasthivás- 152
tāḍaka- 357
tāmarasa- 357
tāmbūla- 353
táyú- 78
tárá- 118
tārā 78
táraṇa- 131

- tala(ka)-** 357
tālu 169
tāvaká- 252
tigitá- 158
tigmá- 74, 78, 166
tij- 78, 332, 336
títaü- 41, 169
titikšú- 336
tirás 83, 151, 261, 267, 268
tílámíśra- 202
tíśrás 78, 134, 191, 243
tíkṣṇá- 145
tīrṇá- 84, 105
tīrtvā 163
tīrthá- 47, 185
tivrá- 141
tu 265
tuccha- 90
tucchyá- 25
tud- 78, 281, 307, 321
tudánt- 137, 343
tubarī 357
túmra- 140
tur- 309
turá- 119
turaṇa- 337
turanyáti 337
turíā- 246
turya- 246
tuvara- 357
tuviśváṇi- 149
tuṣ- 308
tū- 300
tūrv- 179, 271, 307
tūrváṇi- 149
tūrváṇe 124, 211
tūrṇayaṇa- 148
tūrvi- 149
tūrvi- 174
tūla- 357, 360
tūṣṇīm 25
tṛṇa- 28, 106, 303, 306
tṛṇodaká- 205
tṛṭṭīya- 243, 246
tṛṭṭīyasavaná- 198
tṛd- 306
tṛdílá- 142
tṛp- 94, 302, 333
tṛpánt- 342
tṛṣú- 172
tṛṣṭá- 158
tṛṣṇáj- 187
tṛṣṇā 148, 181
tṛh- 91
tṛ- 78, 84, 101, 105, 168, 180,
 271—272, 282
téjas- 150
tejasvín- 136
tenivás- 343
toká- 41
tókman- 41, 166
tośás- 152
tyá- 255—256
tyajas- 152
trápu- 169
trayá- 247
tráyastrimśat 245
tráyodaśa 244
tras- 271, 273—274, 307, 333
trasádasyu- 204
trā- 272, 299, 308
trí- 67, 78, 190, 243
triṃśá- 247
triṃśát- 245
trídhā 247, 263
tridhātu 263
trivatsá- 203
trivít- 208
trís 247
tréṭa 190
traitāná- 190
tva- 255, 257
tvakṣ- 41, 88
tvadíya- 252
tvám 247
tvar- 333
tvaraṇá- 143
tvarita- 47
tváṣṭar- 95
tvíṣi- 170
dámṣṭra- 140, 143
damśána- 131
dákṣa- 154
dákṣas- 151
daksáyya 346

- dākṣiṇa- 24, 77, 88, 144, 258,
 267
 dakṣiṇatás 158, 262
 dakṣiṇatrā 262
 dakṣiṇā 264
 dakṣiṇāgni- 198
 dākṣu- 155
 dakṣús- 153
 dagdhá- 76, 86—87
 daṇḍa- 357, 360
 dátra- 131
 dádhi 25, 167, 208
 dánt- 86, 106
 dabh- 86, 91, 179, 302, 335
 dam- 105
 dáma- 41, 67, 98, 118
 damanyáti 337
 dámiya- 84, 176
 dayā 181
 darad 187
 daridrāti 299
 dartnú- 149
 darmá- 166
 darmán- 135, 166
 dárvi- 177
 darśatá- 106, 158
 darśana- 131
 dala- 80
 dáśa 67, 72, 164, 242, 244
 daśát- 156, 159, 163, 245
 daśatí- 156, 159, 163, 176
 dáśataya- 176
 daśamá- 166, 246
 daśasyáti 151, 154
 dasmá- 41, 166
 dásyu- 39, 42, 177
 dasrá- 41
 dah- 69, 76, 86, 87, 307
 dā- 24, 86—87, 90, 102, 105,
 282, 301, 309, 312, 320,
 330, 334, 335
 dākṣāyaṇa- 144, 188
 dátár- 105, 115, 184, 216, 228
 dátave 162
 dātivāra- 204
 dātu- 161
 dātrí 191, 239
 dādhṛvi- 177
 dánam 67, 122
 dānavā- 189
 dānu 41, 168
 dānupinvá- 201
 dāntá- 84, 105
 dāman- 127, 128, 135
 dāmane 124, 211, 340
 dāvá- 118
 dāváne 124, 150, 211, 340
 °dāvārī 135
 dāru 168, 189, 209, 213
 dārú- 172
 dāruṇá- 144
 dārśanika- 105
 dāśuri- 149
 dāśvās- 41, 152, 319
 dāsá- 28, 42
 dāsyāhputra- 200
 ditá- 179
 dína- 272
 dips- 35, 69
 div- 308
 divasá- 154
 dívā 264
 dívātara- 142, 145
 divit (mant-) 157
 divíyoni- 203
 dívodāsa- 200
 divyá- 175
 diś- 71, 91, 307, 318, 321,
 331
 díś- 182, 207, 208
 diśā 182
 dih- 69
 dídivi- 177
 di- 299
 dīp- 273, 332
 dīrhá- 67, 74, 84, 187
 dīrghatā 163
 dīrgháśmaśru- 202
 ducchúnā 89
 ducchunāyáte 338
 duradabhna- 201
 duroṇá- 144
 duvaná- 145
 dúvas 150, 152
 duvasyú- 177
 duṣ- 333

duh- 40, 69, 91, 298—299, 309,
 318
 duhādhyai 340
 duhānt- 343
 duhaná- 146, 343
 duhitár 85, 133, 229
 dūlābha- 91, 97
 dūtá- 158
 dūtyà- 171
 dūraká- 186
 dūraṅgamá- 119
 dūrvā 181
 dṛ- 331
 dṛṃh- 275, 333
 dṛṃhitár- 133
 dṛś- 55, 71, 98, 105, 168, 321,
 330
 dṛśatí- 160
 dṛśáye 170, 340
 dṛśāná- 344
 dṛśé 117, 340
 dṛśénya- 346
 dṛśád- 187
 dṛśtá- 105, 159
 dṛṣṭvā 163
 déya- 345
 devá- 10, 98, 106, 240
 devakilbiśá- 199
 devátā 163, 183
 devátāt(i-) 163—164
 devátta- 201
 devatrā 125, 262
 devatvá- 162
 devayájana 201
 devayáti 177, 338
 devayú- 39, 177
 devár- 98, 134
 devavandá- 200
 devaśás 263
 devastút- 157
 deváhūti- 199
 deví 39, 99, 183—184, 238
 deṣṭrá- 130
 deṣṇá- 145
 dehí 69, 98, 181, 183, 212, 238
 daívya- 188
 doṣá 181, 264
 dos 126, 150, 208

dóhas 150
 doháse 150
 dyukṣá- 154
 dyut- 272, 309, 331
 dyút- 117
 dyumánt- 139
 dyumná- 139, 145
 dyó- 144, 172, 216, 220, 236
 dyótana- 144
 dyotanā 148
 dyotaní- 149
 drapsá- 41, 154
 dram- 271—272
 dravá- 119
 dravát 261
 dravará- 140
 dráviṇa- 131
 dráviṇas- 151
 dravitnú- 149, 178
 drávya- 171
 draṣṭár 178
 drahyát 261
 drā- 271—272
 drāghmán- 166
 dru- 271—272, 314
 drugdhá- 76
 drughaná- 199
 drupadá- 199
 druḥ- 76, 273
 drúh- 86, 117
 drúhvan- 135, 138
 dvādaśa 244
 dvādaśá- 246
 dvār- 208
 dví- 242
 dviťá 183
 dviťya- 242, 246
 dvipád- 242
 dviśás 263
 dviṣ- 92, 298
 dviṣ- 89, 113, 117
 dvís 247
 dvéśas 113
 dvéṣya- 345
 dvaú 23, 242
 dhákṣu- 155
 dhána- 131

dhanajit- 200
 dhanañjayá- 201
 dhánasāti- 199
 dhanín- 136
 dhanu- 170, 181
 dhanutár- 179
 dhānuṣ- 151, 182, 214
 dhanū 181—182
 dhānvan- 124, 127, 151, 182,
 209, 214
 dham- 26
 dharúṇa- 144
 dharṇasí- 155
 dharṇi- 149
 dhartári 340
 dhártra- 129
 dhárma- 166
 dharman- 135
 dhā- 68—69, 86—90, 101, 102,
 105, 271, 281, 301, 307, 320,
 340
 dhātu- 161
 dhānā 25
 dhāman- 128
 dhāyase 150, 211
 dhārā 148
 dhārú- 149
 dhārmika- 188
 dhāv- 275, 307, 332
 dhāsí- 155
 dhik 266
 dhiyaṃjinvá- 201
 dhiṣaṇyāti 337
 dhí- 208, 238, 309
 dhīti- 160
 dhúni- 170
 dhūrvāṇe 124, 211
 dhū- 271, 282, 302, 332
 dhūti- 160
 dhūmá- 68, 98, 166
 dhūmrá- 142, 166
 dhūrv- 271
 dhūsara- 142
 dhṛ- 271, 318, 330
 dhṛti- 160
 dhṛṣ- 78, 281, 302, 321
 dhṛśáj- 187
 dhṛṣṭi- 160

dhṛṣṇú- 149, 264, 281, 302
 dhṛṣṇuyā 264
 dhēnā 148
 dhenú- 39, 149, 230
 dhénukā 186
 dhenumāti 184
 dhenuṣṭarí 198
 dhaurita- 122
 dhyā- 308
 dhrāji- 170
 dhru- 273
 dhruvā- 176
 dhruvi- 177
 dhvaní- 170
 dhvarás- 152
 dhvas- 271
 dhvasáni- 140
 dhvasmán- 128
 dhvasrá- 140

ná 24, 265
 nagná- 143
 nákt- 41, 74, 156, 159
 naktán- 213
 náktam 264
 naktayā 264
 nákti- 159, 213
 nakra- 357
 naks- 131, 271
 náksatra- 131, 185
 nakhá- 186
 naṭa- 93
 nadá- 119
 nadí- 174
 nadí 181
 naddhá- 68
 nantva- 346
 nápat- 98, 133, 156
 naptár- 133
 nabhanú- 148, 181
 nábhas 67—68, 150
 nabhasá- 154
 nábhya- 168, 171
 nam- 317, 331, 333
 namasáná- 147
 namasyāti 108, 179, 337
 námasvant- 214
 nár 82, 134, 229

narīṣṭa 155
 narmá- 166
 nárman- 166
 narmaṭha- 142
 nárya- 175
 nava- *сущ.* 79
 náva- *прил.* 67, 119, 265
 náva *числ.* 244
 navatí- 245
 navadāvá- 198
 navamá- 244, 246
 návā 83, 183
 naviṣṭi- 155
 návīyas 153, 184
 návyas- 153
 naś- 271, 312—313
 naśvara- 141
 nas- 307
 nás- 97, 208
 nasvánt- 139
 nah- 68, 308
 náhuṣ- 41, 132, 153
 nāga- 349
 nādyá- 189
 nānā 265
 nānānám 265
 nāndī 181
 nāpitá- 158—159
 nābhi- 16, 168, 170, 189
 nāman- 23, 27, 49, 67, 99, 192,
 209, 213, 218
 nāyá- 119
 nāyaka- 105
 nāsatya- 10, 31
 ní 268
 niṣ- 299
 nikaṣā 267
 niktá- 76, 159
 niḱṣ- 271
 nij- 76, 301, 321, 331
 nítyam 264
 níd- 307
 nidāghá- 76
 nidhí- 269
 nind- 307
 nindá 181
 nipāta- 49
 nibiḍa- 357

nimná- 145
 niyút- 157
 niráyaṇa- 269
 niravasita- 55
 níraṣṭa- 88
 nirukta- 43
 nirjhara- 91
 nírhasta- 130
 niṣadvará- 141
 nis 268
 nihāká 79
 nī- 40, 95, 315
 nícais 264
 niḍá- 35, 47, 90, 93
 nitá- 105
 níra- 357
 nīlalohitá- 206
 niloṭpalá 198
 nihāra- 79
 nu- 265, 331
 nū 265
 nūṭana- 145, 263
 nūṭna- 145, 265
 nūnám 265
 nṛtí- 170
 nṛtú- 172
 nṛpātí- 201
 nṛmná- 145
 nṛvánt- 139
 netrá- 130
 nédiṣṭha- 90, 153
 néma- 41, 255, 257—258
 neṣāni 340
 neṣṭar- 130
 neṣṭrá- 130
 nairhastá- 130
 nau- 232
 pakthá- 246
 pakvá- 176, 344
 pakṣá- 154
 pakṣati- 160
 pákṣas 151
 pákṣman 124, 142
 pakṣmalá- 142
 pakṣin- 136
 pañktí- 245
 pac- 75, 275, 307, 330

pacchás 89
 pajrá- 129
 páñca 67, 75, 243
 pañcathá- 246
 pañcamá- 246
 pañcāśá- 247
 pañcāśát- 245
 pañjara- 129
 paṭola- 357
 paṇ- 357
 paṇa- 357
 paṇḍita- 358, 360
 paṭ- 67, 178, 307, 309, 313,
 319, 333
 pataga- 187
 pátastra- 131, 185
 pátana- 131
 paṭará- 140
 paṭarú- 149
 páti- 98, 160, 210, 232, 234
 patti- 157, 160
 pátni 94, 232
 pátman- 124
 pátván- 124, 135
 pátsala- 131
 path- 71, 215
 pád- 86, 89, 103, 106
 padá- 120, 165
 padāti- 156, 160
 padvánt- 139
 pan- 41, 179
 panayāyya- 179
 pañāyya- 346
 panitár- 179
 pániṣṭi- 155, 179
 pányas- 153
 páyas 25
 paramá- 166
 paraśu- 80
 parás 261, 267
 parastāt 267
 parā 266, 268
 parāri 43
 pári 81, 261, 266, 268
 parítas 158
 pariṣanthín- 204
 pariṣadvalá- 141
 parihastá- 203

páriṇas 151
 pariṇasá- 154
 parut 43, 220
 páruṣ- 42, 151, 214
 paruśá- 42, 154
 páreta- 269
 paṇadhvas- 92
 pard- 81, 307
 párvata- 145
 párvan- 42, 124, 151, 214
 pársá 170
 paṛśāni 126, 149
 palasti- 155
 palālī 181
 palāva- 80
 pálikni 94
 palitá 80, 94, 130, 155, 158
 palli 358
 palvalá- 80, 141
 pávīrava- 177
 pávīru- 177
 paś- 79, 308
 páśu 75, 168—169, 209, 212,
 231
 paśú- 88, 97, 169, 209, 212, 231
 paśumánt- 139, 207, 211, 214
 paścá 219
 paścāt 219, 265, 267
 páśas 150
 pastyā 41
 pā- 71, 82, 83, 98, 105, 160, 307
 páṃsú- 25
 páṃsurá- 141
 páṃsulá 141
 pájas 41, 150—151
 páñcajanya- 176
 pátrahasta- 203
 páda- 104, 118
 pápmán- 127, 128
 pámán- 127
 pámaná- 128, 142
 pámará- 128, 142
 páyú- 42, 173
 páṛṣni- 81, 149
 páli- 358
 pálitya- 130, 188
 páśāná- 93
 páśyá- 93

pi- 271—272, 303
 piṭaka- 358
 piṇḍa- 358, 360
 pitār- 98, 99, 100, 105, 133,
 169, 207, 209, 210, 216, 228
 pitāputraú 205
 pitú- 41, 105, 161, 169, 212, 231
 pítrya- 175
 pinv- 271, 303
 pipilakapuṭa- 358
 písuna- 144, 272
 piṣ- 78, 273, 305, 318
 piḍ- 91, 273
 pītá- 105
 pītvá 163
 pīy- 272
 piyatnú- 149
 piyú- 172
 piyúṣa- 126, 155
 pívan- 98, 141, 176
 pívara- 141
 pívari 135
 pívas 112, 151
 pívasá- 154
 pums- 214
 puṅkha- 358
 puṭa- 358
 púṅyalakṣmīka- 203
 puttikā 358
 putrá- 143
 putraká- 186
 putrávant- 138
 putriyáti 338
 punar 261
 punarmanyá- 201
 punnāga- 358
 púr- 80, 83
 purandará- 201
 purás 83, 151, 261, 267, 268
 purástāt 262, 267
 purā 183, 267
 purāṇa- 147
 puriṣa- 155
 purú- 83, 172, 195, 230, 263
 púruṣa- 155
 puruṣáta 163
 puruṣatrā 126, 262
 puruṣamṛgá- 198

puruṣarājá- 199
 pulaka- 155
 pulasti- 155
 pulú- 172
 puṣ- 126
 puṣṭí 160
 pū- 98, 272, 316
 pūtá- 272, 305
 pūti- 98, 160
 pūrú- 155
 pūruṣa- 155
 pūrva- 84, 177, 258
 pūrṇá- 84, 105, 143, 272, 305
 pūrṇata 163
 pūrṇámāsa- 198
 pūṣaṇa- 145
 pūṣan- 126, 145, 169
 pūṣaryá- 126, 136
 prkṣá- 154
 prtanāyáti 338
 prthavāna- 148
 prthú- 70—71, 99, 172
 prthuka- 70
 prthvī 184, 239
 pṛdāku- 186
 pṛśni- 149
 pṛṣat- 156, 158
 pṛṣatá- 158
 pṛ- 44, 80, 81, 272, 282, 301,
 304, 334
 pētva- 162
 pōtar- 130
 potrá- 130
 paurukutsi- 188
 paúruṣeya- 188
 pyā- 272
 pyúḱṣṇa- 145
 prá 261, 266, 268
 prajāpatisṛṣṭa- 201
 prach- 90, 99, 270, 308
 pratara- 143
 práti 168, 261, 266, 267, 268
 pratidīvan- 134
 pratidoṣám 264
 pratiníśam 204
 pratíram 339
 pratisara- 187
 pratná- 145

pratnáthā 262
 pratyagni 204, 264
 pratyāñc- 208
 prath- 71, 272
 prathamá- 246
 prathimán- 124, 128, 178, 214
 prathíyas- 153
 pradakṣinít 158, 261
 prapitvá- 162
 prapyasá- 154
 prabhañgin- 269
 prayatadakṣiṇa- 202
 práyas 150
 prayúta- 246
 pravaṇá- 144
 praśna- 88, 270, 308
 prā- 30, 304
 prākṛta- 7
 práktāt 262
 prājāpatyá- 176
 prātár 122, 125, 221, 261
 prādús 261, 268
 práyas 261
 práśtū- 183
 priyá- 119
 priyádhāma- 166
 priyāyāte 338
 pri- 334
 pru- 81, 306
 pruṣ- 26
 preñi- 122, 149
 premán- 127
 plihán- 79, 80, 127
 plu- 81, 155, 174, 306
 pluti- 160
 plúṣi- 81, 155, 174
 psā- 272

phárvara- 129
 phalgú- 42, 181
 phāla- 70, 79
 phéna- 24, 70, 79

baka- 358
 badhirá- 141
 bandh- 69
 bándhu- 69, 170
 bandhúta 163

babhūvās- 152
 babhrú- 181
 babhruśá- 187
 barhaṇā 148
 barhíṣ- 25, 151
 bala- 358, 360
 baladāvan- 201
 balín- 184, 212, 238
 bahirdhā 263
 bahís 24, 97, 124, 261, 267
 bahú- 138, 172
 bahudhā 263
 bahúvrīhi- 202
 bahvī 192
 bādh- 180, 307, 341
 bāla- 180, 221
 bāhú- 69, 98, 110, 170
 bahya- 97
 bíbhrat- 343
 biḍāla- 349, 358
 birāla- 358
 bila- 358, 360
 bilva- 358, 360
 buddhá- 86
 buddhí- 87
 budh- 25, 69, 98, 307, 313,
 333
 budhá- 119
 budhná- 69
 bubudhāná- 147
 bṛṃh- 26
 bṛhánt- 137, 342
 bṛhaspáti- 197, 200
 bódha- 98, 119
 bradhná- 25
 bráhmañ- 114, 115, 124, 129,
 132, 135, 194, 209
 brahmán- 19, 114, 115, 129, 132,
 135, 194, 216
 brahmabhūya 171
 brū- 298, 300

bhaktá- 76, 88
 bhaktí- 160
 bhakṣ- 88, 271
 bhagná- 344
 bhañga- 25
 bhañgurá- 141

- bhaj- 35, 76, 88, 271
 bhañj- 95
 bhaṭṭa- 56
 bhaṭṭāra(ka-) 56, 93
 bhaṇḍ- 93
 bhādrapāpa- 205
 bhayā- 165
 bhāra- 25
 bharatā- 158
 bharādvāja- 39, 204
 bhārant- 137
 bhārantī 192
 bhariṣa- 154
 bharman- 124
 bhārv- 271
 bhāla 266
 bhāllūka- 349
 bhāvana- 112
 bhāvānt- 210, 252, 343—344
 bhāvamāna- 343
 bhas- 272
 bhasād- 187
 bhā- 69
 bhājana- 131
 bhānū- 149
 bhāma- 166
 bhārā- 118, 195
 bhārata-(i) 7
 bhārvarā- 141
 bhārman- 189
 bhāvya- 189, 345
 bhāṣ- 94
 bhāsurā- 141
 bhāsvārā- 141
 bhid- 305, 335
 bhidurā- 141
 bhidelīma- 167
 bhinnā- 143, 344
 bhīyās 151, 195, 209, 211
 bhīyāsāna- 147
 bhīśāj- 187
 bhīśajyāti 337
 bhī- 25, 271, 278, 282, 301, 334
 bhīmā- 165
 bhīrū- 149
 bhīṣā 155
 bhugnā- 143, 344
 bhuj- 95, 117, 275, 305
 bhujī- 170
 bhujīṣyā- 155
 bhujmān- 135
 bhujyū- 177
 bhur- 271, 333
 bhuraṇyā- 122, 337
 bhurīj- 187
 bhurvāṇi- 141, 149
 bhúvana- 39, 131
 bhuvantī- 123
 bhúvar 121, 123
 bhū- 40, 281, 306, 309, 311, 319,
 340
 bhū- 208, 217, 238
 bhūtvī 163
 bhūmán- 127, 128, 136, 151, 214,
 223
 bhūmi- 167, 175
 bhūmyā- 175
 bhūyas 153, 264
 bhūyasī 192
 bhūri- 149
 bhūrja- 72, 84
 bhūṣ- 309
 bhṛ 20, 67—68, 97, 301, 306, 331
 bhṛgavāṇa- 148
 bhṛtā- 158
 bhṛtī- 160
 bhṛthā- 185
 bhṛṣa- 99
 bhṛṣṭī- 41
 bhóga- 118
 bhogā- 119
 makṣ- 28
 makṣā 28
 makṣikā 28
 makṣū 78, 88, 261
 makhā- 186
 maghāvan- 135, 209, 215
 mañku- 358, 360
 majj- 90, 307
 majján- 25, 127
 mañaci 359
 maṇi- 175
 maṇigriva- 203
 mátasna- 131
 matī- 99, 160, 195, 216, 220, 231

matka- 252
 matsará- 142
 math- 216, 304, 338
 mad- 308, 333
 madirá- 141
 madīya- 252
 máderaghu- 202
 madgú- 90
 mádvan- 135
 mádhu 27, 39, 68, 84, 98,
 168—169, 174, 209, 213,
 218, 230ff
 mádhujhva- 202
 madhurá- 141
 madhulá- 141
 madhuhastya- 203
 mádhya- 98, 165, 168, 171,
 267
 madhyamá- 165—166
 mayūra- 359
 mayūraroman- 202
 man- 219, 272, 303, 335—336
 mánas 23, 150
 manasá- 154
 manasyáti 337
 manāvī 171, 236
 manīṣá 155, 181
 mánu- 155, 170
 mánuṣ 132, 153
 manojighrá- 201
 manoyúj- 200
 mántu- 161
 mantráyate 339
 mandayátsakha- 204
 mandasāná- 126, 142, 147
 mánman- 124
 manyū- 39, 177
 marica- 353
 márīci- 157, 186
 marút- 31, 157
 marḍitár- 179
 márti- 158
 márman- 125
 márya- 41
 maryaká- 186
 márṣa- 78
 mallikā 359
 malvá- 176

maṣi 359
 mastīṣka- 155, 186
 mastu 161
 máhar 121, 123
 mahánt- 137, 216
 mahas- 152
 máhá- 85, 185, 216
 mahāgrāmá- 198
 mahāvīrá- 198
 mahāadhaná- 198
 máhi 264
 mahimvaná- 162
 mahimán- 124, 127
 mahilā 359
 mahiṣá- 154, 349
 mā- 67, 301, 302, 334
 má 40, 52—53, 98, 279
 māmsiyáti 338
 mātaṅga- 349, 352
 mātár- 23, 67, 98, 110, 133, 191,
 229
 mātariśvan- 42
 mātftamā 166
 mātṛā 148
 māna- 119
 mānavá- 189
 mānasá- 154
 māmaká- 188, 252
 māmakīna- 252
 māyá 181
 māruta- 188
 mārjāra- 146
 mārḍiká- 188
 mālā 359
 mās- 90, 98
 máhina- 48
 mi- 272, 302
 miḱṣ- 271
 mít 117, 157
 mitrá- 10, 31, 143
 mitradhá 263
 mítṛávaruṇā 204
 mith- 272
 mithatī- 160
 mithás 151, 261
 míthu 261
 mithuná- 144
 miyédha- 41, 90

miśrá- 25, 271
 mih- 91
 mi- 272
 miḍhá- 41, 90
 miḍhūṣṭama- 166
 miḍhvás 152, 319
 mīna- 359
 mimāṃsā 336
 mukuṭa- 359
 mukula- 359
 muktā 359
 mukhatás 158
 muc- 26, 308, 330
 múni- 174
 muraja- 359
 muruṅgī 359
 muṣ- 338
 muṣiván- 135
 múhu 124, 261
 múhur 124, 145, 261
 muhūrtá- 124, 145
 múṣ- 67, 78
 mūrdhán- 127, 209, 212, 220
 mṛ- 330, 335
 mṛkṣ- 271
 mṛgáyate 339
 mṛj- 76, 88, 271, 299, 318—319,
 332
 mṛḍ- 179, 309
 mṛḍayāku 179
 mṛḍiká- 41, 88, 91, 179, 186
 mṛtá- 99
 mṛtyú- 177
 mṛtyubándhu- 199
 mṛtsna- 145
 mṛd- 272—273
 mṛdú- 99
 mṛdh- 273
 mṛdhas 150
 mṛś- 307, 318
 mṛṣ- 78
 mṛṣā 183
 mṛṣṭá- 76
 mṛ 272—273, 304
 meghá- 68, 74
 medhā- 35, 90
 medhirá- 142
 mnā- 272

mrit- 272
 mrádiyás- 153
 mláná- 143
 mluc- 273
 mlecchá- 7

 yá- 255, 257
 yákr̥t 67, 73, 121, 142, 207,
 208, 212
 yakṣá- 154
 yákṣma- 166
 yákṣman- 166
 yaj- 76, 77, 97, 104, 275, 319
 yajatá- 106, 158
 yájata- 143
 yajátha- 185
 yájamāna- 147
 yajás- 152
 yájuṣ- 151
 yajñá- 10, 97, 143
 yajñádhira- 202
 yájya- 39, 177
 yájvari 135
 yatamá- 258
 yatará- 257, 258
 yáti 159, 257
 yátra 258
 yáthā 257, 258
 yadā 257
 yádi 257, 263
 yantúr- 132
 yam- 307, 317
 yamá- 10
 yārhi 263
 yávamant- 139
 yávasa- 154
 yahú- 41, 138, 139, 176
 yahvá- 41, 176
 yahvánt- 114, 138, 139
 yásas- 114, 152, 194, 203
 yaśás- 114, 152, 194
 yaṣṭave 162, 340
 yaṣṭukāma- 341
 yas- 307
 yā- 272, 317, 335
 yāga- 77
 yāc- 273
 yācitár- 178

- yātanā 140
 yātar- 133, 191
 yāvānt- 257
 °yāvāri 135
 yu- 273, 299, 301, 306
 yukta- 76, 86—87
 yukti- 160
 yugā- 67, 86, 164, 240
 yugapad 261
 yugmā- 164, 218
 yuj- 76, 86—87, 273, 303, 306
 yuñjānt- 209
 yuñjānā- 343
 yudh- 308, 335
 yudhāye 170, 340
 yudhēnya- 346
 yudhmā- 166
 yúdhvan 135
 yuvatī- 215
 yúvan- 67, 134, 209, 215
 yuvaśā- 187
 yuvāku 186, 251
 yuvādatta- 251
 yuvām 247
 yuṣmāka- 250
 yuṣmādatta- 250
 yūthā- 185, 187
 yūpa- 187
 yūpadāru- 199
 yūyām 247
 yūṣ- 67, 208
 yōga- 118
 yodhā- 119
 yódhya- 175
 yóni- 149, 175
 yoṣit- 134, 157
 yós 19, 41, 150

 rāṃhi- 170
 rakṣ- 79, 271
 rákṣas 88, 152
 rakṣās- 152, 210, 216
 raḡhú- 81, 172
 raghuyā 264
 rajatā- 72, 158
 rajatapātrā- 198
 rájas 42
 rajasā- 154

 ráji- 170
 ráṇa- 131
 raṇvā- 176
 ránvan- 176
 ráti- 160
 rátna- 94, 131
 ratnadhātama- 166
 rátha- 70—71, 82, 122, 185
 ratharyāti 122, 140, 337
 ráthiya- 84, 176
 rathirá- 141
 rathí 183, 193, 238
 radāvasu- 204
 rabh- 335
 rábhya- 153
 ram- 317
 rayi- 170, 209, 212, 232
 raśanā 148
 raśmán- 127, 166
 raśmí- 167
 °rasā 181
 ráhas 264, 265
 rā- 131, 302
 ráj- 19, 67, 82, 89, 98, 116
 rájan- 19, 67, 82, 98, 104,
 134, 189, 210
 rājarṣi- 198
 rājaputrā- 199, 202
 rájāyāte 338
 rájīva- 177
 rájñi 19, 239
 rájya- 19, 171, 175
 ráti- 160, 161
 rátin- 161
 rátri 148
 ráyaspośa- 200
 raṣṭrá- 130
 raṣṭradipsú- 201
 rāsabhā- 187
 riktā- 73
 rikthā- 185
 ric- 73, 77, 80, 99, 305—306,
 313, 321
 rít- 157
 rip- 81, 273
 ripú- 172
 riprā- 129
 rih- 80, 81, 91

rī- 305
 ru- 273
 rukmá- 166
 ruksá- 154
 ruc- 74, 179, 273, 309
 rucá- 119
 rúci- 167—168, 170
 rucirá- 142
 ruj- 273, 307
 rujá- 118
 rud- 272, 274, 300
 ruddhá- 87
 rudh- 68, 87, 305, 307
 rudhirá- 67—68, 81, 82, 98, 141
 rup- 82, 273
 ruvaṇyáti 337
 rúśant- 74, 137, 273
 ruh- 68, 307, 310, 334
 rūkṣá- 154
 rūpaká- 186
 re 266
 réknas 112, 151
 reṇú- 170
 rétas- 151
 reṣmán- 127
 raí- 19, 81
 roká- 118
 róga- 118
 rocá- 118
 rocí- 168, 179
 rocíṣ- 101, 151, 168, 179, 317
 rocíṣṇú- 178
 ródasī 41
 rópi- 170
 róman- 124
 romaśá- 187
 róhita- 68, 82
 rohiṣyai 155

 lakṣá- 246
 lakṣmī- 39, 167, 181
 laghú- 67, 73, 81, 172
 lajj- 82
 labdhá- 86
 labh- 275
 lard- 61
 lavaṅga- 57
 lavaṅá- 79, 144

laṅgala- 353
 lālā 359
 lip- 81, 273, 308
 lih- 72, 76, 81, 88, 91, 299
 li- 273, 304, 332
 liḍhá- 76
 lup- 82, 273, 308
 lubh- 67, 80
 lulāya- 349
 loká- 98
 lóhita- 68, 82

 vámsaga- 187
 váktva- 162, 346
 vakrá- 140
 vakṣ- 136, 271
 vakṣátha- 185
 vagvaná- 144
 vagvanú- 149
 vac- 77, 87—88, 313, 319
 vácana- 144
 vacaná- 143
 vácas- 110, 112, 114, 150, 195
 vacasá- 154
 vájra- 28, 29, 140
 vájrabāhu- 203
 vaṇij- 187
 vatsá- 154
 vatsatará- 142
 vad- 101, 319, 334
 vadh- 316
 vadhá- 119
 vádhatra- 131, 185
 vadhánā 121, 148
 vadhar 121, 122, 140, 149
 vadharyáti 122, 337
 vadhasná- 145
 vadhasnú- 149
 vadhū- 181
 vádhri- 41, 149
 van- 303, 335
 vān- 117, 120
 vána- 117, 120
 vanád- 187
 vanánā- 148
 vananvant- 121
 vanar° 121, 140
 vanargú- 121

vānas 150
vānaspāti- 200
vaniṣṭhú- 155
vanúṣ- 153
vanuṣyāti 179
vānya- 84, 175—176
vap- 104, 319
vāpra- 140
vāpuṣ- 151—152
vāpuṣa- 155, 188
vam- 281, 300
vamraká- 186
vayám 247
vayúna- 131
vara- 118
varatrā 187
varāha- 28, 187
varimán- 124, 128
várivas 151—152, 178
varimát 125, 137
várīman- 128, 153
váruṇa- 31
váruṭra- 302
várūtha- 185
váreṇya- 144, 346
vartaní- 149
vartīṣ- 151
vartman- 124
várdha- 119
vardhitár- 178, 179
várdhra- 187
várman 124
váṣṣiyas- 78
váṣṣman- 78, 127
vaṣṣmán- 127
valaya- 359
valgú- 172
vallī 359
vaṣ- 87, 88, 93, 298
váṣṭi- 160
vas- 89, 92, 275, 299, 300, 308,
319
vasatí- 160
vásana- 28
vasantá- 123, 145
vasar° 121, 123, 140, 145, 189,
209
vásiṣṭha- 95
vāsīyas- 95
vásu 95, 168—169, 174
vasútā 163
vasútāti- 164
vasūyāti 338
vasūyá 339
vasūyú- 177, 339
vástu 161, 234
vástra- 130
vasná- 41
vasnayāti 338
vásman- 124, 125
vásyas- 153
vah- 24, 67, 76, 89, 91, 275,
307, 319
vahát- 156
vahatú- 161
váhni- 42, 149
vā 265
vāgurá 148
vāgmín- 136
vāghát- 156
vāc- 67, 77, 89, 98, 116, 117,
195, 208
vācya- 175, 345
vāja- 41
vājayú- 39
vājina- 131
vātyā 182
vānara- 121, 140
vāpuṣá- 155, 188
vām 251
vāmá- 166
vāyavyá- 188
vāyasá- 154
vāyú- 210
vāra- 119
vārabāṇa- 44, 57
vāri 39, 167, 209, 213, 230, 233
vārya- 189
vāvá 266
vāvṛdhádhyai 341
vāhá- 119
vāhas- 150
vāsá- 119
vāsantiká- 188
vāsará- 140, 189
vāsas 150, 189

vāstu 161
 vāsteya- 188
 ví 266, 268
 ví- 172, 236
 viṃśá- 247
 viṃśatí- 245
 viṃśatitama- 166
 vikaṭá- 93
 viklava- 94
 vij- 273
 viṭhuryáti 337
 vid- 67, 70, 87, 98, 110, 298,
 305, 308, 313, 319, 325, 331
 vidmanāpas- 202
 vidmáne 150, 211
 vidyá 181
 vidátha- 185
 vidádvasu 204
 vidurá- 141
 vidvalá- 141
 vidvas- 214
 vidháva 68, 177
 vidhú- 172, 177
 vinā 24, 267
 vip- 273
 vipanyā 122, 140
 vipanyú- 122
 vipāś- 89
 vipula- 44, 81
 vípra- 106, 140
 viprúṣ- 88—89, 90, 92
 vibhāvasu- 152
 vibhr̥tra- 143
 vibhvan- 134
 virāṣāṭ 95
 virúkmant 139
 vivásvan- 124, 138
 vivásvant- 10, 138
 viś- 123, 145, 301, 307
 víś- 35, 71, 89, 228
 viśámāna- 343
 viśya- 176, 190
 viśpáti- 25, 197, 199
 viśva- 258
 viśvákarma- 166
 viśvajít- 157
 viśvátha 262
 viśvadānīm 263
 viśvádhá 263
 viśvaminvá- 201
 viśváha 263
 viśa- 78, 119
 viśuṇa- 144
 visra- 78
 viḍu- 41
 vitáye 340
 virá- 82, 98
 virájāta- 199, 201
 vṛ- 302
 vṛka- 23, 28, 98, 99, 106, 119,
 160, 185, 218
 vṛkāti 160
 vṛkátāt- 163
 vṛkí 39, 212, 237
 vṛkká- 28
 vṛkśá- 154
 vṛjana- 131
 vṛjiná- 144
 vṛt- 67, 81, 105, 275, 307, 321,
 332
 vṛt- 157
 vṛttá- 99, 159
 vṛtrá- 143
 vṛtrahán- 200, 207, 208
 vṛddhá- 87
 vṛddhi- 160
 vṛdh- 275, 333
 vṛdhá- 119
 vṛdhánt- 41
 vṛdhasáná- 147
 vṛdháná- 44
 vṛṣaṇyáti 338
 vṛṣan- 136, 142
 vṛṣabhá- 187
 vṛṣasyáti 337
 vṛṣákapi- 198
 vṛṣāyáte 338—339
 vṛṣṭí- 93
 vṛṣṇí- 149
 vétana- 131
 vetasá- 154
 véda- 98, 118, 319
 ven- 41
 vená 181
 vepáthu- 185
 vehát- 156

veśantá- 123, 145—146
veśás- 152
veśána- 131
vai 266
vaiśyá- 190
vyac- 301
vyath- 272, 273
vyáthiṣ 151
vyadvará- 141
vyadh- 308, 320
vyāghrá- 349
vratá- 25
vratacārín- 201

śámstar- 130
śak- 144, 303, 335
śakala- 359
śakuná- 25, 144
śakúni- 145
śakúnta 145
śákṛt 121, 208
śákti- 160
śagmá- 166
śaṅk- 71
śaṅkā 181
śaṅkú- 170
śaṅkhá- 70, 186
śáci 181
śacivasu- 152
śaṭha- 359
śatagvín 203
śatatama- 247
śatám 17, 27, 71, 246
śataśás 247, 263
śátru- 210
śatrutvá- 162
śad- 97
śánakais 264
śántāti- 164
śantivá- 177
śapátha- 185
śápha- 70, 186
śaphara- 25
śam- 300
śám 117
śáma- 41
śámi 167, 181
śámi 181

śáyú- 172
śayutrá 262, 263
śarád- 72, 187
śarabhá- 28
śáru- 170, 176
śardha- 75
śardhañjaha- 201
śarvá- 176
śárvarī 135
śalabhá- 187
śalākā 30
śalka(la-) 359
śalyakṛntá- 201
śava- 360
śavasāná- 147
śavasín- 136
śavasí 155
śaśá- 95
śaśayá- 138, 176
śáśiyas- 138, 176
śáśvant 138, 176
śas- 80, 90, 95, 271—272
śāsana- 80
śastrá- 130
śā- 272, 301, 302, 309, 312
śāka- 25
śākiná- 144
śākvará- 141
śákhā 70, 181
śāntá- 84
śānti- 160
śāpa- 25
śārdūla- 349
śās- 90, 95, 299
śāstrá- 130
śikvá- 176
śíkvan- 176, 214
śíkvas- 152
śithirá- 47, 141—142
śithilá- 47, 142
śitá- 101, 179
śípra 41
śíphā- 181
śíras- 83, 84, 150, 208, 213
śirogrivá- 206
śíśu- 177
śíśná- 272
śi- 71, 298, 299

śighrá- 187
 śītoṣṇa- 206
 śībham 187
 śīrsān- 84, 223
 śukrá- 141
 śuklá- 141
 śuc- 272—273, 300
 śucá- 118, 119
 śucádratha- 202
 śucámāna- 344
 śúci- 174, 192, 216, 230
 śucitvá- 162
 śuná- 41, 89
 śundhyú- 177
 śubh- 272, 273, 309
 śubhrí- 149
 śúbhvan- 135
 śuśukvaná- 144
 śuśukváni- 149
 śuśruvás- 152
 śúṣka- 78, 95, 186
 śuṣmáya- 176
 śū- 272, 309
 śūka- 28, 29
 śúdrá- 42
 śūnyá- 72
 śūra- 140
 śūrpa- 360
 śūṣá- 154
 śfúga- 187
 śṛṇvánt- 343
 śṭ- 304
 śóka- 118
 śocí- 168
 śocíṣ 151, 168
 śobháse 150
 śoṣa- 78, 98
 śnath- 272, 300
 śmáśru- 75, 95, 149, 168
 śmaśruṇá- 141
 śmaśrulá- 141
 śyámá- 25, 166, 176
 śyāvá- 25, 166, 176
 śyetá- 41, 158
 śyéní 158
 śrath- 47, 272
 śratharyáti 122, 337
 śraddhā- 19

śraddhivá- 177
 śram- 74, 308
 śrávaṇa- 104, 144
 śrávas 71, 80, 150
 śravāyya- 346
 śri- 80, 272, 314
 śru 52, 71, 81, 104, 106, 271—
 272, 274, 281, 302, 304, 318,
 335
 śrutá- 98, 104, 106, 159, 302, 344
 śrútya- 345
 śrus- 271
 śruṣṭiván- 135
 śréṇi- 149
 śreniśás 263
 śréyas- 214
 śroṇá- 144
 śroṇi- 71, 80, 149
 śrótra- 130
 śrómata- 131
 śroṣamāṇa- 75
 ślakṣṇá- 80, 95, 145
 śliṣ- 95
 śleṣmán- 95, 142
 śleṣmaṇa- 142
 śleṣmaḷa- 142
 ślóka- 81, 186
 śloṇá- 144
 śvan- 71, 134, 209, 349
 śvanín- 136
 śvábhra- 129
 śvášura- 75, 95, 141
 śvásrú- 181, 238
 śvas- 180, 300
 śvás 261
 śvi- 272, 309
 śvit- 25, 272
 śvitici- 186
 śvítina- 143
 śvitrá- 140
 śvetanā 122, 140
 śvetra- 122

 ṣaṭ 95, 244
 ṣaḍḍhá 91
 ṣaṣṭí- 245
 ṣaṣṭitama- 247
 ṣaṣṭha- 246

- ŝódaŝa 244
 ŝoḍhá 91
 sa 252 ff
 saṃvatsará- 142
 saṃskṛta- 7
 sakṣt 242
 sáktu 161
 sákthi 167, 220
 sakṣa- 154
 sakṣáṇi 149
 sákhi- 105, 130, 171, 175, 185,
 210, 216
 sakhyá- 130, 171
 sakhítvaná- 162
 sakhīyáti 338
 sagh- 271
 saṃgamá- 119
 sac- 75, 89, 103, 185, 275, 301,
 307
 sacátha- 185
 sácā 183, 186, 267
 sáci 168, 175
 saciva- 177
 sattrá- 87, 130
 satyá- 175
 satyátati- 164
 satyavādín- 201
 satyanṛtá- 206
 satyāvan- 135
 sátvan- 30, 138, 145
 satvaná- 144, 145
 satvánt 138
 sad- 85, 90, 104, 186, 307, 313,
 319, 335
 sádana- 131
 sadandi- 187
 sádám 165
 sádas 97, 103, 150
 sádā 183
 sadāpṛṇa- 201
 sadívas 261
 sádman- 135, 165
 sadmán- 135
 sadyás 261
 sadháŝtha- 85
 sádhiṣ- 186
 san- 84, 303, 335
 sána- 67, 97, 119
 sanaká- 186
 sanáj- 187
 sanat 158
 sanaya- 176
 sánara- 129
 sanāt 219, 265
 sanātána- 145
 saní- 170
 sanitúr 261
 sánitva- 162
 sanítvan- 124
 saniṣyáti 179
 saniṣyú- 179
 sánutar- 179
 sanutár 125, 143, 261
 sánutara 143
 sányas- 153
 sap- 41, 123
 sapadi 265
 saparyáti 41, 123, 337
 saptá 99, 244
 saptatí- 245
 saptathá- 246
 saptamá- 166, 244—246
 sápti- 160
 sapsará- 142
 sabardúgh- 121
 sám 267—268
 sama- 255, 258
 samá- 242, 254
 samajyā 181
 sámana- 131, 147
 sámanas- 242
 samám 267
 samáyā 267
 samaha 263
 samāná- 147, 242
 samít- 157, 159
 sámíti- 159
 samīpe 267
 samuṣyalá- 142
 samrájñī 184
 sar- 78, 272
 sarágh- 187
 saranyáti 337
 sarátham 267
 sarasí 155
 sarít- 157, 272

sarirá- 142
 sárga- 77
 sarpíṣ- 80, 151
 sárma- 166
 sárva- 177, 258
 sarvátas 158
 sarvátat(i) 163—164
 sarvadá 262
 sarvanāman- 49
 sarvavedasá- 203
 sarṣapa- 353
 sadilá- 142
 sávitave 161—162
 savyá- 25
 saścát- 156
 sas- 12, 298, 301
 sasthāvan- 141
 sasvár 123, 261
 sasvartā 183
 sah- 76, 91, 335
 sahá 263, 267
 sáhadhyai 187, 340
 sáhas 150
 sahasāná- 147
 śahásra- 246
 sahasraśas 263
 sáhuri- 149
 sahobhári- 201
 sáhyas- 153
 sáhyu- 177
 sākām 267
 sākṣāt 265
 sādha- 76
 sātá- 84, 105
 sātáye 340
 sādá- 104, 119
 sādḥ- 302
 sādḥú- 172, 266, 302
 sānasí- 155
 sānu 168, 189, 230
 sāndra- 25
 sā- 82, 83, 179, 272, 309
 sāmaná- 128
 sāmi- 98, 261
 sāmavipra- 202
 sāmidenī 144
 sárdhám 267
 sāvá- 119

sāhá- 119
 sāhvás- 152, 319
 si- (см. также sā-) 179, 272
 sic- 273—274, 308, 312
 sita- 179
 sitá- 43, 101, 179
 síndhu- 71, 85, 170, 186
 simá- 255, 258
 sim- 252
 sīmán- 145
 simánta- 145
 simikā- 360
 su- 173, 190, 270, 273, 302
 sutárman- 30
 sūtvan- 135
 sunvánt- 209
 sunvāná- 343
 suptá- 73
 sumānas- 130, 192, 216
 sumná- 145
 sumṇayá- 264
 suyaśas- 203
 sura- 43
 sūrā- 28, 148, 181
 suruṅgā- 57
 suvāśas- 116
 súśiśvi- 177
 suṣṭhu- 266
 sū- 149, 159, 307, 319
 sūtá- 158—159
 sūtave- 161
 sūtu- 161
 sūtra- 130
 sūrí- 149
 sūnú- 23, 67, 99, 149, 230ff, 237
 sūrya- 31, 80, 175
 sūryatejas- 202
 sūryatejás- 202
 sūrmí- 167, 181
 sṛkvan- 124
 sṛkvin- 124, 167
 sṛj- 76, 77, 307
 sṛṇi- 149, 175
 sṛṇí- 181
 sṛṇya- 175
 sṛtvan- 135
 sṛtvara- 141
 sṛp- 67, 82, 275, 307

- sṛmará- 142
 sṛṣṭá- 76
 sétu- 28, 161
 sēnā- 10, 23, 99, 148, 237
 sevā- 181
 sairibha- 349
 soḍhá- 76
 sótari- 340
 sótu- 161
 sóma- 10, 166
 somán- 135
 somapāvan- 201
 sómasuti- 199
 somyá- 175
 saúbhāgya- 171
 saumanasá- 130, 190
 saumyá- 188
 skabh- 304
 skhad- 79
 stan- 101, 179, 300, 306, 308
 stána- 95
 stanayitnú- 78, 101, 149, 179
 stanasyāti- 337
 stanitá- 179
 stabhūyāti- 338
 stár- 133
 starí- 181
 stāyánt- 78
 stāyú- 78
 stigh- 42, 68, 74
 stīrṇá- 272
 stu- 91, 273, 299
 stúkā- 187
 stút- 117, 157
 stutí- 160
 stubh- 273
 stúbhvan- 135
 stúpa- 187
 stṛ- 78, 272, 302
 stená- 78, 143
 stotrá- 130
 stóma- 166
 styāná- 47
 sthag- 67, 70, 74, 307
 sthapāti- 160
 sthāla- 129
 sthā- 70, 98, 101, 102, 105, 278,
 301, 307, 311, 320, 334—335
 *sthātar 125, 132, 194
 sthātár- 125, 132, 194
 sthātrá- 130
 sthāvaná- 141
 sthāvará- 141
 sthirá- 101, 142
 sthitá- 100, 101, 179
 sthiti- 101
 sthūnā- 94, 148
 sthūrá- 141
 sthūlá- 141
 sthūlabhá- 187
 sthēman- 101
 sthēyān- 101
 snā- 98
 snātvā- 163
 snāyu- 169
 snāvan- 123, 124
 snuṣā- 98, 192
 snuh- 68
 spás- 78, 89, 117, 208
 spūrdháse- 150, 211
 spr- 273
 sprdh- 273
 sprs- 307
 sprh- 273, 309
 sprhā- 181
 sphigī- 181
 sphij- 187
 sphirá- 142
 sphūrj- 70
 sphyá- 70, 79, 187
 sma 266
 smad- 261
 syá- 253, 255—256
 syand- 71, 85, 186, 273
 syūman- 124, 128
 syoná- 42, 144
 sraṃs- 130
 sragvín- 136
 sráj- 187
 sravát- 156
 sravátha- 185
 srastara- 130
 srāmá- 25, 166
 sru- 82, 272, 306
 srutá- 159
 srutí- 160

sruvâ- 176
 srótas- 112, 151
 svadhâvan- 135
 svan- 271, 306
 svap- 180, 273, 300, 320
 svapanâ- 143
 svâpna- 47, 73
 svapnayâ- 264
 svayâm 251
 svar- 271
 svâr- 123, 213
 svarî- 174
 svâru- 170
 svâvas- 215
 svâsar- 23, 28, 134, 191, 229
 svâdiṣṭha- 154
 svâdû- 98, 172
 svâdukṣâdman- 201
 svâdman- 124, 127
 svâdmân- 127

ha- 266
 haṃsâ- 97, 154
 hatâ- 99, 104, 159
 han- 34, 69, 73, 75, 76, 104,
 105, 106, 276, 298, 320—321,
 331
 hânu- 170
 hânta 265
 hântar- 265
 hântavai- 162
 hântos 162
 hântva- 162
 hânman- 125
 hâras- 42, 76, 150
 hâri- 174
 harît- 157
 hârîta- 157—158
 hariṇâ- 144
 hârîṇi- 158
 harimân- 127
 harimantha- 57
 harmuṭa- 142, 145
 harmyâ- 142
 hary- 42
 hâva- 118
 hâvana- 105
 havirâd- 200

havirâdya- 171
 havîṣ- 151, 183, 238
 hâvîman- 128
 hâvyâ- 175
 havyâ- 84
 havyavâh- 208
 hala- 353
 hâlikṣṇa- 145
 has- 103
 hasanâ- 148
 hâsta- 72
 hastâkṛta- 201
 hastîn- 349
 hasrâ- 140
 hâ- 119, 271, 302
 hâs- 271
 hâṭaka- 93
 hârdi- 167
 hâsa- 104
 hi- 303
 hí- 265
 himsâ- 181
 himsitavyâ- 345
 hitâ- 68
 hitvî 346
 hintâla- 360
 hin- 303
 himâ- 34, 72, 166
 himâ- 167
 hiraṇya- 10, 28, 84, 93
 hiraṇyakeśya- 203
 hiraṇyâya- 176
 hiraṇyarathâ- 199
 hiḍ- 91
 hu- 300, 325
 huḍukka- 360
 huvanyâti- 337
 hû- 25, 76, 105, 307, 309,
 331
 hûtâ- 105
 hr̥ṇâyâ- 338
 hr̥ṇiyâ- 338
 hr̥ttâs 262
 hṛdaya- 171
 hṛdayâvidh- 200
 hṛdroga- 57
 hr̥ṣ- 308
 hetû- 161

heman 98
hemantā- 72, 98, 145
heramba- 349, 360
hēṣas- 150
hōtar- 10, 130, 133
hotṛvūrya- 171
hotrā- 130
hōtrā- 148
hóma- 166
hóman- 105

horā- 44
hyás 261
hyastana- 145
hradā- 95
hrasvá- 176
hrādúni- 149
hrī- 301
hrut- 157
hvar- 301

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
I. Санскрит и индоевропейский	7
II. Очерк истории санскрита	37
III. Фонология	66
IV. Образование имен	112
V. Склонение имен	207
VI. Числительные, местоимения, несклоняемые части речи	242
VII. Глагол	270
VIII. Неарийское влияние на санскрит	348
Избранная библиография	363
Примечания	367
Указатель	375

Т. Барроу
САНСКРИТ

Редактор *Н. Т. Беляева*
Художник *И. Н. Клейнгард*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технические редакторы *Р. Ф. Медведева, Т. И. Юрова*

Сдано в производство 26.02.75.
Подписано к печати 30.04.76.
Бумага 60×90^{1/16} тип. № 1.
Бум. л. 13,0. Печ. л. 26,0.
Уч.-изд. л. 27,65. Изд. № 9254.
Цена 1 р. 98 к. Заказ 187. Тираж 4000 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградской типографии № 2 имени Евгении Соколовой
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 198052, Ленинград,
Л-52, Измайловский проспект, 29
с матриц ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М 64, Валовая, 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС“

готовит к печати:

ЛАНГЕНДУН Д. Т. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПОРОЖДАЮЩИХ ГРАММАТИК *(на материале синтаксиса английского языка)*. Перевод с английского

Книга Лангендуна посвящена теории трансформационных порождающих грамматик, вызвавшей интерес в мировом языкознании. Идеи книги изложены ясно, последовательно и компактно, дополнены русским иллюстративным материалом.

Рекомендуется: специалистам по общему языкознанию и английскому языку, по языкам программирования, информационно-поисковым языкам, работникам в области автоматического анализа и синтеза текста, а также студентам-филологам в качестве учебного пособия по общему языкознанию.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС“

готовит к печати:

СОСЮР Ф. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ. *Перевод с французского.*
Серия „Языковеды мира“

Лингвистические труды знаменитого швейцарского языковеда Фердинанда де Соссюра определили развитие науки о языке в XX столетии. На русском языке впервые издается полное собрание его работ. До настоящего времени советский читатель был знаком только с переводом «Курса общей лингвистики» (издан в 1933 г.), уже давно ставшим библиографической редкостью. Для данного издания этот перевод пересмотрен и уточнен. Кроме того, сборник включает знаменитый «Мемуар» Ф. де Соссюра, положивший начало разработке методологических положений современного учения о языке, а также статьи о литовском и греческом языках.

Рекомендуется: языковедам, философам, преподавателям и студентам.

